

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

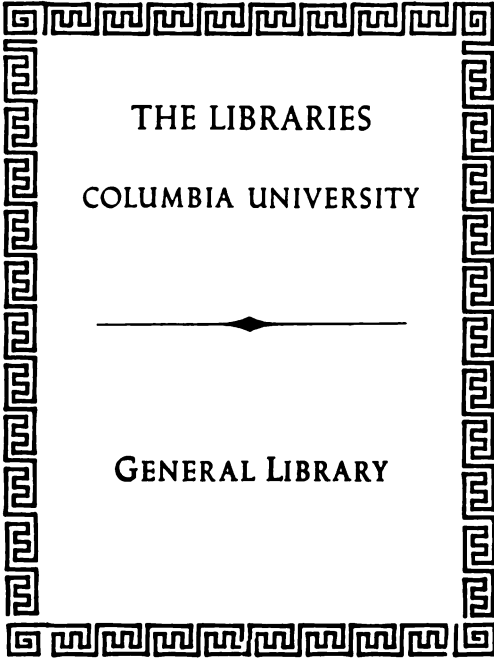
Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

THE LIBRARIES
COLUMBIA UNIVERSITY

GENERAL LIBRARY

9 (= 92.4)

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ

отъ

ЗАКЛЮЧЕНІЯ ТАЛМУДА ДО ПРОЦВѢТАНІЯ ЕВРЕЙСКО-
ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Профессора Греца.

Переводъ съ нѣмецкаго.

ТОМЪ I.

Изданіе М. Я. Хашкеца.

МОСКВА.

Типографія С. Лисснеръ и Ю. Ромънъ, на Арбатѣ, въ домѣ Карянской.

1881.

27/6/81

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ.

DK
С. 338
Г. 30

9/92.4/
m

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ

отъ

ЗАКЛЮЧЕНІЯ ТАЛМУДА ДО ПРОЦВѢТАНІЯ ЕВРЕЙСКО-
ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Профессора Греца.

X

Переводъ съ нѣмецкаго.

Изданіе М. Я. Кашкеса.

~~27166/0~~

МОСКВА.

Типографія Э. Лисверъ и Ю. Ромъвъ, на Арбатѣ, въ домѣ Каринской.
1880.

DS
117
.68
1880

03
V15110
K

~~Handwritten scribble~~

MAY 31 1968

ИМЕНА ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ.

БѢЛОСТОКЪ.

Булковштейнъ И.
Волковыскій Б. (10 экз.)
Волковыскій (сынъ.)
Зильбербергъ Dr.
Новинскій В.
Перлицъ Д.
Ясиновскій.

ВАРШАВА.

Бліохъ И. С.
Брандгендлеръ М. М.
Гейзе В.
Заменгофъ М. О. Dr. (2 экз.)
Инссензонъ Д.
Кушеръ М.
Регельманъ И.
Регельманъ С. И.
Тахауэръ А. И.
Узданскій С. (2 экз.)
Эренбургъ Г. Г.

ВИЛЬНО.

Выгодскій Е. М.
Вербловскій М. А.
Гурвицъ Е.
Дембо О. А.
Лебенсонъ А. Б.
Мееровичъ С. Б.
Раговинъ
Фрумкинъ Н. Я.
Хашнесь С. Д.
Хашнесь З. С.
Ширвиндъ И. Л.
Эліяссонъ С.

ВИТЕБСКЪ.

Будняцкій З. М.
Гольперинъ М. И.
Керлинъ З.
Розенфельдъ И.

ГОМЕЛЬ.

Утескій Л.

ДИНАБУРГЪ.

Баронъ Д. А.
Гольдбергъ Э.
Дунскій М.
Зильберманъ И. Я.
Капланъ М. С.
Нашатырь И. Я.
Ратнеръ Л.
Соболевъ
Фейгинъ С. Н.
Фридландъ М. М.
Шацнесь, Іосифъ.
Штейнбергъ Г.
Шварцъ И. Л.
Ярхи.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ.

Волкъ О. С.
Гуровичъ И. Я.
Джигитъ Д. О.
Джигитъ И. О.
Зевинъ Б. Д.
Кравцовъ Б. М.
Шаферманъ І. В. (10 экз.)

ЖИТОМІРЪ.

Розенбергъ И.

ИРКУТСКЪ.

Воллернеръ А.
Лейбовичъ Л. О.

КІЕВЪ.

Аренштейнъ Б.
Аренштейнъ Н. Б.
Айвазъ
Бродскій Л. И.
Бродскій Л. И.
Бродскій Л. А.
Бориспольскій Бр.
Бернштейнъ А. П.
Бернштейнъ Б. (Винница)

Вейнштейнъ И. М.
Вольфсонъ Ф.
Горовицъ М. И.
Гуревичъ Е. Т.
Гарнови Г. О.
Гинцбургъ А. Н. (Сибло)
Гребенъ М.
Заксъ Р.
Зайцевъ І.
Куперникъ А. А.
Наценеленсонъ Б.
Корецкій.
Мерпертъ Г. Е.
Миндлинъ И. А.
Ноткинъ Б.
Попандопуло В. Н.
Родштейнъ З. А.
Симховичъ Х.
Фихтенгольцъ С. Я.
Шульманъ
Шварцъ А.
Шперъ П. З.

КАРАЧЕВЪ.

Левитонъ Г. И.

КЕРЧЬ.

Бродскій Д. Л.
Гальперинъ І. Л.

КОВНО.

Шапиро М. В.

КОНОТОПЪ.

Гольдмержштейнъ М. Л.

КУРСКЪ.

Бужманскій О. Ф.

ЛИБАВА.

Гордонъ Dr.
Шапиро А. М.

ЛОДЗЬ.

Дылюнъ Г. Д.
Рубиновичъ М.

МОСКВА.

Аскиази М. Л.
Альтманъ А.
Аронтрихеръ И. М.
Андреевъ А. В.
Бѣлкинъ Р. Д.
Берлинъ Х.
Берлинъ Э.
Браунштейнъ Г. М.
Высоцкій В. (3 экз.)
Выдринъ Л. П.
Волпянскій Л. С. (Калуга)
Вейнтраубе А.
Горховеръ М. Ф.
Габерфельдъ И. М.
Гальберштадтъ И.
Герценбергъ Э. О. (10 экз.)
Гилль М. Я.
Горовицъ Ф.
Гуревичъ П. С. (Ст. Осколь
курской губ.)
Гранатъ І.
Даненгиришъ бр.
Де-Грегорио
Зубовъ В. П.
Зансъ З. Я.
Зедигъ
Коганъ М. И. (3 экз.)
Канъ Д. Г.
Каминеръ В. М.
Кальфе І. И.
Каминке П. А.
Кальверъ М. И.
Корець А.
Корець І.
Ладыженскій А. А.
Лазаревъ М. Л. (3 экз.)
Левенсонъ С. М.
Липиновичъ (10 экз.)
Либензонъ Б. С. (Воронежъ)
Ламиновъ А. А.
Левн А.
Левн В.
Малкиель Б. М.
Малкиель А. С.
Малкиель М. С. (10 экз.)
Миллеръ И. А.

Мельгрень Ѳ. К.
Мировичъ Б. И.
Мангуби Я. С. (Казань)
Мандельштамъ Л. Е.
Массъ А.
Натансонъ Гр. А.
Поляковъ Л. С. (25 экз.)
Пономаревъ И. А. (10 экз.)
Пергаментъ С. Н.
Пергаментъ С. (5 экз.)
Пинскеръ А. С.
Розень С. М.
Розенблюмъ В. И.
Розенталь А. С. (Рыбинскъ)
Розенталь Dr.
Рейнгерцъ М. И.
Рубинштейнъ М.
Рубинштейнъ Е.
Рабиновичъ Ю. Л.
Руммеръ Б.
Сегаловъ Г.
Сегаловъ Е. Г.
Слюзбергъ М.
Савнеръ О.
Тидке К.
Файтъ Л.
Фрейденбергъ Бр.
Фриденсонъ И. Г.
Фрумкинъ С. Б.
Филипповъ Д. И. (10 экз.)
Хаймовичъ А.
Чудновскій М. А.
Цетлинъ Г. А. (3 экз.)
Ціонъ М. Ѳ.
Цоллеръ М. Я.
Шайкевичъ С. С.
Шайкевичъ Л. С. Dr.
Шайкевичъ А. С.
Шайкевичъ С. С.
Шикъ Мееръ В-а съ сынов.
Шацкій С. М. Dr.
Шерешевскій Н. М.
Штильманъ О. Е.
Шапире С. П.
Эйбушитцъ С. С.
Эфросъ И. М.
Эфросъ Е.
Эфронъ М.
Эрлихъ С. Я.
Эпштейнъ Т. М.
Эйкъ Я. И.
Якобсонъ Ш. Л.

МИНСКЪ.

Ботвинниковъ Л. М.
Зельдовичъ Б.
Мейзель.

МОГИЛЕВЪ.

Гранатъ С. Е.
Гуревичъ И. Е.
Сыркинъ (10 экз.)
Шмерлингъ С. Л.

НИЖНИЙ НОВГОРОДЪ.

Бурштейнъ Е. А.
Заходеръ Б. И.
Поллакъ Г. А.
Рясенцовъ М. О.
Соринъ А. С.

НОВГОРОДЪ СВѢРСКЪ.

Брискеръ Л. И.
Слонимъ В. Я.
Слонимъ.
Слонимъ.

ОДЕССА.

Атласъ М. Л.
Ауслендеръ Я. Г.
Бернштейнъ С. Н. (10 экз.)
Бродскій К. С.
Бураковъ П. В.
Вайнштейнъ Д. Б. (10 экз.)
Вургафтъ В. М.
Громбахъ А.
Гринбергъ А. (10 экз.)
Годикъ А. М.
Гессенъ И. Ю.
Заславскій Г.
Коганъ М.
Клейнеръ М. М.
Клейнъ И. Г.
Кукирычкинъ
Любарскій И.
Ливицъ Л.
Любарскій Г. (Балта)
Менделевичъ А.
Меримкинъ Е. Б. (Ѳеодосія)
Натансонъ Л. М. (Бендеры)
Перельманъ Л.
Пурицъ С.
Ратнеръ Д. И.
Раппопортъ И. М.
Сакеръ Л.
Сарачъ М.

Тиктинъ И. Г.
Финкельштейнъ З.
Фихтенгольцъ Г. I.
Цыперовичъ В.
Шехтеръ В. О. (10 экз.)
Якобштамъ Л.

РИГА.

Веале И. Г.
Вайнштейнъ Б.
Вейнбергъ А.
Гиршбергъ С.
Гохманъ И.
Гуревичъ Г.
Камаринъ
Левинъ И.
Лифшицъ Л.
Мейзелъ Ц. С.
Пумпянский А. А.
Ратнеръ А.
Розенгартенъ И. А.
Филаротъ (Епископъ Рижскій
и Митавскій.)

Шапино М.
Шапино Г.
Шапино Ф. Л.
Штейнбергъ Б.
Шварцбартъ Д.

РОСТОВЪ на Дону.

Волженштейнъ I. Ф.
Гуревичъ Н. С.
Коганъ Г. Е.

РОВНО.

Горнштейнъ Л.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Александревъ Р. Б.
Аншельзонъ Л. И.
Аншельзонъ А. А. (Кременчугъ)
Бредау М.
Бошъ К. И.
Бержъ Г. С.
Богровъ Г. И.
Банкъ Э. Б.
Бери И. М.
Балабановъ М. Л. (Никола-
евъ) (5 экз.)
Варшавскій А. М.
Варшавскій М. А.
Варшавскій Л. А.
Витъ Э.
Виленинъ А. М.

Вольпертъ Л.
Воллернеръ Г. В.
Волпянскій Н. С.
Вульфсонъ Б.
Волпе А. Д.
Вейсблатъ С. Э.
Г-гъ Г. О. (б-нъ)
Гинцбургъ Д. Г., баронъ
Гинцбургъ Я. А., баронъ
Гинцбургъ Г. Г., баронъ
Горвицъ А. И.
Горвицъ М. И.
Горвицъ М. А.
Горвицъ В. И.
Гольдштандъ И. Л.
Ганфлюмъ С.
Гурьянъ Ш. Я.
Гольденбергъ М. Д.
Габриловичъ Е. О. Dr.
Габриловичъ С. О.
Гольдбергъ И.
Гурари Д. М.
Гейкинъ Л.
Гиршфельдъ Г. А.
Гецовъ И. Н.
Душкинъ Г. М.
Дуванъ Я. Б.
Давидовъ Н.
Дукельскій А. Н. (Винница)
Жолновъ И. С.
Закъ А. И. (10 экз.)
Закъ И. И.
Зонъ Д. Г. (Брондштадтъ)
Зонъ.
Зибертъ И. С.
Зунделювичъ В. Д.
Зунделювичъ С. Д.
Зинде А. Б.
Залкиндъ
Кобеций Я.
Коресси И. Л.
Карасикъ И. Я.
Койранскій Л.
Коганъ А. Я. Dr.
Коганъ Л. Н.
Коганъ Н. Г. (В. О.)
Классенъ Е. Е. (10 экз.)
Коробковъ М. А.
Книпа Л. Ф.
Канцель С. Л.
Костылянский Н. А.
Кравцовичъ В.
Кобьчевъ А. А.

Кауфманъ А. А.
Кроненбергъ С.
Крейцеръ Д. Л. Адв.
Крейцеръ Д. Л.
Клейберъ Ю. К.
Корнгольдъ Л. А.
Кобленцъ Л.
Левенсонъ Н. Л.
Левенсонъ С. В. (10 экз.)
Левенсонъ С. М.
Леви И. С.
Леви А.
Левиттъ И. С.
Леви Г. Д.
Ливантъ Я. А.
Лебелъ С.
Лессингъ А.
Мандельштамъ Адв.
Малиссъ Д. Г.
Малиссъ Г. Dr.
Манасовичъ Т. А.
Манасевичъ Б. В.
Манасевичъ Е. А.
Маршалковичъ I.
Медешъ Я. Г.
Мейнгардъ Н. П.
Марголинъ И. Б.
Манасевичъ Ф. И. (Томскъ)
Насбергъ
Новязкій З.
Нашатыръ Г. Я.
Поляковъ С. С. (25 экз.)
Поляковъ Я. С. (10 экз.)
Поляковъ Л. Я.
Пассоверъ А. Я.
Пашовъ М. И.
Прессъ Г. С.
Паппе И. Б.
Певзнеръ А. Ш. (Вятка)
Популовъ С. М.
Розенталь Л. М.
Рубинштейнъ А. Г.
Рубашовъ Г. И.
Рабиновичъ Я. И.
Розенбергъ Ю.
Розовскій Г.
Розень И. М.
Розень.
Рушъ М. И.
Рубинъ М.
Рейхзелигманъ М. I.
Розенталь Ю. М.
Сибиряковъ Н. М.

Спиро Б. М.
Стернь М. И.
Студентскій М. С.
Самсовъ А. М.
Теплицъ Г. Ѳ. (10 экз.)
Теплицъ Б. Ѳ. (10 экз.)
Тиктинъ Г.
Тиктинъ Г. А.
Тотешъ И. М.
Файтельсонъ М. Ф.
Файнбергъ И. С.
Франкъ Ю. Л.
Фреманъ Э. А.
Фридландъ М. П. (10 экз.)
Фридландъ Мих. П. (5 экз.)
Файнбергъ Д. Ф.
Фейгинъ (Ветлуга)
Фридландъ И. А. (Кременчугъ)
Фридландъ В. М.
Финнъ А. Р.
Хотимскій Л. Б.
Хотимскій М. Я.
Хотимскій М. Б.
Хесинъ С. Я. (2 экз.)
Хесинъ П. Я.
Чащинъ В. А. (2 экз.)
Чудновскій А. М. Адв.
Цирусъ Г. И.
Шапиро А. Л.

Шмерлингъ М. Л.
Шершевскій Б. С.
Шефтель Я. М.
Шайкевичъ Г.
Эвморфопуло Г. И.
Этингеръ Г. А.
Яковлевъ П. П.
Якоби Я. Я.

САРАТОВЪ.

Адельсонъ В. И.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Дубинскій, Адв.
Тырмосъ А. О.
Фридь Е. С.

СЛУЦКЪ.

Файнбергъ И. С.

САМАРА.

Натроевъ А. И.
Шефтель.

ТВЕРЬ.

Пинесъ Г. Ѳ.
Пинесъ Ѳ. А.
Айзенштадтъ
Квейтъ М. А.

ХАРЬКОВЪ.

Рубинштейнъ Л. Р.
Эренбургъ Г.
Шкафъ А. Л.
Балабановъ
Файнбергъ И. Ю.
Фридь И. С.
Уманскій И. Л.

ХЕРСОНЪ.

Бѣгунъ К. П.
Бердычевскій О. Б.
Воликъ Д.
Крылчевскій М. С.
Мееровичъ И.
Розенталь С. Я.
Рабиновичъ.

ЧЕРНИГОВЪ.

Балабановъ И.
Туровскій Б. Я.

ЛЕЙПЦИГЪ.

Гальберштадтъ
Гендлеръ А.

В в е д е н і е.

Еврейская нація испустила дыханіе на окровавленныхъ и дымящихся развалинахъ Іерусалима и Бетара; разбросанные остатки сложились въ общины, которыя сплывались и укѣплялись прозорливими, преданными дѣлу вождями. Еврейское государство сокрушилось отъ повторенныхъ нашествій римскихъ легионовъ; новыми центрами для разсѣянныхъ евреевъ служили школы въ Ябне, Ушѣ и Сепфорисѣ и, наконецъ, на прелестномъ Тиверіадскомъ озерѣ. Когда же побѣдоносное христіанство, вооруженное сѣкирами римскихъ ликторовъ, разрушило послѣдній пунктъ единенія въ еврейской странѣ и обрекло гибели стоявшій во главѣ іудейства патриархатъ: тогда на берегахъ Евфрата образовались, въ лицѣ нагардейской, сурской и нумбадитской академій, новые фокусы для разсѣянныхъ общинъ. Въ это время фанатизмъ маговъ возстановилъ, кроткихъ обыкновенно, новоперсидскихъ (сассанидскихъ) царей противъ евреевъ и еврейства; наступила новая эпоха мученичества. Сила сопротивленія, казалось, была сломлена; распаденіе общинъ на лишеныя центра атомы, гибель ученія были близки. Какъ еще въ продолженіе многихъ вѣковъ не прекратилось теченіе еврейской исторіи? Представляетъ ли она, со времени заключенія Талмуда, лишь простой конгломератъ случайныхъ событій, гоненій и мученій? Или она приняла характеръ сухой исторіи литературы, въ которой книги и писатели играютъ главную роль? Лишена ли послѣ-талмудическая исторія связи и центра? Имѣетъ ли ея теченіе единство и концентричность, или же она распалась на болѣе или менѣе не интересныя подробности? Замѣчается ли въ ней безпорядокъ случайности или приводящая въ строгій порядокъ рука внутренняго закона?

Историкъ и читатель, интересующіеся отвѣтомъ на эти вопросы, должны, при разсматриваніи послѣ-талмудической эпохи, не упускать изъ виду одного, именно: что еврейская исторія, какъ израильская исторія до-визилархическаго періода и какъ еврейская исторія послѣ-экси-

лархической эпохи, состоитъ изъ двухъ существенныхъ факторовъ. На одной сторонѣ кажущееся не умирающимъ еврейское племя, какъ плоть; на другой сторонѣ кажущееся не менѣе безсмертнымъ ученіе еврейства, какъ душа. Взаимодѣйствіе этой народной плоти и этой народной души выпраждаетъ нити исторіи въ эпоху разсѣянія. Судьба евреевъ среди различныхъ націй, куда забросила ихъ рука гонителя или привели странствованія; способъ и образъ группированія и спланированія отдѣльныхъ особей въ общины, подобно атомамъ, подлежащимъ дѣйствию кристаллизационной силы; какъ эти общины искали и находили, часто на громадномъ разстояніи, связь съ совокупностью или съ сердцемъ ствола; при какихъ условіяхъ образовался этотъ центръ, какого рода силой привлеченія онъ обладалъ, какъ онъ переносился то туда, то сюда, принималъ то общій, то личный характеръ: все это составляетъ, такъ сказать, плотскую сторону послѣ-талмудической исторіи. Форма и развитіе еврейства, обусловленныя Библіей и Талмудомъ, и переходъ отъ мертвящаго круга буквы и правила къ свѣту мысли и сознательности; препятствія и содѣйствіе, встрѣченныя еврействомъ при тѣсномъ соприкосновеніи съ всемірною исторіей; научное очищеніе, плодъ столкновенія вышедшихъ изъ нѣдръ еврейства сесть и направленій; наука и поэзія, рожденныя имъ и въ свою очередь воздѣйствовавшія на него облагораживающимъ образомъ; личности, которыя, въ качествѣ носителей и вождей, въ качествѣ воплощенной идеи сущности еврейства, указали ему новыя направленія и цѣли, — все это составляетъ въ еврейской исторіи другую часть эпохи разсѣянія, духовную сторону. Органическое же совмѣстное дѣйствіе этихъ факторовъ, — какъ плоть, увлекаемая къ землѣ бременемъ враждебной среды, увлекла и душу въ состояніе пошлости и мрака, и какъ душа, вспомнивъ о своемъ божественномъ происхожденіи, освободилась отъ гнета и, воспаривъ къ небу, унесла съ собою и плоть, — все это должно быть разсмотрѣно при прагматической обработкѣ исторіи.

Слѣдовательно, исторія послѣ-талмудическаго періода все еще имѣетъ національный характеръ; она не представляется намъ исторіей религіи или церкви, потому что имѣетъ своимъ предметомъ не только ходъ развитія ученія, но и народъ, который, не имѣя почвы, отечества, географическаго владѣнія и государственнаго организма, замѣнялъ духовными силами эти реальныя условія. Будучи разсѣяны по культурной части свѣта и привязываясь къ гостеприимной почвѣ, члены еврейскаго пле-

мени не переставали чувствовать себя единымъ народомъ по религіи, историческимъ воспоминаніямъ, правамъ и надеждамъ. Поэтому еврейская исторія, какъ исторія народа, далеко не есть простая исторія литературы или ученыхъ, какою представляютъ ее невѣжество и односторонность; напротивъ, литература и религиозное развитіе, такъ же, какъ высокотрагическій мартирологіи этого племени или общины, составляютъ лишь отдѣльные моменты въ его исторіи, а не сущность послѣдней. Правда, эта исторія своеобразна, какъ своеобразенъ переживающій ее народъ, который не имѣетъ подобнаго себѣ во всемирной исторіи. Какъ могучій потокъ, протекая чрезъ громадныя водныя массы и приходя съ ними въ тѣсное соприкосновеніе, удерживаетъ однако свое собственное направленіе и сохраняетъ окраску: такъ точно еврейское племя и еврейская исторія эпохи разсѣянія сохранили своеобразность среди могучихъ волнъ народовъ и не измѣнили своей сущности. Еврейское племя чувствовало, мыслило, говорило, пѣло на языкѣ тѣхъ народовъ, которые искренно или противъ воли оказывали ему гостепримство; но оно не только не разучилось родному языку, но любило его, обогащало и облагораживало соотвѣтственно той культурной степени, которой оно достигало вмѣстѣ съ прочимъ человѣчествомъ. Оно принимало большее или меньшее участіе въ духовной работѣ тѣхъ народовъ, среди которыхъ поселилось; но тѣмъ не менѣе создавало собственную литературу и обращало ее въ новое средство къ соединенію разсѣянныхъ членовъ въ одно цѣлое.

Конечно, исторія этого племени не занесла на свои страницы ни побѣдъ съ кровавыми трофеями, ни одержанныхъ побѣдъ на усѣянныхъ трупами поляхъ, ни проигранныхъ битвъ, ни завоеванія обширныхъ территорій, ни порабощенія покоренныхъ народовъ; но записала тѣмъ болѣе духовныхъ побѣдъ и завоеваній. Между тѣмъ какъ извнѣ свирѣпствовалъ мечъ, и народы, подстрекаемые или по крайней мѣрѣ ободряемые своими наставниками въ религіи, вели губительныя войны, домъ Іакова заботился только о сохраненіи умственнаго свѣточа, питалъ его елеемъ науки и поэзіи, дабы тотъ ярче свѣтилъ и, по скольку могъ, разгонялъ призраки мрака, порожденные невѣжествомъ и суевѣріемъ. Среди міра грубыхъ нравовъ и варварства онъ мелѣялъ чистую религиозность, чистые нравы и святость жизни. Онъ даже далъ элементы для новой религиозной формы, усвоенной вскорѣ жителями трехъ частей свѣта, и тѣмъ

положилъ первое основаніе обильному по своимъ послѣдствіямъ движенію всемірной исторіи, которое произвело новыя образы и культурныя формы. Пошлость можетъ считатьъ презрѣнными такіе безкровныя, мирныя лавры, высшія же натуры не откажутъ имъ въ своемъ удивленіи.

Исторія еще не представила примѣра такого народа, который, отложивъ оружіе, предался бы всецѣло наукамъ и искусствамъ; который, сбросивъ оковы узкаго себялюбія, воспарилъ бы мыслью высоко, дабы изслѣдовать свою сущность, свою таинственную связь со вселенной и Богомъ. И что же! Еврейская исторія въ такъ называемыя средніе вѣка представляетъ такой примѣръ въ лицѣ еврейскаго племени. Это племя, угнетаемое многоразлично, сумѣло сохранить свободу духа; позоримое и унижаемое, оно не низошло до степени цыганской орды и не утратило чувства къ высокому и святому; изгнанное и лишенное родной земли, оно создало себѣ духовное отечество. Все это въ яркихъ чертахъ проводится предъ нашими взорами еврейскою исторіей послѣ-талмудическаго періода. Она не имѣетъ среднихъ вѣковъ въ отвратительномъ смыслѣ этого слова, отмѣченныхъ умственнымъ туноуміемъ, необтесанною грубостію и суевѣріемъ; напротивъ, именно въ это время, въ этой отвратительной обстановкѣ, она представляетъ блестящіе образы душевнаго величія, нравственной идеальности и религіозной чистоты. Если судить о религіи по поведенію ея главныхъ представителей и носителей, то пальма первенства принадлежитъ еврейству въ той его формѣ, которую оно приняло въ 10—13 вѣкахъ. Многіе изъ вавилонскихъ гаоновъ и большинство испанскихъ и французскихъ раввиновъ могутъ, — по скольку цѣнится стремленіе къ истинѣ и нравственному величію, — служить для всѣхъ временъ и кружковъ образцами возможнаго для человѣка совершенства. Раввины этой эпохи были не односторонними, оглуѣвшими талмудистами, но высокими личностями, полными благороднаго духа, пѣстунами науки, часто врачами и не рѣдко совѣтниками и руководителями державныхъ особъ. Конечно, эта великая эпоха не была безъ ошибокъ и слабостей, въ которыя впадали вожди или общины, — и безпристрастная исторія не должна умолчать о нихъ, — но эти слабости и ошибки совершенно ступшевываются предъ великими добродѣтелями.

Желая точнѣе охарактеризовать исторію разсѣянія евреевъ, можно сказать о ней только то, что она представляетъ главнымъ образомъ куль-

турный характер и имѣть своими носителями не отдѣльныя выдающіяся личности, но цѣлый народъ. Умственные движенія, начинавшіяся гдѣ либо въ еврейской средѣ, интересовали и охватывали все племя еврейское въ самыхъ отдаленныхъ общинахъ. Поэтическія молитвы, слагавшіяся еврейскими пѣвцами въ Іудеѣ или Вавилоніи, на Рейнѣ или Гвадалквивирѣ, дѣлались вскорѣ, безъ административнаго принужденія, іерархической регламентаціи или предписанія, достояніемъ почти всѣхъ общинъ и входили въ составъ богослуженія. Сочиненія важнаго содержания, написанныя даровитыми личностями, списывались во всѣхъ странахъ разсѣянія, читались, изучались и дѣлались вопросомъ жизни. Если когда либо исполнятся слова іудейскаго пророка, что ни одинъ народъ не будетъ вести войну; если когда либо масличный листъ украситъ вмѣсто лавровъ чело великихъ людей, и произведенія благородныхъ умовъ найдутъ себѣ доступъ въ хижины и чертоги: тогда исторія народовъ приметъ такой же характеръ, какъ еврейская, и страницы ея будутъ заняты не военными подвигами и побѣдами дипломатіи, но успѣхами культуры и примѣненіемъ ихъ въ жизни.

Мнимая разбитость и разрозненность, представляемая послѣ-талмудическимъ періодомъ еврейской исторіи при поверхностномъ на него взглядѣ, такъ что кажется, будто еврейское племя распалось на столько группъ, сколько было общинъ, не должны вводить насъ въ заблужденіе и внушать мысль, что исторія не имѣетъ упроченнаго прогрессивнаго теченія, центрального движенія. Напротивъ, она совершенно ясно и точно намѣчаетъ пункты, изъ которыхъ разливалась историческая жизнь по обширному кругу. «Если сыны дома Израиля гонимы во всѣхъ странахъ свѣта, съ сѣвера на югъ, съ юга на сѣверъ, съ востока на западъ и съ запада на востокъ, то все же они пребываютъ постоянно въ центрѣ», замѣчаетъ одинъ старинный еврейскій проповѣдникъ ¹⁾. Хотя скипетръ былъ отнятъ отъ Іуды, но не законодатель отъ его сыновъ. И замѣчательно, что эти законодатели, служившіе центромъ и связующимъ звеномъ для общинъ, не нуждались въ уголовномъ законѣ и бичѣ для поддержанія единства; напротивъ, группы, такъ сказать, стремились къ центру, который намѣчалъ для нихъ тонъ и движеніе. Еврейская Вавилонія, наслѣдіе Іудино, ставши мѣстопробыва-

¹⁾ Тааа ді бе-Еліа Рабба, глав. 5.

VI

ніемъ гаоната, сдѣлалась объединяющимъ пунктомъ для разсѣяннаго еврейскаго племени. Отъ береговъ Оксуса, Волги, Дуная и Рейна до острововъ и береговъ Средиземнаго моря, взоры еврейскихъ общинъ были обращены на Вавилонію, т. е., на пребывающій тамъ гаонатъ. Ни одному царю не оказываютъ столько повиновенія и любви, сколько оказывали сурскому и пумбадитскому президентамъ милліоны людей, бывшихъ не подданными ихъ, но братьями. Отсюда общины получали не только религіозное и нравственное назиданіе, но и побужденіе къ наукамъ и поэзіи. И прежде чѣмъ сокрушающіе историческіе факторы разрушили гаонатскій центръ, возникъ въ Испаніи, можно сказать, чудеснымъ образомъ, новый, болѣе важный и могучій, центръ тяжести. Но рядомъ съ нимъ образовались мало по малу другіе центры, сперва въ южной Франціи, а потомъ въ Лотарингской области, и оба они относились другъ къ другу, какъ два фокуса. Тяжкія испытанія, начавшіяся съ двухъ сторонъ и поразившія общины въ магометанскихъ и христіанскихъ странахъ, почти разбили оба центра и ослабили связь. Тогда явилась даровитая, могучая личность, ставшая носителемъ единства и центромъ; поэтому она служитъ новымъ поворотнымъ пунктомъ въ еврейской исторіи. Этотъ поворотъ наступилъ съ появленіемъ Маймонида, которымъ заканчивается періодъ культурнаго процвѣтанія въ эпоху разсѣянія.

Періодъ отъ заключенія Талмуда до конца Маймонидова времени, или отъ смерти Рабины до смерти Моисея бенъ Маймонида, распадается на три эпохи:

- 1) Переходъ отъ талмудическаго времени къ гаонскому, или сабурейская эпоха (500—640).
- 2) Гаонская эпоха (640—1040).
- 3) Время культурнаго процвѣтанія, или научно-раввинская эпоха (1040—1204).

Главною ареною исторіи въ этотъ періодъ служитъ сперва Вавилонская область, которую арабы называютъ Иракомъ, а потомъ южная Испанія и сѣверная Франція.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Вавилонія и Іудея. Обзоръ; Зендики; царь Кобадъ и реформаторъ Мадакъ; экзилархъ Марь-Сутра II, Марь-Ханина; возстаніе вавилонскихъ евреевъ; казни Марь-Сутры и Марь-Ханины; преслѣдованіе и выселеніе; Сабурейцы Р. Гида Сурскій и Р. Симуна Пумбадитскій; новое преслѣдованіе въ царствованіе Гормиздаса IV; приверженность евреевъ къ узурпатору Баграму; открытіе вновь школъ; главы школъ и экзилархи.—Угнетенное состояніе евреевъ въ правленіе византійскихъ императоровъ.— Мѣста ихъ пребыванія въ Іудеѣ; еврейскіе возницы и участники въ конныхъ ристалищахъ въ Палестинѣ; слабая ученая дѣятельность въ Іудеѣ; императоръ Юстиніанъ и его анти-еврейскія постановленія; его эдиктъ противъ агадскаго способа толкованія; еврейско-африканскія общины въ Боріонѣ; неудовольствіе евреевъ на византійскую тираннію; ихъ участіе въ войнѣ Персовъ съ Палестиной; Веніаминъ Тиверіадскій; воинственныя дѣянія палестинскихъ евреевъ; синайскій монахъ; евреи держатъ сторону Ираклія; вѣроломство этого императора въ отношеніи къ евреямъ; преслѣдованіе и новое изгнаніе евреевъ изъ Іерусалима. (500—630). 5

ГЛАВА II.

Европейскія страны. Положеніе евреевъ въ Европѣ; общины въ Константинополѣ; храмовые сосуды; итальянскіе евреи; папа Гелазій; отношенія Θεодориха Великаго къ евреямъ; министръ Кассіодоръ; храбрость неаполитанскихъ евреевъ; папа Григорій I; положеніе евреевъ во Франціи; соборныя постановленія противъ нихъ; фанатизмъ клермонскаго епископа Авитуса; король Хильперихъ и его еврейскій ювелиръ Прискъ; апостатъ Фатиръ; преслѣдованіе при королѣ Дагоберѣ.— Древность водворенія евреевъ въ Испаніи; ихъ спокойствіе во времена римлянъ и арианскихъ вестготовъ; законы Реккареда; преслѣдованіе при Сизебутѣ; благорасположеніе Свинтили къ евреямъ; враждебныя евреямъ декреты Сизенанда; Исидоръ Севильскій; полемическія произведенія за и противъ еврейства; жестокіе законы Хинтили противъ евреевъ. (500—640) . . . 33

ГЛАВА III.

Евреи на Аравійскомъ полуостровѣ. Переселеніе евреевъ въ Аравію.— Еврейскія племена въ Ятрибѣ и вокругъ этого города, а также въ округѣ Хаибарѣ.— Ихъ крѣпости и замки.— Евреи въ Іеменѣ.— Ихъ сила и вліаніе на арабскія племена.— Нѣкоторыя племена принимаютъ юдаизмъ.— Іудейско-гимъяритское царство.— Абу-Кариба, первый іудейско-гимъяритскій царь, и еврейскіе мудрецы Каабъ и Ассадъ изъ Ятриба.— Юсуфъ Ду-Новастъ, послѣдній іудейско-гимъяритскій царь, и его смерть.— Распри еврейскихъ племенъ въ Ятрибѣ съ арабами.— Еврейскій поэтъ Самуилъ бенъ-Адія и его сынъ Шованхъ.— Еврейскій глава Каабъ и войны ятрибскихъ евреевъ. (500—622). 72

ГЛАВА IV.

Магометъ и евреи. Меккскій и мединскій основатель религіи; его отношенія къ еврейству и къ арабійскимъ евреямъ.— Абдалла Ибнъ-Саламъ и еврейскіе ансары; Пинхасъ Ибнъ-Ацура и еврейскіе противники Магомета.— Война съ еврейскимъ племенемъ Бену-Камукаа, его пораженіе и выселеніе.— Война съ Бену-Надиръ и ихъ выселеніе.— Еврейскій старѣйшина Гудей; коалиціонная война противъ Магомета.— Война съ Бену-Курайца и ихъ погибель.— Война съ хайбарскими евреями; еврейскіе герои Кинана и Маргабъ.— Пораженіе хайбаровъ.— Еврейка Цаннабъ.— Враждебность корана къ евреямъ.— Переселеніе хайбарскихъ и вадилькорскихъ евреевъ въ Куфу. (622—640). 101

ГЛАВА V.

Первое гаонское столѣтіе. Завоеванія ислама; Іерусалимъ.— Нетерпимость Омара; завѣтъ Омара.— Еврейское сужденіе о владычествѣ ислама.— Счастливое положеніе вавилонскихъ евреевъ.— Князь изгнанія Бостанаи и дочь персидскаго царя, Дара.— Глава школы Р. Исаакъ и калифъ Али; санъ гаона.— Реформа бракоразводнаго закона.— Экзилархатъ и гаонатъ.— Торжество по поводу присяги экзилархамъ; академіи и ихъ коллегія.— Устройство общинъ.— Отлученіе.— Единеніе разсѣянныхъ евреевъ.— Угнетенное состояніе вестготско-испанскихъ евреевъ.— Соборы и законы.— Толедскій архіепископъ Юліанъ и евреи.— Попытка заговора; евреи, осужденные на рабство, получаютъ, какъ слѣдствіе побѣды ислама, свободу и почтенное положеніе. (640—760). 122

ГЛАВА VI.

(Продолженіе).

Начало гаонскаго столѣтія. Начало ново-еврейской литературы и анти-талмудическаго движенія. Участіе евреевъ въ арабской литературѣ и языкѣ; Мессеръ-Гаванъ, Сумаиръ, возвращеніе къ библіи; введеніе знаковъ гласныхъ и удареній; Моисей пунктаторъ.— Ассирійская система пунктаціи.— Ново-еврейская поэзія; Іосифъ бенъ-Іосифъ, Симонъ бенъ-Камфа; риема; Янанъ, Елеазаръ Калири и другіе литургическіе поэты.— Оппозиція Талмуду; джемессія Серене.— Еврейскій глава Кауланъ и испанскіе евреи.— Глава школы Натронаи и вѣроотступники.— Преслѣдованіе въ царствованіе императора Льва.— Переселеніе евреевъ въ Крымъ и въ страну Хазаровъ.— Джемессія Обадіа Абу-Иза.—

Мессіанскій апокаліпсисъ. — Война и гибель Абу-Изы. — Секта изавитовъ. — Князь изгнанія Соломонъ; Р. Аханъ изъ Шабхи, авторъ шел-тота. (658—760). 159

ГЛАВА VII.

Возникновеніе караимства и его послѣдствія. Ананъ бенъ-Давидъ, основатель караимства; его товарищи и ученики. — Массореты. — Р. Йегудан гаонъ. — Новыя отношенія между экзилархатомъ и гаонатомъ. — Хазары и обращеніе ихъ къ еврейству; ихъ царь Буланъ и его еврейскій учитель Исаакъ Зангари. — Карлъ Великій и евреи. — Лукская фамилія Калонимосъ въ Майнцѣ. — Происхожденіе нѣмецкихъ евреевъ. — Еврейскій посланникъ Исаакъ. — Р. Махиръ въ Нарбоннѣ. — Враждебныя еврейскія условія жизни въ калифатѣ. — Сагалъ Аль-Табари. — Йегуда Иудганъ персіянинъ и секта Иудганитовъ. — Веніаминъ Нагавенди и Макарииты. — Мистика о воплощеніи Бога (Schiur Komah). — Мистики въ академіяхъ. — Споры объ экзилархатѣ и гаонатѣ. — Караимство; Нисси бенъ-Ноахъ. — Месви и Измаилъ и акбариты; Моисей Персіянинъ и Тифлиситы. — Моисей изъ Баальбека. — Непослѣдовательность и затрудненія въ караимствѣ. (761—840). 182

ГЛАВА VIII.

Благопріятное положеніе евреевъ во Франкской монархіи. Благосклонность императора Людовика къ евреямъ; императрица Юднѣя и ея любимцы; ихъ заклятый врагъ Агобардъ; его посланіе противъ евреевъ; прозелитъ Бодо-Еліазаръ; Людовикъ считаетъ евреевъ находящимися подъ особеннымъ покровительствомъ императора. (814—840). 231

ГЛАВА IX.

Упадокъ экзилархата и начало еврейско-научной литературы. Императоръ Карлъ Лысый и евреи. — Еврейскій врачъ Седекія. — Еврейскій дипломатъ Иуда. — Амоло, врагъ евреевъ. — Соборъ въ Мо. — Антиеврейское посланіе Амоло. — Дѣйствіе его. — Насильственное крещеніе евреевъ въ Византійской имперіи въ царствованіе Василія Македонянина и Льва. — Униженіе евреевъ и христіанъ въ калифатѣ. — Упадокъ экзилархата и возвышеніе пумбадитской академіи; Палтон и Маръ-Аирамъ; чинъ молитвы. — Гаоны-писатели. — Симонъ Кагира. — Арабскій Юзиппонъ. — Исаакъ Израели. — Караимскіе писатели; Моисей Дараи. — Аскетическое направленіе караимства. — Элдадъ Данитъ и Цемахъ гаонъ. — Йегуда бенъ-Кораишъ. — Почетное положеніе евреевъ и христіанъ въ правленіе калифа Алмутаггиды. — Упадокъ сурской академіи. — Когень-Цедекъ и его стремленія. — Экзилархи Укба и Давидъ бенъ-Савкан. (840—928). 248

ГЛАВА X.

Паденіе экзилархата, процвѣтаніе еврейской науки, эпоха Саадін и Хаадан; Авія. Саадія, его жизнь, юношескія произведенія, полемика съ караимствомъ. — Соломонъ бенъ-Іерухамъ и его борьба съ Саадіей. — Экзилархъ Давидъ бенъ-Савкан. — Саадія избранъ въ гаоны, его споры съ Давидомъ, сложеніе сана и авторская дѣятельность; его религіозная

философія.— Еретикъ Хивинъ Балхи.— Примиреніе Саадінъ съ Давидомъ.— Паденіе экзилархата.— Смерть Саадін.— Паденіе сурской академіи.— Ааронъ Ибнъ-Саргаду.— Іаковъ бенъ-Самунъ и его борьба съ караимами: Абулсари Сагаломъ, Іефетомъ бенъ-Али; Менагемъ Гични.— Давидъ Алмокамецъ.— Ааронъ бенъ-Ашеръ и его массоретскія сочиненія, завершеніе массоретскаго текста.— Еврейскія общины на Крымскомъ полуостровѣ. (928—970) 285

Г Л А В А XI.

(Продолженіе).

Процвѣтаніе еврейской науки, эпоха Саадінъ и Хазданъ; Европа. Четыре основателя новыхъ талмудическихъ школъ въ Африкѣ и Европѣ.— Р. Моисей бенъ-Ханохъ и Кордовская община.— Р. Хушіель и Каируанская община.— Дунашъ бенъ-Тамимъ.— Саббатаи Донного и св. Нилъ.— Евреи въ Испаніи; министръ изъ евреевъ, Хазданъ Ибнъ-Шапрутъ, его характеръ и дѣянія.— Посланіе къ еврейскому хагану Іосифу Хазарскому.— Потрясеніе Русскими Хазарскаго царства.— Менагемъ бенъ-Сарукъ и Дунашъ бенъ-Лабратъ.— Введеніе ново-еврейскаго размѣра стиховъ.— Разцвѣтаніе еврейско-испанской поэзіи.— Кордовская школа.— Р. Ханохъ и Ибнъ-Абитуръ.— Смерть Хазданъ. (940—970). . . 330

Г Л А В А XII.

Заря еврейско-испанской культуры и паденіе гаоната. Гаонъ Шерира и его сынъ Гаи; историческое посланіе Шериры; Манасія Ибнъ-Кафра; еврейско-испанскія общины; ученики Менагема и Дунаша; Іегуда Хаюгъ; Гассанъ бенъ-Маръ-Гассанъ; споръ между Р. Ханохомъ и Ибнъ-Абитуромъ; Іаковъ Ибнъ-Гау и его судьба.— Французскіе евреи; Натанъ Вавилонянинъ въ Нарбоннѣ; Р. Леонтинъ; Германскіе евреи; Оттонъ II и Калонимосъ; Р. Гершомъ и его распоряженія; Р. Симеонъ изъ Майнца; прозелитъ Веделлинусъ; императоръ Генрихъ II и преслѣдованіе евреевъ въ Германіи; калифъ Гакемъ и преслѣдованіе евреевъ въ Египтѣ и на Востокѣ; еврейскій хаганъ Давидъ и Русскіе; паденіе еврейско-хазарскаго царства; караніство; Іосифъ Алкаркассани и Леви Галеви. (970—1027). 369

Третья эпоха первого періода.

САБУРЕЙСКОЕ ВРЕМЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вавилонія и Іудея.

Обзоръ; Зендики; царь Кобадъ и реформаторъ Маздакъ; эскилархъ Маръ-Сутра II, Маръ-Ханина; возстаніе Вавилонскихъ евреевъ; казнь Маръ-Сутры и Маръ-Ханины; преслѣдованіе и выселеніе; Сабурейцы Р. Гица Сурскій и Р. Симуна Пумбадитскій; новое преслѣдованіе въ царствованіе Гормиздаса IV; приверженность евреевъ къ узурпатору Баграму; открытіе вновь школъ; главы школъ и эскилархи.— Угнетенное состояніе евреевъ въ правленіе византійскихъ императоровъ.— Мѣста ихъ пребыванія въ Іудеѣ; еврейскіе возницы и участники въ конныхъ ристалищахъ въ Палестинѣ; слабая ученая дѣятельность въ Іудеѣ; императоръ Юстиніанъ и его антиеврейскія постановленія; его эдиктъ противъ агадскаго способа толкованія; еврейско-африканскія общины въ Боріонѣ; неудовольствіе евреевъ на византійскую тираннію; ихъ участіе въ войнѣ Персовъ съ Палестиной; Веніаминъ Тиверіадскій; воинственныя дѣянія палестинскихъ евреевъ; синайскій монахъ; евреи держатъ сторону Иракліа; вѣроломство этого императора въ отношеніи къ евреямъ; преслѣдованіе и новое изгнаніе евреевъ изъ Іерусалима.

500—630.

Въ началѣ шестаго вѣка еврейство повидимому было безповоротно осуждено на распаденіе и уничтоженіе. Если-бъ прозорливый наблюдатель могъ въ то время бросить взглядъ на внѣшнее и внутреннее состояніе евреевъ въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ они во множествѣ поселились послѣ разсѣянія, то нашель бы юдаизмъ, какъ религиозно-національное учрежденіе, при послѣднемъ издыханіи и не могъ бы предсказать ему долгаго существованія. Серьезная опасность угрожала той организаціи еврейства, которая выработалась четырехвѣковой дѣятельностью. Христіанство, преслѣдуя

еврейскихъ учителей и учреждая патріархатъ, подавило юдаизмъ въ Иудеѣ и довело его до безсилія; теперь религія маговъ угрожала еврейству въ его второмъ отечествѣ, въ Вавилоніи. Въ еврейскихъ странахъ евреи въ то время еще не пробудились для самосознанія и, сверхъ того, вели борьбу съ христіанствомъ, которое оспаривало у нихъ каждую пядь земли и воспрещало всякое жизненное проявленіе. Только въ сѣверной Аравіи еврейскія племена имѣли нѣкоторую независимость, а въ южной Аравіи достигли высшей степени силы и даже образовали родъ государства. Однако, для жизни этого еврейскаго государства и свободныхъ еврейскихъ племенъ не доставало духовнаго принципа, который могъ бы охранять ихъ и сплачивать во-едино. Потому-то сказанное государство было разрушено дыханіемъ исторіи, а племена доведены до рабства и распаденія.

И во внутреннемъ развитіи еврейство достигло въ шестомъ вѣкѣ до тѣхъ предѣловъ застоя, за которыми начинается прекращеніе духовной дѣятельности и смерть. Выработка Талмуда и, — правда, осторожное, — истолкованіе закона во всемъ его объемѣ и со всѣми основаніями, придавали еврейству живость и свѣжесть, открывали умамъ обширное поле для развитія ихъ силъ и представляли случаи удовлетворить стремленіе къ созиданію новаго. Во всестороннемъ уразумѣніи и въ обладаніи этого многослойнаго матеріала было что-то привлекательное. Эта прелесть, по заключеніи Талмуда Рабиной и его сотрудниками, повидимому, исчезла. Все было высказано, обдуманно, приведено въ порядокъ, ни одинъ важный вопросъ не остался, повидимому, безъ обсуждения и рѣшенія; оказывалось только мѣсто для дѣятельности второстепенныхъ умовъ, стремившихся опредѣлить норму для религіозной жизни или сдѣлать выборъ изъ предложеннаго матеріала. Иссякли также источники, изъ которыхъ могла черпать пробужденная фантазія вдохновенія. Односторонность талмудическаго направленія отнимала всѣ высокія качества у живой воды библейской поэзіи, и агадское истолкованіе св. Писанія превратилось въ пустословіе.

Какую силою одарилъ Господь еврейство, что оно могло, не смотря на препятствія, пробиться снова изъ мрака къ свѣту!

Мы начнемъ свой обзоръ съ положенія евреевъ въ Вавилоніи (Персіи), которая все еще была главною ареной еврейской исторіи и законодательнымъ авторитетомъ для близкихъ и дальнихъ общинъ. Едва оправились евреи отъ долговременнаго и жестокаго гоненія, воздвигнутаго царемъ Фируцемъ, какъ подверглись новымъ бѣдствіямъ, которыя ниспровергли трехвѣковый порядокъ. Фируцу наслѣдовалъ царь Кобадъ (Ковадъ, Кабадесъ), человѣкъ слабый, но не безъ добрыхъ свойствъ, бывший игрушкою въ рукахъ фанатика, который побудилъ его воздвигнуть гоненіе на евреевъ. Въ царствованіе Кобада выступилъ на сцену человѣкъ, который хотѣлъ преобразовать религію маговъ и сдѣлать ее первенствующею. Мацдакъ, — такъ звали этого реформатора, — вообразилъ, что нашелъ средство содѣйствовать побѣдѣ свѣта надъ тьмою, побѣдѣ Ормузда надъ Ариманомъ. Онъ считалъ страсть къ приобрѣтенію и вождельніе къ чужимъ женамъ источниками всего зла въ родѣ человѣческомъ. Онъ хотѣлъ уничтожить эти причины и ввести общность имущества и женъ; онъ допускалъ брачные союзы даже между близкими кровными родственниками. По мнѣнію Мацдака, зданіе Зороастрова ученія могло быть лучше всего основано на коммунистическомъ равенствѣ. Такъ какъ Мацдакъ велъ строго-аскетическую жизнь, то вскорѣ приобрѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ (около 501), которые воспользовались данною свободой и называли себя зендиками, т. е., истинными поклонниками Зенда (религіи жизни и свѣта). Самъ царь Кобадъ былъ его вѣрнымъ ученикомъ и содѣйствовалъ стремленіямъ Мацдака. Онъ издалъ повелѣніе, чтобы все жители персидскаго государства приняли ученіе Мацдака и поступали сообразно съ нимъ. Низшіе классы народа дѣйствовали, какъ ревностнѣйшіе зендики, присвоивали имѣніе богатыхъ людей и захватывали понравившихся имъ женщинъ. Произошла такая путаница понятій о правѣ

и безправіи, о добродѣтели и порокахъ, какой еще не бывало въ исторіи народовъ. Хотя персидскіе вельможи низложили коммунистическаго царя и заключили его въ тюрьму, однако послѣдній бѣжалъ и при помощи гунновъ снова вошелъ на престолъ; тогда приверженцы Мацдака возобновили свои дѣянія, такъ что многія дѣти, родившіяся въ царствованіе Кобада, не знали своихъ настоящихъ отцовъ, и никто не могъ спокойно владѣть своимъ имуществомъ. Коммунизмъ Мацдака не понравился народу. Мондгиръ, вассальный государь Гиры, близъ Пумбадиты, не желавшій принять реформы Мацдака, долженъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ; его мѣсто занялъ, по назначенію Кобада, другой арабскій глава.

Евреи и христіане, конечно, не были пощажены, и если отъ узаконеннаго хищничества зендиковъ страдали только богатые люди, то постановленіе объ общности женъ касалось всѣхъ безъ исключенія общинъ. Чистота и святость брака были у евреевъ исконными добродѣтелями, которыя, благодаря талмудическому ученію, еще глубже укорѣнились въ сердцахъ. Евреи не могли допустить, чтобы ихъ жены и дочери подвергались ежеминутно позору, чтобы чистота семейной жизни, которую они берегли какъ зеницу ока, была осквернена. Поэтому они, кажется, оказали съ оружіемъ въ рукахъ сопротивленіе наглымъ нападеніямъ зендиковъ, и возстаніе, приурочиваемое однимъ историческимъ источникомъ къ этому времени, имѣло, повидимому, своею цѣлью избавленіе отъ невыносимаго коммунизма. Во главѣ этого возстанія находился молодой экилархъ Маръ-Сутра II, который, безъ сомнѣнія, былъ необыкновенною личностью, потому что сага украсила чудесными чертами его рожденіе и дѣла.

Маръ-Сутра (родился около 496) былъ сынъ одного ученаго князя изгнанія, Гуны, который получилъ санъ экиларха (488—508)¹⁾ по смерти тирана Фируца. Онъ былъ еще ре-

¹⁾ См. замѣч. 1.

бенкомъ, когда умеръ его отецъ. Сага рассказываетъ слѣдующимъ образомъ объ его рожденіи: экилархъ Р. Гуна, имѣвшій высокоумный характеръ, вступилъ въ споръ съ своимъ тестемъ Марь-Ханиною и подвергъ его тяжкому наказанію, хотя тотъ принадлежалъ къ числу извѣстнѣйшихъ ученыхъ. Наказаніе состояло въ томъ, что Марь-Ханина долженъ былъ провести цѣлую ночь подъ открытымъ небомъ, у городскихъ воротъ; при этомъ было воспрещено всѣмъ евреямъ оказывать ему гостепріимство. Марь-Ханина горько плакала по поводу этого уничтоженія и желала, чтобы всѣ члены экилархова дома умерли внезапно. Но во снѣ Марь-Ханина видѣла, будто онъ срубилъ всѣ деревья въ кедровомъ лѣсу, отъ котораго остался только одинъ низенькій отпрыскъ; когда же онъ хотѣлъ срубить и этотъ отпрыскъ, тогда явился царь Давидъ, — потомками котораго считали себя экилархи, — и воспретилъ ему рубить. Проснувшись утромъ, Марь-Ханина узнала, что изъ всего экилархова дома не осталось въ живыхъ ни одного человѣка, и что будущность угасшаго дома заключается въ утробѣ его родной дочери, супруги экиларха Р. Гуны. Поэтому онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія своей дочери отъ бремени и, не обращая вниманія на дождь и палящій жаръ, стоялъ на стражѣ у ея дверей, дабы охранить ея отъ всякаго несчастнаго случая; наконецъ, онъ дожилъ до счастія видѣть сына своей дочери, который и былъ Марь-Сутра II. Эту послѣднюю отрасль экилархова дома Марь-Ханина окружилъ нѣжнѣйшими попеченіями, воспиталъ и обучилъ, и радовался рановременному развитію мальчика, который уже на пятнадцатомъ году отличался разумомъ и познаніями, такъ что могъ принять санъ своихъ предковъ.

Во время малолѣтства Мара-Сутры должность экиларха исправлялъ мужъ его сестры Пахта, который однако былъ повидимому нерасположенъ передать экилархатъ законному наслѣднику. Поэтому дѣдъ Марь-Ханина отправился съ нимъ ко двору царя, вѣроятно Кобада, и достигъ, безъ сомнѣнія подарками, низложенія Пахты и инвеституры Марь-

Сутры (около 511). Этотъ-то пятнадцатилѣтній экилархъ выступилъ съ оружіемъ въ рукахъ на защиту своихъ собратій. Ближайшимъ поводомъ къ возстанію послужила насильственная смерть главы школы, Маръ-Исаака. Такъ какъ въ возстаніи участвовалъ представитель еврейства, Маръ-Ханина, то возстаніе это, конечно, имѣло религиозный характеръ. — Четыреста еврейскихъ воиновъ составляли свиту Маръ-Сутры, который съ ея помощью вѣроятно изгналъ хищныхъ и развратныхъ сторонниковъ Мацдака изъ еврейской области въ Вавилоніи, и защитилъ священнѣйшія права отъ наглыхъ нападеній. Далѣе онъ, какъ говорятъ, совершилъ столь блестящіе военные подвиги, что его не могли одолѣть войска, посланныя царемъ для подавленія возстанія. Маръ-Сутра завоевалъ даже независимость и обложилъ податью нееврейскихъ жителей Вавилоніи. Сага приписываетъ побѣду еврейскаго оружія чудесному явленію въ видѣ огненнаго столпа, который во время битвы предшествовалъ воинственному экиларху. Столицею крошечнаго еврейскаго государства сдѣлался городъ Махуза близъ Ктезифона, и экилархъ жилъ здѣсь подобно царю. Столь счастливо окончившееся возстаніе евреевъ въ близкомъ къ паденію персидскомъ государствѣ представляется не невѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, что за пять столѣтій предъ тѣмъ двое юношей безъ всякихъ средствъ, Азинаи и Анилай, могли основать въ той же странѣ независимую еврейскую общину и отказывать въ подданствѣ персидскому царю.

Завоеванная Маръ-Сутрой независимость продолжалась около семи лѣтъ; наконецъ, евреи были побѣждены многочисленнымъ персидскимъ войскомъ. Самъ экилархъ взятъ при этомъ въ плѣнъ. Пораженіе евреевъ сага объясняетъ тѣмъ, что они, привыкнувъ къ войнѣ, забыли о религіи и нравственности; вскорѣ затѣмъ угасъ и огненный столпъ, видимый знакъ побѣды. Экилархъ Маръ-Сутра и его престарѣлый дѣдъ Маръ-Ханина были казнены, и трупы ихъ выставлены на мосту въ Махуцѣ (около 520). Жители этого города лишились имущества и заключены въ тюрьму; вѣроятно,

преслѣдованіе распространилось гораздо дальше. Члены экилархова дома спаслись бѣгствомъ въ Іудею, взявши съ собою экилархова сына, котораго звали также Маръ-Сутрой, и который, выросши, сдѣлался извѣстнымъ своею ученостію. Слѣдовательно, воздвигнутое Кобадою гоненіе прекратило на нѣкоторое время существованіе экилархата въ Вавилоніи. Талмудическія академіи были также закрыты, потому что законоучители, будучи преслѣдуемы, должны были скрываться. Бѣжали два человѣка, пользовавшіеся авторитетомъ, именно, Р. Агунаи и Р. Гица; послѣдній поселился на рѣкѣ Цабѣ, гдѣ вѣроятно было безопасно отъ преслѣдованія. Другіе бѣжали въ Палестину или Аравію. Мщеніе Кобада по поводу возстанія, возбужденнаго фанатизмомъ, нанесло такой сильный ударъ исторической жизни вавилонскихъ евреевъ, бывшей въ сурской и пумбадитской академіи, что она оправилась уже много времени спустя. Однако преслѣдованіе, кажется, не распространилось на всю Персію, ибо въ войскѣ Кобада, сражавшемся противъ греческаго полководца Велизарія, находились также еврейскіе солдаты, на которыхъ персидскій военачальникъ обращалъ столь великое вниманіе, что просилъ о перемиріи, дабы дать имъ возможность отпраздновать Пасху въ спокойствіи ¹⁾).

По смерти Кобада преслѣдованіе вавилонскихъ евреевъ прекратилось само собой. Хотя его преемникъ, Хозрой Нуширванъ, не былъ расположенъ къ евреямъ и обложилъ ихъ поголовною податію, за исключеніемъ дѣтей и стариковъ ²⁾); однако это надобно считать не выраженіемъ нетерпимости и ненависти, а лишь средствомъ выполнить государственную казну. Во все многолѣтнее царствованіе Хозроя не замѣчается даже слѣдовъ непріязненности къ евреямъ. Едва было восстановлено спокойствіе, какъ представители вавилонскихъ евреевъ успѣли реставрировать учрежденія, пробудить

¹⁾ Bar-Hebräus Historia Chronicon Syriacum; текстъ, стр. 85.

²⁾ Khondemir въ Casiri Recherches sur quelques antiquités de la Perse, стр. 372.

дѣятельность школъ и, такъ сказать, связать порванную цѣпь преданія.

Призвали бѣжавшаго Гицу, поселившагося на рѣкѣ Цабѣ, и предложили ему мѣсто учителя въ Сурѣ; главою пумбадитской академіи былъ назначенъ Р. Симуна. Къ тому же времени относится еще третье имя: Р. Рабаи изъ Роба (недалеко отъ Нагардеи), котораго положеніе и обязанности представляются однако сомнительными¹⁾. Этимъ лицамъ съ подчиненными имъ товарищами и учениками не оставалось ничего инаго дѣлать, какъ всецѣло посвятить Талмуду свою дѣятельность. Это составляло единственную цѣль всѣхъ мыслителей и благочестивыхъ людей того времени, которая виѣсть съ тѣмъ удовлетворяла религиозной ревности и честолюбію, доставляла душевное спокойствіе, приносила славу и содѣйствовала какъ духовнымъ, такъ и земнымъ стремленіямъ. Благодаря преслѣдованію, ученіе дѣлалось для всѣхъ нихъ тѣмъ дороже и священнѣе. Талмудъ былъ для всего народа священнымъ предметомъ, вокругъ котораго всѣ толпились.

Но ученики послѣднихъ амореевъ утратили творческую силу, чтобы вести Талмудъ далѣе; кромѣ того, матеріаль и способъ обработки представлялись уже законченными въ такой степени, что не могли болѣе ни увеличиться, ни расширяться. Застой въ изученіи Талмуда, замѣчаемый уже по смерти Р. Апи, послѣдняго великаго аморы, усилился спустя столѣтіе. Поэтому, главы школъ довольствовались только поддержаніемъ древняго обычая собирать вокругъ себя учениковъ въ учебные мѣсяцы — Адарѣ (Мартѣ) и Эллулѣ (Сентябрѣ), предлагать имъ учебный матеріаль, указывать способъ и назначать задачи для самостоятельныхъ занятій. Правда, они по извѣстной нормѣ установили для обрядовъ, а также для гражданскаго и брачнаго права, многіе пункты религиозно-законной жизни, которые до того времени оставались безъ рѣшенія, или о которыхъ существовали въ школахъ различныя мнѣнія. Необозримый матеріаль Талмуда,

¹⁾ Сравн. замѣч. 2.

остававшійся неопредѣленнымъ по причинѣ споровъ и противорѣчій, долженъ былъ сдѣлаться пригоднымъ для практическаго употребленія. Ибо колебаніе и неопредѣленность не могли быть терпимы, если только вѣроучители не хотѣли допустить религіозную жизнь до упадка. Судьи нуждались въ опредѣленной нормѣ, по которой могли бы рѣшать встречающіеся случаи, и каждый нуждался въ несомнѣнномъ правилѣ, которымъ могъ бы руководствоваться въ своей религіозной жизни. Этой сторонѣ своей дѣятельности, *установленію религіозной и судебной практики по обсужденію доводовъ за и противъ*, послѣ-аморейскіе учителя обязаны именемъ *Сабуреевъ* (Saburay), потому что они, обсудивъ различныя мнѣнія (Sebara), постановили окончательное рѣшеніе ¹⁾. Сабуреи, дѣятельность которыхъ началась тотчасъ по завершеніи Талмуда и только продолжалась Р. Гицой, Р. Симуной и товарищами ихъ, держались болѣе практическаго, чѣмъ теоретическаго направленія; для теоріи они сами не признавали себя авторитетами.

Сабуреискіе главы школь, Р. Гица и Р. Симуна, приняли на себя обязанность изложить письменно Талмудъ ²⁾. Они пользовались при этомъ отчасти устнымъ преданіемъ, отчасти писанными замѣтками, сдѣланными тѣмъ или другимъ лицомъ, съ цѣлью помочь памяти. Такъ какъ потомки аморовъ находили важнымъ все, что исходило отъ этихъ авторитетовъ, то собирали всякое выраженіе, всякій анекдотъ, въ томъ видѣ, въ какомъ они были извѣстны въ учебныхъ кружкахъ, дабы передать потомству мудрость аморовъ во всей ея полнотѣ. Для объясненія темныхъ мѣстъ они дѣлали прибавленія, которыя отъ первоначальнаго текста отличались большею ясностью, а также обширностью. Въ этомъ, установленномъ сабуреями, видѣ получили Талмудъ современныя имъ общины и потомство. Послѣ нихъ почти не дѣлалось прибавленій къ Талмуду. — Неизвѣстно, сколько времени дѣй-

¹⁾ Сравни замѣч. 2.

²⁾ Замѣч. 2.

ствоваши Р. Гица и Р. Симуна, которые называются послѣдними сабурейми¹⁾, но, конечно, не болѣе какъ до половины шестаго вѣка. Вся собственно сабурейская эпоха продолжалась не болѣе полустолѣтїя (500—550).

Ни хроника, ни преданіе не сохранили именъ ихъ непосредственныхъ преемниковъ; эти имена пришли въ забвеніе во время преслѣдованій, которымъ вновь подверглись школы.

Сынъ Ховроя Нуширвана, Гормиздасъ (Гормузь) IV, былъ во всѣхъ отношенїяхъ противоположенъ своему великому отцу. Пока жилъ его воспитатель и совѣтникъ, Абузургъ-Мигиръ, персидокій Сенека, — изобрѣтатель шахматной игры, — до тѣхъ поръ Гормиздасъ опасался обнаруживать свой истинный характеръ. Когда же удалился этотъ мудрецъ, тогда проявилась нероновокая натура этого царя и перешла за предѣлы умѣренности и благоразумїя. Подъ вліяніемъ маговъ, желавшихъ поддержать свою, клонившуюся къ паденію, религію и потому воздвигнувшихъ гоненіе на иновѣрцевъ, Гормиздасъ обратилъ свой гнѣвъ на подвластныхъ евреевъ и христіанъ. Неизвѣстно, какъ сильно было это преслѣдованіе; извѣстно только то, что талмудическія школы въ Сурѣ и Пумбадитѣ были закрыты, а законоучители опять бѣжали (около 581) толпами, какъ при Фирудѣ и Кобадѣ. Они поселились въ Фирудъ-Шабурѣ (недалеко отъ Нагардеи), который служилъ болѣе безопаснымъ убѣжищемъ, такъ какъ находился далеко отъ персидской столицы Ктезифона и принадлежалъ арабскому вельможѣ. Они продолжали свою дѣятельность въ Фирудъ-Шабурѣ, гдѣ возникли новыя школы, изъ которыхъ особенно отличалась школа Р. Мари²⁾.

Недолго однако продолжалось суровое правленіе Гормиздаса; персы были недовольны и волновались, враги Персіи вторгались со всѣхъ сторонъ и овладѣвали цѣлыми областями. Государство Сассанидовъ досталось бы въ то время

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Херпра Посланіе 38, внизу. Я цитую по изданію В. Гольдберга въ *Sherphes matmonim*. Ср. Замѣч. 3.

счастливному побѣдителю, если бы его не спасъ храбрый военачальникъ Баграмъ Чубинъ. Но когда неразумный царь зашелъ въ своемъ ослѣпленіи такъ далеко, что заплатилъ неблагодарностью спасителю отечества и велѣлъ ему удалиться, тогда Баграмъ возсталъ противъ него, низложилъ и заключилъ его въ тюрьму, гдѣ тотъ впоследствии и былъ умерщвленъ (589). Баграмъ сперва управлялъ отъ имени принца Хозру, но потомъ сбросилъ маску и самъ взошелъ на тронъ. Персидскіе и вавилонскіе евреи привѣтствовали его, какъ своего освободителя; онъ былъ для нихъ тѣмъ, чѣмъ за два столѣтія предъ тѣмъ былъ императоръ Юліанъ для евреевъ римской имперіи. Онъ избавилъ ихъ отъ угнетенія и благопріятствовалъ ихъ стремленіямъ. За то и евреи питали къ нему привязанность, помогали ему деньгами и людьми и служили для его трона опорой, безъ которой послѣдній существовалъ бы не долго. Ибо симпатіи персидскаго народа обратились вскорѣ на законнаго престолонаслѣдника, и только большая часть войска осталась вѣрна Баграму; евреи, конечно, заботились о содержаніи войска и объ уплатѣ ему жалованья. — Открытіе вновь школъ въ Сурѣ и Пумбадитѣ, показанное въ хроникѣ подъ 589 годомъ, безъ сомнѣнія, находится въ причинной связи съ приверженностью персидскихъ евреевъ къ этому государю. — Р. Хананъ Искійскій возвратился изъ Фируцъ-Шабура въ Пумбадиту и возстановилъ древній академическій порядокъ; вѣроятно и въ знаменитую академію въ Сурѣ назначенъ глава въ это же время, хотя имя его не упоминается въ хроникахъ.

Однако правленіе Баграма было непродолжительно. Византійскій императоръ Маврикій, къ которому обратился бѣжавшій царевичъ Хозру, прислалъ ему на помощь войско, къ коему присоединились оставшіеся вѣрными персы, дабы общими силами поразить Баграма. Евреи заплатились жизнью за свою приверженность къ узурпатору. Персидскій полководецъ Мебодесъ, взявши городъ Махуцу, — построенный царемъ Нуширваномъ по образцу сирійской Антіохіи, названный имъ Антіохія Румія и населенный множествомъ

евреевъ, — умертвилъ большую часть послѣднихъ¹⁾. Такая же участь постигла евреевъ и въ другихъ мѣстахъ, въ которыя проникло побѣдоносное войско Хозру. Разбитый Баграмъ бѣжалъ къ гуннамъ. Хозру II, прозванный Фируць (Первиць) вступилъ на прародительскій престолъ. Этотъ государь, справедливый и кроткій, болѣе похожій на своего дѣда Нуширвана, чѣмъ на отца Гормиздаса, не метилъ евреевъ за ихъ участіе въ возстаніи. Во все его долголѣтнее царствованіе (590—628) не замѣчается даже слѣдовъ угнетенія евреевъ. Обѣ академіи продолжали существовать въ его царствованіе. Преимникомъ Р. Ханана былъ Мари баръ Маръ, основавшій школу въ Фируць-Шабуръ; въ это время главою школы въ Суръ былъ Маръ баръ Гуна²⁾ (609—620), въ эпоху котораго палестинскіе евреи одержали новыя побѣды и потерпѣли пораженія. Преимники этихъ учителей также извѣстны: Ханинаи Пумбадитскій и Хананьягъ Сурскій, которые видѣли вторженіе арабовъ и паденіе персидскаго господства³⁾. Ибо послѣдніе сассанидскіе властители, которыхъ было десять въ краткій двѣнадцатилѣтній періодъ, не имѣли времени заниматься еврейскимъ населеніемъ своего потрясеннаго государства. Поэтому въ еврейско-вавилонской общинѣ продолжалъ существовать старый порядокъ, и во главѣ ея все еще стоялъ экзилархъ. Въ теченіе полустолѣтія, отъ восстановленія академій при Баграмъ до эпохи арабскаго господства (589—640), прославились три Решъ-Галуты: Кафанаи⁴⁾, Ханинаи и Бостанаи; зрѣлыя лѣта послѣдняго изъ нихъ уже принадлежатъ слѣдующей эпохѣ, въ которую онъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, поставилъ экзилархатъ на высшую стѣпень могущества. До того времени уваженіе къ экзилархамъ основывалось болѣе на симпатіи народа, чѣмъ на признаніи этого сана государствомъ. Экзилархова фамилія была дорога сердцу народа, благодаря

¹⁾ Замѣч. 3.

²⁾ Херира, тамъ же.

³⁾ Херира, тамъ же.

⁴⁾ См. Замѣч. 4.

тому, что она происходила изъ дома Давидова и что экзилархи Гуна Мари и Марь-Сутра II потерпѣли мученическую смерть. Экзилархатъ былъ остаткомъ славныхъ временъ, но такъ какъ экзилархи не отличались ничѣмъ особеннымъ, то имена ихъ, за исключеніемъ немногихъ, забыты въ теченіе бѣдной воспоминаніями эпохи. Преимущественно эпоха Сабуреевъ принадлежитъ къ самымъ бесплоднымъ во всей еврейской исторіи. Кромѣ Марь-Сутры, не было въ эту эпоху ни одной замѣчательной личности. Представители Сабуреевъ, законоучители, были несамостоятельны, питались крохами талмудическаго времени и не оставили ни одного важнаго литературнаго произведенія, которое заслуживало бы быть сохраненнымъ для потомства. Еврейская Вавилонія, начавшаяся и развившаяся одновременно съ господствомъ Сасанидовъ, пала вмѣстѣ съ нимъ, но, обладая большею духовною силой, не погибла, а воскресла надъ вліяніемъ животворнаго вѣянія исторіи.

Положеніе евреевъ въ Іудеѣ, въ шестомъ вѣкѣ, было еще хуже, а угнетеніе еще сильнѣе. Въ политическомъ отношеніи они, надобно византійскимъ евреямъ, находились подъ страшнымъ гнетомъ; законы младшаго Феодосія не потеряли своей силы и сдѣлались еще строже при Юстинѣ старшемъ¹⁾. Евреи не могли занимать почетныхъ должностей и строить новыя синагоги; преемники этого императора, болѣе суровые, чѣмъ онъ, заботились о строгомъ исполненіи антиеврейскихъ законовъ. Какъ относились восточноримскіе императоры къ евреямъ, видно изъ словъ императора Зенона Исаврянина. Въ Антіохіи, гдѣ, какъ и во всѣхъ большихъ городахъ Византійской имперіи, существовали конныя ристанія и соперничество двухъ партій, Голубой и Зеленой, послѣдняя произвела разъ одно изъ тѣхъ волненій, которыя рѣдко оканчивались безъ кровопролитія. При этомъ случаѣ Зеленыя умертвили также много евреевъ, бросили ихъ трупы въ огонь и сожгли синагогу. Импера-

¹⁾ Codex Justiniani L. I, T. V § 12.

торъ Зенонъ, получивъ о томъ извѣстіе, сказалъ: Зеленые потому только достойны наказанія, что не сожгли вмѣстѣ съ мертвыми евреями и живыхъ¹⁾. Народъ, одичавшій вслѣдствіе соперничества партій, видѣлъ въ ненависти императора къ евреямъ безмолвный вызовъ къ проявленію своей ярости противъ евреевъ. Преимущественно антiохійское населеніе издавна питало непріязнь къ евреямъ. Поэтому, когда изъ Константинополя прибылъ въ Антіохію искусный возница Калліопа, присталъ къ партіи Зеленыхъ и произвелъ волненіе, тогда евреи снова испытали звѣрскую жестокость этой партіи. Въ праздничный день Зеленые отправились въ Дафне, близъ Антіохіи, и, безъ всякой видимой причины, разрушили синагогу и безчеловѣчно умертвили молившихся (9 Іюля 507)²⁾.

Какъ много мѣста осталось для евреевъ въ странѣ ихъ предковъ? Объ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній въ письменныхъ памятникахъ того времени. Между тѣмъ какъ церковная литература упоминаетъ множество городовъ и мѣстечекъ Святой Земли, еврейская литература той эпохи не называетъ ни одного города или выдающейся личности, съ которыми можно бы было связать историческую нить. Только основываясь на разсѣянныхъ въ церковной исторіи свѣдѣніяхъ, можно приблизительно опредѣлить, въ какихъ городахъ Палестины жили евреи массами, и гдѣ едва замѣтно билась угасающая историческая и духовная жизнь.

Іерусалимъ уже давно пересталъ быть средоточіемъ для евреевъ и мало по малу сдѣлался христіанскимъ городомъ съ архіепископскою каеедрой и совершенно недоступнымъ для своихъ прежнихъ сыновъ. Возобновленное Константиномъ запрещеніе евреямъ вступать въ Святый Градъ продолжало существовать и строго соблюдалось свѣтскими и духовными властями. Только Тиверіада, чудесный городъ на

¹⁾ Malalas Chronographia, стр. 389 и слѣд. (Οἱ πράσινοι ἐν Αντιοχείᾳ ἐρόνευσαν, φησὶν, Ἰουδαίους μηδενὸς φειδόμενοι. Καὶ ἀνηνέχθη τῷ αὐτῷ βασιλεῖ Ζήνωνι τὸ γενόμενον ὑπὸ τῶν πρασίμων πρὸς τοὺς Ἰουδαίους ἀσέβημα, καὶ ἀγανάκτησε κατὰ τῶν πρασίμων λέγων διὰ τὴν τοὺς νεκροὺς μόνον τῶν Ἰουδαίων ἔκαυσαν; ἐκρῆν γὰρ αὐτοὺς τοὺς ζῶντας κῆσαι.

М цитую по изданію Боннера.

²⁾ Тамъ же, стр. 396.

берегахъ озера, возведенный Р. Иохананомъ на степень академическаго города, остался на этой степени, сдѣлался поэтому средоточіемъ и былъ также авторитетомъ для иноземныхъ евреевъ. Даже аравійскій царь охотно внималъ увѣщаніямъ, исходившимъ изъ Тиверіады ¹⁾. Но и здѣсь укоренилось христіанство и основало епископство. Въ галилейскихъ горныхъ городахъ жили евреи, вѣроятно занимаясь дѣломъ своихъ предковъ, т. е. земледѣліемъ и масличнымъ древоводствомъ.

Въ Назаретѣ, колыбели христіанства, жило, повидимому, много евреевъ, судя по тому, что въ этомъ городѣ не было основано епископской кафедрой. Евреи жили также въ Скиополисѣ (Беосанѣ), который въ томъ столѣтіи былъ столицею второй Палестины (*Palestina secunda*), и въ Неаполисѣ (Сихемѣ), самарянскою столицею съ того времени, какъ Самарія сдѣлалась христіанскою страной ²⁾. Но во всѣхъ этихъ городахъ, за исключеніемъ Назарета, евреи составляли наименьшую часть жителей и почти исчезали среди преобладающаго христіанскаго населенія. Христіанство совершенно овладѣло Іудеей; по всей странѣ были разбѣяны церкви и монастыри.

Мы ничего не знаемъ о гражданской жизни и о занятіяхъ палестинскихъ евреевъ того времени. Замѣчательно, что они, не смотря на презрѣніе со стороны государства, питали страсть къ конскимъ ристаніямъ. Въ числѣ ихъ были также возницы, соперники и сторонники Зеленыхъ и Голубыхъ, какъ въ Константинополѣ, Антиохіи и въ другихъ большихъ городахъ Византійской имперіи. Но такъ какъ въ то время каждое явленіе жизни носило на себѣ отпечатокъ конфессіональнаго различія, то и къ соперничеству партій примѣшивалась религіозная вражда. Побѣда или неудача еврейскаго, самарянскаго или христіанскаго возницы были въ то же время поводомъ къ нападенію побѣдившей партіи на ея соперниковъ ³⁾.

1) Ср. Замѣч. 5.

2) Тамъ же.

3) Malalas Chronographia 446, Ἦταν δὲ καὶ ἄλλοι ἠνίσχουσι - Σκυροῖται καὶ Ἰουδαῖοι.

Хотя у палестинскихъ евреевъ существовала нѣкоторая школьная дѣятельность, однако она была такъ слаба и незначительна, что до насъ не дошло имени мѣстъ, въ которыхъ находились школы, и лицъ занимавшихся преподаваніемъ. Болѣе уважаемые законоучители носили титулъ преподавателей (Resch - Pirke, ἀρχιφερεχίται¹⁾), и однимъ изъ нихъ былъ младшій Маръ-Сутра, сынъ казненнаго экзиларха того же имени²⁾, увезенный, какъ выше сказано, въ Палестину. Вмѣстѣ съ Решъ-Пирке и подъ ихъ руководствомъ обучали другія лица, называвшіяся «старцами» (πρεσβύτεροι) или «учителями» (magistri). Скудные средства къ жизни заставляли учителей взимать плату за обученіе, чего прежде никогда не было и что также сильно порицалось современниками, хотя не могло быть устранено³⁾. Ученіе вполнѣ соотвѣтствовало печальнымъ обстоятельствамъ того времени, было лишено всякаго значенія, самостоятельности и духа. Изученіе строгой галахи уже давно прекратилось въ Палестинѣ. Агадская гомилія сдѣлалась любимымъ предметомъ слушателей и учителей. Но и въ этомъ отношеніи тотъ вѣкъ не отличался творчествомъ. Только собирали и сваливали вмѣстѣ все, дошедшее отъ прежнихъ временъ. Собираніе агадъ было легко. Такъ какъ дозволялось записывать ихъ, то каждый записывалъ въ тетрадку небольшія агадскія изреченія или длинныя изложенія, и такимъ образомъ возникла литература агады или мидрашъ, которою пользовались проповѣдники при обученіи. Располагали агадскій матеріалъ или по тексту пятикнижія и пяти галиграфическихъ книгъ, читаемыхъ въ синагогѣ, или соотвѣтственно важнѣйшимъ субботамъ и праздникамъ. Галаха или изученіе закона преподавалось только въ такомъ объемѣ, какой былъ необходимъ

Theophanes Chronographiae I, 356. Τοῦτω τῷ ἔτει — ἱστακίσαν οἱ Ἰουδαῖοι καὶ Σαμαρείται· ἐν Κασιοσίῳ τῆς Παλαιστίνης, καὶ ποιήσαντες πρὸς ἀλλήλους ἐν τάξει Ποικαιοβενέτων ἐπὶ ἄλλων τοῖς Χριστιανοῖς τῆς αὐτῆς πόλεως.

1) Justiniani novellae № 146.

2) Seder Olam sutta, конецъ.

3) Massechet Darah-Ereẓ с. 4.

для обыденной религіозной практики (Ma'asséh). Немногіе знатоки собрали для обрядовъ все, сказанное о нихъ въ древнихъ бораеахъ или въ іерусалимскомъ Талмудѣ, и прибавили также то, что было освящено, какъ религіозный обычай (Minhao), употребленіемъ въ общинахъ. Такимъ образомъ возникли такъ называемые малые трактаты (Massechtot Ketanot). До насъ дошло имя только одного изъ этихъ собирателей. Нѣкто Р. Ионаеанъ считается послѣднимъ *практикомъ*¹⁾ (Ssof Ma'asséh), но неизвѣстно, когда именно онъ жилъ. Говорится приблизительно, что онъ дѣйствовалъ послѣ Р. Гицы и Р. Симуны (слѣдовательно, послѣ 550).

Характеръ богослуженія измѣнился въ это время. Прежде, каждый, даже несовершеннолѣтній, могъ выступить въ качествѣ чтеца; теперь же, когда исчезло знаніе еврейскаго языка, потребовалось особое для того лицо — Хазанъ²⁾. Хазанъ читалъ нараспѣвъ извѣстныя части богослуженія³⁾. Хотя главною частью богослуженія въ субботу, праздники и полупраздники, осталось чтеніе Св. Писанія съ таргумическимъ переводомъ и съ агадскимъ толкованіемъ прочитаннаго текста; однако введены уже новыя части, состоявшія изъ псалмовъ или изъ переложенныхъ молитвъ (Pijut, Chasanut)⁴⁾. Тогда же соблюдались особые обычай при богослуженіи, которые утратились съ теченіемъ времени. Не только книга Есэири, но и прочія четыре такъ называемыя гагіографическія книги (Megillot; Пѣснь пѣсней, Ruth, Kohelet и Echa), прочитывались послѣ обѣда и объяснялись согласно агадѣ⁵⁾ въ одну или въ двѣ субботы, предшествующія тому дню, въ который эти книги прочитывались предъ всѣмъ народомъ.

До царствованія Юстиніана палестинскіе и византійскіе евреи, хотя лишеныя правъ гражданства, пользовались однако религіозною свободой. Императоры не вмѣшивались

¹⁾ См. Замѣч. 2.

²⁾ Massechet Soferim с. 10 halacha 7; 11, 4; 14, 14; 20, 1.

³⁾ Soferim 14, 9; 20, 9.

⁴⁾ Тамъ же 13, 10 слѣд.; 14; 16, 12; 19.

⁵⁾ Тамъ же 14, 18; 18, 4.

въ ихъ внутреннiя дѣла. Юстинiанъ, первый, еще болѣе ограничилъ евреевъ въ гражданскомъ отношенiи и, сверхъ того, насилдовалъ ихъ совѣсть. Онъ постановилъ не допускать евреевъ свидѣтельствовать противъ христіанъ, а только противъ ихъ единовѣрцевъ (532)¹⁾; но евреи въ этомъ случаѣ имѣли еще преимущества надъ самарянами, свидѣтельство которыхъ совѣмъ не принималось въ уваженіе, и которые не имѣли права завѣщать свое имущество. Это былъ родъ наказанiя самарянамъ за ихъ многократныя возстанiя противъ императорской власти и за избраніе себѣ въ цари Юліана бенъ Сабара (около 530). Такъ какъ евреи не участвовали въ этихъ возстанiяхъ²⁾, то и получили нѣкоторое преимущество надъ самарянами. Однако Юстинiанъ издалъ также законъ противъ евреевъ. Хотя евреи и самаряне, наравнѣ съ еретиками, не могли занимать почетныя должности, однако въ силу одного постановленiя были обязаны отправлять тяжелую и дорогую должность декуріона, не пользуясь притомъ соединенными съ нею привилегiями, именно, избавленіемъ отъ тѣлеснаго наказанiя и отъ ссылки. «Они должны, хотя бы со стенаніемъ, нести иго, но считаются недостойными всякой почести» (537)³⁾.

Этотъ же императоръ воспретилъ евреямъ праздновать Пасху прежде христіанскаго праздника Свѣтлаго Воскресенiя. Областнымъ правителямъ было приказано наблюдать за этимъ. Всякій разъ, когда еврейская Пасха приходилась раньше Святой Недѣли (въ годъ, предшествующій високосу), евреи уплачивали громадныя денежныя суммы въ наказаніе за то, что осмѣливались совершать праздничное богослуженіе и ѣсть опрѣсноки (около 540)⁴⁾. Юстинiанъ вмѣшался также и въ другія религіозныя дѣла евреевъ. Въ одной еврейской общинѣ, быть-можетъ константинопольской, произошла расколъ. Часть общины желала, чтобы чтенiю пяти-

1) Codex Justiniani L. I, T. 5 § 21; Novella 45.

2) См. Замѣч. 6.

3) Novella 45.

4) Procop. historia arcana c. 29. Edit. Bonn., III, стр. 156.

книжя и пророковъ предшествовалъ переводъ Отрывка на греческій языкъ для лицъ, незнающихъ древне-еврейскаго языка, и для женщинъ. Набожные люди и въ особенности законоучители испугались употребленія греческаго языка при богослуженіи, вѣроятно потому, что тогда агадское толкованіе было немислимо. Споръ разгорѣлся до такой степени, что греческая партія обратилась за рѣшеніемъ къ императору, къ безапелляціонному судѣ. Юстиніанъ не могъ иначе рѣшить, какъ въ пользу греческой партіи, и потому повелѣлъ евреямъ употреблять при богослуженіи переводъ семидесяти толковниковъ или Аквилы. Кромѣ того, въ другихъ провинціяхъ могли читать Св. Писаніе и на иномъ языкѣ, напр. на латинскомъ въ Италіи. Хотя онъ, подѣ страхомъ тѣлеснаго наказанія, запретилъ приверженцамъ древняго богослуженія налагать проклятіе на греческую партію, но и это постановленіе можно бы, конечно, считать справедливымъ, ибо императоръ ограждалъ имъ свободу богослуженія. Однако другой пунктъ въ томъ же эдиктѣ не допускаетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Юстиніанъ имѣлъ въ виду только церковные интересы, такъ какъ предполагалъ, что евреи, употребляя при своемъ богослуженіи принятый христіанами переводъ семидесяти толковниковъ, обратятся наконецъ въ христіанство. Подѣ страхомъ тяжкаго наказанія, онъ повелѣлъ, чтобы всѣ еврейскія общины Византійской имперіи употребляли при субботнихъ чтеніяхъ греческій или латинскій переводъ Св. Писанія. Далѣе, онъ воспретилъ агадское толкованіе (δευτέρωσις). Синагогальное богослуженіе должно было поэтому служить средствомъ къ обращенію евреевъ. Юстиніанъ такъ заботился объ этомъ, что приказалъ своему министру Ареобиндусу объявить всѣмъ областнымъ правителямъ эдиктъ объ употребленіи греческаго перевода при синагогальномъ богослуженіи и внушить имъ о буквальной исполненіи этого постановленія (13 Февраля 553)¹⁾.

¹⁾ См. Замѣч. 7.

Однако этотъ эдиктъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій; потребность въ переводѣ Св. Писанія была у евреевъ такъ слаба, что они не желали имѣть его. Греческая партія стояла одиноко, и тамъ, гдѣ въ общинѣ царствовало единодушіе, не представлялось особенныхъ затрудненій отправлять богослуженіе по древнему образцу и ускользать отъ бдительности властей. Тѣмъ не менѣе проповѣдники продолжали пользоваться агадскимъ толкованіемъ и не пропускали случая къ нападенію на Византію. «Тамъ червь безъ числа» (псаломъ), «это означаетъ безчисленные эдикты, издаваемые Римскою имперіей (Византіей) противъ насъ; большія и малыя животныя — герцоги, правители и полководцы; кто присоединится (изъ евреевъ) къ нимъ, тотъ сдѣлается предметомъ позора»¹⁾. «Какъ спущенная стрѣла замѣчается тогда только, когда поразитъ сердце, такъ точно и декреты Исавріи (Византіи). Ея стрѣлы являются внезапно, и замѣчаешь ихъ не ранѣе, какъ услышишь слово, осуждающее на казнь или тюремное заключеніе. Ея писанія суть летящія днемъ стрѣлы»²⁾. Въ этомъ смыслѣ проповѣдывали учителя въ Іудеѣ.

Нельзя однако умолчать о томъ, что Юстиніанъ ни прямо, ни косвенно не принуждалъ евреевъ къ христіанству, какъ принуждалъ самарянъ. Опасался ли онъ ихъ отвращенія къ этой религіи и ихъ многочисленности? Только отдаленная африканская община, Боріонъ, близъ Мавританіи, обращена Юстиніаномъ въ христіанство. Боріонскіе евреи относили начало своей общины ко временамъ Соломона и хвалились тѣмъ, что мудрый царь построилъ ихъ синагогу. Они составляли небольшое свободное государство, неплатившее дани ни римлянамъ, ни впослѣдствіи вандаламъ. Во время похода Велизарія противъ вандаловъ, боріонскіе евреи, вѣроятно, оказали сопротивленіе, потому что Юстиніанъ принудилъ ихъ окреститься и обратилъ ихъ древнюю синагогу въ христіанскій храмъ³⁾.

¹⁾ Midrasch Tehillim къ псалму 104.

²⁾ Тамъ же, къ псалму 120.

³⁾ Procop. de aedificiis VI, 2.

Палестинскіе евреи были недовольны правленіемъ Юстиніана, которое лежало на нихъ тяжкимъ бременемъ. Стефанъ, правитель первой Палестины, безъ сомнѣнія, не отличавшійся отъ большинства чиновниковъ Юстиніанова времени, вѣроятно, усиливалъ гнетъ и потому былъ ненавидимъ. Но уже миновало то время, когда евреи, изнемогая подъ игомъ иноземнаго владычества, брались за оружіе и свержали это иго. Самаряне же были въ то время отважнѣе и безразсуднѣе, потому что утратили многое по смерти императора Зенона. Оковы ихъ стали еще тяжелѣе, благодаря частымъ, но бесполезнымъ возстаніямъ, изъ которыхъ одно, во главѣ коего стоялъ ефемерный царь Юліанъ, сопровождалось безчеловѣчнымъ избіеніемъ христіанъ. Еще строже принуждали ихъ къ обращенію, а кто не покорялся, тотъ лишался имущества. Хотя кесарійскій епископъ Сергій доказалъ имъ, что гораздо лучше не упрямиться и перейти въ христіанство, и хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ Юстиніана смягчить законы относительно самарянъ; однако самаряне питали въ глубинѣ души ненависть къ своимъ учителямъ, причисляя къ нимъ всѣхъ безъ исключенія христіанъ. Во время конскаго ристанія въ столицѣ Кесаріи, самаряне напали на христіанъ. Еврейская молодежь участвовала въ этомъ нападеніи. Тѣ и другіе напали сообща на кесарійскихъ христіанъ, умертвили ихъ и разрушили церкви. Когда же на помощь къ христіанамъ пришелъ областный правитель Стефанъ, тогда бунтовщики сдѣлали на него и на его свиту столь сильное нападеніе, что принудили его скрыться въ преторіи, убили его и распространили ужасъ въ городѣ и въ окрестностяхъ (Іюль 556). Самаряне быть-можетъ надѣялись на своего соплеменника Арсенія, который былъ всемогущимъ фаворитомъ всемогущей императрицы и исполнялъ ея тайныя порученія¹⁾. Супруга Стефана поспѣшила въ Константинополь

¹⁾ *Ergo же historia arcana*, edit. Bonn., стр. 150 — 152 и *Cyrrillus Scyphopolitanus St. Sabae vita* въ *monumenta ecclesiae graecae*, edit. Cotelierii, T. III, стр. 340.

возвѣститъ императору о смерти своего мужа и о возмущеніи въ Кесаріи; Юстиніанъ приказалъ восточному намѣстнику Аманціусу, жившему въ Антиохіи, дѣйствовать оружіемъ. Аманціусъ могъ легко исполнить это приказаніе, потому что возстаніе было незначительно, такъ какъ въ немъ не принимали участія ни большинство самарянъ, ни палестинскіе евреи. Поэтому, наказаны были только виновные, но сообразно съ духомъ того времени: обезглавлены, повѣшены, лишены правой руки и имущества¹⁾.

Преемникъ Юстиніана, Юстинъ младшій, кажется, не измѣнилъ законовъ, изданныхъ противъ евреевъ. Хотя онъ подтвердилъ тяжкія постановленія своего предшественника относительно самарянъ и отнялъ у послѣднихъ право завѣщать имущество и дарить его при жизни, однако нѣтъ ни одного эдикта во вредъ евреямъ. Въ царствованіе императоровъ Тиверія и Маврикія нѣтъ и рѣчи объ евреяхъ. Только при узурпаторѣ Фокѣ, воскресившемъ времена Калигулы и Коммода, упоминается одно событіе, которое доказываетъ, что произволь свѣтскихъ властей и притязанія духовенства доводили евреевъ до жестокихъ дѣяній. Въ Антиохіи, гдѣ издавна существовала ненависть между евреями и христіанами и поддерживалась частыми столкновеніями, евреи, быть можетъ, по поводу ристаній въ циркѣ, напали на христіанъ, отплатили имъ сторицею за вынесенныя страданія, убили попавшихъ имъ въ руки и побросали ихъ трупы въ огонь, по примѣру Антиохіи (стр. 17).

Надругавшись надъ патріархомъ Анастасіемъ, прозваннымъ Синаитомъ, они влачили его по улицамъ, прежде чѣмъ предали смерти. Фока, получивъ извѣстіе объ этомъ смятеніи, назначилъ Бонозуса восточнымъ намѣстникомъ, а Котиса начальникомъ восточныхъ войскъ, и приказалъ имъ смирить бунтовщиковъ. Но антиохійскіе евреи оказали мужественное сопротивленіе. Римское войско призвало на помощь многочисленные отряды изъ сосѣднихъ областей и сдѣлало вновь

¹⁾ Malalas Chronographia, 488. Theophanes Chronographia I, 356.

нападеніе; евреи положили оружіе и понесли наказаніе: римскій полководець казнилъ однихъ, изувѣчилъ другихъ, послалъ въ ссылку третьихъ (Сентябрь и Октябрь 608) ¹⁾.

Злодѣяніе императора Теоки дало евреямъ неожиданный случай обнаружить свое неудовольствіе. Теока отнялъ престолъ у своего предшественника Маврикія; зять послѣдняго, персидскій царь Хозру II, напалъ на римскія владѣнія на Востокъ. Безчисленное персидское войско вступило въ Малую Азію и Сирію, не смотря на то, что новый императоръ Ираклій увѣдомилъ персидскаго царя о заслуженномъ наказаніи Теоки и просилъ о мирѣ. Отрядъ персидскаго войска, подъ предводительствомъ Шарбарцы, сошелъ съ Ливанскихъ горъ, чтобы отнять Палестину у Византіи. Евреи, узнавъ о слабости христіанскаго войска и объ успѣхахъ персидскаго оружія, почувствовали въ своей груди непреодолимую жажду къ битвѣ. Казалось, пробилъ часъ для отмщенія за многолѣтнія страданія. Центромъ воинственнаго движенія евреевъ былъ городъ Тиверіада. Во главѣ движенія сталъ Веніаминъ, обладавшій несмѣтнымъ богатствомъ и употребившій его на покупку оружія для еврейскаго войска. Ко всѣмъ палестинскимъ евреямъ послано приглашеніе собраться и примкнуть къ персидскому войску. Евреи вняли этому призыву. Сильные еврейскіе жители Тиверіады, Назарета и галилейскихъ горныхъ городовъ сходились подъ персидскія

¹⁾ Theophanes, тамъ же I, 456. Годъ, котораго нельзя опредѣлить по греческому тексту, опредѣляется по латинскому переводу Анастасія Библиотекаря, тамъ же II, 140. Неопредѣленное выраженіе Теофана: τούτω τῷ ἔτι Анастасій перевелъ: anno imperii Phocae septimo. Изъ этого перевода можетъ быть пополено недостающее мѣсто въ оригиналѣ: et non valuerunt (Bonosus et Kotys) sedare inquietudinem eorum (Judaeorum). Мѣсяць указанъ въ Chronicon Paschale (edit. Bonn. I, 699): καὶ κατὰ πέραις τοῦ σατταβρίου μηνὸς τοῦ ἰδ' ἰνδικτιῶνος ἀπηγγέλη ὡς Ἀλεξάνδριος ἀντιόχῃ ἐπὶ στρατιωτῶν. Такъ какъ другіе источники единогласно обвиняютъ евреевъ въ убіеніи патріарха, то противорѣчіе между ними и Chronicon paschale не иначе можно унячтожить, какъ дополнивъ пробѣлъ въ текстѣ этой хроники. Малалась, хронографія котораго не имѣетъ конца, служить, кажется, главнымъ источникомъ для факта возстанія евреевъ въ Антиохіи; Теофанъ часто приводитъ его слово въ слово.

знамена. Исполненные ярости, евреи, конечно, не пощадили христіанъ и ихъ церквей въ Тиверіадѣ и положили конецъ епископству, хотя объ этомъ фактѣ не говорится. — Подъ начальствомъ Шарбарцы они двинулись къ Іерусалиму, дабы отнять у христіанъ Святыи Градъ. Къ нимъ присоединились южнопалестинскіе евреи, и персидское войско, получивъ подкрѣпленіе отъ сарацынъ, взяло приступомъ Іерусалимъ (Іюль 614). Погибло въ этомъ городѣ 19000 христіанъ³⁸). Слѣдуетъ считать вымысломъ, будто евреи продавали христіанскихъ плѣнниковъ персамъ и убивали ихъ хладнокровно. Только въ пылу битвы и въ упоеніи побѣдой, могли евреи поступать съ своими врагами точно такъ, какъ поступили бы съ ними послѣдніе въ случаѣ пораженія. Ни одна партія не могла похвалиться чувствами человѣколюбія въ ту эпоху, въ которую религіозный фанатизмъ отуманивалъ головы и иссушалъ сердца. Конечно, евреи не щадили христіанской святыни. Всѣ церкви и монастыри были сожжены, и въ этомъ евреи, безъ сомнѣнія, участвовали болѣе, чѣмъ персы. Евреи, кажется, надѣялись, что персы отдадутъ имъ въ общинное владѣніе Іерусалимъ съ частью области.

Евреи, соединившись съ персами, бродили по Палестинѣ, разрушали монастыри, которыми была усѣяна страна, и изгоняли или убивали монаховъ. Одинъ отрядъ, состоявшій изъ іерусалимскихъ, тиверіадскихъ, галилейскихъ, дамаскихъ и даже кипрскихъ евреевъ, предпринялъ походъ противъ Тира, котораго еврейскіе жители (4000) обѣщали напасть врасплохъ на христіанъ, въ ночь на Свѣтлое Воскресенье, и умертвить ихъ. Еврейскій отрядъ, говорятъ, состоялъ изъ 20000 человѣкъ. Но предпріятіе не удалось, потому что тирскіе христіане узнали о предстоявшей имъ опасности. Поэтому они предупредили врага, схватили еврейскихъ жителей, заключили ихъ въ тюрьму и ожидали прибытія еврейскаго отряда, который нашелъ городскія ворота запертыми. Тогда отрядъ, въ отмщеніе христіанамъ, разрушилъ церкви

1) Замѣч. 8.

около Тира. Всякій разъ, когда тирскіе христіане получали извѣстіе о разрушеніи церкви, они убивали сто изъ схваченныхъ евреевъ и бросали ихъ головы со стѣнъ. Такъ погибло 2000 евреевъ. Еврейское войско, опечаленное смертью единовѣрцевъ, отступило отъ города; тирцы преслѣдовали его ¹⁾).

Около четырнадцати лѣтъ палестинскіе евреи наслаждались успѣхомъ. Многіе христіане, изъ страха или для спасенія жизни, приняли еврейскую религію. Но особенно радовались евреи обращенію одного синайскаго монаха, который подъ новымъ именемъ Авраама женился на еврейкѣ и сдѣлался ревностнымъ поборникомъ еврейства ²⁾).

Однако надежда, возлагаемая евреями на персидскаго побѣдителя, не оправдалась. Персы не отдали имъ Іерусалима и не сдѣлали ничего для устройства свободной еврейской общины; напротивъ, хотѣли обложить ихъ высокою податью. Поэтому между союзниками возникли сильныя неудовольствія, которыя могли перейти въ непріятельскія дѣйствія. Персидскій полководецъ схватилъ многихъ палестинскихъ евреевъ и отправилъ ихъ въ Персію. Этотъ поступокъ усилилъ неудовольствіе евреевъ и побудилъ ихъ къ сближенію съ императоромъ Иракліемъ. Этотъ государь служитъ примѣромъ тому, что изнѣженный сластолюбецъ можетъ въ одну ночь сдѣлаться пылкимъ героемъ; терпя въ теченіи многихъ лѣтъ пораженіе отъ персовъ съ одной стороны, и отъ аваровъ съ другой, онъ одержалъ потомъ надъ ними рядъ блистательныхъ побѣдъ. Ираклій оказался расположеннымъ привлечь евреевъ на свою сторону и поставить главнаго противника въ затруднительное положеніе. Поэтому онъ заключилъ съ евреями формальный союзъ, вѣроятно, при содѣйствіи Веніамина Тиверіадскаго, обѣщалъ имъ простить совершенныя ими надъ христіанами злодѣянія и даровалъ

¹⁾ Euty chius Alexandrinus (Ibn-Batrik) annale, II, 220 — 223.

²⁾ Antonius a St. Saba homilia 84.

еще другія льготы, которыя впрочемъ неизвѣстны намъ (около 627) ¹⁾).

Побѣды Ираклія, ослѣпленіе Хозру и возстаніе противъ него сына его Сироеса были причиною того, что къ греческому императору возвратились всѣ тѣ страны, которыя едва не сдѣлались навсегда персидскими сатрапіями. Вслѣдствіе мира, заключеннаго между Иракліемъ и Сироесомъ, низложившимъ и умертвившимъ своего престарѣлаго отца, персы очистили Іудею, и страна снова сдѣлалась зависимою отъ Византіи (628). Осенью того же года короновавшійся императоръ торжественно вступилъ въ Іерусалимъ, дабы возблагодарить на гробѣ Спасителя о дарованіи неожиданной побѣды и снова воздвигнуть въ Іерусалимѣ похищенный Животворящій Крестъ. На своемъ пути Ираклій посѣтилъ Тиверіаду, гдѣ богатый Веніаминъ оказалъ ему гостепрійство и снабдилъ жизненными припасами византійское войско. Императоръ, бесѣдуя съ нимъ, освѣдомился о причинѣ его столь враждебнаго расположенія къ христіанамъ; Веніаминъ откровенно отвѣтилъ: «Потому что они враги моей вѣры» ²⁾).

Когда Ираклій вступилъ во Святой градъ, монахи и патриархъ Модестъ настоятельно потребовали отъ него, истребленія всѣхъ палестинскихъ евреевъ, какъ въ наказаніе за ихъ поступки съ христіанами, такъ и въ видахъ предосторожности, дабы они при какомъ-либо новомъ вторженіи непріятели не возстали опять на христіанъ. Императоръ отказалъ, ссылаясь на свое торжественное и христіанское обѣщаніе, данное евреямъ, котораго онъ не могъ нарушить, не согрѣшивъ предъ Богомъ и не сдѣлавшись клятвенно-преступникомъ предъ людьми. На это фанатическіе монахи отвѣчали, что умерщвленіе евреевъ, далеко не составляя преступленія, будетъ напротивъ богоугоднымъ дѣломъ. Они хотѣли принять грѣхъ на себя и учредить особый постъ, именно, отказывались отъ яицъ, сыра и рыбы въ теченіе первой не-

¹⁾ Замѣч. 8.

²⁾ Замѣч. 8.

дѣли великаго поста. Императоръ сдался и воздвигъ гоненію на евреевъ во всей Палестинѣ: умерщвлены всѣ тѣ, которые не успѣли скрытѣся въ горахъ или бѣжать въ Египетъ¹⁾.

Въ Египтѣ еще существовали тогда еврейскія общины, и даже въ Александріи поселились опять евреи, изгнанные оттуда Кирилломъ въ началѣ пятаго вѣка. Александрійскій еврей, по имени Урбибъ, славившійся своимъ богатствомъ и щедростью, питаль неимущихъ во время голода, безъ различія вѣроисповѣданій²⁾. Конечно, осталась одна лишь тѣнь отъ прежняго блеска и значенія александрійскихъ евреевъ. Но если они, при общемъ упадкѣ того времени, утратили способность къ наукамъ и образованію, то сохранили теплое чувство состраданія къ своимъ страждущимъ братіямъ. Они братски принимали несчастныхъ бѣглецовъ изъ Іудеи, изгнанныхъ монашескимъ фанатизмомъ. Воздвигнутое Иракліемъ гоненіе не коснулось только Веніамина Тиверіадскаго, главнаго дѣятеля въ возстаніи противъ римлянъ; но Веніаминъ пожертвовалъ религіей ради своего спокойствія и, склонясь на увѣщанія императора, принялъ крещеніе³⁾. Память объ этомъ гоненіи сохранялась еще долго, и восточные христіане, именно, копты и марониты, соблюдали въ теченіе многихъ столѣтій постъ, установленный по этому поводу⁴⁾.

Ираклій возобновилъ при этомъ случаѣ адріановы и константиновы эдикты, воспрещавшіе евреямъ вступать въ Іерусалимъ и его окрестности (628)⁵⁾. Преслѣдованіе палестинскихъ евреевъ въ царствованіе Ираклія дало самъ поводъ къ слѣдующему разсказу: Ираклій узналъ отъ астрологовъ, что Византійская Имперія будетъ разрушена народомъ, соблюдающимъ законъ объ обрѣзаніи; относя послѣднія слова къ евреямъ, онъ издалъ повелѣніе умертвить во всемъ своемъ

1) Eutychius, тамъ же II, 243 и слѣд. Ср. то-же замѣч.

2) Eutychius, тамъ же II, 133.

3) Theophanes Chronographia I, 504.

4) Eutychius, тамъ же, стр. 243.

5) Constitutiones imperatoriae № 2. О точной хронолог. датѣ пребыванія Ираклія въ Іерусалимъ сравн. Вейля: Жизнь Магомета, 198, прим. 309.

государствѣ всѣхъ тѣхъ евреевъ, которые не захотятъ обратиться къ христіанству. Сага повѣствуетъ далѣе, что Ираклій писалъ даже къ французскому королю Дагоберу, прося его принудить къ крещенію жившихъ во Франціи евреевъ, и умертвить сопротивляющихся¹⁾. Въ дѣйствительности Ираклій неповиненъ въ этомъ кровопролитіи. Ибо по смерти его находились еще въ Византійской столицѣ евреи, которые воспользовались смутнымъ временемъ, наступившимъ послѣ кончины его сына Константина, а также неудовольствіемъ народа и войска на императрицу Мартинію и ея сына Гераклеонаса, и сдѣлали нападеніе на Софійскій соборъ (641)²⁾. Однако не было никакой надобности въ астрологическихъ бредняхъ, чтобы предсказать разрушеніе Византійской Имперіи арабами, народомъ, соблюдавшимъ законъ объ обрѣзаніи. Еще при жизни Ираклія, арабы, одушевленные ревностью къ новой религіи, стучались въ врата Византійской Имперіи и, съ дикою необузданностью, требовали впустить ихъ. Императоръ еще пережилъ то время, когда Іудея, Сирія и Египеть были отняты у христіанъ и подпали подъ яго преемниковъ Меккскаго пророка.

¹⁾ Fredegardus chronicon с. 2 и Pertz Monumenta I, 286. Joseph Kohen Dibre ha-jamim. Emek ha-bacha, Вѣнск. издан., стр. 8.

²⁾ Nicephorus Patriarcha Constantinopolus: de rebus post Mauritium gestis, стр. 35.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Европейскія страны.

Положеніе евреевъ въ Европѣ; общины въ Константинополѣ; храмовые суды; итальянскіе евреи; папа Гелазій; отношенія Феодориха Великаго къ евреямъ; министръ Кассіодоръ; храбрость неаполитанскихъ евреевъ; папа Григорій I; положеніе евреевъ во Франціи; соборныя постановленія противъ нихъ; фанатизмъ клермонскаго епископа Авитуса; король Хильперихъ и его еврейскій ювелиръ Прискъ; апостать Фатиръ; преслѣдованіе при королѣ Дагоберѣ. — Древность водворенія евреевъ въ Испаніи; ихъ спокойствіе во времена римлянъ и арианскихъ вестготовъ; законы Реккареда; преслѣдованіе при Сизебутѣ; благо-расположеніе Свинтили къ евреямъ; враждебныя евреямъ декреты Сизенанда; Исидоръ Севильскій; полемическія произведенія за и противъ еврейства; жестокіе законы Хинтили противъ евреевъ.

500—640.

Исторія евреевъ въ Европѣ начинается, въ сущности, не ранѣе того времени, какъ стеченіе благоприятныхъ обстоятельствъ помогло имъ развитъ свои силы и создать произведенія, благодаря которымъ они возвысились надъ своими восточными единовѣрцами. До того же времени можно сообщить только объ ихъ бѣдствіяхъ, которыя, повторяясь однообразно во всѣхъ земляхъ, едва отличаются одно отъ другаго. Можетъ ли быть предметомъ исторіи рабъ, надъ которымъ стоитъ съ бичемъ его высокогѣрный, жестокосердый господинъ? Кто могъ бы преслѣдить за евреями во всѣхъ уголкахъ земли, въ которые загнало ихъ несчастье или склонность къ странствованіямъ? Одинъ знаменитый писатель того времени говоритъ о нихъ: «Будучи разсыяны и раздроблены по всему свѣту, евреи несутъ римское иго

и однако живутъ по своимъ законамъ»¹⁾). Интересно до известной степени только то, какимъ образомъ евреи водворялись въ европейскихъ государствахъ и жили здѣсь до тѣхъ поръ спокойно, въ мирѣ и согласіи съ сосѣдями, пока не проникало сюда распространявшееся христіанство. Въ Византійской Имперіи, въ остготской Италіи, въ франкской и бургундской Галліи, въ вестготской Испаніи, всюду мы встрѣчаемъ одни и тѣ-же явленія. Народъ, даже бароны и князья совершенно далеки отъ нетерпимости, не питаютъ антипатіи къ евреямъ и безъ всякаго предубѣжденія вступаютъ съ ними въ сношенія; но высшее духовенство видитъ въ благосостояніи и довольствѣ евреевъ ограниченіе христіанства. Оно хочетъ, чтобы исполнилось проклятіе, наложенное на евреевъ основателемъ христіанской религіи; оно хочетъ, чтобы удрученное состояніе евреевъ было осуществленіемъ анти-іудейскихъ мыслей Отцевъ Церкви. Духовенство на соборахъ и синодахъ такъ же ревностно занимается еврейскимъ вопросомъ, какъ преніями о догматахъ и усиливающимся упадкомъ нравственности духовенства и мірянъ, уровень которой становится все ниже и ниже, несмотря на строгость Церкви и на усиленіе религіозности.

Замѣчательно, что именно римскіе епископы, притязанія которыхъ на званіе столповъ вѣры возрастали съ каждымъ днемъ, относились къ евреямъ съ большею терпимостью и кротостью, чѣмъ кто либо другой. Властители папскаго престола полагали свою славу въ защитѣ евреевъ отъ грубостей и увѣщавали духовенство и князей не обращать евреевъ къ христіанству путемъ насилія и угнетенія. Эта кротость была, въ сущности, нелогичною; ибо Церковь не могла иначе поступать съ евреями, самарянами и еретиками, какъ повинувась слѣдующему изреченію: «Вѣруйте такъ, какъ я вѣрую, или умрите». Но кто не отдастъ предпочтенія нелогичности Григорія Святаго предъ ужасною логичностью

¹⁾ Cassiodor in Psalmum 58, 12.

королей Сизебута и Дагобера, о которыхъ можно сказать, что они были болѣе католиками, нежели самъ папа! Впрочемъ терпимость самыхъ кроткихъ епископовъ не имѣла въ своемъ основаніи чувства гуманности. Епископы потому только избѣгали насильственно обращать къ христіанству страхомъ смерти или изгнанія, что были убѣждены въ неискренности новообращенныхъ, которые были христіанами только по наружности, въ душѣ же проклинали новую религію. Но они не опасались ограничивать права евреевъ и мучить ихъ, низводить на степень рабовъ, ибо всѣ эти мѣры казались въ тѣ времена варварства справедливыми и богоугодными. Однако народы, исповѣдывавшіе аріанство, относились къ евреямъ съ болѣею терпимостью. Поэтому, чѣмъ болѣе вытѣснялось изъ Европы аріанское вѣроученіе и чѣмъ болѣе распространялось католичество, тѣмъ сильнѣйшимъ преслѣдованіямъ подвергались евреи. Ихъ мужественное сопротивленіе служило постояннымъ поводомъ къ новымъ нападеніямъ. Поэтому ихъ геройская стойкость достойна упоминанія въ исторіи. Кроме того, евреи обладали многими свѣдѣніями въ эти вѣка варварства. По крайней мѣрѣ, они знали источники своей религіи лучше, нежели низшее христіанское духовенство, которое даже не умѣло читать требника.

Обзоръ еврейскихъ общинъ, по оставленіи ими Азіи, начинается съ Византійской Имперіи. Здѣсь они жили въ городахъ еще задолго до того времени, когда христіанство сдѣлалось первенствующею религіей. Въ Константинополѣ еврейскія общины, о членахъ которыхъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, жили въ отдѣльномъ кварталѣ, называвшемся Мѣдный рынокъ (*Χαλκοπράτεια*) и имѣвшимъ большую синагогу. Но Θεодосій II или Юстинъ II изгналъ ихъ оттуда, а синагогу обратилъ въ церковь Богоматери, которая по мѣстности называлась «Церковью халкопратіанской Богородицы»¹⁾. Съ этого времени евреи поселились въ другомъ кварталѣ, называвшемся Стеноръ (*Stanor Stanayre Judeca*).

¹⁾ Theophanes Chronographia I, 382; срав. при этомъ Du-Cange historia byzantina, стр. 164.

Евреи византійской столицы съ прискорбіемъ видѣли, что священные сосуды разрушеннаго храма, переходившіе изъ одного плѣненія въ другое, перенесены Велизаріемъ въ Константинополь изъ Карфагена (534), гдѣ они пребывали въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Эти еврейскіе трофеи были несены въ триумфѣ, вмѣстѣ съ вандальскимъ царемъ Гелимеромъ, внукомъ Гензериха, и съ сокровищами этого несчастнаго государя. Одинъ еврей, съ глубокою скорбію видѣвшій въ рукахъ своего врага живые памятники прежняго величія Іудеи, сказалъ одному царедворцу: Не слѣдуетъ беречь ихъ въ императорскомъ дворцѣ, ибо они могутъ навлечь несчастіе. Какъ принесли они бѣдствіе Риму, который былъ разграбленъ Гензерихомъ, такъ точно накликали они бѣду на его потомка Гелимера и на его столицу. Было бы справедливѣе отправить священные останки туда, гдѣ они сдѣланы по повелѣнію царя Соломона т. е., въ Іерусалимъ. Быть можетъ, еврей льстился слабою надеждою на пришествіе Мессіи: если бы священные сосуды обрѣтались въ Іерусалимѣ, то и разсѣянные жители Святой Земли возвратились бы въ этотъ городъ. Суевѣрный императоръ Юстиніанъ, узнавъ объ этихъ словахъ еврея, испугался могущихъ быть послѣдствій и приказалъ тотчасъ же отправить храмовые сосуды въ Іерусалимъ и спрятать ихъ тамъ въ церкви¹⁾.

Нѣтъ никакихъ свѣдѣній объ евреяхъ, жившихъ въ провинціяхъ Византійской Имперіи, хотя они принадлежали къ числу осѣдлаго населенія въ Македоніи, Греціи и Иллиріи, и даже въ позднѣйшее время составляли многочисленныя общины. Уже выше мы говорили (стр. 17, 22) объ ихъ приниженомъ состояніи влѣдствіе эдиктовъ Юстина и Юстиніана, запрещавшихъ имъ занимать военныя и почетныя гражданскія должности. Однако императоры предоставили ихъ общинамъ автономію и право суда въ гражданскихъ процессахъ. Каждая община имѣла своего еврейскаго начальника (эфора), наблюдавшаго за рыночными цѣнами, вѣсомъ и мѣрой²⁾. —

¹⁾ Procopius bellum vandalicum II, c. 9, стр. 446.

²⁾ Basilica I, 42.

Фанатическіе императоры и преимущественно Юстиніанъ нерѣдко позволяли себѣ вмѣшиваться въ религіозныя дѣла евреевъ. Если они еще нѣсколько сдерживались въ Иудеѣ, опасаясь сосѣдства Персіи, и не раздражали чрезмѣрно евреевъ, дабы не довести ихъ до возстанія и до присоединенія къ Персіи, то въ европейскихъ провинціяхъ они могли по своему произволу поступать съ беззащитными евреями. Юстиніанъ издалъ указъ, воспрещавшій праздновать пасху ранѣе христіанскаго Свѣтлаго Воскресенія, и употреблять въ синагогахъ агадское толкованіе Св. Писанія; по его примѣру и другіе императоры издали такіе же, основанные на произволѣ, эдикты. Сурово было распоряженіе Юстиніана относительно африканскихъ общинъ, присоединенныхъ къ Византійской Имперіи вслѣдствіе побѣды Велизарія надъ вандалами. Императоръ между прочимъ писалъ къ намѣстнику Африки, Соломону, чтобы онъ отобралъ синагоги, а также церкви у аріанъ и донатистовъ и храмы у язычниковъ, и обратилъ эти зданія въ христіанскія церкви (1 Августа 535)¹⁾.

Иноземные евреи ненавидѣли Византію и византійскихъ императоровъ за эти непрерывныя угнетенія. Это чувство раздѣляли еврейскій король Аравіи, сострадавшій византійскимъ купцамъ, и неаполитанскіе евреи, которые геройски сражались, чтобы не подпасть подъ власть императора, жаждавшаго религіозныхъ преслѣдованій. Евреи всѣхъ странъ видѣли теперь въ Византіи, какъ прежде въ Римѣ, своего главнѣйшаго врага, и проповѣдники, несмотря на запрещеніе, примѣняли къ погрязшему въ грѣхахъ Константинополю слѣдующій стихъ: «И будетъ царствовать одинъ отъ Іакова и уничтожитъ остатки города»²⁾.

Въ Италіи евреи были осѣдлыми, какъ извѣстно, уже во времена республики и пользовались всѣми правами гражданства до тѣхъ поръ, пока не отняли у нихъ этихъ правъ христіанскіе императоры. Они имѣли право смотрѣть съ зло-

¹⁾ Justiniani novella 37.

²⁾ Targum Pseudo-Jonathan къ Numeri 24. 19.

радствомъ на то, что Римъ, повелѣвавшій всѣмъ свѣтомъ, сдѣлался добычею варваровъ и посмӣшищемъ міра, и что къ нему буквально можно примѣнить плачевную пѣснь объ Іерусалимѣ: «Владыко народовъ, господинъ земель сдѣлался рабомъ». Послѣ гепидовъ и геруловъ, которые лишь временно поработили Римъ, явились готы и придали забвенію самое имя Рима, основавши подъ скипетромъ Теодериха (Дитриха) остготское государство.

Евреи принимали дѣятельное участіе въ бѣдствіяхъ, обрушившихся на Римъ съ приходомъ дикихъ полчищъ. Германскія и славянскія орды получили отъ своихъ учителей, римлянъ, вмѣстѣ съ христіанствомъ и религіозную нетерпимость, которая приняла у нихъ болѣе ужасающія формы. Еврейскіе проповѣдники того времени имѣли полное основаніе жаловаться на новыхъ враговъ Израиля: «Видь, Господи, какъ безчисленны мой враги! Если Исавъ (Римъ) ненавидитъ Іакова», выражались агадисты, «то онъ еще, повидимому, имѣетъ на то право, ибо послѣдній похитилъ у него право первородства; но что сдѣлалъ Израиль варварамъ и готамъ?»¹⁾ Но что могли отнять варвары у евреевъ? Послѣдніе уже давно утратили свою политическую самостоятельность, а духовныя ихъ сокровища были на столько ограждены, что не могли быть похищены; но они сорвали вѣнецъ съ головы Рима и возложили на него одежду раба.

Римъ пересталъ быть политическимъ центромъ Италіи; Равенна и Верона бывали поочередно резиденціей остготскаго государства. Въ этихъ городахъ, также въ Римѣ, Миланѣ и Генуѣ, существовали тогда еврейскія общины. И въ Нижней Италіи было много евреевъ, именно, въ прекрасномъ Неаполѣ, въ Палермо, Мессинѣ, Агригентѣ и на островѣ Сардиніи. Въ Палермо жили древне-еврейскія благородныя фамиліи, называвшіяся Наза (Насси) и быть-можетъ происходившія изъ дома патриарха. Теодосіевы декреты, какъ источникъ права для итальянскихъ евреевъ, допу-

¹⁾ Мидрашъ къ Псалтири, пс. 25 и 109; сравн. Ялкупъ къ этимъ мѣстамъ.

скали послѣднихъ имѣть свою юрисдикцію и внутреннюю автономію, но запрещали строить новыя синагоги, занимать судейскія и военныя должности и держать христіанъ невольниковъ. Послѣдній пунктъ давалъ поводъ къ частымъ столкновеніямъ между духовенствомъ и евреями. Ибо частыя вторженія варварскихъ народовъ и войны умножили число плѣнныхъ, а евреи вели оживленную торговлю невольниками, но были однако не единственными работаровцами. Благодаря обезлюженію городовъ и запустѣнію полей, невольничій рынокъ сдѣлался необходимымъ для снабженія ремесленныхъ производствъ и земледѣлія рабочими руками. Еврейскіе владѣльцы старались обращать своихъ невольниковъ въ іудейство, отчасти потому, что талмудъ предписывалъ или обрѣзывать рабовъ или, въ случаѣ сопротивленія, перепродавать ихъ, отчасти потому, что чуждые элементы въ домѣ могли служить помѣхою при исполненіи религіозныхъ уставовъ. Сами рабы предпочитали оставаться у своихъ еврейскихъ господъ, которые, за весьма рѣдкими исключеніями, обращались съ ними по-человѣчески, считали ихъ своими дождичками и дѣлили съ ними радость и горе.

Но если ограниченія еоодосіева кодекса сохранили еще силу закона, то нельзя сказать, чтобы они имѣли практическое примѣненіе. Обладатели папскаго престола, научившіеся политической мудрости у римскихъ государственныхъ мужей, имѣли столько благоразумія, что не могли быть фанатиками. Когда евреи нарушали церковныя постановленія, римскіе епископы часто закрывали глаза и меньше, чѣмъ кто другой, питали предубѣжденіе противъ своихъ еврейскихъ сосѣдей. У папы Гелазія былъ другъ еврей изъ Телезины, имѣвшій титулъ «свѣтлѣйшаго» (*clarissimus*); по настоянію этого друга, Гелазій горячо рекомендовалъ его родственника Антонія епископу Секундинусу. Онъ выразилъ желаніе, чтобы Антоній не только былъ огражденъ отъ оскорбленій, но и нашель въ Секундинусѣ ревностнаго помощника. — Когда одного еврея Василія обвиняли въ покупкѣ христіанскихъ невольниковъ изъ Галліи, и когда Василій оправдывался тѣмъ, что

онъ покупаетъ только рабовъ-язычниковъ, и что въ числѣ невольниковъ неизбѣжно встрѣчаются христіане, тогда Гелазій принялъ это оправданіе въ уваженіе. По поводу одного раба, бѣжавшаго отъ своего господина-еврея и искавшаго спасенія въ церкви подѣ тѣмъ предлогомъ, что онъ христіанинъ и приневоливается своимъ господиномъ къ обрѣзанію, Гелазій предписывалъ сиракузскому епископу изслѣдовать дѣло и возвратитъ раба еврею, если окажется, что послѣдній купилъ его уже обрѣзаннымъ (495)¹⁾.

Положеніе евреевъ въ Италіи сдѣлалось своеобразнымъ въ правленіе Теодориха. При этомъ король часто обнаруживался враждебный евреямъ духъ, но эти порывы не были, въ сущности, направлены противъ нихъ, а служили демонстраціями противъ ненавистнаго аріанскаго короля. Теодорихъ, хотя исповѣдывалъ аріанство, однако нисколько не благоволилъ къ іудейству и желалъ обращенія евреевъ. Своему совѣтнику и министру Кассіодору онъ приказалъ, по одному случаю, написать миланскимъ общинамъ: «Почто ищешь, Іуда, временнаго спокойствія, ибо въ своемъ ожесточеніи не можешь найти вѣчнаго»²⁾. Когда генуэзскіе евреи просили дозволить имъ поправить синагогу, Теодорихъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ желаете того, чего должны бы бѣжать? Хотя мы даемъ вамъ позволеніе, но порицаемъ желаніе, порожденное заблужденіемъ. Впрочемъ, мы никому не можемъ навязывать религію и принуждать къ вѣрѣ вопреки совѣсти». Онъ не позволялъ евреямъ ни строить новыхъ синагоги, ни украшать старія, но только поправлять ветхія³⁾.

Однако остготскій государь полагалъ свою славу въ поддержаніи спокойствія внутри королевства и во внушеніи чувства уваженія къ законамъ; онъ былъ также справедливъ къ евреямъ, если они, безъ всякой вины съ своей стороны, подвергались угнетенію. Тайная ненависть католиковъ

1) Mansi concilia T. VIII, стр. 35, 131, 132.

2) Cassiodor variae edit. St. Mauri, V, 37.

3) Тамъ же, II, 27.

къ аріанамъ, видѣвшая съ глубокою скорбію аріанство на престолѣ, между тѣмъ какъ католическая церковь только терпима,—пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы не оставить безнаказаннымъ малѣйшаго промаха Теодориха. Когда въ Римѣ взбунтовалось нѣсколько рабовъ противъ своихъ господъ-евреевъ, тогда сбѣжалась чернь, сожгла синагогу, прибила евреевъ и разграбила ихъ имущество, дабы помѣяться надъ теодориховымъ эдиктомъ. Теодорихъ, узнавъ объ этомъ, обратился къ римскому сенату, сохранившему только тѣнь своего прежняго величія, съ горькими упреками въ допущеніи подобныхъ безпорядковъ и строго приказалъ ему найти виновныхъ и возместить на нихъ ущербъ. Но такъ какъ не могли или не хотѣли найти зачинщиковъ смятенія, то Теодорихъ присудилъ римскую общину къ уплатѣ убытковъ. Въ числѣ членовъ римской общины было нѣсколько фанатиковъ, которые хотѣли при этомъ случаѣ выставить свое противодѣйствіе Теодориху въ видѣ стремленія къ мученичеству и отказали уплатить свою долю. Но Теодорихъ понялъ ихъ заднюю мысль и не позволилъ шутить съ собой: онъ приказалъ палачу съечь оппонентовъ бичемъ на улицѣ. Эта строгость поссорила его со всею католическою церковью¹⁾.

Итальянскіе евреи того времени представляются намъ въ благопріятномъ свѣтѣ, такъ какъ политическая и церковная литература упрекаетъ ихъ только въ ожесточенности и невѣріи и не знаетъ за ними другихъ пороковъ, не смотря на всеобщую дикость и безнравственность; слѣдовательно, юдаизмъ охранилъ ихъ отъ общей порочности. Кассіодоръ, сдѣлавшійся монахомъ по сложеніи съ себя свѣтскихъ достоинствъ и написавшій, кромѣ другихъ сочиненій, гомилитическое толкованіе на псалтирь, часто обращается въ этомъ сочиненіи къ евреямъ и стремится наставить ихъ на истинный путь: «Внемлите, евреи, поймите, упрямы, что сказалъ

¹⁾ Тамъ же, IV, 43. Гиббона, Исторія паденія Римской Имперіи, перев. Споршиля, 1327.

пѣснопѣвецъ Асафъ о пришествіи Христа. Что станете чтить, если не знаете слова вашего пророка? Подите къ католическимъ священникамъ, и да отверзутся ваши уши, дабы по милости Божіей вы избавились отъ вѣчной глухоты»¹⁾. Сорокъ девятый псаломъ, казалось, былъ для Кассіодора рудникомъ главныхъ догматовъ христіанства; онъ нашель въ немъ воплощеніе Христа и постарался объяснить его евреямъ. Однако въ его сердце закралось сомнѣніе въ способности «ожесточенныхъ» къ вѣрѣ, и онъ патетически обращается къ нимъ: «Почто не боитесь вы своей гибели? Увѣруйте же, что уже явился Тотъ, Котораго явленіе такъ несомнѣнно возвѣщено въ этомъ псалмѣ!»²⁾. Но итальянскіе евреи едва ли читали истолкованіе псалмовъ, предложенное эксъ-министромъ, а если читали, то, вѣроятно, нашли мало назиданія въ неэстетическомъ и безсвязномъ объясненіи текста.— Къ характеристикѣ того времени надобно отнести тѣ уничижительныя наименованія, которыми награждаетъ евреевъ Кассіодоръ, бывшій послѣ Воеція единственнымъ носителемъ извѣстнаго философскаго образованія шестаго вѣка. Изъ этихъ названій можно бы составить лексиконъ бранныхъ словъ. Онъ называетъ евреевъ «скорпіонами и львами», «дикими ослами», «псами и носорогами»³⁾.

Не смотря на эту антипатію первенствующихъ лицъ, итальянскіе евреи были, сравнительно съ византійскими, очень счастливы. Пресмники Теодориха, его прекрасная и образованная дочь Амалазунта, а потомъ ея супругъ и убійца Теодатъ, не уклонялись отъ правилъ своего предшественника. Предпоследній остготскій король Теодатъ, трусость котораго напоминаетъ скорѣе изнѣженнаго римлянина, чѣмъ дикаго тевтонца, держалъ при себѣ еврейскаго волшебника, къ лживому искусству котораго онъ прибѣгалъ въ нуждѣ⁴⁾.

1) Cassiodor conclusio ad Psalmum 81.

2) Тамъ же, conclusio ad Psalmum 49.

3) Cassiodor opera II, 69a, 163b, 184b и во многихъ другихъ мѣстахъ.

4) Procopius de bello gothico I, 9, стр. 45.

Евреи были вѣрны королю, который уже самъ отрекся отъ престола. Неаполитанскіе евреи жертвовали своею жизнью, чтобы не быть подъ ферулою Юстиніана. — Велизарій, завоеватель Вандальскаго царства, увѣнчанный лаврами герой, трепетавшій гнѣва Юстиніана и допускавшій себя быть слѣпымъ орудіемъ его тираніи, уже покорилъ всю Сицилію и южную часть Итальянскаго полуострова и шелъ форсированнымъ маршемъ къ прекрасному Неаполю, самому большому городу Нижней Италиі. Вслѣдствіе сдѣланнаго имъ предложенія о сдачѣ города, неаполитанцы раздѣлились на двѣ партіи, какъ это часто бываетъ въ тѣхъ войнахъ, въ которыхъ жители города не питаютъ особеннаго расположенія ни къ царствующей династіи, ни къ чужеземному завоевателю. Партія войны не хотѣла жертвовать собою для ненавидимыхъ въ Италиі остготовъ. Только евреи и два возвеличенные остготскими царями юриста, Пасторъ и Асклепиадотусъ, рѣшительно возстали противъ сдачи города византійскому герою. Евреи, обладавшіе состояніемъ и горѣвшіе патриотизмомъ, обѣщали не только пожертвовать своею жизнью для защиты города, но и употребить на то свое имущество. Они обѣщали снабжать Неаполь, во время осады, всѣмъ необходимымъ, дабы побѣдить опасенія относительно недостатка жизненныхъ припасовъ. Примѣръ евреевъ и дѣятельность Пастора съ его товарищемъ побудили жителей города къ энергической оборонѣ; Велизарій былъ доведенъ до того, что уже хотѣлъ снять осаду. Евреи одни защищали приморскую часть города и такъ храбро сражались, что непріятель не отважился дѣлать нападенія съ этой стороны. Современный лѣтописецъ воздвигъ почетный памятникъ героизму неаполитанскихъ евреевъ¹⁾.

Когда непріятель проникъ въ городъ ночью посредствомъ хитрости и почти овладѣлъ имъ (536), тогда евреи продолжали сражаться какъ львы, ибо были убѣждены, что непри-

¹⁾ Тамъ же, с. 8, стр. 44 и с. 16, стр. 53.

атель не окажетъ имъ ни малѣйшей милости. Только на разсвѣтѣ, когда врагъ превозмогъ евреевъ своею многочисленностью и убилъ многихъ изъ нихъ, евреи оставили свои посты. Неизвѣстно, что было съ оставшимися въ живыхъ еврейскими воинами; вѣроятно, то же, что случилось съ ихъ союзниками, Асклепиадотомъ и Пасторомъ, которые пали жертвою народной ярости. Первый былъ убитъ и растерзанъ на части; второй, избавленный внезапною смертью отъ подобныхъ мученій, опозоренъ по смерти. — Исторія не занесла на свои страницы именъ и числа еврейскихъ героевъ. Свершилось то, о чемъ съ содроганіемъ помышляли итальянскіе евреи: они сдѣлались зависимыми отъ императора Юстиніана, который, по своей ненависти къ евреямъ, достоинъ занять мѣсто на ряду съ Адрианомъ, Домиціаномъ, Константиномъ и Фируцомъ. Повелѣвавшая всѣмъ міромъ Италія низошла на степень провинціи Византійской имперіи, и итальянскіе евреи трепетали предъ Равенскимъ экзархомъ.

Однако, такое положеніе дѣлъ было непродолжительно. Преемники Юстиніана должны были уступить навсегда большую часть Италіи непобѣдимымъ лонгобардамъ (569), которые, исповѣдая отчасти язычество, отчасти арианство, мало заботились объ евреяхъ. По крайней мѣрѣ, въ лонгобардскихъ сборникахъ законовъ нѣтъ никакого исключенія для евреевъ. Но когда лонгобарды приняли католицизмъ, тогда и евреямъ стало жить легче. Ибо главы католической Церкви, папы, не питали суровой нетерпимости. Григорій I, прозванный великимъ и причисленный къ святымъ, положившій основаніе господству католицизма, высказалъ правило: слѣдуетъ обращать евреевъ увѣщаніями и кротостью, а не силою (590—604). Онъ добросовѣстно заботился о томъ, чтобы не нарушалось право гражданства, дарованное римскими императорами евреямъ, какъ римскимъ гражданамъ. Во всей, подѣдомственной папѣ, области, въ Римѣ, Нижней Италіи, Сициліи и Сардиніи, онъ строго присматривалъ въ этомъ отношеніи за фанатическими епископами, которые считали угнетеніе евреевъ богоугоднымъ дѣломъ. Его па-

стырскія посланія полны такіхъ увѣщаній: «мы воспрещаемъ обижать евреевъ и ограничивать ихъ вопреки установленному порядку; мы дозволяемъ жить имъ на будущее время, какъ римлянамъ, и распоряжаться безъ ограниченія своимъ имуществомъ; не дозволяется имъ только держать христіанскихъ рабовъ»¹⁾. Когда нѣкоторые изъ неаполитанскихъ ревнителей вѣры вздумали нарушать еврейскіе праздники, онъ написалъ къ епископу Пасказіусу, чтобы тотъ строго воспретилъ это, такъ такъ евреи съ незапамятныхъ временъ пользуются свободою вѣроисповѣданія²⁾.

Однажды палермскій епископъ Викторъ секвестровалъ многія синагоги и принадлежащія къ нимъ дома для бѣдныхъ и школы, обратилъ ихъ въ церкви и присвоилъ книги и украшенія. Евреи обратились къ папѣ съ жалобою на это насиліе; папа распорядился изслѣдовать дѣло въ подробности, и такъ какъ справедливость была на сторонѣ евреевъ, то онъ сильно порицалъ епископа за этотъ поступокъ. Но синагоги уже были обращены въ церкви и не могли быть отданы обратно евреямъ; поэтому папа присудилъ Виктора уплатить еврейскимъ общинамъ, по оцѣнкѣ, стоимость зданій и принадлежащихъ къ нимъ садовъ³⁾.

Съ величайшимъ прискорбіемъ писалъ онъ кальярійскому епископу Януарію, что до его свѣдѣнія дошло, какъ одинъ обратившійся къ христіанству еврей, по имени Петръ, занялъ на другой день послѣ своего крещенія синагогу и поставилъ въ ней крестъ и образа Христа и Богородицы. Папа приказывалъ епископу удалить изъ синагоги непріятные для евреевъ предметы⁴⁾. Григорій неутомимо заботился о вознагражденіи евреевъ за причиненное имъ зло и о защитѣ ихъ отъ нападеній. — Евреи въ Террачинѣ (въ Кампаніи) построили новую синагогу, — право, дарованное имъ издавна

1) St. Gregorii magni epistolae. Lib. I, epist. 10; XII, 18.

2) Тамъ-же, XI, 15; XIII, 12.

3) Тамъ-же, VII, 25; VIII, 24.

4) Тамъ-же, VII, 5; IX, 6.

въ видѣ исключенія и подтвержденное Григоріемъ. Но епископъ Петръ разрушилъ зданіе и секвестровалъ мѣсто подъ тѣмъ предлогомъ, что оно лежитъ очень близко къ церкви, и что поэтому можетъ нарушаться христіанское богослуженіе. Вслѣдствіе жалобы евреевъ, справедливый напѣ приказалъ изслѣдовать дѣло и отвести евреймъ новое мѣсто въ томъ случаѣ, если бы церковь могла пострадать отъ сосѣдства синагоги. Согласно этому приказанію, Петръ отвелъ новое мѣсто, но впоследствии отнялъ и его. Какъ только Григорій получилъ о томъ извѣстіе отъ одного тамошняго еврея, онъ приказалъ епископу Петру прекратить свои насилія противъ евреевъ и предоставить имъ опредѣленное уже мѣсто¹⁾. Онъ приводилъ въ дѣйствіе свое намѣреніе, сколько то позволяло ему его вліяніе. Отъ римскихъ евреевъ, ѣздившихъ по дѣламъ въ Масилію (Марсель), онъ узналъ, что тамошній епископъ Θεодоръ и епископъ Арльскій, Виргилій, насильно обращаютъ евреевъ въ христіанство, и выразилъ свое неудовольствіе этимъ епископамъ по поводу насильственного обращенія²⁾.

Но насколько Григорій не терпѣлъ насильственного крещенія евреевъ, настолько онъ старался привлекать ихъ другими способами въ нѣдра Церкви. Онъ не убоился спекулировать своекорыстіемъ и освободилъ отъ платежа извѣстной части поземельнаго налога тѣхъ изъ еврейскихъ арендаторовъ и крестьянъ, которые приняли христіанство. Хотя онъ не скрывалъ отъ себя, что такіе выкредсты были христіанами только для виду, однако рассчитывалъ на ихъ потомство: «Мы приобрѣтаемъ, если не ихъ самихъ, то безъ сомнѣнія ихъ дѣтей», писалъ онъ³⁾. Узнавъ, что на островѣ Сициліи одинъ еврей, по имени Назасъ, построилъ Иліягъ алтарь (вѣроятно синагогу подъ этимъ именемъ), и что тамъ находились христіане при богослуженіи, онъ приказалъ пре-

1) Тамъ-же, I, 10, 34, 35.

2) Тамъ-же, I, 47.

3) Тамъ же, II, 32 и V, 8.

фекту Либергинусу разрушить зданіе и подвергнуть еврея тѣлесному наказанію¹⁾). Григорій ревностно преслѣдовалъ евреевъ, которые покупали или держали христіанскихъ рабовъ. Въ то время полагали, что христіанскіе рабы оскверняются своими еврейскими господами. Не челоуѣколюбіе, а церковныя понятія побуждали его и другихъ возставать противъ работорговли и рабовладѣнія евреевъ. Узнавъ, что вышеупомянутый Назасъ имѣлъ христіанскихъ невольниковъ, Григорій приказалъ отобрать ихъ и отпустить на волю²⁾). Въ франкскомъ государствѣ, въ которое еще не проникъ фанатизмъ, евреямъ не запрещалось торговать рабами. Григорій былъ этимъ огорченъ и писалъ къ тогдашнимъ королямъ: Теодориху бургундскому и Теодоберту австраійскому, а также къ королевѣ Брунегильдѣ: онъ удивляется тому, какъ могли позволить евреямъ держать христіанскихъ рабовъ. Онъ ревностно увѣщавалъ ихъ прекратить это зло и освободить вѣрныхъ изъ рукъ ихъ враговъ³⁾). Вестготскому королю Реккареду, подчинившему свое государство папскому престолу, онъ льстилъ чрезмѣрно за его эдиктъ, воспрещавшій евреямъ покупать христіанскихъ рабовъ и занимать должности. Но ревность Григорія не могла уничтожить еврейскую работорговлю. Средніе вѣка, подобно древнимъ, не могли обойтись безъ рабовъ, и евреи, благодаря своимъ обширнымъ связямъ, были наилучшими посредниками въ этой, конечно возмутительной, но въ то время безусловно необходимой, отрасли торговли.

Между тѣмъ какъ христіанство, утвердившееся еще при императорахъ въ Византійской имперіи и въ Италіи, было тамъ болѣе или менѣе враждебно къ еврейству и установило, даже въ эпоху остготовъ и лонгобардовъ, вредныя для общества отношенія евреевъ къ христіанамъ, условія жизни сложились гораздо благоприятнѣе для евреевъ въ западно-европейскихъ государствахъ, во Франціи и въ Испаніи, въ

1) Тамъ-же, II, 37.

2) Тамъ-же, II, 39; III, 38.

3) Тамъ-же, VII, 114.

которыхъ христіанство распространялось чрезвычайно медленно. Вторженія варваровъ вывели эти государства изъ обычной колеи. Римскія учрежденія, политическія и церковныя, были совершенно уничтожены, а новыя государства, основанныя языческими или не вполне обратившимися въ христіанство народами, были независимы отъ церкви. Много времени прошло до той минуты, въ которую католицизмъ сдѣлался въ западной Европѣ первенствующею религіею; поселившіеся тамъ евреи наслаждались невозмутимымъ спокойствіемъ до тѣхъ поръ, пока церковь не преодолѣла упорнаго сопротивленія и не вооружила народы противъ евреевъ.

Первое поселеніе евреевъ въ Галліи не составляетъ такого важнаго предмета, который стоило бы отмѣтить, въ лѣтописяхъ и потому въ этомъ отношеніи мы должны довольствоваться одними предположеніями. Переселеніе евреевъ въ эти важныя и богатыя страны относится, конечно, ко временамъ республики или Цезаря. Еврейскіе купцы, пріѣхавшіе по дѣламъ изъ Александріи и Малой Азіи въ Римъ и въ Италію, іудейскіе воины, взятые въ плѣнъ императоромъ Веспасіаномъ и Титомъ и разбѣянные по римскимъ провинціямъ, должны были волей или неволей отправиться въ гальскія и въ иберійскія провинціи. Однако нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ извѣстій о пребываніи евреевъ въ этихъ странахъ раньше разрушенія храма. Недостовѣрно и, безъ сомнѣнія, принадлежитъ къ числу агадскихъ вымысловъ извѣстіе о томъ, что одинъ благочестивый еврей предпринялъ путешествіе изъ Галліи (или Испаніи) въ Іерусалимъ, съ цѣлью, возложить на алтарь жертвенную муку; замѣтивъ, что священники съѣли большую часть жертвы, онъ раскаивался въ своемъ путешествіи, пока наконецъ не успокоили его, увѣривъ, что онъ можетъ надѣяться на большую награду¹⁾. Воздвигнутое Адрианомъ гоненіе евреевъ въ Іудеѣ заставило бѣглецовъ искать спасенія въ Галліи и Испаніи; къ счастью, въ Римской Имперіи еще не было утонченной полицейской системы, которая

¹⁾ См. Замѣч. 9.

могла бы вызвать их изъ мрака неизвѣстности и представить, какъ государственныхъ преступниковъ, на судъ претора. Пребываніе евреевъ въ Западной Европѣ становится достовѣрнымъ лишь во второмъ вѣкѣ.

Приходили-ли въ Галлію евреи въ качествѣ торговцевъ или бѣглецовъ, съ мѣшкомъ или въ рабской одеждѣ, но они пользовались всѣми правами римскаго гражданства и считались за римлянъ побѣдоносными франками и бургундцами. Древнѣйшее франкское и бургундское законодательство не признавало евреевъ отдѣльнымъ классомъ народа, подлежащимъ особннымъ правиламъ. Въ основанномъ Хлодвигомъ франкскомъ государствѣ, евреи жили въ Оверни (Арвеннѣ), Каркасоннѣ, Арлѣ, Орлеанѣ, Парижѣ и Бельгіи. Они были многочисленны въ древнегреческомъ портовомъ городѣ Марсели, въ Безье (Biterrae) и нарбоннской провинціи, гдѣ жило такъ много евреевъ, что по имени ихъ была названа гора близъ Нарбонны (mons judaicus)¹⁾. Нарбоннская область принадлежала въ теченіе долгаго времени къ остготской Испаніи, и потому евреи этой страны принимаютъ участіе во всѣхъ судьбахъ своихъ собратій по ту сторону Пиренеевъ.

Евреи франкскаго и бургундскаго королевствъ безпрепятственно занимались земледѣліемъ, ремеслами и торговлей, и на собственныхъ судахъ плавали по рѣкамъ и по морю²⁾. Они занимались также медициной, и еврейскіе врачи приглашались даже христіанскимъ духовенствомъ³⁾. Евреи умѣли владѣть оружіемъ и во время осады Арля (508) принимали дѣятельное участіе въ войнѣ между Хлодвигомъ и полководцемъ Теодориха⁴⁾. Гальскіе евреи имѣли, кромѣ библейскаго имени, еще туземное имя: Арментарія, Гоцоласа, Приска, Сидерія. Они жили въ ладу съ обитателями страны и даже вступали съ ними въ бракъ. Само христіанское духовенство

1) Въ Bouquet recueil des historiens des Gaules, T. IX, стр. 522.

2) Видно изъ De gloria confessorum Григорія Турскаго, с. 97.

3) Видно изъ того же писателя Historia Francorum V, 6.

4) Суррианусъ vita Caesarii apud Surium.

принимало участіе въ еврейской трапезѣ и приглашало къ себѣ евреевъ въ гости. Однако высшія духовныя лица сообразились о томъ, что евреи воздерживались на христіанскихъ пирахъ отъ многихъ кушаній, воспрещенныхъ имъ религіей. Поэтому ваннскій соборъ (465) запретилъ духовенству бывать на еврейскихъ пиршествахъ, «ибо неприлично, чтобы евреи, у которыхъ трапезовали христіане, гнушались кушаньями христіанъ, и чтобы казалось, будто духовенство стояло ниже евреевъ»¹⁾. Но это соборное постановленіе осталось безъ послѣдствій, и каноническая строгость была бессильна надъ дружественными отношеніями. Поэтому соборъ въ Агдѣ (506) долженъ былъ подтвердить вышесказанное постановленіе²⁾; но успѣхъ былъ также малъ, и каноническое запрещеніе подтверждалось еще много разъ. Вслѣдствіе этого, гальскіе евреи, не смотря на отдаленность отъ центра еврейства, отъ Іудеи и Вавилоніи, строго соблюдали предписанія своей религіи. Въ мѣстахъ своей осѣлости они имѣли синагоги и общинныя учрежденія, вполне согласныя съ талмудическими правилами³⁾.

Дружественныя отношенія между евреями и жителями Галліи не прекратились даже тогда, когда католицизмъ, послѣ принятія Хлодвигомъ христіанства, сдѣлался первенствующею религіей. Хлодвигъ былъ человѣко-убійцею, но не фанатикомъ. Принявши христіанство, онъ обязывалъ духовенство къ благодарности и не имѣлъ нужды давать ему вліяніе и преобладаніе. Онъ оставилъ наслѣдственный престолъ своимъ преемникамъ, которые поэтому не были поставлены, подобно избирательнымъ остготскимъ королямъ, въ тяжелое положеніе и не нуждались вступать въ сдѣлки съ духовенствомъ или жертвовать чѣмъ-либо. Поэтому еще долго франки сохраняли языческіе обычаи, и евреи могли жить по сво-

1) Consilium Vaneticum с. XII, въ Mansi concilia T. VII, стр. 954.

2) Concilium Agathense у Mansi, тамъ же, VIII, стр. 170.

3) Видно между прочимъ изъ Григорія Турскаго Historia Francorum VI, 17: Priscus die Sabbati nullum in manus ferens ferramentum, leges mosaicas quasi impleturus.

ей вѣрѣ. Хотя духовенство всегда жаждало привести евреевъ въ нѣдра церкви, однако должно было удовольствоваться благими желаніями и проповѣдями. Благочестивый епископъ Сидоній Аполлинарій горячо рекомендуетъ папѣ Елевее-рію одного еврея, просить споспѣшествовать интересамъ послѣдняго и извиняется въ томъ, что его побудило къ тому не невѣріе еврея, а мысль, что нельзя осуждать евреевъ до тѣхъ поръ, пока не угасла еще надежда на ихъ обращеніе¹⁾. Конечно, многіе фанатики изъ духовенства старались обращать евреевъ всѣми средствами, даже побоями, и проводили на соборахъ суровыя постановленія; однако преслѣдованія были частными явленіями, хотя тотъ или другой энергическій король одобрялъ ихъ или помогалъ имъ. Но съ того времени, какъ бургундскій король Сигизмундъ, обратясь къ католической религіи (516), принялъ за государственное правило угнетать аріанъ и евреевъ, — Бургундія начала относиться къ евреямъ гораздо враждебнѣе, чѣмъ собственно Франція. Сигизмундъ впервые провелъ черту между евреями и христіанами; онъ прибавилъ къ бургундскому законодательству параграфъ о томъ, что оскорбленіе, нанесенное христіанину рукою еврея, наказывается строже, чѣмъ нанесенное единовѣрцемъ. Наказаніе состояло въ утратѣ руки или въ уплатѣ 85 шиллинговъ пени (solidi, около 4½ фунт. серебра), тогда какъ съ христіанина взыскивалось за оскорбленіе несравненно меньшая сумма²⁾. Онъ подтвердилъ постановленіе эпаонскаго собора подъ предсѣдательствомъ епископа Авитуса, любившаго воздвигать гоненія; согласно этому постановленію, даже міряне не имѣли права принимать участіе въ еврейскихъ пиршествахъ (517)³⁾. Напротивъ, франкскіе короли, потомки Хлодвига, созвавшіе соборъ въ Орлеанѣ (533), воспретили сперва только браки между евреями и христіанами⁴⁾.

1) Sidonii epistolae 6, 11; срав. 4, 5.

2) Lex Burgundiorum additamenta XV.

3) Concil. Epaoense c. 15, у Mansi T. VIII, стр. 561.

4) Concil. Aurelianense II, c. 19. Mansi тамъ же 838 и 861.

Вражда къ евреямъ мало по малу распространилась изъ Бургундіи и въ другія франкскія страны. Третій и четвертый соборы въ Орлеанѣ (538 и 545), собранные лишь нѣсколько лѣтъ спустя, уже постановили суровыя рѣшенія противъ евреевъ. Они не только запретили христіанамъ участвовать въ еврейскихъ пиршествахъ, а евреямъ принимать прозелитовъ, но и воспрещали послѣднимъ показываться на площадяхъ и улицахъ во время пасхи, «ибо ихъ появленіе оскорбляетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ христіанство». Хильдебертъ I Парижскій ввелъ послѣдній пунктъ въ свою конституцію (554) и тѣмъ самымъ возвелъ клерикальную нетерпимость на степень государственнаго закона ¹⁾. Впрочемъ, это непріязненное расположеніе не служило руководствомъ для соправителей Хильдеберта. Раздробленность франкскаго государства между нѣсколькими королями, которые ненавидѣли другъ друга, не смотря на кровное родство, было причиною того, что сказанная нетерпимость ограничивалась отдѣльными областями. Даже высшіе князья церкви продолжали дружескія сношенія съ евреями, не видя въ томъ никакой опасности для церкви ²⁾. Но фанатизмъ по своей природѣ заразителенъ; укоренившись въ какой либо странѣ, онъ овладѣваетъ умами всѣхъ и побѣждаетъ всѣ опасенія. Ненависть къ евреямъ исходила въ франкскомъ государствѣ отъ чело-вѣка, котораго можно считать воплощеніемъ этой ненависти. Арвенскій епископъ Авитусъ, пребывавшій въ Клермонѣ, былъ для франкскихъ евреевъ тѣмъ же самымъ, чѣмъ былъ Кириллъ для александрійскихъ евреевъ.

Еврейское населеніе его епископства было сучкомъ въ его глазу, и онъ не преминулъ фанатизировать противъ него своихъ духовныхъ чадъ. Онъ многократно призывалъ клермонскихъ евреевъ обратиться къ христіанству, и такъ какъ

¹⁾ Concil. Aurel. III, c. 13 и IV, c. 31. Mansi 15 и 117. Pertz Monumenta Germaniae leges I, 1.

²⁾ Григорій Турскій Historia eccl. 4, 12, 35. Vita patrum, стр. 1176. Edit. Ruinant.

его проповѣди были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, то онъ подстрекнулъ толпу напасть на синагогу и сравнять ее съ землею. Но этимъ не удовольствовался фанатикъ; онъ предложилъ евреямъ на выборъ: креститься или оставить городъ. Крестился только одинъ еврей, ставшій поэтому для всей общины предметомъ омерзѣнія. Когда онъ, въ бѣлой одеждѣ новокрещеннаго, проходилъ по улицамъ въ день Пятидесятницы, одинъ еврей облилъ его зловоннымъ масломъ. Фанатизированная толпа сочла это за вызовъ и напала на евреевъ. Послѣдніе попрятались въ своихъ домахъ; толпа ворвалась въ еврейскія жилища и перебила многихъ іудеевъ. Видъ пролитой крови поколебалъ малодушныхъ, и 500 изъ нихъ умоляли епископа Авитуса окрестить ихъ и немедленно прекратить избіеніе. Но евреи, оставшіеся вѣрными своей религіи, бѣжали въ Марсель (576)¹⁾. Извѣстіе о клермонскомъ событіи исполнило радостью сердца фанатиковъ. Епископъ Григорій Турскій побуждалъ благочестиваго стихотворца, Венанція Фортуната, воспѣть подвигъ Авитуса. Однако латинскіе стихи поэта, переселившагося изъ Италіи во Францію, послужили не къ прославленію Авитуса, но къ его безславію. Они въ живыхъ чертахъ изображаютъ всю виновность пострадавшихъ евреевъ въ Клермонѣ, которые съ отчаяніемъ въ сердцѣ приняли христіанство. Нѣкоторые стихи изъ этой длинной побѣдной пѣсни Фортуната представляютъ живую картину понятій того времени.

Жестокій разладъ царствовалъ тогда въ Арвенской общинѣ, единой въ политическомъ отношеніи, но раздвоенной въ религіозномъ; мерзкій еврейскій духъ былъ противенъ вѣрнымъ Христу, невѣрное племя было соблазномъ для вѣрующаго народа: гордая выя не хочетъ нести Господня ига, въ надутомъ высокомеріи спѣсиво надуваетъ гребень. Хотя любовь о Господѣ священниковъ молила, чтобы посѣвъ обращенныхъ возросъ до неба, однако умъ евреевъ былъ окутанъ покровомъ мрака, дабы ихъ гнусный взоръ никогда не увидѣлъ свѣта. Насталъ день, въ который Господь вознесся на небеса и Сынъ Человѣчскій приступилъ къ стезямъ спасенія: въ этотъ день народъ, воспламенясь вѣрою, разрушаетъ еврейскую синагогу, — и опустѣло мѣсто, гдѣ она стояла! Такъ, въ то время,

¹⁾ Григорій Турскій Hist. Francorum V, 11.

какъ всемогущій Христосъ восходитъ на небеса, низвергается поэтому самому ненавистный родъ. Но священникъ кротко говоритъ слѣдующимъ образомъ происшедшему отъ Моисея народу, — гнѣвъ-же сильно возмутилъ ихъ духъ: «взгляни, еврейскій народъ, что дѣлаешь ты, какъ будто ненаученъ изстари? Научись вѣровать, дабы обновить свою жизнь! Но рѣчь длинна, время же кратко; слушай-же: повинуйся повелѣнью или уйдешь прочь, — здѣсь нѣтъ насилія! Въ вашей волѣ исполнить совѣтъ: послѣдуете за мною, пастыремъ, и тогда оставайтесь, — послѣдуете гласу своего ожесточенія, и тогда бѣгите!» Такъ уста священника говорили кротко людямъ, дабы каждый пошелъ по избранной стезѣ. Но ослѣпленная, яростная еврейская община возмущается, дико бунтуетъ, собирается, потомъ прячется въ крѣпкіе дома. Вѣрные Христу видятъ собирающіяся шайки незаконнорожденныхъ, спѣшатъ на площадь, предчувствуя коварную хитрость. Тренещите ли меча? Примите заслуженное и умрите, тогда какъ вы могли бы жить, если бы имѣли вѣру! И вотъ слышитъ вѣстникъ къ священнику: «Прими, пастырь, еврейскую толпу въ стадо! Не попусти намъ умереть, но сохрани живыми для Бога; ибо каждое промедленіе приноситъ смерть, и погибаетъ то, что ты уже иробрѣлъ! Спѣши, ускорай шаги, ибо если придешь поздно, то долженъ будешь оплакивать, отче, жалкую смерть твоихъ сыновъ»¹⁾.

Такъ проявлялось во многихъ мѣстахъ Франціи дѣйствіе воспламененнаго фанатизма. Масонскій соборъ (581) постановилъ многія рѣшенія, клонившіяся къ тому, чтобы дать евреямъ низкое положеніе въ обществѣ. Евреи не допускались ни къ должности судьи, ни къ обязанностямъ сборщика податей, «дабы христіанское населеніе не казалось подчиненнымъ имъ». Далѣе, евреи обязывались оказывать христіанскимъ священникамъ глубокое почтеніе и въ ихъ присутствіи садиться не прежде, какъ получивъ на то позволеніе. Нарушителямъ угрожало строгое наказаніе. Этотъ соборъ подтвердилъ эдиктъ, въ силу котораго евреи не смѣли показываться на улицахъ во время Свѣтлой Недѣли, и запретилъ евреямъ рабовладѣльцамъ допускать своихъ христіанъ рабовъ къ принятію еврейской религіи²⁾. Самъ король Хильперихъ, хотя не былъ особенно благосклоненъ къ духовенству, однако усвоилъ проповѣдываемую Авитусомъ ревность къ обращенію. Онъ также принуждалъ къ крещенію жившихъ въ его ко-

¹⁾ Venantii Honorii Clementiani Fortunati carmina V, 5; V, 17 — 36, 63 — 86, 107 — 112.

²⁾ Conc. Matisconense c. 12 — 14. Mansi IX, 34 и слѣд.

ролеветвѣ евреевъ и бывалъ воспріемникомъ новокрещенныхъ, но довольствовался одною только формальностью и не обращалъ вниманія на то, что выкресты продолжали праздновать субботу и соблюдать законы еврейской религіи.

Почтенный и богатый еврей, Прискусъ изъ Парижа, повѣренный и ювелиръ короля Хильпериха, упорно не принималъ христіанства, хотя король настойчиво увѣщавалъ его. Однажды, когда Прискусъ встрѣтился у короля съ турецкимъ епископомъ, Хильперихъ дружески взялъ перваго за голову и сказалъ епископу полу-шутя, полу-серьезно: «Подойди, служитель алтара, и возложи на этого человѣка руку». Но Прискусъ не хотѣлъ заходить такъ далеко и завелъ разговоръ о религіи съ королемъ и Григоріемъ, который считался представителемъ ученыхъ христіанскихъ богослововъ. Въ этомъ разговорѣ Григорій, между прочимъ, приводилъ въ подтвержденіе своихъ словъ апокрифическіе, интерполированные стихи¹⁾).

Хотя убѣжденія не дѣйствовали на Прискуса, однако Хильперихъ продолжалъ настаивать на его обращеніи къ христіанству. Не будучи въ состояніи побѣдить его упрямства, король заключилъ его въ тюрьму въ Парижъ. Однако Прискусъ щедрыми подарками добился своего освобожденія изъ тюрьмы, причемъ дана ему отсрочка до совершенія брака его сына съ одною марсельскою еврейкой. Конечно, Прискусъ имѣлъ при этомъ въ виду не свое обращеніе къ христіанству, но выигрышъ времени для пріисканія надежнаго

¹⁾ Григорія Турскаго *Historia Francorum*, IV, 5. Въ доказательство распятія Григорій цитуетъ апокрифическій стихъ изъ псалмовъ: *Dominus regnavit e ligno*, стихъ не существовавшій въ псалтири уже во времена Иеронима, какъ это доказано симъ Отцомъ Церкви въ *prologus galeatus*. Этотъ стихъ, говорятъ, сохранился въ латинской псалтири Парижской Библіотеки. При современномъ состояніи библейской экзегетики и въ виду доказанныхъ слѣдовъ интерполации, никто не сомнѣвается теперь въ томъ, что этотъ стихъ введенъ христіанскою рукою, а не «уничтоженъ раввинами». Точно также интерполированъ стихъ въ апокрифѣ Баруха 3, 28: *post hoc visus est in terris et cum hominibus conversatus est (scil. Deus)*, на который равнымъ образомъ ссылается Григорій Турскій, — вставка, какъ это видно по связи.

убѣжища. Однако часть его пробилъ. Одинъ крещеный еврей, по имени Фатиръ (или Патеръ), воспринятый королемъ отъ купели и питавшій ненависть къ Прискусу, подстерегъ его съ своими рабаи и въ субботу, когда Прискусъ вышелъ безъ оружія. Фатиръ съ рабаи напалъ на него и на его друзей и умертвилъ ихъ мечемъ (582). Убійца, опасаясь королевскаго гнѣва, бѣжалъ съ своими рабаи въ ближайшую церковь Св. Юліана. Дѣйствительно, Хильперихъ, негодуя на это убійство, приказалъ наказать преступника. Тогда Фатиръ бѣжалъ и былъ помилованъ; но родственники Прискуса, жившіе въ области короля Гунтрама, куда бѣжалъ Фатиръ, убили его.

Оставшіеся въ церкви рабы Фатира, свѣдавъ о томъ, что ихъ будутъ судить какъ убійць, предложили одному изъ своей среды умертвить ихъ, что тотъ и исполнилъ. Когда же оставшіеся въ живыхъ выбѣжалъ съ обнаженнымъ мечемъ изъ церкви и хотѣлъ пробить себѣ дорогу, тогда собравшійся предъ церковью народъ напалъ на него и убилъ¹⁾.

Послѣ насильственной смерти Хильпериха (584), франкскіе евреи попали изъ огня въ полымя, ибо протекторомъ государства сдѣлался король Гунтрамъ, принесшій съ собою бургундскій фанатизмъ. Когда онъ на своемъ пути въ Парижъ остановился въ Орлеанѣ, евреи этого города приняли также участіе въ торжественномъ приѣмѣ; они мечтали выманить у него лестною позволеніемъ возобновить на государственнѣй счетъ разрушенную толпой синагогу. Но ихъ предупредительность произвела на короля совершенно противоположное впечатлѣніе. Онъ сурово говорилъ объ евреяхъ, судилъ имъ бѣдствія и называлъ «скверными, невѣрными и коварными». Турскій епископъ превознесъ его за это чрез-

¹⁾ Григорій Турскій, тамъ же, IV, 17. Конецъ этой главы темнѣе во многихъ мѣстахъ, такъ какъ текстъ сильно испорченъ. Издатель Рюнанъ замѣчаетъ (стр. 294), что Прискусъ умеръ не тотчасъ, но по окончаніи нападешя. Нѣмецкій переводчикъ Григорія Гизебрехтъ (въ *Sammelwerke der Geschichtsschreiber der Deutschen Vorzeit*, с. 4, р. 329), предлагаетъ нѣкоторыя удачныя поправки, которыми устраняются многія, но не всѣ трудности.

мѣрно ¹⁾. Король Гунтрамъ подтвердилъ всѣ постановленія бывшаго въ Массонѣ собора. Велѣдствіе этого евреи были низведены на низшую степень общественнаго положенія и не смѣли принимать участіе въ общественной жизни ²⁾. Въ царствованіе этого короля, какъ и слѣдуетъ предполагать, евреи подверглись преслѣдованіямъ, во время которыхъ наибольшую дѣятельностью отличились арльскій епископъ Виргилій и марсельскій Ѳеодоръ, насильно крестившіе евреевъ. Папа Григорій строго порицалъ ихъ неумѣстную ревность. Вдовствовавшая, многократно поруганная королева Брунегильда, кажется, относилась съ большею кротостію къ евреямъ. Она позволила имъ даже имѣть рабовъ христіанъ, но подверглась за это сильному порицанію отъ папы.

Послѣдніе меровингскіе короли все больше и больше погружались въ ханжество и сильнѣе ненавидѣли евреевъ. Клотарь II, матереубійца, соединившій подъ своимъ скипетромъ всю франкскую монархію (613), утвердилъ рѣшеніе парижскаго собора, запрещавшее допускать евреевъ къ должности судьи и принимать ихъ въ военную службу (615).

Нарушителямъ этого закона угрожало строжайшее наказаніе ³⁾. Сынъ Клотаря, Дагоберъ, причисляется еврейскою исторіею къ ненавистникамъ евреевъ. Многія тысячи евреевъ, бѣжавшія во Францію отъ фанатизма вестготскаго короля Сизебута, возбудили ревность невоздержаннаго Дагобера. Послѣдній стыдился отставать отъ вестготовъ и проявлять меньшую религіозную ревность. Поэтому онъ издалъ повелѣніе, чтобы къ опредѣленному дню всѣ французскіе евреи приняли христіанство, иначе они будутъ признаны врагами и наказаны смертію (около 629). Одновременное гоненіе на евреевъ во Франціи и въ Византійской имперіи объясняется въ лѣтописяхъ уговоромъ между Иракліемъ и Дагоберомъ,

¹⁾ Григорій Турскій, тамъ же, VIII, 1.

²⁾ Pertz Monumenta Germaniae leges I, 4.

³⁾ Concil. Parisiense c. 15, у Mansi T. X, 542 и слѣд. Pertz Monumenta leges I, 15.

изъ которыхъ первый указалъ второму на опасность, угрожающую христіанству отъ обрѣзаннаго народа ¹⁾). Но едва ли Дагоберъ имѣлъ тогда сношенія съ византійскимъ императоромъ. При этомъ случаѣ многіе евреи приняли христіанство. Сомнительно, чтобы это повелѣніе о крещеніи евреевъ соблюдалось строго во всѣхъ частяхъ государства. Франкская монархія, хотя соединенная подъ скипетромъ одного верховнаго главы, не составляла однако одинаго, органически связаннаго государства. Австразійцы, германскіе народы, неохотно повиновались нейстрійскимъ королямъ. и такъ какъ населеніе не было фанатическимъ, то евреи, вѣроятно, остались въ странѣ, когда угасъ гнѣвъ Дагобера. Потому-то реймскій соборъ (630) долженъ былъ возобновить прежнія каноническія постановленія противъ евреевъ. Онъ еще разъ воспретилъ торговлю христіанами-рабами, участіе въ еврейскихъ пирахъ и доступъ къ общественнымъ должностямъ ²⁾. Чѣмъ больше падало уваженіе къ меровингскимъ королямъ тунядцамъ, какъ ихъ называютъ, и чѣмъ больше возрастало могущество политически-прозорливыхъ майордомовъ, потомковъ Пипина, тѣмъ безопаснѣе были евреи отъ преслѣдованій и мученій. Предшественники Карла Великаго предчувствовали, что евреи составляютъ классъ людей, гибкость ума которыхъ и подвижность могутъ быть полезны для государства. Только работорговля оставалась всегда подъ запрещеніемъ соборовъ, но не могла быть уничтожена ревностью послѣднихъ, ибо осужденіе ихъ было одностороннимъ.

¹⁾ Нельзя отвергать фактъ преслѣдованія евреевъ при Дагоберѣ. О немъ говорится въ *Fredegard Chronicon* с. 42, въ *Gesta Dagoberti* и въ еврейскихъ хроникахъ Иосифа Когена *Dibre ha-jamim*, начало, и *Emek ha-lacha*, стр. 8. Обстоятельство, будто преслѣдованіе это возникло по внушенію Ираклія, принадлежитъ, конечно, въ числу басенъ. Павелъ Эмилиѣ (въ своемъ трудѣ *De rebus Francorum*, стр. 44) приводитъ второстепенную причину этого преслѣдованія: *Eorum Hebraeorum tamen aliquot millia in Galliam effugerunt (e Hispania). Turpe videbatur Franco a Wisigothis ejectos finibus suis receptos diutius retinere ac Wisigothis religioni cedere. Dagobertus igitur diem praestit intra quam quique mortalium religionem nostram non profiterentur, hostes judicarentur, comprehensisque capite luerent.*

²⁾ *Conc. Rhemnense* с. 11, у *Mansi X*, стр. 96.

Если исторія евреевъ въ европейскихъ странахъ, Византіи, Италіи и Франціи, представляетъ лишь мѣстный интересъ, то на Пиренейскомъ полуостровѣ она достигаетъ общаго значенія. Еврейскіе обитатели этого счастливаго полуострова, любившіе его, какъ любятъ отечество, содѣйствовали его величію и потому имѣютъ значеніе во всемірной исторіи. Еврейская Испанія почти столько же содѣйствовала развитію еврейства, сколько Іудея и Вавилонія, и какъ въ послѣдне-упомянутыхъ странахъ, такъ и въ Испаніи, каждое мѣстечко сдѣлалось классическимъ для еврейскаго племени. Кордова, Гранада и Толедо были столь же дороги для евреевъ, какъ Іерусалимъ и Тиверіада, и дороже, чѣмъ Нагардеа и Сура. Придя на Востокъ въ застои и одряхлѣвъ, еврейство достигло въ Испаніи юношеской свѣжести и плодотворно дѣйствовало на обширномъ кругу. Испанія, кажется, была назначена самимъ Провидѣніемъ сдѣлаться новымъ духовнымъ центромъ для всюду разсѣянныхъ евреевъ, на который они могли указывать съ гордостью. Болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, интересуютъ здѣсь первые начатки еврейскихъ колоній, развитіе ихъ въ общины и превращеніе, такъ сказать, въ связанное государство въ духовномъ отношеніи.

Первое водвореніе евреевъ въ прекрасной Гесперіи теряется въ баснословномъ мракѣ¹⁾. Конечно, евреи пришли сюда свободными людьми еще во времена римской республики, съ цѣлью разработывать источники богатства этой страны. Апостоль Павелъ имѣлъ сильное желаніе посѣтить Испанію и проповѣдывать евангеліе еврейскимъ общинамъ. Гонимыя жертвы несчастныхъ возстаній при Веспасіанѣ, Титѣ и Адрианѣ достигли также крайняго запада, и 80000 изъ нихъ, какъ преувеличенно говорятъ, отправлены въ Испанію въ качествѣ плѣнныхъ. Они, конечно, не долго оставались въ рабствѣ; состраданіе ихъ свободныхъ единовѣрцевъ, безъ сомнѣнія, успѣшило выкупить ихъ, и такимъ образомъ исполнить важнѣйшую изъ обязанностей, предписываемыхъ

¹⁾ См. Замѣч. 9.

Талмудомъ. Какъ многочисленны были евреи во многихъ частяхъ Испаніи, доказывается названіями, которыми эти части обязаны имъ. Городъ Гранада назывался прежде Еврейскимъ Городомъ ¹⁾ потому, что былъ населенъ одними евреями; такое же названіе носила древняя, основанная финикіянами, Тарракона (Taggagona), прежде чѣмъ ее завоевали арабы ²⁾. Въ Кордовѣ издревле существовали еврейскія ворота ³⁾, а въ Сарагоссѣ крѣпость, которая во времена арабовъ называлась Ruta al Jahud ⁴⁾.

Испанская родовая гордость, унаслѣдованная также евреями этой страны, не удовольствовалась тѣмъ фактомъ, что еврейско-испанскія колоніи имѣли уже право гражданства въ Испаніи, прежде чѣмъ вестготы и другіе германскіе народы ступили своей желѣзной пятой на эту страну; она хотѣла отнести ихъ основаніе къ болѣе древнимъ временамъ. Испанскіе евреи переселились сюда будто бы въ эпоху вавилонскаго плѣненія. Нѣкоторыя еврейскія фамиліи, Ибнъ-Даудъ и Абрабанель, хвалились своимъ происхожденіемъ отъ царскаго дома Давида; ихъ предки будто бы съ незапамятныхъ временъ поселились отчасти въ области Луцены, отчасти около Толедо и Севильи ⁵⁾. Многочисленная испанско-еврейская фамилія Наси вела свою родословную также отъ царя Давида и доказывала это генеалогическимъ деревомъ и печатью ⁶⁾. Скромнѣе была фамилія Ибнъ-Албалія; она относила свое переселеніе ко временамъ разрушенія втораго храма. Ея семейное преданіе рассказываетъ, что римскій правитель Испаніи просилъ завоевателя Иерусалима удѣлить ему благородныя фамиліи изъ іудейской столицы, и Титъ при-

¹⁾ Арраци, арабскій писатель десятаго столѣтія, въ *Gayangos history of the magometan dynasties in Spain*, I, 347; сравн. *Memorias de la real Academia de la historia*, T. VII, стр. 241.

²⁾ Сравн. Zedner въ *Benjamin of Tudela*, ed. Asher, II, 2, примѣч. 5.

³⁾ Al Makkari въ *Gayangos*, I, 207.

⁴⁾ Чаше упоминается испанско-мавритуанскими писателями.

⁵⁾ Ibn-Giat въ *Abrahamel* коммент. къ Захаріи, 12, 7, и къ II кн. Царствъ, конецъ.

⁶⁾ *Ibn-verga Schebet Jehuda*, edit. Hannover, стр. 89.

слать ему таковыя. Въ числѣ этихъ лицъ находился нѣкто Барухъ, знавшій искусство ткать завѣсы для храмовъ. Этотъ Барухъ, поселившійся въ Меридѣ, сдѣлался родоначальникомъ фамиліи Ибнъ-Албаліа ¹⁾.

Такъ какъ финикіяне, родственные евреямъ по языку, основали въ Испаніи складочныя мѣста для своихъ товаровъ и построили укрѣпленные города для разработки туземныхъ богатствъ, то обстоятельство это послужило мнимою опорой для басни о томъ, что названія городовъ, еврейскія судя по звукамъ, даны переселившимся израильтянамъ на память о родныхъ звукахъ или о претерпѣнной судьбѣ. Названіе Города Толедо (Toletum), столицы Пиренейскаго полуострова въ теченіе долгаго времени, выговариваемое евреями и арабами Толаитола, дало поводъ утверждать, что этотъ городъ построенъ переселившимися израильтянами, и что само названіе напоминаетъ объ ихъ изгнаніи (Taltel) или о древнихъ израильтянскихъ родахъ (Toledoth). Всю несообразность этой горделивой саги повторяетъ позднѣйшій испанско-еврейскій поэтъ въ слѣдующихъ стихахъ:

«Городъ Толедо построенъ благородными евреями, плѣненными вавилонскимъ владыкой; они прибыли на корабляхъ Аспанаса и царя Пирра» ²⁾).

Далѣе, Толедо долженствовалъ имѣть для израильскихъ изгнанниковъ значеніе новаго Іерусалима, такъ что они основали вокругъ него города съ тѣми же самыми именами и въ такомъ же разстояніи отъ столицы, какъ и въ Іудеѣ.

Испанскіе города Эскалуна, Макведа, Іопесь, Асека построены будто бы въ воспоминаніе Аскалона, Македы, Іопціи, Асеки ³⁾. Бѣдствія евреевъ въ Испаніи, претерпѣнныя ими въ царствованіе фанатическихъ королей, дали поводъ къ странной выдумкѣ, будто евреи переселились въ Испанію

¹⁾ Abraham Ibn-Daud Sefer ha-Kabbalah.

²⁾ De Barrios historia universal judaica, стр. 23.

³⁾ Изъ еврейскихъ писателей, сколько мнѣ извѣстно, упоминается впервые Абрабавелемъ въ коммент. ко II кн. Царствъ, конецъ, а изъ христіанскихъ — Аріемъ Монтанусомъ.

въ давно прошедшія времена. Старались представить осязательное доказательство тому, что испанскіе евреи нисколько неповинны въ распятіи Христа, и такимъ доказательствомъ долженъ былъ служить намогильный камень, относящійся ко временамъ Соломона. Увѣряли, что этотъ камень съ надписью «Здѣсь погребенъ Адонирамъ, слуга царя Соломона, прибывшій за данью и умершій»..., найденъ въ Мурвиедро, древнемъ Сагунтѣ¹⁾. Такимъ образомъ соединились гордость и нужда съ цѣлью отнестъ переселеніе евреевъ въ Испанію къ отдаленной эпохѣ сѣдой старины.

Но если евреи не пришли въ Испанію ни во времена Соломона, ни въ эпоху вавилонскаго плѣненія, то они уже были осѣдлыми жителями задолго до вторженія алановъ, вандаловъ, свевовъ, и до водворенія вестготовъ. Они жили въ городахъ и селахъ, обрабатывали поля сами или чрезъ своихъ рабовъ, владѣли виноградниками и масличными плантаціями, занимались ремеслами, торговлей и даже кораблеплаваніемъ къ лежащимъ близко африканскимъ берегамъ²⁾. Евреи, переселившись подъ эгидою римлянъ, пользовались по этому самому въ испанской провинціи, какъ и во всѣхъ прочихъ провинціяхъ Римской имперіи, муниципальнымъ правомъ наравнѣ съ римлянами и не подчинялись ни какимъ исключительнымъ законамъ.

Хотя христіанство давно пустило въ Испаніи столь глубокіе корни, что соборъ въ Иллиберіи (Эльвира, недалеко отъ Гранады), бывшій еще до обращенія Константина къ христіанству, состоялъ изъ 19 епископовъ, 36 прелатовъ и множества низшаго духовенства; однако евреи пользовались уваженіемъ какъ отъ христіанскаго населенія, такъ и отъ языческаго, и не могли жаловаться на какое либо униженіе.

¹⁾ Франциско Мартинецъ тщательно собралъ сказанія въ Memoria sobre la primera venida de los Judios en Espana, помѣщенной въ вышесказанныхъ Memorias de la real Academia, 1799.

²⁾ Явствуетъ изъ Lex Visigothorum L. XII, T. III, § 6. Сравн. также мою диссертацию: Die westgothische Gesetzgebung in Betreff der Juden, въ Seminar-Programm, 1858.

Обратившіеся къ христіанству иберійцы и римляне не видѣли еще тогда въ евреяхъ отверженное Богомъ племя, близости котораго слѣдуетъ избѣгать. Они имѣли вполнѣ дружественныя сношенія съ своими еврейскими сосѣдями. Новообращенные туземцы, слышавшіе отъ своихъ апостоловъ много объ евреяхъ и объ еврействѣ и не подозрѣвавшіе глубокой пропасти между еврействомъ и христіанствомъ, призывали благословлять свои поля какъ благочестивыхъ евреевъ, такъ и христіанскихъ священниковъ. Брачныя союзы между евреями и христіанами были такъ же часты въ Испаніи, какъ и въ Галліи.

Но высшее католическое духовенство не могло терпѣть дружескаго сближенія христіанъ съ евреями. Оно видѣло въ этомъ опасность для едва утвердившейся Церкви. Представителямъ католичества въ Испаніи принадлежитъ слава, — если только можно назвать это славою, — созданія перваго средостѣнія между евреями и христіанами. Соборъ въ Иллиберіи (около 320), подъ предсѣдательствомъ кордовскаго епископа Осіи, воспретилъ христіанамъ, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, имѣть дружественныя сношенія съ евреями, вступать съ ними въ брачныя союзы и призывать благочестивыхъ евреевъ для благословенія своихъ полей, «дабы преподаваемое духовенствомъ благословеніе не казалось недѣйствительнымъ и напраснымъ»¹⁾. Однако ненависть къ евреямъ, посѣянная впервые илиберійскимъ соборомъ, принесла впослѣдствіи ядовитые плоды. Когда въ эпоху переселенія народовъ, свевы, вандалы и вестготы первый разъ обратили прекрасную страну въ пустыню и потомъ избрали ее своимъ мѣстопробываніемъ, тогда испанскіе католики не могли не подпасть подъ иго политической и церковной зависимости. Ибо вестготы, надолго овладѣвшіе полуостровомъ, исповѣдывали аріанскую религію, и хотя они равнодушно относились къ догмату, бывшему предметомъ спора

¹⁾ Conc. Illiberitanum, canon 49, 50, въ d'Aguirre collectio conciliorum, I, 279.

между католичествомъ и арианствомъ, однако глубоко ненавидѣли католическихъ аборигеновъ, ибо въ каждомъ католикѣ видѣли римлянина и, слѣдовательно, врага. Евреи, напротивъ, жили спокойно подъ владычествомъ арианскихъ королей, пользовались гражданскою и политическою равноправностью и допускались къ занятію общественныхъ должностей. Благодаря своей ловкости и познаніямъ, которыя ставили ихъ выше необразованныхъ вестготовъ, они были особенно способны къ отправленію должностей. Хотя арианскіе короли не питали особеннаго расположенія къ евреямъ и къ еврейству, однако они могли уже потому благоприятствовать имъ, что тѣ не были католиками и не стремились, подобно сямъ послѣднимъ, къ пропагандѣ. Такое положеніе евреевъ въ Испаніи продолжалось болѣе столѣтія, въ теченіе того времени, когда эта страна сдѣлалась впервые провинціей толедско-вестготскаго королевства, и позже, когда она, при Теудесѣ (531), стала центромъ этого государства. Евреи, жившіе въ нарбоннской провинціи и въ принадлежавшей къ остготскому царству африканской области, пользовались тѣмъ же гражданско-политическимъ равенствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ оказали вестготскимъ королямъ существенныя услуги. Евреи, жившіе у подошвы Пиренейскихъ горъ, защищали горные перевалы отъ вторженія франковъ и бургундцевъ, которые завистливымъ окомъ взирали на Испанію. Они считались наивѣрнѣйшими охранителями границъ, и военная ихъ храбрость заслужила имъ особенное отличіе¹⁾. Вестготскіе евреи, вѣроятно, имѣли сношенія съ Іудеей или Вавилоніей чрезъ Италію или чрезъ Африку, и, безъ сомнѣнія, получали оттуда своихъ вѣроучителей. Ибо они строго соблюдали предписанія Талмуда, воздерживались отъ вина неевреевъ и, согласно заповѣди Талмуда, обращали къ еврейству своихъ языческихъ и христіанскихъ невольниковъ²⁾. Между тѣмъ какъ ихъ едино-

¹⁾ Concilium Toletanum, XVII, въ d'Aguirre collectio conciliorum, II, стр. 753, № 6.

²⁾ Явствуетъ изъ частыхъ соборныхъ постановленій Толедскихъ синодовъ.

племенники по ту сторону Пиренеевъ подвергались много-различнымъ ограниченіямъ, насильственно обращались къ христіанству или принуждались къ выселенію, вестготскіе евреи пользовались совершенною свободою вѣроисповѣданія и, сверхъ того, привилегіей обращать своихъ невольниковъ въ еврейству, — привилегіей, которую оспаривали у нихъ во всѣхъ прочихъ странахъ Европы.

Но съ того момента, какъ римско-католическая церковь сдѣлалась господствующею въ Испаніи, аріанство же подверглось преслѣдованію, наступили для испанскихъ евреевъ тяжелыя времена. Король Реккаредъ, отрекшійся на толедскомъ соборѣ отъ аріанства, постановилъ въ союзѣ съ соборомъ ограниченія для евреевъ. Имъ запрещалось вступать въ бракъ съ христіанами, приобрѣтать христіанскихъ невольниковъ и занимать общественныя должности; дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ насильно крестились (589) ¹⁾. Такимъ образомъ евреи были поставлены въ исключительное положеніе, которое тѣмъ прискорбнѣе было для нихъ, что они одушевлялись честолюбіемъ и жили до сихъ поръ на равной ногѣ съ своими согражданами и даже имѣли нѣкоторыя преимущества надъ католиками. Чувствительнѣе всего было для нихъ ограниченіе рабовладѣнія. Они не смѣли отнынѣ покупать или принимать въ даръ христіанскихъ невольниковъ, а въ случаѣ обращенія послѣднихъ къ еврейству, теряли рабовладѣльческое право; все имущество еврея, обрѣзавшаго своего невольника-христіанина, отбиралось въ казну. Всѣ зажиточные люди въ странѣ имѣли невольниковъ и крѣпостныхъ, которые обрабатывали ихъ поля и исправляли домашнія послуги, и только евреи были лишены этого преимущества. Естественно, что богатые евреи употребляли всѣ усилія добиться отмены этого закона Реккареда. Они предлагали за это королю значительную денежную сумму. Но Реккаредъ отклонилъ просьбу и заслужилъ чрезмѣрную похвалу (599)

¹⁾ Ср. объ этомъ диссертацию: Die westgothische Gesetzgebung in Betreff der Juden, въ Seminar-Programm, 1858.

отъ папы Григорія, сердечныя желанія котораго осуществлялись этимъ закономъ. Григорій сравниваетъ вестготскаго короля съ царемъ Давидомъ, «который не хотѣлъ пить воду, принесенную героями съ опасностью ихъ жизни, и возлилъ ее предъ Господомъ». Точно также Реккаредъ принесъ Богу въ жертву предложенное ему золото¹⁾. Въ то же время Реккаредъ утвердилъ рѣшеніе нарбоннскаго собора, недозволявшее евреямъ пѣть псалмы при погребеніи, — обычай, вѣроятно, заимствованный ими у христіанъ²⁾.

Хотя Реккаредъ желалъ строгаго исполненія ограничительныхъ законовъ противъ евреевъ, однако послѣднимъ было нетрудно ихъ нарушать. Своеобразный государственный строй вестготской Испаніи давалъ имъ къ тому средство. Король не былъ могущественнымъ государемъ страны, воля котораго была бы закономъ для cadaго. Напротивъ, вестготскіе вельможи, имѣвшіе право избирать короля, были неограниченными государями въ своихъ областяхъ, и ни они, ни народъ не раздѣляли церковнаго фанатизма въ отношеніи къ евреямъ. Они дозволили евреямъ покупать по прежнему невольниковъ и даже назначали ихъ на должности. Въ теченіе двухъ десятилѣтій законы Реккарета противъ евреевъ вышли совсѣмъ изъ употребленія. Преемники Реккарета, Ліува, Викторихъ и Гундемаръ, почти не возобновляли этихъ законовъ и вообще не были враждебны къ евреямъ³⁾.

Тогда вестготскимъ королемъ былъ избранъ человекъ кроткій и не лишенный образованія, но бывшій истиннымъ бичемъ для евреевъ своего государства и вслѣдствіе того навлекшій на свое королевство тяжкія бѣдствія. Сизебутъ, со-

¹⁾ Въ вышеприведенномъ трудѣ d'Aguirre стр. 406, № 49.

²⁾ Concilium Narbonense canon 9, въ d'Aguirre, привед. сочин., 386.

³⁾ Видно изъ слѣдующаго мѣста Сизебутова закона. *Lex Visigothorum*, XII, 2, 13. *Dudum latae constitutionis auctoritas ab domino Reccaredo sufficere poterat, ut mancipia christiana nullatenus in Hebraeorum jure manerent obnoxia, si eorum pravitas subripiendo principum animos aliqua sibi injusta non poposcisset beneficia, и въ концѣ этого параграфа: Nam et quisquis de Judaeis sub nomine proprietatis fraudulenta suggestione aliquid a praecessoribus nostris visus est promeruisse.* Объ изданіи этого закона см. диссертацию, стр. 32.

временникъ императора Ираклія, былъ, подобно сему послѣднему, ярмъ гонителемъ евреевъ. Но Ираклій оправдывалъ свой поступокъ возстаніемъ палестинскихъ евреевъ и формальнымъ принужденіемъ къ тому ослѣпленными фанатизмомъ монахами, тогда какъ Сизебутъ не находилъ никакого оправданія, дѣйствовалъ по собственному побужденію, почти противъ желанія католическаго духовенства. Уже въ самомъ началѣ своего правленія (612) онъ занялся евреями. У него лежало на совѣсти, что вопреки реккаредовымъ законамъ еще множество христіанскихъ невольниковъ служили еврейскимъ господамъ, обращались послѣдними къ іудейству и охотно исповѣдывали эту религію. Поэтому онъ возобновилъ сказанные законы и приказалъ духовенству, судьямъ и всему населенію страны строго наблюдать за тѣмъ, чтобы христіане не оставались болѣе въ услуженіи у евреевъ. Сизебутъ пошелъ еще дальше: онъ распорядился, чтобы евреи не только не приобрѣтали рабовъ, но и не смѣли держать уже приобрѣтенныхъ. Кто изъ евреевъ не отпуститъ или не продастъ къ 1 іюля своихъ христіанскихъ невольниковъ, тотъ лишался имущества, которое отбиралось въ казну. Только обратившіеся къ христіанству евреи получали позволеніе держать невольниковъ и даже могли наслѣдовать рабовъ, принадлежавшихъ родственникамъ. Сизебутъ торжественно заклиналъ своихъ преемниковъ соблюдать этотъ законъ въ строгости. Король, уклонившійся отъ сего, — говорилось въ заклѣтіи Сизебута, — «подвергнется въ этомъ мірѣ глубочайшему позору, а въ томъ вѣчному мученію въ адскомъ пламени»¹⁾. Не смотря на такую строгость и настоятельное увѣщаніе, законъ этотъ, кажется, исполнялся теперь такъ же мало, какъ и въ царствованіе Реккареда. Независимые князья оказали евреямъ защиту ради выгодъ или ради непокорности королю. Даже многія духовныя лица и епископы, кажется, благопріятствовали евреямъ и не заботились о королевскомъ

¹⁾ Lex Visigothorum XII, 2, § 13, 14.

повелѣніи ¹⁾. Зато Сизебуть издалъ еще строжайшія правила. Всѣ евреи въ странѣ должны были въ теченіе извѣстнаго времени или окреститься, или оставить вестготскую область. Безъ сомнѣнія, евреи старались отклонить жестокой ударъ, но старанія ихъ были тщетны. Повелѣніе было исполнено. Слабодушные, привязанные къ имуществу или къ странѣ, въ которой съ незапамятныхъ временъ жили ихъ предки, дозволили окрестить себя. Напротивъ, сильные духомъ, совѣсть которыхъ не могла одобрить никакихъ, дѣлаемыхъ мысленно, оговорокъ, переселились во Францію и въ близъ лежащую Африку (612—613). Но духовенство было недовольно этимъ насильственнымъ обращеніемъ, и одинъ изъ главныхъ представителей духовенства порицалъ короля за то, «что онъ, хотя и показалъ себя ревностнымъ къ вѣрѣ, но дѣйствовалъ несогласно съ совѣстью» ²⁾. Сизебуть продолжилъ этимъ фанатическимъ преслѣдованіемъ путь къ распаденію вестготскаго государства.

Строгость Сизебута къ евреямъ окончилась вмѣстѣ съ его правленіемъ. Преемникъ его, Свинтила, кроткій и правосудный король, котораго угнетенные прозвали «отцемъ отечества», прекратилъ эту строгость. Изгнанные евреи возвратились въ отечество, а выкресты — къ іудейству (621—31) ³⁾. Впрочемъ, окрещенные евреи не отказались отъ еврейства. Тогда довольствовались совершеніемъ крещенія, не изслѣдуя, соблюдаютъ ли крещенные свои прежніе обычаи и нравы, или отказываются отъ нихъ. Римляне, пропитанные еще языческими воззрѣніями, продолжали праздновать день Юпитера (четвергъ), а вестготы соблюдать свои

¹⁾ Видно изъ Concil. toletanum IV, can. 58 у d'Aguirre, II, 488.

²⁾ Isidor Hispalensis Chronicon № 120, Historia Gothorum № 60; срав. диссертацию, стр. 3. Непонятно, какимъ образомъ Гельферихъ (Entstehung und Geschichte des Westgothen-Reiches, Berlin, 1858) могъ этому, ясно упоминаемому Исидоромъ, факту о Сизебутовомъ преслѣдованіи евреевъ придать значеніе (стр. 70) произведеннаго чернью избіенія евреевъ. Слуста два столѣтія, епископъ Амало указываетъ на Сизебутово преслѣдованіе евреевъ, какъ на богоугодное дѣло, достойное подражанія и заслуживающее уваженія.

³⁾ Диссертация, стр. 9.

языческіе обряды; поэтому и евреи не опасались исполнять предписанія своей религіи. Заговоръ вельможъ и духовенства отнялъ престоль у благороднаго короля, Свинтилы, и возвелъ на тронъ послушное орудіе, Сизенанда. При этомъ король духовенство опять сдѣлалось могущественнымъ. На толедскомъ соборѣ (633) снова разсуждали объ евреяхъ. Во главѣ сего собора стоялъ, правда, ученый и благомыслящій прелатъ, гиспалійскій (севильскій) епископъ Исидоръ, но тѣмъ не менѣе раздѣлявшій предвзятія мнѣнія своего времени. Этотъ соборъ хотя постановилъ, чтобы обращеніе евреевъ къ христіанству не совершалось путемъ насилія и подъ угрозою наказанія, однако возобновилъ реккаредовы законы противъ евреевъ. Но вся строгость церковнаго законодательства постигла только тѣхъ евреевъ, которые были насильно обращены въ царствованіе Сизебута и вернулись потомъ къ іудейству. Хотя духовенство само порицало вышесказанную мѣру, однако считало своимъ долгомъ удержать въ христіанской религіи тѣхъ, которые уже разъ удостоены таинства крещенія, «дабы вѣра не была посрамлена». Та эпоха знала религію лишь въ формѣ внѣшняго исповѣданія. Софизмъ, что человекъ, получивъ разъ благодать, не можетъ ея лишиться, хотя бы онъ былъ удостоенъ ея противъ его желанія, постоянно поступалъ вопреки ей и даже чувствовалъ къ ней нерасположеніе, — царствовалъ въ средніе вѣка и царствуетъ еще нынѣ въ такихъ кружкахъ, которые ставятъ подлежащее чувствамъ и матеріальное выше внутренняго и духовнаго. Бывшій при Сиземундѣ соборъ опредѣлилъ поэтому, чтобы окрещенные евреи насильственно отвлекались отъ исповѣданія еврейской вѣры и отъ сношеній съ своими единоплеменниками, чтобы дѣти обоего пола отторгались отъ ихъ сердець и отдавались въ монастыри. Прежде-окрещенные евреи, захваченные при соблюденіи субботы и еврейскихъ праздниковъ, вступавшіе въ бракъ по іудейскому закону, совершавшіе обрѣзаніе, воздерживавшіеся отъ извѣстныхъ кушаній согласно правиламъ еврейства, наказывались за эти нарушенія потерю свободы: они обра-

щались въ состояніи рабовъ и, по назначенію короля, раздавались правовѣрнымъ христіанамъ. Въ силу этого каноническаго закона, насильственно обращенные евреи и ихъ потомки не допускались въ свидѣтели, «ибо тѣ не могутъ быть правдивы въ отношеніи къ людямъ, которые сдѣлались невѣрными въ отношеніи къ Богу»¹⁾, — гласило постановленіе собора. Обращеніе съ собственно-евреями кажется, сравнительно съ этою строгостью, очень кроткимъ.

Но духовенство старалось отвратить и ихъ отъ еврейства. Исидоръ Севильскій, написалъ двѣ книги противъ евреевъ,²⁾ въ которыхъ доказываетъ истинность христіанскаго вѣроученія ветхимъ завѣтомъ. Испанскіе евреи сочли необходимымъ, для укрѣпленія себя въ отеческой религіи, начать полемику и опровергнуть приведенныя доказательства. Образованные евреи писали возраженія противъ возраженій, вѣроятно, на латинскомъ языкѣ³⁾. Они легко одержали побѣду, благодаря превосходнѣйшему знанію библейскихъ документовъ. На главное возраженіе, что скипетръ исторгнутъ изъ рукъ Іуды, и что поэтому христіане, имѣющіе королей, составляютъ истинный Израильскій народъ, евреи отвѣчали указаніемъ на іудейское королевство на крайнемъ Востоку, управляемое потомкомъ Давида⁴⁾. Вѣроятно, они подразумевали іудейско-гимъяритское царство въ южной Аравіи, въ которомъ однако царствовалъ обратившійся къ еврейству царскій домъ.

Постановленія четвертаго толедскаго собора и повелѣніе Сизенанда о преслѣдованіи еврейскихъ выкрестовъ, кажется, не были приведены въ дѣйствіе съ надлежащею строгостью. Испанско-вестготское дворянство взяло евреевъ подъ свою защиту, а королевская власть была противъ нихъ бессильна. Тогда на вестготскій престолъ возшелъ подобный

¹⁾ Источники приведены въ Диссертациі, стр. 9 и 34.

²⁾ *Isidori Hispalensis contra Judaeos libri duo.*

³⁾ Срав. Диссертацию, стр. 35.

⁴⁾ Мѣсто интересно: *Judaei mentientes nescio quem regem ex genere Judae in extremis Orientis partibus regnum tenere. (Contra Judaeos, C. I, § 8).*

Сизебуту король. Хинтила, въ свою очередь, созвалъ соборъ въ столицѣ Толедо, и предложилъ ему не только подтвердить всѣ враждебные евреямъ параграфы прежняго законодательства, но и постановить, чтобы въ вестготскомъ королевствѣ не оставался никто изъ нежелающихъ принять католическую религію. Соборъ принялъ это предложеніе съ радостью и ликовалъ о томъ, что «благочестіемъ короля будетъ наконецъ побѣждено упорное невѣріе евреевъ». Онъ прибавилъ еще каноническій законъ, въ силу котораго каждый король, вступая на престоль, долженъ былъ торжественно присягнуть въ томъ, что онъ не допуститъ оскорбленія католической вѣры со стороны крещеныхъ евреевъ и не будетъ благопріятствовать ихъ невѣрію, но станетъ исполнять со всею строгостію всѣ соборныя постановленія противъ нихъ (638). Евреямъ пришлось вторично взяться за странническій посохъ, а выкрестамъ, оставшимся въ глубинѣ сердца евреями, подписать обѣщаніе (Placitum) о томъ, что они будутъ, безъ всякой оговорки, содержать и соблюдать католическую вѣру¹⁾. Но въ глубинѣ своей души выкресты не признавали этого обѣщанія законнымъ и не могли признавать его таковымъ. Они постоянно надѣялись на лучшія времена, когда имъ можно будетъ сбросить маску, а эти времена, по причинѣ избранія новаго вестготскаго короля, были не далеко. Такое положеніе дѣлъ продолжалось только въ царствованіе Хинтилы, четыре года (638 — 642).

¹⁾ Видно изъ введенія placitum Judaeorum къ Lex Visigothorum Рецесвинта, С. XII, Т. 9, § 16.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Евреи на Аравійскомъ полуостровѣ.

Переселеніе евреевъ въ Аравію. — Еврейскія племена въ Ятрибѣ и вокругъ этого города, а также въ округѣ Ханбарѣ. — Ихъ крѣпости и замки. — Евреи въ Іеменѣ. — Ихъ сила и вліяніе на арабскія племена. — Нѣкоторыя племена принимаютъ юдаизмъ. — Іудейско гимъяритское царство. — Абу-Кариба, первый іудейско-гимъяритскій царь и еврейскіе мудрецы Каабъ и Ассадъ изъ Ятриба. — Юсуфъ Ду-Новасъ, послѣдній іудейско-гимъяритскій царь и его смерть. — Распри еврейскихъ племенъ въ Ятрибѣ съ арабами. — Еврейскій поэтъ Самуилъ бенъ Адія и его сынъ Шоваихъ. — Еврейскій глава Каабъ и войны ятрибскихъ евреевъ.

500—622.

Взоръ наблюдателя, утомленный зрѣлищемъ жалкаго положенія евреевъ въ ихъ первоначальномъ отечествѣ и европейскихъ странахъ и однообразіемъ преслѣдованій, радостно отдыхаетъ на ихъ состояніи въ Аравіи. Здѣсь Іудины сыны могли горделиво поднять голову и не имѣли нужды, робко и согнувшись, осматриваться, не разразится ли надъ ними гнѣвъ духовенства и не поднимется ли на нихъ рука свѣтскихъ властей. Здѣсь не закрыты для нихъ пути къ почестямъ и къ гражданскому равенству; здѣсь, среди свѣжаго, свободнаго и даровитаго населенія, они могутъ свободно развивать свои способности, обнаруживать мужество, состязаться о славу и, съ оружіемъ въ привычной рукѣ, помѣряться съ противникомъ. Аравійскіе евреи не только не стонали подъ игомъ, но и бывали нерѣдко предводителями арабскихъ племенъ. Они по своему умственному превосходству составляли силу, заключали оборонительные и наступательные союзы и вели войны, но, кромѣ меча и копья,

они владѣли плугомъ и лирой, и мало по малу сдѣлались учителями арабскаго народа. Исторія евреевъ въ Аравіи въ теченіе вѣка предъ Магометомъ и во время дѣятельности послѣдняго составляетъ прекрасную страницу въ еврейскихъ лѣтописяхъ.

Первое вселеніе еврейскаго племени въ Аравію покрыто мракомъ сказаній. То, говорятъ, израильтяне, посланные І. Навиномъ покорить амалекитянъ, отчасти поселились въ городъ Ятрибъ (впослѣдствіи Мединъ) и въ округъ Хаибаръ (въ 4—5 дняхъ пути на сѣверъ отъ Ятриба); то будто бы въ царствованіе Саула израильскіе воины, пощадившіе прекраснаго, юнаго амалекитскаго царевича и отвергнутые за свое непослушаніе народомъ, вернулись въ Гегасъ (сѣверн. Аравія), мѣстопробываніе амалекитянъ, и тамъ поселились. И при Давидъ, говорятъ, пришла въ сѣверную Аравію одна израильская колонія. Несчастный царь, долженствовавшій бѣжать отъ своего честолюбиваго сына, прибылъ въ Гегасъ, пробылъ здѣсь нѣсколько лѣтъ до смерти Авесалома и оставилъ въ этой странѣ еврейскихъ поселенцевъ¹⁾. Возможно, что во времена могущественныхъ іудейскихъ царей израильтяне, плававшіе по Красному морю въ золотоносную страну Офиръ, завели въ значительныхъ торговыхъ мѣстахъ, Марибъ, Санааръ (Усалъ), факторіи для мѣновой торговли съ Индіей и основали іудейскую колонію. Но позднѣйшіе аравійскіе евреи будто бы слышали отъ своихъ предковъ, что, по разрушеніи перваго храма Навуходносоромъ, многіе еврейскіе бѣглецы прибыли въ сѣверную Аравію²⁾. Не подлежитъ однако никакому сомнѣнію, что Аравійскій полуостровъ обязанъ еврейскимъ населеніемъ гоненію іудеевъ римлянами. Безстрашные zeloty, бѣжавшіе по разрушеніи втораго храма отчасти въ Египетъ и Кирену и отчаянно сопротив-

¹⁾ Источники этихъ сказаній: Магомета Абульфарага *Kitab Alaghani*, *Abulfeda historia anteislamica* и *Ibn-Khaldun*, приведены въ *Essai sur l'histoire des Arabes*, par Caussin de Perceval, Т. II, стр. 642 и слѣд.

²⁾ *Tabari*, сообщ. де-Саси въ *Memoire de l'Académie des inscriptions*, Т. XLVIII, стр. 670. *Abulfeda* и *Ibn-Khaldun* у Персевала, 644.

дѣвшіеся тамъ римлянамъ, прибыли отдѣльными толпами и въ Аравію, гдѣ имъ ненужно было отказываться отъ духа свободы и отъ воинственности. Отъ этихъ бѣглецовъ произошли три еврейско-аравійскія племена: Бену-Надиръ, Бену-Кураица и Бену-Бахдаль, изъ которыхъ два первыхъ были Ааронова рода и потому называли себя Коганимъ (Alkahinani)¹⁾. Въ сѣверной Аравіи жило осѣдло еще другое еврейское племя, Бену-Каинукаа, которое вело иной образъ жизни, чѣмъ племена Надиръ и Кураица²⁾, конечно, было занесено туда иною историческою волною. Центромъ этихъ племенъ, а также нѣкоторыхъ другихъ, менѣе значительныхъ и мало упоминаемыхъ, — Бену-Акра, Бену-Гаура, Бену-Цаидъ, Бену-Ауфъ, Бену-Алассисъ, — былъ городъ Ятрибъ, который лежалъ въ плодородной странѣ, украшенной пальмовыми насажденіями и рисовыми плантаціями и орошенной небольшими ручьями. Еврейскія племена, подвергаясь частымъ нападеніямъ бедуиновъ, построили для защиты своей независимости замки въ городѣ и на возвышенныхъ мѣстахъ въ окрестности. Сперва они были единими обладателями этого округа, впослѣдствіи же времени, когда (около 630) поселились въ той-же странѣ два родственныхъ племена, Бену-Аусъ и Ха-рагъ (совокупно называемыя Каила), то жившіе мирно, то враждовавшіе съ евреями, послѣдніе должны были подѣлиться землею и властью съ арабскими племенами.

Но округъ Хаибаръ, лежавшій на сѣверъ отъ Ятриба, былъ населенъ исключительно евреями, которые составляли отдѣльную общину. Хаибарскіе евреи происходятъ, говорятъ, отъ рехабитовъ³⁾, которые по заповѣди своего родоначальника Ионадаба бенъ Рехаба вели кочующую, назирейскую жизнь и, по разрушеніи перваго храма, переселились въ

¹⁾ Kitab Alaghani и Ibn-Khaldun, у Персевала, 645 и слѣд.; Ibrahim Halebi у Вейля Mohammed der Prophet, стр. 413, примѣч. 144.

²⁾ Авторъ, отождествляя Кураица, упоминаемыхъ Самгуди, съ Караймами, очевидно ошибается вслѣдствіе неправильной этимологіи. Риттеръ Землевѣдѣніе, XII, стр. 63.

³⁾ Рапопортъ въ Vikure ha-Ittim (Zeitschrift) Jahrg. 1824, стр. 51 и слѣд.

страну Хаибаръ, богатую пальмами и хлѣбомъ. Хаибарскіе евреи имѣли, подобно христіанскимъ рыцарямъ, рядъ крѣпостей или замковъ ¹⁾: Бара, Фадакъ, Кулла, Наимъ, Натунъ, Сабъ, Сулалимъ, Убеи, Вати. Сильнѣйшею крѣпостью былъ Камусъ, построенный на неприступной горѣ. Эти замки защищали ихъ отъ разбойническихъ впаденій воинственныхъ бедуиновъ и позволяли имъ давать убѣжище многимъ гонимымъ. Вадиль-Кора (долина селъ), плодоносная долина, на разстояніи одного дня пути отъ Хаибара, также была населена одними евреями ²⁾. Неизвѣстно, принадлежали-ль послѣдніе къ Хаибару, или составляли самостоятельную общину. Въ Меккѣ, въ которой находилась святыня арабовъ, жило, конечно, очень мало евреевъ.

Напротивъ, они были многочисленны въ южной Аравіи (Іеменѣ), въ странѣ, «пыль которой была золотомъ, гдѣ люди отличались здоровьемъ, а женщины рождали безъ болѣзни» (какъ говорили тамошніе жители). Но евреи Счастливой Аравіи не имѣли племеннаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ политическаго единства, замѣчаемаго у поселившихся въ Гегасъ евреевъ, и жили разсѣянно между арабами. Тѣмъ не менѣе они, съ теченіемъ времени, приобрѣли такое вліяніе на арабскія племена и на короля іеменскаго (гимъярскаго), что могли воспрепятствовать распространенію христіанства въ этой странѣ. Византійско-христіанскіе императоры обратили свое вниманіе на эти складочныя мѣста для индійскихъ продуктовъ и, не помышляя о непосредственномъ покореніи храбрыхъ гимъяритовъ (гомеритовъ), хотѣли сблизиться съ ними посредствомъ обращенія ихъ къ христіанству. Послѣднее должно было предшествовать торговымъ сношеніямъ. Уже второй христіанскій императоръ послалъ миссіонеровъ въ Гимъяру, но миссіонеры не могли достигнуть цѣли, такъ какъ имъ противодѣйствовали евреи ³⁾. Не ранѣе конца пятаго

¹⁾ Abulfeda, edit. Adler, I, 65; срав. Вейля Mohammed, 186 и слѣд.

²⁾ Сравн. Риттера Землеводвѣніе, XII, 62, 402.

³⁾ Philostorgius fragmenta c. III, № 4.

или начала шестаго столѣтія удалось христіанскимъ миссіонерамъ обратить ко Христу одного арабскаго главу и его племя, которые жили въ торговомъ городѣ Нагаранѣ¹⁾.— Къ Аравіи принадлежалъ, но только не вполне, островъ Ютабе (теперь Таибанъ) въ Красномъ морѣ (въ 15 миляхъ на югъ отъ столицы Аилы); на этомъ островѣ существовало съ незапамятныхъ временъ небольшое еврейское независимое государство, которое отстаивало свою свободу отъ персовъ, грековъ и римлянъ, и было завоевано только при императорѣ Юстиніанѣ²⁾.

Аравійскіе евреи, принадлежа по своему происхожденію къ семитамъ, имѣли много общаго съ туземцами. Языкъ ихъ былъ родственъ съ арабскимъ языкомъ; тѣ изъ ихъ обычаевъ, которые не были установлены религіей, сходствовали съ обычаями арабовъ. Поэтому евреи обарабились до такой степени, что отличались отъ туземцевъ только религіей. Брачные союзы содѣйствовали къ сглаженію несходныхъ чертъ въ характерѣ обоихъ народовъ. Южно-аравійскіе евреи занимались, подобно гимъяритамъ, преимущественно торговлею между Индіей, Византійскою имперіей и Персіей. Сѣверо-аравійскіе евреи, напротивъ, вели жизнь бедуиновъ: земледѣліе, скотоводство, транзитная караванная торговля, торговля оружіемъ, а иногда и ремесло грабителя. Только племя Каинукаа мало занималось земледѣліемъ, ибо не имѣло почвы, благоприятной для пальмовыхъ насажденій, доставлявшихъ жителямъ Гегаса главнѣйшую ихъ пищу; Каинукаа занимались болѣе золотыхъ дѣлъ мастерствомъ и вексельными оборотами³⁾. Площадь въ Ятрибѣ, на которой сосредоточивались дѣла этого племени, называлась рынкомъ Каинукаа (Suk alkainukaа)⁴⁾.—Аравійскіе евреи имѣли также патриархально-племенное устройство. Многія фамиліи соединялись въ одно племя подъ начальствомъ главы (Schaiх),

¹⁾ Сравн. Персевича упомянут. выше сочин., I, 34.

²⁾ Procopius de bello persico, I, 19. Риттера Землеводствіе, XIV, 19.

³⁾ Ibn-Khaldun въ вышеприведен. соч. Персевича, III, 80.

⁴⁾ Тамъ же.

который во время мира заботился о торговлѣ и правосудіи, а во время войны предводительствовалъ людьми, способными носить оружіе, и заключалъ союзы съ сосѣдними племенами. Подобно арабамъ, аравійскіе евреи оказывали гостепрѣимство всякому, вступившему въ ихъ палатку, и хранили ненарушимую вѣрность къ союзникамъ; но раздѣляли и недостатки туземцевъ, мстили за смерть своего сочлена, устраивали засады, подстерегали врага и убивали его. Случалось также, что одно изъ еврейскихъ племенъ вступало въ союзъ съ арабскимъ и потому непріятельски дѣйствовало противъ родственнаго племени, принадлежавшаго къ другой партіи. Но если евреи враждовали между собою, то присущая ихъ племени добродѣтель брала перевѣсъ надъ бедуинскимъ обычаемъ нещадить врага. Они выручали изъ рукъ союзниковъ захваченныхъ ими членовъ родственнаго племени, съ которыми вели войну, дабы не оставлять ихъ рабами во власти язычниковъ, ибо, какъ они говорили: «выкупъ единовѣрныхъ плѣнниковъ есть религіозная обязанность» ¹⁾. Какъ не уступали евреи арабамъ въ храбрости, такъ точно они спорили съ ними о первенствѣ въ стихотворномъ искусствѣ. Ибо украшеніемъ благороднаго араба служила, кромѣ мужественности и мужества, еще поэзія, которую шейхи лелѣяли, а короли щедро награждали. Поэтъ былъ, послѣ героя, славнѣйшимъ человѣкомъ въ Аравіи, которому были открыты сердца и палатки. Аравійскіе евреи также умѣли благозвучно говорить на арабскомъ языкѣ и украшать речами стройную рѣчь ²⁾.

Религіозныя познанія, принесенныя бѣжавшими изъ Іудеи евреями и впоследствии умноженныя школами, ставили ихъ выше языческихъ племенъ и сдѣлали господами надъ послѣдними. Между тѣмъ какъ въ седьмомъ вѣкѣ лишь не-

¹⁾ Коранъ, сура II, стихъ 85, и комментарий къ нему. Я цитую коранъ по тексту Марачіо и согласно принятому имъ раздѣленію стиховъ.

²⁾ Сравн. отрывокъ еврейскаго поэта изъ Kitab Alaghani, сообщенный Перрономъ въ Journal asiatique 1838, Novembre, стр. 446; поэтъ жилъ въ вѣкѣ до Магомета.

многіе арабы умѣли писать. всѣ евреи уже знали это искусство, но употребляли квадратныя, такъ называемыя ассирійскія письмена, а немногіе арабы, выучившіеся писать, также употребляли преимущественно еврейскія буквы¹⁾. Всякій еврей въ Аравіи, разумѣется, могъ читать Св. Писаніе. Поэтому арабы называли евреевъ «народомъ писанія» (Ah'lul Kitab)²⁾.

Еврейство въ той формѣ, въ какой оно было передано, и съ тѣмъ характеромъ, который сообщенъ ему танаитами и аммореями, было особенно священно для аравійскихъ евреевъ. Они строго соблюдали законы о пищѣ, праздники и постъ ивонъ-киппуръ (называемый у нихъ апура)³⁾. Субботу они соблюдали такъ строго, что, не смотря на любовь къ войнѣ и возможность удовлетворить ее, не обнажали въ этотъ день меча⁴⁾. Хотя они въ этой гостепріимной странѣ не имѣли никакого повода къ жалобамъ, однако тоскливо желали вернуться въ страну отцевъ и ежедневно ждали пришествія Мессіи, который соединитъ ихъ съ прочими разсѣянными израильтянами и возстановитъ царство Давидово⁵⁾. Поэтому они, совершая молитву, обращались лицомъ къ Іерусалиму, подобно всѣмъ евреямъ на землѣ⁶⁾. Они имѣли сношенія съ палестинскими евреями, охотно подчинялись тиверіадскимъ авторитетамъ послѣ паденія патріархата и полу-

¹⁾ Вейль въ своемъ сочиненіи *Leben Mohammeds* неправильно говоритъ, что Ассирьяніагъ, употреблявшійся еврейскими секретарями Магомета и отождествляемый въ Хамисѣ съ *Kitab al Jahûd*, значитъ сирійскій (стр. 140 и Замѣч. 209). Зачѣмъ было евреямъ употреблять сирійскія буквы? Ассирьяніагъ есть ничто иное, какъ упоминаемый въ Талмудѣ *Kitab Aschurit*, употребительный квадратный алфавитъ, въ противоположность *Ibrit*, древнему или самарянскому алфавиту. Арабы выучились писать только за нѣсколько десятилѣтій до Магомета. Сравни. *Sacy Mémoire de l'Académie des inscriptions*, T. I, 315, и *Journal asiatique* 1836, стр. 533; 1838, стр. 537 и слѣд.; *Perceval histoire des Arabes*, I, 262.

²⁾ Чаше въ коранѣ.

³⁾ *Alkazwini* въ *Rosocke specimen edit. White*, 301, и древнія преданія о томъ, собранныя Махмудомъ-Эффенди въ *Journal asiatique*, 1858, стр. 117 и слѣд.

⁴⁾ Сравни. Вейля: Магометъ, стр. 93, 164.

⁵⁾ Во многихъ мѣстахъ корана.

⁶⁾ Видно изъ суръ II, 134 и *G'elalreddin* у *Marazio*, I, 61.

чали отъ нихъ и, вѣроятно, также отъ вавилонскихъ школъ религіозныя распоряженія и объясненіе Писанія. Ятрибъ былъ центромъ еврейской учености; тамъ, въ школъ (Midras) ¹⁾, были законоучители (ахбаръ, хабаръ), объяснявшіе Св. Писаніе. Но знаніе аравійскихъ евреевъ было не глубоко. Они смострѣли на св. Писаніе чрезъ очки агадскаго толкованія, съ которымъ познакомились въ своихъ путешествіяхъ, или которое было принесено къ нимъ переселенцами. Блестящая исторія минувшаго времени срослась для нихъ такъ тѣсно съ агадскими прибавленіями, что они уже не могли отдѣлать золота отъ шлаковъ. Будучи одарены поэтической фантазіей, аравійскіе евреи, съ своей стороны, украшали библейскіе рассказы интересными чертами, которыя затѣмъ выдавались за дѣйствительные факты. Исторія объ Іосифѣ, сама по себѣ уже драматическая, сдѣлалась еще романичнѣе, благодаря еврейско-арабскимъ поэтамъ. Ядро прекраснаго поэтическаго творенія объ Іосифѣ и Зюлейкѣ (арабское имя Потифары) возникло, конечно, въ еврейско-арабскомъ кружкѣ ²⁾.

Аравійскіе евреи, пользуясь полною свободой и не зная никакого принужденія, могли безбоязненно высказывать свои религіозныя воззрѣнія и сообщать ихъ въ мирной бесѣдѣ своимъ языческимъ сосѣдямъ. Воспріимчивый къ духовному умъ арабовъ полюбилъ высокое, поэтически-религіозное содержаніе библіи, и мало-по-малу извѣстныя еврейскія представленія и религіозныя понятія усвоились арабами ³⁾. Аравійскіе евреи дали арабамъ календарь, безъ котораго по-

¹⁾ Baidawī, къ корану сура II, 90.

²⁾ Введеніе къ двѣнадцатой сурѣ корана объ Іосифѣ ясно показываетъ, что исторія и сага заимствованы отъ евреевъ.

³⁾ Гейгеръ, основываясь на множествѣ встрѣчающихся въ коранѣ еврейскихъ и талмудическихъ словъ, какъ напр., Thaurât, Luchât, G'anât-Adn, G'hannam, Sabt, Thâbât, Sekinah, Achbâr, Taghut (Ta'ut идолопоклонство), а также Messieh, Nebi и другія, ошибочно заключаетъ, что Магометъ заимствовалъ ихъ изъ юдаизма. Такъ какъ эти слова употребляются въ коранѣ безъ объясненій, то напротивъ слѣдуетъ заключить, что они были усвоены до Магомета и понятны безъ объясненія слушателямъ Магомета. Срав. Гейгера: Was hat Mohammed aus dem Judenthum aufgenommen, стр. 44 и слѣд.

слѣднимъ было трудно обойтись. У арабовъ было въ году четыре священныхъ мѣсяца, въ теченіе которыхъ воспрещалась война и родовая месть. Въ эти мѣсяцы совершалось пилигримство въ Мекку и посѣщались ярмарки. Но такъ какъ арабы считали въ году только двѣнадцать лунныхъ мѣсяцевъ, то мѣсяцы мира постепенно совпадали со всѣми временами года и съ такимъ временемъ, въ которое трудно совершать путешествіе и вести торговныя сношенія. Поэтому ученые евреи изъ Ятриба научили арабовъ прибавлять мѣсяць къ тѣмъ годамъ, которые значительно отстаютъ отъ солнечнаго года. Арабы приняли 19-лѣтній еврейскій циклъ (около 420)¹⁾ и назвали прибавленный мѣсяць *насси*, вѣроятно потому, что евреи получили свой календарь отъ *насси* (патріарховъ).

Евреямъ даже удалось сообщить арабамъ свѣдѣнія объ ихъ историческомъ началѣ, о которомъ умалчивали арабскія воспоминанія, и которое они стали считать своимъ. Для евреевъ было весьма важно, чтобы арабы считали и признавали ихъ родственнымъ по происхожденію племенемъ. Съ этимъ было связано столько общественныхъ интересовъ, что евреи не могли упустить этого пункта изъ виду. Средоточіе страны, священный городъ Мекка (Алхарамъ), построенный вокругъ древняго храма (Каабы, четвероугольника), или правильнѣе сказать, вокругъ чернаго камня, на границѣ двухъ враждовавшихъ главныхъ племенъ, собственно арабовъ и вселившихся, ненастоящихъ арабовъ (месторабовъ), служилъ для всѣхъ арабовъ мѣстомъ убѣжища, въ которомъ запрещалось обнажать мечъ. Пять ярмарокъ, изъ коихъ важнѣйшая въ Окафѣ, а прочія въ Менганѣ и Минаи близъ Мекки, въ Гонаинѣ между Меккой и Таифомъ, и пятая въ Дуль-

¹⁾ Этотъ интересный пунктъ переданъ большинствомъ арабскихъ писателей, отъ древнѣйшихъ, Абу-Машара, Албируни и Массуди, до Абдулфеды. СРАВ. *Mémoire de l'Académie des inscriptions*, vol. LXVIII, стр. 616 и слѣд.; *Journal asiatique*, 4-me série, T. I, стр. 346, и статью Махмуда Эффенди: *Sur le calendrier arabe avant l'islamisme*, въ *Journal asiatique*, 5-me série, T. II, стр. 173 и слѣд.

Мегацѣ при морѣ, могли происходить только въ четыре священные мѣсяца, въ теченіе которыхъ соблюдался миръ божій. Кто хотѣлъ пользоваться этимъ миромъ и безопасностью жизни среди населенія, склоннаго къ войнѣ и небожавшагося проливать кровь, тотъ долженъ былъ доказать свое родство съ арабами, иначе онъ лишался упомянутыхъ благъ.

Къ счастью, арабскіе евреи вспомнили библейскій разсказъ о происхожденіи арабовъ и воспользовались имъ, какъ доказательствомъ своего съ ними родства. По библейской генеалогіи Эберъ (Геберъ) былъ родоначальникомъ евреевъ, а его сынъ Иоктанъ родоначальникомъ арабовъ. Но и сынъ Авраама, Исмаиль, называется въ библии также родоначальникомъ евреевъ. Следовательно, евреи были убѣждены въ своемъ двойномъ родствѣ съ арабами, по Иоктану и по Исмаилу. Отъ этихъ же двухъ родоначальниковъ евреи производили два главныхъ арабскія племена, признавая собственно арабовъ (гимьяритовъ) потомками Иоктана, а сѣверныхъ арабовъ потомками Исмаила. На основаніи этого евреи имѣли возможность умножить доказательства своего племеннаго родства. Они могли сказать арабамъ: «Эта священная Кааба, столь глубоко чтимая вами, построена Исмаиломъ, сыномъ нашего общаго прародителя Ибрагима. Онъ носилъ для нея камни на своихъ плечахъ. Въ углубленіи чернаго камня въ Каабѣ (первоначально фетиша) имѣются впечатлѣнія отъ стопы Ибрагима, посѣтившаго однажды своего сына. Священное для васъ изображеніе въ храмѣ представляетъ почтеннаго патріарха, нашего и вашего родоначальника. Священный источникъ Цемцемъ близъ Мекки, освѣжающій васъ во время паломничества, истекъ впервые для Исмаила, сына Агари, бѣжавшей отъ Сарры. Семикратное бѣганье вокругъ Каабы установлено въ память Агари, которая бѣжала сюда съ своимъ сыномъ». Все это казалось яснымъ и лестнымъ для арабовъ, которые любили генеалогическія таблицы и были довольны возможностью отнести свое происхожденіе и исторію къ столь древнимъ временамъ. Вслѣдствіе этого они старались согласовать свои генеало-

гическія воспоминанія и традиціи съ библейскимъ разсказомъ. Хотя ихъ воспоминанія не восходили далѣе шести вѣковъ, съ одной стороны до ихъ прародителя Іакова и его сыновей или внуковъ, Гимъяра и Кахлана, а съ другой до Аднана: однако все это не представляло никакихъ затрудненій для арабовъ, равнодушныхъ къ исторической вѣрности. Они превращали Іакова въ сына Кахтана (Поктана), а Измаилу давали въ сыновья Аднана, или инымъ образомъ свя зывали генеалогическія нити, не имѣя понятія о томъ, что между мнимыми отцами и сынами лежитъ цѣлое тысячелѣтіе. Съ этого времени южные арабы стали безъ зазрѣнія совѣсти называть себя Кахтанидами, а сѣверные арабы — Измаилитами ¹⁾, и охотно дали евреямъ племенные права, т. е. равноправность во всѣхъ преимуществахъ общества.

При близкихъ сношеніяхъ между евреями и арабами и при богатыхъ свѣдѣніяхъ, преподанныхъ еврействомъ сынамъ пустыни, которые не находили въ своей непоэтической мифологій никакого матеріала для вдохновенія, весьма натурально, что многіе арабы возимѣли особенную склонность къ еврейству и приняли эту религію, хотя евреи не заботились объ ихъ обращеніи къ іудейству. Такъ какъ арабы еще во времена язычества соблюдали обрѣзаніе, то переходъ ихъ въ еврейство былъ очень легокъ. Тѣсная связь и духъ единоплеменности, которымъ были проникнуты члены семейства, вели къ тому, что глава, мудрѣйшій человекъ въ племени, переходя въ еврейство, увлекалъ за собою и всѣхъ своихъ сродниковъ. О многихъ арабскихъ племенахъ положительно говорится, что они приняли іудейскую религію ²⁾: Бену-Кинана, воинственное племя, родственное съ высокочтимыми кораишитами въ Меккѣ; далѣе, многія фамиліи изъ племенъ

¹⁾ Д-ръ Лей въ своей диссертациі: *de templi Messani origine*, Berlin 1849, ясно доказалъ баснословность происхожденія арабовъ отъ Измаила, которой не могли уяснить себѣ пресловутые историки, а также происхожденіе Каабы. Родство между арабами и евреями чрезъ Аврама считалось фактомъ еще до Магомета.

²⁾ Сравни. Замѣч. 10, I, конецъ.

Аусъ и Хапрагъ въ Ятрибъ, фамиліи Цоранкъ, Гарита, Надгаръ, и наконецъ гассанидское племя, изъ котораго вышелъ славный еврейско-арабскій поэтъ.

Но обращеніе къ еврейству могущественнаго іеменскаго царя, покрытое прежде мракомъ баснословія и только нынѣ ставшее достовѣрнымъ фактомъ, благодаря вновь найденнымъ источникамъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ, — было эпохой въ арабской исторіи. Іеменскіе князья или цари, называвшіеся Тобба и часто владычествовавшіе надъ всею Аравіей, признавали своимъ историческимъ родоначальникомъ Гимъ-яра, а баснословнымъ Кахтана. Одинъ изъ этихъ Тобба, самый младшій, по имени Абу-Кариба Ассадъ-Тоббанъ (сынъ Малики-Карибы), обладалъ прозорливостью, познаніями, поэтическимъ дарованіемъ и храбростью, которая подстрекала его къ завоеваніямъ. Поэтому Абу-Кариба предпринялъ (около 500) походъ противъ Персіи, потрясенной тогда при царѣ Кабадѣ, и противъ арабскихъ провинцій Византійской имперіи. На своемъ пути онъ зашелъ въ сѣверно-арабскую столицу Ятрибъ и, не предвидя ничего дурнаго отъ жителей, оставилъ своего сына намѣстникомъ въ этомъ городѣ. Но едва онъ ушелъ, какъ получилъ извѣстіе объ умерщвленіи его сына ятрибцами. Абу-Кариба оплакалъ его въ нѣсколькихъ стихахъ и возвратился для отмщенія въ родомному городу. Онъ хотѣлъ уничтожить всѣ пальмовыя насажденія, сравнять городъ съ землею, умертвить всѣхъ мужчинъ и обратить въ рабство женщинъ и дѣтей.

Въ Ятрибѣ жили два арабскія племена, Бену-Аусъ и Хапрагъ, и еврейскія племена Кураица и Надиръ (о чемъ уже сказано выше). Абу-Кариба сперва пригласилъ старѣйшинъ къ себѣ въ лагерь, подъ предлогомъ мирной бесѣды. Но когда они пришли, онъ велѣлъ умертвить ихъ всѣхъ, кромѣ храбраго и поэтически даровитаго Охайхи, который, избавившись отъ смерти, вернулся въ городъ и организовалъ упорную защиту. Абу-Кариба осадилъ городъ своею многочисленною конницею и приказалъ срубить пальмовыя деревья, доставлявшія жителямъ ихъ главнѣйшую пищу. Одинъ еврей-

скій поэтъ изъ Ятриба сложилъ по этому поводу элегію на срубленные пальмы¹⁾, которыя арабы любили какъ живыхъ существъ, и уничтоженіе которыхъ оплакивали, какъ смерть дорогаго родственника. Въ битвахъ съ Абу-Карибой евреи соперничали съ аусами и хапрагами въ храбрости и утомляли осаждавшаго врага. Во время осады сильно забогѣлъ гимъяритскій царь, и нигдѣ по близости не было свѣжей воды для утоленія его палящей жажды. Всѣ эти обстоятельства оклонили его начать мирныя переговоры. Два еврейскихъ законоучителя (ахбаръ) изъ Ятриба; изъ племени Кураица, по имени Каабъ и Ассадъ²⁾, воспользовались истощеніемъ Абу-Карибы, отправились къ нему въ палатку и упрасивали простить ятрибцевъ и снять осаду. Неизвѣстно, что именно сказали ему еврейскіе мудрецы, потому что арабскіе источники обрываютъ на этомъ мѣстѣ историческія нити и вводятъ сказаніе, чтобы прославить основателя своей религіи, Магомета, и городъ, служившій мѣстою его главнѣйшей дѣятельности. Въ этомъ сказаніи говорится, будто Каабъ и Ассадъ предостерегали гимъяритскаго царя отъ опасности угрожать и разрушать Ятрибъ, ибо самъ Богъ хранить его: такъ какъ пошлетъ въ него пророка, который найдетъ въ Ятрибѣ пристанище и могилу. Тогда Абу-Кариба спросилъ, гдѣ они все это прочитали, и получилъ въ отвѣтъ: «въ Өорѣ!» Когда же затѣмъ царь спросилъ, что такое Өора, они рассказали ему о посланничествѣ Моисея и изложили сущность еврейства³⁾. Достоверно только то, что еврейскіе мудрецы нашли случай говорить съ Абу-Карибой объ еврействѣ и внушить ему живѣйшій интересъ къ послѣднему. Изложеніе Кааба и Ассада до такой степени возбудило въ немъ сочув-

¹⁾ Kitab al-Aghani, сообщен. Перрономъ въ Journal asiatique, 1838, стр. 446.

²⁾ Tabari, сообщен. де-Саси въ Mémoire de l'Académie des inscriptions, T. XLVIII, стр. 873. Тамъ ясно сказано: deux docteurs juifs habitants de Korreita, dont l'un se nomma Caab et l'autre Asad, vinrent le trouver (Tobba).

³⁾ Kitab al-Aghani въ Journal asiatique, и другіе писатели въ вышеупомянутой Mémoire.

ствіе, что онъ рѣшилъ принять еврейство и подвигъ гимъ-аритское войско послѣдовать его примѣру¹⁾.

Согласно его желанію, оба еврейскіе мудреца послѣдовали за нимъ изъ Ятриба въ Іемень, чтобы обратить народъ къ іудейству. Однако это было не такъ легко; народъ не можетъ, по первому же требованію, отказаться отъ усвоеннаго образа мыслей, нравовъ и безнравственности. Сага еще повѣствуетъ, что жители столицы Санаа заперли ворота предъ царемъ и угрожали ему войною за отпаденіе отъ религіи предковъ. Тогда Абу-Кариба посредствомъ чуда убѣдиль гимъаритовъ въ божественности еврейства. Именно, въ одной горѣ близъ Санаа существовала пещера, помогавшая жителямъ дознаваться истины въ сомнительномъ случаѣ. Такъ, если начинался споръ между партіями, то судьи посылали ихъ въ пещеру, и появившійся внезапно огонь пожиралъ виновную сторону, правую же щадилъ. Въ этой пещерѣ и еврейство, по словамъ арабской саги, выдержало испытаніе огнемъ. Между тѣмъ какъ языческіе жрецы и кумиры ихъ были пожраны невиданнымъ еще дотолѣ пламенемъ, оба еврейскіе мудреца, надѣвшіе Θору себѣ на выи, остались здравы и невредимы²⁾. Тогда всѣ гимъариты приняли іудейскую религію. Каабъ и Ассадъ разрушили, съ царскаго позволенія, храмъ идола Раяма въ Санаа, и нечистый духъ бѣжалъ оттуда во образѣ чернаго пса³⁾.

Однако достовѣрная исторія говоритъ, что не всѣ гимъариты приняли еврейство, но что въ странѣ осталось столько же язычниковъ, сколько евреевъ, что язычники сохранили свои кумирни и свободу культа. Вообще еврейство, къ которому обратился іеменскій царь, не проникло глубоко въ нравы и образъ жизни.—Глава благороднаго племени Кендитовъ, по имени Гарить Ибнь-Амру, племянникъ іеменскаго царя, также принялъ іудейство, и Абу-Кариба назначилъ его

¹⁾ Объ историчности факта и о хронологіи сравн. Замѣч. 10, I.

²⁾ Tabari въ вышеприв. *mémoire* у Саси, стр. 675 и другіе арабскіе писатели.

³⁾ Ибнь-Исхагъ въ *Sirat ar-Rasul* f. 5.

вице-королемъ надъ Маадитами у Краснаго моря и намѣстникомъ Мекки и Ятриба¹⁾). Вмѣстѣ съ Гаритомъ и все племя Кендитовъ обратилось къ еврейству. Молва объ еврейскомъ царѣ и объ іудейскомъ царствѣ въ прекраснѣйшей и плодоснѣйшей части Аравіи распространилась далеко, благодаря иноземцамъ, которые пріѣзжали въ страну по своимъ дѣламъ, и достигла до евреевъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Услышали объ этомъ и евреи въ вестготской Испаніи и повѣрили, что гимъяритскій царь происходитъ изъ дома Давида (см. выше, стр. 70), ибо сказаніе гласило, что въ Іеменѣ находились многія израильскія племена во всей ихъ силѣ, которыя переселились туда еще до разрушенія перваго храма и до паденія израильскаго царства²⁾).

Принявъ еврейство, Абу-Кариба царствовалъ не долго. Его воинственный духъ побуждалъ его къ дерзкимъ предпріятіямъ. Во время одного изъ такихъ предпріятій онъ, говорятъ, былъ умерщвленъ своимъ войскомъ, негодовавшимъ на труды и на походы. Абу-Кариба оставилъ трехъ несовершеннолѣтнихъ сыновей: Гассана, Амру и Цору, и потому государствомъ правилъ регентъ Рабіа Ибнъ-Нассеръ изъ племени Лахмидовъ, также принявшій іудейскую религію. Онъ, кажется, добросовѣстно передалъ корону законному престолонаслѣднику Гассану (около 503), который однако царствовалъ не долго, будучи, подобно отцу, снѣдаемъ желаніемъ военныхъ подвиговъ. Онъ, говорятъ, палъ (около 508) отъ руки роднаго брата Амру, котораго подстрекнули къ тому офицеры гимъяритскаго войска. Но Амру будто бы раскаялся въ своемъ кровавомъ преступленіи и приказалъ казнить подстрекателей. Онъ впалъ въ тяжкую душевную болѣзнь, не могъ двигаться и потому приказывалъ носить себя въ качалкѣ. Отсюда его прозваніе Мужъ въ качалкѣ (Dhul-Awad) или Сидящій (Al-Mauthabân). Во время его краткаго царствованія и по смерти его (около 510), гимъяритское госу-

¹⁾ Сравн. Замѣч. 10, I.

²⁾ Сравн. далѣе у Элдада, Данита.

дарство пришло въ крайнее разстройство и раздробленіе. Вице-короли различныхъ областей объявили себя независимыми, превратили свои намѣстничества въ королевства и царствовали подъ именемъ Каиль или Ду¹⁾. Одинъ узурпаторъ Лакнія-Тануфъ овладѣлъ гимъяритскими городами, Цафаромъ и Санаа, взомель на гимъяритскій престолъ и запятналъ его извѣженностью и пороками. Велѣдствіе того, что онъ, подобно женщинѣ, носилъ серьги, ему дали насмѣшливое прозваніе Ду-Шанатиръ (серьгоносецъ). Слстолюбецъ осквернилъ неестественнымъ порокомъ оставшихся въ живыхъ принцевъ гимъяритскаго воинственнаго племени. Но когда Ду-Шанатиръ схватилъ молодаго принца Цору съ намѣреніемъ осквернить его, послѣдній бросился на злодѣя, осилилъ его и убилъ ножомъ. Извѣстіе о смерти тирана было встрѣчено съ восторгомъ въ гимъяритской столицѣ. Населеніе привѣтствовало Цору, какъ спасителя страны, возложило на него вѣнецъ и признало его достойнымъ престола²⁾ (около 520).

Цора, прозванный за свои прекрасныя кудри Ду-Новасомъ (кудреносцемъ), былъ ревностнымъ приверженцемъ еврейства. Поэтому онъ принялъ еврейское имя Юссуфа. Но его ревность къ религіи, которая воодушевляла и его отца, поставила Ду-Новаса въ непріятное положеніе и навлекла несчастіе на него самого, на его царство и на еврейскихъ жителей Гимъяры. Тѣ стремленія, которыя помогали церкви переходить отъ одной побѣды къ другой, повели еврейство къ новымъ пораженіямъ, какъ будто оно вообще было лишено политическаго фундамента и государственныхъ основъ. Царь Цора Юссуфъ Ду-Новасъ узналъ о тѣхъ бѣдствіяхъ, которымъ ежедневно подвергаются его единовѣрцы въ Византійской имперіи, и сердце его исполнилось скорби. По-

¹⁾ Сравн. объ этомъ Caussin de Perceval: Histoire des Arabes, T. I, стр. 100—105, 117 и слѣд.

²⁾ Ибнъ-Исхакъ Sirat ar-Rasul f. 5. Абулфарагъ Исфгани Kitab al-Aghani, IV, 298. Ibn-Badran изд. Dozy, 84 и слѣд. Shultens Historia Joctanidarum, 26, 78.

этому онъ хотѣлъ репрессаліями принудить Византію къ справедливости въ отношеніи къ евреямъ. Когда однажды римскіе (византійскіе) купцы проѣзжали чрезъ Гимъяру, онъ приказалъ схватить ихъ и обезглавить. Это событіе наводило ужасъ на христіанскихъ купцовъ, которые имѣли сношенія съ страной благовоній и индійскихъ богатствъ. Поэтому индійско-арабская торговля пришла въ асетой. Но этимъ Ду-Новасъ накликалъ тяжкую войну на свое государство.

Сосѣдній царь Андугъ, вѣроятно, одинъ изъ прежнихъ вассаловъ, преданный еще язычеству, упрямилъ еврейскаго царя въ его неполитическомъ поступкѣ, имѣвшемъ своимъ послѣдствіемъ прекращеніе торговли съ Европою. Ду-Новасъ оправдывался тѣмъ, что ежегодно многіе евреи погибаютъ безвинно въ Византійской имперіи; но оправданіе это не произвело никакого впечатлѣнія на Андуга. Послѣдній объявилъ Ду-Новасу войну, разбилъ его въ одномъ сраженіи (521) и будто-бы вслѣдствіе этого принялъ христіанство. Однако Ду-Новасъ не лишился жизни въ этой войнѣ, какъ утверждаютъ христіанскіе источники; но оправдался отъ пораженія и снова попалъ въ критическія обстоятельства. Населеніе города Нагарана въ Іеменѣ состояло преимущественно изъ христіанъ и находилось подъ управленіемъ христіанскаго начальника Гарита (Аретаса) бенъ-Калеба, который былъ вассаломъ іудейско-гимъяритакаго царства. Гаритъ, вѣроятно, не исполнилъ своего вассальнаго долга или оказалъ иное сопротивленіе Ду-Новасу во время войны съ Андугомъ. По одному извѣстію, два еврейскихъ юноши были убиты въ Нагаранѣ съ вѣдома Гарита, на что вознегодовалъ еврейскій царь¹⁾. Какъ бы то ни было, но Ду-Новасъ имѣлъ причину наказать Нагаранскаго властителя, какъ бунтовщика. Онъ осадилъ городъ, имѣя, какъ сообщаютъ увеличенно извѣстія, до 120,000 войска и принудилъ жителей къ капитуляціи. Тогда 340 знатнѣйшихъ мужей, съ Гаритомъ

¹⁾ Ибнъ-Алкедби, цитован. Ибнъ-Калдуномъ у Персевала Histoire des Arabes, I, 128.

во главѣ, отправились къ Ду-Новасу въ лагерь для подписанія мирнаго договора (523). Хотя гимъяритскій царь обѣщаль полную безопасность сказаннымъ мужамъ, однако предложилъ имъ теперь на выборъ смерть или еврейство; такъ какъ они колебались отречься отъ своей религiи, то онъ будто бы приказаль обезглавить ихъ, а трупы ихъ бросить въ рѣку. Но все событіе рассказано такъ баснословно, что нельзя отыскать историческое основаніе ¹⁾. Достоверно только то, что Ду-Новасъ обложилъ своихъ христіанскихъ подданныхъ высокою податью, въ видѣ репрессалій за тѣ бѣдствія, которымъ подвергались его единовѣрцы въ христіанскихъ странахъ.

Стоустая молва разнесла по Нагарану вѣсть о событіи, умножила число жертвъ и составила цѣлую слезную повѣсть, которой еще по-нынѣ вѣрятъ, не смотря на очевидность ея измышленности и преувеличенія. Ложное извѣстіе о мученіи Ду-Новасомъ христіанъ нашло себѣ пищу въ рассказѣ одного бѣглеца, Дусъ Ибнъ-Талабана, который прошелъ Аравію, Сирію и Византійскую имперію, и всюду рисоваль самыми мрачными красками еврейскаго царя и страданія христіанъ въ Гимъярѣ, чтобы побудить къ крестовому походу противъ этого тирана. Одинъ сирійскій епископъ, Симеонъ изъ Бетъ-Аршама, путешествовавшій въ то время въ сѣверную Аравію и повѣрившій преувеличеннымъ рассказамъ, употребилъ съ своей стороны усилія пробудить враговъ Ду-Новаса. Симеонъ отправилъ посланіе къ другому епископу, жившему близъ Аравіи (524), и заклиналъ его вооружить христіанъ противъ еврейскаго царя и преимущественно воспламенить къ войнѣ эіопскаго негуса (царя). Онъ также предложилъ арестовать въ Тиверіадѣ еврейскихъ учителей и принудить ихъ написать къ Ду-Новасу посланіе съ просьбою прекратить ради нихъ угнетеніе христіанъ. Дусъ, съ своей стороны, явился къ византійскому императору Юстину I, изобразилъ въ преувеличенномъ видѣ жестокость Ду-Новаса

¹⁾ Сравни. Замѣч. 10, II.

къ христіанамъ, показали полусожженное евангеліе, будто-бы спасенное имъ изъ пламени, и именовъ религіи требоваль отъ него отмищенія. Императоръ, слабый и слабоумный старикъ, войско котораго сражалось съ Персами, не вошелъ въ виды Дуса. Онъ отвѣчалъ: «Гимъяра очень далеко отъ насъ, и я не могу посылать войско въ такой далекій походъ чрезъ песчанья пустыни. Но я напишу къ эіопскому царю; онъ, какъ и мы, исповѣдуетъ христіанскую религію, и ближе меня къ Аравіи». Дѣйствительно, онъ написалъ къ эіопскому царю Элесбаа (или Адбегѣ), прося его отправить войско противъ Гимъяры.

Такимъ образомъ враги Ду-Новаса согласились погубить его. Самымъ сильнымъ его врагомъ былъ эіопскій царь Элесбаа, проникнутый ревностью къ религіи и съ неудовольствіемъ видѣвшій царскій вѣнецъ на головѣ еврея. Онъ не нуждался въ постороннемъ побужденіи, такъ какъ еврейское царство уже давно кололо ему глаза. Элесбаа снарядилъ многочисленный флотъ, на помощь которому пришли изъ Египта корабли, присланные византійскимъ императоромъ или, правильнѣе сказать, его молодымъ соправителемъ. Многочисленное войско перешло въ Іеменъ чрезъ неширокое Красное море; къ нему присоединились христіанскія войска. Хотя Ду-Новасъ принялъ мѣры воспрепятствовать высадкѣ эіопскаго войска, заперевъ цѣпями мѣста причала и собравъ войско; однако гимъяриты были гораздо малочисленнѣе эіопской арміи. Мелкіе іеменскіе короли (каилы), которыхъ Ду-Новасъ побуждалъ защищать общее отечество отъ вторженія иноземцевъ, остались равнодушны къ приближавшейся опасности или уже были подкуплены Элесбаа. Такимъ образомъ іудейско-гимъяритскому царю оставалось положиться только на собственное мужество и на свое вѣрное войско, состоявшее изъ конницы. Первое сраженіе было несчастливо для Ду-Новаса. Городъ Цафара (Тафаръ) попалъ въ руки враговъ, и вмѣстѣ съ нимъ царица и сокровища. Гимъяритскіе воины упали духомъ. Юсуфъ Ду-Новасъ, лишившійся всего, умеръ по-царски. Чтобы не попасть въ руки высоко-

мѣрнаго врага, онъ вмѣстѣ съ конемъ бросился со скалы въ море, которое дакеко унесло его трупъ (около 530)¹⁾. Побѣдоносные эіопляне предали все въ Гимъярѣ огню и мечу, грабили, умерщвляли и брали въ плѣнъ беззащитныхъ. Съ особенною яростью нападали они на евреевъ, которыхъ убили во множествѣ. Таковъ былъ конецъ іудейско-гимъяритакаго царства, быстро образовавшагося и также быстро исчезнувшаго. Спустя не болѣе тридцати лѣтъ по введеніи Абу-Карибой еврейства въ Іеменѣ, царствовалъ тамъ уже христіанскій король. Евреи, спасшіеся отъ эіопскаго меча, бѣжали, конечно, въ сѣверную Аравію, такъ что въ Гимъярѣ, безъ сомнѣнія, не осталось ни одного еврея. Поэтому нельзя не признать вымысломъ разсказъ о томъ, что тафарскій епископъ Грегенціусъ велъ сорокадневный религіозный споръ съ однимъ ученымъ евреемъ и обратилъ къ христіанству, какъ его, такъ и прочихъ евреевъ²⁾.

Около этого же времени ятрибскіе евреи завели сильную распрю съ своими арабскими сосѣдями. Эта распря, повидимому, находится въ причинной связи съ паденіемъ іудейско-гимъяритакаго царства. Еврейскія племена въ Ятрибѣ, состоявшія въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ гимъяритакому царю, сюзерену страны, преобладали надъ языческо-арабскими племенами. Одинъ еврейскій глава, называемый въ однихъ источникахъ Алгитьюномъ, а въ другихъ шерифъ Ибнъ-Кабомъ, предводительствовалъ полкомъ. Но арабы изъ племени Каилы (Аусы и Хапраги) съ неудовольствіемъ терпѣли зависимость отъ евреевъ и воспользовались для своего освобожденія тѣмъ временемъ, когда послѣдніе не могли ожидать никакой помощи изъ Гимъяры. Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, что произошло; но знаемъ только то, что хапрагскій глава, Маликъ, сынъ или внукъ Аглана, призвалъ чужеземную помощь, чтобы освободить своихъ соплеменниковъ.

¹⁾ Сравни. Замѣч. 10, II. Perceval: Histoire des Arabes, 110 и слѣд. *Metaphrastes* у *Surius* V, 1042.

²⁾ Извѣстно, какъ басня, уже Паги, *Varonius annales*, годъ 523, примѣч. X.

Арабскій глава изъ племени Гассанъ, по имени Гарить Ибнъ Абу-Шаммиръ, прозванный Дларагомъ (хромецъ), родственникъ по крови племенамъ Каила, получилъ приглашеніе отправиться въ Ятрибъ съ своимъ воинственнымъ племенемъ. Этотъ арабскій глава, состоявшій на службѣ у византійскаго императора, принялъ приглашеніе. Желая скрыть отъ евреевъ, что походъ предпринимается противъ нихъ, Ибнъ-Абу-Шаммиръ сказалъ, что имѣеть въ виду походъ въ Гимъяру. Онъ остановился лагеремъ при Ятрибѣ и пригласилъ къ себѣ еврейскихъ главъ. Многіе изъ нихъ явились, въ ожиданіи получить, по обычаю того времени, подарки отъ щедрого князя. Но едва они вступили въ палатку гассанидскаго князя, какъ были по одиночкѣ умерщвлены. Затѣмъ Ибнъ-Абу-Шаммиръ сказалъ ятрибскимъ арабамъ: «я избавилъ васъ отъ большей части вашихъ враговъ; теперь вамъ будетъ легко одолѣть остальныхъ, если будете сильны и мужественны». Онъ ушелъ. Но арабскія племена не отважились напасть открыто на евреевъ и употребили хитрость. Маликъ, хафрагскій глава, сумѣлъ убѣдить евреевъ, что избіеніе еврейскихъ главъ гассанидскимъ княземъ произошло безъ вѣдома и согласія арабовъ, и предлагалъ отложить всякое недовѣріе и заключить мирный союзъ съ сосѣдними племенами. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ еврейскихъ главъ на приготовленный имъ пиръ. Евреи попали въ ловушку и были умерщвлены во время пира. Погибъ также и еврейскій глава Алгитъюнъ или Шерифъ. Ятрибскіе евреи, лишившись своихъ предводителей, были безъ труда побѣждены арабами и уступили имъ лучшія мѣста (около 530—535). Въ первое время они не могли забыть утрату своихъ главъ и свое пораженіе. Вся злоба ихъ обратилась на Маликъ-Ибнъ-Аглана, виновника ихъ несчастія. Говорятъ, что они вывѣсили въ синагогѣ его изображеніе и осыпали послѣднее проклятіями. Но ненадежность существованія заставила ихъ скрыть свою ненависть. Мало-по-малу они отдались подъ покровительство того или другаго племени и такимъ образомъ сдѣлались клі-

ентами или протеже (мавали) Аусовъ и Хацраговъ ¹⁾. Но они уповали на грядущаго Мессію, который поразитъ ихъ враговъ ²⁾.

Гассанидскій князь Гаритъ Ибнъ-Абу-Шаммиръ, на обратномъ пути изъ Ятриба, имѣлъ также непріязненное столкновение съ еврейскимъ поэтомъ, который въслѣдствіе этого приобрѣлъ громкую славу у арабовъ. Самуиль Ибнъ-Адія (род. около 500, умеръ около 560), рыцарскій характеръ котораго обнаружился во время нападенія гассанидовъ, имѣлъ сношенія съ знаменитѣйшими арабскими поэтами до-магометовой эпохи, и, благодаря этому, увѣковѣчилъ свое имя. Его исторія даетъ намъ возможность видѣть условія жизни арабскихъ евреевъ. Самуиль происходилъ, по словамъ однихъ, отъ языческаго рода изъ племени гассанидовъ; а по словамъ другихъ онъ былъ еврейскаго происхожденія или, правильнѣе сказать, имѣлъ мать арабку и отца еврея ³⁾. Отецъ его Адія жилъ прежде въ Ятрибѣ, но въ послѣдствіи времени построилъ въ Таимской странѣ замокъ, который по своей пестрой окраскѣ названъ Алабакъ и увѣковѣченъ арабскою поэзіей. Самуиль, глава меньшаго племени, пользовался въ Гегасѣ такимъ уваженіемъ, что слабыя арабскія племена, напр., Вену-Фецара, отдавались подъ его покровительство. Каждый гонимый и преслѣдуемый находилъ убѣжище въ Абакѣ, и хозяинъ замка не щадилъ своей жизни, защищая своихъ протеже. Когда кендитскій княжескій сынъ, Имулкаисъ Ибнъ-Гогръ,

¹⁾ Kitab al-Aghani и Ибнъ-Кадунъ у Персевала Histoire des Arabes, Т. II, 650 и слѣд. Сравни. Замѣч. 10, III.

²⁾ Вейля: Жизнь Магомета, стр. 411, по Ибрагиму Галеби.

³⁾ Ибнъ-Дорандъ у Расмуссенъ: Historia regnorum Arabum ante Islamismum, стр. 11, сообщаетъ о немъ (перев. Расмуссена): Samuel religione erat Judaeus, neque vero gente. Erat enim Arabs et quidem de nobilissima prosapia regum ghassanidarum. Сравни. объ этомъ Baron de Slane: Divan d'Amroulkais, стр. 26, примѣч. 1, и вышеприведенный трудъ Персевала, II, примѣч. 2: Suivant les uns le père de Samouel était d'origine ghassanade; d'autres disent que sa mère appartenait à la race ghassan, mais que Ad'ia était issu de Cohin, fils de Haroun, père des tribus juives de Corayzha et de Nadhir. Aghani, IV, 264, у Ибнъ-Кадуна f. 129. Во всякомъ случаѣ, сомнѣніе Гейгера о томъ, принадлежалъ ли Самуиль къ еврейству (стр. 9), вполне разрѣшено.

царь арабскихъ поэтовъ, желавшій отмстить за убіеніе своего отца, подстерегаемый тайными и явными врагами, нигдѣ не могъ найти защиты, тогда онъ послѣ долгихъ странствованій пришелъ къ главѣ племени Бену-Фепара и просилъ у него убѣжища. Этотъ глава, по имени Амру Ибнъ-Габиръ, не могъ дать ему просимаго убѣжища и съ истинно-арабскимъ краснорѣчіемъ отвѣтилъ: «Указать ли тебѣ безопасное мѣсто? Я посѣтилъ Греческаго императора и видѣлъ царство Намана Гирскаго, но нигдѣ не нашель мѣста, которое могло бы лучше защитить молящихъ о помощи, какъ мѣсто, которое я сейчасъ назову тебѣ, и я не знаю болѣе ревностнаго защитника, чѣмъ господинъ этого мѣста». «Кто онъ и гдѣ живетъ?» спросилъ Имрулкаисъ. «Это еврей Самуиль, сынъ Адіи», отвѣчалъ Амру, «и я прикажу вѣрному проводнику свести тебя въ замокъ. Онъ именно тотъ человѣкъ, который поможетъ тебѣ въ твоей безпомощности». Затѣмъ совѣтникъ далъ ему проводника Рабіа Ибнъ-Дабу, который былъ также поэтомъ. Дорогою Рабіа сказала княжескому сыну: «Самуиль любитъ стихотворенія; сложимъ вмѣстѣ похвальную пѣснь ему, которую споемъ, чередуясь, въ его присутствіи, чтобы расположить его въ твою пользу».

Пришедши въ Аблакъ и представъ владѣльцу замка, оба арабскіе поэта начали пѣть свое стихотвореніе, чтобы восхваленіемъ его особы расположить его въ пользу пришельца. Пѣснь Имрулькаиса неизвѣстна, отъ стихотворенія же Рабіи уцѣлѣли нѣсколько стиховъ, содержащихъ грубую лесть:

«Самуиль обладаетъ всѣми преимуществами, онъ превосходитъ всѣхъ смертныхъ и далеко оставляетъ за собою современниковъ».

Еврейскій поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хозяинъ замка, хотя и не повѣрившій грубой лести, счелъ однако за честь дать убѣжище знаменитому арабскому поэту, слава и приключенія котораго были извѣстны на всемъ полуостровѣ. Онъ въ теченіе нѣкотораго времени содержалъ въ Аблакѣ Имрулькаиса, его дочь и всю его свиту. — Такъ какъ кендитскій принцъ не имѣлъ никакой надежды найти у арабскихъ племенъ помощь къ отмщенію за убіеніе своего отца (Мондира, гир-

скаго царя) и къ завоеванію отеческаго наслѣдства, то онъ придумалъ планъ склонить на свою сторону византійскаго императора Юстиніана, восточныя владѣнія котораго сильно пострадали отъ арабскаго лахмидскаго князя Мондира. Онъ предполагалъ ѣхать въ Константинополь и набрать тамъ войско для пораженія своего наслѣдственнаго врага. Отправляясь въ дорогу, Имрулкаисъ выпросилъ у Самуила рекомендательное письмо къ гассанидскому князю, вышеупомянутому Гариту Ибнъ-Абу-Шаммиру, который былъ на службѣ у византійскаго императора. Гаритъ долженъ былъ, согласно просьбѣ Самуила, дать кендитскому принцу вѣрныхъ проводниковъ до столицы Византійской имперіи. Слѣдовательно, еврейскій поэтъ долженъ былъ найти помощь у гассанидскаго князя, вѣроятно, по причинѣ своего происхожденія отъ гассанидскаго племени. Имрулкаисъ при отъѣздѣ передалъ Самуилу свою дочь, двоюроднаго брата, пять драгоценныхъ кольчугъ и другое оружіе. Самуиль обѣщалъ ему хранить вѣрныя лица и предметы, какъ зеницу ока. Но оружіе это принесло ему несчастіе. Именно, гассанидскій князь, будучи въ Гегасѣ, безъ сомнѣнія, въ то время, какъ былъ призванъ племенами Каила противъ ятрибскихъ евреевъ, двинулся къ Самуилову замку Аблаку и потребовалъ выдать ему оружіе Имрулкаиса; неизвѣстно однако, когда именно должна была совершиться эта выдача, при жизни или по смерти Имрулкаиса. Предъявлялъ ли Гаритъ какое либо право, или требованіе его было только предлогомъ къ нападенію, и почему онъ началъ враждебно относиться къ Самуилу, — все это покрыто мракомъ неизвѣстности.

Самуиль, согласно своему обѣщанію, отказалъ въ выдачѣ оружія. Тогда Гаритъ повелъ настоящую осаду замка, но такъ какъ послѣдній былъ неприступенъ, то Гаритъ употребилъ жестокое средство, чтобы принудить Самуила къ егороворчивости. Онъ поймалъ Самуилова сына, выведеннаго мамкою изъ укрѣпленія, и угрожалъ умертвить его, если Самуиль не удовлетворитъ требованія. Не болѣе минуты колебался несчастный отецъ между долгомъ и чувствомъ;

первый взялъ перевѣсъ, и Самуиль отвѣчалъ гассанидскому князю: «Дѣлай, что хочешь; извѣсна есть такіе оковы, которыхъ не съѣдаетъ никакая ржавчина, а у моего сына есть братья». Злодѣй убилъ сына въ глазахъ отца. Однако Гаритъ долженъ былъ безъ успѣха удалиться отъ замка. На обратномъ пути чрезъ землю Хаибаръ онъ, быть-можетъ изъ мщенія, перебилъ тамошнихъ евреевъ, взялъ огромную добычу и плѣнилъ женщинъ и дѣтей. Впослѣдствіи онъ возвратилъ имъ свободу ¹⁾. Самуиль передалъ оружіе, на ярмаркѣ въ Окацѣ, законнымъ наслѣдникамъ. Поэтому у арабовъ сложилась пословица: «Вѣрнѣе Самуила», и они говорили ее, желая обозначить высшую степень вѣрности.

Нѣкоторые порицали его за жестокость къ сыну, и онъ въ свое оправданіе написалъ стихотвореніе, полное благородныхъ мыслей, мужества и рыцарской чести:

«О, порицательница, перестань порицать человѣка, который уже часто презиралъ порицаніе. Если бъ я ошибался, ты должна бы направить меня на путь истины, а не вводить меня въ заблужденіе непонятными словами. Пусть кто либо другой выдаетъ вѣтренное ему, я же сохранилъ панцырь Кендита! Такъ нѣкогда совѣтовалъ мнѣ Адія, мой отецъ: «Не разрушай, Самуиль, того, что я построилъ!» Онъ построилъ мнѣ крупный замокъ, въ которомъ я не боюсь сопротивляться врагу.

О жизни и о смерти рыцарскаго поэта ничего болѣе неизвѣстно. Онъ, кажется, боролся со многими бѣдами и во всѣхъ случаяхъ сохранилъ свою честь, какъ это доказываетъ слѣдующимъ стихотвореніемъ:

«Когда положеніе дѣлъ сомнительно и грозитъ неудачей, а послѣдствія заставляютъ трепетать; когда кости ломаются отъ чрезмерно стянутаго пояса, и слабые покидаютъ своихъ братьевъ; тогда я уклоняюсь, какъ удобнѣе для моей слабости, и дѣлаю то, что служить къ сохраненію чести».

Предъ смертью (около 560) онъ могъ съ гордымъ сознаніемъ оглянуться на свою рыцарскую жизнь и на оказанную слабымъ защиту. Въ его послѣдней пѣснѣ говорится:

«О, если-бъ я зналъ, что, когда будутъ жалѣть о моей смерти, тогда плакальщицы скажутъ: Не уходи отъ насъ! Ибо ты умѣлъ охранять

¹⁾ Ibn-Kulaiba, изд. Вюстенфельда, стр. 314; сравн. Замѣч. 10, III.

насъ во многихъ бѣдствіяхъ. Ты ни разу не уступилъ своего права и не доводилъ до того, чтобы напоминали тебѣ о возвращеніи права»¹⁾.

Его сынъ Шураихъ²⁾ шелъ по его слѣдамъ чести и великодушія. Однажды знаменитый арабскій поэтъ Маймунъ Аша, нажившій себѣ много враговъ своимъ необузданнымъ характеромъ, былъ захваченъ противникомъ и вмѣстѣ съ другими плѣнниками, никѣмъ неузнанный, приведенъ въ Таиму, замокъ Шураиха; здѣсь, для своего спасенія, онъ сложилъ похвальную пѣснь въ честь Самуила:

«Будь подобенъ Самуилу, котораго тѣснилъ оружіемъ и войскомъ князь: «Выбирай между бездѣтностью и невѣрностью! О, какой ужасный выборъ предстоить тебѣ!» Но онъ отвѣчалъ: «умертви своего плѣнника, я же буду защищать своего гостя».

Шураихъ, тронутый стихами въ память его отца, постарался освободить плѣннаго поэта Аша. Онъ просилъ побѣдителя, съ которымъ былъ друженъ, подарить ему этого плѣнника, и побѣдитель исполнилъ его просьбу, не предполагая, что плѣнникъ есть его врагъ. Аша, освободясь отъ оковъ, выпросилъ у Шураиха быстро верблюда и бѣжалъ изъ замка, будучи обязанъ своимъ спасеніемъ благородному сыну Самуила³⁾ (около 580).

Къ концу шестаго столѣтія ятрибскіе евреи оправились отъ тяжкихъ ударовъ, нанесенныхъ имъ сосѣдними арабскими племенами. Ихъ господа, — аусы и хапраги, — немогли отъ двадцатилѣтнихъ кровавыхъ распръ, которыя мало касались евреевъ. Вслѣдствіе второй войны между тѣми же племенами, евреи снова пріобрѣли значеніе въ Ятрибѣ. Эта война, продолжавшаяся болѣе тридцати лѣтъ (583—615), началась по слѣдующему поводу. Одинъ человекъ изъ пле-

¹⁾ По Рюккертову переводу Гамазы, 22 и слѣд. О Самуилѣ бенъ-Адія сравн. Абулфеда въ *Roscoe's specimen*, ed. White, 524. Фрейтагъ: *Namaze carmina*, стр. 49 и слѣд.; объ его жизни и о хронологіи de-Sacy *dicam d'Amrilkais*, стр. 23 и слѣд. по *Kitab al-Aghani*; Персевала *Histoire des Arabes*, II, 318 и слѣд., 322 и слѣд.

²⁾ De-Sacy *Chrestomatie arabe*, T. II, стр. 475.

«ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ».

мени аусовъ, по имени Гатибъ, убилъ еврея, находившагося подъ покровительствомъ хапраговъ, которые въ отмщеніе за это умертвили убійцу. Это происшествіе раздуло тлѣвшія подъ пепломъ искры ненависти между обоими племенами. Сперва партіи дрались палками, но мало по малу стычки сдѣлались кровопролитными, особенно когда аусы потеряли своего предводителя, а противники ихъ взяли верхъ въ Ятрибѣ и прогнали оттуда отрасль аусовъ, Бену-Набитъ. Два воинственные еврейскія племена, Кураица и Надиръ, сохраняли сперва нейтралитетъ, хотя поводомъ къ войнѣ было умерщвленіе одного изъ ихъ единовѣрцевъ.

Пораженные аусы, нуждаясь въ подкрѣпленіи, обратились къ евреямъ съ просьбой помочь имъ; евреи согласились, вѣроятно по тому, что много терпѣли отъ высокомѣрія хапраговъ. Побѣдители, узнавъ объ этомъ, отправили къ еврейскимъ племенамъ слѣдующее посланіе: «если вы соединитесь съ аусами, то мы призовемъ къ себѣ другія многочисленныя племена, при помощи которыхъ уничтожимъ васъ. И если мы сами погибнемъ, то и вы не будете пощажены, ибо наши союзники отмстятъ за наше пораженіе и смиратъ васъ. Если, поэтому, вы будете благоразумны, то не станете поддерживать ни той, ни другой стороны, и предоставите намъ покончить нашъ споръ съ братьями». Кураица и Надиръ нашли этотъ совѣтъ основательнымъ и обѣщали быть нейтральными. Но хапраги потребовали ручательства въ этомъ обѣщаніи и просили дать имъ въ заложники сорокъ еврейскихъ дѣтей, которыя и были розданы по хапрагскимъ семействамъ.

Спустя нѣсколько времени, вѣроломный глава Амру Ибнъ-Номанъ изъ хапрагской отрасли Бейда воспользовался еврейскими заложниками для угнетенія евреевъ. Онъ сказалъ своимъ единоплеменникамъ: «Нашъ отецъ Бейда оставилъ намъ благодарныя поля, между тѣмъ какъ евреи Кураица и Надиръ владѣютъ наилучшею водою и самыми плодородными пальмовыми насажденіями. Заставимъ ихъ уступить намъ свою область». Бену-Бейда согласились на это и дали знать евреямъ, что умертвятъ ихъ заложниковъ, если евреи не уступятъ

нихъ своихъ земель. Кураица изъ состраданія къ своимъ дѣтямъ готовы были принять суровое условіе. Но одинъ изъ нихъ, Каабъ Ибнъ-Ассадъ, убѣдилъ ихъ не покрывать себя позоромъ, и евреи отвѣчали: «Мы не уступимъ своей области; исполните свою угрозу, если хотите». Тогда Бену-Бейда, по совѣту Амру, умертвили бывшихъ у нихъ еврейскихъ заложниковъ. Они также убѣдили другія хапрагскія семейства послѣдовать ихъ примѣру. Благоразуміе одного хапрагскаго старѣйшины спасло жизнь прочимъ заложникамъ. Абдалла Ибнъ-Убей, мудрый, справедливый и энергическій, заявилъ, что не желаетъ быть соучастникомъ въ такой жестокости и вѣроломствѣ, и возвратилъ родителямъ ввѣренное ему еврейское дитя; примѣру его послѣдовали прочіе старѣйшины.

Тогда евреи открыто перешли на сторону аусовъ, предложили свои дома для пристанища изгнаннымъ Бену-Набитъ и объявили, что принимаютъ ихъ какъ братій и будутъ защищать. Кураица и Надиръ немедленно приготовились къ войнѣ и собрались подъ начальствомъ Кааба Ибнъ-Ассада. Но еврейское племя Каинукаа, союзное съ хапрагами, не хотѣло нарушить этотъ союзъ и продолжало сражаться противъ своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ. Такъ какъ обѣ стороны получили подкрѣпленія, то битва ихъ въ Буатѣ, области Кураица, была кровопролитная; Кураица и Надиръ сражались съ львиною храбростью подъ предводительствомъ Кааба. Хапраги были разбиты на голову и разсѣяны, а жестокій Амру Ибнъ-Номанъ получилъ смертельную рану. вмѣстѣ съ хапрагами пострадали и каинукаа, но ихъ единовѣрцы изъ Кураица и Надира отпустили плѣнныхъ, попавшихъ въ руки аусовъ и ихъ союзниковъ. Хапраги просили пощадить ихъ жизнь, и побѣдители прекратили убійства, но опустошили дома и пальмовыя насажденія своихъ противниковъ. Абдалла не принималъ никакого участія въ битвѣ и, чтобы спастись отъ ярости побѣдителей, укрѣпился въ своемъ замкѣ. Но ауситскій предводитель Годгаиръ и еврейскій старѣйшина Каабъ поклялись предъ вступленіемъ въ битву не пить вина до тѣхъ поръ, пока не поразятъ хапраговъ и не

разрушать замка Мудагема. Поэтому они предприняли штурмованіе послѣдняго. Но такъ какъ Абдалла могъ представить доказательства тому, что онъ не участвовалъ въ битвѣ и старался отвратить своихъ единоплеменниковъ отъ безполезной войны, то осаждавшіе удовольствовались пробитіемъ въ стѣнѣ бреша¹⁾. Вслѣдствіе этой ятрибской войны, окончившейся миромъ (615), еврейскія племена снова сдѣлались равноправными союзниками ятрибскихъ арабовъ. — Однако съ окончаніемъ войны не исчезло неудовольствіе. Хапраги не могли снести своего пораженія, а аусы не могли умѣрить своей надменности. Въ Ятрибѣ продолжались мелкія столкновенія, которыя, благодаря только благоразумію Абдаллы, не перешли въ ожесточенную войну. Абдалла задумалъ быть ятрибскимъ царемъ и для этой цѣли сблизился съ Каинукаа. Послѣдніе защищали его противъ аусовъ и враговъ изъ собственнаго его племени²⁾. Онъ сумѣлъ также отторгнуть племя Надиръ отъ его союзниковъ и привлечь на сторону Хапраговъ. Теперь Надиръ сдѣлались противниками аусовъ и евреевъ изъ племени Кураица (615—622). Защита, обѣщанная и оказанная имъ Абдаллой, стала для нихъ необходимою, когда могущественный врагъ, величію коего много содѣйствовали евреи, воспламенилъ противъ нихъ фанатизмъ арабовъ.

1) De-Perceval, вышеприведен. сочин., II, 674 и слѣд. по al-Aghani.

2) Видно изъ цитаты изъ Tarikh al-Chamis у Вейля: Mohammed, 119, примѣчаніе 159.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Магометъ и евреи.

Меккскій и мединскій основатель религіи; его отношенія къ еврейству и къ аравійскимъ евреямъ. — Абдалла Ибнъ-Саламъ и еврейскіе ансары; Пинхасъ Ибнъ-Ацура и еврейскіе противники Магомета. — Война съ еврейскимъ племенемъ Бену-Каннукаа, его пораженіе и выселеніе. — Война съ Бену-Надиръ и ихъ выселеніе. — Еврейскій старѣйшина Гусей; коалиціонная война противъ Магомета. — Война съ Бену-Кураица и ихъ погибель. — Война съ хайбарскими евреями; еврейскіе герои Кивана и Маргабъ. — Пораженіе хайбаровъ. — Еврейка Цаннабъ. — Враждебность корана къ евреямъ. — Переселеніе хайбарскихъ и вадиль-корскихъ евреевъ въ Куфу.

622—640.

Въ сабурейскую эпоху еврейство не только обратило къ своей религіи нѣкоторыя арабскія племена и научило сыновъ пустыни извѣстнымъ необходимымъ общественнымъ установленіямъ, какъ напр., опредѣленію годичнаго времени, отъ котораго зависѣли сношенія и торговля, война и миръ; но и пробудило основателя религіи, который игралъ важную роль во всемирной исторіи и продолжаетъ дѣйствовать и понынѣ. Магометъ, «Меккскій и ятрибскій пророкъ», хотя не былъ сыномъ еврейства, однако вскормленъ его грудью. Еврейство побудило его создать новую религіозную форму съ государственнымъ основаніемъ, которая называется Исламомъ и оказала могущественное вліяніе на форму еврейской исторіи и на развитіе еврейства. Въ мирныхъ бесѣдахъ въ Меккѣ, своей родинѣ, на ярмаркахъ и во время путешествій, сыны Абдаллы слышали много о религіи, признающей

единого Бога Вседержителя, объ Авраамѣ, посвятившемъ себя на служеніе этой религіи, о религіозныхъ и нравственныхъ учрежденіяхъ, которыя существовали у исповѣдниковъ этой религіи гораздо ранѣе, чѣмъ у язычниковъ, — и его неиспорченная и воспріимчивая душа была этимъ сильно поражена. Одинъ уважаемый меккскій житель, Варака Ибнъ Науфаль, изъ благороднаго племени корайшитовъ, двоюродный братъ Магометовой жены Хадиги, принявшій еврейство и умѣвшій читать по-еврейски¹⁾, безъ сомнѣнія, внушилъ Магомету любовь къ вѣрѣ Авраама.

Едва ли найдется въ исторіи личность, подобная Магомету: онъ состоялъ изъ противорѣчій. Рядомъ съ смиреннымъ, полнымъ Божіаго страха, благочестіемъ — безмѣрная кичливость; рядомъ со смиреніемъ — самолюбіе, съ благородствомъ — пошлость, съ высокою поэзіей — жалкая мелочность, съ простотой и умѣренностью въ пищѣ и одеждѣ — неутолимый любовный пламень, съ откровенностью — коварное лицемеріе, съ мужествомъ — трусость, съ экстагическою восторженностью — рассчитанная хитрость. Онъ съ головы до пятъ былъ арабомъ, дикимъ сыномъ пустыни, и однако вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ своей народности и открылъ своимъ соплеменникамъ обширный кругозоръ. Съ одной стороны, онъ облагородилъ арабовъ высокимъ ученіемъ, съ другой стороны, утвердилъ ихъ въ ихъ ограниченности и предразсудкахъ. Онъ не умѣлъ ни читать, ни писать, и однако положилъ книгу (коранъ) въ основаніе новой религіи.

Первое ученіе Магомета, начертанное имъ въ болѣзненномъ состояніи эпилепсіи и выдаваемое въ тѣсномъ кружкѣ за откровеніе свыше, будто бы полученное чрезъ архангела Гавріила, имѣло вполнѣ еврейскій отгѣнокъ. Сперва онъ ограничился простою мыслью, почерпнутою изъ еврейства:

¹⁾ Ibn-Ischak въ *Sirat ar-Rasul* и Hussein Addiabekri въ *Chamis u Bejla*: Магометъ, прилож., къ концу. Въ *Zeitschrift der deutsch-morgenl. Gesellschaft* (1858, стр. 699 и слѣд.), Нельдеке основательно доказалъ, что Варака остался евреемъ и не перешелъ въ христіанство, и что вліяніе христіанства на Магомета было очень незначительно.

«нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха»; въ послѣдствіи же, побуждаемый своею кичливостью, онъ прибавилъ, въ качествѣ догмата: «и Магометъ его пророкъ». Если Магометъ говорилъ, что Богъ одинъ, безъ лицъ (не трипостасенъ), и не можетъ быть поклоняемъ подъ видомъ чего бы то ни было; если Магометъ возставалъ противъ безсодержательнаго идолослуженія, отправляемаго въ Каабѣ, гдѣ находилось триста истукановъ; если онъ гремѣлъ противъ безнравственности, которая явно и безбоязненно царствовала между арабами; если онъ осуждалъ возмутительный обычай родителей топить новорожденных дочерей, чтобы избавиться отъ заботъ; если онъ все это выдавалъ не за нѣчто новое, а за ученіе древней религіи Авраама: то еврейство должно видѣть въ этомъ побѣду своихъ истинъ и исполненіе пророчества, «яко мнѣ поклонится всяко колѣно, единому Богу, и исповѣтся всякъ языкъ Богови». Все лучшее въ коранѣ заимствовано изъ Библии или Талмуда¹⁾. Это благородное ядро покрылось отвратительною скорлупою тогда только, когда Магомету пришлось выдержать въ Меккѣ многолѣтнюю борьбу (612—622) за это чистое ученіе. Отношенія Магомета къ арабійскимъ евреямъ имѣли вліяніе на видоизмѣненіе содержанія и настроеніе ислама. Евреямъ посвящена часть корана, то въ дружественномъ, то въ непріязненномъ тонѣ.

Не найдя послѣдователей и подвергаясь даже опасности въ Меккѣ, гнѣздѣ арабскаго идолопоклонства, Магометъ обратился къ нѣкоторымъ изъ ятрибскихъ жителей, съ требованіемъ принять его ученіе. Эти жители, болѣе знакомые съ еврейскимъ вѣроученіемъ, нежели меккцы, нашли въ магометовомъ откровеніи большое сродство съ тѣмъ, что они часто слышали отъ своихъ еврейскихъ сосѣдей. Поэтому они вняли Магомету и склонили своихъ соплеменниковъ пригласить его въ Ятрибъ, гдѣ его ученіе должно бы найти много послѣдователей уже потому, что въ этомъ городѣ жило мно-

¹⁾ Сравни. сочиненіе Гейгера: Was hat Mohammed aus dem Judenthume aufgenommen? Къ сказанному тамъ можно прибавить еще многое.

жество евреевъ. Прибывши въ Ятрибъ (622, годъ бѣгства: геджира), Магометъ прежде всего озаботился склонить къ себѣ тамошнихъ евреевъ и представить дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто онъ хочетъ распространить еврейство во всей Аравіи. Онъ прибылъ въ Ятрибъ въ день отпущенія грѣховъ и далъ городу названіе «города пророка» (Медина); узнавъ, что евреи въ этотъ день соблюдаютъ постъ, онъ сказалъ: «Намъ еще приличнѣе, чѣмъ евреямъ, поститься въ этотъ день» и установилъ день поста, ашура ¹⁾. Магометъ заключилъ съ еврейскими племенами формальный договоръ о взаимной помощи ²⁾ и заповѣдалъ имъ обращаться, при молитвѣ (киблать), лицомъ къ Іерусалиму ³⁾. Разбирая споры между евреями и своими послѣдователями (мослеми́нъ), онъ былъ снисходителенъ къ первымъ. Поэтому ученики Магомета предпочитали отдавать свои споры на судъ еврейскаго главы, ибо надѣялись, что онъ будетъ безпристрастнѣе Магомета. Такъ, однажды магометанинъ избралъ въ третейскіе судьи еврейскаго главу Кааба Ибнъ-Ашшарафа, а его противникъ, еврей, — Магомета ⁴⁾. Магометъ въ теченіе нѣкотораго времени держалъ еврейскаго секретаря, который велъ его переписку, такъ какъ онъ самъ не умѣлъ писать ⁵⁾. Эта предупредительность столь ненавидимаго человѣка очень польстила мединскимъ евреямъ. Они болѣе и болѣе стали считать его еврейскимъ прозелитомъ и надѣялись, что онъ доставитъ еврейству первенство въ Аравіи. Нѣкоторые изъ нихъ тѣсно примкнули къ нему и сдѣлались его помощниками (ансаръ); въ числѣ ихъ находились ученый еврей Абдалла Ибнъ-Саламъ изъ племени Каинукаа, и Мукхаирикъ изъ уважаемой фамиліи Алгитіунъ ⁶⁾. Говорятъ, что Абдалла

¹⁾ Древнее преданіе, начало коего восходитъ къ Абу-Музъ и Ибнъ-Аббасу, спутникамъ Магомета. Сравни объ этомъ *Journal asiatique*, 1858, стр. 116 и слѣд. и 125.

²⁾ Сравни вышеприведен. сочиненіе Персевала, III, стр. 22 и слѣд.

³⁾ Комментарій Корана сура 2, 151 и слѣд. у *Magaccio Refutatio*, стр. 61.

⁴⁾ Галаленъ къ сурѣ 4, 58 у *Magaccio* 158 b.

⁵⁾ Источники у Вейля: *Mohammed* 140 Замѣч. 140; вышеприведен. сочин. Персевала, III, 74.

⁶⁾ Вышепривед. сочин. Персевала, 25.

предварительно предложил Магомету три вопроса, дабы испытать, действительно ли онъ одаренъ пророческимъ духомъ. Эти вопросы были слѣдующіе: «въ какомъ случаѣ неродившееся дитя принимаетъ отцовскій полъ и въ какомъ материнскій? какая пища будетъ предложена благочестивымъ въ раю? какой признакъ дня страшнаго суда?» На эти три вопроса, заимствованные изъ круга талмудической агады, Магометъ, вѣроятно, по внушенію другаго еврея, отвѣчалъ правильно. Абдалла былъ такъ пораженъ его отвѣтами, что призналъ Магомета посланнымъ отъ Бога пророкомъ ¹⁾. Абдалла и другіе евреи помогали Магомету въ откровеніяхъ корана, и невѣрующіе арабы часто говаривали ему, что «онъ ухо» (все принимаетъ, довѣрчивъ), «что его наставляетъ не архангелъ Гавріиль, а человѣкъ» ²⁾. Но если его поддерживали Абдалла Ибнъ-Саламъ и другіе еврейскіе ансары, то они были далеки отъ вѣроотступничества и по-прежнему соблюдали еврейскій законъ, не вводя тѣмъ Магомета въ соблазнъ ³⁾.

Но только незначительное число мединскихъ евреевъ вступило въ сонмъ правовѣрныхъ, особенно когда стали извѣстны эгоистическія стремленія Магомета, его высокоуміе и неутолимая жажда половыхъ наслажденій. Ихъ идеаль пророка былъ такъ высокъ, что они не могли прировнять къ нему этого страстнаго человѣка, чувствовавшаго вожделѣніе ко всякой красивой женщинѣ. «Посмотрите», говорили евреи, «онъ ничѣмъ не можетъ насытиться и не заботится ни о чемъ другомъ, кромѣ женщинъ. Если онъ пророкъ, то пусть служитъ своему пророческому призванію, а не прилежитъ къ женщинамъ» ⁴⁾. Или: «Если бы Магометъ былъ пророкомъ, то явился бы въ Палестинѣ, ибо только тамъ Богъ даетъ откровеніе сво-

¹⁾ У Вейля: Mohammed, стр. 93, Замѣч. 120.

²⁾ Сравн. Гейгера: Was hat Mohammed aus dem Judenthume aufgenommen, стр. 39.

³⁾ У Вейля: Mohammed, стр. 90, Замѣч. 115.

⁴⁾ Коментарій къ Корану, сура 4,52 у Магассіо 19а и 158b, 371.

имъ избранникамъ»¹⁾). Евреи также упрекали его, говоря: «Ты хвалишься тѣмъ, что исповѣдуешь религію Авраама, но Авраамъ не ѣлъ верблюжьяго мяса и сыра»²⁾). Главными противниками Магомета, со стороны евреевъ, были: Пинхась Ибнъ-Ацура изъ племени Каинукаа, обладавшій колкимъ остроуміемъ и не пропускавшій случая осмѣять Магомета; далѣе, вышеназванный Каабъ Ибнъ-Ашшарафъ, сынъ араба и еврейки; поэтъ Абу-Афакъ, столѣтній старикъ, старавшійся сдѣлать его ненавистнымъ въ глазахъ невѣжественныхъ и ослѣпленныхъ арабовъ, и Абдалла, сынъ Саураса, изъ фамиліи Алгитунъ, считавшійся въ Гегасѣ самымъ ученымъ евреемъ. Даже прозелиты изъ евреевъ, какъ напр., Кинана Ибнъ-Суріа, принадлежавшій по происхожденію къ племени аусовъ. не признавали Магомета пророкомъ³⁾). Когда однажды Омаръ, бывшій сперва яростнымъ противникомъ, а потомъ энергическимъ сторонникомъ Магомета, пришелъ въ собраніе евреевъ, тогда Пинхась Ибнъ-Ацура спросилъ его⁴⁾): «Какой именно ангель наставляетъ вашего пророка?» Получивъ отъ Омара въ отвѣтъ, что это архангель Гавріиль, Пинхась замѣтилъ, намекая на агадское изреченіе: «Этотъ архангель нашъ врагъ, ибо всегда возвѣщаетъ намъ только о наказаніяхъ». Пинхасу-же принадлежитъ прекрасный отвѣтъ Магомету, увѣщавшаго племя Бену-Каинукаа принять исламъ. Магометъ въ своемъ письмѣ употребилъ выраженіе: «Дайте Богу прекрасный залогъ». На это Пинхась отвѣчалъ: «Не ужели Богу нуженъ отъ насъ залогъ». Тогдашній калифъ Абу-Бекръ хотѣлъ жестоко наказать за это Пинхаса, такъ что послѣдній долженъ былъ отказаться отъ своихъ словъ⁵⁾). Но Магометъ замѣтилъ это и сообщилъ своимъ ученикамъ

1) Галазениъ къ сурѣ 17,77 у Магассіо 413b. Вышеприведен. сочин. Гейгера, стр. 12.

2) У Магассіо 130a. Сравни. Theophanes Chronographia I, 511.

3) Сравни. вышеприведен. сочиненіе Вейля, стр. 119, Замѣч. 60 и Магассіо 158b. Вейль 118, Замѣч. 156. De-Perceval, вышеприведен. сочиненіе, III, 26.

4) Комментары къ сурѣ 2, 97 у Магассіо 43. Рассказывается различно, сравни. вышеприведен. сочиненіе Гейгера, 18.

5) Источники у Гейгера, стр. 15.

инимое откровеніе: «Богъ услышалъ голосъ тѣхъ, которые говорили: Богъ бѣденъ, а мы богаты. Мы запишемъ ихъ слова и умерщвленіе ими пророковъ и скажемъ имъ: подите въ геенну огненную» ¹⁾). Такъ еврейскіе противники Магомета трунили надъ нимъ, придавали смѣшной смыслъ его выраженіямъ и откровеніямъ, не предчувствуя, что жалкій бѣглець изъ Мекки, явившійся въ Медину съ мольбою о помощи, смиритъ въ непродолжительномъ времени и отчасти уничтожить ихъ племена, и рѣшить надолго судьбу большинства ихъ единовѣрцевъ. Они слишкомъ полагались на свое мужество и силу, забывая, что самый опасный врагъ тотъ, котораго больше всѣхъ презирають.

Сперва Магометъ притворился, будто равнодушно относится къ презрѣнію, которое ему оказываютъ евреи. Онъ говорилъ своимъ послѣдователямъ: «Съ народомъ писанія (евреями) спорьте только приличнымъ образомъ и скажите: мы вѣруемъ въ данное намъ и въ данное вамъ откровеніе. Нашъ Богъ и вашъ Богъ одинъ и тотъ же, и мы ему совершенно преданы» ²⁾). «Не оправдывайте обладателей писанія и не наказывайте ихъ за ложь», внушалъ онъ своимъ ученикамъ.—Но съ теченіемъ времени обоюдное неудовольствіе не могло удержаться въ границахъ терпимости. Съ одной стороны, евреи старались отвратить отъ Магомета его послѣдователей, даже самыхъ вѣрнѣйшихъ его товарищей, Омара, Гудзейфу и Маада ³⁾). Имъ также удалось до того возстановить противъ Магомета перваго человѣка въ Мединѣ, хакрага Абдаллу Ибнъ-Убей, который уже былъ предложенъ въ мединскіе цари и отошелъ на второй планъ послѣ прибытія Магомета, что Абдалла былъ до самой своей смерти яростнѣйшимъ противникомъ Магомета. Съ другой стороны послѣдователи пророка настаивали на томъ, чтобы онъ опредѣлительно высказалъ, дорожитъ ли еврействомъ. Видя, что

¹⁾ Коранъ, сура 3, 182.

²⁾ Тамъ же, сура 29, 46.

³⁾ Галазенинъ у Магассіо, тамъ же 122.

его сторонники изъ евреевъ продолжали соблюдать еврейскій законъ и воздерживались отъ верблюжьяго мяса, послѣдователи Магомета спросили его: «Если еора божественная книга, то позволъ намъ соблюдать и ея предписанія»¹⁾. Такъ какъ Магометъ, будучи арабомъ до мозга костей, не могъ принять еврейство и, кромѣ того, зналъ, что арабы будутъ упорно сопротивляться совершенно чуждымъ для нихъ религіознымъ обычаямъ, то не имѣлъ инаго исхода, какъ разорвать окончательно связь съ евреями. Онъ написалъ тогда длинную суру (суру коровы), исполненную брани на евреевъ. Онъ отмѣнилъ прежнее свое распоряженіе относительно того, въ какую сторону надобно обращаться лицомъ во время молитвы, и предписалъ (623), чтобы правовѣрные обращались въ этомъ случаѣ лицомъ не къ Іерусалиму, но къ Меккѣ и храму Каабы. На упрекъ въ непослѣдовательности онъ отвѣчалъ, что будто бы архангелъ Гавріиль открылъ ему: «мы для того измѣнили направленіе (при молитвѣ), чтобы сдѣлать различіе между послѣдователями пророка и тѣми, которые отвращаются отъ него. Это не нравится многимъ, но не тому, кто предаетъ себя во власть Бога. А потому, гдѣ бы ты ни былъ, обращай лицомъ къ храму Алгаррамъ (Каабы); гдѣ бы ты ни находился, народъ Писанія, знай, что эта заповѣдь дана Богомъ»²⁾. Онъ отмѣнилъ постъ въ день отпущенія грѣховъ (Ашура) и ввелъ вмѣсто него постъ въ теченіе мѣсяца рамадана, который съ незапамятныхъ временъ былъ священнымъ для арабовъ³⁾. Онъ отмѣнилъ также многое изъ того, что прежде выдавалъ за божественное откровеніе. Теперь Магометъ утверждалъ, что въ еорѣ говорится объ его явленіи и пророческомъ служеніи, но что евреи вычеркнули эти мѣста. Сперва онъ проповѣдывалъ, что у евреевъ сохранилась истинная вѣра, впо-

¹⁾ Вейль, тамъ же, 90, Замѣч. 115. Сравни. Theophanes Chronographia ed. Bonn, I, 511.

²⁾ Коранъ, сура 2, 145—154.

³⁾ Вейль, тамъ же, 91. De-Perceval, III, 34.

слѣдствіи же утверждалъ что они поклоняются Бзрѣ (Ozaïr), какъ сыну Божію ¹⁾, и поэтому должны считаться атеистами. Ненависть къ евреямъ, которые отрицали его пророческое призваніе и провидѣли его мороченіе, была причиною возраставшей его несправедливости къ евреямъ. Одинъ правовѣрный изъ числа мединскихъ помощниковъ укралъ панцырь; когда распространилась молва объ этомъ, воръ, для отклоненія подозрѣнія, подкинулъ панцырь въ домъ одного еврея, дабы послѣдняго заподозрили въ воровствѣ. Но еврей клялся Богомъ въ своей невинности. Тогда ансары обратились къ Магомету съ просьбою помочь истинному вору, такъ какъ онъ принадлежалъ къ правовѣрнымъ, и Магометъ исполнилъ ихъ просьбу ²⁾.

Хотя онъ въ глубинѣ сердца ненавидѣлъ евреевъ, однако не рѣшался раздражать ихъ дѣйствіемъ. Уваженіе къ нему было еще слабо, а евреи превосходили горсть его приверженцовъ, какъ по своей многочисленности, такъ и по связямъ отчасти съ хацрагами, отчасти съ аусами. Но условія эти измѣнились послѣ битвы при Бедрѣ (зимою 624), въ которой малочисленные магометане одержали побѣду надъ многочисленными кораишитами. Магометъ сдѣлался теперь высокоиѣрнымъ и промѣнялъ роль смиреннаго пророка на роль капризнаго тирана, который не отступаетъ ни предъ какимъ средствомъ, даже предъ убійствомъ, чтобы избавиться отъ врага. Однако онъ все еще повиновался голосу благоразумія и началъ ссориться не съ могущественными еврейскими племенами, а со слабыми и беззащитными. Одна стихотворица, Асма, дочь Мерванса, еврейка по происхожденію и состоявшая въ бракѣ съ арабомъ, была убита ночью въ своей постели за то, что писала сатиры на лжепророка. И Магометъ на другой день сказалъ: «Кто хочетъ видѣть челоуѣка, оказавшаго услугу Богу и его пророку, тотъ пусть посмотритъ на Омеира» (такъ назывался убійца). Черезъ нѣсколько

¹⁾ Коранъ, сура 9, 31.

²⁾ Источники у Магaccio, 166 а. f.

дней сынъ Омеира убилъ еврейскаго старца Абу-Афака, а потомъ Кааба Ибнъ-Ашшарафа, который въ элегіи оплакивалъ павшихъ при Бедрѣ корайшитовъ¹⁾).

Затѣмъ наступила очередь еврейскаго племени Каинукаа испытать благочестивый гнѣвъ Магомета. Это было слабѣйшее изъ еврейско-аравійскихъ племенъ, и изъ него происходилъ Пинхасъ Ибнъ-Ацура, который осмѣивалъ Магомета въ своихъ колкихъ шуткахъ. Поэтому ненависть Магомета обратилась прежде всего на Каинукаа. Поводъ былъ ничтожный. Одинъ магометанинъ убилъ еврея за дурную шутку, и каинукаа отплатили за это. Тогда Магометъ предложилъ имъ принять исламъ или готовиться къ войнѣ. Они отвѣчали: «Мы настроены миролюбиво и охотно будемъ въ союзѣ съ тобой, но такъ какъ ты ищешь предлога къ войнѣ съ нами, то мы докажемъ, что также имѣемъ мужество». Они рассчитывали, что единовѣрныя племена, надиры и кураица, не оставятъ ихъ въ нуждѣ, и удалились въ свои укрѣпленія при Мединѣ. Магометъ собралъ свои войска и осадилъ каинукаа. Еслибъ многочисленные сѣверо-аравійскіе евреи, — надиры, кураица и хаибары, — предвидѣли, что имъ предстоитъ такая же судьба, какая выпала на долю каинукаа, и еслибъ они заключили съ противниками Магомета оборонительный и наступательный союзъ, какъ они сдѣлали это въ то время, когда уже было поздно, то раздавили-бы Магомета и его немногочисленныхъ, отчасти ненадежныхъ приверженцевъ. Но евреи, подобно арабамъ, страдали раздробленностью и преслѣдовали только эгоистическіе племенные интересы. Въ теченіе двухъ недѣль каинукаа сражались храбро и ждали подкрѣпленія отъ своихъ единовѣрцевъ; но подкрѣпленіе не пришло, и каинукаа сдались. Магометъ приказалъ заключить ихъ въ оковы и хотѣлъ умертвить; но грозный взглядъ хацрага Абдаллы, союзника каинукаа, удержалъ его отъ исполненія этого намѣренія. Абдалла схватилъ его за кольчугу и сказалъ: «Я до тѣхъ поръ не отпущу тебя,

¹⁾ Вейль, тамъ же, 117 и слѣд.

пока не исполнишь моей просьбы и не отпустишь плѣнниковъ; ибо они — моя сила и защищали меня отъ бѣдъ и напастей». Магометъ отвѣчалъ робко: «Отпусти ихъ, и да проклянетъ Богъ ихъ и васъ вѣстѣ съ ними!» Евреи, числомъ 700, оставили все свое имущество и, почти голые, отправились въ Палестину (Февраль 624)¹⁾. Они поселились въ Батаней съ главнымъ городомъ Адраатомъ; вѣроятно, здѣсь ихъ приняли братски единовѣрцы, освободившіеся къ тому времени отъ византійскаго ига.

Одержавъ побѣду надъ Каинукаа, Магометъ объявилъ мусульманамъ о полученномъ имъ откровеніи, которое гласило, что евреи лишены всякой защиты: «О, правовѣрные, не берите въ союзники ни еврея, ни христіанина; пусть они сами себя защищаютъ. Кто дружится съ ними, тотъ принадлежитъ къ нимъ; Богъ не терпитъ порочнаго народа»²⁾. Это отверженіе менѣе вредило христіанамъ, потому что они были малочисленны въ сѣверной Аравіи и вообще отличались пассивностью. Напротивъ, евреи, привыкнувъ къ независимости и будучи исполнены отваги, должны были придти въ опасное столкновеніе съ мусульманами. Прежніе ихъ союзники большею частью оставили ихъ и, побуждаемые лицемернымъ Магометомъ, истили ихъ. Одинъ мусульманинъ убилъ еврея, который благотворилъ ему въ теченіе всей своей жизни, и даже братъ убійцы, язычникъ, былъ возмущенъ этимъ злодѣяніемъ³⁾. При такомъ положеніи дѣлъ было особеннымъ подвигомъ мужества со стороны тѣхъ мусульманъ, которые, не допуская фанатизма до преобладанія надъ старинною вѣрностью, продолжали принимать у себя евреевъ. Такимъ подвигомъ отличался вышеназванный благородный Абдалла. Когда Магометъ шелъ на битву при Оходѣ, тогда въ его свитѣ находился также Абдалла, который привелъ 600 союзныхъ евреевъ изъ племени Надиръ. Но пророкъ согла-

¹⁾ Тамъ же, 119. De-Perceval, III, 80 и слѣд.

²⁾ Коранъ, сура 5, 59, 60.

³⁾ Вейль, тамъ же.

нался ввести ихъ въ бой не прежде, какъ по принятіи ими ислама. Евреи отказались отъ этого, и благородный хацирагъ ушелъ съ 300 изъ нихъ ¹⁾.

Зная о такой взаимной смертельной враждѣ между Магометомъ и евреями, нельзя усомниться въ томъ, что Бену-Надиръ пригласили однажды пророка въ свой бургъ Цугару, съ намѣреніемъ сбросить его съ террасы и тѣмъ положить конецъ его жизни. Главою у нихъ былъ тогда Гуей Ибнъ-Ахтабъ. Магометъ явился на приглашеніе, дабы получить отъ надировъ часть окупа за убитыхъ арабовъ; но по движеніямъ евреевъ заключилъ, что они умышляютъ на его жизнь; поэтому онъ поспѣшилъ уйти отъ нихъ въ Медину. Надиры жестоко поплатились за этотъ умыселъ. Магометъ предложилъ имъ на выборъ: или оставить въ теченіе десяти дней отечество, или приготовиться къ смерти. Надиры сперва хотѣли избѣжать битвы и выселиться, но, будучи ободряемы Абдаллой, который обѣщалъ помочь имъ, приняли вызовъ и заперлись въ своихъ бургахъ. Однако ихъ надежда на помощь оказалась напрасною. Магометъ началъ войну тѣмъ, что приказалъ срубить и сжечь финиковыя пальмы, доставлявшія надирамъ главную пищу. Этотъ поступокъ возмутилъ даже собственныхъ воиновъ Магомета, ибо пальма была для нихъ священнѣе челоуѣческой жизни. Послѣ многодневной осады, надиръ были принуждены сдаться, съ условіемъ оставить оружіе и взять съ собою лишь столько имущества, сколько можетъ унести верблюды. Они ушли, въ числѣ 600, и поселились отчасти у своихъ братій въ Хаибарѣ, а отчасти близъ Иерихона и Адраата (Іюнь — Іюль 625) ²⁾. Войну съ надирами Магометъ оправдывалъ потомъ откровеніемъ: «Да хвалить Бога все сущее на небѣ и на землѣ. Онъ всевысочайшій и всепремудрый. Онъ изгналъ изъ жилищъ невѣрныхъ отъ народа Писанія и присоединилъ къ прежде выселившимся (каинукаа). Вы не думали, что они переселятся,

¹⁾ De-Perceval, 95. Вейль, 124.

²⁾ Вейль, 135. De-Perceval, 121 и слѣд.

они сами уповали, что Богъ защититъ ихъ крѣпости; но Богъ поразилъ ихъ съ той стороны, съ которой они не ожидали, и поселилъ страхъ въ ихъ сердца, такъ что ихъ дома опустошены ихъ собственными руками и руками правовѣрныхъ. Вы, имѣющіе очи, научитесь симъ примѣромъ. Если-бъ Богъ не проклялъ ихъ, то смирилъ бы въ этомъ мірѣ, но теперь имъ уготованы адскія муки. Это потому, что они сопротивлялись Богу и Его пророку; противляющагося Богъ строго наказываетъ. Какъ рубка финиковыхъ пальмъ, такъ и пощада другихъ совершились по Божію попущенію, ибо Онъ наказываетъ симъ злодѣевъ. Не видѣлъ ли ты, какъ лицемѣры говорили своимъ невѣрующимъ друзьямъ изъ народа Писанія: «если вы будете изгнаны, то вмѣстѣ съ вами переселимся и мы и не станемъ повиноваться никому, кто будетъ возстановлять насъ противъ васъ!» — Но Богъ доказалъ, что они лжецы. Когда тѣ были изгнаны, тогда они не пошли съ ними; когда тѣ воевали, тогда они не оказали имъ помощи, а если-бъ и оказали, то вскорѣ обратили-бъ тыль, и тѣ остались бы безпомощными. Лицемѣры подобны сатанѣ, который доводитъ людей до невѣрія, а когда люди сдѣлаются невѣрующими, онъ говоритъ имъ: я непричастенъ вашему грѣху. Боюсь Бога»¹⁾.

Оставшіеся въ Аравіи надиръ изъ числа изгнанныхъ не были равнодушны къ своему несчастію, но постарались составить коалицію изъ враговъ Магомета, дабы побѣдить его соединенными силами. Трое изъ важнѣйшихъ надировъ: Гуей, Кинана Ибнъ-Рабіа и Салламъ Ибнъ-Мишкамъ, подстрекнули корайшитовъ въ Меккѣ, могущественное племя Гатафанъ и другихъ, къ союзной войнѣ противъ высокоумнаго, деспотическаго пророка, который съ каждымъ днемъ дѣлался могущественнѣе и жесточе. Хотя меккскіе враги Магомета пылали желаніемъ отомстить своимъ соплеменникамъ, однако ждали отъ евреевъ побужденія къ новой борьбѣ. Корайшиты пришли въ сомнѣніе относительно достоинства своего

¹⁾ Коранъ, сура 59, 1—8, 11—16.

наслѣдственнаго культа сравнительно съ проповѣдуемой Магометомъ религіей и спрашивали евреевъ: «Вы, книжники, превосходящіе всѣ народы своимъ Писаніемъ, скажите намъ, которая религія лучше: наша наслѣдственная или магометова?» Евреи отвѣчали имъ: «Ваша лучше». Къ этому, говорятъ, относится порицаніе Магомета: «Взгляни на тѣхъ, которымъ досталась часть Писанія; они вѣруютъ въ Бога и въ тагутъ (идолопоклонство) и говорятъ невѣрующимъ: у васъ лучшее руководство, нежели у поклонниковъ Магомета»¹⁾.

Арабскія племена, побуждаемыя надирами, приготовились къ коалиціонной войнѣ. Труднѣе было евреямъ возбудить своихъ единовѣрцевъ, Бену-Кураица. Глава послѣднихъ, Каабъ Ибнъ-Ассадъ, сперва не хотѣлъ принять надира Гуея, молившаго дать ему убѣжище, такъ какъ его племя заключило союзъ съ Магометомъ и мусульманами; Каабъ былъ такъ слѣпъ, что полагался на слово Магомета. Однако Гуйей, напомнивъ Каабу ихъ взаимную дружбу и клятвенно пообѣщавъ кураицамъ, что они и ихъ друзья найдутъ въ случаѣ нужды спасеніе въ крѣпостяхъ, добился наконецъ позволенія войти. Онъ сумѣлъ убѣдить ихъ въ опасности, предстоящей имъ, какъ евреямъ, отъ Магомета, и въ несомнѣнности побѣды, которую одержать многочисленныя союзники надъ горстью мусульманъ; Бену-Кураица присоединились къ союзу. — Десять тысячъ союзниковъ выступили въ походъ и хотѣли напасть врасплохъ на Медину. Но Магометъ, будучи предувѣдомленъ однимъ измѣнникомъ и не отваживаясь вступить съ многочисленнымъ непріателемъ въ битву на открытомъ полѣ, приказалъ обвести Медину глубокимъ рвомъ и построить другія укрѣпленія, — что сочтено было арабами за трусость, но въ сущности свидѣтельствуетъ о разсчетливомъ благоразуміи Магомета (Февраль 627).

Арабы, привыкшіе сражаться одинъ противъ одного, тщетно пускали стрѣлы въ окопы. Наконецъ, Магомету удалось поселить даже недовѣріе между главными союзниками, ко-

¹⁾ Коранъ, сура 4, 49 у Магaccio, 158 b.

раишитами, гатафанами и евреями. Онъ отправилъ тайнаго посла отъ гатафановъ сперва къ кураицамъ, который уговорилъ ихъ отдѣлиться отъ союзниковъ, потому что послѣдніе заключили отдѣльно отъ прочихъ миръ съ Магометомъ, и что поэтому они, оставшись безъ союзниковъ, не могутъ сопротивляться нападенію и подвергаются всевозможнымъ опасностямъ. Кураица повѣрили лжи и отказались участвовать въ общемъ приступѣ на Медину, отчасти потому, что не желали вступать въ битву въ субботній день, отчасти потому, что хотѣли сперва получить отъ союзныхъ племенъ заложниковъ въ томъ, что эти племена не измѣнятъ имъ. Но посредникъ Нуаймъ уже предувѣдомилъ сказанныя племена о намѣреніи кураицевъ не вступать въ бой, и такъ какъ начавшаяся весна была неудобна для военныхъ дѣйствій, то союзники отступили безъ всякаго успѣха.

Эта война, счастливо окончившаяся для Магомета, была гибельна для евреевъ, которые должны были испытать всю силу его гнѣва. Въ самый день отступленія союзниковъ, Магометъ, ссылаясь на мнимое откровеніе, выступилъ съ трехтысячнымъ войскомъ противъ кураица. Онъ буквально фанатизировалъ своихъ приверженцевъ для этой войны: «Кто покоренъ, тотъ да совершитъ свою молитву близъ кураица». — Евреи, будучи слабы для битвы въ открытомъ полѣ, заперлись въ своихъ бургахъ и укрѣпили ихъ окопами. Магометъ съ 3000 войска осаждалъ ихъ въ теченіе двадцати пяти дней (Февраль — Мартъ 627). Терпя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, кураица предложили сдаться на капитуляцію. Они требовали, чтобы Магометъ отпустилъ ихъ такъ же, какъ отпустилъ ихъ собратій, надировъ, т. е. съ женами, дѣтьми и частью имущества. Но мстительный пророкъ отвергъ это условіе и требовалъ отъ кураицевъ сдаться на его волю. Тогда евреи собрали совѣтъ и просили своего предводителя Кааба Ибнъ-Ассафа высказать свое мнѣніе. Каабъ предложилъ имъ три исхода: принять исламъ, или собственными руками умертвить женъ и дѣтей и сдѣлать затѣмъ отчаянное нападеніе, или же въ ночь на субботу не-

ожиданно напасть на врага. Но кураица не приняли ни одного изъ этихъ предложеній: они не хотѣли ни отречься отъ своей вѣры, ни осквернить субботы войною, ни пожертвовать дорогими для нихъ существами. «Въ такомъ случаѣ, возразилъ Каабъ, сдайтесь!»

Тогда они просили Магомета прислать къ нимъ для переговоровъ ауса Абу-Лулабу. Послѣдній, будучи прежде ихъ союзникомъ, выражалъ живѣйшее къ нимъ участіе. Магометъ исполнилъ ихъ просьбу. При вступленіи въ крѣпость Абу-Лулабу былъ встрѣченъ рыдавшими кураицами, которые заклинали его своимъ союзничествомъ и битвами, въ которыхъ они вмѣстѣ рубились, сказать имъ правду, пощадить-ли Магометъ по крайней мѣрѣ ихъ жизнь. Абу-Лулабу, исполненный состраданія, но остерегаясь сказать слово, провель пальцемъ по шеѣ, давая имъ тѣмъ знать о предстоящей участи. Но, вскорѣ раскаявшись, онъ началъ ихъ увѣщавать сдать на волю Магомета. Когда же затѣмъ кураица были, по приказанію Магомета, заключены въ оковы, тогда аусы просили пророка пощадить плѣнниковъ. Но Магометъ, не желая ни оказать милости, ни посориться съ аусами, прибѣгнулъ къ хитрой уловкѣ. Онъ предоставилъ рѣшеніе этого вопроса главѣ аусовъ, Сааду, который въ то время сильно страдалъ отъ раны, нанесенной ему союзниками при осадѣ Медины. Магометъ зналъ, что раздраженный Саадъ не выскажется въ пользу евреевъ. Дѣйствительно, приговоръ его оказался крайне безчеловѣчнымъ. Саадъ, въ качествѣ безапелляціоннаго судьи, произнесъ слѣдующія слова: «я осуждаю всѣхъ мужчинъ на смерть, всѣхъ женщинъ и дѣтей на рабство, а имущество ихъ отдаю въ добычу мусульманамъ». Магометъ не преминулъ признать этотъ приговоръ внушеннымъ свыше и исполнить его. Около 700 евреевъ, въ томъ числѣ Гуей и Каабъ, были умерщвлены на площади въ Мединѣ и брошены въ общую могилу; съ того времени площадь эта стала называться «Рынкомъ кураиць»¹⁾. Объ этомъ позорномъ

¹⁾ Вейль, 167 и слѣд. De-Perceval, III, 141 и слѣд.

дѣяніи коранъ гласить: «Богъ изгналъ изъ укрѣпленія тѣхъ обладателей Писанія (евреевъ), которые помогали имъ, союзникамъ, и наполнилъ страхомъ ихъ сердца. Одну часть изъ нихъ вы посѣкли мечемъ, а другую взяли въ плѣнъ; Богъ далъ вамъ въ наслѣдіе землю съ жилищами и имуществомъ, землю, въ которую прежде вы никогда не вступали. Богъ всемогущъ¹⁾).

Женщины промѣнивались на оружіе и коней; одну красивую дѣвушку, Ригану, Магометъ оставилъ себѣ въ наложницы, но она гордо отвергла его противныя ласки.

Въ живыхъ остался только одинъ кураица, Цабиръ Ибнъ-Бата. Онъ, во время распръ между племенами каила, спасъ жизнь и свободу хапрагу Табиту, который теперь и просилъ Магомета пощадить этого еврея. Магометъ, въ награду за оказанную Табитомъ доблесть, подарилъ Цабиру жизнь и возвратилъ семейство и имущество. Внѣ себя отъ радости, Табитъ поспѣшилъ возвѣстить престарѣлому Цабиру эту пріятную новость. «Благодарю тебя», отвѣчалъ старикъ, бывший еще въ оковахъ, «но скажи мнѣ, что случилось съ нашимъ предводителемъ, Каабомъ? — Онъ умеръ», отвѣчалъ Табитъ. — «А Гуй Ибнъ-Ахтабъ, князь іудеевъ? — Умеръ. — А Ацель Ибнъ-Самуиль, неустрашимый воинъ? — Умеръ. — Въ такомъ случаѣ не зачѣмъ и мнѣ жить», сказалъ Цабиръ, «и я требую отъ тебя, другъ, одной милости — умереть отъ твоей руки». Затѣмъ онъ съ геройскимъ мужествомъ протянулъ шею и Табитъ нанесъ ему смертельный ударъ²⁾).

Черезъ годъ наступила очередь хаибарскихъ евреевъ, составлявшихъ федеративную іудейскую республику. Причина хаибарской войны неизвѣстна, но развѣ Магомету нуженъ былъ какой-либо предлогъ? Говорятъ, что одинъ изъ хаибарскихъ главъ, нѣкто Альюссаръ Ибнъ-Рицамъ, старался составить новую коалицію противъ Магомета и подстрекалъ къ войнѣ съ нимъ племя Гатафанъ и еще другое. Магометъ

¹⁾ Коранъ, сура 33, 26 и слѣд.

²⁾ Вышеприведен. сочиненіе Персевала, по Sirat ar-Rasul и Chamis.

завлекъ Альюссара въ Медину обѣщаніемъ сдѣлать его княземъ всего Хаибара и велѣлъ дорогою умертвить его (коонецъ 627)¹⁾. Но главная причина хаибарской войны заключалась въ томъ, что корыстные мусульмане, потерпѣвъ неудачу въ походѣ на Мекку, хотѣли вознаградить себя ограбленіемъ хаибарскихъ евреевъ. Однако эта война была не легка и приняла размѣры большого похода. Ибо въ Хаибарѣ находилось, какъ уже выше сказано, много сильныхъ укрѣпленій, защищаемыхъ людьми, которыхъ можно-бы назвать живыми крѣпостями. Поселившіеся въ Хаибарѣ изгнанные надиры сгорали желаніемъ битвы. Арабскія племена: Га-тафанъ и Фенара, обѣщали помощь. Душею хаибаровъ былъ Кинана Ибнъ-уль Рабіа, отличавшійся стойкостью и львинымъ мужествомъ и называвшійся іудейскимъ царемъ. Ему помогаль Маргабъ, исполинъ, гимъяритскаго происхожденія, презиравшій удары мечемъ. Поэтому Магометъ предъ началомъ войны обратился къ Богу съ молитвой о ниспосланіи ему побѣды надъ хаибарскими евреями. Война, въ которой Магометъ предводительствовалъ 14000 мусульманъ, продолжалась почти два мѣсяца (весна 628). Одинъ еврейскій храбрець, по имени Салламъ Ибнъ-Мишкамъ, посовѣтоваль не ждать нападенія, а нагрянуть всей массой на врага. Совѣтъ былъ отвергнутъ. Хаибары раздѣлили свои военныя силы, поставя гарнизоны въ укрѣпленіяхъ²⁾. Поэтому война приняла такой-же характеръ, какой имѣла она и противъ другихъ еврейскихъ племенъ. Она также началась вырубкой финиковыхъ пальмъ и осадю небольшихъ укрѣпленій, которыя сдавались послѣ кратковременнаго сопротивленія. Дольше и храбрѣе другихъ оборонялось укрѣпленіе Камусъ, построенное на крутомъ утесѣ. Много разъ евреи отбивали приступы магометанъ. Абу-Бекръ и Омаръ, два храбрѣйшихъ полководца Магомета, лишились подъ стѣнами Камуса своей военной славы. Маргабъ оказываль чудеса храбрости: онъ

¹⁾ De-Perceval, III, 159 и слѣд. У Вейля разсказано иначе, 171, Замѣч. 255.

²⁾ De-Perceval, 195, по Tarich Chamis.

хотѣлъ отплатить за смерть уже павшаго своего брата Гарита. Когда Магометъ выслалъ противъ него своего третьяго полководца Али, тогда еврейскій герой воскликнулъ: «Хаибаръ знаетъ мою храбрость, я Маргабъ герой, тяжело вооруженный и испытанный въ полѣ». Онъ вызвалъ Али на поединокъ, но часть его пробилъ: онъ палъ отъ руки равнаго противника. Наконецъ, врагу удалось пробиться въ укрѣпленіе. Неизвѣстно, какая судьба постигла плѣнниковъ. Взятаго въ плѣнъ Кинану пытали, съ цѣлю вывѣдать, гдѣ скрыты сокровища, но Кинана перенесъ боль и умеръ, не сказавши ни одного слова. Когда же врагъ, сдѣлавъ неожиданное нападеніе, овладѣлъ укрѣпленіемъ; тогда евреи лишились мужества и сдали остальные крѣпости, съ условіемъ безпрепятственнаго отступленія. Впослѣдствіи имъ отдано во владѣніе ихъ недвижимое имущество, за чтѣ они ежегодно отдавали въ видѣ подати половину дохода¹⁾). Движимое имущество сдѣлалось добычею врага, и магометанскіе воины возвратились обремененные еврейскими сокровищами. Покорились также Фадакъ, Вадиль-Кора и Таима; еврейскіе ихъ жители могли, въ силу трактата, остаться въ странѣ. Шестьсотъ двадцать восьмой годъ вообще былъ гибеленъ для евреевъ. Въ этомъ году одержана Магометомъ побѣда надъ хаибарскими евреями, погибли послѣднія свободныя еврейскія племена, воздвигнуто императоромъ Иракліемъ гоненіе на палестинскихъ евреевъ, которые опять подняли оружіе на короткое время. Мечъ, впервые обнаженный гасмонейми на защиту ихъ религіи, унаслѣдованный отъ нихъ зелотами, а отъ сихъ послѣднихъ аравійскими евреями, былъ отнятъ у послѣднихъ еврейскихъ героевъ 'Хаибара, — и евреи отнынѣ должны были искать инаго щита для охраненія своей святыни.

Магометъ привезъ съ хаибарской войны двухъ красивыхъ евреекъ: Сафію, дочь своего смертельнаго врага, надира Гуйя, кровь котораго онъ пролилъ въ Медивѣ, и Цаинабъ, сестру Маграба, супругу Саллама. Эта мужественная женщина

1) Вейль, 184 и слѣд. De-Perceval, 196 и слѣд.

употребила хитрость для отмщенія убійцѣ ея родственниковъ и единовѣрцевъ. Она была ласкова съ нимъ, угощала его и общала удовлетворить его любовный пылъ. Магометъ беззаботно ѣлъ отравленное кушанье, поданное ему и его сотрапезникамъ. Одинъ изъ послѣднихъ умеръ. Но Магометъ выплюнулъ кусокъ, найдя его невкуснымъ, и хотя былъ спасенъ въ эту минуту, но долго потомъ страдалъ и даже на смертномъ одрѣ чувствовалъ послѣдствія отравы. На вопросъ Магомета о причинѣ этого поступка Цайнабъ хладнокровно отвѣчала: «Ты причинилъ моему народу несказанныя страданія; поэтому я думала: если ты никто иной, какъ волюбивый угнетатель, то я, отравивъ тебя, доставлю спокойствіе моему народу; если же ты пророкъ, то Богъ предохранитъ тебя, и ядъ будетъ для тебя безвреденъ». Магометъ приказалъ ее казнить¹⁾, и издалъ повелѣніе, чтобы войска не прежде употребляли отнятую у евреевъ кухонную посуду, какъ выкипятивъ ее съ водою²⁾. — Остатокъ евреевъ не отказывался отъ надежды избавиться отъ своего главнѣйшаго врага. Они заводили крамолы и дѣйствовали сообща съ недовольными арабами. Домъ еврея Сувайлима въ Мединѣ былъ сборнымъ пунктомъ недовольныхъ, которые называли лицемѣрами (мунафѣкунъ) Магомета и его фанатическихъ приверженцевъ. Но нашелся измѣнникъ въ ихъ средѣ, и домъ Сувайлима былъ сожженъ³⁾.

Евреи въ Аравіи съ справедливымъ злорадствомъ узнали о смерти Магомета (632), ибо они думали, что арабы откажутся отъ нелѣпой увѣренности въ безсмертіи Магомета, какъ высшаго существа. Однако фанатизмъ, въ соединеніи съ страстью къ войнѣ и къ завоеваніямъ, овладѣлъ арабами, и они одинаково признавали божественными словами какъ отвратительныя назиданія корана, такъ и находящіяся въ немъ, заимствованныя у еврейства истины. Еврейство нашло вто-

1) Такъ разсказано большинствомъ арабскихъ хронографовъ.

2) Вейль, 188.

3) De-Perceval, III, 284.

раго могущественнаго врага въ исламѣ, который оно вскор-
милу своею грудью. Коранъ сдѣлался руководителемъ боль-
шей части челоѣчества въ трехъ странахъ свѣта, и такъ какъ
онъ исполненъ непріязненныхъ выраженій противъ сыновъ
Іудиныхъ, то воспиталъ магометанскіе народы въ ненависти
къ нимъ. Фанатизмъ втораго калифа, Омара, дикой энерги-
ческой натуры, былъ такъ силенъ, что Омаръ нарушилъ
мирный договоръ Магомета съ хаибарскими и вадиль-кор-
скими евреями, отнялъ у нихъ земли, а также изгналъ хри-
стіанъ изъ Нагардеи, дабы священная почва Аравіи не
осквернялась евреями и христіанами. Принадлежавшія евре-
ямъ земли Омаръ роздалъ магометанскимъ воинамъ, а евре-
ямъ далъ участокъ близъ города Куфы на Евфратѣ (около
640) ¹⁾. Но какъ въ исторіи ни одно бѣдствіе не остается
безъ благодатныхъ послѣдствій, такъ точно и владычество
ислама содѣйствовало поднятію еврейства изъ глубочайшаго
упадка.

¹⁾ Abulfeda annales, ed. Adler, I, 135; Tabari у Вейля: Geschichte der Cha-
lifen, I, 56.

Четвертая эпоха первого періода:

Г А О Н С К О Е В Р Е М Я .

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Первое гаонское столѣтіе.

Завоеванія ислама; Иерусалимъ. — Нетерпимость Омара; завѣтъ Омара. — Еврейское сужденіе о владычествѣ ислама. — Счастливое положеніе вавилонскихъ евреевъ. — Князь изгнанія Бостанаи и дочь персидскаго царя, Дара. — Глава школы Р. Исаакъ и калифъ Али; санъ гаона. — Реформа бракоразводнаго закона. — Экзилархатъ и гаонатъ. — Торжества по поводу присяги экзилархамъ; академіи и ихъ коллегіи. — Устройство общинъ. — Отлученіе. — Единеніе разсѣянныхъ евреевъ. — Угнетенное сосѣдствіе вестготско-испанскихъ евреевъ. — Соборы и законы. — Толедскій архіепископъ Юліанъ и еврей. — Попытка заговора; еврей, осужденныя на рабство, получаютъ, какъ слѣдствіе побѣды ислама, свободу и почтенное положеніе.

640 (658)—760.

Не прошло и десяти лѣтъ по смерти Магомета, какъ сыны пустыни, владѣвшіе прекраснѣйшими странами на сѣверѣ Аравіи и Африки, выступили за предѣлы Аравійскаго полуострова, держа въ одной рукѣ мечъ, а въ другой коранъ, и взывая: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ Его пророкъ!» Хотя во главѣ арабскихъ полчищъ не было могучаго героя, однако они шли отъ одной побѣды къ другой съ большою скоростью, чѣмъ стройныя войска Александра Македонскаго. Дряхлое, раздираемое внутренними смутами, персидское царство пало отъ первыхъ ударовъ; византійскія про-

винці: Палестина, Сирія и Египеть, населеніе которыхъ питало мало сочувствія къ жившему интригами константинопольскому двору, даже не защищались отъ арабовъ. Медина, оазисъ въ безпредѣльной пустынѣ, неизвѣстное народомъ мѣстечко, сдѣлалась законодательницею мильоновъ. Покореннымъ разноязычнымъ народамъ не оставалось другаго выбора, какъ признать Магомета пророкомъ и принять исламъ, или платить дань. Византійская имперія снова лишилась Палестины, которая не болѣе десяти лѣтъ тому назадъ была исторгнута императоромъ Иракліемъ изъ рукъ персовъ. Евреи и самаряне уговорились помогать арабамъ въ завоеваніи страны, имѣя въ виду свергнуть съ себя тяжкое иго коварной Византіи. Одинъ еврей предалъ мусульманамъ сильно укрѣпленную Цезарею, политическую столицу страны, съ 700000 жителей, въ томъ числѣ 20000 евреевъ. Онъ показалъ мусульманамъ подземный ходъ, по которому они и проникли въ городъ¹⁾. Святыи градъ, послѣ кратковременной осады, также перешелъ въ руки магометанъ. Второй преемникъ Магомета, калифъ Омаръ, самолично вступилъ въ обладаніи Іерусалимомъ (около 638) и основалъ мечеть на мѣстѣ прежняго Соломонова храма. Епископъ Софроній, поднесшій Омару ключи отъ Іерусалима и ненаученный собственнымъ опытомъ въ измѣнчивости судьбы (см. стр. 28), поставилъ однимъ изъ условій капитуляціи воспрещеніе евреямъ селиться въ святомъ градѣ. Хотя Іерусалимъ былъ для мусульманъ священнымъ мѣстомъ, куда они ходили на поклоненіе, и хотя онъ признавался ими святымъ (Алкудсъ), однако остался недоступнымъ для ихъ сыновъ²⁾. Омаръ также изгналъ изъ Тиверіады евреевъ и христіанъ и тѣмъ положилъ конецъ дѣятельности тамошней школы³⁾. Однако, въ прав-

1) Beladori у Вейля: Geschichte der Chalifen, приложен. къ I Т., стр. 2. Сравни. De-Perceval: Histoire des Arabes, III, 500.

2) Bar-Hebraeus Chronicon syriacum ed. Kirsch, сирійская часть 108; сравни. Munk: Palestine, 614.

3) Раумера: Palästina, стр. 138. Источники не указаны.

леніє слѣдующихъ калифовъ они получили позволеніе селиться тамъ ¹⁾.

Слѣдовательно, юный исламъ не отличался вѣротерпимостью. Омаръ, изгнавши евреевъ изъ Хаибара, а христіанъ изъ Нагарана, преподаль отправленнымъ для завоеванія полководцамъ правила дѣйствій съ евреями и христіанами. Эти правила называются «Омаровымъ завѣтомъ», ибо установлены этимъ калифомъ и содержатъ ограниченія относительно обоихъ «народовъ Писанія» (евреевъ и христіанъ). Тѣ и другіе не смѣли строить новые храмы и поправлять ветхіе; пѣніе въ синагогахъ и церквахъ должествовало исполняться въ полголоса; моленіе объ умершихъ должно было совершаться тихимъ голосомъ. Оба народа Писанія не смѣли препятствовать своимъ единовѣрцамъ принимать исламъ и должны были встрѣчать съ почтеніемъ мусульманъ. Далѣе, имъ воспрещалось занимать должности и судить магометанъ. Они не смѣли ѣздить верхомъ и должны были носить особенную одежду, дабы можно было съ перваго же взгляда отличить ихъ отъ мусульманъ ²⁾. Евреямъ и христіанамъ запрещалось употребленіе перстней, которые считались особеннымъ почетнымъ знакомъ. Магометане освобождались отъ податей и уплачивали лишь незначительный налогъ въ пользу бѣдныхъ, христіане же и евреи были обложены поголовною (гезіа) и поземельною (харагъ) податью. Несмотря на это, евреи свободнѣе дышали во вновь образовавшемся магометанскомъ государствѣ, чѣмъ въ христіанскихъ странахъ. Ограничительные Омаровы законы не примѣнялись на практикѣ даже въ царствованіе самого Омара. Самые фанатическіе мусульмане отвергали евреевъ только какъ иновѣрцевъ, но не презирали ихъ какъ людей и гражданъ, и оказывали глубокое уваженіе почтеннымъ евреямъ. Первые магометане обращались съ евреями, какъ съ равны-

¹⁾ Пилигримъ Виллибальдъ сообщаетъ въ 765 году: *ibi (Tiberiade) sunt multae ecclesiae et synagoge Judeorum, y Robinson Palaestina, II, 522.*

²⁾ D'Hosson: *Histoire des Mongols, III, 274.* Вейля: *Chalifen, II, 353 и слѣд.*

ми себѣ, чтили ихъ, какъ друзей и союзниковъ, и интересовались ими даже какъ врагами. Поэтому, азіятскіе и египетскіе евреи почитали магометанъ, какъ избавителей отъ христіанскаго ига. Мистическій апокалипсисъ, принадлежащій къ первымъ временамъ ислама, ясно выражаетъ радость о побѣдѣ ислама. Онъ влагаетъ мысль евреевъ въ уста ангела Метаторона. Симеону бенъ-Іохаи, считавшемуся прозорливцемъ, было открыто объ основаніи исламизма, и онъ сѣтуетъ на это въ молитвѣ: «Неужели мало царства злаго Эдома (римско-христіанской имперіи), что воздвигается еще царство Измаила?» ему отвѣчаетъ Метаторонъ: «Не бойся, сыне человѣчъ! Богъ для того только воздвигаетъ измаилитское царство, чтобы освободить васъ отъ злаго Эдома. Онъ оставитъ имъ пророка и покоритъ имъ страны, и будетъ великая вражда между ними и сынами Исава» (христіанами)¹⁾. Таковы были чувства евреевъ при видѣ завоеваній мусульманъ.

Побѣда магометанъ дала евреямъ большую долю свободы въ тогдашнемъ вавилонскомъ округѣ (извѣстномъ у арабовъ подъ именемъ Ирака). Во время походовъ мусульманъ противъ послѣднихъ персидскихъ царей, евреи и несторіане, угнетаемые и преслѣдуемые послѣдними Сассанидскими государями, оказывали магометанамъ различныя услуги. Евреи и халдейскіе христіане составляли ядро населенія на нижнемъ Евфратѣ и Тигрѣ и оказали арабамъ столь существенную помощь, что даже фанатическій калифъ Омаръ далъ имъ награду и привилегіи. Глава халдейской церкви получилъ отъ Омара вмѣстѣ съ титуломъ патріарха или католикоса, Іезуябу, грамоту на извѣстныя льготы и, главное, церковную и политическую власть надъ всѣми христіанскими общинами въ Иракѣ. Несторіанскій католикосъ имѣлъ право суда надъ всѣми христіанами своего діоцеза и собиралъ съ нихъ подати, назначенныя мусульманскимъ главою государства. Совершенно такого же положенія достигъ, конечно,

¹⁾ Nistarot di R' Simeon Ben-Jochai (написано въ 750 году); сравн. Зам. 16.

посредствомъ услугъ, потомокъ экиларховъ изъ дома Давидова, по имени Бостанаи¹⁾), котораго магометанскіе полководцы признавали главою евреевъ. Омаръ такъ отличалъ Бостанаи, что далъ ему въ жены (около 642) Дару, дочь персидскаго царя Хозру, которая была взята въ плѣнъ съ своими сестрами²⁾). Странная прихоть судьбы! Потомокъ рода, хвалившася своимъ происхожденіемъ отъ дома Давидова, вступилъ въ бракъ съ принцессою, предки которой возводили свою родословную до Дарія, основателя персидскаго царскаго дома! Слѣдовательно, Бостанаи былъ первымъ экилархомъ, котораго, какъ вассала, утвердила магометанская государственная власть. Подобно несторіанскому католикоосу, решъ-галута имѣлъ политическую и судебную власть, и все евреи вавилонскаго округа составили подъ его вѣдѣніемъ особенную общину. Бостанаи получилъ также, въ видѣ исключенія, дозволеніе носить перстень съ печатью (Guschranka), посредствомъ которой онъ могъ придавать офіціальный характеръ документамъ и другимъ бумагамъ. Печать изображала муху, — напоминая о какомъ-то неизвѣстномъ историческомъ намекѣ.

Бостанаи, сынъ экиларха Ханинаи (см. стр. 16), не былъ впрочемъ неважною личностью, ибо сдѣлался любимцемъ саги, которая прославляетъ его отъ самаго рожденія. Она повѣствуетъ: Нѣкій царь велѣлъ истребить весь экиларховъ родъ изъ дома Давидова; но сновидѣніе удержало его отъ этого злодѣянія. Ему снилось, что когда онъ срубилъ въ увеселительномъ саду (бостанъ) все деревья, за исключеніемъ небольшого отпрыска, тогда явился почтенный старецъ, взялъ у него изъ рукъ орудіе и такъ сильно ударилъ имъ по лбу, что кровь потекла ручьемъ по его лицу и бородѣ. Чувствуя сильную боль, а также почтительный страхъ къ старцу, царь просилъ о помилованіи и обѣщалъ лѣлѣтъ нѣжный, пощаженный топоромъ, отпрыскъ, дабы онъ вы-

¹⁾ Сравни. Замѣч. 11.

²⁾ Замѣч. 11.

рось и сдѣлался густолиственнымъ деревомъ. Пробудившись, царь не могъ забыть смутнаго сновидѣнія; слѣды крови на постели убѣждали его въ томъ, что сновидѣніе его было чѣмъ-то дѣйствительнымъ, а не мечтою. Желая узнать значеніе сна, онъ обратился къ одному еврею, искусному снотолкователю. Этотъ еврей, уже старикъ, имѣвшій дочь въ замужествѣ за однимъ изъ членовъ экзилархова дома, отнесъ сновидѣніе къ преслѣдованію экзилархова дома и къ утробному плоду своей дочери. Царь, убѣдившись въ истинности толкованія, приказалъ окружить попеченіями вдову, въ утробѣ которой заключалась, по всей вѣроятности, послѣдняя отрасль экзилархова дома. Она, дѣйствительно, родила мальчика, и мальчикъ этотъ, по причинѣ видѣннаго царемъ во свѣ увеселительнаго сада (бостана) названъ Востанаи. Сердца всѣхъ близкихъ и далекихъ евреевъ горѣли любовью къ нему, на немъ сосредоточивались ихъ надежды, и мальчикъ оправдалъ ожиданія, ибо отличался ученостью и разумомъ, а по тактичному поведенію оказался достойнымъ високаго положенія. Царь, призвавши его однажды къ себѣ, убѣдился въ его мудрости и благоповеденія: хотя муха такъ сильно укусила его, что выступила кровь, однако онъ изъ почтенія къ царю не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, чтобы прогнать муху. Царь похвалилъ его за это, осыпалъ подарками, назначилъ экзилархомъ и далъ право назначать судей и главъ. Въ память мухи, которая была ему такъ полезна, Востанаи ввелъ ея изображеніе въ гербъ экзилархата. Арабскіе калифы утвердили Востанаи въ этомъ санѣ, и четвертый калифъ, встрѣченный имъ однажды съ св. Писаніемъ, узнавши о томъ, что Востанаи, не смотря на 35 лѣтній возрастъ, еще холостъ, далъ ему въ супруги прекрасную Дару, дочь персидскаго царя¹⁾. Для большей правдоподобности сага украсила вымысль нѣкоторыми историческими чертами.

Еврейско-вавилонская община, пріобрѣтшая опять значеніе при Востанаи, окрѣпла и получила окончательное устрой-

¹⁾ Загбч. 11.

ство въ правленіе четвертаго калифа, Али, товарища и зятя Магометова, хайбарскаго героя. Омаръ палъ отъ руки убійцы (644), его преемникъ Османъ погибъ отъ обширнаго возстанія (655), и Али былъ возведенъ заговорщиками на престоль, но ему пришлось бороться со многими ярыми соперниками. Царство ислама раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна поддерживала Али, имѣвшаго пребываніе въ новопостроенномъ городѣ Куфѣ, а другая — Моавію, родственника умерщвленному калифу Осману. Вавилонскіе евреи и несторіанскіе христіане объявили себя за Али и оказали ему помощь. Маремесь, помогавшій его полководцу при осадѣ Мосула, былъ назначенъ католикосомъ. Еврей Абдалла Ибнъ-Саба, восторженный приверженецъ Али, утверждалъ, что одному только Али принадлежитъ наследовать калифатъ и что духъ Божій перешелъ на него отъ Магомета точно такъ же, какъ отъ Моисея на І. Навина ¹⁾. Когда Али бралъ городъ Фируцъ-Шабуръ или Анбаръ, къ нему пришли 90000 евреевъ, съ школьнымъ главою Маръ-Исаакомъ, и присягнули калифу (около 658), котораго плохо поддерживали его приверженцы. Несчастный Али высоко оцѣнилъ это выраженіе сочувствія ²⁾ и, безъ сомнѣнія, даровалъ привилегіи такъ же главѣ еврейской школы, какъ и халдейскому католикосу. Весьма вѣроятно, что съ этого времени и по вышесказанному поводу установленъ обычай, въ силу котораго глава сурской школы принималъ извѣстный санъ и титулъ гаона ³⁾ (сановника). Съ гаонатомъ были соединены извѣстныя права, которыхъ не смѣлъ нарушать даже экилархъ, имѣвшій высокое политическое положеніе. Вслѣдствіе этого возникли странныя отношенія между обоими, искони соперничествовавшими, сановниками — экилархомъ и гаономъ, и повели къ бѣдствіямъ. Поэтому, съ Бостанай и Маръ-Исаака, ко-

¹⁾ Scharastani Religionssekten, ed. Cureton, текстъ, 132 и слѣд.; переводъ Гаарбриккера I, 200.

²⁾ Scherira посланіе, ed. Goldberg, стр. 39; сравн. Замѣч. 13.

³⁾ Титулъ гаонъ, кажется, имѣетъ не еврейское, но арабское или персидское происхожденіе.

торыхъ калифы официально признали еврейскими сановниками, начинается новый отдѣлъ въ еврейской исторіи, — *гаонская эпоха*.

Неизвѣстно, жилъ ли еще Бостанаи въ то время, когда вавилонскіе евреи присягнули Али; неизвѣстно также, какъ онъ къ этому отнесся. О немъ сказано только то, что онъ былъ благочестивъ ¹⁾ и погребенъ въ Пумбадитѣ, гдѣ впоследствии времени его могила сдѣлалась предметомъ поклоненія ²⁾. По смерти его произошелъ раздоръ въ его семействѣ, который бросаетъ невыгодный свѣтъ на его сыновей. Именно, Бостанаи оставилъ нѣсколькихъ сыновей отъ разныхъ женъ, и въ томъ числѣ сына отъ персидской царевны Дары. Этотъ сынъ, въ жилахъ котораго текла царская кровь, былъ, вѣроятно, любимцемъ отца и быть-можетъ наслѣдникомъ экилархата. Его братья, рожденные отъ евреекъ, завидовали ему и обращались съ нимъ, какъ съ невольникомъ, т. е. какъ съ рожденнымъ отъ плѣнной иностранки и потому считавшимся, согласно талмудическому праву, несвободнымъ до тѣхъ поръ, пока не могъ представить доказательствъ, что его мать или онъ самъ признаны свободными на основаніи формальнаго документа (отпускной). Но такого документа не осталось послѣ Бостанаи. Поэтому братья задумали продать сына царевны, своего роднаго брата, какъ невольника. Не смотря на всю возмутительность такого поступка братьевъ съ столь близкимъ кровнымъ родственникомъ, нашлись однако люди, вѣроятно, члены пумбадитской академіи, которые отчасти по религиозной мнительности, отчасти изъ угодливости къ законнымъ сыновьямъ Бостанаи, одобрили и поддерживали умыселъ послѣднихъ. Другіе законоучители, напротивъ, утверждали, что нельзя предположить, чтобы Бостанаи, человекъ благочестивый, женился на Дарѣ, не подаривъ сперва ей свободы и не возвысивъ ее на равную съ собою степень. Чтобы оградить Дару и ея сына отъ уни-

¹⁾ Видно изъ Responsa Schaare Zedek, стр. 3 а, № 17.

²⁾ Веніамина Тудельскаго Itinerarium, о городѣ Пумбадитѣ.

«ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ».

женія, главный судья Ханинаи послѣшилъ вручить ей отпущную отъ имени суда. Хотя этимъ предупреждался злой умыселъ братьевъ, однако не смывалось пятно незаконнорожденности съ сына Дары. Его потомки не причислялись до позднѣйшихъ временъ къ потомкамъ дома экиларха Бостанаи ¹⁾).

Имя сына Бостанаи, который наследовалъ экилархатъ, неизвѣстно. Кажется, между братьями возникъ споръ о наследствѣ, и одинъ изъ нихъ противозаконно утверждёнъ въ санѣ экиларха корыстолюбивымъ намѣстникомъ, жившимъ въ Куфѣ, близъ Суры. Разладъ царствовалъ также между главами школь и потомками Бостанаи, такъ что послѣдніе должны были для поддержанія своего достоинства посягать на обычаи обѣихъ академій: сурской и пумбадитской. Бывшіе послѣ Бостанаи экилархи увольняли по своему произволу президентовъ въ школахъ и назначали на ихъ мѣсто преданныхъ себѣ людей. Поэтому, религіозные руководители народа злобствовали на потомковъ Бостанаи. Еще въ позднѣйшее время одинъ еврейскій авторитетъ долженъ былъ защищаться, говоря: «Я, конечно, происхожу изъ экилархова дома, но не отъ сыновей Бостанаи, которые были высокоумны и угнетали несправедливо» ²⁾). Яростныя распри о калифатѣ между домомъ Али и Омеядами повторились, въ малыхъ размѣрахъ, въ еврейской Вавилоніи. Поэтому, полустолѣтіе отъ Бостанаи и отъ учрежденія гаоната до экиларха Хаздаи (700—730) очень темно. Изъ гаоновъ и школьныхъ главъ, правившихъ свои должности въ теченіе этого полувѣка, извѣстны очень немногіе и притомъ не въ хронологическомъ порядкѣ. Послѣ Мраъ-Исаака, вѣроятно, перваго гаона сурской академіи, отправлялъ эту должность Р. Гунай, современникъ Маръ-Рабы въ Пумбадитѣ (около 670—80). Эти главы школь издали относительно брачнаго развода важное постановленіе, отнимавшее силу у талмуди-

¹⁾ Responsa Schaare Zedek, тамъ же.

²⁾ Scherira посланіе, стр. 37, 39.

ческаго закона. Послѣдній разрѣшалъ женѣ только въ исключительныхъ случаяхъ просить о разводѣ, именно, когда мужъ страдалъ отвратительною болѣзнью или вель гнусный промыселъ. Если жена чувствовала даже непреодолимое отвращеніе къ мужу, то и въ этомъ случаѣ судъ принуждалъ ее жить съ мужемъ и исполнять свой долгъ; если-же она упорствовала и требовала развода, то лишалась утренняго дара и даже своего приданого. Въ сабурейское время нѣсколько смягчили эту строгость: если жена не могла въ теченіе года преодолѣть своего отвращенія къ мужу, то судъ давалъ ей разводную, даже принуждая мужа, но жена въ такомъ случаѣ теряла свое имущество. Въ сущности, смягченіе было фиктивное. Господство ислама измѣнило положеніе дѣлъ. Такъ какъ коранъ нѣсколько возвысилъ положеніе женщины и дозволилъ женѣ требовать развода, то недовольныя жены обращались къ магометанскому суду и, безъ всякихъ потерь, добивались развода. До такой степени возрѣвіе господствующаго народа воздѣйствовало въ короткое время на евреевъ. Вслѣдствіе этого, Р. Гунай и Маръ-Раба произвели полную реформу бракоразводнаго закона. Они совершенно отмѣнили талмудическій законъ и дозволили женамъ требовать развода безъ какого либо ущерба ихъ имуществу¹⁾. Такимъ образомъ узаконена равноправность супруговъ.

Преемниками Гунай и Маръ-Рабы были, въ Сурѣ Маръ-Шешна бенъ Тахлифа, который официально подписывался Машершая, и въ Пумбадитѣ Маръ-Буссаи или Бостанай (около 680—689); о нихъ неизвѣстно ничего, кромѣ того, что Шешна получалъ отъ иноземныхъ общинъ просьбы высказать свое мнѣніе о томъ или другомъ предметѣ²⁾. Эти запросы были такъ просты, что гаонъ могъ въ отвѣтъ на нихъ привести въ своемъ мнѣніи талмудическое рѣшеніе. Этотъ фактъ доказываетъ, что талмудъ былъ еще мало извѣ-

1) Тамъ же, 39. Responsa Gaonim Schaare Zedek, стр. 56 а, № 15. Сравни. Tossafot Ketubot 63 b и Ascheri, тамъ же, № 35.

2) Responsa, стр. 46 b, № 14; стр. 61 b, № 33; Resp. Gaonim (ed. Fischel, Leipzig, 1858) № 155 (повтор. № 266) 350, 351.

стенъ въ седьмомъ вѣкѣ и мало изучался. Мнѣнія Маръ-Шепны высказаны еще на талмудической идиомѣ. — Преемникомъ его въ сурскомъ гаонатѣ былъ Маръ-Ханинаи изъ Негаръ-Пакора (689 — 697), современникъ пумбадитскаго Гунаи Мари бенъ Юсифа (689 — около 700). Неизвѣстно ничего какъ о нихъ, такъ и объ ихъ преемникахъ: Нагилаи Галеви изъ Нареса (697—715), Р. Хія изъ Мезене и Маръ-Рабъя въ Пумбадитѣ (около 700—719)¹⁾. Въ теченіе этого времени экзилархомъ былъ Хаздаи, вѣроятно, внукъ или правнукъ Востанаи, о которомъ извѣстно только то, что у него было два сына съ библейскими именами, напоминавшими древній царскій домъ. Одного сына звали Соломономъ, другаго Давидомъ²⁾; послѣдній былъ отцемъ основателя караимства. Экзилархъ Хаздаи, кажется, находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ обоими главами школъ, такъ какъ историческія воспоминанія о преемственности того времени менѣе спутаны. Поэтому, въ то время, вѣроятно, опредѣлились взаимныя отношенія между тремя главами еврейско-вавилонской общины (начало восьмага столѣтія).

Эта община, представлявшаяся извнѣ чѣмъ-то въ родѣ государства, имѣла странную организацію. Между тѣмъ какъ несторіанскій патріархатъ, долженствовавшій также быть представителемъ религіозныхъ и политическихъ интересовъ, имѣлъ единственнаго главу, католикоса, которому подчинялись прочіе епископы, экзилархъ, стоявшій во главѣ еврейской Вавилоніи, дѣлился своею властью съ гаонатомъ. Оба они въ совокупности составляли единство общины. Князь изгнанія (Resch-Galuta) представлялъ политическую сторону. Онъ былъ представителемъ вавилонскаго еврейства предъ калифами и намѣстниками и вносилъ въ государственную кассу подать, собранную имъ съ общины. Экзилархи вели княжескій образъ жизни, носили великолѣпныя одежды,

1) Scherira, стр. 39. О хронологіи гаонскаго преемничества сравн. мою статью въ Frankels Monatsschrift, 1857, стр. 136 и слѣд., 381 и слѣд., и синхроническую къ ней таблицу.

2) Сравн. Запѣч. 12.

ѣздили въ государственныхъ экипажахъ, имѣли верпниковъ и родъ лейбъ-гвардіи и получали большое, вообще княжеское содержаніе¹⁾. Религіозное единство еврейства, напротивъ, представлялъ двойственный гаонатъ. Послѣдній объяснял Талмудъ, съ цѣлью примѣненія его къ жизни, издавалъ новые законы и постановленія, наблюдалъ за ихъ исполненіемъ и назначалъ наказанія нарушителямъ. Судебная власть раздѣлялась между экзилархомъ, сурскимъ гаономъ и главою пумбадитской школы.—Замѣчательно, что въ ту эпоху почти всѣ вѣроисповѣданія искали политической опоры, и духовенство стремилось соединиться съ мірянами. Римско-католическое христіанство, или латинская церковь, искало въ Италіи политическаго центра тяжести. Калифатъ, бывшій первоначально духовною должностію, желалъ, по принятіи политической формы, удержать при себѣ Имаматъ или духовную власть. Халдейскій патріархатъ, или восточная церковь, и еврейство не желали остаться безъ политической власти и старались, хотя въ ограниченныхъ размѣрахъ и съ подчиненіемъ калифату, соединить эту власть съ духовною.

Отношенія экзиларха къ главамъ школъ сложились такимъ образомъ, что первый имѣлъ право назначать послѣднеупомянутыхъ, однако не безъ согласія академическаго капитула. Но только одинъ глава сурской школы имѣлъ право носить титулъ гаона вмѣстѣ съ древнимъ титуломъ респъ-метабы; президентъ пумбадитской академіи официально не имѣлъ этого титула. Вообще сурскій гаонъ и академія пользовались значительными преимуществами, отчасти въ память великихъ основателей академіи, Раба и Р. Аши, отчасти вслѣдствіе близости къ Куфѣ, столицѣ Ирака и исламскаго востока. Глава сурской академіи занималъ на всѣхъ торжествахъ мѣсто съ правой стороны экзиларха, шелъ всюду впереди своего пумбадитскаго коллеги, получалъ треть извѣстныхъ доходовъ для содержанія своей академіи и, въ случаѣ смерти экзи-

¹⁾ Сравн. Замѣч. 11.

ларха, исправлялъ его должность. Въ теченіе нѣкотораго времени и президентъ пумбадитской академіи назначался изъ членовъ сурской коллегіи, такъ что сказанная академія находилась въ извѣстной зависимости. Іерархія представляла такую же постепенность, какая замѣчалась въ несторіанской церкви, въ которой каскарскій епископъ хотя и подчинялся католикосу, однако первенствовалъ надъ всѣми другими епископами страны.

Такъ какъ въ силу данной первыми калифами привилегіи, экилархъ пользовался княжескимъ почетомъ, то и возведеніе его въ этотъ санъ сопровождалось извѣстною торжественностью и пышностью. Хотя санъ былъ наследственнымъ въ домѣ Бостанаи, однако для назначенія новаго экиларха требовалось согласіе обѣихъ академій, и мало по малу установился церемоніаль присяги¹⁾. Первенствующія лица обѣихъ академій, съ коллегіями и важнѣйшими евреями страны отправлялись въ мѣстопробываніе будущаго экиларха, который въ теченіе извѣстнаго времени, вѣроятно, жилъ въ Сурѣ. Въ большомъ и убранномъ залѣ были приготовлены почетныя сѣдалища для экиларха и представителей обѣихъ академій. Сурскій гаонъ произносилъ рѣчь будущему князю изгнанія, обращалъ его вниманіе на обязанности его высокаго званія и увѣщавалъ не превозноситься въ высокомѣрїи надъ собратіями. Собственно актъ присяги происходилъ всегда въ четвергъ въ синагогѣ. Актъ этотъ состоялъ въ томъ, что оба гаона возлагали руки на экиларха и, при трубныхъ звукахъ, вклицали: «Да здравствуетъ нашъ господинъ, князь такой-то, князь плѣненія!» Народъ, стекавшійся толпами на церемонію, отвѣчалъ радостными кликами. Затѣмъ всѣ присутствующіе, состава изъ себя какъ-бы почетную свиту новаго экиларха, провожали его изъ синагоги въ домъ. Со всѣхъ сторонъ стекались подарки экиларху.

Въ слѣдующую субботу отправлялось торжественное бого-

¹⁾ Подробно описано у Ибнъ-Верга: Schebet Jehuda № 42, изъ древне-гаонскаго Responsum и вавилонянина Наана въ Jochasin; сравн. Замѣч. 13.

служеніе, при коемъ присутствовалъ новый экзилархъ. Въ синагогѣ устраивалось собственно для него и украшалось драгоценными тканями башне- или столпообразное возвышеніе, на которомъ возсѣдалъ князь, какъ сидѣли въ храмѣ цари изъ дома Давидова. Многочисленная почетная свита провожала его въ синагогу; молитвы поочередно читались чтеніемъ и пѣлись хоромъ. По занятіи экзилархомъ мѣста на трибунѣ, приближался глава сурскаго гаоната, преклонялъ колѣно предъ княземъ изгнанія и садился по правую руку. То же самое дѣлалъ пумбадитскій гаонъ, но садился по лѣвую руку экзиларха. Для чтенія Закона (Пятикнижія) подносили экзиларху свитокъ еоры, что считалось особенною царскою прерогативою. При этомъ предоставлялось ему начать рядъ чтеній изъ Закона, — преимущество, коимъ пользовались только потомки Ааронова дома. Президентъ сурской академіи служилъ ему толмачемъ (метургеманъ) для прочитаннаго отрывка. Послѣ чтенія изъ свитка еоры, экзилархъ преподавалъ галахское или агадское объясненіе; но если онъ не былъ ученъ, то возлагалъ эту обязанность на сурскаго гаона. Въ заключительной молитвѣ о прославленіи имени Божія (Kadisch, Gloria) упоминалось имя экзиларха: «Да наступитъ сіе при жизни князя». Затѣмъ читалось особенное благословеніе ему, главамъ академій и членамъ послѣднихъ (Jekum Purkan), и воспоминались страны, города и лица, которые матеріальными пожертвованіями доказывали свое сочувствіе къ академіямъ. Торжественная процессія изъ синагоги въ домъ или во дворецъ экзиларха и роскошный пиръ для сановниковъ, важнѣйшихъ особъ и государственныхъ должностныхъ лицъ, заканчивали актъ присяги новому князю изгнанія.

Разъ въ годъ, на третьей недѣли послѣ праздника Куцей, бывалъ у экзиларха большой съѣздъ. Главы академій съ ихъ коллегіями, представители общинъ и множество народа собирались къ нему въ Суру и, вѣроятно, подносили подарки. Въ субботу совершался такой же церемоніаль, какъ и при актѣ присяги. Въ теченіе недѣли преподавались объясненія,

и этотъ съѣздъ назывался большимъ собраніемъ (Kallah-Rabatti) или экиларховымъ съѣздомъ (Rigle di Resch-Galuta)¹⁾. Деньги на содержаніе дома и поддержаніе своего достоинства князь изгнанія получалъ частію отъ извѣстныхъ округовъ и городовъ, частію отъ чрезвычайныхъ налоговъ. Дистрикты Нагарованъ (на востокъ отъ Тигра), Фарсистанъ, Голванъ, по скольку они были подвѣдомственны князю изгнанія, приносили ему въ плохое время упадка семьсотъ золотыхъ денаріевъ (около 700 дукатовъ), — сколько же приносили они въ первое время блеска и величія! Кромѣ того, князь изгнанія имѣлъ право обложить чрезвычайною податью общины своей юрисдикціи²⁾, и чиновники калифата помогали ему при семъ, находя въ томъ собственную выгоду.

Вторую степень въ еврейско-вавилонской общинѣ или небольшомъ вассальномъ государствѣ занималъ президентъ сурской академіи, который, какъ выше сказано, одинъ носилъ официально титулъ гаона и во всѣхъ случаяхъ имѣлъ преимущество и первенство надъ свѣимъ пумбадитскимъ коллегой, хотя бы послѣдній былъ старъ, а онъ молодъ³⁾. Впрочемъ, пумбадитская академія пользовалась, въ отношеніи внутренняго управленія и занятій, полнымъ равенствомъ и независимостью, если только тотъ или другой экилархъ не дѣлалъ, по восточному обычаю, противозаконнаго вторженія. — При обоихъ президентахъ академій состояли коллегіи, которыя представляли іерархію своего рода. Ближе всѣхъ стоялъ къ президенту главный судья (Dajan di Baba, Ab-Bet-Din), отправлявшій судейскую должность и вообще бывшій нареченнымъ преемникомъ президента. Ниже его стояли семь старшинъ ученаго собранія (Resché-Kallah) и три, носившіе титулъ товарищей или ученыхъ (Chaberim); они, повидимому, составляли болѣе близкій къ президенту сенатъ. Затѣмъ слѣдовала коллегія изъ 100 членовъ, раздѣлявшихся на двѣ не-

1) Сравн. Замѣч. 13.

2) Наоанъ вавилонянинъ у Пакуто въ Jochasin.

3) Тамъ же.

равныя части, изъ которыхъ одна, состоявшая изъ 70 членовъ, представляла великій синедріонъ, а другая, изъ 30 членовъ, составляла малый синедріонъ. Семьдесятъ членовъ были посвящаемы и имѣли титулъ учителей (*Allufim, magistri*). Они подчинялись семи старшинамъ ученаго собранія, но взаимныя отношенія ихъ неясны. Тридцатичленный малый синедріонъ, кажется, не имѣлъ права засѣданія и голоса, но члены его были только кандидатами (*Bene-Kijumé*). Мѣста членовъ коллегіи, большею частію, переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну. Только должность президента не была наслѣдственною ¹⁾).

Но эти обѣ коллегіи съ своеобразною организаціей и іерархіей утратили мало по малу характеръ ученыхъ корпорацій и сдѣлались совѣщательнымъ и рѣшающимъ парламентомъ. Дважды въ годъ, мартъ и сентябрь (*Adar* и *Elul*), собиралось, по принятому порядку, общее собраніе коллегіи (*Kallah*), и засѣданія его происходили всякій разъ въ теченіе мѣсяца (мѣсяць собранія). Хотя члены занимались въ это время теоретическимъ изложеніемъ и объясненіемъ отдѣла Талмуда, назначеннаго заблаговременно въ качествѣ темы, однако главная дѣятельность засѣданій была посвящена практическимъ пѣлямъ. Обсуждались и принимались или отвергались законы и постановленія; разсматривались и разрѣшались запросы, поступившіе отъ иноземныхъ общинъ въ теченіе семестра. Эта перемѣна въ дѣятельности академій была вызвана измѣнившимися условіями времени. Въ аморейскую эпоху, пока еще не былъ законченъ Талмудъ, пока еще былъ не всякому доступенъ ученый матеріалъ Мишны съ прибавками и дополненіями,—глава школы обращалъ вниманіе на учениковъ, объясняя имъ Мишну и приводя относящіяся къ темѣ традиціи. Но по заключеніи Талмуда, какъ *Soprogis juris*, стало возможнымъ обходиться безъ живыхъ носителей и толкователей. Въмѣсто устнаго преподаванія явилось ученіе по книгамъ, и только темныя и запутанныя мѣста тре-

¹⁾ Сравни. Замѣч. 13.

бовали объясненія знатоковъ. Но глава школы былъ ненуженъ для этого. Такимъ образомъ, по заключеніи и распространеніи Талмуда, разорвалась связь, соединявшая учителя съ учениками до тѣхъ поръ, пока первый былъ источникомъ преданія, а послѣдніе могли только этимъ путемъ получить свѣдѣнія. Теперь же президентъ академіи существовалъ болѣе для сената и еврейства, какъ духовный законодатель и официальный представитель евреевъ, чѣмъ для кружка учениковъ. Даже при теоретическихъ преніяхъ объ отдѣлахъ Талмуда, академія совсѣмъ не имѣла въ виду учениковъ. Послѣдніе даже не смѣли входить въ залъ совѣщаній, но сидѣли на прилежавшемъ дворѣ (Tarbiza), гдѣ могли слушать и не слушать. Поэтому имъ дано было насмѣшливое названіе «придворныхъ» (Tarbizai)¹⁾. Только членамъ коллегіи давалась извѣстная талмудическая тема для основательнаго изученія въ теченіе семестра, ученики же не ограничивались темою и сами по себѣ изучали Талмудъ²⁾.

Чѣмъ болѣе сурская и пумбадитская академіи превращались въ постоянные синоды, тѣмъ болѣе практическая дѣятельность брала перевѣсъ надъ теоретическою. Мало по малу отвѣты на многочисленные иноземные запросы о различныхъ пунктахъ религіи, нравственности и гражданскаго права, начали поглощать большую часть дѣятельности засѣданій. Ежедневно прочитывался, обсуждался и разрѣшался цѣлый рядъ запросовъ. Каждый членъ коллегіи былъ обязанъ участвовать въ преніяхъ. Президентъ резюмировалъ различныя мнѣнія, постановлялъ окончательное рѣшеніе и приказывалъ секретарю изложить это рѣшеніе письменно. Предъ концомъ засѣданія прочитывались еще разъ всѣ рѣшенія, подписывались президентомъ отъ имени всей коллегіи, скрѣплялись академическою печатью (Chumrata) и, съ торжественнымъ

¹⁾ Поучительно въ этомъ отношеніи мѣсто Menachot, §2 b (по чтенію Aruch статья Tarbiza), гдѣ Kallah и Tarbiza противопоставляются другъ другу. Сравни. Tossafot, что мѣсто это принадлежитъ позднѣйшему времени.

²⁾ Нааанъ вавилонянинъ, тамъ же.

привѣтомъ коллегіи, отсылались подлежащей общинѣ, чрезъ гонца. Каждая община присылала вмѣстѣ съ запросомъ щедрый денежный подарокъ. Подарки, назначавшіеся именно для такой-то академіи, поступали въ ея пользу, присылавшіеся же безъ опредѣленнаго назначенія дѣлились такимъ образомъ: двѣ трети поступали въ сурскую академію, какъ первенствующую, остальная же треть — въ пумбадитскую. Президентъ дѣлилъ эти доходы между членами коллегіи и учащимися Талмуду ¹⁾.

Обѣ академіи имѣли, кромѣ этихъ чрезвычайныхъ доходовъ, еще правильный доходъ отъ подвѣдомственныхъ имъ судебныхъ округовъ. Сурѣ былъ подвѣдомъ южный Иракъ съ обоими важнѣйшими городами, Вазитомъ и Бассорой; юрисдикція ея простиралась до Офира (Индіи или Йемена?). Въ позднѣйшее время доходъ съ этихъ странъ равнялся еще 1500 золотыхъ денаріевъ (дукатовъ). Пумбадитѣ были подвѣдомы сѣверныя общины, и юрисдикція ея простиралась до Хоразана ²⁾. Назначеніе судей въ округъ (Resehut) зависѣло, вѣроятно, отъ президента академіи совокупно съ главнымъ судьей и семью членами сената. Поэтому, каждый изъ трехъ главъ еврейско-вавилонскихъ общинъ имѣлъ право назначать судей въ своемъ округѣ, и каждая община была подвѣдома или экзилархату, или сурскому гаонату, или зависѣла отъ пумбадитской академіи. Назначенный въ общину судья получалъ отъ своего начальства дипломъ (Pitka di-Dajanuta) ³⁾. Судья, имѣвшій титулъ дайна, постановлялъ и рѣшалъ дѣла, касавшіеся не только гражданскаго права, но и религіи; слѣдовательно, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и раввиномъ. Онъ избиралъ изъ членовъ общины двухъ ассистентовъ (Sekenim); изъ этихъ трехъ лицъ состояла судейская или раввинская коллегія. Вышеупомянутый судья-раввинъ утверждалъ всѣ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Responsa Gaonim Schaare Teschubab № 217. Halachot Gedolot (en Wien), стр. 33 а; сравн. Frankels Monatsschrift, 1858, стр. 237.

документы: брачные договоры, разводныя письма, векселя, купчія крѣпости и дарственныя записи. Слѣдовательно, онъ былъ также нотаріусомъ общины и получалъ за свои многоразличныя обязанности отчасти опредѣленную плату отъ каждаго самостоятельнаго члена общины; отчасти гонораръ за выдачу документовъ, или наконецъ еженедѣльное количество мяса отъ мясниковъ ¹⁾. При даанѣ состоялъ секретарь, получавшій отъ него жалованье. Вѣроятно, и школы для дѣтей, находившіяся при синагогахъ, подчинялись надзору судьи-раввина.

Общинное устройство въ еврейской Вавилоніи, служившее образцомъ для всего еврейства и отчасти сохранившееся до новѣйшаго времени, было слѣдующее. Во главѣ общины стояла комиссія, заботившаяся объ общинныхъ интересахъ и состоявшая изъ семи членовъ, которые назывались *Parnese la-Kenéset*, блюстители общины. Они избирались всѣми членами общины, платившими подать и, слѣдовательно, имѣвшими право выбора (*Bogerim*) ²⁾; какъ производились выборы — неизвѣстно. Надзоръ за дѣлами общины принадлежалъ делегату экзиларха или делегату президента одной изъ академій. Онъ имѣлъ также право назначать наказанія провинившимся членамъ. Наказанія состояли въ бичеваніи (*бастонадѣ*) или въ отлученіи ³⁾. Отлученіе, невидимое оружіе среднихъ вѣковъ, превращавшее отлученныхъ въ живыхъ мертвецовъ, хотя не употреблялось у евреевъ столь часто и произвольно, какъ у римско-католиковъ, однако было не менѣе страшно. Простому отлученію (*Niduj*) подвергались неисполнявшіе религіозныхъ или судебныхъ постановленій. По формѣ оно было снисходительно, ибо никому, а тѣмъ менѣе членамъ семейства не запрещалось имѣть общеніе съ отлученнымъ; но если въ теченіе тридцати дней отлученный не приносилъ раскаянія и не просилъ о прекращеніи

¹⁾ Видно изъ сообщенія Наана вавилон. и *Resp. Schaare Zedek*, стр. 75, № 14.

²⁾ Видно изъ тѣхъ же мѣстъ.

³⁾ Наанъ вавилон., тамъ же; *Resp. S. Z.*, стр. 91, № 33.

отлученія, то подвергался болѣе строгому (Cherem, Peticha). Это отлученіе лишало его самых искреннихъ друзей, дѣлало одинокимъ среди общества, считало отверженцемъ. Никто не смѣлъ вступать съ отлученнымъ въ сношенія, если не желалъ самъ подвергнуться такому же наказанію. Дѣти отлученнаго изгонялись изъ школы, а жена изъ синагоги. Умершіе члены его семейства лишались погребенія, новорожденные сыновья не приобщались къ вѣрѣ Авраама. Самъ онъ утрачивалъ всякій признакъ еврейства и считался проклятымъ отъ Бога. Объ отлученіи сообщалось общинѣ и приклеивалось къ зданію суда ¹⁾. Однако въ тѣ времена, когда большинство было недоступно убѣжденію, отлученіе, не смотря на свои печальныя послѣдствія, составляло единственное средство къ охраненію цѣлости религіи, огражденію права и поддержанію общественнаго порядка.

Хотя еврейско-эксилархическое государство въ Вавилоніи зависѣло отъ прихоти магометанскихъ намѣстниковъ и отъ произвола еврейскихъ сановниковъ, однако издали представлялось въ сіяніи могущества и величія. Евреи на всемъ земномъ шарѣ, до которыхъ доходили хотя неопредѣленные извѣстія о князѣ изгнанія, видѣли въ немъ преемника Давидова, а въ гаонахъ обѣихъ академій — носителей и продолжателей идеальнаго талмудическаго времени. По мѣрѣ того, какъ владычество калифата, доставшагося дому Омеядовъ, распространялось далѣе на сѣверъ до Трансоксаніи, на востокъ до Индіи, на западъ и югъ до Африки и до Пиренеевъ, — увеличивалось и число приверженцевъ вавилонско-еврейскаго главы. Каждое завоеваніе магометанскихъ полководцевъ расширяло предѣлы владычества эксиларха и гаоновъ.

¹⁾ Эта строгость отлученія описана въ Resp. Gaonim Schaare Zedek, стр. 75, № 14, и цитована въ комментаріи къ Алфасси тракт. Baba-Kama, послѣдній отдѣлъ № 200. Гаонъ Р. Палтой (842—58) не утверждаетъ, что это отлученіе впервые введено въ его время, но предполагаетъ его, какъ нѣчто уже извѣстное въ вавилонскомъ Jeschibot. Соломонъ Лурія (къ Baba-Kama, тамъ же) напрасно сомнѣвается въ неподложности этого Responsum. Она достаточно доказывается смлгченіемъ, введеннымъ во времена Р. Ган. Справн. Resp. Schaare Teschuba № 41.

Самая Палестина подчинилась Вавилоніи ¹⁾, потому что утратила значеніе центра. Сердца всѣхъ евреевъ горѣли чувствомъ къ верховнымъ главамъ на Евфратѣ, и пожертвованія охотно стекались сюда, дабы домъ Давида могъ поддерживать свое достоинство, а талмудическія школы могли процвѣтать. Религіозная обязанность и патріотическое чувство повелѣвали подчиниться центру еврейства, находившемуся въ Вавилоніи. Скорбь о разсѣянніи по всему лицу земли улаждалась сознаниемъ, что тамъ, на рѣкахъ вавилонскихъ, гдѣ водворился цвѣтъ еврейскаго народа во всей полнотѣ силъ, гдѣ жили и дѣйствовали великіе аморы, существуетъ еврейское государство. Тамъ, въ исконномъ отечествѣ еврейскаго величія, струился, — по мнѣнію еврейскихъ кружковъ всѣхъ странъ, — первоначальный источникъ древне-еврейской мудрости. «Богъ попустилъ основать сурскую и пумбадитскую академіи за двѣнадцать лѣтъ до разрушенія храма Навуходоносоромъ и чудесно сохранилъ ихъ. Эти академіи никогда не подвергались преслѣдованію отъ Рима и Византіи, никогда не вѣдали принужденія и порабощенія. Оттуда изойдетъ спасеніе Израиля, и жители этой счастливой страны будутъ избавлены отъ скорбей мессіанскаго времени» ²⁾. Таково было возрѣніе евреевъ, которые не видѣли самолично ни экзилархата, ни гаоната. Считалось за честь быть упомянутымъ по смерти при заупокойномъ богослуженіи въ академіяхъ. Для этого назначался одинъ день въ каждомъ мѣсяцѣ собранія. Академіи прекращали на этотъ день свою ученую дѣятельность; члены коллегій скорбѣли объ умершихъ въ теченіе года благодѣтеляхъ академій и молились объ упокоеніи ихъ душъ (Hespèd, Aschkabá). Даже изъ Франціи и Испаніи присылали въ позднѣйшее время списки умершихъ для поминанія при заупокойномъ богослуженіи ³⁾.

¹⁾ Видно изъ Sefer ha-Kabbalah (ed. Amst.) Авраама Ибнъ-Дауда, стр. 96 в.

²⁾ Midrasch Tanchuma къ Perikope Noach с. 1. Сравни мнѣнія Цемаха въ концѣ Элдада Га-Дани у Иеллинека Bet-ha-Midrasch, II, стр. 105.

³⁾ Видно изъ Resp. Schaare Zedek, стр. 20, № 12.

Испанскіе евреи, игравшіе столь блестящую роль въ еврейской исторіи, выпили до дна чашу бѣдствій въ то самое время, когда ихъ братія въ Иракѣ достигли высшей степени свободы и самостоятельности. Одна часть испанскихъ евреевъ была вынуждена выселиться, другая принять христіанство и дать, вслѣдствіе повелѣнія короля Хинтилы, письменное обѣщаніе въ нелицемѣрной вѣрности католицизму и въ искреннемъ отверженіи еврейства (см. стр. 71). Тѣмъ не менѣе, окрещенные насильно евреи въ вестготской Испаніи были всею душою преданы юдаизму. Независимое вестготское дворянство отчасти защищало ихъ отъ королевской строгости, и евреи открыто возвратились къ своей прежней религіи, какъ только скончался Хинтила и на престолъ вступилъ Хиндасвиндъ, бывшій врагомъ духовенства, которое стремилось къ ограниченію королевской власти въ пользу церкви и всегда было готово поднять знамя мятежа, если король не управлялъ въ клерикальномъ духѣ. Хиндасвиндъ послалъ мятежное духовенство въ ссылку, и оно должно было искать убѣжища въ Африкѣ и южной Галліи, въ тѣхъ самыхъ странахъ, въ которыя бѣжали изгнанные имъ евреи. Хиндасвиндъ, строго преслѣдуя притязанія, былъ милостивъ къ евреямъ. Не смотря на каноническій законъ, въ силу котораго каждый вновь избираемый король давалъ при вступленіи на престолъ торжественную присягу не терпѣть въ своемъ государствѣ ни еврея, ни еретика, Хиндасвиндъ дозволилъ изгнаннымъ евреямъ возвратиться въ отечество и, въ теченіе своего царствованія (642—652), оберегалъ ихъ отъ униженій ¹⁾, но обложилъ поголовною податью въ пользу государственной казны (*Indictiones judaicae*) ²⁾.

Сынъ его Рецесвинтъ, нисколько непохожій на него, поступалъ съ евреями совершенно противоположнымъ образомъ. Изъ фанатизма или изъ желанія польстить духовенству, рас-

¹⁾ Сравн. диссертацию: *Die westgothische Gesetzgebung in Betreff der Juden*, въ *Programm des jüd. theol. Seminars*, 1858, стр. 11 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, стр. 20.

положенному враждебно къ трону, онъ самъ на соборѣ, бывшемъ въ то же время парламентомъ, предложилъ строго преслѣдовать евреевъ, именно тѣхъ, которые только для виду приняли христіанство. Въ тронной рѣчи Речесвинтъ обратился къ членамъ собора съ слѣдующими словами: «Я оплакиваю образъ жизни и поведеніе евреевъ, ибо узналъ, что земля моего государства осквернена ихъ заразою. Всемогушій искоренилъ еретиковъ въ этомъ царствѣ; остался только одинъ этотъ позоръ церкви, но онъ будетъ заглаженъ нашимъ благочестіемъ или уничтоженъ нашею строгостію. Именно, нѣкоторые изъ евреевъ удержали свое прежнее невѣріе, другіе-же, хотя и очищенные банею крещенія, погрязли до такой степени въ заблужденія, что оскверняютъ церковь гораздо сильнѣе, чѣмъ неочищенные крещеніемъ. Поэтому закливаю васъ постановить, безъ всякаго пристрастія и не взирая ни на кого, пріятное для Бога и для вѣры рѣшеніе противъ евреевъ». Однако толедскій соборъ (восьмой) не издалъ относительно евреевъ никакого новаго закона, но только подтвердилъ каноническія постановленія четвертаго толедскаго собора, бывшаго въ царствованіе Сизенанда (стр. 69) ¹⁾. Евреямъ дозволено было оставаться въ странѣ, но воспрещалось имѣть христіанъ-невольниковъ, занимать какія либо должности и свидѣтельствовать противъ христіанъ ²⁾. Слѣдовательно, они подверглись въ вестготской Испаніи такому же уничтоженію, какое испытали сто лѣтъ тому назадъ въ Византійской имперіи (стр. 22): ихъ слову и клятвѣ не вѣрили. Но еще суровѣе была судьба тѣхъ евреевъ, которые во время гоненія приняли христіанство только для виду. Они должны были остаться въ нѣдрахъ церкви и снова отречься отъ еврейства. Бѣжать имъ было нельзя, ибо жесточайшее наказаніе угрожало тѣмъ, которые въ видахъ своего избавленія отъ христіанства скрывались

¹⁾ Concilium toletanum, VIII, praefatio 12 и 13, и правило XII у d'Aguirre collectio conciliorum, II, стр. 540, 547.

²⁾ Сравни. Диссертацию, стр. 25.

гдѣ-либо или бѣжали изъ страны. Даже знавшіе о бѣгствѣ или содѣйствовавшіе ему подвергались наказанію. Исторія не сохранила именъ тѣхъ евреевъ, которые пострадали за свою религію. Тѣ же, которые продолжали наружно исповѣдывать христіанство и прилежать всею душею къ еврейству, должны были снова дать клятвенное обѣщаніе объ отреченіи отъ юдаизма (*placitum Judaeorum*). Толедскіе евреи подписали 18 Февраля 654 г. клятвенное обѣщаніе слѣдующаго содержания: Хотя они еще въ царствованіе Хинтилы обѣщали пребывать въ католической вѣрѣ, но невѣріе и наслѣдованное отъ предковъ заблужденіе воспрепятствовали имъ признать Христа своимъ Господомъ. Теперь же они добровольно обѣщаютъ, за себя, за своихъ женъ и дѣтей, не соблюдать болѣе догматовъ и обычаевъ еврейства. Они не хотятъ болѣе имѣть сношеній съ некрещеными евреями, вступать въ бракъ съ родственниками (дѣтьми братьевъ и сестеръ), вводить еврейскихъ женъ въ свои дома, присутствовать на еврейскихъ свадьбахъ, соблюдать обрѣзаніе, праздновать пасху, субботу и другіе еврейскіе праздники, придерживаться еврейскихъ законовъ о пищѣ, вообще совершать то, что предписывается еврейскимъ закономъ и гнусною привычкою. Они, напротивъ, хотятъ вѣровать и исповѣдывать согласно евангелію и апостольскому преданію и соблюдать, безъ хитрости и лукавства, церковныя постановленія. Одно только невозможно для нихъ, именно, употребленіе свинины въ пищу; они не могутъ побѣдить отвращенія къ ней. Однако они обѣщаютъ потреблять, не гнушаясь, вареные со свининой припасы. Тѣ изъ нихъ, которые нарушаютъ обѣщаніе, будутъ сожжены или побиты камнями отъ дающихъ сіе клятвенное обѣщаніе или отъ ихъ сыновъ. Во всемъ этомъ они клянутся Троицею. Впрочемъ король можетъ помиловать виновнаго, который однако въ такомъ случаѣ обращается въ состояніе раба ¹⁾). Безъ сомнѣнія, и въ другихъ городахъ вестготской Испаніи

¹⁾ *Placitum Judaeorum lex Visigothorum, liber XII, Titel II, § 16, d'Aguirre, тамъ же, стр. 567.*

насиленно крещенные евреи должны были дать подобныя общанія. При этомъ они не избавлялись отъ платежа такъ называемой еврейской подати ¹⁾). Государственная казна не должна была терпѣть ущерба вслѣдствіе переменъ евреями религіи.

Въ это же время Рецесвинтъ отмѣнилъ римскіе законы, которыми до него руководствовались римляне и евреи, собралъ вестготскіе обычаи, постановленія предшествовавшихъ королей и рѣшенія соборовъ, и велѣлъ признавать этотъ сборникъ обязательнымъ для всѣхъ жителей страны. Рецесвинтъ ввелъ въ него и суровыя постановленія прежнихъ временъ противъ еретиковъ и евреевъ, въ особенности противъ іудействующихъ выкрестовъ, которые также считались еретиками и были извѣстны подъ именемъ іудействующихъ еретиковъ. Съ своей стороны онъ также прибавилъ новыя постановленія. Соблюдавшіе тайно еврейскій законъ подвергались сожженію или побіенію камнями, а въ случаѣ помилованія обращались въ состояніе вѣчнаго рабства ²⁾). Зная однако, что независимое дворянство будетъ охранять евреевъ и дозволить невольнымъ выкрестамъ жить по своимъ убѣжденіямъ, Рецесвинтъ постановилъ, чтобы ни одинъ христіанинъ, подъ страхомъ изгнанія и отлученія отъ церкви, не смѣлъ благопріятствовать тайнымъ евреямъ ³⁾). Однако эти мѣропріятія и постановленія не достигли цѣли. Тайные евреи или, какъ ихъ называли официально, іудействующіе христіане не искореняли юдаизма въ своихъ сердцахъ, но были тѣмъ преданнѣе ему, чѣмъ большая предстояла опасность. Испанскіе евреи во-время научились искусству хранить въ глубинѣ сердца вѣрность къ своей религіи, не смотря на опасность смерти, и утомлять своихъ тысячеглазыхъ враговъ. Они продолжали справлять въ своихъ домахъ еврейскія празднества и презирать установленныя церковью празд-

¹⁾ Видно изъ concilium toletanum, XIV, praef. 8—9 и прав. I, у d'Aguirre, 736, 740 и lex Visigothorum VII, 2, § 18.

²⁾ Сравн. Диссертацію, стр. 21 слѣд., 33 и слѣд.

³⁾ Lex Visigothorum, L. XII, tit. 2, § 15.

ники. Представители церкви хотѣли этому противодѣйствовать и потому издали постановленіе, лишившее евреевъ права проводить извѣстное время въ своемъ домѣ. Евреи должны были пребывать во время своихъ и христіанскихъ праздниковъ на глазахъ духовенства, дабы соблюдать послѣдніе (655). Нарушители этого постановленія наказывались, смотря по возрасту, тяжкою пенею или бичеваніемъ ¹⁾. Такимъ образомъ, выкресты изъ евреевъ подвергались въ царствованіе Рецесвинта самымъ стѣснительнымъ мѣрамъ, тогда какъ некрещенные евреи имѣли извѣстную долю свободы и фактически пользовались даже правомъ держать христіанъ-рабовъ для домашнихъ услугъ и для обработки полей. Само духовенство продавало имъ такихъ рабовъ, не обращая вниманія на церковныя постановленія. Объ этомъ нарушеніи самимъ духовенствомъ каноническаго эдикта заговорилъ король на толедскомъ соборѣ (десятою), напомнилъ духовенству о прежде изданныхъ законахъ и заклиналъ его соблюдать ихъ. Вслѣдствіе этого соборъ проклялъ продавцевъ христіанскихъ рабовъ и осудилъ ихъ на вѣчныя мученія въ аду (656) ²⁾, но тѣмъ не менѣе не достигъ цѣли.

По смерти царствовавшего долго Рецесвинта (672), еврейскіе выкресты, безъ сомнѣнія, вздохнули свободнѣе, но не могли однако питать надежды, что имъ будетъ лучше жить при новомъ королѣ Вамбѣ, котораго возвели вельможи на престолъ. Враждебные имъ законы продолжали дѣйствовать, высшее духовенство наблюдало за ихъ исполненіемъ, и евреи должны были жить между принужденіемъ и лицемѣріемъ. Чтобы избавиться отъ этого гнета, они приняли участіе въ возстаніи противъ Вамбы. Графъ Гильдерихъ, намѣстникъ принадлежавшей Испаніи провинціи Септиманіи, отказалъ въ повиновеніи новоизбранному королю и поднялъ знамя возстанія. Чтобы пріобрѣсть богатыхъ союзниковъ, онъ обѣщалъ дать крещенымъ евреямъ безопасное убѣжище въ своей провинціи и

¹⁾ Concilium toletanum IX, canon 27, y d'Aguirre 576.

²⁾ Conc. tolet. X, can. 7, тамъ же 581.

свободу совѣсти; евреи вняли призыву и переселились ¹⁾. Возстаніе Гильдериха Нимскаго приняло обширные размѣры и обѣщало счастливый исходъ, когда военачальникъ Павелъ, посланный Вамбою противъ мятежниковъ въ Семптиманіи, вошелъ съ ними въ соглашеніе и былъ въ Нарбоннѣ избранъ въ короли. Однако правленіе Павла было непродолжительно. Вамба выступилъ съ войскомъ противъ Нарбонны, взялъ ее, схватилъ Павла и Гильдериха и строго наказалъ ихъ. Обь отношеніяхъ Вамбы къ евреямъ извѣстно только то, что онъ изгналъ ихъ изъ Нарбонны, вѣроятно, за ихъ участіе въ возстаніи. На созванномъ въ его царствованіе соборѣ (одиннадцатомъ) евреи не были предметомъ обсужденія. Повидимому, они пользовались въ это царствованіе (672—680) извѣстною свободой и приняли нѣкоторыя мѣры для самосохраненія.

Дабы съ одной стороны, доказать, что они не лишены разума и ума, и дабы, съ другой стороны, утвердить самихъ себя и своихъ, отчасти присоединившихся къ христіанству, собратій въ отеческой вѣрѣ, евреи издали антихристіанскія сочиненія ²⁾, вѣроятно, на латинскомъ языкѣ. До насъ дошелъ только одинъ пунктъ содержанія этихъ полемическихъ сочиненій: евреи ссылаются на (агадскую) традицію о томъ, что Мессія явится лишь въ концѣ шестаго тысячелѣтія. Ибо шесть тысячелѣтій соотвѣтствуютъ шести днямъ творенія, а седьмое тысячелѣтіе составляетъ міровую субботу, наступившее время Мессіи. При этомъ евреи приводили стихъ псалма ³⁾: «тысяща лѣтъ предъ очима Твоими, Господи, яко день вчерашній» (пс. 89, ст. 5).

¹⁾ Lucas Tudensis въ своей хроникѣ, стр. 59. Сравни. Лембке: *Geschichte von Spanien*, стр. 103 и слѣд., и Адольфа Гельффериха: *Entstehung und Geschichte des Westgothenreiches*, стр. 185.

²⁾ *Lex Visigothorum* (II, 3, 11) свидѣтельствуетъ о существованіи антихристіанскихъ сочиненій у вестготско-испанскихъ евреевъ: *Si quis Judaeorum libros illos legerit, vel doctrinas attenderit, in quibus male contra fidem Christi sentitur, etc.*

³⁾ Юліанъ Толедскій въ своемъ апологетическомъ сочиненіи *Contra Judaeos*, кн. I (въ *Bibliotheca patrum maxima*, ed. Lugduni, T. XII, стр. 615 и слѣд.) излагаетъ мнѣніе евреевъ о седьмомъ тысячелѣтіи Мессіанскаго времени: *Cum (Judaei) Christum necdum pro salute hominum in mundum venisse, sed adhuc venturum esse praesumunt — dicentes quod adhuc quinta aetas saeculi evolvatur,*

Такъ какъ по счисленію евреевъ прошло отъ сотворенія міра до явленія Христа не болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ, то, по ихъ мнѣнію, Мессія еще не являлся. Еврейскіе писатели съ такою убѣдительностью приводили это возраженіе, что поколебали многихъ христіанъ въ вѣрѣ¹⁾.

Преемникъ Вамбы, достигшій хитростью короны, положилъ конецъ этой свободѣ культа, мысли и слова. Эрвигъ, родомъ византіецъ и щедро одаренный двоедушіемъ и безсовѣстностью выродившихся грековъ, далъ сонваго зелья королю Вамбѣ и устроилъ дѣло такъ, что Вамбу постригли въ монахи, а его выбрали въ короли. Чтобы придать узурпаціи видъ законности, Эрвигъ вошелъ въ сдѣлку съ духовенствомъ и принесъ ему въ жертву евреевъ. На соборѣ, который долженъ былъ утвердить за нимъ корону, онъ съ притворнымъ паѳосомъ сказалъ рѣчь противъ евреевъ и предложилъ цѣлый рядъ законовъ. Онъ говорилъ²⁾: «Со слезами умоляю достопочтенное собраніе очистить вашу ревностію страну отъ проказы вырожденія. Возстаньте, зываю къ вамъ,

et necdum adhuc venerit sextae aetatis curriculum, in quo venturum nosci oporteat Christum. Затѣмъ Юліанъ обращается къ евреямъ: Ubi ista legistis? An forte ex illa opinione hoc dicitis, quae in Psalmo proscribitur, ubi ait: Quoniam mille anni ante oculos tuos tanquam dies una, ut sicut sex diebus factus a deo mundus perscribitur, it aut quasi sex aetates in annis sex millibus distinguantur. Но евреи заимствовали этотъ догматъ изъ талмудическо-агадскихъ источниковъ. Сравни. Synhedrin, 97 и слѣд., Tana di-be Elia gabba c. 2. Слѣдовательно, испанскіе евреи въ седьмомъ вѣкѣ познакомились посредственно или непосредственно съ Талмудомъ. Впрочемъ, Юліанъ очень плохо зналъ церковную исторію и потому упустилъ изъ виду, что даже Учители Церкви въ апостольское и послѣ-апостольское время принимали догматъ о шести тысячелѣтіяхъ міра. Сравни. Barnabas (Epistola 15 c.): *ὅτι συντελεῖ ὁ Θεὸς Κοριθῶς ἐν ἑξάντις χιλίαις ἔδειξε τὰ πάντα ἢ γὰρ ἡμίρα παρ' αὐτῶν χιλία ἔτη.* Истинъ мученикъ, Иринеѣ, Аполлинаріи и другіе Отцы Церкви ввели въ свои христологіи мессіанскій хилиазмъ. О вычисленіяхъ въ послѣ-апостольское время сравн. большой календарь Пипера Карла, стр. 149 и слѣд.

¹⁾ Юліанъ Толедскій, тамъ же, предъ почитован. мѣстомъ: (Judaei) qui caesa infidelitatis nocte possessi, non solum barathro detestabilis perfidiae concidunt, sed etiam quosdam e fidelium numero titubare compellunt, cum Christum, etc. И въ началѣ третьей книги: Hoc primum omne genus christianorum admoneo, ut quisquis christianorum a quolibet Judaeo secundum codices Hebraeorum aetates ipsas computare audierit, non illi cor suum inflectat.

²⁾ Concilium toletanum, XII, praefatio 3, у d'Aguirre, стр. 682.

возстаньте! Развяжите узы виновныхъ, исправьте постыдные обычаи закононарушителей, препояштесь поясомъ ревности, облегчите бремя и, что важнѣе всего, истребите до корня еврейскую язву, которая коснѣеть въ своемъ заблужденіи. Разсмотрите законы, изданные нами недавно противъ отпаденія евреевъ. — Ибо мы должны остерегаться, чтобы неисполненіемъ церковныхъ законовъ, угрожающихъ анаемой за заблужденія, не сдѣлаться причастными винѣ евреевъ, особенно если не будетъ дѣйствовать законъ, которымъ нашъ славный предшественникъ Сизебутъ обязалъ всѣхъ своихъ преемниковъ не допускать, чтобы христіанскіе рабы были подчинены евреямъ или имъ служили».

Изъ двадцати семи параграфовъ, предложенныхъ для утвержденія Эрвигомъ собору, только одинъ касался евреевъ, всѣ же прочіе относились къ тѣмъ невольнымъ выкрестамъ, которые, не смотря на обѣщаніе исповѣдывать христіанство и не взирая на жестокія наказанія, не могли отказаться отъ еврейства. Съ евреями законопроектъ Эрвига живо окончилъ дѣло. Ибо объявлено было, чтобы они сами, ихъ дѣти и домочадцы окрестились въ теченіе годичнаго срока, въ противномъ же случаѣ они должны были лишиться имущества и подвергнуться бичеванію (сто ударовъ); сверхъ того, срѣзывалась, для вѣчнаго позора, кожа съ головы и лба; наконецъ, опозоренные такимъ образомъ евреи изгонялись изъ страны. Что касается до крещеныхъ евреевъ, то были возобновлены старые законы, которые обязывали ихъ отказаться отъ соблюденія еврейскихъ обычаевъ; однако наказаніе, полагаемое этими законами, именно побіеніе камнями или сожженіе, замѣнено другимъ: конфискаціей имущества, бичеваніемъ, срѣзываніемъ кожи съ головы и изгнаніемъ. Эту замѣну старыхъ наказаній новыми Эрвигъ оправдывалъ тѣмъ, что будетъ несправедливо и несогласно съ библіей налагать одно и то-же наказаніе за всѣ преступленія. Только за соблюденіе обрѣзанія мужчины подвергались по этому закону болѣе тяжкому наказанію, женщинамъ же отрѣзывался носъ. Всякій обязывался доносить о соблюденіи выкрестами еврейскихъ

обычаевъ; за сокрытіе и покушеніе на бѣгство назначалось наказаніе. Выкрестамъ запрещалось читать антихристіанскія сочиненія и давать ихъ читать ученикамъ; наказаніе за такое преступленіе поражало не только учителя, но и учениковъ старше десяти лѣтъ. Далѣе, они должны были не только проводить христіанскіе и еврейскіе праздники подъ надзоромъ духовенства, но и подвергаться духовному допросу. По возвращеніи изъ путешествія, они обязывались явиться къ мѣстному духовенству и объяснить ему, сколько времени провели въ томъ мѣстѣ, куда ѣздили, и строго ли соблюдали въ это время церковныя постановленія. Они должны были публично отречься отъ еврейства и дать предписанную клятву въ искреннемъ обращеніи къ католической религіи. Они клялись Богомъ Израиля, Христомъ, единымъ въ Троицѣ, мощами апостоловъ и святыхъ, и евангеліемъ, въ искренности своего отреченія отъ еврейства и обращенія къ церкви, подвергая себя въ противномъ случаѣ казнямъ египетскимъ, суду и осужденію въ день втораго пришествія Мессіи. Кромѣ того, они не допускались ни къ какой должности, не могли быть старостами (*villicus, actor*) надъ христіанскими рабами и не смѣли держать рабовъ; исключеніе составляли только тѣ, которые могли представить свидѣтельство въ томъ, что вели безпорочную, христіанскую жизнь. Они должны были носить съ собою копію съ изданныхъ противъ нихъ законовъ, дабы не могли оправдываться незнаніемъ послѣднихъ. Духовенству и королевскимъ судьямъ предписывалось имѣть строгое наблюденіе за исполненіемъ постановленій, и всѣмъ христіанамъ запрещалось принимать подарки отъ крещенныхъ евреевъ¹⁾.

Соборъ, во главѣ котораго стоялъ толедскій архіепископъ Юліанъ, еврей по происхожденію²⁾, одобрилъ всѣ законопроекты Эрвига и постановилъ, чтобы эти законы, въ томъ видѣ, въ какомъ они утверждены соборомъ, соблюдались

¹⁾ Источники и критическій ихъ разборъ въ вышеупомянутой Диссертациі, стр. 15 и слѣд., 26 и слѣд., 34.

²⁾ *Isidor Pacensis chronicon* въ *Florez España sagrada*, Т. VIII, стр. 294.

вѣчно и ненарушимо. Чрезъ два дня по распущеніи собора. были созваны евреи, крещеные и некрещеные; имъ прочитали законы и приказали строго исполнять ихъ (25 Января 681). Крещеные евреи должны были въ третій разъ отречься отъ еврейства и дать подписку въ соблюденіи католической вѣры (Indiculum)¹⁾, — съ такою же искренностью, какъ въ правленіе Хинтилы и Редесвинта.

Но и эти законы большею частію остались мертвою буквою и не исполнялись строго, вопреки злой волѣ Эрвина. Со времени возстанія Гильдериха Нимскаго и Павла, приверженцы коихъ подверглись жестокому преслѣдованію, прибавилось къ прочимъ бѣдствіямъ вестготскаго государства еще раздѣленіе на партіи. Эрвигъ былъ только предводителемъ вельможъ и дворянъ, имѣвшихъ право голоса; другая партія была враждебна къ нему и терпѣла отъ него гоненіе. Мужи изъ древнихъ фамилій низводились на степень слугъ, предавались пыткамъ и лишались имущества²⁾. Всѣ преслѣдуемые соединились вмѣстѣ, и евреи, крещеные и некрещеные, нашли себѣ защиту у враждебной королю партіи, именно потому, что были предметомъ его ненависти. Хотя синагоги въ Италіи были разрушены, но евреи остались въ странѣ, не смотря на законы³⁾, и повидимому оказывали антицерковное вліяніе. Ибо король Эрвигъ⁴⁾ побуждалъ самаго уважаемаго и ученѣйшаго прелата того времени, толедскаго архіепископа Юліана, написать опроверженіе распространяемаго евреями мнѣнія, будто Иисусъ не могъ быть Мессіей, такъ какъ въ его время еще не началось шестое тысячелѣтіе (стр. 148).

По требованію короля и по собственной ревности, прелатъ предпринялъ защиту мессіанства Иисуса и опроверженіе мнѣнія о шести тысячелѣтіяхъ. Но, занимаясь своимъ сочи-

1) *Lex Visigothorum*, конецъ.

2) *Concilium toletanum*, XV, praefatio.

3) Сравни. Диссертацию, стр. 16.

4) Введеніе къ Юліановымъ *tres liberi de demonstratione Aetatis sextae contra Judaeos*.

неніемъ «О доказательствахъ шестаго тысячелѣтія, противъ евреевъ» (686), Юліанъ убѣдился въ трудности обратить евреевъ къ католической вѣрѣ, и болѣе заботился о томъ, чтобы утвердить въ вѣрѣ тѣхъ христіанъ, которые начали поддаваться приводимымъ евреями доказательствамъ, «дабы если не исправятся евреи, то по крайней мѣрѣ христіане извлекли пользу»¹⁾). Сперва онъ опровергаетъ положеніе, что Мессія долженъ явиться въ шестомъ тысячелѣтіи, такъ какъ объ этомъ не говорится нигдѣ въ Священномъ Писаніи. Далѣе онъ доказываетъ, что иные несомнѣнные признаки удостовѣряютъ въ наступленіи возвѣщеннаго пророками времени пришествія Иисуса. Мнѣніе о Мессіанскомъ тысячелѣтіи никогда не допускалось евреями въ ихъ полемикѣ во времена Иисуса и апостоловъ. Далѣе, Юліанъ говоритъ, что если пришествіе Мессіи дѣйствительно находится въ соотношеніи съ шестымъ тысячелѣтіемъ, то въ этомъ случаѣ надобно считать не по годамъ и тысячелѣтіямъ, но по родамъ и поколѣніямъ. Согласно евангелію отъ Маттея, насчитывается пять эпохъ отъ Адама до Иисуса: первая, отъ Адама до потопа; вторая, отъ потопа до Авраама; третья, отъ перваго еврейскаго патріарха до царя Давида; четвертая, отъ Давида до вавилонскаго плѣненія, и пятая, отъ сего послѣдняго до Иисуса. Слѣдовательно, съ пришествіемъ Иисуса началась шестая эпоха. Наконецъ, если даже считать по годамъ, то Иисусъ явился въ шестомъ тысячелѣтіи: въ этомъ убѣждаетъ насъ греческій переводъ Библии, сдѣланный семьюдесятью толковниками. Дѣйствительно, еврейскій оригиналъ представляетъ въ этомъ случаѣ значительную разницу въ суммѣ, — недостаетъ тысячелѣтія отъ Адама до Иисуса. Указывая на это, Юліанъ говоритъ, что греческій переводъ семидесяти толковниковъ, сдѣланный подъ наитіемъ Св. Духа, не можетъ уклоняться отъ истиннаго смысла, хотя и представляетъ разницу въ буквѣ. Юліанъ также опирается на мнѣніе св.

¹⁾ Сравни выше стр. 149, примѣч. 1, и Юліана кн. I: *ut si non corrigatur Judaeus, sabutem proficiat christianus.*

Августина, который полагаетъ, что евреи, желая опровергнуть совершившееся уже пришествіе Іисуса въ шестомъ тысячелѣтіи, поддѣляли числа въ еврейскомъ оригиналѣ, дабы вышла меньшая сумма и можно было доказать, что еще не исполнилось время ¹⁾).

При этомъ случаѣ толедскій архіепископъ повторяетъ всѣ приводимыя отцами церкви доказательства тому, что юдаизмъ не можетъ существовать безъ храма, и патетически обращается къ евреямъ: «Гдѣ же обѣтованная земля, въ которой вы согрѣшили и изъ которой изгнаны? Ищешь-ли ты іудейскаго царства? Его нѣтъ. Ищешь-ли ты алтарь іудеевъ? Его нѣтъ. Ищешь-ли ты еврейскихъ священниковъ? Ихъ нѣтъ». Всюду царствуетъ Христось. И если существуютъ еще индѣ невѣрующіе, то и они не изъяты отъ владычества христіанства, ибо повинуются такимъ государямъ, въ сердцѣ которыхъ пребываетъ Христось ²⁾. — Хотя Юліанъ, въ качествѣ князя церкви и президента собора, былъ официально враждебенъ къ евреямъ, то въ частной жизни не питалъ никакого отвращенія къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ. Онъ велъ дружбу съ евреемъ Реститутусомъ и чрезъ него послалъ къ барселонскому епископу Идалу свое сочиненіе о «Загробной жизни». Идалъ, грубый фанатикъ, не мало былъ удавленъ тѣмъ, что еврей принесъ столь священное сочиненіе такого высокаго, истинно-вѣрующаго авторитета; свое

¹⁾ Юліана кн. III, стр. 629 A. Sic enim dicit (Augustinus): Inquiunt, non esse credibile septuaginta interpretes, qui uno simul tempore unoque sensu interpretes fuerunt, errare potuisse aut ubi nihil eorum intererat, voluisse mentiri, Judaeos vero, dum nobis invident, mutasse quaedam in codicibus suis, ut nostris minueratur autoritas. Увѣреніе, что евреи послѣ пришествія Іисуса исказили года жизни патриарховъ, есть чистая безмыслица. Въ то время копии съ еоры были распространены въ трехъ частяхъ свѣта, и такой поразительный подлогъ невозможенъ. Конечно, греческіе переводчики Septuagintae не имѣли никакого интереса въ поддѣлываніи, но, безъ сомнѣнія, интересъ этотъ представлялся александрійскимъ христіанамъ въ первые вѣка Церкви. Я доказалъ въ одной статьѣ, что искаженіе чиселъ въ Septuaginta сдѣлано именно для подтвержденія догмата о пришествіи Іисуса въ концѣ шестаго тысячелѣтія; статья моя озаглавлена Fälschung im Texte der Septuaginta и помѣщена въ Fränkels Monatschrift, 1853, стр. 486 и слѣд., 1854, стр. 121.

²⁾ Юліана кн. I, стр. 619 A, 620 C. B.

удивленіе онъ выразилъ въ письмѣ къ Юліану (687), говоря, что не понимаетъ, какъ могъ сей послѣдній довѣрить это сочиненіе невѣрному и безбожному еврею; ему казалось, «будто звѣрь былъ свѣтоносцемъ»¹⁾.

Въ царствованіе Эрвигава преемника вестготско-испанскимъ евреямъ стало еще хуже. Эрвигъ назначилъ своимъ преемникомъ зятя своего, Эгика, дабы оградить свое потомство отъ гоненія. Но новый король, родственникъ Вамбы, думалъ не о клятвѣ, данной своему тестю, а о мщениі дѣтямъ Эрвига. Духовенство выразило готовность разрѣшить его отъ клятвы и предоставить ему свободу мстить. Сперва онъ былъ снисходителенъ къ полуобращеннымъ евреямъ²⁾ и не принималъ строгихъ мѣръ противъ нихъ. Онъ дружески увѣщавалъ ихъ обратиться искренно къ христіанству и отречься отъ соблюденія іудейскихъ предписаній. Онъ даже дозволилъ имъ держать христіанъ рабовъ, что воспрещалось въ царствованіе Эрвига. Евреи притворно дали клятву не отпадать отъ церкви, въ глубинѣ же сердца остались вѣрны своей религіи. Эгика, увидѣвъ безуспѣшность кроткихъ мѣръ, прибѣгнулъ къ строгости. Хотя онъ не изгналъ евреевъ изъ государства, но поступилъ съ ними еще хуже: ограничилъ въ правахъ владѣнія, именно, запретилъ имъ и іудействующимъ христіанамъ владѣть землями и домами; далѣе, воспретилъ имъ плаваніе въ Африку и торговлю съ нею, а также вообще дѣла съ христіанами. Евреи должны были отдать въ казну всѣ свои недвижимыя имѣнія и получить за нихъ, разумѣется, недостаточное вознагражденіе. Только искренно обратившіеся къ христіанству были изъяты отъ этого ограниченія, а также отъ платежа еврейской подати; но происходившій отъ того недочетъ должны были покрывать прочіе члены. Эгика представилъ этотъ законъ на утвержденіе собора (693). Хотя Эгика отмѣнилъ жестокіе законы Эрвига, но зато возстановилъ законы Рецесвинта и прибавилъ къ нимъ новый.

¹⁾ Диссертація, стр. 16.

²⁾ Тамъ же, стр. 17, 29.

Этотъ новый законъ, котораго нельзя было обойти, ибо конфискація недвижимаго имущества совершалась фактически, довелъ евреевъ до такого отчаянія, что они покусились на заговоръ противъ своего непримиримаго врага. Они завязали сношенія съ своими несчастными собратіями въ Африкѣ и намѣревались низвергнуть вестготское государство, вѣроятно, съ помощью магометанъ и недовольныхъ вельможъ. Попытка эта удалась бы легко, потому что государство достигло высшей степени упадка вслѣдствіе раздоровъ, неестественныхъ пороковъ и слабости; но заговоръ евреевъ былъ преждевременно открытъ, и тяжкія наказанія постигли не только виновныхъ, но и всѣхъ, жившихъ въ Испаніи, евреевъ. Король Эгика представилъ нарочно созванному въ Толедо собору доказательства заговора и предложилъ законъ, по которому всѣ евреи должны были обратиться въ состояніе рабовъ. Соборъ, опечаленный не менѣе короля дерзостью евреевъ, утвердилъ законъ Эгики (Ноябрь 694), «потому что евреи не только, вопреки своему обѣщанію, запятнали соблюденіемъ своихъ обрядовъ одежду вѣры, возложенную на нихъ церковью чрезъ крещеніе, но и намѣревались посредствомъ заговора присвоить государственную власть». Вслѣдствіе этого всѣ евреи въ Испаніи и въ Галльской провинціи объявлены невольниками, розданы господамъ и разсѣяны по всей странѣ, причемъ ихъ господамъ воспрещено давать имъ отпускныя. Дѣти старше семи лѣтъ отняты у родителей и розданы для воспитанія христіанамъ. Исключеніе было сдѣлано только въ пользу воинственныхъ евреевъ, которые въ ущельяхъ Галльской провинціи служили оплотомъ противъ непріятельскихъ впаденій. Необходимость и храбрость защитили ихъ отъ обезчещенія и рабства, но тѣмъ не менѣе эти евреи должны были принять католическую религію ¹⁾).

Въ этомъ состояніи униженія оставались испанскіе евреи до самой смерти Эгика. Одинъ, не совсѣмъ достовѣрный,

¹⁾ Тамъ же.

источникъ сообщаетъ: сынъ Эгики, Витица, превосходный король, желавшій водворить согласіе въ странѣ, призвалъ также изгнанныхъ евреевъ, отмѣнилъ законы противъ нихъ и даровалъ имъ гражданское полноправіе ¹⁾. Но эти факты совершенно невѣроятны; ибо тогда евреи не питали бы такой глубокой ненависти къ вестготамъ и не помогали бы столь ревностно врагу, разрушившему вестготское государство. По смерти Витицы пробилъ послѣдній часъ этого царства. Евреи, переселившіеся въ разное время изъ Испаніи въ Африку, и несчастные ихъ единовѣрцы, жившіе на Пиренейскомъ полуостровѣ, вступили въ соглашеніе съ магометанскимъ завоевателемъ, Тарикомъ, который перевезъ изъ Африки въ Андалузію жаждавшія битвъ войска. Послѣ сраженія при Хересѣ (Іюль 711) и по смерти послѣдняго вестготскаго короля Родериха, побѣдоносные арабы двинулись дальше и всюду нашли помощниковъ въ лицѣ евреевъ. Завоевавши городъ, полководцы оставляли въ немъ самый незначительный гарнизонъ изъ мусульманъ и ввѣряли городъ евреямъ. Такимъ образомъ евреи, только-что бывшіе рабами, сдѣлались господами Кордовы, Гранады, Малаги и другихъ городовъ ²⁾. Въ столицѣ Толедо остался небольшой вестготскій гарнизонъ, такъ какъ вельможи и духовенство искали спасенія въ бѣгствѣ. Пока христіане молили Творца о сохраненіи ихъ государства и религіи, евреи отворили городскія ворота арабскому побѣдителю ³⁾, встрѣтили его съ радостными кликами и отместили христіанамъ за безчисленныя бѣдствія, претерпѣнныя въ теченіе вѣка со временъ Реккарета и Сизебута (Вербное воскресенье 712). Тарикъ предоставилъ евреямъ также надзоръ за столицею и двинулся дальше, чтобы отнять унесенныя сокровища у трусливыхъ вестготовъ, искавшихъ спасенія въ бѣгствѣ. Точно также и

¹⁾ Lucas Tudensis Chronicon, стр. 69.

²⁾ Almakari у Gayangos history of the mahometan dynasties in Spain, I, 280. Лембке Geschichte von Spanien, I, 266. Вейля Chalifen, I, 519, 528.

³⁾ Ibn-Haijan у Gayangos, вышеприведен. сочин., стр. 283. Ibn-Adhari, ed. Dozy, I, 31. Lucas Tudensis Chronicon, стр. 70.

намѣстникъ Африки, Тарикъ Ибнъ-Нозаиръ, завидовавшій побѣдамъ и добычѣ Тарика, привелъ новое войско въ Испанію и завоевавши города, предоставилъ евреямъ охранять ихъ¹⁾. Такимъ образомъ евреи признали, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, главенство магометанъ надъ собою и, подобно вавилонскимъ и персидскимъ единоплеменникамъ, считались союзниками мусульманъ. Они стояли на равной ногѣ съ послѣдними, получили свободу вѣроисповѣданія, которой были столь долго лишены, а также право суда надъ своими единовѣрцами, и лишь вносили, подобно покореннымъ христіанамъ, поголовную подать (дзимма). Такимъ образомъ они вступили въ великій союзъ, который соединялъ всѣхъ евреевъ магометанскаго міра въ одну общину.

¹⁾ Almakkari у Gayangos, 284.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

(продолженіе.)

Первое гаонское столѣтіе. Начало новоеврейской литературы и антиталмудическаго движенія.

Участіе евреевъ въ арабской литературѣ и языкѣ; Мессеръ-Гаван, Сумаиръ, возвращеніе къ библии; введеніе знаковь гласныхъ и удареній; Моисей пунктаторъ. — Ассирійская система пунктаціи. — Новоеврейская поэзія; Иосифъ бенъ Иосифъ, Симонъ бенъ Каифа; риема; Янан, Елеазаръ Калири и другіе литургическіе поэты. — Оппозиція Талмуду; лжемессія Серене. — Еврейскій глава Кауланъ и испанскіе евреи. — Глава школы Натронаи и вѣроотступники. — Преслѣдованіе въ царствованіе императора Льва. — Переселеніе евреевъ въ Крымъ и въ страну Хазаровъ. — Лжемессія Обадіа Абу-Иза. — Мессіанскій апокалипсисъ. — Война и гибель Абу-Изы. — Секта изавитовъ. — Князь изгнанія Соломонъ; Р. Ахан изъ Шабхи, авторъ шеелота.

658—760.

Вѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ магометанскаго міра возрастала и духовная дѣятельность жившихъ въ немъ евреевъ. Первые калифы изъ дома Омеядовъ, ведя постоянныя войны съ потомками и товарищами Магомета, съ фанатиками, стоявшими за букву корана, и съ приверженцами имамата, незаконно переданнаго Магометомъ, не имѣли ни того жестокосердія, ни той строгости къ преслѣдованію, которыми отличались основатель ислама и два первые калифа. Владыки магометанъ, Моавія, Іезидъ I, Абдуль-Маликъ, Валидъ I, и Солейманъ (656—717), питали болѣе свѣтскія, чѣмъ духовныя мысли, обладали обширнымъ политическимъ взглядомъ и мало придерживались эгоистическихъ предписаній корана и преданій (сунны). Они любили арабскую поэзію, — Абдуль-

Маликъ самъ былъ поэтомъ, — цѣнили знаніе и награждали писателей такъ же щедро, какъ и сражавшихся для нихъ мужей меча. Поэтому евреи въ магометанскихъ странахъ скоро усвоили арабскій языкъ, который по корнямъ и словообразованію во многомъ родственъ еврейскому языку, болѣе или менѣе извѣстному тогда каждому еврею; сверхъ того, арабскій языкъ былъ имъ необходимъ для сношеній. Любовь арабовъ къ своему языку и поэзіи, ихъ заботливость говорить чистымъ, звучнымъ языкомъ, повліяли также на евреевъ и заставили ихъ употреблять правильный языкъ. Въ теченіе шести вѣковъ отъ паденія іудейской націи, евреи утратили чувство изящнаго и вкусъ въ выраженіяхъ; они сдѣлались небрежны въ отношеніи языка, не заботились о чистотѣ формъ и были равнодушны къ выраженію мыслей и чувствъ въ соотвѣтствующей формѣ. Народъ, лепетавшій на какомъ-то языкѣ, представлявшемъ смѣсь еврейскаго, халдейскаго и испорченнаго греческаго, не могъ создать литературы и тѣмъ менѣе знаться съ музою поэзіи. Исключеніемъ были, какъ мы сказали выше, аравійскіе евреи. Они научились отъ своихъ сосѣдей вкусу и искусству придавать рѣчи пріятную и выразительную форму. Еврейскія племена, Каинукаа и Надиръ, переселившіяся въ Палестину и Сирію; хаибарскіе и вадиль-корскіе евреи, переселившіеся въ область Куфы и въ центръ гаоната (стр. 111, 121), принесли съ собою въ новое отечество вкусъ и любовь къ поэтическому арабскому языку и привили ихъ своимъ единовѣрцамъ. Едва прошло полустолѣтіе съ покоренія арабами Палестины и Персидскихъ областей, какъ вавилонскій еврей уже отлично владѣлъ арабскимъ языкомъ. Еврейскій врачъ, Мессеръ-Гаваи изъ Бассоры, перевелъ съ сирійскаго языка на арабскій медицинское сочиненіе, пандекты пресвитера Аарона ¹⁾ (около 683). Съ этого времени евреи были, подобно сирійскимъ христіанамъ, по-

¹⁾ Ibn-G'ol'ol у Абуфарара historia Dynastiarum ed. Poccoke, 148, и Ibn-Abu-Osaibia Casiri bibliotheca Arabica-hispana, I, 175. Вюстенфельда Geschichte der arabischen Aerzte, стр. 9.

средниками въ передачѣ арабамъ научной литературы. И другими искусствами занимались евреи въ магометанскомъ мірѣ, потому что арабы въ первое столѣтіе предавались только войнѣ, чтенію корана, стихотворному искусству или наслажденіямъ, и предоставляли иную благородную дѣятельность невѣрнымъ, т. е., евреямъ и христіанамъ. Еврей Сумаиръ отчеканилъ для калифа Абдуль Малика первыя магометанскія монеты съ изреченіями изъ корана (695) ¹⁾.

Любовь арабовъ къ своему языку и къ корану пробудила также въ сердцахъ евреевъ подобное чувство къ еврейскому языку и къ Священному Писанію. Впрочемъ, евреи должны были теперь ознакомиться ближе съ Священнымъ Писаніемъ уже для того, чтобы не посрамить себя въ спорахъ съ магометанами. Приверженцы корана утверждали, что въ еорѣ говорится о Магометѣ и о данномъ ему откровеніи, и въ доказательство приводили стихъ ²⁾ «Господь отъ Синаи прииде, и явился отъ Сіра намъ и приспѣ отъ горы Фарани». Въ первой части будто-бы говорится о синайскомъ откровеніи; во второй а проповѣданіи евангелія; въ третьей объ откровеніи ислама, которое будто-бы важнѣе предшествовавшихъ ³⁾. Чтобы опровергнуть подобныя нелѣпости, евреи должны были приобрести глубокія познанія въ священномъ языкѣ и въ своей литературѣ. Если даровитыя между ними личности занимались до сихъ поръ только Талмудомъ и агадскимъ толкованіемъ, то теперь необходимость побудила ихъ обратиться къ библии, какъ къ первому источнику. Это возвращеніе къ Священному Писанію совершилось, безъ сомнѣнія, уже въ первый гаонскій вѣкъ, ибо въ слѣдующее затѣмъ время замѣчается такое общее и глубокое знаніе Священнаго Писанія, что нельзя не придти къ тому убѣжденію, что основаніе этому знанію положено гораздо ранѣе.

¹⁾ *Repositorium für hebr. u. morgenländische Literatur*, IX, 216; 226 примѣч.

²⁾ *Deuteronomium* 33, 2.

³⁾ Сравни. *Scharastani Sektengeschichte*, ed. Cureton, текстъ, стр. 165 и слѣд., и переводъ Гаарбрюккера, I, стр. 251; *Saadia Emumat*, III, 8; *Maimuni Iggere Teman*, ed. Amst., 124 d.

Такъ какъ хотѣли на́верстать потерянное время и заняться ревностно библейскою литературою, то явилась потребность, которую слѣдовало немедленно удовлетворить. Текстъ Св. Писанія не имѣлъ доселѣ знаковъ гласныхъ звуковъ, и нужно было вчитаться, чтобы разставить надлежащимъ образомъ гласныя буквы. Это было доступно только знатокамъ и общественнымъ чтецамъ, для народа же текстъ былъ непонятенъ. Это обстоятельство необходимо повело къ введенію знаковъ. Нельзя съ точностью указать, кто и когда именно изобрѣлъ эти знаки. Одинъ источникъ говоритъ, что нѣкто Моисей изъ Сузы ввелъ въ текстъ знаки гласныхъ буквъ ¹⁾ ради учениковъ, которые иначе не могли читать библию. Этотъ Моисей прозванъ «пунктаторомъ» (ha-Nakkdan), такъ какъ онъ обозначалъ точками и черточками гласныя буквы и правильное чтеніе. Кромѣ того, потребовались знаки для удвоенія многихъ согласныхъ и для обозначенія такихъ, которыя выговариваются съ придыханіемъ или безъ придыханія (діакритическіе знаки). Наконецъ, были нужны тоническіе знаки для чтенія въ синагогѣ, которые указывали бы отдѣльныя предложенія и повышеніе или пониженіе тона въ различныхъ модуляціяхъ (синтаксическіе и тоническіе знаки). Кажется, изобрѣтатель системы знаковъ взялъ за образецъ систему гласныхъ сирійскаго языка, подобно тому, какъ арабскіе знаки гласныхъ заимствованы у сирійскаго же языка. Но первые знаки гласныхъ совершенно отличались, по фигурѣ и мѣсту, отъ употребительныхъ нынѣ. Они вообще ставились надъ согласными (за исключеніемъ долгаго звука *y*). Эта система знаковъ гласныхъ названа ассирійскими или вавилонскими пунктами (Nikkud Erez Aschar) ²⁾, по имени страны, гдѣ она впервые введена. Она существуетъ лишь въ немногихъ экземплярахъ, которые только въ позднѣйшее время найдены въ кавказскихъ и крымскихъ городахъ. При вокализациі библейскаго текста, необходимо было сообразоваться съ грамматическимъ тактомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которые вслѣдствіе

1) Сравни. Замѣч. 23. II.

2) Тамъ же.

рѣдкаго чтенія были мало знакомы. При этомъ пунктаторы (ибо одинъ, конечно, не окончилъ бы этого труднаго дѣла) должны были руководствоваться отчасти преданіемъ, отчасти духомъ языка. Слѣдовательно, такимъ образомъ было положено начало двухъ отраслей науки: сознательныхъ правилъ еврейскаго языка и основаннаго на традиціи знанія орфографіи и исключеній (massora). На этомъ, повидимому неважномъ, изобрѣтеніи подставлятъ къ согласнымъ извѣстныя точки и черточки, основывалось пониманіе Священнаго Писанія и путь къ болѣе глубокому уразумѣнію еврейства. Священное Писаніе, такъ сказать, воскресло для народа и перестало быть мертвою идиомой для ученыхъ; оно могло сдѣлаться теперь культурнымъ для народа средствомъ. Надстрочные знаки болѣе и болѣе поднимали завѣсу, отдѣляющую знатоковъ (Chasam) отъ профановъ (Am ha-Arez).

Ближайшимъ послѣдствіемъ соприкосновенія съ даровитыми арабами и глубокаго знанія Священнаго Писанія было появленіе новоеврейской поэзіи. Поэтическія души чувствовали побужденіе обработать, по примѣру арабовъ, въ размѣренныхъ стихахъ сокровища еврейскаго языка. Но между тѣмъ какъ арабскіе поэты воспѣвали войну, рыцарство и безграничную любовь, оплакивали утрату временныхъ благъ и поражали сатирой противниковъ, съ которыми не могли помиряться мечемъ, новоеврейская поэзія имѣла только единственный предметъ восторговъ и поклоненія, — Бога и его міроуправленіе, и единственный достойный предметъ скорби, — безпомощность и страданія еврейской націи. Народившаяся новоеврейская поэзія, правда, отличная по формѣ и содержанию отъ библейской, имѣла однакожъ общій съ нею религіозный тонъ. Хвалебный псаломъ и хватающая за сердце скорбная пѣснь служили образцами для новоеврейскихъ поэтовъ. Былъ еще и третій элементъ. Съ эпохи паденія государственной самостоятельности, ученіе сдѣлалось душою еврейства; исполненіе религіозныхъ обязанностей безъ знанія самого ученія признавалось неимѣющимъ никакого значенія. Главною частью субботняго и праздничнаго богослуженія было

чтеніе Закона и Пророковъ, переводъ таргумистами прочитаннаго отрывка и объясненіе послѣдняго агадистами (гомилетиками). Во всякомъ случаѣ, новоеврейская поэзія, если только хотѣла проникнуть въ души, не могла отказаться отъ назиданія. Поэтъ не имѣлъ иной арены, кромѣ синагоги, иной публики, кромѣ собравшейся для молитвы и назиданія общины, и поэзія необходимо должна была принять синагогальный или литургическій характеръ.

Поэтическое стремленіе нашло себѣ исходъ въ удовлетвореніи крайней потребности. Первоначальное богослуженіе съ простыми и краткими молитвами уже не удовлетворяло. Хотя оно дѣлалось продолжительнѣе отъ чтенія псалмовъ и собственно литургическихъ произведеній, однако тѣ и другіе не могли занять все время, которое община проводила охотно въ домѣ Божіемъ. Потребность въ болѣе продолжительномъ богослуженіи и въ большихъ назидательныхъ средствахъ ощущалась преимущественно въ посвященные благоговѣйному размышленію дни отпущенія грѣховъ и новаго года, въ которые община, принося раскаяніе въ грѣхахъ и умоляя Бога объ отпущеніи ихъ и о спасеніи, проводила большую часть дня (или и цѣлый день) въ храмѣ. Рядъ новоеврейскихъ поэтовъ, занимавшихся синагогальною поэзіей, открывается, сколько нынѣ извѣстно, Іосифомъ бенъ Іосифомъ Гаятомомъ (или Гаитомомъ), произведенія котораго не лишены поэзіи, но не имѣютъ художественной формы. Отечество и время, въ которое онъ жилъ, неизвѣстны; но, кажется, онъ былъ палестинецъ и жилъ не ранѣе перваго гаонскаго вѣка.

Темой для своихъ произведеній Іосифъ бенъ Іосифъ¹⁾ взялъ чувства и воспоминанія общины въ день новаго года. Въ этотъ день, въ который по еврейскому воззрѣнію рѣшается на весь наступающій годъ судьба отдѣльныхъ лицъ и всей общины, Іосифъ воспѣлъ въ торжественномъ стихотвореніи Бога, какъ верховнаго Правителя, Теорца міра, правосуднаго Судію и Освободителя Израиля. Это стихотво-

¹⁾ Сравни. Франкеля Monatschrift, 1859, стр. 401, 437 и слѣд.

реніе, принадлежащее къ разряду древнихъ молитвъ и требующее перевода, изображаетъ въ тѣсныхъ рамкахъ блестящее прошлое Израиля, настоящее его угнетеніе и горячо желаемое будущее (Tekiot). Стихотвореніе Іосифа есть одновременно торжественный и скорбный псаломъ, съ покаянными молитвами и словами надежды. Въ краткихъ, сильныхъ словахъ живописно изображено воскресеніе мертвыхъ:

«Раздастся въ гробахъ, зазвенитъ съ высотъ, когда послышится голосъ давно почившихъ костей, на которыхъ громоздятся холмы. Высоко на горахъ развѣвается знамя! Послышится могучій гласъ Творца, и громко возликують тогда голоса пѣнотствовавшихъ»¹⁾.

Темою втораго большаго стихотворенія Іосифа бенъ Іосифа служитъ тогдашній культъ въ храмѣ въ день отпущенія грѣховъ. Еврейская нація любила въ благоговѣйномъ настроеніи внимать этой темѣ, изложеніе которой въ словѣ было особенно способно пробудить великія воспоминанія о прекрасныхъ временахъ національной самостоятельности (Abodah). Это родъ литургическаго эпоса, который спокойно и безъ лирическихъ порывовъ воспѣваетъ созданіе вселенной и человѣка, забвеніе Бога первыми человѣческими поколѣніями, Богопочитаніе Авраамово, избраніе его потомства, какъ народа Божія, призваніе Ааронова дома къ храмослуженію. Затѣмъ, поэтъ изображаетъ священныя дѣйствія первосвященника во храмѣ, въ день отпущенія грѣховъ, согласно предписаніямъ Мишны, до той минуты, когда первосвященникъ отправляется изъ храма домой, въ сопровожденіи всего ликующаго народа, который видимымъ знакомъ милости убѣдился въ отпущеніи грѣховъ, — прекрасная картина минувшаго времени, которая постоянно находила себѣ откликъ въ сердцѣ евреевъ. Возвышенность мыслей и высокой слогъ составляютъ качества поэзіи Іосифа бенъ Іосифа. Примѣромъ можетъ служить введеніе въ его абуду:

„Его (Бога) восхваляютъ уста всѣхъ созданий, въ небесахъ и подъ землею раздается Его слава. „Господь!“ взываетъ земля. „Святый!“ гласитъ небо. Изъ водъ несутся пѣнопѣнія къ Всемогущему, слава изъ

1) По переводу Synchronot Іосифа въ Machsor, сдѣланному М. Сарсомъ.

безднѣ, хваленія отъ звѣздъ, славословіе отъ дня, пѣснь отъ тьмы, огонь возвѣщаетъ объ Его имени, гдѣсь поетъ Ему мелодіи, тварь научаетъ познавать величіе Бога“ 1).

Новогодныя пѣснопѣнія и храмовой эпосъ Іосифа бенъ Іосифа вошли въ нѣкоторыхъ общинахъ въ составъ богослуженія и сдѣлались образцами для позднѣйшихъ произведеній. Его стихи еще неримованы и безъ силлабическаго разиѣра, — доказательство ихъ древности. Единственная искусственность въ его поэтическихъ произведеніяхъ состоитъ въ алфавитномъ началѣ стиховъ (алфавитный акростихъ), причемъ образцами ему служили многіе псалмы, плачь Іереміи и, послѣ-талмудическія молитвы. Въ первоначальныхъ произведеніяхъ новоеврейской поэзіи преобладаетъ предметъ надъ формою. — Сохранилась отъ древнихъ временъ еще другая аода, приписываемая поэту Симону бенъ Каифѣ. Она, кажется, написана по образцу аоды Іосифа бенъ Іосифа, но далеко уступаетъ ей; однако на ея долю выпала честь быть введенной въ синагогахъ гаоната. Съ именемъ Симона Каифы, нѣсколько напоминающимъ еврейское имя апостола Петра, связана удивительная сага: вышеупомянутую аоду сложилъ апостоль, съ цѣлью выразить во введеніи еврейскій догматъ объ единствѣ Божіемъ и отречься отъ приверженности къ Іисусу²⁾, — какъ будто ученикъ, трижды отрекшійся отъ своего учителя, хотѣлъ запечатлѣть свое невѣріе этимъ литургическимъ стихотвореніемъ.

Иудейско-литургическая поэзія (которую обыкновенно называютъ поэтанскою, производя это названіе отъ ποιητής) не могла долго сохранять эту простоту формъ. Евреи мало по малу ознакомились съ арабскою поэзіей, царствовавшее въ ней созвучіе риемъ нравилось имъ, и они привыкли видѣть въ риемѣ совершенство поэзіи. Поэтому, литургическая поэзія, если только хотѣла проложить себѣ путь, не могла обойтись безъ риемы и занялась этимъ дѣломъ. Первымъ

1) Отчасти по Синагогальной поэзи, Цунца, стр. 130.

2) Frankels Monatsschrift, 1859, стр. 437 и слѣд.

поэтомъ, который ввелъ риему, былъ, сколько извѣстно, Яннаи, вѣроятно, палестинецъ. Онъ написалъ стихами молитву для субботы, которая была важна по историческимъ воспоминаніямъ или въ качествѣ приготовительнаго времени предъ извѣстными праздниками. Агадскія назиданія, употребительныя въ такія субботы, кажется, не нравились болѣе общинамъ, ибо агадскіе проповѣдники не могли создавать что-либо новое и привлекательное, а предлагали изъ года въ годъ одни и тѣже назиданія, въ томъ видѣ, въ какомъ они собраны. Поэтому стихотворенія Яннаи и его товарищей имѣли своею задачею спасти агадское толкованіе и придать ему посредствомъ стиха пріятную форму и привлекательность ¹⁾. Но такъ какъ онъ не былъ истиннымъ поэтомъ и не могъ указать истинное и прекрасное въ агадской литературѣ; такъ какъ его риема не легка и не звучна, и такъ какъ онъ, сверхъ того, взвалилъ на себя бремя алфавитнаго начала стиховъ и приплетенія своего имени: то его стихотворенія вышли темными, тяжелыми и неуклюжими. Дошедшіе до насъ отрывки изъ его стихотворныхъ произведеній не отличаются глубиною мысли и не выдерживаютъ никакого сравненія съ высокими стихами Іосифа бенъ Іосифа.

Вообще, въ первое время новоеврейская поэзія ничего не выиграла отъ введенія риемы. Елеазаръ бенъ Калиръ или Калири (изъ Кириатъ-Зефера), одинъ изъ древнѣйшихъ и плодovitѣйшихъ литургическихъ поэтовъ, ученикъ Яннаи ²⁾, слагалъ такія же тяжелыя и неуклюжія, но болѣе темныя стихотворенія, какъ его учитель. Онъ написалъ болѣе ста пятидесяти литургическихъ произведеній, гимновъ для праздниковъ, покаянныхъ молитвъ для святыхъ дней, скорбныхъ пѣснопѣній для главнѣйшихъ постовъ, и много другихъ стихотвореній, неподходящихъ ни подъ какую рубрику. Калири съ большою искусственностью изложилъ въ стихахъ значительную часть агадской литературы, но лишь немногія изъ

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

его стихотвореній имѣютъ поэтическое достоинство, и ни одно не отличается изящностью. Чтобы побѣдить трудности, представляемыя намеками на агаду, римою, алфавитнымъ началомъ стиховъ и вплетеніемъ именъ, Калири долженъ было насиловать еврейскій языкъ, извращать общепринятый смыслъ словъ и составлять неслыханныя слова. вмѣсто ясно очерченной словами картины онъ часто предлагаетъ загадку, которую нельзя разгадать безъ глубокихъ познаній въ мидрашской литературѣ. Тѣмъ не менѣе литургическія стихотворенія введены были въ богослуженіе вавилонскихъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ общинъ; только испанскіе евреи, повинуваясь тонкому чувству изящнаго, отвергли ихъ. Калири прославился, какъ главный творецъ литургической поэзіи, и сага увѣковѣчила его имя. О немъ рассказывали, что онъ магическимъ средствомъ приобрѣлъ свое поэтическое дарованіе. Будучи ребенкомъ, онъ глоталъ пирожки съ буквами изъ стиховъ псалмовъ (килура) и былъ обязанъ этому обстоятельству стихотворнымъ даромъ и прозваніемъ Калирь. Далѣе сага рассказываетъ, что его учитель Яннаи позавидовалъ ему, ибо видѣлъ затмѣніе своей славы его славою, и положилъ ему въ обувь ядовитую ящерицу, отъ которой и умеръ Калири. Одно изъ стихотвореній Калири, оставшееся послѣ его смерти недописаннымъ, окончено его братомъ Іудой, который прибавилъ нѣсколько стиховъ, составляющихъ акростихъ на имя покойника. Кромѣ Яннаи и Калири, сохранились еще два имени изъ первоначальной эпохи новоеврейской литургической поэзіи: Іоханана Гаккогена, вѣроятно, палестинца, и Давида бенъ Гуны, конечно, вавилонянина. Отъ обоихъ дошли до насъ лишь немногія произведенія¹⁾. — Введеніе литургическихъ стихотвореній въ богослуженіе придадо послѣднему иной характеръ. Переводъ прочитаннаго отрывка и агадское истолкованіе, непонятное евреямъ, говорившимъ по арабски въ магометанскихъ странахъ, исчезли мало по малу изъ богослуженія и замѣни-

¹⁾ Тамъ же.

лись стихотворными произведеніями (Pijutim), которыя оказывали ту-же услугу и, сверхъ сего, имѣли поэтической отгѣнокъ. Вслѣдствіе этого введенія литургическихъ стихотвореній, богослуженіе сдѣлалось болѣе продолжительнымъ. Хазанъ вытѣснилъ агадскаго проповѣдника. Въ синагогахъ введено пѣніе, потому что написанныя стихами молитвы не читались, но пѣлись (Chasanut). Извѣстные напѣвы (Wasn, Lashn) сдѣлались обычными для той или другой молитвы. Однако не всѣ общины ввели въ богослуженіе литургическія стихотворенія. Талмудическіе авторитеты сперва возстали противъ этого, такъ какъ означенныя стихотворенія вставлялись между частями главной молитвы и тѣмъ нарушали ихъ послѣдовательность и связь.

Возвращеніе къ библии пробудило въ поэтическихъ душахъ пламя поэзіи, но въ то же время зажгло дикій огонь, который сперва повелъ къ смутамъ, расколу, и проклятію, а потомъ очистилъ и укрѣпилъ еврейство. Толчекъ къ движенію, раздѣлившему всѣхъ восточныхъ и западныхъ евреевъ на два лагеря, данъ въ первый гаонскій вѣкъ, хотя первое его начало скрыто отъ глазъ изслѣдователя. Послѣдній можетъ изложить тогдашнее состояніе и указать тѣ обстоятельства, среди которыхъ совершилось рожденіе историческаго факта. — Уже выше сказано, что вавилонскій Талмудъ владычествовалъ надъ еврейско-вавилонскою общиной. Онъ былъ не только сводомъ законовъ, но и основнымъ уставомъ для замкнутыхъ корпорацій, сановниками которыхъ были экзилархъ и два президента талмудическихъ академій. Вслѣдствіе распространенія ислама отъ Индіи до Испаніи и отъ Кавказа до внутренней Африки, распространилось также и владычество Талмуда далѣе первоначальныхъ его предѣловъ, ибо, какъ уже сказано выше, самыя отдаленныя общины имѣли сношенія съ гаонатомъ, требовали его совѣта въ религіозныхъ и нравственныхъ вопросахъ, а также въ вопросахъ гражданскаго права, и съ полнымъ довѣріемъ принимали рѣшенія, данныя имъ на основаніи Талмуда. Талмудическія опредѣленія нисколько не стѣсняли вавилонскихъ общинъ,

потому что были плотію отъ ихъ плоти и вышли изъ ихъ среды, возрѣній, нравовъ, обычаевъ и отъ ихъ авторитетовъ. Африканскія и европейскія общины были на столько несвѣдущи въ библии и Талмудѣ, что не могли критически отнестись къ сказаннымъ опредѣленіямъ. Онѣ считали рѣшенія гаоновъ непреложною нормой, нисколько не заботясь о томъ, согласуются ли эти опредѣленія съ библіей или противорѣчатъ ей.

Иное дѣло аравійскіе евреи, переселившіеся изъ Аравіи въ Палестину, Сирію и въ Иракъ: Бену-Каинукаа, Бену-Надиръ и Хаибары. Это были сыны пустыни, мужи меча, войны и рыцари, которые издавна привыкли къ свободной жизни и къ развитію своихъ силъ и поддерживали общественныя сношенія съ своими прежними союзниками и товарищами по оружію, среди коихъ снова поселились по завоеваніи Персіи и Сиріи. Хотя они также дорожили еврействомъ, пожертвовали для него свободой, имуществомъ, отечествомъ и славой, и не приняли ислама, не смотря на требованія Магомета; однако между юдаизмомъ, который они исповѣдывали въ Аравіи, и тѣмъ, которому училъ Талмудъ и который выставлялся академіями какъ обязательная норма, лежала пѣлая бездна. Въ силу талмудическихъ предписаній они должны были отказаться отъ пріятнаго общества своихъ прежнихъ союзниковъ, не пить ихъ вина, которое арабы очень любили не смотря на запрещеніе корана, однимъ словомъ, были стѣснены Талмудомъ.

Аравійскіе евреи чаще имѣли сношенія съ магометанами и потому чаще вступали съ ними въ полемику о томъ, можетъ ли еще существовать еврейство, или должно уступить мѣсто исламу. Чтобы сьумѣть отвѣтить противникамъ, аравійскіе евреи должны были пріобрѣсть болѣе глубокія познанія въ библии. Тогда-то они увидѣли, что многое, выдававшееся Талмудомъ и академіями за религіозныя предписанія, не существуетъ въ библии. Дабы уразумѣть необходимость талмудическихъ предписаній для сохраненія еврейства, требовалась большая прозорливость, нежели та, какою обладали евреи

съ арабскими воззрѣніями. Но, какая бы ни была причина отвращенія къ талмудическимъ предписаніямъ, достовѣрно то, что оно впервые возникло въ нѣдрахъ еврейско-арабской колоніи въ Сиріи или въ Иракѣ, и оттуда уже, вѣроятно, распространилось въ другія общины. Одинъ, вполне достовѣрный источникъ говоритъ, что въ началѣ VIII вѣка многіе евреи въ Сиріи легко склонились къ отреченію отъ талмудическаго еврейства и къ признанію только библейскихъ предписаній.

Зачинщикомъ былъ нѣкто Серене¹⁾ (Серенусъ), родомъ сиріецъ, выдававшій себя за Мессію (около 720). Онъ обѣщаль возвратитъ евреямъ Ханаанъ и, разумѣется, сперва изгнать оттуда магометанъ. Быть можетъ, фанатическій калифъ Омаръ II (717—720) далъ поводъ къ попыткѣ возвратитъ давно утраченную самостоятельность. Этотъ государь, возведенный на престолъ интригами ревностнаго читателя корана, возстановилъ ограничительные законы своего предшественника, Омара I (Омаровъ завѣтъ, см. стр. 124), которые въ правленіе мудрыхъ Омеядовъ пришли въ забвеніе. По вступленіи на престолъ, онъ написалъ къ областнымъ правителямъ: «Не разрушайте ни церквей, ни синагогъ, но не позволяйте строить новыя въ своей области»²⁾. Омаръ занялся обращеніемъ иновѣрцевъ къ исламу, обѣщаль новообращеннымъ выгодныя льготы и принуждалъ также христіанъ³⁾ и, конечно, евреевъ къ принятію ислама. Быть можетъ, по этой причинѣ евреи были склонны примкнуть къ лже-Мессіи и повѣритъ его обѣщанію возвратитъ имъ свободу въ землѣ ихъ отцовъ и уничтожить ихъ враговъ. На своемъ знамени Серене написалъ разрѣшеніе отъ талмудическихъ предписаній. Онъ установилъ вторые дни праздниковъ, отмѣнилъ предписанныя формулы молитвъ и талмудическіе законы о пицѣ, дозволилъ пить вино неевреевъ,

1) Сравни. Замѣч. 14.

2) Вейля Chalifen, I, 583.

3) Theophanes Chronographia, I, 614.

заключать браки въ воспрещенныхъ Талмудомъ степеняхъ родства и безъ контракта. Это ангиталмудическое направленію пріобрѣло ему, безъ сомнѣнія, многочисленныхъ приверженцевъ.

Молва о Серене достигла до Испаніи, и евреи сей страны рѣшили покинуть свое имущество и послѣдовать за мнимымъ Мессіей. Едва прошло десять лѣтъ съ того времени, какъ завоеваніе Испаніи магометанами освободило тамошнихъ евреевъ отъ вестготскаго ига, и уже евреи, по крайней мѣрѣ ихъ большинство, желали опять покинуть только-что обрѣтенное ими вновь отечество¹⁾. Кажется, они были недовольны господствомъ и управленіемъ магометанскихъ намѣстниковъ. Оказавъ арабамъ существенныя услуги при завоеваніи полуострова, евреи по тому самому могли ожидать особенныхъ льготъ и отличій; но, вмѣсто этого, подвергались, какъ и христіане, различнымъ притѣсненіямъ. Дзимми, плательщики податей, должны были удовлетворять четыре инстанціи: сборщиковъ, обращающихся съ ними не совѣмъ ласково; испанскаго намѣстника (Абд'улазиса, сына Музы, перваго завоевателя, а потомъ его двоюроднаго брата, Аюба), вымогавшаго несмѣтныя суммы; далѣе, африканскихъ намѣстниковъ, которымъ была подчинена Испанія, и которые также хотѣли получить себѣ долю изъ сокровищъ страны; наконецъ, самого калифа, который считалъ полуостровъ только богатѣйшимъ денежнымъ источникомъ. Поэтому, когда еврейскій глава одного варварійскаго племени, происходившаго отъ евреевъ, поднялъ знамя возстанія противъ жестокаго намѣстника, Алгорра (718), къ нему примкнули многіе испанскіе евреи. Этого главу звали Кауланъ ал-Ягуди. Онъ сумѣлъ держаться нѣкоторое время въ Аррагоніи и Каталоніи противъ магометанскаго войска. Наконецъ Кауланъ былъ разбитъ и казненъ, а приверженцы его разсѣяны²⁾. Изму-

¹⁾ Замѣч. 14.

²⁾ Don Faustino Bourbon: Cartas para ilustrar la historia de Espana arabe въ Gayangos history of the mahometan empire in Spain, T. II, стр. 410, примѣч. 1.

ченныя вымогательствомъ, испанскіе евреи, участвовавшіе въ бунтѣ Каулана, были, конечно, жестоко наказаны за это намѣстникомъ. По этой причинѣ многіе, вѣроятно, рѣшили послѣдовать за сирійскимъ мессіей и покинуть свое недвижимое имѣніе. Намѣстникъ Анбаза (Амбица) взялъ тогда въ казну (721) имѣнія выселившихся евреевъ¹⁾.

Конецъ Серене былъ, какъ онъ того и заслуживалъ, бѣдственный. Его поймали и представили преемнику Омара, калифу Іезиду, который прекратилъ его мессіанскія обѣщанія. Іезидъ предложилъ ему лукавые вопросы, на которые тотъ не могъ отвѣчать. Но говорятъ, будто Серене заявилъ калифу, что не имѣлъ серьезнаго намѣренія и хотѣлъ только одурачить евреевъ. Калифъ передалъ его евреямъ для суда. Многіе изъ его приверженцевъ, раскаявшись въ своемъ легковѣріи, хотѣли снова вступить въ общины, отъ которыхъ отпали вслѣдствіе нарушенія талмудическихъ предписаній. Но сирійскія общины сомнѣвались въ томъ, слѣдуетъ ли принять раскаяющихся въ свои нѣдра и не должно ли обращаться съ ними какъ съ прозелитами. Поэтому общины обратились къ главѣ пумбадитской академіи, Натронаи бенъ Нееміи²⁾. Послѣдній, прозывавшійся Маръ-Янка, былъ преемникомъ Маръ-Рабиі (см. стр. 132) (719). Онъ породнился съ экилархомъ Хаздаи и такъ строго обращался съ членами пумбадитской коллегіи, что они выселились и собрались вокругъ современнаго сурскаго гаона, по имени Якова изъ Нагаръ-Пакора³⁾. Неизвѣстно, въ чемъ именно состояла строгость Натронаи. На запросъ о пріемѣ въ общины приверженцевъ Серене онъ отвѣчалъ въ духѣ кротости. Въ его отвѣтѣ говорилось, что по законамъ Талмуда нѣтъ препятствія къ принятію ихъ въ общины, такъ какъ они должны считаться евреями, но обязаны публично въ синагогѣ заявить о своемъ раскаяніи и покаяніи, обѣщать бла-

1) Занѣч. 14.

2) Тамъ-же.

3) Посланія Шериры, стр. 49.

гочестиво жить по правиламъ Талмуда и во всякомъ случаѣ должны подвергнуться бичеванію ¹⁾). Въ то время были еще другіе вѣроотступники, которые не признавали даже библейскихъ предписаній, субботы, законовъ о закланіи животныхъ, воспрещенія потреблять кровь и заключать брачные союзы между родственниками. Неизвѣстно, однако, въ какой именно странѣ жили эти отщепенцы, отпавшіе совершенно отъ еврейства и непринявшіе ни христіанства, ни ислама. Кажется, они уже давно пребывали въ своемъ отступничествѣ, ибо нѣкоторые изъ ихъ сыновъ раскаялись и хотѣли снова обратиться къ еврейству. Такъ какъ старшины общины не знали, слѣдуетъ ли считать ихъ за іудеевъ, то и обратились съ запросомъ къ Натронаи, который опять рѣшилъ въ духѣ кротости: «Справедливѣе принять ихъ подъ сѣнь Бога, нежели оттолкнуть». Только родившіеся отъ браковъ въ запрещенныхъ степеняхъ родства должны считаться незаконнорожденными ²⁾).

Около этого времени евреи Византійской имперіи потерпѣли жестокое гоненіе, отъ котораго долго не могли оправиться. Оно было воздвигнуто императоромъ, отъ котораго евреи всего менѣе могли ожидать преслѣдованія. Левъ Исаврянинъ, грубый крестьянскій сынъ, воздвигъ иконоборство. Духовенство отнеслось къ нему, какъ къ еретіку и іудею; поэтому Левъ, желая доказать свое правосѣріе, началъ преслѣдовать еретиковъ и евреевъ. Онъ издалъ указъ, чтобы всѣ евреи въ Византійской имперіи и остатокъ монтанистовъ въ Малой Азіи приняли, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, греческое вѣроисповѣданіе (723). Вслѣдствіе этого многіе евреи окрестились ³⁾, будучи менѣе тверды въ своей вѣрѣ, чѣмъ монтанисты, которые собрались въ своей молельнѣ и сгорѣли вмѣстѣ съ нею. Но окрестившіеся евреи полагали, что, по минованіи грозы, имъ будетъ дозволено

¹⁾ Замѣч. 14.

²⁾ Responsa Gaonim Schaare Zedek, стр. 24 а, № 7.

³⁾ Theophanes Chronographia, I, стр. 617. Cedrenus historiarum compendium, I, 793.

вернуться къ еврейству. Поэтому они только для вида приняли христіанство и продолжали втайнѣ соблюдать еврейскіе обряды, но тѣмъ самымъ навлекли на себя новое гоненіе. Такимъ образомъ евреи падали мало по малу среди непрерывныхъ преслѣдованій и наконецъ исчезли на нѣкоторое время изъ исторіи.

Однако многіе византійскіе евреи избавились отъ крещенія: они покинули страну своихъ предковъ еще до начала гоненія. Малоазіатскіе евреи избрали своимъ мѣстожительствомъ Киммерійскій или Таврическій полуостровъ (Крымъ). Хотя здѣсь жили нецивилизованные идолопоклонническіе народы скиѣскаго, финнскаго и славянскаго происхожденія, аланы, болгары, хазары, улцигуры и остатки готовъ, но эти народы не претендовали на то, что по сосѣдству съ ними селились люди другой націи и съ инымъ вѣроисповѣданіемъ. Поэтому возникли еврейскія общины на берегу Чернаго моря и пролива въ Феодосіи (Каффѣ), внутри страны въ Кареонполисѣ (Сулхатѣ, Солгатѣ, нынѣ Эски-Крымъ) у подошвы Агирмійскаго горнаго хребта, потомъ въ Фанагоріи (теперь Тамань) и въ противоположащемъ Боспорѣ (Керчь), который евреи называли Сефарадъ¹⁾. Изъ Крыма византійскіе евреи распространились на Кавказъ и въ гостепріимныя страны хазаръ на западномъ берегу Каспійскаго моря и при устьѣ Волги (Атель). Еврейскія общины возникли въ Бердаа (Дербандъ), у аланскихъ воротъ, въ Семендерѣ (Таки), обѣ у Каспійскаго моря, и наконецъ въ Балангіарѣ, хазарской столицѣ. Переселившіеся сюда византійскіи евреи приобрѣли вскорѣ своею дѣятельностью, ловкостью и прозорливостью вліяніе на варварскіе народы и подготовили славное историческое событіе.

Прошло не болѣе тридцати лѣтъ со времени гибели лже-мессіи Серене, какъ началось на другой сценѣ новое антитапмудическое движеніе, сопровождавшееся явленіемъ лже-мессіи. Оно было вызвано мечтательнымъ и воинствен-

¹⁾ Сравни. Замѣч. 2, 3.

нымъ человѣкомъ, Обадіей (Обейдъ-Аллахъ) Абу-Иза бенъ Исгакъ изъ песидскаго города Исфагани¹⁾. Онъ не былъ невѣждой, понималъ Библию и Талмудъ и могъ изящно излагать свои мысли. Говорятъ, неожиданное выздоровленіе отъ сыпи внушило ему мысль о томъ, что онъ будто бы предназначенъ для совершенія великаго дѣла. Однако Абу-Иза не выдавалъ себя прямо за Мессію, но лишь за его предтечу и провозвѣстника (Даи), долженствующаго уготовать ему путь. Онъ вообще имѣлъ своеобразное понятіе о предтечѣ Мессіи, именно, полагалъ, что должно быть пять предтечъ, изъ коихъ каждый послѣдующій совершеннѣе предыдущаго. Себя самого Абу-Иза считалъ послѣднимъ и совершеннѣйшимъ предтечей, равнымъ по достоинству Мессіи. Онъ серьезно вѣрилъ въ свое призваніе и объявилъ, что Богъ возставилъ его для освобожденія еврейскаго племени отъ ига народовъ и неправедныхъ властелиновъ.

Исфаганскій предтеча нашелъ много послѣдователей; говорятъ, около него собралось 10000 евреевъ, чтобы помогать ему въ дѣлѣ освобожденія. Абу-Иза объяснялъ имъ еврейство, уклоняясь отъ общепринятаго толкованія; неизвѣстно однако, въ чемъ именно состояли эти уклоненія. Онъ совершенно отмѣнилъ разводъ и не допускалъ его даже въ случаѣ прелюбодѣянія одного изъ супруговъ. Къ тремъ ежедневнымъ моленіямъ онъ прибавилъ еще четыре, опираясь на стихъ псалма: «Седмерицею днемъ хвалихъ тя»²⁾; однако удержалъ предписанныя талмудическія формулы молитвъ и не коснулся установленнаго календаря. Свою странную религіозную систему онъ изложилъ въ сочиненіи, въ которомъ воспретилъ своимъ приверженцамъ употребленіе мяса и вина, но объявилъ жертвенный культъ отмѣненнымъ.

Абу-Иза хотѣлъ совершить вооруженною рукою дѣло месіанскаго освобожденія и превратилъ своихъ приверженцевъ въ воиновъ, впереди которыхъ ѣхалъ верхомъ, подобно пол-

1) Все, относящееся къ нему, см. въ Замѣч. 15.

2) Псаломъ 118.

ководцу. Нельзя было выбрать болѣе благопріятнаго времени для освобожденія посредствомъ войны. Во всѣхъ провинціяхъ магометанскаго царства вспыхивали возмущенія противъ послѣдняго калифа изъ дома Омеядовъ, Мервана II. Честолюбивые намѣстники, недовольные приверженцы партій, крамольные харигиты, желавшіе завоевать калифатъ для потомковъ Али, и наконецъ Аббасиды, которые съ своей стороны также заявляли притязаніе на престоль, — всѣ эти враждебные элементы соединились на пагубу Омеядовъ и превратили обширныя пространства въ арену для дикихъ страстей. Въ это смутное время, именно когда Абу-Мослимъ, эмиссаръ Аббасидовъ, водрузилъ въ Хоразанѣ (конецъ 747) знамя возстанія, тогда, кажется, и Абу-Иза началъ въ области Исфагани свое дѣло освобожденія и могъ продолжать его среди смутъ, наступившихъ послѣ жестокаго пораженія войскъ Мервана (на Евфратѣ, близъ Кербелы, въ Августѣ 749) и самаго калифа (при рѣкѣ Цабѣ), который бѣжалъ потомъ изъ страны въ страну, не находя нигдѣ приверженцевъ и помощниковъ. Наконецъ, несчастный Мерванъ, бѣжавшій чрезъ Сирію и Палестину въ Египетъ, былъ здѣсь убитъ (Августъ 750), и черное знамя Аббасидовъ одержало побѣду надъ знаменемъ Омеядовъ¹⁾. Аббасидъ Абдалла и его полководцы преслѣдовали мечемъ и огнемъ членовъ дома Омеядовъ и ихъ приверженцевъ; поэтому Абдалла былъ прозванъ Алсаффа (кровопійца).

Вслѣдъ за паденіемъ Мервана началось въ Палестинѣ мессіанское движеніе, ибо думали, что смуты низвергнутъ магометанское царство. Тогда явилось въ Палестинѣ сочиненіе съ загадочною таинственною формою, которое имѣло цѣлю пробудить надежду на скорое избавленіе грядущимъ Мессіей. Мнѣнія этого мистическаго сочиненія, послужившаго образцомъ для позднѣйшихъ произведеній подобнаго рода, заслуживаютъ подробнаго изложенія²⁾. Гласъ съ неба воз-

¹⁾ Вейля Chalifen, I, 697 и слѣд.

²⁾ Подробности объ этомъ апокалипсисѣ см. въ Замѣч. 16.

вѣщаетъ танаиту Р. Симону бенъ Йохаи, являющемуся въ сагѣ чудеснымъ человѣкомъ, о наступающемъ избавленіи со всѣми его знаменіями. По истеченіи года, проведеннаго имъ въ пещерѣ, въ которой онъ скрывался отъ римскаго преслѣдованія, началось мистическое пареніе; Симонъ бенъ Йохаи провелъ сорокъ дней и ночей въ молитвѣ объ открытіи ему «тайнъ конца міра» и удостоился слѣдующаго откровенія: владычество сыновъ Измаила дастъ могущественнаго врага эдомскому (римскому) царству. Затѣмъ Симону бенъ Йохаи были исчислены послѣдовательно калифы, начиная съ Омара I, который построилъ мечеть на Храмовой горѣ, и оканчивая послѣднимъ Омеядомъ, Мерваномъ, который названъ прямо по имени. Объ этомъ калифѣ сказано: «Возстанетъ другой болѣе храбрый и болѣе воинственный царь (калифъ), и наступятъ смуты во дни его. И вотъ знаменіе: когда обрушится часть мечети въ Дамаскѣ, тогда окончится его царствованіе, и разрушится царство Измаила, и это Мерванъ. Ибо до его времени герои Кедарса (арабы) были могущественны. Съверовосточный уголь (Хоразанъ) возстанетъ противъ него, три большихъ его войска падутъ при Тигрѣ и Евфратѣ, онъ самъ убѣжитъ, будетъ пойманъ, мучимъ и убитъ, а сыновья его будутъ повѣшены». Иордану суждено было окраситься отъ крови избіенныхъ Омеядовъ. «Тогда будетъ царствовать три мѣсяца сильный царь (Аббассидъ Абдалла Абулаббасъ Алсаффа), и затѣмъ злое царство (Римъ — Византія) будетъ девять мѣсяцевъ господствовать надъ Израилемъ».

Далѣе говорится: «Тогда придетъ Мессія, сынъ Іосифа (изъ колѣна Ефремова), отведетъ израильтянъ въ Іерусалимъ, снова создастъ храмъ, возстановитъ жертвенный культъ, и небесный огонь (какъ во дни милости) пожретъ жертву (въ концѣ 751 года). Но возстанетъ злой царь, именемъ Армилось, съ плѣшивою головой, маленькими глазами, проказою на челѣ и съ глухимъ ухомъ. Глухимъ ухомъ Армилось будетъ слушать голосъ человѣколюбія, здоровымъ же ухомъ станетъ внимать голосу жестокости. Онъ — порожденіе сатаны и чернаго камня (который, какъ говоритъ сага, рожденъ дочерью

императора Тиверія)¹⁾. Армилосъ будетъ воевать съ Мессіей изъ колѣна Ефремова и изгонитъ его вмѣстѣ съ израильтянами изъ Іерусалима. Они проведутъ тогда сорокъ пять дней въ «пустыни народовъ», питаюсъ травами и пустынными растеніями, искусятъ и очистятъся. Мессія изъ колѣна Ефремова погибнетъ отъ Армилоса, и Израиль оплачетъ его смерть. Тогда придетъ истинный Мессія изъ дома Давидова, но искушенный народъ не увѣруетъ въ него, сочтетъ его за обманщика, ибо только что видѣлъ гибель Мессіи, и насмѣется надъ нимъ. Но такъ какъ Израильтяне въ день скорби и нужды обратятся искренно къ Богу, то Онъ услышитъ ихъ и пошлетъ Мессію на небесныхъ облакахъ. Сей Мессія побѣдитъ Армилоса, соберетъ всего Израиля со всѣхъ концовъ земли и отведетъ въ Іерусалимъ. Хотя Святыи Градъ, оскверненный владычествомъ неевреевъ, погибнетъ отъ пламени, однако Богъ пошлетъ съ неба совсѣмъ отстроенный Іерусалимъ, блестящій, прекрасный, который будетъ манить народы. Также будетъ посланъ съ неба и отстроенный храмъ. Это счастливое мессіанское время продлится два тысячелѣтія, и затѣмъ наступитъ день страшнаго суда. Небо и земля измѣнятся, солнце и мѣсяцъ потухнутъ, горы поколеблются, врата адавы растворятся, а также врата рая распахнутся, грѣшники внидутъ въ первыя, а благочестивые во вторыя, тѣ для вѣчнаго мученія, эти же для вѣчнаго блаженства». Таково откровеніе, полученное Р. Симономъ бенъ Іохаи отъ ангела Метаторона. Оно представляетъ первую законченную картину мессіанскаго времени скорбей и блаженства.

Слѣдовательно, творецъ этого апокалипсиса ожидалъ, что царство Мессіи наступитъ въ теченіе 751 года, вмѣстѣ съ паденіемъ Омеядовъ. Нельзя опредѣлить, имѣетъ ли это провозвѣстіе какое-либо соотношеніе съ появленіемъ Абу-Изы въ Персіи. Военственный предтеча Мессіи защищался и въ царствованіе Абулаббаса, которое было неспокойно влѣдствіе непріятельскихъ дѣйствій Мервановыхъ полководцевъ

¹⁾ Тамъ-же.

(750—754). Но Абу-Иза, кажется, не считалъ себя въ без- опасности въ Персіи и направился съ своими привержен- цами на сѣверъ, въ страну Раи. Своимъ приверженцамъ Абу- Иза говорилъ, что хочетъ сдѣлать евреевъ этой страны, происходившихъ отъ сыновей Моисея (Bene-Mosché), участ- никами въ дѣлѣ освобожденія, въ сущности же выборъ этой мѣстности былъ тактикой. Здѣсь глава мятежниковъ, гебръ Синбадъ, командовалъ 60-тысячнымъ войскомъ и оказывалъ упорное сопротивленіе калифу Абу-Джіафару Алманзуру, брату и преемнику перваго Аббасида. Слѣдовательно, Абу- Иза могъ дѣйствовать здѣсь или въ качествѣ сторонника Синбада, или на собственный счетъ и страхъ. Но войско Синбада было разбито, и наступила очередь евреевъ. Правда, они храбро защищались противъ арміи калифа. Приверженцы Абу-Изы рассказывали, что совершилось при этомъ нѣчто чудесное, именно: ихъ предводитель провелъ миртовою па- лочкой черту вокругъ своихъ воиновъ и объявилъ, что они будутъ непобѣдимы, пока не выйдутъ за эту черту. Самъ же на конѣ выѣхалъ за черту и побилъ много мусульманъ, пока наконецъ не палъ отъ удара меча (около 755). Воины его разсѣялись; исфаганскіе евреи заплатились за возстаніе. При- верженцы сохранили о немъ память, конечно, не потому, что онъ былъ обманщикомъ, но потому, что дѣйствовалъ созна- тельно. Они подъ именемъ Изавитовъ или Исфаганцевъ су- ществовали еще въ десятомъ вѣкѣ и составляли первую религіозную секту, отдѣлившуюся отъ еврейства со времени паденія іудейскаго государства. Изавиты жили согласно пред- писаніямъ своего Мессіи, соблюдали многое изъ талмудиче- скаго еврейства и также отвергали многое¹⁾.

Но въ центрѣ еврейско-религіозной жизни не замѣчалось въ это время никакого необыкновеннаго движенія, все оста- валось постарому. По смерти Натронаи Маръ-Янки (въ 730), при его преемникѣ Іегудѣ, возвратились въ Пумбадиту вы- селившіеся члены. Эскилархъ Хаздаи также умеръ, и мѣсто

1) Замѣч. 16.

его занялъ сынъ его Соломонъ (730—761). Но въ Сурѣ, по смерти гаона Іакова, оказалось такъ мало способныхъ личностей, что экзилархъ былъ вынужденъ назначить гаономъ, вопреки обычаю, пумбадитца Маръ бенъ Самуила (733—751). При немъ и при его преемникѣ Мари Гакогенѣ (751—759), смѣнилось въ Пумбадитѣ четыре президента академіи ¹⁾, изъ которыхъ третій, Натрой Багдадскій, былъ противозаконно назначенъ экзилархомъ. Именно, преемничество принадлежало ученому Р. Ахаи изъ Шабхи, которому Натрой былъ подчиненъ во многихъ отношеніяхъ. Оскорбленный этимъ поступкомъ, Р. Ахаи переселился въ Палестину.

Всѣ эти академическіе президенты перваго гаонскаго столѣтія не отличились ничѣмъ особеннымъ. Они дѣйствовали постарому, подобно своимъ предшественникамъ, сабуреямъ, толковали Талмудъ, руководили ежегодными собраніями и отвѣчали на присылаемые вопросы. Даже благодарная хроника, добросовѣстно сохранившая ихъ имена и продолжительность правленія, не можетъ ничего сказать о какомъ-либо ихъ дѣяніи. Только одно литературное произведение вышло изъ ихъ среды. Р. Ахаи, тотъ самый, который былъ обойденъ при выборахъ въ президенты пумбадитской академіи и переселился въ Палестину, написалъ 191 лекцію (760), соединивъ галаху и агаду и расположивъ по порядку чтеній изъ Пятикнижія. Каждая лекція начинается галахскими и агадскими предположеніями, и къ нимъ присоединенъ вопросъ для практическихъ случаевъ, отвѣтъ на который доставляется богатымъ матеріаломъ Талмуда. Главному развитію вопроса предшествуетъ благословеніе: «Да прославится имя Святаго, даровавшаго намъ чрезъ Моисея оору и законы для назиданія дома Израиля» ²⁾. По причинѣ изложенія въ формѣ вопросовъ, которая вообще предпочиталась для лекцій и была употребительна въ академіяхъ, трудъ

¹⁾ Маръ-Іосифъ бенъ Хутанаи, Самуиль бенъ Мари, Маръ-Натрой Кагана бенъ Емуна и Авраамъ Кагана (739—761). Посланія Шериры, стр. 39.

²⁾ Эта формула благословенія сохранилась вполне въ шеелтотъ № 1 и 64, несполнѣ въ №№ 66, 121, 145, 154, 165, 166, 170.

Р. Ахам называется Шеелтотъ (вопросы). Онъ заключаетъ въ себѣ мало новаго и важнаго и только группируетъ соотносящееся, разсѣянное въ Талмудѣ, но никоимъ образомъ не можетъ служить компендіумомъ къ Талмуду. Языкъ еще вполне безформенный. Шеелтотъ послужилъ образцомъ для позднѣйшихъ агадскихъ сборниковъ. Такъ, гаонскіе учителя вращались въ ограниченномъ кругѣ и, повидимому, не предчувствовали, что внѣ этого круга происходило броженіе, угрожавшее лишить ихъ почвы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Возникновеніе караимства и его послѣдствія.

Анаиъ бенъ Давидъ, основатель караимства; его говарищи и ученики. — Масореты. — Р. Іегудан гаонъ. — Новыя отношенія между экилархатомъ и гаонатомъ. — Хазары и обращеніе ихъ къ еврейству; ихъ царь Буланъ и его еврейскій учитель Исаакъ Загари. — Карлъ Великій и евреи. — Лукская фамилія Калонимось въ Майнцѣ. — Происхожденіе нѣмецкихъ евреевъ. — Еврейскій посланникъ Исаакъ. — Р. Махиръ въ Нарбоннѣ. — Враждебныя евреямъ условія жизни въ калифатѣ. — Сагалъ Аль-Табари. — Іегуда Іудганъ персіянинъ и секта Іудгавитовъ. — Веніаминъ Нагавенди и Макаринты. — Мистика о воплощеніи Бога (Schiur Komah). — Мистики въ академіяхъ. — Споры объ экилархатѣ и гаонатѣ. — Караимство; Нисси бенъ Ноахъ. — Месви и Изманлъ и акбарнты; Моисей Персіянинъ и Тифлиснты. — Моисей изъ Баальбека. — Непослѣдовательность и затрудненія въ караимствѣ.

761—840.

Историческіе роды, какъ и физическіе, рѣдко бываютъ безъ боли. Когда новое историческое событіе входитъ въ область совершившихся фактовъ, тогда нарушается существующее положеніе дѣлъ, потрясается излюбленная обычность и надламывается сила привычки. Прогрессъ въ исторіи немислимъ безъ борьбы и противодѣйствія. Неизбѣжное потрясеніе существующаго порядка, какъ бы оно ни было болѣзненно при началѣ, оказывается даже полезнымъ для этого порядка, если только есть въ послѣднемъ здоровье и жизненность; оно разсѣваетъ туманъ, срываетъ покровъ и выставляетъ въ яркомъ свѣтѣ сущность, которой дотолѣ не видѣли и не знали. Реакція, эта соль исторіи, предохраняющая отъ гніенія, была чужда еврейской исторіи въ теченіе многихъ вѣковъ, и потому-то религіозная жизнь пришла въ застой и, такъ сказать, окаменѣла. Христіанство первыхъ вѣковъ было для юдаизма такою солью: оно побудило ев-

реевъ прилѣпиться къ закону и опредѣлить религіознозаконное до самыхъ мельчайшихъ его подробностей. Талмудъ былъ продуктомъ этого реакціоннаго движенія; онъ сдѣлался единственнымъ авторитетомъ для еврейства и вытѣснилъ Библию изъ памяти народа. Просвѣтлѣніе духа, воспламененіе сердца глубоко-религіозное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое чувство, которыми надѣляло Св. Писаніе, утратились для общинъ и главныхъ представителей. Самое изученіе Талмуда; дѣйствовавшее во времена аморовъ освѣжающимъ и просвѣтляющимъ образомъ, низошло въ сабурейскую эпоху и въ первое гаонское столѣтіе на степень сухаго заучиванья наизусть и не оказывало плодотворнаго вліянія на духъ. Не доставало воздуха, который освѣжилъ - бы замкнутыя душныя пространства. Реакція противъ Талмуда, начатая двумя месіанскими предшественниками, Серене и Абу-Изой, не оставила глубокихъ слѣдовъ отчасти потому, что движеніе имѣло месіанско-мечтательный оттѣнокъ и оставило одно только разочарованіе, отчасти же потому, что было начато неизвѣстными личностями безъ всякаго вѣса и авторитета. Для побороанія односторонности, возстановленія Библии въ ея правахъ и одухотворенія религіозной жизни, необходимо было, чтобы реакціонное направленіе, царствовавшее доселѣ въ весьма ограниченныхъ кружкахъ, было выведено на болѣе обширную арену здравомыслящимъ человѣкомъ, который имѣлъ бы притомъ оффиціальныи характеръ. Движеніе тогда только могло-бы проникнуть въ массы и дѣйствовать живо-творно, когда совершалось-бы не въ отдаленномъ уголкѣ, а въ центрѣ тогдашней еврейской жизни. Виновникомъ такого движенія былъ сынъ экзиларха изъ дома Востанаи, и потому-то оно оказало столь долговременное вліяніе.

Экзилархъ Соломонъ, кажется, умеръ бездѣтнымъ (761—762), и санъ его долженъ былъ перейти къ его племяннику, Анану бенъ-Давиду. Біографія этого человѣка, оставившаго столь глубокий слѣдъ въ еврейской исторіи и основавшаго понынѣ существующую секту, совершенно неизвѣстна и вполнѣ оттѣснена на задній планъ наступившимъ въ послѣдствіи раздѣ-

леніемъ на партіи. Между тѣмъ какъ ученики Анана бенъ-Давида выставляли его благочестивымъ, святымъ человѣкомъ, который «удостоился бы пророческаго дара, еслибъ жилъ въ эпоху существованія храма»¹⁾, противники его не находили достаточно словъ, чтобы его унижить. По одному извѣстію, за достовѣрность котораго нельзя поручиться, Ананъ жилъ не въ Вавилоніи, но на дальнемъ Востокѣ и явился въ Багдадъ лишь ко времени выборовъ²⁾. Однако и противники его сознаются, что онъ глубоко изучилъ Талмудъ и хорошо владѣлъ талмудическимъ слогомъ. Такъ же не подлежитъ сомнѣнію, что сынъ экиларха не признавалъ религіознаго авторитета за многими опредѣленіями Талмуда, и что его антиталмудическое направленіе было во всякомъ случаѣ извѣстно представителямъ обѣихъ академій, которые руководили выборомъ экиларха. Тогда одновременно были гаонами два брата, сыновья Нахмана: Р. Йегудай, Слѣпецъ, въ Сурѣ (759—762), и Р. Дудай въ Пумбадитѣ (761—764). Оба брата и коллеги ихъ соединились съ цѣлью устранить Анана отъ наслѣдованія въ достоинствѣ экиларха и выбрать вмѣсто него младшаго брата его, Хананья (или Ахурай?). Но Ананъ имѣлъ, какъ и всякое высокопоставленное лице, много друзей. Надежда на экилархатъ, которому были подчинены по крайней мѣрѣ всѣ еврейскія общины на Востокѣ, могла привлечь на его сторону многихъ честолюбцевъ, корыстныхъ людей и тунеядцевъ. Но къ числу его сторонниковъ принадлежали также и тѣ, которые болѣе или менѣе открыто не признавали талмудическаго еврейства истиннымъ и видѣли въ Ананѣ могучаго піонера. Преданіе сохранило имена троихъ его единомышленниковъ, быть-можетъ бывшихъ членами гаонской коллегии: Р. Ефрема, Р. Елизы и Р. Хануки³⁾. Партія Анана не преминула употребить всѣ

¹⁾ Makrizi у S. de Sacy Chrestomatie arabe, I, 301 (2-е изданіе).

²⁾ Тамъ же. Объ Ананѣ, возникновеніи каранства и о доктринахъ Анана, сравн. Замѣч. 12, 2, 3 и Замѣч. 17.

³⁾ Памятная записъ въ каранскомъ молитвенникѣ и каталогъ каранскихъ авторитетовъ.

средства къ ходатайству за него предъ благоволившимъ къ нему калифомъ Абу-Джіафаромъ Алманзуромъ; но противная партія одержала верхъ. Говорятъ, что она умышляла на жизнь Анана и обвиняла его въ намѣреніи произвести возстаніе противъ калифа. Возможно, что Алманзуръ, принужденный въ началѣ своего царствованія разсѣять вооруженныя шайки Абу-Изы, возымѣлъ опасеніе, что и Ананъ будетъ играть ту-же самую роль подъ тѣмъ-же предлогомъ. Калифъ, говорятъ, посадилъ его въ тюрьму. Въ послѣдней, какъ повѣствуетъ сага, находился одинъ магометанинъ; оба они были присуждены къ висѣлицѣ. Но магометанинъ посоветовалъ Анану заявить калифу, что онъ, Ананъ, принадлежитъ къ иной сектѣ, чѣмъ его братъ Хананья. Алманзуръ возвратилъ ему свободу — по словамъ приверженцевъ, — потому что Ананъ снискалъ милость предъ калифомъ; по словамъ же противниковъ: ради богатыхъ подарковъ, — и дозволилъ ему и его приверженцамъ переселиться въ Палестину¹⁾.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ достовѣрно только одно, именно, что Ананъ былъ вынужденъ оставить свое отечество и поселиться въ Палестинѣ²⁾. Онъ построилъ въ Іерусалимѣ свою синагогу, существовавшую до эпохи перваго крестоваго похода. Достовѣрно также и то, что Ананъ, будучи обойденъ на выборахъ, благодаря стараніямъ гаоновъ, разгнѣвался на гаонатъ и перенесъ свой гнѣвъ также на Талмудъ, которому гаонатъ былъ обязанъ своимъ значеніемъ. Съ этого времени Ананъ обнаруживалъ непримиримую враждебность къ Талмуду и къ его носителямъ. Говорятъ, онъ сказалъ: желаю, чтобы всѣ приверженцы Талмуда находились въ моей утробѣ; тогда я распоролъ-бы себѣ животъ, дабы они умерли

¹⁾ Эліа бенъ Авраамъ Мисрахи и Пинскера *Likute Kadmonijot*, приложение 103, и у *Simcha Lucki Orach Zadikim*, edit. Wien, 19 a.

²⁾ Что Іерусалимъ былъ главнымъ мѣстопробываніемъ караимства, это видно изъ словъ Нисси бенъ Ноахъ и Соломона бенъ Іерухамъ; это подтверждается также неправильною поправкой одного стараго переписчика *Megillat Taanit*, который слово акра (Сіонская крѣпость) поясняетъ: мѣсто караимовъ.

вмѣстѣ со мною ¹⁾). Онъ находилъ въ Талмудѣ все негоднымъ и хотѣлъ свести снова религіозную жизнь къ библейскимъ правиламъ. Онъ упрекалъ талмудистовъ въ искаженіи еврейства и въ томъ, что они не только прибавили многое къ еорѣ, но и отмѣнили еще больше, объявивши необязательнымъ то, что по буквальному смыслу Св. Писанія обязательно во всѣ времена. Главнымъ правиломъ Анава было: «Ищите прилежно въ Св. Писаніи». По причинѣ этого возврата къ Писанію (Mikra), его религіозная система получила названіе «религіи Писанія» или караимства. Свои сомнѣнія о религіозныхъ предписаніяхъ и воспрещеніяхъ Ананъ изложилъ въ трехъ сочиненіяхъ. Онъ написалъ комментарий къ Пятикнижію, — конечно, древнѣйшее произведеніе этого рода, — далѣе, сводъ религіозныхъ обязанностей и, наконецъ, сочиненіе подъ названіемъ Фадгалка; первыя два произведенія написаны на талмудической идиомѣ, а третье на арабскомъ языкѣ.

Эти сочиненія Анавы сдѣлались жертвою времени; поэтому первоначальный характеръ караимства вообще неясенъ. Извѣстно только то, что основатель караимской секты, будучи враждебно настроенъ противъ Талмуда, скорѣе отягчилъ, чѣмъ облегчилъ религіозную жизнь, возстановилъ многое, что уже давно отброшено временемъ и нравами, и въ своей слѣпой ревности унижить нѣсколько талмудическое истолкованіе закона, впалъ въ смѣшныя преувеличенія. Однако онъ пользовался талмудическими или, правильнѣе сказать, мишнаитскими правилами объясненія, въ силу которыхъ онъ считалъ себя столь же уполномоченнымъ, какъ и древніе учителя Мишны, создавать новые религіозные законы. Преобразование коснулось главнѣйшимъ образомъ правилъ о праздникахъ, субботахъ, и законовъ о бракѣ и о пицѣ. — Ананъ отмѣнилъ праздничный календарь, введенный съ половины четвертаго столѣтія; но такъ какъ онъ для этого не имѣлъ

¹⁾ Сравн. Замѣч. 2, 3, примѣч. 1.

никакого библейскаго основанія, то былъ вынужденъ вернуться къ временамъ втораго храма и Танаитовъ. Начало мѣсяцевъ не слѣдовали одинъ за другимъ въ извѣстномъ порядкѣ, но опредѣлялись всякій разъ посредствомъ наблюденія новолунія. Високосные года не шли правильнымъ порядкомъ по истеченіи 19-лѣтняго цикла, но обусловливались каждый разъ опредѣленіемъ состоянія жатвы, именно, ячменной. Это было не самостоятельное нововведеніе, а скорѣе возстановленіе порядка, очевидно непригоднаго при забросанности еврейскаго племени. Конечно, этотъ измѣненный календарь представлялъ мало затрудненій для Анана и его приверженцевъ въ Палестинѣ, но доказываетъ, что основатель караимства не обладалъ прозорливостью. — Праздникъ Пятидесятницы онъ, по примѣру древнихъ саддукеевъ, установилъ отправлять въ пятидесятый день отъ субботы по пасхѣ.

Въ строгости соблюденія субботы Ананъ далеко оставилъ за собою Талмудъ. Въ субботу нельзя принимать лекарство даже опасно больному, совершать обрѣзаніе, выходить изъ дома въ городъ съ еврейскимъ и нееврейскимъ населеніемъ, употреблять горячую пищу, зажигать или дозволить зажигать свѣчи или огонь для предсубботняго вечера. Ананъ ввелъ обычай проводить субботній вечеръ въ совершенной темнотѣ. Всѣ эти и многія другія стѣснительныя постановленія онъ будто бы почерпалъ изъ буквального смысла Св. Писанія. Ананъ чрезмѣрно усилилъ строгость законовъ о пищѣ и запретилъ вступать въ бракъ въ болѣе отдаленныхъ степеняхъ родства, такъ что считалъ кровосмѣшеніемъ бракъ дяди съ племянницею и бракъ двоюродныхъ родственниковъ. Что значать въ сравненіи съ этою строгостью отиѣна тифиллина, праздничнаго букета во время Кушей, праздника свѣчь, установленнаго въ память гасманейской эпохи, и другихъ мелочей? Онъ, какъ совершенно справедливо замѣчали его противники, создалъ новый и притомъ болѣе стѣснительный Талмуд¹⁾. Ананъ придалъ религіозной жизни, съ

¹⁾ Natronai Responsum въ Порядкѣ молитвъ Саади, цитов. у Пинскера Likute Kadmonijot, приложенія, стр. 189, I, примѣч. 3.

одной стороны, мрачный характеръ, а съ другой стороны, — прозаическій оттѣнокъ. Онъ до такой степени прилѣпился къ буквѣ, что предписывалъ готовить пасхальные опрѣсноки изъ ячменной муки, дабы они по веществу были «хлѣбомъ бѣдности», и печь ихъ лишь предъ вечеромъ пасхи. Основатель караимства изгналъ введенныя за нѣсколько столѣтій предъ тѣмъ формулы молитвъ, которыя отчасти употреблялись еще во храмѣ и имѣли священный характеръ; вмѣстѣ съ ними отиѣнилъ онъ также молитвы, сложенныя литургическими поэтами, которые открывали для новоеврейской поэзіи новые источники. Вмѣсто нихъ читались нараспѣвъ библейскіе отрывки, неотличившіеся особеннымъ выборомъ. Такъ какъ евреи въ магометанскихъ странахъ имѣли свою отдѣльную юрисдикцію, то нововведеніе Анана коснулось также гражданскаго права. Такъ, онъ въ противность Библии установилъ равноправность дочерей и сыновей относительно наслѣдства, но отказалъ супругу въ правѣ наслѣдованія послѣ жены.

Хотя Ананъ далъ сильный импульсъ изслѣдованію Библии, однако ни время, ни его умъ не могли создать здоровой, самостоятельной экзегетики. Чтобы дать основаніе своимъ нововведеніямъ, онъ самъ долженъ былъ прибѣгать къ измышленіямъ, какія едва-ли позволяли себѣ осмѣиваемые имъ талмудисты. Отринувъ Талмудъ, онъ разрушилъ связь между настоящимъ и библейскимъ прошлымъ, и посмѣялся надъ исторіей. Поэтому караимское еврейство лишено исторической почвы и натуральнаго развитія, все въ немъ искусственно и привито. Ананъ не обращалъ никакого вниманія на народныя нравы и духъ. Вслѣдствіе того, что онъ долженъ былъ основать и построить религіозную жизнь на изъясненіи Св. Писанія, караимство приобрѣло шаткій характеръ. Болѣе лучшее или болѣе худшее объясненіе Св. Писанія могло смутить религіозную жизнь, сдѣлать законное незаконнымъ и наоборотъ. На сколько Ананъ не понималъ исторіи, на столько не имѣлъ и чувства поэзіи. Священно-пророческая и поэтическая литература служила ему лишь

для того, чтобы доказать тотъ или другой законъ, то или другое религиозное предписаніе. Живому поэтическому стремленію онъ преградилъ доступъ къ святынь.

Но замѣчательно, что Ананъ и его послѣдователи ссылались, въ видахъ оппозиціи Талмуду, на Іисуса. По ихъ мнѣнію, Іисусъ былъ богобоязненный, святой человекъ, но не можетъ быть признанъ ни за пророка, ни за основателя новой, противоположной еврейству, религіи; онъ только подтвердилъ еору и отмѣнилъ людскія предписанія. Евангелія не могутъ почитаться новымъ откровеніемъ или новымъ завѣтомъ, но лишь біографіею Іисуса и увѣщаніемъ жить согласно еорѣ. Вслѣдствіе этого Ананъ объявилъ, что евреи, осудивши Іисуса, поступили несправедливо¹⁾. Признавая Іисуса, Ананъ признавалъ также Магомета пророкомъ для арабовъ. Но ни Іисусъ, ни Магометъ не отмѣнили еоры, такъ какъ она обязательна для всѣхъ временъ²⁾.

Нельзя теперь опредѣлить, какъ велико было число приверженцевъ Анана, послѣдовавшихъ за нимъ въ изгнаніе. Его ученики называли себя, по имени его, Ананитами, а также караимами (*Bene Mikra*), своимъ же противникамъ дали насмѣшливое названіе Раввинистовъ, т. е., приверженцевъ авторитета (*Rabbanien, Ribbonin, Bene-Rab*). Натянутость и раздражительность обѣихъ религіозныхъ партій были сначала необыкновенно сильны. Разумѣется, представители академій проклинали основателя и его послѣдователей и исключили изъ еврейства³⁾. Но и караимы, съ своей стороны, отреклись отъ раввинистовъ, не вступали съ ними въ браки, не принимали участія въ ихъ трапезѣ и даже избѣгали посѣщать въ субботу домъ раввиниста, ибо тамъ, по ихъ мнѣнію, осквернялась святость дня⁴⁾. Раввинисты называли

¹⁾ Шарастани въ переводѣ Гаарбриккера, I, 253, отсюда Абулфеда въ *Chrétomathie, arabe, par de Sacy, I, 326*, и Makrizi, тамъ же 301. Сравн. въ *Wolf bibliotheca hebraea, IV, 1086*, цитату изъ караимскаго сочиненія.

²⁾ Makrizi у Sacy, тамъ же 301.

³⁾ Абу-Яковъ бенъ Бактеви у Пинскера, прилож. 75, и Посланія Абулсари Сагала, тамъ же, 37.

⁴⁾ Видно изъ посланія Абулсари Сагала, Менагемъ Гицци, у Пинскера,

караимовъ еретиками (Minim, Apikorsim), проповѣдывали противъ нихъ, преимущественно противъ сидѣнья въ темнотѣ въ субботній вечеръ¹⁾, и не допускали приверженцевъ Анана къ совместной молитвѣ. Караимы, съ своей стороны, не находили достаточно словъ для опозоренія обѣихъ академій и ихъ представителей. Они примѣняли къ нимъ слова пророка Захаріи о двухъ женахъ, которыя въ мѣшкѣ несли грѣхи въ Вавилонъ и тамъ устроили имъ гнѣздо²⁾. «Двѣ женщины — это оба гаонскія мѣстопробыванія въ Сурѣ и Анбарѣ (Пумбадитѣ)». Эта насмѣшка, виновникомъ которой былъ Ананъ, сохранилась у караимовъ, и обѣ академіи назывались ими не иначе, какъ «двумя женщинами»³⁾.

Такимъ образомъ, еврейское племя раздѣлилось въ третій разъ на два враждебныхъ лагеря. Какъ въ первыя времена существовали враждовавшія между собою Израильское и Иудейское царство, а въ эпоху втораго храма — фарисеи и саддукеи, такъ точно и теперь непріязненно относились другъ къ другу раввинисты и караимы. Иерусалимъ, пережившій много распръ своихъ сыновъ, снова сдѣлался театромъ борьбы братьевъ. Караимская община, отдѣлившаяся отъ общаго союза, признала Анана законнымъ экзилархомъ и упрочила этотъ почетный титулъ за нимъ и за его потомствомъ. Обѣ партіи старались увеличить раздѣлявшую ихъ пропасть.

Неизвѣстно, сколько времени Ананъ управлялъ своею общиной. Его послѣдователи оказали ему по смерти великую честь, именно, ввели въ субботнее богослуженіе заупокойную о немъ молитву. Они молились: «Помилуй, Боже, князя Анана, Божьяго человѣка, который открылъ путь къ еорѣ, просвѣтилъ очи караимовъ, отклонилъ многихъ отъ грѣха и указалъ намъ истинный путь. Даруй ему, Боже, мѣсто рядомъ

тамъ же 60, Иегуда Гадасси Eschkol № 179, и Simcha Luzki Orach Zadikim 19 а.

1) Сравни. Tanchuma Noah, начало.

2) Захаріи 5, 6—11.

3) Сравни. Замѣт. 12, примѣч. 3.

съ семью разрядами, входящими въ рай». Эта молитва сохранилась у караимовъ до настоящаго времени ¹⁾. Но безпристрастной судъ не можетъ подтвердить этой хвалы, хотя бы вызванное Ананомъ раздвоеніе еврейства не вмѣнялось ему въ вину, ибо слѣдствіемъ этого раздвоенія было развитие іудейскаго ученія. Исторія не можетъ признать за нимъ обширнаго ума. Ананъ не былъ глубокимъ мыслителемъ. Философскія познанія были ему совершенно чужды. Онъ имѣлъ столь недостаточное понятіе о душѣ, что, рабски придерживаясь буквы, считалъ кровь ея мѣстопробываніемъ ²⁾. Въ своей оппозиціи талмудическому еврейству онъ былъ непослѣдователенъ. Онъ оставилъ въ силѣ многіе религіозные законы, которые столь же мало, какъ и отвергнутыя имъ предписанія, имѣли Библию своимъ источникомъ, напр. закланіе животныхъ. Поэтому, если онъ и не коснулся того, что народъ почиталъ священнымъ, то всетаки его нововведеніе было неосновательно.

По смерти Анана караимская община возвела въ княжескій санъ его сына Саула. Послѣднему помогали ученики его отца, которые, — если не погрѣшаетъ караимское преданіе, — назывались: Р. Моха, Абигедоръ и Малихъ Армали (?) ³⁾. Ученики Анана, называвшіе себя Ананитами, уклонились въ нѣкоторыхъ пунктахъ отъ ученія своего главы, именно, въ отношеніи законнаго закланія птицъ. Ананъ, вѣроятно основываясь на одномъ библейскомъ изреченіи, утверждалъ, что слѣдуетъ закалывать птицъ съ затылка. Но его ученики отвергли это постановленіе и приняли раввинское ⁴⁾. Такимъ образомъ уже по смерти Анана были потрясены основы религіозной жизни, которыя онъ хотѣлъ ей дать, и началось колебаніе, усиливавшееся съ каждымъ новымъ поколѣніемъ.

¹⁾ Караимскій молитвенникъ.

²⁾ Сравн. Саадін Еmunot, VI, 1.

³⁾ Загѣч. 17, II.

⁴⁾ Тамъ-же.

Объ одномъ изъ учениковъ Анана, о вышеупомянутомъ Р. Мохъ, и сынъ послѣдняго Р. Моисеъ, караимское преданіе говоритъ, что они ввели иную систему гласныхъ и удареній (780—800?), которая названа тиверіадскою и вѣроятно была подобна нынѣ употребительной. Эти новые знаки для гласныхъ и для удареній сдѣлались мало-по-малу господствующими и совершенно вытѣснили старинный методъ ставить знаки гласныхъ надъ буквами. Нигдѣ не сказано, что именно побудило обоихъ пунктаторовъ, отца и сына, ввести новую систему вмѣсто употреблявшейся дотолѣ вавилонской; быть можетъ, причиною тому было также желаніе отличатся отъ раввинизма и въ этомъ отношеніи. Р. Моха и Р. Моисей причисляются къ массоретамъ (которые постановили точныя правила для орфографіи библейскаго текста) и признаются авторитетами. Кромѣ нихъ прославились въ качествѣ массоретовъ: Р. Ионаанъ, Р. Хабибъ и Р. Пинхасъ, школьный старшина (Rosch-Jeschibah)¹⁾; но неизвѣстно, были-ль они также караимами и въ какое время жили.

Между тѣмъ какъ караимы были необыкновенно дѣятельны на авторскомъ поприщѣ, занимались библейскою экзегетикою, еврейскою филологіей и массорой, раввинистскій кружокъ былъ очень бѣденъ литературными произведеніями. Извѣстно только одно сочиненіе того времени. Вышеупомянутый Р. Іегудаи, сурскій гаонъ, написалъ талмудическій компендіумъ подъ заглавіемъ «Твердая и краткая практика» (Halachot Ketuot или Kezubot). Но неизвѣстно, написалъ-ли онъ его до появленія караимства или послѣ основанія этой секты. Въ своемъ сочиненіи Іегудаи расположилъ въ порядкѣ разсѣянное въ Талмудѣ и, отбросивъ спорное, изложилъ вкратцѣ все принятое практикой. Судя по нѣкоторымъ отрывкамъ, Галахотъ Іегудаи былъ написанъ на еврейскомъ языкѣ²⁾. Это сочиненіе популяризовало Талмудъ и сдѣлало его понятнымъ для всякаго, почему проникло въ самыя от-

¹⁾ То-же замѣч.

²⁾ О Halachot, Р. Іегудаи сравн. критическую статью Луццато въ его *Vet ha-Ozar*, стр. 53 и слѣд.

далекия еврейскія общины и послужило образцомъ для позднѣйшихъ произведеній подобнаго рода, но потомъ было вытѣснено и отмѣнено новѣйшими сочиненіями.

Возбужденныя караймами смуты содѣйствовали также упадку уваженія къ экзиларху. До Анана, академіи съ ихъ коллегіями были, какъ выше сказано, подчинены экзиларху; главы школъ избирались или утверждались имъ и не имѣли непосредственнаго вліянія на замѣщеніе упраздненной должности. Но такъ какъ гаонамъ удалось отстранить Анана отъ экзилархата, то они не выпустили этой силы изъ своихъ рукъ, но постарались проявить ее при слѣдующихъ выборахъ князя изгнанія, уже по той причинѣ, чтобы не допустить челоуѣка съ караймскими убѣжденіями стать во главѣ еврейства. Экзилархатъ, наслѣдственный со временъ Востанаи, сдѣлался избирательнымъ со времени Анана, и академическіе президенты руководили выборами. Послѣ Хананья или Ахунаи (стр. 199), не болѣе какъ чрезъ десять лѣтъ по отпаденіи Анана отъ раввинизма, начался опять споръ объ экзилархатѣ между двумя претендентами: Саккаи бенъ-Ахунаи и Натронаи бенъ-Хабибаи. Послѣдній былъ при Іегудаи членомъ коллегіи. Причина спора, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ, неизвѣстна. Оба академическіе главы того времени. Малка бенъ-Аха пумбадитскій (771—73) и Ханинаи Кагана бенъ-Пуна сурскій¹⁾ (765—75), соединились съ цѣлью низвергнуть Натронаи, и достигли того, что вѣроятно калифъ изгналъ послѣдняго изъ Вавилоніи. Натронаи переселился въ Магребъ (Каируанъ), въ которомъ со времени его основанія жила многочисленная еврейская община. Саккаи былъ утвержденъ въ санѣ экзиларха²⁾. Экзилархатъ болѣе и болѣе приходилъ въ зависимость отъ гаоната, который осуждалъ на заточеніе неполюбившихся ему князей и нерѣдко отпра-

¹⁾ Раньше ихъ отправляли эти должности непосредственно послѣ обоихъ Нахманидовъ: Хананья бенъ-Мешартая изъ Пумбадиты (764—771) и Ахунаи Кагана бенъ-Папа (762—767); по посл. Шериры; сравн. объ этомъ Fränkels Monatsschrift, 1857. стр. 383 и слѣд.

²⁾ Сравн. Замѣч. 12, 4.

лялъ ихъ въ ссылку. Но такъ какъ экзилархи, достигнувъ власти, хотѣли освободиться отъ зависимости, то въ результатѣ получались столкновенія, которыя имѣли самое дурное вліяніе на вавилонскія общины. — Кажется, что гаоны со времени основанія караимства занялись усердно одною изъ отраслей литературы, которою они дотолѣ пренебрегали. Агада, или гомилетическое изукрашеніе библіи, процвѣтала до сихъ поръ только въ Іудеѣ. Вышеупомянутый гаонъ Ханинаи Кагана, ученикъ Р. Іегудаи, предложилъ, сколько извѣстно, въ первый разъ своимъ слушателямъ агадское истолкованіе вмѣстѣ съ галахотскимъ матеріаломъ. Ученикъ Р. Самуиль собралъ изъ этихъ лекцій мидрашъ къ нѣкоторымъ моисеевымъ книгамъ и назвалъ свой трудъ Есфа ¹⁾ (по первому стиху). Вѣроятно, въ это же время появились и другіе агадскіе сборники, какъ напр., Іеламдену (Tanchuma).

Послѣ Р. Ханинаи Кагана сурскимъ гаономъ былъ Мари Галеви бенъ-Мешаршай (775—778), преемникомъ котораго былъ Р. Бебаи Галеви бенъ-Абба (778—788). Ихъ пумбадитскими современниками были (послѣ Малки, содѣйствовавшаго болѣе другихъ низложенію экзиларха Натронаи) Рабба бенъ-Дудаи (773—782), который въ одномъ отношеніи былъ склоненъ къ караимской строгости и отклонился отъ Р. Іегудаи ²⁾; по смерти Раббы гаономъ былъ весьма недолго Шинуй, а потомъ Р. Ханинаи бенъ-Авраамъ Кагана (782). Между нимъ и тогдашнимъ экзилархомъ возникла, неизвѣстно за что, распря, которая повела къ тому, что гаонъ лишился своей должности и на его мѣсто былъ избранъ Гуна Маръ Галеви бенъ-Исаакъ (786).

Оба современные гаона, Р. Бебаи и Ханинаи, сдѣлали съ согласія экзиларха важное распоряженіе въ области гражданскаго права. Доселѣ ни кредиторы, ни вдова (по брачному контракту) не требовали долга съ наслѣдниковъ умер-

¹⁾ Ялутъ къ книгѣ Числъ, № 736, стр. 220 d. Срав. Раппорта въ Kerem Chemed, VI, стр. 241.

²⁾ Сравн. Замѣч. 23, II.

родственный съ болгарами, аварами, уграми или венграми, поселились, по распаденіи гуннскаго царства, на границѣ Азіи и Европы. Они основали царство близъ устья Волги (которую они назвали Итиль или Атель) у Каспійскаго моря, недалеко отъ нынѣшней Астрахани, тамъ, гдѣ теперь кочуютъ калмыки. По ихъ имени Каспійское море называлось Хазарскимъ. Ихъ цари, имѣвшіе титулъ хакана, хагана, водили воинственныхъ сыновъ степи отъ одной побѣды къ другой. Хазары навели такой ужасъ на Персію, что одинъ изъ персидскихъ царей, Хозру, построилъ для защиты отъ ихъ нападеній крѣпкую стѣну, которая запирала проходы между Кавказскими горами и моремъ. Но эти «врата вратъ» (Bal al abwab, недалеко отъ Дербента) не долго были преградой для хазаръ. Послѣ паденія Персидскаго государства хазары перешли чрезъ Кавказскія горы, вторглись въ Арменію и завоевали Крымскій полуостровъ, который поэтому назывался нѣкоторое время Хазаріей. Византійскіе императоры трепетали предъ хазарами, льстили имъ и платили дань, дабы усыпить ихъ страстное желаніе пограбить Константинополь. Болгары и другіе народы были вассалами хазаръ, кіевляне давали имъ ежегодно съ дыма по мечу и по шкуркѣ. Съ арабами, съ которыми они сдѣлались мало по малу сосѣдями, хазары вели кровопролитныя войны.

Хазары занимались, кромѣ войны, земледѣліемъ и скотоводствомъ. Они вели простой образъ жизни, питались рисомъ и рыбой и жили въ палаткахъ. Только у хагана былъ дворецъ на Волгѣ. Хаганъ имѣлъ неограниченную власть надъ своимъ народомъ, ибо, подобно далай-ламѣ, былъ обоготворяемъ. Если онъ осуждалъ кого-либо изъ своихъ подданныхъ

даніи имъ еврейства, и подтвердили свѣдѣнія, сообщаемыя еврейскими источниками: Ибнъ-Даудомъ и Иегудой Галеви. Оба письма, — отъ хазарскаго царя и въ нему, — признаны во всѣхъ частяхъ историческими (Reinand. Abulfeda, introduction, стр. 299. Vivien de St. Martin, les Khazars, mémoire lu à l'académie des inscriptions et des belles lettres, Paris, 1851). Сравни. Швейцера *Südrussischen Völker*; Carmoly, *Itinéraires de la Terre Sainte*, Bruxelles, 1847, des Kohozar, стр. 1 — 104.

на смерть, то послѣдній самъ исполнялъ надъ собою этотъ приговоръ. Дабы священная особа хагана не находилась въ постоянномъ соприкосновеніи съ государственными дѣлами, существовалъ намѣстникъ хагана или вице-король, имѣвшій титулъ пегъ (Peg или Peh). Мало по малу пегы сдѣлались истинными правителями хазарскаго царства, между тѣмъ какъ хаганы постоянно пребывали въ гаремѣ. Хазары, подобно своимъ сосѣдямъ, болгарамъ и русскимъ, исповѣдывали идолопоклонство, соединенное съ чувственностью и распутствомъ. Съ исламомъ и христіанствомъ они ознакомились чрезъ арабовъ и грековъ, которые пріѣзжали въ столицу Балангаръ для обмѣна продуктовъ своихъ странъ на дорогіе мѣха. Въ Хазаріи поселилась также часть тѣхъ еврейскихъ бѣглецовъ, которые спаслись отъ преслѣдованія за вѣру (стр. 188) въ царствованіе византійскаго императора Льва. Чрезъ этихъ греческихъ евреевъ хазары познакомились съ еврействомъ ¹⁾. Хазарскій дворъ зналъ и любилъ евреевъ, какъ толмачей или торговцевъ, врачей или совѣтниковъ, и они-то возбудили въ воинственномъ хаганѣ Буланѣ любовь къ еврейству.

Но въ послѣдствіи времени хазары имѣли лишь темное свѣдѣніе о причинѣ, побудившей ихъ предковъ къ принятію еврейства. Одинъ позднѣйшій хазарскій хаганъ рассказывалъ объ этомъ фактѣ слѣдующее: царь Буланъ возымѣлъ отвращеніе къ идолопоклонству и воспретилъ его въ своемъ царствѣ, не введя однако иной религіи. Сновидѣніе укрѣпило его въ желаніи имѣть лучшее вѣроисповѣданіе. Явившійся

¹⁾ Это извѣстіе передаетъ Ибнъ-Алатиръ (у Фрэнга, стр. 597). По его переводу мѣсто это гласитъ: Refert Ibn-El Athir: imperatorem Constantinopolis, regnante Harun Raschidio, expulisse quidquid Judaeorum in ipsius regno. Hi quum Chazarorum terram se recepissent, populum experti essent socordem et simplicem, suam eis obtulere religionem, quam illi suis institutis sacris potiorum quum cognovissent, eam amplex aliquamdiu servabant. Также и Массуди. Въ этомъ рефератѣ Массуди и Ибнъ-Алатира ошибочна только дата. Ибо преслѣдованіе евреевъ въ Византійской имперіи было не въ эпоху Аррашида, а раньше, въ царствованіе Льва Исаврянина, какъ это извѣстно изъ Теофана и Цедренуса.

ему ангелъ обѣщалъ побѣду надъ арабами и богатство, если онъ обратится къ истинному Богу. То же сновидѣніе было и вице-королю. Когда же затѣмъ онъ одержалъ важную побѣду надъ арабами и завоевалъ (731) армянскую крѣпость Ардебиль ¹⁾, тогда Буланъ и пегъ рѣшили формально обратиться къ юдаизму. Но калифъ и византійскій императоръ желали, чтобы хазарскій царь принялъ ихъ религію и потому отправили къ Булану миссіонеровъ и пословъ съ грамотами и богатыми подарками. Буланъ назначилъ быть въ его присутствіи религіозному диспуту между византійскимъ духовнымъ лицомъ, магометанскимъ улемой и еврейскимъ ученымъ. Представители трехъ религій долго спорили, но не могли убѣдить ни другъ друга, ни хагана, въ превосходствѣ своей вѣры. Но Буланъ, замѣтивъ, что представители христіанства и магометанства ссылались на юдаизмъ, какъ на исходный пунктъ и основаніе своихъ религій, спросилъ христіанина наединѣ, какой вѣрѣ, — еврейской или магометанской, — онъ отдастъ предпочтеніе. Христіанинъ возвеличилъ еврейство въ ущербъ исламу. Буланъ предложилъ подобный вопросъ улемѣ, и улема сознался, что еврейство безконечно выше христіанства. Тогда Буланъ объявилъ посламъ калифа и императора, что онъ, услышавъ отъ противниковъ юдаизма безпристрастное признаніе превосходства этой религіи, остается при своемъ намѣреніи обратиться къ іудейству, — и затѣмъ совершилъ надъ собою обрѣзаніе ²⁾. Еврейскій мудрецъ, содѣйствовавшій обращенію Булана, назывался, говорятъ, Исакомъ Зангари или Зингари ³⁾.

¹⁾ О завоеваніи Ардебиля говорится также въ письмѣ хазарскаго царя къ Хаздаи Ибнъ-Шапруту; тамъ сказано לירדן, и это служитъ точкою опоры для хронологіи. По арабскимъ писателямъ (у d'Hosson, *peuples du Caucase*, стр. 59, и у Дорна, *Nachrichten über die Chazaren* въ *Mémoires des sciences politiques et historiques de St. P.-bourg*, série VII, 1844, стр. 445 и слѣд.), завоеваніе Ардебиля совершилось въ 731 г. Это согласуется съ словами Іегуды Галеви, который говоритъ, что обращеніе Хазаръ къ еврейству произошло почти за 4 вѣка до написанія имъ своего сочиненія 1140, слѣдовательно около 740.

²⁾ Письмо хазарскаго царя къ Хаздаи Ибнъ-Шапруту. Подобный разсказъ находится у Аль-Бекри и приведенъ Дюфремери въ *Journal asiatique*, 1849.

³⁾ Названъ по имени впервые Нахмани (*Colloquium*, ed. Jellinek, стр. 14).

Быть-можетъ обстоятельства, при которыхъ хаганъ принялъ еврейскую религію, отличаются легендарнымъ характеромъ, но фактъ подтверждается многими источниками и потому не можетъ считаться сомнительнымъ. Въмѣстѣ съ Буланомъ обратились къ еврейству и вельможи, въ числѣ около четырехъ тысячъ. Мало по малу еврейская религія проникла въ народную массу, такъ что большинство городскихъ жителей исповѣдывали юдаизмъ, войско же состояло изъ магометанскихъ наемниковъ¹⁾. Въ подвластной хагану обширной области были вассальные цари и, безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ также приняли религію своего сюзерена. По крайней мѣрѣ это извѣстно о царѣ области Семендера²⁾ на западномъ берегу Каспійскаго моря (нынѣ Тарки). Въ первое время по введеніи, еврейская религія, вѣроятно, была усвоена хазарами лишь наружно и не могла имѣть сильнаго вліянія на умъ и нравы. Только позднѣйшій преемникъ Булана, носившій еврейское имя Обадья, отнесся серьезно къ іудейской религіи. Онъ приглашалъ еврейскихъ ученыхъ въ свое царство, награждалъ ихъ по царски, основывалъ храмы и училища, обучался самъ и обучалъ народъ Библии и Талмуду и ввелъ богослуженіе по образцу древнихъ общинъ³⁾. Юдаизмъ оказалъ такое сильное вліяніе на умы этого нецивилизованнаго народа, что тѣ изъ хазаръ, которые приняли еврейскую религію, бросили безнравственный обычай продавать своихъ родныхъ дѣтей въ неволю, тогда какъ остававшіеся язычниками хазары продолжали безъ зазрѣнія совѣсти

Рапопортъ ясно доказалъ (Kerem Chemed, V, стр. 197 и слѣд.), что найденный въ Чуфь-Кале въ Крыму надгробный камень Исаака Зангари не настоящій, и что поэтому мнѣніе о принятіи Хазарами караимства неосновательно.

1) Ибнъ-Фодланъ у Франа de chazaris, стр. 484. По Димешки всѣ Хазары были іудеи, тамъ-же, 597: Chazari et rex eorum omnes Judaei. Другое извѣстіе (тамъ-же) гласитъ: Chazari duabus nationibus constituuntur, militibus scilicet, qui mohammedani, et civibus, qui Judaei sunt.

2) Тамъ-же, стр. 615 и 617, по Ибнъ-Гаукалу. Рассказы магометанскихъ писателей о принятіи Хазарами ислама, какъ напр., рассказъ Ибнъ-Алатира подъ 254 годомъ геджиръ (= 868), относятся не къ сюзеренному государству, но къ вассальнымъ странамъ и ихъ царямъ.

3) Письмо хазарскаго царя.

вести этотъ постыдный торгъ ¹⁾). Послѣ Обадья царствовали еще длинный рядъ еврейскихъ хагановъ, ибо, въ силу основнаго закона, царемъ могло быть только лицо, исповѣдывавшее еврейскую вѣру ²⁾). Ни Обадья, ни его преемники не относились враждебно къ нееврейскому населенію страны; послѣднее, напротивъ, пользовалось совершенною равноправностію. Учрежденъ былъ высшій судъ, состоявшій изъ семи судей, двухъ евреевъ для еврейскаго населенія, двухъ магометанъ и двухъ христіанъ для ихъ единовѣрцевъ, и одного язычника для русскихъ и болгаръ ³⁾). Каждый судился по своему закону. — Иноземные евреи даже не предчувствовали, что могущественное царство обратилось къ юдаизму; когда же до нихъ дошла неясная молва о томъ, тогда они подумали что Хазарія населена остатками прежнихъ десяти колѣнъ. Сага повѣствуетъ: далеко, далеко за темными горами, за мрачнымъ Кавказомъ, живутъ истинные богопоклонники, святые мужи, потомки Авраама отъ племени Симеона и полуколѣна Манасинова, которые такъ могущественны, что двадцать пять народовъ платятъ имъ дань ⁴⁾).

Въ то же время, во второй половинѣ восьмага столѣтія европейскіе евреи нѣсколько выступаютъ изъ мрака, скрывавшаго ихъ въ теченіе вѣковъ. Пользуясь благоволеніемъ царствовавшихъ особъ, по крайней мѣрѣ не подвергаясь униженію и преслѣдованію, они достигли извѣстной степени культуры. Карль Великій, основатель франкской имперіи, которому Европа обязана возрожденіемъ и освобожденіемъ отъ варварства, также содѣйствовалъ умственному и общественному возвышенію евреевъ во Франціи и Германіи. Послѣ многихъ вѣковъ низости и посредственности явился истинный герой съ печатью генія, который умѣлъ не только одер-

1) Ибнъ-Гаукаль (или Истакри) у Узелей.

2) Тамъ-же.

3) Массуди, Истакри и Ибнъ-Фоцланъ говорятъ о девяти членахъ суда.

4) Элдадь Данить, сравн. Замѣч. 18, Тагуш къ хроникѣ I, 5, 26. Иозинионъ (же-Иосифъ) с. 10. Два мнѣнія, одно правильное, признающее Хазаровъ прозелитами, и другое баснословное, считающее ихъ потомками десяти колѣнъ, сопоставлены въ брошюрѣ Scheerit Israel, с. 9.

живать побѣды, но и сѣять сѣмена культуры и нравственности. Основавши Нѣмецко-франкскую монархію, которая простиралась отъ океана до того берега Эльбы и отъ Средиземнаго моря до Нѣмецкаго, Карль перенесъ въ Западную Европу центръ исторіи, находившійся дотолѣ въ Константинополѣ, на границѣ Восточной Европы и Азіи. Хотя Карль былъ охранителемъ Церкви и помогалъ основанію папскаго главенства, и хотя современный ему папа Адрианъ не питалъ расположенія къ евреямъ и много разъ увѣщавалъ испанскихъ епископовъ удерживать христіанъ отъ сообщества съ евреями и арабами ¹⁾, однако императоръ Карль имѣлъ столь широкій взглядъ, что не могъ раздѣлять предубѣжденія духовенства противъ евреевъ. Напротивъ, онъ не питалъ въ этомъ отношеніи никакихъ предразсудковъ. Первый франкскій императоръ, вопреки всеѣмъ церковнымъ и соборнымъ постановленіямъ, благопріятствовалъ евреямъ въ своемъ государствѣ и извлекалъ пользу изъ одного, богатаго знаніями, еврея, который по распоряженію императора ѣздилъ въ Сирію и привезъ въ Франкскую монархію произведенія Востока ²⁾. Если въ прежнее время государи наказывали евреевъ за покупку или принятіе въ залогъ церковныхъ сосудовъ, то Карль поступалъ въ этомъ случаѣ совершенно противоположно: налагалъ тяжкія наказанія на виновныхъ священно-и церковнослужителей и оправдывалъ евреевъ ³⁾.

Конечно, благожелательство Карла Великаго къ евреямъ имѣло въ своемъ основаніи желаніе расширить торговлю и умножить національныя богатства. Въ то время евреи были главными представителями всемірной торговли. Между тѣмъ какъ дворянство предавалось исключительно войнѣ, горожане — ремесламъ, а крестьяне, рабы, — земледѣлію, евреи, не служа подъ знаменемъ феодала и не владѣя ленами, зани-

¹⁾ Muratori rerum italicarum scriptores, T. III, 2, стр. 240, 277. Mansi concilia T. XII, 784, 814.

²⁾ Monachus St. Gallensis de gestis Caroli magni, I, 18.

³⁾ Capitularia Caroli въ Bouquet recueil, T. V, стр. 679. Однако сравн. Capitularia въ Pertz leges, T. I, стр. 194.

мались привозною и отвозною торговлею товарами и рабами, и оказываемая имъ Карломъ милость была въ нѣкоторомъ смыслѣ привиллеію, данною торговой компаніи¹⁾. Только въ торговлѣ зерновымъ хлѣбомъ и виномъ они были ограничены подобно остальнымъ купцамъ, потому что императоръ считалъ позорнымъ занятіемъ получение барышей на жизненныхъ припасахъ. Если уже это улучшение матеріальнаго положенія евреевъ было прогрессомъ сравнительно съ ихъ ограниченіемъ въ эпоху Меровинговъ, Гунтрама и Дагобера, видѣвшихъ въ евреяхъ только богоубійць, то Карлъ заботился также о поднятіи умственнаго уровня еврейскихъ жителей своего государства. Какъ онъ, въ видахъ просвѣщенія нѣмцевъ и французовъ, призвалъ изъ Италіи свѣдущихъ людей, такъ точно заботился о томъ, чтобы и евреи его государства усвоили высшую культуру. Поэтому онъ переселилъ изъ Лукки въ Майнць²⁾ ученое семейство Калонимось, отца, сына Моисея и племянниковъ, безъ сомнѣнія, съ цѣлью помочь невѣжественности нѣмецкихъ евреевъ. Сыны Іакова въ Германіи, подобно сынамъ Тевта, позже всѣхъ другихъ освободились изъ-подъ ига варварства. Та самая Германія, которой нынѣ образованный міръ съ завистью отдастъ пальму первенства въ наукахъ, была во времена Карла гнѣздомъ глубокаго невѣжества не только на сѣверѣ, гдѣ пребывали грубые саксы подъ скипетромъ Витекинда, но и

¹⁾ *Capitularia Caroli* и его преемниковъ часто причисляютъ евреевъ къ *negotiatores*. Справ. *Capitularia* въ *Pertz leges*, стр. 114, № 4.

²⁾ Іозуа Когенъ (*Ereke ha-Bacha*, 13) положительно относитъ переселеніе луккскихъ фамилій въ Майнць ко временамъ Карла Великаго. По Кармоли (*Annalen*, 1839, стр. 222) этотъ фактъ отнесенъ въ одномъ рукописномъ комментарий къ Махзору къ 719 году по разрушеніи = 787 г. по Р. X. Во всякомъ случаѣ, 849 годъ по разрушеніи, приводимый Сол. Лурія (*Responsa*, № 29), ошибоченъ. Впрочемъ, большинство писателей говорятъ, что главою переселенцевъ былъ Калонимось Луккскій, а не Р. Моисей. Сравни. *S. D. Luzzato: il Giudaismo illustrato*, стр. 30 и слѣд. Воспроизвестъ генеалогію Калонимидовъ, чѣмъ мучили себя Рапопортъ и Цунць, значить предпринять Сизифовъ трудъ. Въ Германіи, Италіи и нижней Франціи было такъ много еврейскихъ ученыхъ съ именемъ Калонимось, что составленіе списка имъ и ихъ потомкамъ невозможно и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно бесполезно.

въ средне-рейнской области, соединявшейся съ франкскою монархіей.

Первое переселеніе евреевъ въ Германію скрыто въ непроницаемомъ мракъ. Если вѣрить сагѣ, то евреи поселились въ Вормсѣ еще въ то время, когда Германія представляла первобытный лѣсъ и болота и была населена только дикими медвѣдями. Сага повѣствуетъ: незадолго до завоеванія Обѣтованной земли І. Навиномъ, когда Веніаминово колѣно было почти уничтожено прочими колѣнами за злодѣяніе, совершенное надъ женщиною въ Гибеѣ, тысяча веніамитовъ, спасаясь отъ рѣзни, бѣжала прямо въ Германію и основала общину въ Вормсѣ ¹⁾. — Впрочемъ подобныя выдумки, имѣвшія цѣлью доказать древность общинъ, созданы не тщеславіемъ, но стремленіемъ къ самосохраненію. Когда вмѣняли нѣмецкимъ евреямъ въ вину распятіе Іисуса и vyrѣзывали ихъ тысячами, какъ богоубійць, тогда они нашлись вынужденными придумать средство, чтобы отдѣлаться отъ этого нелѣпаго обвиненія, и начали утверждать, что поселились въ нѣмецкихъ областяхъ за много, много лѣтъ до Рождества Христова. Вормская община говорила, будто во времена Ездры она получила изъ Іерусалима приглашеніе участвовать въ главныхъ празднествахъ въ храмѣ, но она отвѣчала, что основала на Рейнѣ новый Іерусалимъ и не хочетъ знать стараго, какъ лишеннаго милости ²⁾. Чтобы вполне оправдаться въ соучастіи въ распятіи Іисуса, измыслили письмо, будто-бы написанное въ то время къ Вормской, или Ульмской, или Регенсбургской общинѣ, и увѣдомлявшее о событіяхъ въ жизни Іисуса ³⁾. Если простительна ложь, то, конечно, подобная, имѣющая цѣлью очистить отъ лживаго, извращеннаго и постыднаго обвиненія и спасти жизнь тысячъ невинныхъ. Не болѣе достовѣрнымъ кажется мнѣніе,

¹⁾ Д. Кимхи къ книгѣ Судей, 20, 15 «Мидрашъ». Хотя въ нашихъ изданіяхъ сказано, что Веніаминиты переселились въ Романію однако Іехиель Гейльперинъ (Seder ha-Dorot) прочиталъ «въ Германію и въ городъ Вормсѣ».

²⁾ Фалькъ Maasze Nissim.

³⁾ Объ источникахъ, сообщающихъ подобныя письма, сравн. Fabricius Codex Aprocryphus novi testamenti, Т. III, стр. 493 и слѣд.

которое въ доказательство существованія еврейскихъ общинъ въ Вормсѣ въ первые вѣка по Р. Х. приводитъ затерявшіеся могильные памятники ¹⁾). По словамъ одной хроники, древнѣйшіе евреи въ прирейнской области были потомками тѣхъ легионеровъ, которые участвовали въ сожженіи храма. Вангіоны выбрали себѣ красивѣйшихъ женщинъ изъ множества плѣнныхъ евреекъ, привели ихъ съ собою въ свои постоянныя жилища на берегахъ Рейна и Майна и удовлетворяли ими свою похоть. Дѣти, рожденныя отъ германской и еврейской крови, были воспитаны матерями въ іудейской религіи, ибо отцы ихъ мало о нихъ заботились. Эти-то дѣти и были первыми основателями еврейскихъ общинъ между Вормсомъ и Майномъ ²⁾). Достоверныя свѣдѣнія о пребываніи евреевъ въ основанной римлянами Агриппиніевой колоніи (Кельнѣ на Рейнѣ) относятся лишь къ четвертому вѣку ³⁾). Но подлежитъ сомнѣнію, удержались ли здѣсь евреи во время переселенія народовъ. Конечно, нѣмецкія общины должны считаться только колоніями французскихъ общинъ, съ которыми онѣ въ подвластной Меровингамъ Австразіи терпѣли одинаковую участь. Англійскіе евреи вышли также изъ Франціи и поселились въ Великобританіи не ранѣе седьмаго вѣка ⁴⁾). Правильное общинное устройство дано нѣмецкимъ евреямъ, конечно, переселившеюся изъ Лукки фамиліею Калонимось.

Всемирная исторія говоритъ о посольствѣ Карла къ могущественному калифу Гаруну Ар-рашиду, которое справилъ еврей Исаакъ (797). Хотя Исаакъ сперва игралъ роль тол-

¹⁾ Левисонъ, *Epitaphien des Wormser Friedhofes*, стр. 3. Древнѣйшій изъ существующихъ вормскихъ надгробныхъ памятниковъ относится къ 1070 г., тамъ-же стр. 87. Цифра 900 на одномъ намогильномъ памятникѣ явилась вслѣдствіе неправильнаго чтенія, какъ доказалъ это Рапапортъ въ предисловіи къ эпиграфамъ Пражской общины *Gal Ed.* Равнымъ образомъ сомнительно, чтобы на одномъ памятникѣ Пражскаго кладбища было выставлено число 780. Рапапортъ, тамъ же.

²⁾ Шаабъ, *Дипломатическая исторія майнскихъ евреевъ*, стр. 2.

³⁾ *Codex Theodosianus*, L. XVI, T. 8, § 21.

⁴⁾ Эдуардъ Гансъ въ *Zunz' Zeitschrift*, стр. 108.

мача при благородныхъ Ландфридѣ и Сигизмундѣ, однако былъ посвященъ въ дипломатическія тайны Карла. Поэтому, когда оба главные посла умерли на пути, онъ одинъ получилъ отвѣтную грамоту и богатые подарки отъ калифа, и Карлъ принялъ его въ Аахенѣ на торжественной аудіенціи ¹⁾. Говорятъ, Карлъ просилъ калифа чрезъ посла прислать ученаго еврея изъ Вавилоніи, и Гарунъ будто-бы отправилъ къ нему Р. Махира ²⁾, котораго императоръ поставилъ во главѣ нарбоннской еврейской общины. Махиръ, бывший, подобно Калонимосу изъ Луки, родоначальникомъ ученаго потомства, основалъ въ Нарбоннѣ талмудическую академію.

Вслѣдствіе своего благопріятнаго положенія въ нѣмецко-франкской имперіи, въ которой они имѣли право владѣть полями и заниматься ремеслами и мореплаваніемъ, и не подвергались истязаніямъ ни отъ черни, ни отъ истинно благочестиваго германскаго духовенства, евреи могли отказаться отъ бродячей жизни и разсѣяться по германскимъ провинціямъ. Въ девятомъ столѣтіи они во множествѣ жили въ Магдебургѣ, Мерзебургѣ и Регенсбургѣ ³⁾. Отсюда они проникали все далѣе до Богеміи и Польши, до обитаемыхъ славянами странъ по ту сторону Одера. Однако Карлъ, при всемъ своемъ расположеніи къ евреямъ, не могъ, какъ и лучшіе люди среднихъ вѣковъ, считать ихъ совершенно равноправными съ христіанами. Пропасть, отдѣлявшая христіанство отъ еврейства, была такъ велика, что преданный Церкви императоръ не могъ перескочить чрезъ нее. Карлъ допускалъ различіе въ одномъ пунктѣ между христіанами и евреями и увѣковѣчилъ его формулою присяги, которую должны были употреблять евреи, свидѣтельствуя противъ христіанина или обвиняя его. Еврей, присягая противъ христіанина, долженъ былъ осыпать себя щавелемъ, держать въ правой рукѣ оору и, въ доказательство истинности своего

¹⁾ Eginhardi annales въ Pertz' Monumenta Germaniae, I, стр. 190, 353.

²⁾ Zacuto Jochasin ed. Filipowski, стр. 84.

³⁾ Объ источникахъ сравн. Ersch und Gruber Sect. 2, T. XXVII, стр. 64 и слѣд.

показанія, призывать на себя проказу Неэмана и наказаніе, постигшее участниковъ въ возстаніи Корея. Если не оказывалось ооры, то можно было замѣнить ее латинскою библіей¹⁾. Впрочемъ, допущеніе евреевъ вообще къ присягѣ противъ христіанъ не можетъ считаться смягченіемъ и уклоненіемъ отъ церковныхъ постановленій.

Событія на Востокѣ въ девятомъ вѣкѣ напомнили евреямъ самымъ неприятнымъ образомъ, что они должны ожидать униженія и гоненія даже отъ лучшихъ государей. Время правленія аббасидскихъ калифовъ, Гаруна Ар-рашида и его сыновей, считается цвѣтущею эпохою восточнаго калифата. И въ это именно время громко раздаются вопли евреевъ объ угнетеніи. Возможно, что Гарунъ, возобновивъ (807) Омаровъ законъ о христіанахъ (стр. 135), примѣнилъ его также къ евреямъ, предписывая имъ носить на платьѣ желтую нашивку, какъ носили христіане синюю, и подпоясываться веревкой, а не поясомъ²⁾. По смерти Гаруна (809), когда его сыновья, Магометъ Алеминъ и Абдалла Алмаунъ (между коими отецъ раздѣлилъ калифатъ), возжгли междусобную войну въ своемъ обширномъ государствѣ, тогда сильно пострадали и евреи, именно, палестинскіе. Та же участь постигла и христіанъ. Грабежъ и рѣзня были обыкновенными явленіями въ теченіе четырехлѣтней распри между братьями (809—813). Бѣдствія были такъ велики, что одинъ агадистъ того времени, основываясь на голосѣ народа, признавалъ ихъ знаменіями близкаго пришествія Мессіи. «Израиль можетъ спастись только покаяніемъ, а покаянію содѣйствуютъ страданія, нужда, странствованіе и постъ», утѣшалъ этотъ ораторъ смущенную общину. Онъ видѣлъ въ междоусобицѣ братьевъ-калифовъ³⁾ конецъ измаильтянскаго владычества

¹⁾ Въ Pertz' Monumenta leges, I, 114. О формальностяхъ при присягѣ въ гаонское время сравн. Respon. Gaonim Schaare Zedek, 76, № 22.

²⁾ Вейля Chalifengeschichte, II, 162, замѣч. 1 по Ибнъ-Калдууну и Ибнъ-Алатиру.

³⁾ Въ Frankels Monatsschrift, 1859, стр. 112, я обратилъ вниманіе на то, что агадско-мистическое сочиненіе Pirke di R' Eliezer намекаетъ (с. 30) на вла-

и близость царства Мессіи. «Два брата будутъ въ концѣ временъ царствовать надъ измаильтянами (магометанами); тогда процвѣтетъ отрасль Давидова, и въ дни этого царя Небесный Царь устроитъ царство, ему же не будетъ конца». «Богъ уничтожитъ сыновъ Исава (Византію), враговъ Израіля, а также сыновъ Измаила, противниковъ его». Однако это ожиданіе не сбылось, какъ и многія другія. Правда, междоусобица братьевъ потрясла калифатъ, но не разрушила его. Алеминъ былъ убитъ, и Алиамунъ сдѣлался единовластнымъ обширнаго государства.

Въ правленіе Алиамуна (813—833) процвѣтаетъ культура восточнаго калифата. Такъ какъ Алиамунъ слѣдовалъ свободному религіозному направленію и преслѣдовалъ магометанское застойное правовѣріе, то при немъ могли развиваться науки и родъ философіи. Багдадъ, Кайруанъ въ сѣверной Африкѣ и Неру въ Хоразанѣ сдѣлались центрами всѣхъ отраслей науки, какими Европа обладала только спустя много вѣковъ. Греческій духъ торжествовалъ свое обновленіе въ арабской оболочкѣ. Государственные мужи состязались о пальмѣ учености съ людьми досуга и уединенія. Евреи не остались чужды этому стремленію къ наукѣ. Вѣдь, изслѣдовать и рыться присуще ихъ натурѣ. Они приняли большое участіе въ умственномъ движеніи, и многіе изъ ихъ трудовъ обратили на себя вниманіе арабовъ. Исторія арабской культуры занесла много еврейскихъ именъ на страницы своихъ лѣтописей. Если сомнительно, что Машалла бенъ-Атари, занимавшійся астрономіей и астрологіей, и Іаковъ

дичество двухъ братьевъ и написано въ ту эпоху, но что изъ этого еще нельзя заключить, чтобы въ него не вошли болѣе древнія агады. Въ той же главѣ приводится арабская сага о посѣщеніи Авраамомъ Измаила, и жены сего послѣдняго, носяція въ арабскихъ источникахъ у Табари и другихъ имена Wala и Sajjida, показываются въ Pirke di R' Elieser, одна Chadiga' первою женою Магомета, а другая Фатима, его любимую дочь. Сага перешла изъ P. d. R' Elieser въ Таргумъ же-Іонаана. Въ той же главѣ сдѣланъ намекъ на сухопутную и морскую войну Рашида съ Византіей. Сравн. съ этимъ вышеприведен. сочин. Вейля, 156, и хронографію Теофана, I, 714 и слѣд. О страданіяхъ, претерпѣнныхъ Израилемъ въ то время, упоминается въ гл. 32, 43, 48.

Ибнъ-Шеара ¹⁾, впервые принесшій изъ Индіи въ калифатъ и переведшій математическія сочиненія, исповѣдывали еврейскую религію, то, конечно, исповѣдываль эту вѣру Сагаль-Ал-Табари, который пріобрѣлъ славу у арабовъ. Сагаль, по прозванію Раббанъ (раввинистъ, знатокъ Талмуда), изъ Табаристана (у Каспійскаго моря, въ 800), прославился какъ врачъ и математикъ, перевелъ на арабскій языкъ Алмагестъ греческаго астронома Птолемея, основную книгу этой науки въ средніе вѣка, и первый указалъ на лучепреломленіе ²⁾. Его сынъ Абу-Сагаль Али (835—853) причисляется къ корифеямъ медицины; онъ былъ учителемъ двухъ медицинскихъ авторитетовъ у арабовъ, Раци и Анпарби. Но Абу-Сагаль Али отрекся отъ еврейства, принялъ исламъ и сдѣлался лейбъ-медикомъ и сановникомъ одного изъ калифовъ.

Мусульмане ревностнѣе занимались религіозною наукою въ формѣ религіозной философіи (Kalâm), нежели медициной, математикой и астрономіей. На нее обращали такое же вниманіе, какъ и на государственныя дѣла, ибо она имѣла вліяніе на политику. Мусульманская религіозная философія обязана своимъ происхожденіемъ неясности, двусмысленности и неопредѣленности, присущихъ ея основной книгѣ, корану. Рядомъ съ великою мыслию: «Нѣтъ Бога, кромѣ Бога», мы находимъ въ коранѣ совершенно недостойныя и грубыя представленія Божества, какія могутъ существовать только въ головѣ сына пустыни, который не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ, на сколько его мнимое откровеніе о Богѣ исключаетъ идею величія Божія. Истолкователи корана, желая примирить эти противорѣчія, напали на мысли, которыя выходили далеко за предѣлы ограниченнаго кругозора магометанской религіи. Многіе истолкователи (мутакалимунъ) пришли, вслѣдствіе рациональнаго объясненія, въ противорѣчіе съ людьми, держав-

¹⁾ Mohammed b. Ishak въ Zeitschr. der deutsch-morgenländ. Gesellsch., 1859, стр. 630. Ibn-Esra въ Rossi manuscripti Codices hebraici codex 212.

²⁾ Wüstenfeld's Geschichte der arabischen Aerzte und Naturforscher, стр. 20; сравн. Wenerich, de auctorum graecorum versionibus, стр. 228.

шимися буквального смысла, и были обвинены послѣдними въ еретичествѣ. Вассиль Ибнъ-Ата⁷⁵⁰) и школа его (Мутацила т. е. отщепенцы, еретики) основали рациональную теологию. Мутацилиты учили абсолютному единству Божества и не допускали никакихъ опредѣленныхъ свойствъ Бога, ибо при этихъ свойствахъ Божество представляется какъ бы раздробленнымъ и многоличнымъ. Далѣе, они утверждали: такъ какъ на Востокѣ вѣрятъ въ предопредѣленіе и такъ какъ существованіе послѣдняго подтверждается кораномъ, то свободная воля челоуѣка (Кадаг) несовмѣстима съ Божескимъ правосудіемъ, награждающимъ добрыхъ и наказующимъ злыхъ. Эти и другіе догматы были высказаны мутацилитскими религіозными философами. Но они, хотя и вышли за предѣлы корана, были однако убѣждены въ томъ, что еще стоятъ на его почвѣ, и въ своемъ стремленіи согласовать свое ученіе съ грубыми изреченіями корана, примѣнили тотъ же методъ, который употреблялся іудейско-александрійскими религіозными философами для примиренія библіи съ греческою философіей. Они придавали стихамъ аллегорическій смыслъ (Тавил). Чѣмъ больше они знакомились съ міромъ греческой философіи, которую читали въ переводныхъ сочиненіяхъ, и чѣмъ глубже казалось имъ противорѣчіе между разумомъ и вѣрой, тѣмъ больше они прибѣгали къ аллегорическому толкованію. Аллегорія должна была наполнить пропасть между рациональнымъ богопознаніемъ и тѣмъ, какому учить коранъ. Рациональная мутацилитская теологія магометанъ, хотя и признаваемая сперва еретическою, пріобрѣла мало по малу господство; багдадскія и бассорскія школы оглашались ея ученіемъ. Калифъ Алмаунъ призналъ ее придворною теологіей и отринулъ прежнюю, наивную, религіозную систему.

Приверженцы правовѣрія пришли въ ужасъ отъ этой свободы истолкованія, ибо буква корана принимала противоположный смыслъ, и наивная вѣра лишалась всякой почвы. Поэтому они строго придерживались буквы и прямого смысла корана и отвергали аллегорическое объясненіе какъ ересь. Но нѣкоторые изъ нихъ пошли еще дальше. Они принимали

въ буквальному омыслѣ всѣ, находящіяся въ коранѣ или употребляемыя въ преданіи, выраженія о Богѣ, какъ бы ни были они грубы по смыслу, и создали совершенно недостойное учене о Богѣ. Откровеніе Магомета: «Господь встрѣтилъ меня, протянулъ мнѣ руку для привѣта, взглянулъ мнѣ въ лице, положилъ руку между моими плечами, такъ что я ощутилъ холодъ конца его пальцевъ», понималось правовѣрною школою (Muschabbiha, Mug'assimah) въ возмутительно буквальному омыслѣ. Эта школа (антропоморфисты), нисколько не задумываясь, говорила: Богъ имѣетъ образъ и тѣло съ членами; онъ вышиною въ семь пядей, если мѣрить его собственною пядью; пребываетъ въ особенномъ мѣстѣ, на престолѣ; движется, восходитъ и нисходитъ, почіетъ и останавливается. Эти и еще грубѣйшія описанія божества¹⁾ употреблялись правовѣрными мусульманскими вѣроучителями, съ цѣлю, заявить предъ рационалистами о своей приверженности къ буквѣ корана.

Восточные евреи пребывали въ такихъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ мусульманами, что упомянутое направленіе не могло ихъ не коснуться. Поэтому такія же явленія повторились въ еврейскомъ кружкѣ, а разладъ между караймами и раввинистами содѣйствовалъ перенесенію магометанскихъ школьныхъ споровъ въ іудейство. Официальные носители еврейства, оурская и пумбадитская коллегіи, держались, правда, вдали отъ этихъ споровъ. Будучи всецѣло преданы Талмуду и его истолкованію, онѣ сперва совсѣмъ не замѣчали или не хотѣли замѣтить сильнаго движенія умовъ. Но внѣ коллегій умы вступили на ту же колею и повели еврейство къ новому очистительному процессу. Броженіе и волненіе были такія же, какъ въ эпоху гностиковъ; появлялись самыя странныя и прихотливыя сочетанія и образы; еврейскія воззрѣнія сливались то съ греческими, то съ мусульманскими, то съ персидскими идеями. Слабый лучъ философіи, проникнувшій въ этотъ наивный, бессознательный, замкнутый міръ, ярко

¹⁾ Scharastani въ переводѣ Гаарбриккера, I, 115 и слѣд., 213, 214, и Frankels Monatsschrift, 1859, стр. 115 и слѣд.

освѣтилъ его. Вообще, караимы слѣдовали мутацитскому (раціональному) направленію, раввинисты же, державшіеся нелѣпыхъ агадскихъ изреченій о Богѣ, признали, напротивъ, антинаучное направленіе (муг'ассимитское). Но такъ какъ религіозное зданіе въ караимскомъ кружкѣ еще не было закончено, то въ нѣдрахъ караимства образовались новыя секты съ своеобразными теоріями и съ уклоняющеюся религіозною практикой.

Іегуда Іудгганъ ¹⁾ Персъ изъ города Гамадана (800), первый, сколько извѣстно, ввелъ въ еврейство мутацитское направленіе магометанской теологіи. Его противники сообщаютъ, что онъ сперва былъ верблюжьимъ пастухомъ. Самъ онъ выдавалъ себя за предтечу Мессіи и, найдя послѣдователей, предложилъ имъ странное ученіе, которое будто-бы получилъ чрезъ откровеніе. Въ противоположность традиціоннымъ мнѣніямъ, въ силу которыхъ надобно было понимать въ буквальномъ смыслѣ библейскіе рассказы о дѣйствіяхъ и ощущеніяхъ божества, Іегуда Іудгганъ утверждалъ: нельзя представлять себѣ божество въ чувственномъ и человѣкоподобномъ образѣ, ибо оно превышаетъ всего созданнаго. Выраженія о немъ еоры слѣдуетъ понимать въ высокомъ аллегорическомъ смыслѣ. Равнымъ образомъ нельзя принимать, что Богъ въ силу своего всевѣдѣнія и всемогущества предопредѣляетъ человѣческія дѣйствія, ибо въ такомъ случаѣ надобно будетъ признать Божество виновникомъ грѣховъ, и наказаніе за нихъ будетъ поэтому несправедливостью. Скорѣе слѣдуетъ признать правосудіе Божіе за исходную точку и допустить, что человѣкъ властенъ въ своихъ поступкахъ, имѣетъ свободную волю и потому подлежитъ наказанію или наградѣ за свои дѣйствія. Іегуда Гамаданскій, открывая съ этой стороны обширное поле, держался въ практическомъ отношеніи строгаго аскетизма. Его послѣдователи воздерживались отъ мяса и вина, постились и много молились, но имѣли нетвердыя мнѣнія о времени

¹⁾ Сравн. Замѣчан. 18, № I.

праздниковъ. Ибо Іегуда утверждалъ, что библія расположила праздники по солнечному году; поэтому, будетъ столь же ошибочно обращать вмѣстѣ съ Ананомъ вниманіе только на лунный годъ, сколько, слѣдуя раввинистамъ, сочетать обѣ годовыя формы. Подробности объ этомъ мутацитско-аскетическомъ предтечѣ Мессіи неизвѣстны. Его послѣдователи, существовавшіе еще долго въ видѣ особой секты подъ именемъ Іудгганитовъ, такъ слѣпо вѣровали въ него, что утверждали, будто онъ не умеръ и явится опять, съ новымъ ученіемъ. Одинъ изъ его учениковъ, Мушка, хотѣлъ силою оружія принудить евреевъ къ принятію этого ученія. Онъ выступилъ съ толпою единомышленниковъ изъ Гамадана, но въ окрестностяхъ Кума (на востокъ отъ Гамадана, на югъ отъ Тегерана) былъ убитъ, — вѣроятно, мусульманами, — вмѣстѣ съ девятнадцатью товарищами.

Іегуда Іудгганъ придавалъ большую важность аскетической жизни, чѣмъ философскому основанію еврейства, и потому былъ скорѣе основателемъ секты, нежели религіознымъ философомъ. Другой, современный ему, караимъ Веніаминъ бенъ-Моисей изъ Нагавенда (800—820)¹⁾ укоренилъ между караимами мутацитскую религіозную философію. Единовѣрцы Веніамина Нагавенди считали его авторитетомъ и чтили наравнѣ съ Ананомъ, хотя онъ во многомъ отклонялся отъ послѣдняго. Говорятъ, онъ былъ ученикъ Ананова внука, караимскаго главы Іосіи. Веніаминъ былъ проникнутъ мутацитскимъ ученіемъ. Онъ не допускалъ не только чувственного и человѣкоподобнаго изображенія Бога въ Св. Писаніи, но также откровенія и міросозданія. Онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что духовное существо создало вещественный міръ, находится съ нимъ въ соприкосновеніи, явилось пространственно ограниченнымъ при Синайскомъ законодательствѣ и произнесло слова. Чтобы не уронить высокой идеи о Богѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ спасти еору, онъ принималъ такія же представленія, какъ и Филонъ Александри-

¹⁾ Сравн. Замѣчан. 17, III и 18, II.

ещь. Богъ создалъ непосредственно только духовный міръ и ангеловъ, вещественный же міръ созданъ однимъ изъ ангеловъ. Слѣдовательно, надобно признавать Бога только посредствомъ міросоздателя. Равнымъ образомъ откровеніе, Синайское законодательство и вдохновеніе пророковъ изошли отъ ангела. Конечно, буквальный смыслъ Св. Писанія прямо противорѣчитъ этому положенію; но не слѣдуетъ понимать слова Св. Писанія въ ихъ буквальномъ значеніи, а надобно придавать имъ болѣе высокой смыслъ. Подобно тому, какъ калифъ посылаетъ вѣстника изъ среды его окружающихъ, даетъ ему приказанія, велитъ дѣйствовать во имя его и такимъ образомъ отождествляется съ нимъ; въ такомъ точно смыслѣ слѣдуетъ понимать отношеніе между Богомъ и ангеломъ, открывающимъ законъ. Если сказано: «Богъ создалъ, Богъ низшелъ, Богъ явился», то все это надобно относить не къ нему непосредственно, но къ ангелу, который служитъ его представителемъ. Чрезъ восемь столѣтій, слово (λόγος) Филона воскресло въ видѣ ангела Нагавенди. Впрочемъ Веніаминъ не былъ глубокимъ мыслителемъ. О душѣ онъ имѣлъ еще столь узкія понятія, что считалъ извѣстную часть тѣла ея мѣстопробываніемъ и полагалъ, что адскія наказанія будутъ примѣняться не къ безсмертной душѣ, но къ брѣнному тѣлу¹⁾. Нѣсколько учениковъ усвоили идеи Веніамина и (неизвѣстно почему) назывались сектою Макаріитовъ или Маггаріитовъ²⁾.

Веніаминъ Нагавенди, значительно уклоняясь въ религиозно-философскомъ отношеніи отъ общепринятыхъ понятій еврейскаго вѣроученія, приближался къ раввинистамъ въ отношеніи ученія объ обязанностяхъ. Въ сочиненіи о законѣ (Sefer dinim, или Maszet Benjamin) и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ отвергалъ многія изъ объясненій Анана и другихъ караимовъ и допускалъ, напротивъ, многія талмудическія опредѣленія, предписывая караимамъ считать ихъ образцемъ или отвергать. Чтобы придать законамъ боль-

¹⁾ Saadia Emunot, VI, 4.

²⁾ Запѣчан. 18, II.

шую силу, Веніаминъ Нагавенди ввелъ отлученіе, которое мало чѣмъ отличалось отъ раввинскаго. Если обвиняемая сторона не являлась по призыву и хотѣла избѣжать суда, то надобно было проклинать ее въ теченіе семи дней сряду и потомъ отлучить. Отлученіе состояло въ томъ, что ни одинъ членъ общины не смѣлъ имѣть сношеній съ отлученнымъ, привѣтствовать его, принимать отъ него что-либо; предписывалось вообще обращаться съ отлученнымъ, какъ съ умершимъ, пока онъ не раскается. Если онъ продолжалъ упорствовать послѣ отлученія, то слѣдовало предать его свѣтскому суду. Веніаминъ также твердо держался раввинскаго правила о томъ, что каждый еврей обязанъ представлять свой споръ на рѣшеніе еврейскаго суда и не смѣлъ, подѣ страхомъ наказанія, обращаться къ свѣтскому суду. — Хотя Веніаминъ Нагавенди въ нѣкоторыхъ пунктахъ склонялся къ раввинизму, однако твердо держался караимскаго принципа о свободѣ экзегетики. Нельзя подчиняться авторитетамъ, но должно слѣдовать собственному убѣжденію; сынъ долженъ уклоняться отъ отца, ученикъ отъ учителя, какъ скоро имѣютъ основаніе для того. «Изслѣдованіе есть долгъ, и ошибка въ изслѣдованіи не есть грѣхъ».

Подобно тому, какъ старовѣрческіе магометанскіе вѣроучители противодѣйствовали крайнему раціонализму мутацилитовъ и впадали въ противоположную крайность, представляя Божество въ тѣлесномъ образѣ и приписывая ему движенія и члены неслыханныхъ размѣровъ: такъ точно поступали приверженцы древне-еврейскаго ученія, которые считали раціональныя нововведенія отщепенствомъ отъ юдаизма и дошли до нелѣпаго представленія Божества въ тѣлесномъ образѣ. Они понимали въ буквальномъ смыслѣ библейскія выраженія: «десница, стопа, ходеніе и сидѣніе Бога». Агадское объясненіе Св. Писанія, которое употребляетъ иногда образныя, осязательныя, принаровленные къ понятіямъ толпы, выраженія, содѣйствовало ихъ анти-еврейской теоріи. Эта теорія, созданная скудоумною головой, но привлекающая послѣдователей таинственностью, начертываетъ образъ Божества

членъ за членомъ, измѣряетъ его ростъ отъ головы до пятъ, говорить язычески о правомъ и лѣвомъ глазѣ Бога, объ его верхней и нижней губѣ, о бородѣ и прочихъ членахъ. Но чтобы не уронить величія Божія, она придаетъ каждому члену неслыханные размѣры и считаетъ, что сдѣлала вполнѣ свое дѣло, говоря: мила, которою измѣрялись части, далеко превосходитъ весь мѣръ (Schirur-Kamah). Такому разчлененному и обмѣренному Божеству теорія даетъ семидворцовое жилище на небѣ (Hechalot) и собственное хозяйство. Въ самомъ верхнемъ дворцѣ сидитъ Богъ на возвышенномъ престолѣ, объемъ котораго также неизмѣримо великъ. Престоль три раза въ день повергается предъ Богомъ, умоляетъ его и говоритъ: «Сядь на меня, ибо Твое бремя сладко мнѣ!» Эта воплощающая теорія населяетъ дворцы мириадами ангеловъ, изъ коихъ нѣкоторые названы именами, произвольно составленными изъ еврейскихъ словъ и чужестранныхъ, варварскихъ звуковъ. Она признаетъ высочайшимъ ангеломъ Метаторона и, по примѣру иновѣрныхъ писателей (книги Еноха и книги Юбилеевъ), баснословитъ о немъ, будто этотъ ангель никто иной, какъ Енохъ или Генохъ, первоначально человекъ, взятый Богомъ на небо и превращенный въ пылающій огонь. Теорія съ явственнымъ наслажденіемъ останавливается на описаніи этого измышленія болѣзненной фантазіи. Она не задумывается поставить его рядомъ съ Божествомъ и называть малымъ Богомъ. Съ другой стороны, она превращаетъ Метаторона въ учителя, который ежедневно по нѣсколько часовъ обучаетъ дѣтей, умершихъ безгрѣшными или только-что родившихся. Онъ одинъ обладаетъ всѣми тайнами премудрости.

Эта теорія, составленная изъ неправильно-понятыхъ агадъ, еврейскихъ и магометанскихъ измышлений, окуталась таинственнымъ мракомъ и утверждала о себѣ, что она есть откровеніе ¹⁾. Чтобы предупредить вопросъ, откуда она почерп-

¹⁾ Объ этомъ тайномъ ученіи сравн. Frankels Monatsschrift, 1859, стр. 67 и слѣд., 108 и слѣд., 141 и слѣд.

нула эту позорную для еврейства, т. е., для Библии и Талмуда, мудрость, теорія осылается на откровеніе свыше. Р. Измаиль, сынъ первосвященника, будто былъ, силою заклинаній, восхищенъ на небо, удостоенъ видѣть Божіе хозайство, бесѣдовалъ съ «ангеломъ лица», и наивысшій ангель Метаторонъ, по повелѣнію Божію, открылъ ему объ образѣ Бога съ его разиѣрами и еще о многомъ другомъ. Конечно, ангелы позавидовали тому, что сынъ персти удостоенъ столь великихъ, божественныхъ тайнъ; но Богъ прикрикнулъ на ангеловъ и объявилъ имъ, что желаетъ открыть эти тайны Р. Измаилу и, вмѣстѣ съ нимъ, его народу въ награду за вѣрность во дни испытанія. Но вскорѣ затѣмъ говорится, что Моисей, къ зависти ангеловъ, получилъ это ученіе уже въ то время, когда восходилъ на небо для полученія еоры; но что онъ сообщилъ его лишь немногимъ, а не всему народу, почему ученіе это пришло въ забвеніе. Когда Р. Измаиль сообщилъ это тайное ученіе своему другу Р. Акибѣ, послѣдній сильно обрадовался и сказалъ, что занимающійся ежедневно этимъ ученіемъ получить блаженство въ будущей жизни.

Такъ какъ всякая, даже самая осязательная безсмыслица найдетъ себѣ приверженцевъ, если будетъ проповѣдываться серьезно и настойчиво: то и вышесказанное тайное ученіе, ядромъ которому служило грубое понятіе о Богѣ, дало себѣ послѣдователей. Адепты его называли себя «людьми вѣры» (Ba'ale Emunot, также G'alutija?). Они хвалились, будто обладаютъ средствомъ заглянуть въ домохозяйство Бога, и могутъ совершать чудеса при помощи извѣстныхъ заклинаній, призыванія имени Божія и ангеловъ, чтенія извѣстныхъ пѣснопѣній, соблюдая при томъ постъ и ведя аскетическую жизнь. Обладатели тайнаго ученія утверждали, будто знаютъ чужія тайны, знаютъ, гдѣ скрываются преступники, убійцы, воры, прелюбодѣи, клеветники, знаютъ вообще все скрытое въ тайнѣ, какъ будто сами были всему очевидцами. Они хвалились, подобно эссеямъ, даромъ исцѣлять болѣзни, прогонять дикихъ звѣрей, укрощать бурю на морѣ.

Они употребляли для этого амулеты и камни (Kame'ot) и начерчивали на нихъ извѣстными знаками имена Бога или ангеловъ; совершить чудо было для этихъ мистиковъ сущю бездѣлицей. Они утверждали, что всякій благочестивый человѣкъ можетъ творить чудеса, если только будетъ употреблять для того надлежащія средства. Съ этою цѣлью они написали множество сочиненій о теоріи и практикѣ тайнаго ученія, которыя большею частью наполнены нелѣпостями, но иногда отличаются поэтическимъ оттѣнкомъ. Однако эта мистическая литература ограничивалась одними намеками. Настоящій же ключъ къ уразумѣнію божественныхъ тайнъ и къ чудотворенію передавался адептами лишь извѣстнымъ личностямъ, которыхъ они считали того достойными, судя по линіямъ на лбу и рукѣ.

Мѣстопробываніемъ мистическаго ученія была преимущественно Палестина, въ которой изученіе Талмуда пришло въ упадокъ. Мало-по-малу оно проникло въ Вавилонію. Это оказалось при выборѣ главы для пумбадитской академіи (814)¹⁾. По смерти Абумай бенъ-Авраама право преемственности принадлежало Маръ-Арону (бенъ-Самуилу?), какъ потому, что онъ отличался ученостью, такъ и потому, что онъ доселѣ исполнялъ обязанности главнаго судьи. Тѣмъ не менѣе ему предпочли другаго, уступавшаго ему въ учености и уже съ молодости неспособнаго къ изученію Талмуда, — старца Іосифа бенъ-Аббу; причина такого предпочтенія заключалась главнымъ образомъ въ томъ, что Іосифъ былъ мистикомъ и считался за человѣка, котораго пророкъ Илія удостоилъ своимъ довѣріемъ. Однажды Іосифъ бенъ-Абба проповѣдывалъ въ публичномъ собраніи и, въ припадкѣ восторженности, воскликнулъ: «Дайте мѣсто грядущему старцу!» Взоры всѣхъ присутствующихъ обратились къ входу,

¹⁾ Послѣ Гуна Маръ-Галеви и Беббаи Галеви (стр. 210) главами академій были: въ Пумбадитѣ: Манасія бенъ-Іосифъ (788—796), Іешайя бенъ-Абба (796—798), Іосифъ бенъ-Шила (798—804), Маръ-Каганъ бенъ-Ханнаи (804—810), Абумай бенъ-Авраамъ (810—814). Въ Сурѣ: Гилаи бенъ-Мари (788—797), Іаковъ бенъ-Мардехан (797—811), Абумай бенъ-Мардехан (811—819).

и сидѣвшіе по правую руку президента почтительно отодвинулись. Но никто не вошелъ; однако присутствующіе тѣмъ болѣе убѣдились въ томъ, что пророкъ Ілія вошелъ невидимо, сѣлъ по правую сторону своего друга Р. Іосифа и внималъ преподаваемому ученію. Съ этого времени никто не дерзаль занимать въ школѣ мѣсто по правую руку пумбадитскаго президента, почтенное и освященное Іліей, и вошло въ обычай оставлять это мѣсто празднымъ ¹⁾. Маръ-Аронъ, вѣроятно, вслѣдствіе потерпѣнной неудачи, переселился въ Европу, куда отправился быть-можетъ вмѣстѣ съ посольствомъ калифа Алмамуна къ королю Людовику Благочестивому ²⁾: онъ поселился у Р. Калонимоса ³⁾, который въ то время жилъ въ Майнцѣ. Р. Іосифъ умеръ спустя два года (814—816), и такъ какъ въ то время случилось землетрясеніе, то благочестивый людъ подумалъ, что самая земля содрогается по причинѣ смерти Іосифа. Его преемникъ Маръ-Авраамъ бенъ-Шерира (816—828) былъ также мистикъ. О немъ рассказываютъ, что онъ предугадывалъ будущее по шелесту финиковыхъ пальмъ въ безвѣтренный день ⁴⁾. Въ теченіе этого времени многія лица были президентами въ Суръ: Цадокъ (также Исаакъ) бенъ-Аши (819—21), Гилай бенъ-Ханинаи (821—24) и Кимой бенъ-Аши (824—27), о которыхъ ничего болѣе неизвѣстно, какъ только одни ихъ имена и продолжительность ихъ правленія. Лишь отъ Р. Цадока гаона осталось много рѣшеній, служившихъ отвѣтами на полученные имъ запросы.

Но и свободное направленіе, даже караимство нашли себѣ доступъ въ залы академій. Вслѣдствіе этого противоположнаго направленія умовъ возникли, разумѣется, столкновенія и натянутыя отношенія, которыя сдѣлались ясными при выборахъ новаго экиларха въ 825 году. Было два претендента

¹⁾ Шерира посланія, сравн. Замѣч. 12, 5.

²⁾ Сравн. Вейля Chalifen, II.

³⁾ Сравн. Замѣч. 12, 5.

⁴⁾ Responsa Gaonim Schaare Tesbhuba ed. Fischel, № 74; Aruch, статья ק"ב; En Iacof къ Succah I. Надобно уничтожить въ этихъ мѣстахъ прозваніе Kabasi (изъ Kabes въ Африкѣ); оно произошло отъ ошибки.

на этотъ санъ: Давидъ бенъ-Іегуда и Давидъ. Послѣдній былъ склоненъ къ караимству. Тѣмъ не менѣе и быть-можетъ именно поэтому онъ нашелъ приверженцевъ въ южной Вавилоніи, которые подали за него голоса. Напротивъ, сѣверные вавилоняне, принадлежавшіе къ Пумбадитъ (Анбару), стояли за Давида, который, безъ сомнѣнія, былъ изъ числа правовѣрныхъ. Споръ велся съ ожесточеніемъ. Вслѣдствіе этого мистикъ Авраамъ бенъ-Шерира былъ низложенъ, а на его мѣсто былъ избранъ, неизвѣстно какою партіей. Р. Іосифъ бенъ-Хія. Но у Авраама были приверженцы въ Пумбадитъ, которые крѣпко держались его и не признали анти-гаона. Споръ не могъ окончиться, не выходя за предѣлы еврейства, и обѣ партіи обратились къ калифу Алмауну съ просьбой утвердить избранныхъ ими экзиларховъ. Но Алмаунъ въ то время разбиралъ споръ въ восточной церкви, возникшій между двумя претендентами на санъ халдейско-христіанскаго патріарха, и хотѣлъ избавиться отъ другаго подобнаго процесса. Поэтому онъ отклонилъ отъ себя вмѣшательство во внутреннія дѣла евреевъ и христіанъ и издалъ декретъ, въ силу котораго каждая партія могла на будущее время избирать себѣ религіознаго главу. Если десять евреевъ хотѣли избрать себѣ экзиларха, десять христіанъ — католикоса, или десять огнепоклонниковъ — первенствующаго мага, то это дозволялось имъ безпрекословно¹⁾. Этотъ декретъ, столь же мудрый, сколько и опасный для существованія экзилархата, не понравился обѣимъ партіямъ; онъ не разрѣшалъ спора. Неизвѣстно, чѣмъ окончился послѣдній; извѣстно только то, что Давидъ бенъ-Іегуда утвердился и былъ экзилархомъ еще десять лѣтъ (до 840). И въ сурской академіи возникли по тому же поводу распри (827), природа и обширность которыхъ впрочемъ неизвѣстны. Но натянутыя отношенія между обоими президентами въ Пумбадитъ продолжались болѣе долгое время. Наконецъ, обѣ партіи пришли къ соглашенію, вслѣдствіе котораго оба гаона оста-

¹⁾ Сравн. Замѣч. 12, 6.

лись при должности, удерживали за собою титуль и дѣлили доходы. Впрочемъ Аврааму отдавалось предпочтеніе въ томъ, что онъ имѣлъ право проповѣдничества въ общихъ собраніяхъ.

Однажды оба президента пумбадитской академіи сошлись въ Багдадѣ на собраніи по поводу принесенія присяги; предполагалось чтеніе лекцій на этомъ собраніи. Въ то время въ столицѣ калифата существовала многочисленная еврейская община ¹⁾ и нѣсколько синагогъ, изъ которыхъ самая большая называлась Баръ-Нашала. Багдадъ, лежавшій ближе къ Пумбадитѣ, чѣмъ къ Сурѣ, принадлежалъ къ округу пумбадитской академіи, президентъ которой пользовался преимуществами предъ сурскимъ. Предъ началомъ лекціи, когда уже раздался призывъ глашатая: «Слушайте, что будутъ преподавать вамъ главы академій!» присутствующій народъ, собравшійся изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ, заявилъ жалобы на разрозненность и расколъ, происшедшіе отъ того, что одна и та же академія имѣетъ двухъ президентовъ. Плачь толпы подѣйствовалъ на Р. Іосифа бенъ-Хія такъ сильно, что онъ всталъ и заявилъ о сложеніи съ себя сана и объ исключительномъ его предоставленіи своему сопернику. Въ награду за это великодушное рѣшеніе онъ получилъ отъ Маръ-Авраама оскорбительное благословеніе: «Пусть Небо даруетъ тебѣ долю въ загробной жизни!» ²⁾. Лишь по смерти Маръ-Авраама (828), благородный Р. Іосифъ былъ опять избранъ въ пумбадитскіе гаоны (828—33). По смерти его снова началась неправильность въ назначеніи лицъ на праздное мѣсто. Эскилархъ Давидъ бенъ-Іегуда предпочелъ менѣе способнаго старика Р. Исаака бенъ-Хія болѣе достойному Р. Іосифу бенъ-Рабби (Р. Абба), который, въ качествѣ главнаго судьи, имѣлъ право на вышесказанное мѣсто. Столкновение было-бъ опять неизбѣжно, если-бъ избранный гаонъ не былъ предупредителемъ къ обойденному Іосифу, которому онъ сказалъ: «Не сердись, мы съ тобой въ такомъ же от-

¹⁾ Ибнъ-Гіатъ въ Geigers Zeitschrift, т. V, 398.

²⁾ Scherira, въ вышеприв. сочин.

ношеніи, какъ Рабба къ Р. Іосифу (въ аморейское время), и я убѣжденъ, что ты будешь моимъ преемникомъ». Дѣйствительно, по смерти Р. Исаака бенъ-Хія, президентомъ пумбадитской академіи былъ назначенъ, безъ споровъ, Р. Іосифъ бенъ-Рабби (833—42). — Въ сурской академіи волненія также прекратились, и гаономъ назначенъ Р. Моисей бенъ-Іаковъ (827—37), приверженный къ тайному ученію и будто-бы чудесно исцѣлявшій¹⁾. Но по смерти его снова начались смуты, которыя повели къ тому, что сурскій гаонатъ оставался безъ главы въ теченіе двухъ лѣтъ (837—39)²⁾. Истинныя причины всѣхъ этихъ неурядицъ неизвѣстны намъ, но, конечно, караимство отчасти виновно въ нихъ. Хотя раввинисты ненавидѣли караимство, обзывали его ересью и сторонились отъ него, однако заимствовали отъ него многое или подражали ему во многомъ³⁾.

Если секта Анана внесла сѣмя раздоровъ даже въ достопочтенныя залы академій, то и сама не была отъ нихъ свободна. Положеніе, поставленное караимствомъ во главѣ своего ученія, именно: безграничная свобода изслѣдованія Св. Писанія и регулированіе религіозной практики по добытымъ результатамъ изслѣдованія, послужило причиною того, что почти всякій самостоятельный караимъ создавалъ свое собственное еврейство, смотря по тѣмъ результатамъ, къ которымъ приводило его изслѣдованіе Писанія. Религіозная практика обуславливалась хорошимъ или дурнымъ образомъ мыслей изслѣдователя. Кромѣ того, экзегетика находилась еще въ дѣтствѣ; познанія въ еврейскомъ языкѣ, это основаніе здоровой, разумной экзегетики, были скудны. Для произвола были открыты двери настезь. Каждый думалъ, что обладаетъ истинной и можетъ сожалѣть, если не презирать другихъ людей, нераздѣлявшихъ его мнѣнія. Одинъ изъ караимскихъ авторитетовъ, Нисси бенъ-Ноахъ, и новыя секты, возникшія

1) Гаи гаонъ въ его Responsum, сообщен.: Eleasar Tunensis въ сборникѣ Таам Zekenim, стр. 56.

2) Scherira вышепривед. соч.

3) Сравни. Замѣч. 23, II.

въ вѣдрахъ караимства, представляютъ жалкую картину послѣдняго по простествіи не болѣе вѣка по смерти Анана. — Нисси бенъ-Ноахъ, называвшійся также Р. Аха (процвѣталъ около 840)¹⁾, рассказываетъ въ своей автобіографіи о постигшемъ его рано несчастіи: онъ въ дѣтствѣ лишился родителей и оставленнаго ими наслѣдства. Старая бабка взяла его къ себѣ и кормила его, проливая слезы. Придя въ лѣта, онъ посѣтилъ многія страны, обучился языкамъ, сидѣлъ у ногъ многихъ учителей, пока наконецъ не пришелъ въ Іерусалимъ, главное гнѣздо караимства. Онъ нашель во Св. Градѣ, во первыхъ, «непримиримый расколъ» между караимами, а во-вторыхъ, объясненія еоры, написанныя большею частью на чуждыхъ языкахъ, арамейскимъ и арабскомъ, и различествующія между собою. Онъ самъ съ большимъ трудомъ добился новаго свѣта и нашель, что жилъ досель не по «предписаніямъ еоры». Но своей новой теоріи онъ былъ обязанъ множествомъ противниковъ и враговъ. Самые его друзья и родственники преслѣдовали его, «даже ученикъ возсталъ противъ него, какъ лжеучителя, и заплатилъ ему зломъ за добро».

Для оправданія своей точки зрѣнія, Нисси бенъ-Ноахъ написалъ сочиненіе, которое опиралось на десять заповѣдей и выводило изъ нихъ всѣ религіозныя обязанности. Въ противоположность своимъ предшественникамъ и современникамъ, Нисси писалъ на еврейскомъ языкѣ, ибо считалъ позоромъ употреблять арабскій или арамейскій языкъ для объясненія еврейскаго вѣроученія. Но это сочиненіе (съ двойнымъ заглавіемъ *Bitan ha-Maskilim* и *Peles*) имѣетъ такой-же плоскій, бездушный, беспорядочный, расплывчатый характеръ, какъ почти всѣ умственныя произведенія караимовъ. Будучи замнута въ тѣсномъ кругѣ буквальнаго смысла, онъ такъ же мало, какъ основатель караимства и его преемники, могъ возвыситься до свѣтлой, великой мысли. Нисси преподаетъ самымъ непривлекательнымъ образомъ совѣтъ своимъ читателямъ углубляться сперва въ Св. Писаніе, а потомъ усвоить

¹⁾ Сравн. о немъ. Замѣч. 17, V.

грамматическій и массоретскій аппаратъ «вавилонской системы гласныхъ», далѣе изучить Мишну и Талмудъ съ относящеюся къ нимъ литературой, затѣмъ читать философскія сочиненія и наконецъ взяться за его книгу. Нисси, исходя изъ единства и безтѣлесности Бога и оканчивая Синайскимъ Откровеніемъ, установилъ также принципы еврейства, но эти принципы ничто иное, какъ педантическая философія и представляются плохую Мишною¹⁾.

Нисси бенъ-Ноахъ, кажется, ввелъ въ караимство новый элементъ, вслѣдствіе котораго караимство еще болѣе утратило характеръ реформы. Онъ вопреки талмудическому еврейству и даже вопреки Анану утверждалъ, что левитскіе законы о чистотѣ не утратили силы по разрушеніи храма и остались обязательными на всѣ времена. Каждый израильтянинъ долженъ былъ по субботамъ, въ праздники и даже въ дни новолунія, держаться подальше отъ оскверняющихъ людей и предметовъ, а въ случаѣ оскверненія — совершать предписанныя омовенія. Нисси бенъ-Ноахъ пошелъ еще дальше. Онъ думалъ, что молитвенные дома и синагоги, хотя бы и построенные въ странахъ разсѣянія, были такъ же святы, какъ и храмъ въ Иерусалимѣ. Слѣдовательно, лица, считавшіяся по левитскимъ законамъ оскверненными, не смѣли входить въ означенныя зданія и даже были должны воздерживаться отъ молитвы. Караимы приняли ученіе Нисси и, вслѣдствіе этого, отдалились еще болѣе отъ раввинистовъ и приблизились къ самарянамъ, которые также соблюдали левитскіе законы о чистотѣ. Караимы избѣгали сношенія съ раввинистами, считая ихъ оскверняющими на томъ основаніи, что раввинисты не соблюдали болѣе упомянутыхъ законовъ. Такъ какъ случаи оскверненія бываютъ часты и непредвидѣнны, то караимы и теперь нерѣдко не могутъ входить въ молитвенные дома, а стоятъ въ преддверіи синагоги. Поэтому путешественники часто находятъ караимскія синагоги пустыми, а преддверія наполненными молящимся народомъ. Та-

¹⁾ Теперь напечатано въ Pinskiers Likute Kadmoniot.

кое возобновеніе левитскихъ законовъ оказалось еще обременительнѣе для дома. Женщины, считающіяся нечистыми въ извѣстномъ состояніи, должны избѣгать сношеній съ чистыми и забиваться въ отдаленный уголокъ дома. Все, до чего онѣ коснутся въ этомъ состояніи, должно быть вымыто или уничтожено, смотря по натурѣ предмета. Соблюденіе законовъ о чистотѣ повело еще къ дальнѣйшимъ затрудненіямъ, и караимство погружалось все болѣе и болѣе въ тоскливую мнительность и отупленіе ума.

Другіе изъ караимовъ возымѣли, въ свою очередь, удивительно странныя мысли относительно извѣстныхъ законоположеній еврейства. Муза (или Месви) и Измаиль ¹⁾ изъ города Акбара (въ 7 миляхъ на востокъ отъ Багдада) установили (833—42) собственныя воззрѣнія относительно субботы, но воззрѣнія эти неизвѣстны въ подробности. Они также приближались къ самарянамъ. Оба Акбарита утверждали далѣе, что библейское запрещеніе вкушать жирныя части относится лишь къ жертвеннымъ животнымъ и не имѣетъ значенія въ другихъ случаяхъ. Муза и Измаиль нашли себѣ послѣдователей, жившихъ по ихъ теоріи и образовавшихъ въ нѣдрахъ караимства отдѣльную секту подъ именемъ Акбаритовъ. Одновременно съ ними выступилъ другой лжеучитель, Абу-Амранъ Моисей, Персъ, изъ городка Сафрана (близъ Керманъ-Шаха въ Персіи), переселившійся въ городъ Тифлисъ въ Арменіи. Абу-Амранъ Алтифлизи установилъ, въ свою очередь, новыя воззрѣнія, основанныя, по его мнѣнію, на Св. Писаніи. Относительно жирныхъ частей онъ раздѣлялъ мнѣніе Акбаритовъ и считалъ, какъ всѣ караимы, двоюродное родство кровнымъ. Что же касается праздниковъ, то Абу-Амранъ не соглашался ни съ раввинистами, ни съ караимами. Начальнымъ моментомъ новаго мѣсяца не могло быть ни время, опредѣляемое календарнымъ исчисленіемъ, ни видимое новолуніе, а тотъ моментъ, въ который луна становится (при новолуніи) невидимою. Мои-

¹⁾ Сравн. также, Загѣч. 18, I.

сей Персъ отрицалъ тѣлесное воскресеніе и ввелъ еще другія, намъ неизвѣстныя, ненормальности. Его приверженцы образовали особую секту подѣ именемъ Абу-Амранитовъ или Тифлиситовъ ¹⁾, которая существовала нѣсколько вѣковъ.— Другой Моисей (или Месви) изъ Баальбека (въ Сиріи) развилъ далѣе это ученіе, но еще больше отдалился отъ караимства. Онъ утверждалъ, что слѣдуетъ праздновать пасху непремѣнно въ четвергъ, а день отпущенія грѣховъ — въ субботу, ибо этотъ день названъ въ библии двойною субботою. Конечно, праздникъ Пятидесятницы долженъ, по буквальному смыслу, отправляться въ воскресеніе; но сомнительно, отъ какого именно воскресенія послѣ пасхи слѣдуетъ отсчитывать пятьдесятъ дней. Моисей Баальбеки уклонился во многихъ пунктахъ одновременно отъ раввинистовъ и караимовъ; онъ установилъ, чтобы при молитвѣ обращались не въ ту сторону, гдѣ находился храмъ, а всегда къ западу. Онъ также основалъ отдѣльную общину, которая именовала себя Баальбекитами ²⁾ или Месвитами и долго существовала.

Такъ какъ караимство не имѣло религіознаго пункта и духовной власти, которая служила-бы представительницею единства, то нисколько неудивительно, что одна караимская община разнорѣчила съ другими. Такъ, община въ округѣ Хоразана отправляла праздники иначе, нежели прочіе караимы. Хотя послѣдніе старались согласовать лунный годъ съ солнечнымъ и вводили високосный годъ всякій разъ, когда спѣлость ячменя наступала позже обозначеннаго въ библии времени; однако зрѣлость этого злака настолько зависитъ отъ климатическихъ вліяній, что не можетъ служить неизмѣнною нормой. Поэтому главные караимы, жившіе въ Палестинѣ, приняли за масштабъ Св. Землю. Всякій разъ, когда ячмень не созрѣвалъ въ мѣсяцъ Низанъ, они прибавляли мѣсяцъ и праздновали пасху и пятидесятницу мѣсяцемъ позже. Египетскіе караимы, напротивъ, думали, что масштабомъ

¹⁾ Замѣч. 18, IV.

²⁾ Замѣч. 18, V.

долженъ служить Египетъ, такъ какъ св. законодатель установилъ пасху въ этой странѣ.

Нѣкоторые караимскіе учителя старались устранить раздробленность и ввести порядокъ въ хаосъ. Безграничная свобода изслѣдованія Св. Писанія, положенная Ананомъ въ основаніе своего ученія, позволила каждому судить самому о томъ, что для него обязательно или необязательно, поставила человѣчскій умъ судіею надъ религіей и тѣмъ самымъ произвела смуты и секты. Прозорливые караимы, глубоко чувствовавшіе причиняемый тѣмъ вредъ, хотѣли подвести упомянутую свободу подъ правила и законы, отчасти ее ограничить, дабы имѣть твердую почву. Но они заимствовали эти правила у магометанской теологіи и примѣнили ихъ къ еврейству. Они, подобно шіитскимъ учителямъ ислама (отвергавшимъ преданіе), приняли три источника ¹⁾ религіозной обязательности: букву Св. Писанія (Ketab), аналогію или логичность (Hekesch) и согласность (Kibbuz). Но слово «Св. Писаніе» они не считали, какъ раввинисты, равнозначущимъ съ еорою или пятикнижіемъ, а распространяли его на книги пророковъ и гагіографовъ. Все, что въ книгахъ всей св. литературы признается или предполагается религіознымъ, или что даже случайно и мимоходомъ упомянуто въ Библии, — все это должно служить нормой для религіозной практики. Случаи, неясно изложенные въ Св. Писаніи, могутъ быть объясняемы по аналогіи съ подобными случаями. Но многое, что не изъяснено и не упомянуто въ Св. Писаніи, но издавна было въ обычаѣ у еврейскаго народа, также принадлежитъ къ кругу религіозныхъ обязанностей. Такъ, хотя нигдѣ въ Св. Писаніи не сказано, что мѣсяцъ начинается съ появленіемъ новой луны, или что убіеніе скота должно происходить по извѣстнымъ правиламъ; но поелику этотъ пунктъ и другіе были издавна въ обычаѣ у еврейскаго племени, и поелику раввинисты и большинство

¹⁾ Замѣч. 18, VI.

караимовъ согласуются въ нихъ: то посему не можетъ быть никакого о нихъ сомнѣнiя, и пункты эти должны считаться обязательными. Это правило было, въ сущности, уступкою раввинизму и Талмуду. Ибо откуда караимы, появившіеся недавно, могли знать, что это или то дѣйствіе обычно у Израиля съ незапамятныхъ временъ? Они могли это знать только чрезъ Талмудъ, живую память преданiя. Поэтому караимы признали въ принципѣ традицію и стали мало по малу называть правило согласованiя *преданiемъ* (Haatakah) или *преемственнымъ ученiемъ* (Sebel ha-Jeruschah). Но въ практикѣ они дѣйствовали по произволу, считая одно преданiемъ и отвергая другое. Поэтому они не выходили изъ круга произвола.

Неизвѣстно, кто именно установилъ три правила, имѣвшія цѣлью ограничить и обосновать религіозныя обязанности. Правило аналогіи повело караимство къ новымъ затрудненiямъ и недоумѣнiямъ относительно ограниченiя браковъ между кровными родными. Въ пятикнижii нѣтъ запрещенiя вступать въ бракъ съ дочерью, но запрещено брачиться съ внучкою; слѣдовательно, нельзя вступать въ бракъ и съ первою. На это, основанное на Св. Писанii, умозаключеніе опирались караимы и до безконечности умножили степени родства. Они утверждали, что супруги считаются въ Св. Писанii вполне кровными родными; слѣдовательно, сводныя дѣти ихъ должны также считаться кровными родными и потому не могутъ брачиться между собою. Караимы пошли еще далѣе. По ихъ мнѣнiю, отношенiя кровнаго родства между супругами не прекращались и по расторженiи брака. Чрезъ вступленіе мужа въ новый бракъ съ другою женщиной, а жены съ другимъ мужемъ, кровное родство переходило на совершенно чуждыхъ новыхъ супруговъ, такъ что всѣ члены семейства супруговъ перваго и втораго брака были связаны кровнымъ родствомъ, и браки между ними долженствовали считаться кровосмѣшенiемъ. Это кровное родство, обусловленное брачнымъ сопряженiемъ, переходило также на третій и четвертый бракъ, такъ что кругъ кровна-

го родства значительно расширялся. Виновники этой искусственной системы родства назвали ее передачею (Rikkub, Tarkib). Непонятно, почему они остановились на четвертомъ бракѣ; кажется, они убоялись зайти слишкомъ далеко. Въ такую-то путаницу попало караимство, стремясь разорвать связь съ прошедшимъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Благоприятное положеніе евреевъ во Франкской монархіи.

Благосклонность императора Людовика къ евреямъ; императрица Юдиль и ея любимцы; ихъ заклятый врагъ Агобардъ; его посланіе противъ евреевъ; прозелитъ Бодо-Еліазаръ; Людовикъ считаетъ евреевъ находящимися подъ особеннымъ покровительствомъ императора.

814—840.

Европейскіе евреи не предчувствовали, что на Востокъ произошелъ расколъ въ еврействѣ и начались столкновения между экзилархатомъ и гаонатомъ, съ одной стороны, и академическими президентами, съ другой. Вавилонія, мѣстопробываніе гаонскихъ академій, представлялась имъ въ идеальномъ блескѣ, какою-то святыней, преддверіемъ неба, мѣстомъ вѣчнаго мира и богопознанія. Рѣшеніе сурской или пумбадитской академіи, присланное въ еврейскія общины, было важнымъ событіемъ и, будучи постановлено безъ притязаній, честолюбія и заднихъ мыслей, прочитывалось по этому самому съ большимъ уваженіемъ и приводилось въ исполненіе съ неменьшею точностью, чѣмъ папская булла въ католическомъ мірѣ. Западные народы, не вышедшіе еще изъ дѣтства въ отношеніи культуры и письменности, находились подъ опекою также въ религіозномъ отношеніи, — христіане подъ опекою папы, евреи подъ опекою гаонскихъ академій. Хотя нѣкоторыя выдающіяся еврейскія личности во Франціи, а также въ Италіи, занимались агадою и тайнымъ ученіемъ; однако сами считали себя несовершеннолѣтними учениками

восточныхъ авторитетовъ. Благопріятное положеніе евреевъ въ Франкской монархіи, основанной Карломъ Великимъ и возвеличенной его сыномъ Людовикомъ (814—40), побуждало іудеевъ къ умственной дѣятельности, и они обнаружили такую ревность къ іудейству, что могли своимъ примѣромъ воодушевить и христіанъ.

Преемникъ Карла Великаго, добродушный, но безхарактерный императоръ Людовикъ, хотя и отличался набожностью, за которую прозванъ «благочестивымъ», однако осыпалъ евреевъ чрезвычайными знаками своей благосклонности. Онъ взялъ ихъ подъ особенное свое покровительство и не терпѣлъ, чтобы ихъ обижали бароны или духовенство ¹⁾. Они пользовались правомъ свободно разѣзжать по всему государству ²⁾. Они могли, не смотря на многократныя каноническія постановленія, не только употреблять христіанскихъ рабочихъ для своихъ промышленныхъ предпріятій, но и свободно торговать невольниками, покупать рабовъ за границею и продавать ихъ въ предѣлахъ государства. Духовенству воспрещалось допускать еврейскихъ рабовъ къ крещенію и, слѣдовательно, къ освобожденію ³⁾. Въ угоду евреямъ базары были перенесены съ субботы на воскресенье ⁴⁾. Евреи были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія; еврейскимъ судамъ было предоставлено назначать эти наказанія виновнымъ. Евреи также не подвергались варварскимъ ордалямъ, испытанію огнемъ и кипяткомъ, которыя были введены вмѣсто доказательства чрезъ свидѣтелей ⁵⁾. Они могли производить без-

¹⁾ Quia inter nos vivunt (Judaei) et maligni eis esse non debemus, nec vitae, nec sanitati, vel divitiis eorum contrarii. Agobard De insolentia Judaeorum въ его opera ed. Baluz, т. I, стр. 63.

²⁾ Bouquet recueil des historiens des Gaules, II, стр. 649, 650.

³⁾ Вышеприв. сочин. Агобарда, стр. 61; Khalani Mauri (правильнѣе Amolonis) epistola sive liber contra Judaeos (въ собраніи Шиффле scriptorum veterum quinque opuscula, Dijon, 1635) с. 41; Bouquet recueil, IV chartae Ludovici Pii № 33—34.

⁴⁾ Вышеприведен. соч. Агобарда, 65. Mercata, quae in sabbatis solebant fieri, transmutari praeceperunt (missi regis) — dicentes hoc Christianorum utilitati propter diei dominici vacationem congruere — ne sabbatismus eorum (Judaeorum) impediretur.

⁵⁾ Bouquet recueil.

гранично торговлю, обязываясь только платить казнѣ налогъ и ежегодно или чрезъ годъ давать отчетъ въ доходахъ¹⁾. Евреи бывали также откупщиками податей и потому имѣли, вопреки правиламъ каноническаго закона, нѣкоторую власть надъ христіанами²⁾. Избиралось особенное должностное лице, глава евреевъ (*magister judaeorum*), обязанность котораго состояла въ охраненіи данныхъ евреямъ привиллегій отъ нарушенія. Этимъ должностнымъ лицомъ во времена Людовика былъ Эберардъ³⁾.

Эта поразительная благосклонность благочестиваго императора къ евреямъ, быть можетъ, объясняется торговыми видами. Основанная Карломъ Великимъ всемірная торговля, которую Людовикъ хотѣлъ довести до процвѣтанія, находилась преимущественно въ рукахъ евреевъ, потому что они легче могли войти въ сношенія съ своими единовѣрцами, жившими въ другихъ странахъ, и потому что не были стѣснены ни ленными послугами и военною службою, ни состояніемъ въ неволѣ, и образовали, такъ сказать, классъ горожанъ. Однако причина упомянутой благосклонности была глубже: на евреевъ смотрѣли не только какъ на торговцевъ и ремесленниковъ, но и какъ на носителей чистаго Богопознанія. Императрица Юдиѳъ, вторая супруга Людовика и всемогущая повелительница его сердца, питала особенную склонность къ еврейству. Эта одаренная красотой и умомъ императрица, которую друзья не могли вдосталь превознести, а враги вдоволь унижить, глубоко чтילה героевъ израильской старины. Когда ученый аббатъ Фульды, Рабанусъ Мавръ, вознамѣрился заслужить ея благорасположеніе, то не нашелъ лучшаго средства, какъ посвятить ей свою обработку книгъ Есеири и Юдифи и сравнить ее съ этии двумя еврейскими героинями⁴⁾. Императрица и ея друзья, вѣроятно также ка-

1) Тамъ же.

2) Rhabani (Amolonis) epistola: quod quidam ipsorum (Judaeorum) in nonnullis civitatibus telonarii illicite consistuntur.

3) Agobard, стр. 105. Everardus qui Judaeorum nunc magister est.

4) Посвященіе Рабануса въ Bouquet recueil, IV, стр. 355.

мерарій Бернгардъ, истинный правитель государства, были благосклонны къ евреямъ, какъ къ потомкамъ великихъ патриарховъ и пророковъ. Поэтому - то слѣдуетъ ихъ чтить, говорила приверженная къ евреямъ партія при дворѣ, и Людовикъ смотрѣлъ на нихъ такими же глазами ¹⁾. Образованные христіане освѣжали свой умъ сочиненіями еврейскаго философа Филона и еврейскаго историка Іосифа и читали ихъ сочиненія предпочтительно предъ книгами Св. Писанія ²⁾. Поэтому образованные придворные кавалеры и дамы открыто говорили, что желали бы имѣть такого же законодателя, какъ еврей; они просили у евреевъ благословенія и молитвъ ³⁾. Вслѣдствіе этого еврей имѣли свободный доступъ ко двору и сносились непосредственно съ императоромъ и близкими съ нему людьми. Родственницы императора дарили евреекъ драгоценными одеждами ⁴⁾, чтобы доказать свое почтеніе и привязанность.

При такой чрезмѣрной благосклонности двора, было весьма естественно, что еврей Франкской монархіи, обнимавшей также Германію и Италію, пользовались такою свободою вѣроисповѣданія, какою пользуются едва въ наше время. Враждебные евреямъ каноническіе законы были молча лишены силы. Еврей могли безпрепятственно строить новыя синагоги и говорить въ присутствіи христіанъ о значеніи еврейства, высказывая, что они, еврей, суть «потомки пат-

¹⁾ Agobard, стр. 64: *Fautores Judaeorum — illos — laetificantes patriarcharum causa honorandos esse putant. — Quod cari sint (Judaei) vobis (imperator) propter patriarchas.*

²⁾ Rhabani epistola c. 24: *Breviter amonendum putamus, ut etiam libri Josephus et Philo, homines quidem docti, sed Judaei impii exsteterunt, quia eos nonnulli nostrum nimis ammirari soleant et plus etiam quam divinas litteras legere dilectant.*

³⁾ Agobard, тамъ же: *Quod excellentissimae personae capiant eorum (Judaeorum) orationes et benedictiones et fateantur, talem se legis auctorem habere velle, qualem ipsi habent.* Агобардъ тщательно избѣгаетъ называть поименно людей, расположенныхъ къ евреямъ, потому что не желаетъ обвинять королеву предъ королемъ.

⁴⁾ Тамъ же: *Quod honorabiliter ingrediantur (Judaei) in conspectu vestro et egrediantur; dum ostendunt vestes muliebres, quasi a consanguineis vestris et matronis Palatinorum uxoribus eorum directas.*

ріарховъ», «племя праведныхъ», «сыны пророковъ»¹⁾. Они могли безбоязненно высказывать свои искреннія мнѣнія о христіанствѣ, о чудесахъ, совершаемыхъ святыми и мощами, и о почитаніи иконъ²⁾. Христіане посѣщали синагоги, назидались еврейскимъ богослуженіемъ и, — замѣчательный фактъ, — предпочитали чтенія еврейскихъ проповѣдниковъ (Darschanim) проповѣдаямъ своего духовенства³⁾, хотя первые съ трудомъ могли излагать глубокое содержаніе еврейства. Во всякомъ случаѣ, еврейскіе проповѣдники должны были говорить въ то время свои проповѣди на туземномъ языкѣ. Высокопоставленныя духовныя лица не опасались поучаться у евреевъ истолкованію Св. Писанія. По крайней мѣрѣ, фульдскій аббатъ Рабанусъ Мавръ признается, что научился многому отъ евреевъ, и помѣстилъ эти свѣдѣнія въ своихъ комментаріяхъ къ Св. Писанію, которые онъ посвятилъ тогдашнему нѣмецкому императору Людовику⁴⁾. Вслѣдствіе благосклонности двора къ евреямъ, многіе христіане изъ простонародья склонились къ еврейству, считали его истинною религіею, соблюдали субботу и работали по воскресеньямъ⁵⁾. Однимъ словомъ, время царствованія императора Людовика Благочестиваго было для евреевъ его монархіи золотымъ вѣкомъ, какого они не видѣли въ Европѣ ни прежде, ни послѣ.

¹⁾ Агобардъ, 103: Dum se patriarcharum progeniem, justorum genus, Prophetarum sobolem superbo ore perloquuntur (Judaei) ignorantibus (Christianis) qui haec audiunt, etc.

²⁾ Тамъ же, стр. 77.

³⁾ Тамъ же, 64: Ad hoc pervenitur, ut, dicant imperiti Christiani, melius eis praedicari Judaeos quam presbyteros nostros. Равнымъ образомъ Амолъ, вышепривед. соч. с. 41. Et cum eis servos Christianos habere non liceat, habent servientes sibi liberos Christianos, in quibus tantum proficiat eorum impietas — u dicant, melius eos sibi praedicari quam presbyteros nostros.

⁴⁾ Rhabanus Maurus praefatio in reges: Praeterea Hebraei cujusdam modernis temporibus in legis scientia capitulis traditionem Hebraeorum non paucis locis simul cum nota nominis ejus inserui. Равнымъ образомъ praefatio in Paralipomenona.

⁵⁾ Агобардъ, 107: Unde et in tantum grave pelagus nonnulli ex vulgaribus ac rusticis abducuntur, ut hunc solum Dei esse populum, apud hos (Judaeos) piaae religionis observantiam, ac multo certio rem quam nostra sit fidem — et ore impio inter pares et consimilis fateantur. Сравн. Амолъ с. 61.

Но если еврейское племя имѣло враговъ во всѣ времена, то, конечно, французскіе евреи имѣли ихъ въ достаточномъ числѣ, какъ потому, что пользовались благосклонностью двора и были любимы народомъ, такъ и потому, что могли свободно выражать свои религіозныя мнѣнія. Приверженцы строгой церковности видѣли погибель христіанства въ нарушении каноническихъ законовъ въ пользу евреевъ и въ данной имъ свободѣ. Зависть и ненависть скрывались за правовѣріемъ. Придворные милостивцы евреевъ, съ императрицею во главѣ, были и безъ того глубоко ненавидимы клерикальною партіею, которая стремилась повелѣвать императоромъ. Она перенесла на евреевъ свою ненависть къ свободномыслящей партіи при дворѣ. Представителемъ церковнаго правовѣрія и ненависти къ евреямъ былъ въ то время Агобардъ, Ліонскій епископъ, причисленный церковью къ лику святыхъ. Агобардъ былъ безпокойный, желчный человекъ, который въ своей горячности доходилъ до того, что клеветалъ на императрицу Юдию, возставалъ противъ императора и подстрекалъ къ тому же принцевъ. Онъ поддерживалъ императорскаго сына, Лотаря, въ его возстаніи противъ отца. Поэтому, его называли Ахитофелемъ, подстрекающимъ Авессалома - Лотаря противъ Давида - Людовика. Этотъ епископъ стремился ограничить свободу евреевъ и низвести ихъ на ту ступень, на которой они стояли въ царствованіе выродившихся Меровинговъ. Неважное событіе дало ему къ тому поводъ.

У одного уважаемаго ліонскаго еврея сбѣжала невольница и, чтобы гарантировать себѣ свободу, приняла крещеніе отъ Агобарда (въ 827)¹⁾. Евреи видѣли въ этомъ поступкѣ

¹⁾ Чтобы подтвердить хронологическую послѣдовательность: антиеврейскихъ сочиненій Агобарда, замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ, необходимо взять въ расчетъ слѣдующее. Букэ (Recueil VI, стр. 385, Замѣч.) относитъ „Consultatio ad Adalhardem, Walam et Helisachar“ ко времени, предшествовавшему 826 г., году смерти аббата Адалгарда Корвейскаго, а посланіе къ аббатамъ Валѣ и Гилдуину (epistola ad proceres Palatii) къ 828 году. Однако послѣдній трудъ былъ, по мнѣнію Агобарда, первымъ полемическимъ сочиненіемъ.

епископа посягательство на ихъ право, утвержденное императорскою грамотой, и хозяинъ невольницы требовалъ выдачи ему бѣжавшей рабы. Но такъ какъ Агобардъ отказался отъ этого, то евреи обратились къ Эберарду, своему главѣ, который не замедлилъ оказать имъ сильную поддержку. Онъ угрожалъ епископу тѣмъ, что, если послѣдній не выдастъ невольницы ея хозяину, то онъ, Эберардъ, испроситъ у императора назначеніе чрезвычайной комиссіи (*Missi*), которая наказаніями принудитъ его, епископа, выдать невольницу. Это послужило началомъ распри между Агобардомъ и евреями, которая длилась много лѣтъ, сопровождалась различными неудовольствіями и окончилась низложеніемъ Агобарда. Агобардъ ратовалъ не за невольницу, а за восстановленіе и утвержденіе каноническихъ законовъ, которые ограничивали евреевъ.

Боясь, съ одной стороны, наказанія, и будучи, съ другой, томимъ ненавистью къ евреямъ, Агобардъ обратился къ представителямъ церковной партіи при дворѣ, къ Валѣ, аббату корвейскому, и Гилдуину, аббату с.-денискому и архиканцлеру, которые, какъ онъ зналъ, глубоко ненавидѣли импе-

Ибо онъ въ немъ излагаетъ исторію объ окрещенной невольницѣ, какъ нѣчто неизвѣстное: *nunc autem causam hujus persecutionis — ne vobis significante — cognoscere dignamini* (ed. Baluz, стр. 192). Напротивъ, въ первоизданномъ трудѣ, въ „*Consultatio*“, Агобардъ предполагаетъ этотъ фактъ уже извѣстнымъ: *praelata de causa* (тамъ же, стр. 191). Упомянутый въ этомъ сочиненіи Адалгардъ былъ не Корвейскимъ аббатомъ, такъ какъ въ царствованіе Людовика многія высокопоставленныя лица носили это имя. Напротивъ, Вала называется аббатомъ въ посланіи „*ad proceres*“, слѣдовательно оно написано послѣ 826 г., ибо Вала получилъ титулъ аббата лишь по смерти своего брата, Адалгарда Корвейскаго. Балудъ основательно относитъ къ 829 г. два, появившіяся одновременно, сочиненія: *De judaïcis superstitionibus* и *De insolentia Judaeorum*, написанныя, — первое Агобардомъ и епископами Бернгардомъ и Каофомъ, а второе—однимъ Агобардомъ. Мнѣніе это потому несомнѣнно, что въ сказанныхъ сочиненіяхъ упоминается о Лионскомъ соборѣ, бывшемъ въ 829 г. Напротивъ, сочиненіе *ad Nibridium* вышло, кажется, до собора, такъ какъ въ немъ высказывается желаніе о назначеніи такового. Поэтому антиеврейскія сочиненія Агобарда написаны въ такой послѣдовательности: 1) *Ad proceres Palatii Walam et Hilduin*; 2) *Consultatio ad proceres*; 3) *Ad Nibridium*; 4) и 5) *De Judaïcis superstitionibus* и *De insolentia Judaeorum*. Эти сочиненія переведены на нѣмецкій языкъ Др. Иммануиломъ Самосць (Лейпц. 1852).

ратрицу и покровительствуемыхъ ею евреевъ. Онъ подучилъ ихъ испросить у императора ограниченіе льготъ евреевъ. Въ своемъ посланіи Агобардъ прикидывается незнающимъ ничего объ еврейскихъ привилегіяхъ. «Евреи распространяютъ эдиктъ, который будто-бы получили отъ императора, и въ силу котораго никто не смѣетъ окрестить раба безъ ихъ согласія. Но я вообще не вѣрю, чтобы изъ устъ христіаннѣйшаго и благочестиваго императора изошло повелѣніе, которое столь противорѣчитъ церковнымъ правиламъ». Агобардъ обвиняетъ евреевъ въ томъ, что ихъ упорное невѣріе не только препятствуетъ нѣкоторымъ изъ нихъ перейти въ христіанство, но и не прекращаетъ тайно и явно порицать и оскорблять вѣрныхъ. Онъ ссылается на примѣръ апостоловъ и апостольскихъ учениковъ, которые принимали рабовъ въ христіанскую церковь. Онъ хотѣлъ-бы слѣдовать ихъ примѣру, но опасается нарушить повелѣніе, выдаваемое за императорское. Поэтому онъ умоляетъ Валу и Гилдуина, главнѣйшихъ руководителей совѣсти императора, замолвить у послѣдняго словечко въ пользу его (Агобарда) нетерпимости ¹⁾).

Упомянутыя лица, кажется, ходатайствовали предъ императоромъ за Агобарда, но и благосклонная къ евреямъ партія не оставалась въ бездѣйствіи и старалась разрушить махинаціи клерикаловъ. Затѣмъ императоръ, кажется, пригласилъ епископа и представителей еврейства рѣшить спорный пунктъ. Назначены три лица для выслушанія сторонъ: вышеупомянутый Вала, нѣкто Адалгардъ (но не братъ перваго) и канцлеръ Гелизахаръ, аббатъ трирскій. Но Агобардъ при этомъ выслушиваньи разъярился до такой степени, что, по собственному его выраженію, «болѣе рычалъ, чѣмъ говорилъ»²⁾). Потомъ Агобардъ отправился на аудіенцію къ императору. Послѣдній такъ мрачно посмотрѣлъ на епископа, что тотъ не могъ промолвить ни слова и услышалъ только

¹⁾ Агобарда посланіе, № 1.

²⁾ Посланіе, № 2. *Dilectio vestra* audivit me mussitantem potius quam loquentem.

приказаніе удалиться. Еписвопъ вернулся со стыдомъ и въ смущеніи, но вскорѣ оправился и началъ строить новыя козни противъ евреевъ. Онъ съ притворнымъ уничиженіемъ написалъ къ троицъ третейскимъ судьямъ и просилъ у нихъ совѣта. «Если я», писалъ онъ, «буду отказывать въ крещеніи евреямъ или рабамъ, то долженъ бояться суда Божія; если же стану крестить, то долженъ бояться, какъ бы не дать повода къ столкновенію и не побудить къ враждебному нападенію на мой домъ»¹⁾. Но это было только лицемѣріемъ, ибо съ каедръ ліонскаго епископства начали раздаваться анти-еврейскія проповѣди. Онъ внушалъ духовнымъ дѣтямъ прекратить сношенія съ евреями, ничего у нихъ не покупать и ничего имъ не продавать, не участвовать въ ихъ пиршествахъ и не поступать къ нимъ въ услуженіе. Агобардъ прибѣгалъ къ слѣдующимъ доказательствамъ и риторическимъ фигурамъ: «Кто любитъ и вѣренъ своему господину, тотъ не потерпитъ, чтобы другой порицалъ его, и тѣмъ менѣе будетъ дружески обращаться съ такимъ человѣкомъ или раздѣлять его трапезу». Такъ какъ евреи (какъ живо говорилъ и писалъ Агобардъ) проклинають въ своихъ молитвахъ Христово имя, то христіане, если только любятъ своего Господа и Спасителя, не должны этого допускать и тѣмъ менѣе дружить съ Его врагами²⁾.

Если евреи не могли положить предѣлъ этой безграничной ненависти, то должны были готовиться къ кровавому преслѣдованію, ибо Агобардъ до крайности разжегъ противъ нихъ народъ. Къ счастью, придворные милостивцы позаботились воспрепятствовать фанатическому прелату. Узнавъ объ его дѣйствіяхъ, они испросили у императора охранную грамоту (*Indiculi*) съ императорскою печатью и послали ее ліонскимъ евреямъ. Епископъ получилъ письмо, повелѣвавшее прекратить его подстрекающія проповѣди; другое письмо было отправлено къ намѣстнику ліонскаго округа, котораго

¹⁾ Тамъ же у Балуца, стр. 99 и слѣд.

²⁾ Посланіе, № 3 и 5.

ему предписывало оказать защиту евреямъ (въ 828). Но Агобардъ не обратилъ вниманія на эти письма и утверждалъ изъ злобы, что императорскія письма поддѣльны, не могутъ быть настоящими. Тогда явился къ нему еврейскій глава Эберардъ возвѣститъ ему гнѣвъ императора за оказанное неповиновеніе. Но Агобардъ продолжалъ упорствовать, такъ что императоръ послалъ двухъ уполномоченныхъ комиссаровъ, Геррика и Фридриха, двухъ высокопоставленныхъ лицъ своего двора, чтобы образумить разъяреннаго и непокорнаго епископа. Но Агобардъ въ моментъ прибытія комиссаровъ находился въ отсутствіи и такимъ образомъ избѣжалъ на первое время уничтоженія. Неизвѣстно, какія мѣры комиссары могли употребить противъ него. Но, конечно, мѣры эти были очень строги, ибо немногія духовныя лица, участники въ дѣйствіяхъ Агобарда, не осмѣливались показываться ¹⁾. Замѣчательно, что лионское населеніе не держало стороны своего епископа противъ евреевъ.

Но Аманъ-Агобардъ не пересталъ домогаться своихъ анти-еврейскихъ цѣлей. Онъ хотѣлъ противодѣйствовать придворнымъ покровителямъ евреевъ, затронуть совѣсть императора и возстановить его противъ евреевъ. Быть-можетъ онъ уже зналъ тогда о планахъ Вала, Гелизахара и Гилдуина, которые хотѣли возстановить сыновей императора отъ его перваго брака противъ императрицы и архиканцлера Бернгарда, потому что сіи послѣдніе побудили императора вновь передѣлить монархію въ пользу сына Юдиои. Агобардъ отложилъ теперь всякій страхъ и началъ дѣйствовать рѣшительно, какъ будто предчувствовалъ близкое паденіе благосклонной къ евреямъ партіи. Онъ обратился сперва къ имперскимъ епископамъ, съ просьбой указать императору на сдѣланную имъ несправедливость и побудить его къ возстановленію того средостѣнія, которое существовало между евреями и христіанами въ эпоху Меровинговъ. Изъ посланій Агобарда къ прелатамъ дошло до насъ только одно, именно, къ Ни-

1) Посланіе, № 5.

бридіусу, епископу нарбоннскому. Оно исполнено ненависти къ евреямъ и интересно, какъ по мрачному духу автора, такъ и по признаніямъ послѣдняго. Агобардъ рассказываетъ, что, объѣзжая свой округъ, внушалъ своимъ духовнымъ дѣтямъ прервать всякія сношенія съ евреями. Ибо недостойно, чтобы сыны свѣта осквернялись соприкосновеніемъ съ сынами мрака, и чтобы «непорочная и незапятнанная церковь, долженствующая быть готовою для объятій Небеснаго Жениха», безчестила себя «союзомъ съ запятанною, порочною и отверженною синагогой». Будетъ грѣхомъ, если непорочная невѣста Христа сядетъ за трапезу блудницы и, вкушая вкушъ съ нею пищу и питіе, не только впадетъ въ различные пороки, но и подвергнется опасности утратить вѣру. «Ибо нѣкоторые изъ стада Христова, будучи крайне довѣрчивы и живя вмѣстѣ съ евреями, соблюдаютъ ихъ субботу, нарушаютъ работою святость воскресенья и пренебрегаютъ постами». Далѣе, Агобардъ сообщаетъ, что онъ, узнавъ о переходѣ нѣкоторыхъ христіанъ въ іудейство, возымѣлъ намѣреніе положить предѣлъ возрастающему ежедневно злу и совѣтовалъ своимъ духовнымъ чадамъ отказаться отъ сношеній и дружественнаго сосѣдства съ евреями, какъ совѣтовалъ нѣкогда Моисей евреямъ избѣгать сношеній съ язычниками. Ибо вліяніе евреевъ на простые умы значительно. Между тѣмъ какъ христіанамъ, при всемъ желаніи, не удается пріобрѣсти ни одной еврейской души для христіанства, часть христіанъ, участвуя въ іудейскихъ трапезахъ, насыщается также духовною пищею евреевъ. Хотя глава евреевъ, Эберардъ, и комиссары старались запретить ему именемъ императора благое дѣло, однако онъ доселѣ еще не отказался отъ послѣдняго. Наконецъ, онъ проситъ нарбоннскаго епископа воспрепятствовать, съ своей стороны, общенію христіанъ съ евреями и побудить къ тому своихъ товарищей и духовенство, «ибо евреи, находящіеся подъ покровительствомъ закона, находятся въ то же время подъ проклятіемъ, которое охватываетъ ихъ какъ одежда, проникаетъ въ нихъ какъ вода. Отметающіе апостольскую вѣсть о спасеніи должны

быть не только устранены, но и подвергнуты такому наказанію, въ сравненіи съ которымъ казнь Содома и Гоморры покажется легкою»¹⁾).

Хотя ядовитая ненависть Агобарда къ евреямъ должна считаться изліяніемъ его души, однако нельзя отрицать, что въ этомъ случаѣ онъ стоялъ на почвѣ ученія Церкви. Онъ основательно ссылается на апостольскія слова и на каноническіе законы; рѣшенія соборовъ, конечно, были за него. Агобардъ съ своею пламенною ненавистью находился на почвѣ православія, тогда какъ императоръ Людовикъ съ своею кротостью стоялъ на пути ереси. Но Агобардъ не рѣшался высказывать эту мысль; онъ выражался скорѣе въ томъ смыслѣ, что никакъ не можетъ повѣрить, будто императоръ измѣнилъ Церкви ради евреевъ. Потому-то его жалоба нашла себѣ отголосокъ въ сердцахъ князей Церкви. Въ Лионѣ собрались епископы для совѣщанія о томъ, какъ ограничить евреевъ, прервать ихъ мирную жизнь и подвинуть самого императора къ рѣшенію. Въ этомъ соборѣ участвовали, между прочимъ, Бернгардъ, епископъ вьенскій, и Каофъ, епископъ шалонскій. Соборъ постановилъ написать посланіе къ императору, указать на грѣховность и опасность его благосклонности къ евреямъ, и формулировать требованія (829). Дошедшее до насъ соборное посланіе, озаглавленное «О суевѣріяхъ еврейскихъ» (*De judaeis superstitionibus*), подписано только тремя епископами: Агобардомъ, Бернгардомъ и Каофомъ. Посланіе начинается введеніемъ, въ которомъ Агобардъ излагаетъ свое поведеніе въ этомъ спорѣ. Разумѣется, онъ старается оправдать свои дѣйствія. Онъ, какъ выше сказано, не совершилъ ничего несправедливаго съ церковной точки зрѣнія. Но интересно, что онъ вынужденъ смягчать многія дѣйствія и слова, чтобы казаться не врагомъ евреевъ, а ревнителемъ вѣры. Однако онъ не всегда можетъ сдерживать свое негодованіе и невольно высказываетъ свои задуманные мысли. Конечно, онъ часто прибѣгаетъ къ лживымъ

¹⁾ Посланіе № 3.

выдумкамъ и преувеличеніямъ, чтобы подстрекнуть благочестиваго императора. Жалоба Агобарда, покончивъ съ евреями, говорить объ ихъ придворныхъ покровителяхъ, которые во всемъ виноваты.

Онъ утверждалъ въ этомъ введеніи, что хотя комиссары, Геррикъ и Фридрихъ, а также Эберардъ, дѣйствовали во имя императора, но, безъ сомнѣнія, во имя другаго (сатаны), были жестоки къ христіанамъ и очень милостивы къ евреямъ. Если онъ умалчиваетъ о претерпѣнныхъ имъ самимъ угнетеніяхъ отъ нихъ, то не можетъ не сказать о причиненныхъ церкви страданій, объ ея воздыханіяхъ и слезахъ. Евреи, ободренные заступничествомъ комиссаровъ, не убоялись посягнуть въ ихъ присутствіи Иисуса. Евреи возгордились, ибо комиссары шепнули нѣкоторымъ, что евреи далеко не такъ отвратительны, какъ многіе думаютъ, а, напротивъ, очень дороги императору. Покровители евреевъ причинили много страданій ему и ревнителямъ вѣры, хотя онъ ничего не сдѣлалъ, кромѣ того, что увѣщавалъ своихъ духовныхъ чадъ не продавать и не отдавать христіанъ-невольниковъ евреямъ, а продавать ихъ въ Испанію, не служить евреямъ, не праздновать субботы вмѣстѣ съ ними, не ѣсть у нихъ мяса въ посты, не покупать мяса у евреевъ, ибо послѣдніе продаютъ только запрещенное имъ мясо, которому они дали оскорбительное для христіанъ названіе *христіанскаго скота* (*christiana resora*). Равнымъ образомъ евреи продаютъ только то вино, котораго сами не могутъ пить, такъ какъ къ нему прикасались христіане. Какою смягченною и ослабленною представляется эта картина въ сравненіи съ признаніемъ, которое сдѣлалъ Агобардъ Нибридіусу, — что онъ проповѣдывалъ христіанамъ своего округа держаться подальше отъ евреевъ и не участвовать въ ихъ трапезѣ. Далѣе, обвинитель повторяетъ существовавшую давно клевету, будто евреи ежедневно проклинали Иисуса въ своихъ молитвахъ. Не смотря на это, онъ, епископъ, соблюдалъ предписанныя церковью отношенія къ евреямъ, не причинялъ имъ зла и не вредилъ ихъ жизни, здоровью и имуществу. Ибо надобно

обращаться съ евреями осторожно. Однако они употребляли во зло это снисхожденіе, ибо пользуются милостью и покровительствомъ двора и вельможъ. Претерпѣнные имъ страданія побудили простодушныхъ христіанъ видѣть въ евреяхъ нѣчто лучшее.

Поэтому онъ хотѣлъ-бы изложить, какъ руководители гальской церкви, короли и епископы, тщились на соборахъ отдалить христіанъ отъ общенія съ евреями, что вполне согласуется съ апостольскими словами и даже находить себѣ подтвержденіе въ Ветхомъ Заветѣ. Въ то же время онъ хотѣлъ-бы доказать, какое низкое и недостойное понятіе имѣютъ евреи о Богѣ. Все это онъ и другіе епископы изложили въ сочиненіи. Наконецъ, Агобардъ рассказываетъ королю сказку, отъ которой становятся дыбомъ волосы на головѣ. Эта сказка, если только она дѣйствительно основана на фактѣ, бросаетъ на современныхъ христіанъ столь-же мрачный свѣтъ, какъ и на евреевъ. Сказка гласитъ, что христіане продали евреямъ своихъ свободныхъ единовѣрцевъ, какъ рабовъ, и евреи отправили ихъ въ Испанію; или что евреи украли христіанскихъ мальчиковъ и продали ихъ, какъ рабовъ. Объ этомъ будто-бы рассказывалъ ему. Агобарду, одинъ бѣглець изъ Кордовы, который болѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ предъ тѣмъ былъ проданъ въ Кордову однимъ ліонскимъ евреемъ¹⁾. Итакъ, Агобардъ домогался сдѣлать всѣхъ евреевъ отвѣтственными за преступленіе, совершенное однимъ изъ нихъ. Однако ни онъ, ни его современники не предъявляли безстыднаго обвиненія, будто евреи убивали христіанскихъ дѣтей и пили ихъ кровь. Но во всякомъ случаѣ почва къ этому обвиненію была ими подготовлена.

Въ своемъ главномъ сочиненіи Агобардъ и оба вышеназванные епископа старались еще болѣе возстановить императора Людовика противъ евреевъ. Настоятельная необходимость, — говорили они, — побуждаетъ ихъ представить императору, какія мѣры предосторожности необходимо взять

¹⁾ Посланіе № 4.

противъ невѣрія, суевѣрія и заблужденій евреевъ, и руководители гальской Церкви имѣютъ въ этомъ случаѣ превосходные примѣры. Авторы обязаны обратить вниманіе на то, какой вредъ угрожаетъ вѣрнымъ душамъ отъ дьявольскаго сосуда, именно, отъ евреевъ; благочестію императора принадлежитъ употребить противъ этого надлежащія мѣры. Затѣмъ приводятся примѣры челоуѣконенавидѣнія. Святой Иларій никогда не удостоивалъ привѣтомъ ни евреевъ, ни еретиковъ. Святой Амвросій оказалъ сопротивленіе императору изъ-за еврея. Святые Кипріянь и Аванасій, прототипы гальской Церкви, внушали вѣрнымъ избѣгать оскверняющаго общенія съ евреями. Эпаонскій соборъ, состоящій изъ двадцати четырехъ епископовъ, освятилъ каноническое постановленіе о томъ, чтобы никто изъ христіанскихъ мірянъ не принималъ участія въ трапезѣ евреевъ, и чтобы ни одинъ епископъ не отступалъ отъ этого постановленія подъ страхомъ лишиться вѣчнаго блаженства. Это постановленіе подтверждено Агдскимъ соборомъ, а Масонскій соборъ еще прибавилъ, чтобы евреи не назначались въ судьи надъ христіанами и въ сборщики податей, дабы не имѣли никакой власти надъ христіанскимъ людомъ, — чтобы евреи не смѣли показываться, въ теченіе пасхальной недѣли, на улицахъ и площадяхъ, — чтобы они оказывали духовенству знаки смиренной почтительности, — и чтобы не держали христіанскихъ рабовъ.

Затѣмъ епископы, представители церковнаго правовѣрія того времени, приводятъ императору въ примѣръ евангелиста Іоанна и его ученика Поликарпа, бѣжавшихъ близости еретиковъ Церіянта и Марціона. «Нынѣ-же», продолжаютъ они, «евреи еще хуже еретиковъ, которые хотя отчасти были христіанами и вѣровали въ Іисуса». Поэтому необходимо избѣгать евреевъ еще болѣе, чѣмъ еретиковъ. Далѣе они излагаютъ, что евреи имѣютъ нечестивое понятіе о Богѣ, представляя его въ тѣлесномъ видѣ съ членами (лишь одни мистики, см. стр. 216), что они утверждали, будто буквы еоры существовали до созданія міра, и что имѣется нѣсколько

земныхъ міровъ, небесъ и гееннъ. Ни одна страница ветхаго завѣта не осталась незапятнанною баснями, которыя измышлены и теперъ еще измышляются евреями. Агобардъ и его со-епископы, жалуясь на суетвѣріе современныхъ имъ французскихъ евреевъ, видѣли сучецъ въ чужомъ глазѣ и не замѣчали бревна въ своемъ. — Объяснивъ далѣе, что евреи рассказываютъ богохульные исторіи объ Иисусѣ, авторы приходятъ къ слѣдующему умозаключенію: такъ какъ евреи отвергаютъ Сына, то не поклоняются и Отцу, а такъ какъ они притомъ не признаютъ безгрѣшнаго рожденія Иисуса, то суть истинные антихристы. — Если покровители евреевъ думали, что слѣдуетъ чтить ихъ ради ихъ великихъ предковъ, патриарховъ, и что по причинѣ этого благороднаго происхожденія необходимо предпочитать евреевъ христіанамъ, то надобно также высоко чтить и сарацинъ (арабовъ), которые равнымъ образомъ происходятъ отъ Авраама. Но евреи, далеко не будучи благороднѣе христіанъ, оказываются еще хуже, чѣмъ сарацины и агаряне, которые по крайней мѣрѣ не распяли Сына Божія¹⁾.

Логика Агобарда и другихъ епископовъ была неопровержима съ точки зрѣнія вѣры и каноническаго закона, и если-бъ императоръ Людовикъ Благочестивый хотя немного поддался этой логикѣ, то былъ-бы долженъ уничтожить мечемъ и огнемъ евреевъ въ своей имперіи. Къ счастью, онъ не подчинился ей, потому-ли, что зналъ настроеніе ума Агобарда, или потому, что до него не дошло обвинительное сочиненіе епископовъ, ибо, — какъ опасался Агобардъ, — придворные покровители евреевъ не допустили авторовъ представить свой трудъ. Ненавидѣвшій евреевъ лонскій епископъ отмстилъ за это чрезъ годъ (830), принявши участіе въ заговорѣ противъ императрицы Юдиои и ея друзей, и даже взявши сторону нечестивыхъ сыновей, которые хотѣли низвести отца съ престола и унижить его, и отчасти исполнили свой умыселъ. Агобардъ былъ наказанъ лишеніемъ епископскаго

¹⁾ Посланіе № 5.

сана и бѣжалъ въ Италію. Впослѣдствіи Людовикъ возвратилъ ему санъ, но епископъ уже ничего не предпринималъ противъ евреевъ.

Людовикъ до самой смерти оставался благосклоненъ къ евреямъ, хотя переходъ въ іудейство одного изъ его любимцевъ сильно возмутилъ его благочестіе и могъ-бы раздражить его противъ евреевъ. Обращеніе къ іудейству дворянина и сановника Церкви, Бодо, произвело въ то время сильное впечатлѣніе. Хроники занесли его на свои страницы, какъ занесли бѣдствія отъ тучъ саранчи, явленія кометъ, наводненія и землетрясенія. Дѣйствительно, событіе сопровождалось необыкновенными обстоятельствами и могло поразить благочестивыхъ христіанъ. Бодо или Пуото, потомокъ древне-германскаго рода, обученный свѣтскимъ и духовнымъ наукамъ, вступилъ въ духовенство и принялъ санъ діакона. Императоръ былъ очень расположенъ къ нему и назначилъ его своимъ духовникомъ, дабы не разлучаться съ нимъ. Бодо, какъ благочестивый католикъ, испросилъ себѣ позволеніе отправиться въ Римъ, получить тамъ благословеніе папы и поклониться гробамъ апостоловъ и мучениковъ. Императоръ исполнилъ это желаніе своего духовника и отпустилъ его съ богатыми дарами. Но въ столицѣ христіанства Бодо не укрѣпился въ вѣрѣ, а напротивъ, полюбилъ сильно еврейство. Причина тому неизвѣстна. Быть можетъ, благосклонность Людовикова двора къ евреямъ и къ іудейству побудила его къ размышленію, къ сравненію обѣихъ религій и къ предпочтенію еврейства. Или безнравственность духовенства въ христіанской столицѣ. — давшая поводъ къ сатирѣ на женщину-папу Іоанна, осквернившаго престолъ Петра, — наполнила его душу омерзѣніемъ и толкнула къ еврейству, отличавшемуся чистою нравственностью. Правовѣрные христіане, не изслѣдовавъ причинъ перемѣны образа мыслей Бодо и не вникнувъ въ нихъ, отвѣчали безъ дальнихъ разсужденій: сатана, врагъ человѣческаго рода и церкви, соблазнилъ его. Или же говорили, что евреи увлекли его къ тому своимъ краснорѣчіемъ.

Итакъ Бодо, не посѣтивъ Франціи и тамошняго двора отправился изъ Рима прямо въ Испанію, гдѣ и намѣревался перейти въ іудейство. Онъ отрекся отъ отечества, почестей и друзей, совершилъ въ Сарагоссѣ обрѣзаніе надъ собою, принялъ имя Еліазара и отпустилъ себѣ бороду (Августъ 938). Изъ всѣхъ окружавшихъ его, которыхъ онъ хотѣлъ привлечь къ іудейству, остался при немъ только одинъ племянникъ. Любовь никоимъ образомъ не была побудительною причиною тому, что Бодо-Еліазаръ перемѣнилъ вѣру. Ибо только въ Сарагоссѣ онъ женился на еврейкѣ, поступилъ, кажется, въ военную службу къ одному арабскому князю и до такой степени возненавидѣлъ своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, что убѣждалъ магометанскаго повелителя Испаніи принуждать жившихъ въ его странѣ христіанъ къ переходу въ исламъ или въ іудейство. Поэтому испанскіе христіане обратились къ франкскому монарху и къ епископамъ, умоляя ихъ добыть, во что бы то ни стало, этого вѣроотступника ¹⁾.

Конечно, императоръ Людовикъ, какъ выше сказано, былъ сильно пораженъ переходомъ Бодо въ іудейство и скорбѣлъ объ этомъ. Однако онъ не излилъ своего гнѣва на евреевъ и не упрекалъ себя въ покровительствѣ имъ и въ томъ, что на его совѣсти быть-можетъ лежитъ грѣхъ вѣроотступничества Бодо. Онъ попрежнему защищалъ евреевъ отъ несправедливости и доказалъ это по поводу одной тяжбы, о которой свѣдалъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отступничества Бодо. Еврейское семейство, состоявшее изъ отца, по имени Гаудиокусъ,

¹⁾ Главный источникъ для этого извѣстія есть Rhabani Mauri (правильнѣе Amaloni) epistola contra Judaeos, c. 42: Quod enim nunquam antea gestum meminimus, seductus est ab eis (Judaeis) Diaconus palatinus nobiliter nutritus, et in ecclesiae officiis exercitatus et apud principem bene habitus, ita ut deseruit penitus Christianorum regnum et nunc apud Hispaniam inter saracenos Judaeis sociatus persuasus est, circumcisionem carnalem accipere, nomen sibi mutare, ut qui antea Bodo nunc Eleazar appellatur. Сравни. Annales Bertiniani или Prudentii Trecensis въ Bouquet recueil des historiens, VI, стр. 200 и слѣд.; Duchesne, T. III, стр. 156; Pertz Monumenta Germaniae, I, 49, 65 и 442. Хроника гласитъ, объ этомъ фактѣ: Puoto diaconus de palatio humani generis hoste pellectus lapsus est in Judaismum.

и двухъ сыновей, Иакова и Вивація, владѣло въ Септиманіи (на югѣ Франціи) поземельною собственностью съ принадлежащими къ ней полями, виноградниками, лугами, мельницами, водами и другими угодьями. Нѣкоторые злые люди предъявили подъ какимъ-то предлогомъ споръ о правѣ сказанныхъ евреевъ владѣть этою землею. Императоръ Людовикъ, узнавъ объ этомъ спорѣ, немедленно утвердилъ евреевъ во владѣніи и въ правахъ и даже высказалъ слѣдующее: если апостольскіе законы обязываютъ его пещись только о благоденствіи христіанъ, то они не препятствуютъ ему оказывать правосудіе и покровительство всѣмъ подданнымъ, къ какой-бы религіи не принадлежали послѣдніе (Февраль 939). По истинѣ, этотъ человѣколюбивый и набожный государь скорѣе заслуживаетъ названія «Великій», чѣмъ многіе, упоминаемые въ исторіи, деспоты и губители счастія, ибо онъ обнаруживалъ благородныя человѣческія чувства въ варварскую, жестокую и лицеиѣрную эпоху! — Конечно, во времена Людовика Благочестиваго народилась мысль, живущая въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, мысль о томъ, что императоръ есть естественный защитникъ евреевъ, и что они, какъ его кліенты, неприкосновенны въ нѣкоторомъ смыслѣ¹⁾.

1) Bouquet recueil, стр. 624, ССХХХІІ. Формула общаемаго императоромъ покровительства евреямъ гласила: *Domatum Rabbi et Samuelem nepotem ejus sub nostro defensione*, или: *sub nostro mundebordo suscepimus*. Bouquet, тамъ же, 624, № 32—34.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Упадокъ экилархата и начало еврейско-научной литературы.

Императоръ Карлъ Лысый и евреи. — Еврейскій врачъ Седекія. — Еврейскій дипломатъ Иуда. — Амоло, врагъ евреевъ. — Соборъ въ Мо. — Антиеврейское посланіе Амоло. — Дѣйствіе его. — Насильственное крещеніе евреевъ въ Византійской имперіи въ царствованіе Василія Македонянина и Льва. — Униженіе евреевъ и христіанъ въ калифатѣ. — Упадокъ экилархата и возвышеніе нумбадитской академіи; Палтон и Маръ-Амрамъ; чинъ молитвы. — Гаоны - писатели. — Симонъ Кагира. — Арабскій Іозиппонъ. — Исаакъ Израели. — Карайскіе писатели; Моисей Даран. — Аскетическое направленіе карайства. — Элдадъ Данигъ и Цемахъ гаонъ. — Іегуда бенъ-Кораншъ. — Почетное положеніе евреевъ и христіанъ въ правленіе калифа Алмутагиды. — Упадокъ сурской академіи. — Когенъ-Цедекъ и его стремленія. — Экилархи Укба и Давидъ бенъ-Саккан.

(840 — 928).

Со смертію императора Людовика Благочестиваго окончился надолго золотой вѣкъ для франкскихъ евреевъ. Западная Европа, раздираемая анархіей и управляемая фанатическимъ духовенствомъ, не представляла ни одного пункта, удобнаго для развитія еврейства. Правда, Карлъ Лысый, сынъ Людовика и Юдиои, бывшій причиною столь многихъ смуть во Франкской монархіи, которыя привели наконецъ къ раздѣленію имперіи на Францію, Германію, Лотарингію и Италію (843), не былъ вообще врагомъ евреевъ; напротивъ, онъ, кажется, наслѣдовалъ отъ своей матери нѣкоторую къ нимъ любовь. У него былъ лейбъ-медикъ еврей Седекія, котораго онъ очень любилъ. Медицинскія познанія Седекія казались невѣжественной толпѣ и вѣрившему въ чудеса духовенству какимъ-то волшебствомъ и дьявольскимъ

навожденіемъ ¹⁾. Карль Лысый, съ 843 года французскій король, имѣлъ также другаго любимца еврея, по имени Гуда, оказавшаго ему столь много политическихъ услугъ, что Карль называлъ его своимъ «Вѣрнымъ» ²⁾. Поэтому евреи остались въ царствованіе Карла такими-же равноправными съ христіанами, какими были въ правленіе его предшественниковъ. Они могли безпрепятственно заниматься своими дѣлами и владѣть землею. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили за собою или взяли откупъ на пошлины ³⁾. Но въ высшемъ духовенствѣ они имѣли непримиримаго врага. Въ лицѣ Агобарда они такъ сильно раздражили духовныхъ сановниковъ, что послѣдніе, хотя и проновѣдывали кротость и любовь, не могли однако оставить евреевъ въ ихъ положеніи.

Самымъ заклятымъ врагомъ евреевъ былъ ученикъ и преемникъ Агобарда, епископъ Ліонскій Амолло. У своего учителя онъ выучился ненавидѣть евреевъ и строить софизмы. Но Амолло былъ не единственною такою личностію; Реймскій епископъ Гинкмаръ, любимецъ императора Карла, архіепископъ санскій Ванило, архіепископъ Бургесскій Рудольфъ и многія другія духовныя лица раздѣляли его, враждебный евреямъ, образъ мыслей. На соборѣ, созванномъ этими прелатами въ Мо (недалеко отъ Парижа), съ цѣлью, съ одной стороны, сломить могущество короля и возвысить духовенство, а съ другой, обуздать распутство многихъ духовныхъ лицъ, они рѣшили дать новую силу старымъ каноническимъ законамъ и ограниченіямъ относительно евреевъ, и добиться отъ Карла утвержденія этихъ постановленій. Члены собора неявно высказывали, какъ далеко хотятъ они распространить ограниченія, но, по примѣру Агобарда, предложили королю рядъ самыхъ суровыхъ мѣръ, направленныхъ противъ евреевъ и восходившихъ ко временамъ перваго христіанскаго императора Константина. Они напоминали объ

¹⁾ Гинкмаръ и Регино въ Pertz Monumenta Germaniae, I, 504, 589.

²⁾ Fidelis meus Juda въ Histoire des comtes de Barcelona par Diego, стр. 26.

³⁾ Видно изъ посланія Рабануса (или Амолло) противъ евреевъ, о чемъ сказано дальше.

эдиктъ императора Θεодосія II, въ силу котораго ни одинъ еврей не могъ занимать какую либо должность или имѣть какой-либо санъ. Далѣе, они напоминали о постановленіяхъ агдскаго, масонекаго и орлеанскаго соборовъ, и объ эдиктъ меровингскаго короля Хильдеберта (см. стр. 52), по которымъ евреи не могли быть судьями и откупщиками податей. не смѣли являться въ теченіе пасхальной недѣли на улицахъ, и должны были оказывать духовенству смиренную почитательность. Они ссылались даже на иноземныя, слѣдовательно неимѣвшія во Франціи силы закона, соборныя постановленія, на Лаодикійскій соборъ, воспрещавшій христіанамъ принимать отъ евреевъ праздничные подарки и опрѣсноки, участвовать въ еврейскихъ праздничныхъ торжествахъ и пиршествахъ; они ссылались даже на безчеловѣчныя вестготскія синодальныя постановленія, направленные въ сущности скорѣе противъ крещеныхъ и тѣмъ не менѣе все еще привязанныхъ къ іудейству евреевъ, чѣмъ противъ некрещеныхъ. Слѣдовательно, члены собора, напоминая вестготское соборное постановленіе, повелѣвавшее отнимать у евреевъ (т. е. крещеныхъ) дѣтей и отдавать ихъ христіанамъ, обнаруживали двоякую ненависть. Въ заключеніе они настаивали на одномъ пунктѣ, въ силу котораго еврейскіе и христіанскіе работорговцы обязывались продавать рабовъ-язычниковъ въ христіанскія области, дабы они могли быть обращены къ христіанству (28 Іюня 845) ¹⁾.

Прелаты разсчитывали, что король Карлъ, находясь въ критическомъ положеніи вслѣдствіе нападенія Нормановъ и совершенныхъ ими грабежей, согласится на рѣшеніе собора; при этомъ они выставляли постигшія страну бѣдствія божескимъ наказаніемъ за грѣховность короля. Но прелаты ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Карлъ еще не упалъ такъ сильно

¹⁾ Concilium Meldense canon 73. Заключеніе *Ut mercatores hujus regni, Christiani sive Judaei mancipia pagana intra Christianorum fines vendere compellantur* не принадлежитъ къ предшествующей цитатѣ изъ постановленій Толедскаго собора, а есть самостоятельное рѣшеніе. Впрочемъ, изъ него оказывается, что еврей не были единственными работорговцами.

духомъ, чтобы фанатическое и честолюбивое духовенство могло предписывать ему законы. Хотя въ числѣ соборныхъ членовъ былъ его любимецъ, Реймскій епископъ Гинкмаръ, однако же Карлъ приказалъ распустить соборъ, а членамъ его разойтись. Позже онъ созвалъ ихъ въ Парижъ (14 Февраля 846), подъ своимъ надзоромъ, для совѣщанія о церковныхъ дѣлахъ. Они сами должны были признать недѣйствительными три четверти всѣхъ (восьмидесяти) рѣшеній собора въ Мо, и между прочимъ рѣшеніе объ ограниченіи евреевъ¹⁾. Слѣдовательно, униженное положеніе евреевъ во Франціи не было узаконено ни при Каролингахъ, ни въ послѣдствіи времени. Единственное ограниченіе евреевъ, установленное Карломъ, состояло въ томъ, что они должны были уплачивать казнѣ по одиннадцати процентовъ съ проданнаго товара, тогда какъ христіане уплачивали только десять²⁾.

Однако Амолу и его единомышленники не пришли въ уныніе отъ неудачи, потерпѣнной ими на соборѣ въ Мо, и отъ разстройства ихъ плановъ унижить евреевъ. Преемникъ Агобарда обратился съ окружнымъ посланіемъ къ высшему духовенству и увѣщавалъ его подѣйствовать на государя (846), дабы послѣдній отмѣнилъ данныя евреямъ привиллегіи и низвелъ на низшую степень общественнаго положенія. Посланіе Амолу, исполненное яда и клеветы на еврейское племя, достойно стать на ряду съ обвиненіемъ евреевъ, поданнымъ императору Людовику Агобардомъ. Въ этомъ посланіи многое заимствовано изъ сказаннаго обвиненія, и лишь не многое представляется новымъ. Во введеніи говорится, что евреи пользовались почетомъ и уваженіемъ дворянства и народа, и что именно ради этого уваженія они хотѣли погубить Амолу.

¹⁾ Concilium Parisiense 846. Тамъ сказано (у Sirmond, III, стр. 21): quia factione quorundam motus est animus ipsius regis contra episcopos, dissuadentibus primoribus regni sui ab eorum (episcoporum) admonitione et remotis ab eodem concilio (Meldensi) episcopis, ex omnibus illis capitulis haec tantum observanda collegerunt, undeviginti capitula ex octoginta. Въ актахъ Парижскаго собора также нѣтъ постановленія противъ евреевъ.

²⁾ Capitularia Caroli calvi въ Bouquet recueil, T. VII, въ Pertz Monumenta leges, I, 540.

Авторъ старается доказать, какъ презрѣнно невѣріе евреевъ, какъ позоренъ ихъ переходъ къ христіанству, «что неизвѣстно многимъ, не только народу и черни, но и дворянамъ и высокопоставленнымъ лицамъ, ученымъ и неученымъ»¹⁾. Онъ хочетъ снять повязку съ глазъ всѣмъ этимъ лицамъ, т. е. всему французскому народу, за исключеніемъ фанатическаго духовенства, и доказать имъ, на сколько они близки къ гибели вслѣдствіе своихъ дружественныхъ сношеній съ евреями. Съ этою цѣлью онъ приводитъ антиеврейскія мѣста изъ евангелія и Отцевъ Церкви, и сказанное тамъ объ еретикахъ онъ, подобно Агобарду, примѣняетъ къ евреямъ, такъ какъ они еще хуже еретиковъ. Отъ крещеныхъ евреевъ, большинство которыхъ хотѣло оправдать свое отпаденіе, порицая прежнихъ единовѣрцевъ, онъ узналъ, что евреи называли апостоловъ «вѣроотступниками» и придавали въ еврейскомъ переводѣ гнусное значеніе слову евангеліе; далѣе, что евреи всюду въ восточныхъ и западныхъ странахъ, по сю и по ту сторону моря, получили предписаніе не пѣть болѣе въ синагогахъ девятнадцатый псаломъ, такъ какъ онъ ясно и понятно говоритъ объ Иисусѣ²⁾.

Онъ упрекаетъ евреевъ въ слѣпотѣ, съ какою они вѣрили, что для нихъ явятся два Мессіи. Одинъ Мессія, изъ дома Давидова, уже родился въ эпоху разрушенія храма и, принявъ ужасающій видъ, живетъ тайно въ Римѣ. Другой Мессія, изъ колѣна Ефремова, станетъ воевать съ Гогомъ и Магогомъ, но будетъ убитъ ими и оплаканъ всѣмъ Израилемъ³⁾.

¹⁾ Сочиненіе называется *Rhabani Mauri archiepiscopi Moguntii epistola seu liber contra Judaeos*. Но критика доказала, что это посланіе принадлежит не Рабанусу Мавру, но Амолу, что также очевидно изъ содержанія с. 43, въ которой авторъ говоритъ объ Агобардѣ, какъ о своемъ предшественникѣ и учителѣ. Сравни. Прибавленія Адельунга къ ст. Амолу въ *Jöchers Gelehrtenlexicon*. Во введеніи говорится: *Detestanda Judaeorum perfidia quantum sit noxia fidelibus — apud multos incognitum est, non solum vulgares et plebeios, sed etiam nobiles et honoratos, doctos pariter et inductos et apud eos maxime, inter quos nulla praefatorum infidelium habitatio et frequentatio est.*

²⁾ Тамъ же, с. 2—10.

³⁾ Эта агалская сага въ полномъ видѣ разсказана въ первый разъ Амолу, с. 12—13, и только чрезъ 2 столѣтія потомъ является въ литературномъ видѣ, въ книгѣ Зоровавеля (напис. около 1050).

Въ концѣ своего посланія Амолу преимущественно скорбитъ о томъ, что евреи пользуются во Франціи свободою слова ¹⁾, увлекаютъ въ свою вѣру многихъ христіанъ и держатъ христіанскую прислугу, которая работаетъ въ ихъ домахъ и поляхъ. Онъ также сожалеетъ о томъ, что нѣкоторые христіане выражаютъ мнѣніе о превосходствѣ еврейскихъ проповѣдниковъ надъ христіанскими, — какъ будто евреи виноваты въ томъ, что духовенство не умѣло приковать вниманіе слушателей къ своимъ проповѣдямъ ²⁾. Амолу упрекаетъ евреевъ также въ томъ, что дворянинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ духовное лицо Бодо принялъ Іудейство и глубоко ненавидѣлъ христіанство ³⁾. Отъ еврейскихъ переметчиковъ онъ будто бы слышалъ, что еврейскіе откупщики податей до тѣхъ поръ угнетаютъ бѣдныхъ христіанъ, пока тѣ не отречутся отъ Христа ⁴⁾, — словно подобное преступленіе могло таиться въ неизвѣстности до открытія его вѣроотступниками.

Онъ самъ, — говоритъ Амолу, — по примѣру своего учителя и предшественника Агобарда, многократно настаивалъ въ своемъ епископствѣ на томъ, чтобы христіане отказались отъ общенія съ евреями и не осквернялись ихъ пищею и питьемъ, но его дѣятельность оказалась недостаточною. Поэтому онъ призываетъ всѣхъ епископовъ въ странѣ повліять на благочестивыхъ христіанъ, дабы вновь ввести прежнія соборныя ограниченія относительно евреевъ ⁵⁾. Онъ также высчитываетъ враждебныхъ къ евреямъ государей и соборы, которые возвели униженіе евреевъ на степень закона, — дѣйствуетъ подобно Агобарду и членамъ созваннаго въ Мо собора. Амолу напоминаетъ сверхъ того о благочестивомъ вестготскомъ королѣ Сизебутѣ, который принуждалъ евреевъ

¹⁾ Тамъ же, с. 41. Quod enim multum dolendum est et per hos inimicos crucis Christi, licentiosa libertate quod volunt agentes et sicut volunt agentes — dum multi Christiani — contra decreta canonum ita indifferenter eis adhaerent ut incessanter eorum conjunctu polluantur et ipsis serviant tam in domibus quam in agris.

²⁾ Тамъ же, сравн. вверху стр. 249, примѣч. 3.

³⁾ Тамъ же, с. 42.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, с. 43.

своего государства къ христіанству ¹⁾. «Мы не должны», заключаетъ онъ свое посланіе, «своею предупредительностью, льстивостью или даже защитою охранять осужденныхъ и отвергающихъ свое осужденіе людей» (именно евреевъ) ²⁾.

Ядовитое посланіе Амолу имѣло сперва такъ же мало дѣйствія, какъ и обвиненія евреевъ Агобардомъ и собравшимся въ Мо соборомъ. Но ядъ мало по малу распространился между народомъ и князьями. Распаденіе Франціи на мелкія, самостоятельныя государства, непризнававшія главенства короля, содѣйствовало тому, что евреи были преданы произволу фанатическаго духовенства и тиранніи князей. Жажда французскаго клира къ преслѣдованію зашла такъ далеко, что тогдашній Безьерскій епископъ своими страстными проповѣдями, сказанными въ промежутокъ времени отъ Вербнаго воскресенія до втораго дня Свѣтлой седмицы, возбуждалъ христіанъ отмстить безьерскимъ евреямъ за распятіе Іисуса. Толпа, фанатизированная этими проповѣдями, схватилась за камни, съ цѣлю поразить ими евреевъ. Изъ года въ годъ повторялось это печальное событіе, благословляемое всякій разъ епископомъ. Безьерскіе евреи часто оборонялись, и тогда обѣ стороны обагрялись кровью ³⁾. Это неслыханное варварство продолжалось нѣсколько столѣтій. — Подобныя событія совершались въ теченіе нѣкотораго времени въ Тулузѣ. Графы этого города имѣли право давать ежегодно, въ страстную пятницу, пощечину синдикъ или старшинѣ еврейской общины. Рассказываютъ, что однажды капеланъ Гуго испросилъ себѣ позволеніе дать эту пощечину и далъ ее съ такою силою, что несчастный синдикъ упалъ бездыханнымъ на землю. Ненависть къ евреямъ,

¹⁾ Тамъ же, с. 44 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, с. 60. *Homines namque perditos et suam perditionem non videntes (id est ipsos Judaeos) non debemus nostris blanditiis et adulationibus vel (quod obsit) defensionibus reddere male securos.* Это мѣсто, кажется, направлено противъ тѣхъ духовныхъ лицъ, которые были благосклонны къ евреямъ и защищали ихъ.

³⁾ Въ *Bouquet recueil* XII, 436, *Chronica Gaufredi Voisinensis* и у *Vaisette histoire de Languedoc*, II, стр. 485.

желавшая найти оправданіе этому безчеловѣчію, измыслила басню, будто евреи нѣкогда предали или хотѣли предать Тулузу магометанамъ ¹⁾. Такой же нелѣпый вымыселъ говорить, что евреи предали Бордо Норманамъ. Впослѣдствіи времени пощечина замѣнена въ Тулузѣ ежегоднымъ денежнымъ взносомъ.

Правнукъ Людовика Благочестиваго, Людовикъ II, сынъ Лотаря, допустилъ себя опутать духовенству до такой степени, что, ставши государемъ Италіи (855), тотчасъ подтвердилъ соборное постановленіе объ изгнаніи всѣхъ итальянскихъ евреевъ изъ страны, въ которой жили ихъ предки задолго до вторженія германцевъ и лонгобардовъ. Къ 1 Октября того же года не должно было остаться въ Италіи ни одного еврея. Оставшихся же могъ схватить всякій и предать наказанію ²⁾. Къ счастью для евреевъ, рѣшеніе это было неисполнимо. Ибо Италія была въ то время раздѣлена на мелкія области, главы которыхъ большею частію отказывали въ повиновеніи итальянскому государю. Магометане дѣлали частыя нападенія на страну и нерѣдко призывались христіанскими князьями противъ соперниковъ или противъ императора. Благодаря этой анархіи, евреи пользовались извѣстною безопасностью, и постановленіе, вѣроятно, осталось только на бумагѣ. — Во Франціи совершались также мѣстныя изгнанія евреевъ. Санскій архіепископъ Ансегисусъ, имѣвшій главенство надъ всѣмъ галльскимъ духовенствомъ и названный вторымъ папою, изгналъ изъ Санса ³⁾ евреевъ одновременно съ монахинями, вѣроятно, по смерти Карла (между 877 и 882). Хроника едва намекаетъ на причину этого преслѣдованія и на его связь съ изгнаніемъ монахинь. Въ царствованіе преемниковъ Карла, когда могущество королевства постепенно уменьшалось, а ханжество королей возрастало, дѣло дошло до того, что Карлъ Простой, по из-

¹⁾ Сравн. объ этомъ Duchosne *scriptores Francorum*, III, 430; Bouquet *recueil* IX, 116; *Histoire de Languedoc* II, 151.

²⁾ Pertz *Monumenta leges* I, стр. 437.

³⁾ *Chronicon* въ Bouquet *recueil* VIII, 237.

лишней ревности, подарилъ нарбоннской церкви (899, 914) всѣ земли и виноградники евреевъ въ Нарбоннскомъ герцогствѣ¹⁾. Мало по малу французскіе короли привыкли къ мысли, что защита, оказываемая евреямъ императоромъ Карломъ Великимъ и еще болѣе (его сыномъ Людовикомъ, налагала на евреевъ извѣстнаго рода обязательства, т. е. евреи дѣлались зависимыми отъ государя, которому принадлежала какъ ихъ личность, такъ и имущество. По крайней мѣрѣ эта мысль лежитъ въ основаніи актовъ, которыми узурпаторъ Бозо, бургундскій и провансальскій король, окруженный вѣчно духовенствомъ, приносилъ евреевъ въ даръ Церкви²⁾, т. е. поступалъ съ ними, какъ съ невольниками. Его сынъ Людовикъ подтвердилъ этотъ дарственный актъ (920). Такой произволъ относительно евреевъ прекратился только въ правленіе Капетинговъ.

Не менѣе печальная участь постигла евреевъ и на востокѣ Европы, въ Византійской имперіи. Не смотря на принудительное крещеніе и на гоненіе, воздвигнутое императоромъ Львомъ Исавряниномъ (см. стр. 174), евреи снова распространились по всей Византійской имперіи и именно въ Малой Азіи и Греціи. Неизвѣстно, при какомъ императорѣ они получили дозволеніе исповѣдывать опять іудейскую религію; быть можетъ оно даровано было императрицею Ириною, которая вслѣдствіе своихъ сношеній съ Карломъ Великимъ была не столь жестокосерда, какъ ея предшественники. Многіе изъ греческихъ евреевъ занимались шелководствомъ, разведеніемъ шелковицы и шелкопрядствомъ³⁾. У нихъ изстари существовалъ обычай кормить

¹⁾ Документы объ этомъ въ Bouquet, тамъ же, IX, 480, 521.

²⁾ Bouquet recueil IX, Charta 920.

³⁾ Обстоятельство, что евреи занимались въ Греціи шелководствомъ, доказывается тѣмъ, что сицилійскій король Рожеръ переселилъ ихъ изъ Греціи въ Италію, дабы они занимались здѣсь этою отраслью промышленности; въ Pertz Monumenta V, 192. Веніаминъ Тудельскій сообщаетъ, что этимъ искусствомъ занимались евевскіе евреи: ed. Asher, стр. 16. По недостатку тутовыхъ деревьевъ, шелководство нигдѣ не могло существовать, кромѣ Греціи. Запросъ евреевъ гаону Р. Мататіа въ Resp. Gaonim № 230 (Schaage Teschubah) между 860 и 869; поэтому могъ быть сдѣланъ только греческими евреями.

шелковичныхъ червей только въ праздники, но не въ субботы; однажды они обратились къ гаону съ вопросомъ относительно этого обстоятельства, и получили въ отвѣтъ, что кормленіе разрѣшается и въ субботу (840). Впрочемъ, греческіе евреи подлежали всѣмъ ограниченіямъ, постановленнымъ прежними императорами, и наравнѣ съ язычниками и еретиками не допускались къ занятію какой либо должности, «дабы до крайности были унижены»¹⁾. Только религіозная свобода была имъ дана.

Наконецъ на византійскій престолъ взомель Василій Македонянинъ, который для достиженія этой цѣли умертвилъ своего предшественника, Михаила. Василій не принадлежалъ къ числу страшныхъ византійскихъ императоровъ и не былъ недоступенъ чувствамъ справедливости и кротости; но предался мысли обратить евреевъ къ христіанству. Поэтому онъ учредилъ религіозныя пренія между еврейскимъ и христіанскимъ духовенствомъ и постановилъ, чтобы первые или доказали неопровержимо свою религію, или признали «Исуса главою закона и пророковъ». Предвидя однакожь, что пренія не убѣдятъ евреевъ въ истинности христіанства, Василій обѣщалъ почетныя мѣста и саны тѣмъ изъ нихъ, которые предпочтутъ обращеніе къ христіанству²⁾. Источники умалчиваютъ о судьбѣ, которая предстояла упорствовавшимъ; вѣроятно, имъ угрожало беспощадное гоненіе. Одно извѣстіе, за достовѣрность котораго нельзя поручиться, сообщаетъ, будто императоръ Василій воздвигъ столь сильное гоненіе на еврейскія общины въ Византійскомъ государствѣ, что болѣе тысячи изъ нихъ было стерто съ лица земли, и что еврейскій поэтъ Шефатіа, излечивъ императорскую дочь отъ сумасшествія, спасъ тѣмъ самымъ пять общинъ³⁾. Надежда

1) Legum compendarius въ Leunclav jus Graeco-Romanum, II, 97: "Ἕλληνες καὶ Ἰουδαῖοι καὶ Αἰρητικοὶ οὕτε στρατεύονται οὕτε πολιτεύονται, ἀλλ' ἐσχάτως ἀτιμούνται.

2) Leonis novellae constitutiones въ изданіи Крингея Corpus juris, Т. III, стр. 798, § 55; Theophanes continuatus, стр. 341; Symeon magister, тамъ же, 690; Georgius monachus, тамъ же, 842; Cedrenus compendium, 241 и слѣд.

3) Старый Махзоръ комментарий къ Писмонъ: Israel Noscha'; сравн. Цунца Синагогальная поэзія, стр. 170. Если Цунцъ относитъ это сказаніе къ Василію II,

получить награду не побудила бы евреевъ къ перемѣнѣ религіи, если-бъ упорствующимъ не угрожала смерть или изгнаніе. Многіе евреи перешли поэтому въ христіанство, или только притворились вѣрующими. Но едва умеръ Василій (886), какъ они, подобно своимъ единовѣрцамъ въ Испаніи, Франціи и вообще въ тѣхъ странахъ, гдѣ были насильственные выкресты, сбросили маску¹⁾ и снова обратились къ той религіи, которой никогда не измѣняли въ глубинѣ сердца. Но они ошиблись. Сынъ и преемникъ Василія, Левъ Философъ, превзошелъ своего отца въ суровости. Левъ издалъ законъ, который не только отмѣнялъ прежнія постановленія о религіозной свободѣ евреевъ, но и повелѣвалъ евреямъ жить только по христіанскимъ правиламъ, а тѣмъ изъ нихъ, которые снова прилѣплятся къ іудейскимъ обычаямъ и образу мыслей, угрожалъ смертью, какъ вѣроотступникамъ (900)²⁾. Тѣмъ не менѣе, послѣ кончины этого императора, также какъ и по смерти Льва Исаврянина, оказались въ Византійскомъ государствѣ такіе вѣроотступники³⁾.

Въ областяхъ калифата, именно въ Вавилоніи (Иракѣ), гдѣ билось сердце еврейскаго племени, евреи мало по малу лишились своего прежняго благопріятнаго положенія, хотя магометанскіе государи не отличались такою крайнею нетерпимостью, какъ христіанскіе. Но съ того времени, какъ калифы предоставили визирямъ свою власть и сами себя осудили на безсиліе, евреи и здѣсь были отданы на жертву произвола. Царствовавшіе послѣ Алмамуна калифы становились болѣе и болѣе игрушкою честолюбивыхъ и корыстныхъ министровъ и главнокомандующихъ, и восточнымъ евреямъ часто приходилось покупать дорогою цѣною ихъ благосклон-

то ошибается, потому что не Василій II, а Василій Македонянинъ воздвигъ гоненіе на евреевъ.

1) Theophanus continuatus, тамъ же.

2) Leonis novellae, тамъ же.

3) Видно изъ того, что Саббатан Донноло былъ въ 950 г. лейбъ-медикомъ византійскаго экзиларха, и что Константинъ въ 1026 г., въ спорѣ между крещенымъ евреемъ и прежними единовѣрцами послѣдняго предписалъ болѣе снисходительную формулу (Leunclav jus Graeco-Romanum. T. I, стр. 118—120).

ность. Калифъ Алмутаваккиль, третій преемникъ Алмамуна, возобновилъ омаровы законы объ евреяхъ, христіанахъ и магахъ, принуждалъ ихъ носить желтые плащи и веревочные пояса, какъ отличительный нарядъ, обратилъ синагоги и церкви въ мечети, и запретилъ магометанамъ обучать христіанъ и евреевъ, а также допускать сихъ послѣднихъ къ должностямъ (849—56)¹⁾. Они должны были уплачивать калифамъ десятую часть стоимости своихъ домовъ, а въ силу позднѣйшаго распоряженія могли ѣздить только на ослахъ или мулахъ, но никакъ не на лошадяхъ (853—54). Экзилархи утратили свое значеніе съ того времени, какъ калифъ Алмамуна издалъ законъ о томъ, что верховная власть не будетъ признавать и поддерживать ихъ (см. стр. 220). Упадку этому же еще болѣе содѣйствовалъ фанатизмъ Мутаваккила. Съ теченіемъ времени экзилархи перестали быть общественными сановниками съ извѣстною политическою властью, повелѣнія которыхъ должны были строго исполняться единовѣрцами. Они были принуждены отказаться на признаніе своего достоинства внѣ предѣловъ калифата и удовольствоваться только тѣмъ положеніемъ, которое за ними признавалось общинами въ силу дорогихъ воспоминаній. Поэтому, имена экзиларховъ, преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ въ теченіе извѣстнаго періода времени и постепенно утрачивавшихъ свое значеніе, остались неизвѣстными въ исторіи.

Чѣмъ болѣе падалъ экзилархатъ, тѣмъ больше возрастало значеніе пумбадитской академіи, потому что она находилась близъ Багдада, столицы калифата, и вѣдала еврейскія общины, имѣвшія весьма вліятельныхъ членовъ. Пумбадита прежде всего вышла изъ того подчиненнаго положенія, въ которомъ находилась до того времени. Она стала на равную ногу съ сурскою академіей, и главы ея начали также носить титулъ гаоновъ. Затѣмъ она вышла изъ зависимости отъ экзилархата. Между тѣмъ какъ прежде глава и коллегія пумбадитской академіи отправлялись ежегодно въ residen-

¹⁾ Источники въ соч. Вейля Chalifen, I, 353.

цію экзиларха для принесенія ему присяги, они прекратили эти путешествія во времена экзиларха Давида бенъ-Іегуды. Если князь изгнанія хотѣлъ созвать публичное собраніе, то долженъ былъ отправляться для этого въ Пумбадиту¹⁾. По всей вѣроятности, этимъ возвышеніемъ или превышеніемъ пумбадитская академія была обязана своему главѣ Палтои бенъ-Абаи (842—58), который начинаетъ собою рядъ важнѣйшихъ гаоновъ и умѣетъ владѣть отлученіемъ²⁾. Сурскій гаонатъ былъ празднымъ въ теченіе двухъ лѣтъ (см. стр. 222), по прошествіи которыхъ былъ избранъ Маръ Когенъ-Седеккъ I бенъ-Абимаи (839—49), оставившій много рѣшеній и впервые установившій чинъ молитвы (Siddur)³⁾. Его преемникъ, Маръ Саръ-Соломонъ бенъ-Боасъ (849—59), также современникъ Палтои, обогатилъ, съ своей стороны, юридическую литературу. Одно изъ его рѣшеній доказываетъ, какою глубокою нравственностью были проникнуты носители талмудическаго еврейства. На вопросъ, можетъ ли еврей ограбить не-еврея, не навлекая нареканія на исповѣдниковъ іудейства, Маръ Саръ-Соломонъ отвѣчалъ съ величайшимъ негодованіемъ, что грабежъ строго наказывается по талмудическимъ правиламъ. Воспрещается обманывать словомъ или притворною ласковостью, какъ еврея, такъ и не-еврея. Маръ Саръ-Соломонъ былъ, напротивъ, преданъ современной ему вѣрѣ въ демоновъ и полагалъ, что злой духъ не оставляетъ того, кто провожалъ трупъ на кладбище⁴⁾.

Споры о наслѣдованіи гаонскаго сана продолжались и въ это время, хотя экзилархи съ трудомъ могли поддерживать при этомъ свое значеніе. Послѣ Палтои, — ибо его непосредственный преемникъ⁵⁾ правилъ только полгода, — произошло въ пумбадитской академіи разъединеніе по поводу выбора гаона. Часть коллегіи держала сторону Менагема,

¹⁾ Посланіе Шериры. Сравн. Замѣч. 12, 6 и Замѣч. 13.

²⁾ Responsa Gaonim Schaare Zedek, стр. 75, № 14.

³⁾ Ибнъ-Гіатъ, сообщен. Деренбургомъ въ Geigers Zeitschrift, V годъ, 398, прим. 1.

⁴⁾ Responsa Gaonim Schaare Zedek, стр. 29b, № 6; 21b, № 20.

⁵⁾ Ахан Когана бенъ-Маръ.

сына того самаго Іосифа бенъ-Хійя, который отказался отъ своихъ притязаній на этотъ санъ (см. стр. 221), вѣроятно, изъ уваженія къ его благородному отцу. Другая часть выставила анти-гаонь Маръ-Мататію, вѣроятно, по причинѣ его обширной талмудической учености, ибо у своихъ преемниковъ онъ считался авторитетомъ въ этой наукѣ¹⁾. Разъединеніе продолжалось полтора года (858—60), до смерти Менагема. Тогда державшіе его сторону члены академіи примкнули къ Маръ-Мататіи, который и правилъ спокойно свою должность почти десять лѣтъ (860—69)²⁾. Современный ему сурскій гаонъ Р. Натронаи II бенъ-Гилай (859—69) велъ плодотворную переписку съ заграничными общинами и, сколько извѣстно, первый употреблялъ для сего арабскій языкъ³⁾, между тѣмъ какъ его предшественники писали свои посланія на смѣшанномъ еврейско-халдейскомъ языкѣ. Натронаи переписывался также съ еврейско-испанскою общиною въ Луценѣ⁴⁾, которая, конечно, лучше понимала арабскій языкъ, чѣмъ еврейскій. Тайственная сага рассказываетъ, что Натронаи чудеснымъ образомъ перенесся изъ Вавилоніи во Францію, изучилъ здѣсь Талмудъ и также чудесно возвратился въ Вавилонію⁵⁾. — Онъ питалъ полнѣйшее неудовольствіе на караимовъ и на основателя этой секты, «потому что они осмѣивали и презирали слова талмудическихъ мудрецовъ и составили по своему произволу собственный Талмудъ»⁶⁾. Его ученикъ и преемникъ, Маръ-Амрамъ бенъ-Шешна (869—81), оставилъ столь же много рѣшеній, какъ его предшественникъ, котораго онъ чтилъ, какъ авторитетъ, и по слѣдамъ котораго шелъ. Маръ-Амрамъ основалъ литургическій чинъ моленія для европейскихъ общинъ. По требованію испанской общины, предъявленному чрезъ посредство ея религіознаго главы, Р. Исаака бенъ-Шимеона, онъ собралъ

1) Тамъ же, стр. 87; нач. № 17; 94а, № 5.

2) Посланіе Шериръ.

3) Responsa Gaonim, тамъ же, стр. 27, № 38.

4) Siddor Маръ-Амара, сообщ. Луццато Orient. Literaturbl., 1847, стр. 326.

5) Responsum P. Гаи въ Сборникѣ Ta'am Zekenim, стр. 55.

6) Саадін Siddur въ Пинскера Likute, стр. 189, замѣч. 3.

все установленное Талмудомъ и академическимъ обычаемъ относительно молитвы и богослуженія (Siddur R'Amram, Jesod ha-amram) ¹⁾. Маръ-Амрамъ, какъ и предшественникъ его, установилъ, въ видѣ непреложной нормы, форму молитвы, какъ она выработалась въ теченіе времени; кто уклонялся отъ этой нормы, тотъ долженъ былъ считаться еретикомъ и не могъ имѣть общенія съ Израилемъ ²⁾. Литургическія прибавки къ праздничнымъ молитвамъ не были еще въ общемъ употребленіи въ эпоху Маръ-Амрама, и онъ предоставляетъ выборъ желающимъ.

Въ теченіе гаонства Маръ-Амрама, главами пумбадитской академіи были послѣдовательно Рабба бенъ-Ами (869—72), о которомъ больше ничего неизвѣстно, и Маръ-Цемахъ I бенъ-Палтои (872—90), которымъ начинается рядъ гаоновъ писателей. До того времени руководители академій занимались только объясненіемъ Талмуда, внутренними дѣлами и рѣшеніемъ предлагаемыхъ вопросовъ. Конечно, тотъ или другой собиралъ въ одну книгу агадскія изреченія. Заняться же авторскою дѣятельностью они не имѣли времени, или повода, или призванія. Но когда въ общинахъ Египта, Африки, Испаніи и Франціи, начала болѣе и болѣе пробуждаться ревность къ изученію Талмуда, и иноземные ученики, ежеминутно встрѣчаясь съ темными и трудными мѣстами въ много-слойномъ и нерѣдко загадочномъ Талмудѣ, стали чаще обращаться къ академіямъ за объясненіемъ и рѣшеніемъ вопросовъ, причемъ запросы болѣе и болѣе представляли теоретическій интересъ, тогда гаоны были вынуждены писать, вмѣсто простыхъ, краткихъ рѣшеній, обширныя сочиненія объ извѣстныхъ отдѣлахъ Талмуда, чтобы дать руководство ученикамъ. Гаонъ Цемахъ бенъ-Палтои пумбадитскій написалъ, подъ названіемъ Арухъ ³⁾, объясненіе встрѣчающихся

¹⁾ Существуетъ только въ рукописи; отрывки сообщ. Луццато Orient. Literaturbl., 10 годъ, № 19, 21. О продолжительности службы Маръ-Амрама, Замѣч. 19, примѣч.

²⁾ Ibn-Jarchi Manhig, 82b. Симона Дурана Responsa, ч. III, № 290.

³⁾ Отрывки изъ этого Аруха Р. Цемаха сведены у Рапопорта: Biographie

въ Талмудѣ темныхъ словъ (съ историческимъ, ономастическимъ и антикварнымъ значеніемъ) и расположилъ ихъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ этомъ талмудическомъ словарѣ онъ обнаружилъ также знакомство съ персидскимъ языкомъ. Арухъ послужилъ первымъ зародышемъ развивавшейся болѣе и болѣе отрасли талмудической лексикографіи. Вѣроятно, этотъ же Цемахъ написалъ хронологію талмудической и сабурейской эпохи, подъ названіемъ: «Послѣдовательность Та-наимовъ и Амораимовъ» (*Seder Tanaim w'Amora'im*, напис. около 884 или 887)¹⁾. Однако хронологическая часть занимаетъ въ этомъ трудѣ второстепенное мѣсто, главная же цѣль состоитъ въ преподаваніи правилъ о томъ, какимъ образомъ добывать изъ талмудическихъ преній примѣнимые къ практикѣ результаты.

Вторымъ гаономъ-писателемъ былъ Нахшонъ бенъ-Цадокъ Сурскій (881—89), современникъ Цемаха. Онъ также написалъ объясненіе темныхъ мѣстъ Талмуда, но не въ алфавитномъ порядкѣ, а по трактатамъ²⁾. Далѣе, онъ написалъ разсужденіе о ритуальномъ умерщвленіи скота (подъ названіемъ *R'umah*), нынѣ уже несуществующее³⁾. Нахшонъ прославился открытіемъ ключа къ еврейскому календарю, именно, что порядокъ годовъ и праздниковъ повторяется чрезъ каждыя 247 лѣтъ (кругъ годовъ и праздниковъ), и что поэтому формулы годовъ можно подвести подъ четырнадцать рубрикъ. Этотъ ключъ извѣстенъ подъ названіемъ «Круга Р. Нахшона» (*Iggul di R'Nachschon*)⁴⁾.

des Nathan Romi, Запѣч. 24 и прибавл., стр. 81. Число ихъ гораздо больше въ новомъ изданіи Іохазина, сдѣланное Филипповскимъ.

1) По времени, сочиненіе принадлежитъ Цемаху или Амраму; но такъ какъ первый предлагаетъ въ своемъ Арухѣ талмудическо-историческій словарь именъ, то можно заключить, что *Seder Tanaim* принадлежитъ ему же, если только сочиненіе это написано гаономъ. Оно издано Лудцато, въ *Keret chemed*, IV, 184 и слѣд., 1839 года.

2) *Responsa Gaonim*, ed. Cassel, нач. и кон.; сравн. введеніе Рапопорта.

3) По увѣренію знатоковъ, сочиненіе, обращающееся подъ этимъ именемъ, подложно.

4) Сравн. объ этомъ Scaliger de emendatione temporum II, 132 и слѣд., и Luzzato Calendario Ebraico per venti secoli, Padua, 1849.

Третьимъ писателемъ того времени былъ Р. Симонъ изъ Каира или Мисра въ Египтѣ, который хотя не былъ официальнымъ сановникомъ вавилонской академіи, но, будучи ея слушателемъ, могъ написать руководство къ цѣлому кругу обрядовъ и религиозныхъ обычаевъ (900)¹⁾. Это сочиненіе, озаглавленное «Великій Галахотъ» (Halachot gedolot), служило какъ бы дополненіемъ къ подобному труду Р. Іегуды (см. стр. 193). Но авторъ не былъ въ состояніи совладать съ богатымъ многостороннимъ матеріаломъ и привести его въ систематическій порядокъ. Его трудъ не исчерпываетъ всего матеріала и не представляетъ законченности. Р. Симонъ изъ Каира, первый старался вполне сосчитать традиціонныя числа 365 запрещеній и 248 заповѣданій; но при этомъ онъ впалъ во многія ошибки²⁾. Во введеніи къ этому труду онъ доказываетъ важность преданія, вѣроятно, съ цѣлью опровергнуть караймовъ. Это сочиненіе сдѣлалось рудникомъ для потомства, но пользовалось у гаоновъ малымъ почетомъ. — Въ это же время явился также историческій сборникъ. Неизвѣстный авторъ, пользуясь отчасти сочиненіемъ Іосифа и апокрифами, отчасти сагами, изложилъ на арабскомъ языкѣ исторію эпохи отъ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна до разрушенія храма. Этотъ сборникъ озаглавленъ «Исторія Маккавеевъ или Іосифа бенъ-Горіона (Tarich al Makkaḇaīn, Jussuff Ibn G'org'on, арабская книга Маккавеевъ)³⁾. Впослѣдствіи времени, одинъ итальянскій еврей весьма хорошо перевелъ на еврейскій языкъ это сочиненіе и сдѣлалъ къ нему прибавленія. Этотъ переводъ извѣстенъ подъ названіемъ

1) Сравн. объ этомъ Frankels Monatsschrift, 1858 г., стр. 217 и слѣд. Hal. Gedolot прочитованъ первый разъ Саадіей; цитата у бенъ-Корайша интерполирована, ибо онъ былъ караймъ (какъ доказано это критикою). Сочиненіе напечатано въ Венеціи 1550, въ Вѣнѣ 1810.

2) Введеніе Манмуни къ Sefer ha-Mizwot.

3) Оно отчасти напечатано въ полиглоттѣ, подъ названіемъ «арабской книги Маккавеевъ», но въ цѣломъ составѣ до временъ Тита, существуетъ въ двухъ бодлеянскихъ рукописяхъ (Urgi каталогъ № 782, 829). Дунашъ бенъ-Тамимъ знаетъ уже многое изъ этого сочиненія (Мунка Notice sur Aboul-walid, 54, 2). Слѣдовательно, оно написано до Дунаша (раньше 955). Еврейскаго Іозиппона Душанъ не могъ знать.

«Иозиппонъ» (лже-Иосифъ)¹⁾. Такъ какъ евреи были почти незнакомы съ первоначальными источниками своей древней исторіи, то сочиненіе это пробудило въ нихъ вниманіе къ ихъ славному прошлому.

Авторская дѣятельность официальныхъ представителей еврейства въ обѣихъ академіяхъ ограничивалась талмудическимъ кругомъ. Они даже не предчувствовали возможности научныхъ изслѣдованій и обзывали ихъ ересью, склонностью къ караимству. Но внѣ гаоната, въ Египтѣ и Каируанѣ, произошло между раввинистами стремленіе къ наукѣ, сперва слабое, но потомъ усиливавшееся изъ году въ годъ, какъ будто раввинистическіе мыслители чувствовали, что пока талмудическое еврейство будетъ коснѣть во враждебной къ наукамъ замкнутости, до тѣхъ поръ оно не можетъ бороться съ караимствомъ. Караимы занимались экзегетикой и еврейскою филологіей, причемъ пользовались извѣстною философіей, правда, въ качествѣ вспомогательной науки. Въ концѣ девятаго вѣка нѣкоторые раввинисты вступили съ ними въ преніе въ этой области. Въ Египтѣ, Абу-Кетирь, учитель славнаго впоследствии Саадія, слѣдовалъ научному направленію. Онъ велъ въ Палестинѣ научныя бесѣды съ извѣстнѣйшимъ арабскимъ историкомъ Массуди²⁾.

Исаакъ бенъ Сулейманъ (Соломонъ) Израели (род. 845, ум. 940) прославился, какъ врачъ, философъ и еврейскій филологъ. Онъ былъ родомъ изъ Египта и, въ качествѣ лейбъ-медика, вызванъ въ Каируанъ (904) послѣднимъ аглабическимъ государемъ Циадетъ-Аллою. Этотъ государь находилъ удовольствіе въ шуткахъ и софистическихъ преніяхъ и для этой цѣли держалъ при себѣ грека, Ибнъ-Губайша, ловко владѣвшаго софистикой своихъ единоземцевъ. Однажды онъ хотѣлъ смутить своею болтовнею еврейскаго лейбъ-ме-

1) Я въ другомъ мѣстѣ докажу связь еврейскаго Иозиппона съ арабскимъ оригиналомъ.

2) Массуди въ *Chrétomatie arabe de Sacy*, I, 350, 51: «Слышалъ саидъ Фаумитъ у Абу-Кетира: יזכאן קד קרא (בעיד — אלפיומי) עלי אבי כתיר». Къ тому же Саси говоритъ: «*Abou-Kéthir, docteur juif, avec lequel Massudi avait soutenu des controverses en Palestine*».

дика въ присутствіи государя, но Исаакъ бенъ-Сулейманъ не остался въ долгу и заставилъ его замолчать, чѣмъ приобрѣлъ особенное благоволеніе Циадетъ-Аллы. Когда основатель фатимидской династіи, Убайдъ-Алла, мессіанскій имамъ (Алмади, бывшій, кажется, сыномъ еврейки), побѣдилъ аглабитскихъ государей и основалъ въ Африкѣ обширное государство, тогда Исаакъ Израели вступилъ къ нему на службу и пользовался его полною благосклонностью (909—933). Онъ славился, какъ врачъ, и привлекъ кругъ слушателей. Согласно желанію калифа Убайдъ-Аллы, онъ написалъ восемь медицинскихъ сочиненій, лучшимъ изъ которыхъ, по мнѣнію специалистовъ, должно считаться сочиненіе о лихорадкѣ. Авторъ весьма гордился этимъ. Онъ никогда не былъ женатъ и, когда друзья порицали его за безбрачіе и за то, что вмѣстѣ съ нимъ угаснетъ его родъ, онъ отвѣчалъ, что его сочиненіе о лихорадкѣ болѣе, чѣмъ потомство, увѣковѣчитъ его имя¹⁾. И слова его оправдались: сочиненія его были въ послѣдствіи переведены на еврейскій, латинскій и частью на испанскій языкъ, и ревностно изучались врачами. Одинъ христіанскій врачъ, основатель Салернской медицинской школы, эксплуатировалъ сочиненія Израели и многое изъ нихъ выкралъ²⁾.

Исаакъ Израели важенъ, какъ врачъ и медицинскій писатель, содѣйствовавшій во многомъ развитію врачебной науки; онъ еще важнѣе, какъ философъ. Его сочиненіе объ «Опредѣленіяхъ понятій и описаніяхъ»³⁾ составляетъ введеніе въ таинственный храмъ философіи.

¹⁾ Ибнъ-Аби Озабѣа у de Sacy, Abdaltif. 43 и слѣд. Санахъ Ибнъ-Саадъ Алкортоби у Авраама бенъ-Хазданъ введеніе къ его переводу сочиненія Исаака Израели, сообщ. Orient. Literaturbl., 1843, стр. 231; 1849, стр. 657 и слѣд.; Carmoly, histoire de médécins juifs, стр. 384.

²⁾ Семь сочиненій его переведены на латинскій языкъ и озаглавлены: Opera Isaci, Lyon, 1515. Латинскимъ переводчикомъ былъ монахъ Константинъ Кароленскій, котораго издатель упрекаетъ въ литературной кражѣ у Израели.

³⁾ Находится только въ плохомъ переводѣ въ собраніи Opera omnia. Суровое сужденіе Маймуни объ Израели, какъ философѣ, справедливо (Собраніе писемъ, ed. Amst. 14 b).

Онъ написалъ также философскій комментарий къ главѣ о сотвореніи міра (отъ коего уцѣлѣлъ отрывокъ), но скорѣе съ цѣлью подробно объяснить естественнo-историческую и философскую сторону, чѣмъ изслѣдовать смыслъ Писанія¹⁾. Кажется, онъ занимался также еврейскою филологіей, но лишь поверхностно²⁾. Однако его лекціи производили на слушателей гораздо большее впечатлѣніе, нежели его сочиненія. Онъ образовалъ двухъ учениковъ, магометанина Абу-Джафара Ибнъ-Алджеззара, признаннаго авторитетомъ въ врачебной области³⁾, и еврея Дунаша бенъ-Тамима, трудившагося далѣе въ духѣ своего учителя. Исаакъ Израели прожилъ болѣе вѣка и пережилъ своего покровителя, калифа Убаидъ-Аллу, который потому умеръ, что не слушался совѣтовъ своего еврейскаго лейбъ-медика. Когда Исаакъ Израели сошелъ въ могилу (940)⁴⁾, то примѣръ высокой личности уже намѣтилъ въ средѣ раввинистовъ путь научнаго направленія, по которому предстояло идти будущимъ поколѣніямъ.

Между тѣмъ какъ раввинисты только пытались усвоить научное направленіе, караимы шли по широкой дорогѣ мутаизлитской философіи, не породивъ однако ни одной новой плодотворной мысли; они прилѣпились къ сухимъ формуламъ. Караимство, едва вышедшее изъ отрочества, уже представляло признаки глубокой старости. Оно обратило все свое

¹⁾ Введеніе Ибнъ-Езры къ комментарий къ Пятикнижію. Отрывокъ изъ него сообщ. Саксомъ въ *Orient. Literaturbl.* 1850, № 11. Обширный комментарий Исаака къ первой главѣ Бытія назывался *Perusch*, а также *Sefer Jezirah*; отсюда произошла ошибка, будто Исаакъ написалъ комментарий къ книгѣ *Jezirah*; сравн. Сакса *Kerem chemed*, 1853, стр. 67. Менагемъ бенъ-Сарукъ называетъ также *Sefer Jezirah* (ed. Filipowsky, стр. 16а) первую главу Бытія. Комментарій къ книгѣ *Jezirah*, существующій въ столь различныхъ переводахъ, не принадлежитъ ни Исааку Израели, ни Иакову бенъ-Ниссиму, но Дунашу бенъ-Тамиму, какъ это основательно, но не достаточно полно доказалъ Мунъ въ *Notice sur Aboulwalid*, стр. 44 и слѣд.

²⁾ Явствуетъ изъ комментарія Дунаша бенъ-Тамима къ *Jezirah*; отрывокъ у *Dukes Kontres hamassoreth* (Tübingen 1846), стр. 9, примѣч., и стр. 73.

³⁾ *Wüstenfeld, Geschichte der arabischen Aerzte*, № 120.

⁴⁾ Ибнъ-Аби Озабіа (у *Sacy*, вышепр. трудъ) говоритъ, что Исаакъ Израели жилъ болѣе ста лѣтъ и умеръ около 320 г. геджиръ = 932. Санахъ Ибнъ-Саадъ

стараніе на экзегетику въ связи съ филологіей, но и здѣсь не сдѣлало никакихъ успѣховъ. Поэтому, караимство того періода можетъ представить намъ только три имени и нѣсколько неважныхъ изреченій¹⁾: Абу-Али Саадія Ибнъ-Гасанъ Галеви и Обадіа, оба изъ Бассоры; далѣе, Абу-Іаковъ Іосифъ бенъ-Бахтеви (написалъ книгу о заповѣдяхъ); Абул-фарагъ-Ааронъ изъ Іерусалима, а также Іегуда бенъ-Аланъ изъ Тиверіады, равнымъ образомъ жившій въ Іерусалимѣ; наконецъ, потомокъ основателя караимства, Давидъ бенъ-Боасъ.

Важнѣйшимъ изъ этихъ неважныхъ караимовъ былъ еще Моисей бенъ-Авраамъ Алфасси Дараи. Онъ былъ одновременно еврейскимъ врачомъ, филологомъ и поэтомъ. Своихъ предковъ и судьбу онъ описалъ въ стихахъ. Предки его были родомъ изъ Св. Земли, переселились потомъ въ Испанію, а родители его жили въ Магребѣ, въ фецанскомъ городѣ Дара. Самъ Моисей Дараи былъ пилигримъ, жилъ то на Востокѣ, то въ Дамаскѣ, Іерусалимѣ и Египтѣ. Онъ потому имѣетъ значеніе, что, насколько нынѣ извѣстно, пер-

Алкортоби (см. стр. 267, примѣч. 1), напротивъ, говоритъ, что Израели умеръ въ 330 г. геджры. Разница происходитъ отъ возможности спутать арабскія цифры 20 и 30. Которая дата истинна, это рѣшается древнимъ источникомъ, Тарихомъ Ибнъ-Гавдада, гдѣ сказано, что Исаакъ Израели пережилъ калифа Обайдъ-Алла и тщетно совѣтывалъ ему не принимать рвотнаго (Собщ. Cheronbonne Journal asiatique, 1855, mai — juin, 541): Sa mort (d'Obeid-Allah) fut causée par une potion de colchique éphémère. Un juif, nommé Isaac, l'en dissuadait en lui disant que après le repos que ce breuvage lui procurerait, les douleurs devaient redoubler et l'emporter au tombeau. Il refusa de la croire — et la mort succéda au calme qu'il avait obtenu. Убайдъ-Алла умеръ въ 322 г. геджры = 934—35. Слѣдовательно нельзя принять 320, а должно предпочесть 330. Если Мункъ почерпаетъ у арабскихъ историковъ, — Ибнъ-Алатира, Ибнъ-Калдуна и другихъ, — свѣдѣнія, будто Исаакъ Израели пережилъ еще и третьяго фатимидскаго калифа, Измаила Алманзура (ум. 341 гедж. = 953) (Notice, стр. 44), то это происходитъ отъ смѣшенія двухъ подобныхъ фактовъ. — Ибо Измаиль также умеръ отъ неисполненія совѣтовъ своего еврейскаго врача. Ибнъ-Калдунъ, въ переводѣ Слана: Mansour s'exposa à la neige et entra au bain contre l'avis de son médecin Isaac ibn-Suleiman al Israéli. Но лейбъ-медикомъ калифа Измаила Алманзура былъ Дунашъ бенъ-Тамимъ, посвятившій ему сочиненіе объ астрономіи. Очевидно, Ибнъ-Алатиръ и другіе смѣшали учителя съ ученикомъ. Стало быть, Исаакъ Израели умеръ послѣ Убайдъ-Аллы.

¹⁾ Обо всемъ этомъ сравн. интересныя свѣдѣнія въ Pinskens Likute kadmonim. Прилож., стр. 61 и слѣд., и текстъ, 46 и слѣд.

вый ввелъ, по примѣру арабовъ, еврейскій размѣръ стиха съ чередующимися долгими и короткими слогами. Онъ написалъ множество пѣсней съ стихотворнымъ размѣромъ, риемой и съ акростихомъ на свое имя, и составилъ изъ нихъ въ Египтѣ диванъ (843). Содержаніе стихотвореній Моисея Дарай литургическое и свѣтское; онъ восхваляетъ караимовъ и раввинистовъ, которые оказывали ему поддержку, и бичуетъ жестокосердіе тѣхъ, которые оставляли его безъ помощи. Онъ сложилъ также эпиграмму на талмудическое еврейство: раввинисты обратили все свое вниманіе на Мишну и презрѣли Писаніе, блуждаютъ во мракѣ и не найдутъ себѣ милости у Бога. Не смотря на размѣръ, стихотворенія Моисея Дарай все-таки плохи, дубоваты, лишены всякой поэтической прелести и представляютъ ничто иное, какъ наборъ риемованныхъ стиховъ. — Другой караимскій поэтъ того времени, писавшій впрочемъ только молитвы, Меборахъ бенъ-Натанъ бенъ-Ниссанъ Галеви изъ Іерусалима, не употреблялъ еще размѣра. Его литургическія произведенія въ высшей степени плохи, но тѣмъ не менѣе вошли въ составъ караимскаго молитвеннаго чина¹⁾. Его единовѣрцы упрекали его въ заимствованіяхъ у раввинистовъ и въ усвоеніи ихъ взглядовъ. — Караимскими авторитетами того времени считались Данилъ бенъ-Моисей Алкомзи и Исаакъ бенъ-Джадуль. Первый (860), современный гаону и осуждаемый имъ, распространилъ, съ своей стороны, на дальнѣйшія степени родства запрещеніе брачныхъ союзовъ.

Въ коренной караимской общинѣ, въ Іерусалимской, это исповѣданіе приняло аскетическій характеръ. Шестьдесятъ караимовъ изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ оставили свои имѣнія и семейства, сошлись для общежитія, воздерживались отъ мяса и вина, носили скудную одежду, постились и молились. Они вели такую жизнь, съ цѣлью призвать спасеніе Израиля. Сами себя они называли «Плачущими по Сіону и Іерусалиму» (Abelé Zion). Каждый изъ нихъ прибавлялъ

¹⁾ Одно изъ его литургическихъ стихотвореній находится въ караимскомъ махзорѣ на вечеръ дня отпущенія грѣховъ.

къ своей подписи «Плачущій» (ha-Abél). Сами они, или другіе караимы, пораженные ихъ чрезмѣрною набожностью, примѣнили къ этимъ шестидесяти аскетамъ стихъ «ложе Соломона окружено шестьюдесятью героями» (Пѣснь Пѣсней), а также другіе стихи, которымъ они придавали символическое значеніе, желая сдѣлать ихъ примѣнимыми¹⁾. Изъ шестидесяти караимскихъ аскетовъ извѣстенъ по имени только одинъ Іегуда бенъ-Аланъ, грамматикъ, прозванный «Назиромъ» (ha-Nazir). Шестьдесятъ аскетовъ въ Іерусалимѣ, кажется, были авторитетомъ и единственною связью для разединенныхъ караимскихъ общинъ. Ихъ истолкованіе закона считалось нормою. Но именно поэтому религіозная жизнь караимовъ вообще приняла аскетическій оттѣнокъ. Они не только исполняли левитскіе законы о чистотѣ со всею строгостью, предписанною Нисси бенъ-Ноагомъ, но и почти избѣгали сношеній съ не-евреями, не покупали у нихъ ни хлѣба, ни печенья, и не ѣли того, къ чему тѣ прикасались. Они даже дошли до того, что утверждали, будто потребленіе мяса годныхъ для жертвоприношенія животныхъ подлежитъ наказанію²⁾. Чѣмъ больше упорствовали караимы въ этой аскетической строгости, тѣмъ больше считали раввинистовъ нечистыми, отверженными и преступающими законъ, посящать которыхъ есть грѣхъ.

Мало по малу караимы распространились изъ Вавилоніи и Іудеи, съ одной стороны въ Египетъ, а съ другой, — въ Сирію и на сѣверъ до полуострова Крыма³⁾. Въ Египтѣ большія караимскія общины образовались въ Александріи и Каирѣ; въ Крыму—въ Воспорѣ (Керчи), Сулхатѣ и Каффѣ (Θеодосіи). Умноженію караимовъ много содѣйствовала ревность нѣкоторыхъ изъ нихъ обращать раввинистовъ къ своему исповѣданію посредствомъ преній, проповѣдей и по-

¹⁾ Посланіе Сагала Абулсари, у Пинскера, стр. 31, 36; сравн. Замѣч. 17, VI.

²⁾ Тамъ же, стр. 32.

³⁾ Явствуется изъ дивана Моисея Дараи, изъ Соломона бенъ-Іерухама, изъ посланія Менагема Гизни (у Пинскера, стр. 47 и слѣд.) и изъ примѣч. къ старому кодексу. Сравн. Замѣч. 23 къ концу.

сланій. Подобно всякой, внутренно слабой, сектѣ, караимство открыло пропаганду, какъ будто внѣшняя общирность могла прикрыть внутреннюю слабость. Такимъ пропагандистомъ былъ нѣкто Элдадь, лукавый человекъ, умѣвшій рассказывать чудесныя и удивительныя вещи, надѣвать всякую маску, и заставившій въ свое время много о себѣ говорить. Удивительныя похождения Элдада бросаютъ яркій свѣтъ на еврейскую исторію того времени. Элдадь принадлежалъ къ тому классу обманщиковъ, которые, подъ предлогомъ благочестивыхъ цѣлей, умѣютъ эксплуатировать людское легковѣріе и опутывать толпу непроницаемою сѣтью лжи.

Элдадь¹⁾ бенъ-Махли (или какъ бы ни назывался онъ) (отъ 880 до 890) былъ, вѣроятно, родомъ изъ Палестины, ибо свободно изъяснялся на еврейскомъ языкѣ. Но самъ онъ говорилъ, будто происходитъ изъ колѣна Дана, и потому называлъ себя Данитомъ. Онъ утверждалъ, что въ Эіопіи и въ нижней Аравіи еще живетъ колѣно Дана, а также еще три израильскихъ племени: Нефеалимово, Гадово и Ассирово, которыя образовали тамъ самостоятельное государство, столь обширное, что необходимо не менѣе семи мѣсяцевъ для того, чтобы объѣхать его вокругъ. Далѣе онъ рассказывалъ, что колѣно Дана еще до раздѣленія царства между Іероваомомъ и Ровоамомъ переселилось въ Эіопію, дабы не участвовать въ войнѣ между родственными царствами, Іудейскимъ и Израильскимъ; три вышесказанныя племени присоединились къ Данову колѣну послѣ завоеванія Ассиріями и послѣ упадка Самаріи. Элдадь придалъ характеръ древней саги сказанію о томъ, что сыны Моисеевы, цвѣтъ левитовъ, жившіе на границѣ четырехъ колѣнъ, потомки тѣхъ левитовъ, которые повѣсили свои арфы на евфратскихъ ивахъ и отказались пѣть сіонскія пѣснопѣнія на враждебной почвѣ. Но когда халдеи пожелали принудить ихъ къ пѣнію, тогда сыны Моисеевы откусили себѣ пальцы. И вотъ облако подъяло ихъ въ высь и перенесло въ страну Хавилу. Дабы

¹⁾ Сравн. Замѣч. 19.

защитить ихъ, избранниковъ Божиихъ, отъ врага, образовался потокъ вокругъ ихъ области, который однако катить не воды, а камни и песокъ съ невѣроятною быстротой и оглушительнымъ шумомъ. Этотъ каменный потокъ, называемый Саббатіонъ или Самбатіонъ, течетъ шесть дней, въ седьмой-же (субботу) почиетъ и тогда закутывается въ густой туманъ. Такимъ образомъ никто не можетъ перейти черезъ него. Съ израильскими сосѣдними племенами сносятся Бену-Моше издали, на берегахъ потока, ибо не могутъ съ ними сойтись. Въ ихъ области нѣтъ дикихъ животныхъ, а есть только чистыя.

Четыре племени,—баснословили далѣе Элдадъ Данить,—вели пастушескую жизнь, но умѣли также владѣть оружіемъ, дабы отразить нападеніе враждебныхъ языческихъ племенъ. Они повиновались одному царю, который во времена Элдада назывался Узіель; они имѣли также общаго главнаго судью, который въ то время носилъ имя Абдинъ. Эти лица вѣдали также уголовныя дѣла и совершали надъ преступниками четыре библейскія смертныя казни. Храбрѣйшіе и способнѣйшіе къ войнѣ охраняли границы, каждое племя въ теченіе трехъ мѣсяцевъ; неспособные къ войнѣ предавались изученію закона. Свободныя племена въ Эііопіи и въ Южной Аравіи говорили чистымъ еврейскимъ языкомъ, знали только Библию, но не вѣдали ни Талмуда, ни Мишны. Хотя у нихъ имѣлся родъ Талмуда, т. е. собраніе преданій, но эти преданія были на чистомъ еврейскомъ языкѣ, съ отпечаткомъ простоты, безъ споровъ, и всѣ сводились къ Моисею посредствомъ формулы: «такъ глаголасть Іисусъ изъ устъ Моисея, изъ устъ Бога». Элдадъ весьма искусно придумалъ эту сказку, ибо могъ подорвать ея кредитъ раввинистическаго Талмуда. Данисты, переселившіеся тотчасъ по смерти Соломона, не знали вавилонскаго Талмуда и ученія раввинистовъ. Слѣдовательно, Талмудъ и ученіе созданы въ позднѣйшее время. Караимство имѣло въ Элдадѣ ловкаго прокурора.

Если Элдадъ пробуждалъ интересъ слушавшихъ евреевъ,

описывая имъ самостоятельное еврейское царство, къ числу гражданъ котораго онъ принадлежалъ, то старался разсказами о своихъ приключеніяхъ расположить въ свою пользу тѣ общины, которыя онъ посѣщалъ. Онъ придумалъ цѣлую одиссею странствованій, будто-бы имъ совершенныхъ, но излагалъ ихъ самою плохую прозой. Онъ повѣствовалъ, что поѣхалъ съ товарищемъ изъ племени Ассира; но противорѣчилъ себѣ, говоря о цѣли своего путешествія: то разсказывалъ, будто цѣлью были торговья дѣла, то увѣрялъ, что хотѣлъ принести разсѣяннѣмъ евреямъ радостную вѣсть о существованіи независимаго еврейскаго царства. Буря разбила корабль, на которомъ онъ плылъ съ товарищемъ. Они спаслись отъ смерти, уцѣпившись за обломки корабля, но были занесены волнами къ людоедамъ. Эти людоеды скушали его товарища, отличавшагося дородностью, а его, какъ тощаго, заперли съ цѣлью откормить. О своемъ избавленіи отъ вѣрной смерти Элдадъ разсказывалъ различно, противорѣча самому себѣ. Однимъ онъ говорилъ, что бѣжалъ во время глубокаго сна своей стражи, убилъ ее понавшимя мечомъ и, чтобы спастись отъ погони, побѣжалъ къ рѣкѣ. Людоеды не могли его настигнуть, ибо имѣли ноги въ видѣ губки. Потомъ онъ прибылъ въ Египетъ и нашелъ плававшее въ Нилѣ рѣдкое дерево, которое онъ поймалъ и часть котораго продалъ за большія деньги, отчего и разбогатѣлъ.

Въ другой общинѣ Элдадъ иначе разсказывалъ обстоятельства своего побѣга отъ людоедовъ. Негры поразили людоедовъ, взяли его съ собою въ качествѣ плѣнника и наконецъ продали еврею изъ племени Иссахара. Такимъ образомъ онъ попалъ въ область этого племени, лежащую на границѣ Мидіи и Персіи. Иссахариты составляютъ миролюбивый народецъ, знающій только экзегетическіе споры и живущій земледѣліемъ и скотоводствомъ. Племя Иссахарово управляется судькою, по имени Нахшонъ, и говоритъ по еврейски, персидски и турецки (или по татарски, Kedar). Племена Завулоново и Рувимово живутъ по сю и по ту сторону горъ Паріанъ (или Хоразанъ?), ведутъ торговлю съ Арменіей, до-

ходятъ до Евфрата, говорятъ по еврейски и персидски, употребляютъ персидскій языкъ также для чтенія отрывковъ изъ Торы, и ведутъ сообща войну противъ сосѣдей. Племя Ефремово и полуколѣно Манассиино живутъ въ Аравіи, близъ Мекки и Медины. Они храбры, вспыльчивы, хорошіе наѣзтники и ведутъ постоянную войну въ врагами. Чтобы довести число колѣнъ до десяти, Элдадъ рассказывалъ, что колѣно Симеоново и полуколѣно Манассиино живутъ въ странѣ Хазарь, собираютъ дань съ двадцати пяти племенъ и въ числѣ своихъ подданныхъ имѣютъ даже магометанъ.—Очевидно, Элдадъ слышалъ объ іудейско-хазарскомъ царствѣ, а также о существовавшемъ прежде еврейскомъ государствѣ въ Южной Аравіи (Гимъярѣ, см. стр. 85), равно какъ и о независимыхъ еврейскихъ племенахъ въ Сѣверной Аравіи, и сплелъ изъ всего этого свою басню о существованіи десяти колѣнъ и о независимомъ еврейскомъ царствѣ.

Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ Элдадъ въ первый разъ выступилъ на сцену съ своими сказками и измышленными приключеніями; но вѣроятно, это было въ Египтѣ. Отсюда онъ перебрался въ Каируанъ, столицу фатимидскаго калифата. Здѣсь онъ притворялся, будто не понимаетъ инаго языка, кромѣ еврейскаго, и показывалъ тамошнимъ евреямъ мнимо данитскій Талмудъ, который однако былъ ничто иное, какъ Мишна съ полукараимскимъ и полураввинистическимъ характеромъ. Элдадъ простеръ свое безстыдство даже до того, что ввелъ въ этотъ Талмудъ Моисея и Іисуса Навина въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ, которымъ предлагаются вопросы объ обрядахъ и которые на нихъ отвѣчаютъ. Но, чтобы не обидѣть чрезмѣрно раввинистовъ, онъ повѣдалъ имъ, что Даниты и соплеменники ихъ высоко чтутъ вавилонскихъ гаоновъ и, молясь о разсѣянномъ Израилѣ, прежде всѣхъ поминаютъ ихъ. Каируанцы, изумленные столь удивительными новостями, которыя имъ рассказывалъ чужестранецъ, набожно внимали его словамъ, но не могли подавить въ себѣ невольнаго сомнѣнія. Элдадъ выдавалъ имъ многія слова за чисто еврейскія, но эти слова лишены еврей-

скаго духа и, повидимому, придуманы. Чтобы испытать, не обманывает ли ихъ Элдадъ, каируанцы часто переспрашивали его о значеніи того или другаго слова, и память никогда не измѣняла лукавому человѣку. Болѣе сомнительными показались каируанцамъ обряды, которые Элдадъ выдавалъ имъ за установленные Моисеемъ, но большинство которыхъ хранило слѣды караимскаго происхожденія и потому значительно уклонялось отъ талмудической нормы. Это именно и было главною цѣлью его странствованій. Для успокоенія своей совѣсти, каируанцы послали запросъ къ тогдашнему раввинистическому авторитету, къ гаону Марь-Цемаху бенъ-Хаиму Сурскому (889—896), преемнику и полубрату гаона Нахшона (см. стр. 264). Они сообщили ему нѣчто изъ рассказовъ Элдада и предложили на его разсмотрѣніе данитскіе обряды.

Черезъ нѣсколько времени каируанская община получила отвѣтное посланіе изъ Суры. Марь-Цемахъ отвѣчалъ, что Элдадъ извѣстенъ ему по слухамъ. Рассказамъ его о говорящихъ по еврейски племенахъ они могутъ вѣрить безъ всякаго опасенія, ибо нѣчто изъ этихъ рассказовъ подтверждается агадскимъ толкованіемъ. Они не должны удивляться особенностямъ Талмуда въ данитскомъ еврействѣ, ибо самый текстъ Св. Писанія, по отношенію къ орфографіи, дѣленію на стихи, къ Массорѣ и проч., различенъ въ Вавилоніи и Палестинѣ; что различіе это объясняется еще болѣе устнымъ ученіемъ. Возможно также, — прибавлялъ Марь-Цемахъ, — что Элдадъ многое забылъ и смѣшалъ по причинѣ своихъ странствованій и страданій. Однако не слѣдуетъ допускать себя до впаденія въ заблужденіе, а должно крѣпко держаться вавилонскаго Талмуда, произведенія пророковъ и мудрецовъ, которые еще при царѣ Іоакимѣ основали училища на берегахъ Евфрата. — Слѣдовательно, Марь-Цемахъ былъ такъ непрозорливъ, что не могъ разгадать въ Элдадѣ хвастуна и замаскированнаго караима. Авторитетъ гаона разсѣялъ послѣднее сомнѣніе, и Элдадъ остался для современниковъ и потомства отпрыскомъ колѣна Данова. Онъ могъ

безпрепятственно продолжать свое путешествие и преслѣдовать цѣли. Впослѣдствіи времени мы видимъ его въ Варваріи, въ городѣ Таортѣ (въ Марокко). Здѣсь онъ встрѣтился съ языковѣдомъ Іудею бенъ-Корайшемъ (процвѣталъ 870 — 900), котораго караимы причисляли къ своимъ единовѣрцамъ ¹⁾). Бенъ-Корайшъ, кажется, пользовался уваженіемъ своихъ единовѣрцевъ въ сѣверо-западной Африкѣ, въ той области, которую арабы называли Магребъ, ибо осмѣлился упрекать Фецанскія области въ пренебреженіи ими таргума (халдейскаго перевода). Въ посланіи къ нимъ онъ указываетъ на важность халдейскаго языка для пониманія рѣдкихъ еврейскихъ словъ ²⁾). Бенъ-Корайшъ написалъ также сравнительно филологическое сочиненіе, въ которомъ доказываетъ сходство еврейскаго языка съ арабскимъ въ образованіи корней и формъ. Онъ цитуетъ коранъ и стихи арабскихъ поэтовъ ³⁾). Впрочемъ, его грамматическая точка зрѣнія еще невысока. Хотя бенъ-Корайшъ хорошо зналъ три семитическихіе языка и еще варварійскій, однако былъ обманутъ Элдадомъ, утверждавшимъ, что мнимые Даниты обладаютъ такою сокровищницею еврейскихъ словъ, которая превосходитъ библейскую.

Изъ Варваріи Элдадъ перешелъ въ Испанію, сплеталъ здѣсь свои лживыя исторіи и передалъ опредѣленіе законовъ, будто-бы полученное имъ отъ судьи Отніеда бенъ-Кенаца, до котораго оно преемственно дошло отъ Исуса Навина, получившаго это опредѣленіе отъ Моисея. За это испанскіе евреи, плохо знакомые съ Талмудомъ, воздали Элдаду высокое почитаніе. Но тутъ теряются его слѣды. Элдадъ впадаетъ въ неизвѣстность, изъ которой вышелъ. Баснословныя

¹⁾ Сравни. Замѣч. 9.

²⁾ Шнурреръ представилъ (Eichhorns Bibliothek d. bibl. Literatur. Т. III) нѣсколько отрывковъ изъ этого посланія; вполне-же оно напечатано, съ нѣмецкимъ переводомъ, консуломъ Ветцштейномъ (Orient. Literaturbl., 1842, № 2). Вторично издано съ филологическими примѣчаніями Б.-Корайша: *Bargès und Goldberg Epistola*, Paris, 1857. Послѣдній помѣстилъ во введеніи біографію бенъ-Корайша, которая считается драгоценною, но въ сущности вымышлена на половину.

³⁾ *Epistola*, стр. 70, 79, 83.

свѣдѣнія Элдада объ его путешествіяхъ и приключеніяхъ и о десяти колѣнахъ сохранились въ отрывкахъ (Sefer Eldad ha-Dani)¹⁾ и, разумѣется, считались достовѣрными. Существованіе десяти колѣнъ, образовавшихъ независимыя государства, баюкало, какъ сладкое сновидѣніе, стеновавшихъ подъ игомъ евреевъ и пробуждало въ тоскующихъ душахъ желаніе найти эти царства. Какъ христіане представляли себѣ въ лучезарномъ блескѣ баснословное царство Іоанна, въ которомъ сохранилось первобытное христіанство во всей своей чистотѣ, такъ точно евреи окружали идеальнымъ сіяніемъ царство десяти колѣнъ на берегахъ Саббатіона.

Между тѣмъ учрежденіе, съ которымъ были связаны воспоминанія о былой политической независимости евреевъ, быстро клонилось къ паденію. Благодаря соперничеству пумбадитской академіи, экзилархатъ все болѣе и болѣе утрачивалъ уваженіе и доходы, служившіе для поддержанія достоинства экзиларха. Честолюбивымъ стремленіямъ пумбадитовъ содѣйствовало и то, что большая часть сурской коллегіи умерла въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. По смерти сурскаго гаона Цемаха бенъ-Хаима (см. стр. 276), былъ избранъ въ президенты академіи нѣкто Р. Малхія, который умеръ по прошествіи мѣсяца. Одновременно съ нимъ умерли, вѣроятно, отъ язвы и важнѣйшіе члены коллегіи (896)²⁾. Хотя сурская академія избрала новаго гаона въ лицѣ Гаи бенъ-Нахшона (правиль до 906), однако утратила значеніе. Правда, иноземныя общины обращались къ ней за рѣшеніями, но въ самой Вавилоніи авторитетомъ была пумбадитская академія, имѣвшая поэтому большее вліяніе. Вліяніе это еще усилилось вслѣдствіе выбора въ пумбадитскіе гаоны Гаи бенъ-Давида (890-897), бывшаго дотолѣ раввиномъ и судьей въ столицѣ калифата³⁾. Именно въ это время, въ концѣ

¹⁾ Въ латинскомъ переводѣ Женебрара: Eldad Danius de Judaeis clausis, Paris, 1584.

²⁾ Посланіе Шерирн.

³⁾ Исаакъ Ибнъ-Гіать, сообщ. по рукописи Деренбурга, въ Geigers Zeitschrift, V годъ, стр. 398, примѣч. 2.

девятого столѣтія, въ царствованіе калифа Алмутадида (892—962), евреи снова заняли почетное мѣсто въ калифатѣ. Визирь и намѣстникъ калифа, Убайдъ-Алла Ибнъ-Сулейманъ, допустилъ евреевъ и христіанъ къ занятію государственныхъ должностей. Когда же калифъ сталъ порицать его за это, онъ отвѣтилъ: «Не изъ склонности къ еврейству или христіанству я допустилъ невѣрныхъ до государственной службы, но потому, что они болѣе чѣмъ магометане преданы твоей династіи»¹⁾. Хотя Алмутадида замѣтилъ ему, что онъ могъ бы допустить только христіанъ, евреевъ же исключить, ибо они твердо убѣждены въ томъ, что сила и власть нѣкогда перейдутъ къ нимъ; но Убайдъ-Алла остался непреклоненъ. Наибольшая выгода отъ благосклонности визиря къ евреямъ выпала на долю багдадскихъ общинъ. Важнѣйшими евреями въ Багдадѣ были въ то время Іосифъ бенъ-Пинегасъ и его зять Нетира²⁾. Такъ какъ Гаи бенъ-Давидъ нѣсколько времени занималъ офиціальное мѣсто въ Багдадѣ и приобрѣлъ любовь общины, то, сдѣлавшись пумбадитскимъ гаономъ, нашелъ во вліятельнѣйшихъ членахъ сильную поддержку своимъ замысламъ доставить пумбадитской академіи первенствующее мѣсто. Въ томъ же духѣ дѣйствовали его преемники Кимой бенъ-Ахавъ (897—906) и Маръ-Іегудавъ бенъ-Самуиль (906—917), которые начали свое поприще также съ багдадскаго раввинатства³⁾ и нашли содѣйствіе и поддержку въ знатнѣйшихъ членахъ тамошней общины. Между тѣмъ сурская академія приходила въ большій и большій упадокъ. Она еще вела жалкую жизнь въ правленіе гаона Гилаи бенъ-Михаила (906—914), но ревность къ изученію Талмуда ослабѣла въ этой академіи до такой степени, что не находилось авторитетнаго лица для занятія должности гаона⁴⁾. Однако, чтобы не допустить сурской академіи до ко-

¹⁾ Mages въ «Жизни патриарха Іоанна» въ *Assemani bibliotheca orientalis*, т. III, ч. 2, *dissertatio de Syris Nestorianis*, стр. ХСVI и слѣд.

²⁾ Свѣдѣнія по Натану Бабли въ Іохазивѣ.

³⁾ Видно изъ цитаты Исаака Ибнъ-Гіата, вышепр. мѣста.

⁴⁾ Посланіе Шерирн.

ченнаго паденія, былъ избранъ ея главою Іаковъ бенъ-Натронаи (Амрамъ)¹⁾ (914—926), который былъ такъ неваженъ, что до насъ не дошло ни одного изъ его рѣшеній; кромѣ того, онъ находился въ такой зависимости, что одобрялъ всѣ произвольныя дѣйствія пумбадитскаго гаона и не смѣлъ ему противорѣчить.

Во главѣ пумбадитской академіи стоялъ тогда человекъ, питавшій честолюбивые замыслы сдѣлать это учрежденіе единственнымъ центромъ вавилонскихъ общинъ, а слѣдовательно и всего іудейства, стереть экилархатъ съ лица земли и превратить сурскую академію въ безжизненную тѣнь. Этотъ человекъ былъ Маръ Когенъ-Цедекъ II бенъ-Іосифъ (917—936), страстная, энергическая натура, одинъ изъ тѣхъ людей, которые, не имѣя личнаго самолюбія, считаютъ усиленіе могущества корпораціи своимъ личнымъ дѣломъ и отодвигаютъ все остальное на задній планъ. Прежде всего, — и, повидимому, тотчасъ по вступленіи въ должность, — Когенъ-Цедекъ потребовалъ, чтобы пумбадитской академіи давалась гораздо бѣльшая доля изъ подарковъ, присылаемыхъ для академій близкими и дальними общинами. Онъ основывалъ свое требованіе на томъ, что коллегія и ученики гораздо многочисленнѣе въ пумбадитской академіи, нежели въ сурской, и что поэтому первая заслуживаетъ бѣльшаго уваженія. Онъ и знать не хотѣлъ о томъ, что сурская академія, благодаря славѣ своихъ основателей и своей древности, пользовалась издавна преимуществами. Послѣдствіемъ этого требованія были распри и столкновенія между обѣими академіями, продолжавшіяся до тѣхъ поръ, пока не вступились знатнѣйшіе члены и не порѣшили, чтобы подарки дѣлились отнынѣ поровну между обѣими академіями²⁾. Во всякомъ случаѣ, Когенъ-Цедекъ выигралъ такъ много, что сурская

¹⁾ Шерира говоритъ, что предшественникомъ Саадіи былъ Іаковъ бенъ-Натронаи; Натанъ Бабли, напротивъ, называетъ Амрама бенъ-Шелома. Стало-быть онъ имѣлъ два имени. Сравни. объ этомъ Frankels Monatschrift, 1857, стр. 343.

²⁾ Натанъ Бабли, тамъ же.

академія утратила послѣдніе слѣды своихъ преимуществъ. Затѣмъ Когенъ-Цедекъ принялся за экилархатъ, съ цѣлью умалить его. Въ то время экилархомъ былъ Укба, чело-вѣкъ не чуждый арабскаго образованія и даже умѣвшій сла-гать арабскія стихотворенія. Когенъ-Цедекъ потребовалъ, чтобы пумбадитская академія назначала судей въ Хоразанъ и получала доходы съ этой области. Нельзя рѣшить, были-ли прежде Хоразанъ подвѣдомъ Пумбадитѣ и отнять у нея экилархомъ (такъ что Когенъ-Цедекъ возстановлялъ преж-нее право), или же гаонъ дѣйствовалъ безъ законнаго осно-ванія. Укба не хотѣлъ поступиться своими правами и жа-ловался калифу. Но Когенъ-Цедекъ имѣлъ въ Багдадѣ влія-тельныхъ при дворѣ друзей, между прочимъ вышеупомянутыхъ Іосифа бенъ-Пинегаса и Нетиру. Эти друзья устроили дѣло такъ, что калифъ Алмуктадиръ (царствовалъ съ 908 по 932) или, правильнѣе сказать, визирь Ибнъ-Фуратъ, — ибо моло-дой калифъ проводилъ жизнь въ сластолюбіи, — лишилъ Маръ-Укбу сана и выгналъ изъ его резиденціи, — Багдада (917) ¹⁾. Экилархъ отправился въ Кармизинъ (Керманшахъ, въ пяти дняхъ пути на востокъ отъ Багдада), и Когенъ-Цедекъ радовался уничтоженію сана экиларха. Слабый пре-зидентъ сурской академіи, Іаковъ бенъ-Натронаи, не оказалъ при этомъ случаѣ никакого противодѣйствія.

Между тѣмъ благоприятный случай помогъ изгнанному экиларху разстроить планы Когена-Цедека. Молодой и пад-кій на удовольствія калифъ прибылъ въ это самое время въ Керманшахъ, лежавшій въ восхитительной странѣ и укра-шенный, по приказанію калифа, чудесными зданіями. Здѣсь онъ могъ забыть правительственныя заботы и интриги за-видовавшихъ другъ другу царедворцевъ. Въ одну изъ про-гулокъ калифа изгнанный экилархъ привѣтствовалъ его и восхвалялъ въ звучныхъ арабскихъ стихахъ. Послѣдніе такъ понравились секретарю Алмуктадира, что онъ счелъ нуж-нымъ записать ихъ и, представя калифу, обратить его вни-

¹⁾ Сравн. Замѣч. 12, № 7.

маніе на то, что еврейскій поэтъ сьумѣлъ разнообразить столь простую тему. Поэзія же такъ высоко цѣнилась у арабовъ, что даже грубый властитель не могъ не сочувствовать ей. Поэтому Алмуктадиръ призвалъ къ себѣ экиларха, бесѣдовалъ съ нимъ, почувствовалъ къ нему расположеніе и наконецъ спросилъ, какую милость можетъ ему оказать. Укба ничего такъ не желалъ, какъ снова занять мѣсто экиларха, и калифъ исполнилъ его желаніе. Укба, къ удивленію своихъ противниковъ, возвратился въ Багдадъ послѣ годичнаго изгнанія и снова вступилъ въ отправленіе своей должности (918). Поэзія спасла его. Однако Когенъ-Цедекъ съ своими приверженцами не далъ Укбѣ наслаждаться долго его торжествомъ. Посредствомъ подкупа и интригъ при дворѣ имъ удалось вторично лишить Укбу его сана и снова изгнать изъ города. Но, чтобы отнять у него случай вторично попасть въ милость, онъ былъ изгнанъ изъ всего восточнаго калифата и потому бѣжалъ въ основанное недавно царство Фатимидовъ въ Африкѣ, въ Каируанъ. Здѣсь, — гдѣ врачъ и философъ Исаакъ Израиля пользовался особеннымъ почетомъ, — Укба былъ принятъ съ любовью и уваженіемъ. Каируанская община обращалась съ нимъ, какъ съ экилархомъ, устроила для него возвышенное почетное мѣсто въ синагогѣ и заставила его забыть оскорбленія, нанесенныя ему въ землѣ его отцевъ (919).

Такъ какъ Когенъ-Цедекъ преслѣдовалъ не личность, но санъ экиларха, препятствовавшій увеличенію могущества пумбадитской академіи, то и позаботился о томъ, чтобы Маръ Укбѣ не былъ назначенъ преемникъ. Онъ стремился къ совершенному уничтоженію экилархата. Современный ему сурскій гаонъ, Іаковъ бенъ-Натронаи, по бессилію или по робости, не могъ противодѣйствовать этому плану. Такимъ образомъ престолъ экиларха оставался празднымъ одинъ или два года. Но если пумбадитская академія и представитель ея ненавидѣли экилархатъ, то народъ любилъ его по привычкѣ и связывалъ съ нимъ воспоминанія о домѣ Давидовомъ. Народъ не могъ отречься отъ него и требовалъ

возстановленія сана. Это побудило и сурскаго гаона къ самостоятельному дѣйствию; онъ не хотѣлъ болѣе оставаться слѣпымъ орудіемъ честолюбія Когена-Цедека. Народъ бурно требовалъ, чтобы экзилархомъ былъ назначенъ Давидъ бенъ-Саккаи, родственникъ Укбы; вліятельный Нетира также былъ за него ¹⁾, и вся коллегія сурской академіи присягнула ему (921) въ Касрѣ, его мѣстѣ жительства. Когенъ-Цедекъ и пумбадитская коллегія отказались признать Давида бенъ-Саккаи экзилархомъ. Однако Давидъ былъ столь же рѣшительнъ и честолюбивъ, какъ его соперникъ, и принялъ твердое намѣреніе утвердиться въ санѣ. Въ силу своего полномасштабнаго онъ объявилъ Когена-Цедека лишеннымъ гаонскаго сана и назначилъ на его мѣсто Р. Мебассера (или Мекассера). Тогда часть пумбадитской коллегіи оставила Когена-Цедека и перешла на сторону его противника, другая же часть крѣпко его держалась. Въ нѣдрахъ пумбадитской академіи снова начались распри, о которыхъ глубоко скорбѣли лучшіе изъ народа. Споръ между экзилархатомъ и гаонатомъ, нашедшій себѣ отголосокъ во всѣхъ кружкахъ еврейско-вавилонскихъ общинъ, продолжался почти два года.

Слѣпецъ Нисси Нагарвани, уважаемый всѣми за свое благочестіе и глубоко скорбѣвшій о распрѣ между экзилархомъ и гаономъ, предпринялъ ихъ примирить. Поздно ночью онъ пробрался въ комнату Когена-Цедека; внезапное появленіе слѣпца въ полуночный часъ поразило гаона. Нисси такъ ловко повелъ рѣчь, что склонилъ Когена-Цедека къ примиренію. Отсюда онъ отправился къ экзиларху Давиду и объявилъ ему, что его противникъ готовъ его признать и встрѣтиться съ нимъ. Встрѣча произошла въ Сарсарѣ (въ половинѣ дня пути на югъ отъ Багдада); Давидъ и Когенъ-Цедекъ заключили миръ, и послѣдній вмѣстѣ съ своей коллегіей проводилъ экзиларха до Багдада (осенью 921) ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ Давидъ призналъ Когена-Цедека законнымъ пумба-

¹⁾ Явствуетъ изъ свѣдѣній, сообщ. Натаномъ Бабли.

²⁾ Натанъ Бабли, тамъ же.

дитскимъ гаономъ, но антигаонъ Мебассеръ не хотѣлъ ему подчиниться и, вмѣстѣ съ своими сторонниками, былъ чуждъ академіи до самой своей смерти ¹⁾. Когенъ-Цедекъ, планы котораго уничтожить экилархатъ не удались, дожилъ до того времени, когда мужъ изъ дальней страны придалъ новый блескъ униженной Когеномъ сурской академіи, которая и затмила пумбадитскую.

¹⁾ Посланіе Шериры.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Паденіе экзилархата, процвѣтаніе еврейской науки, эпоха Саадін и Хаздам; Азія.

Саадія, его жизнь, юношескія произведенія, полемика съ караймствомъ. — Соломонъ бенъ-Іерухамъ и его борьба съ Саадіей. — Экзилархъ Давидъ бенъ-Саккаи. — Саадія избранъ въ гаоны, его споры съ Давидомъ, сложеніе сана и авторская дѣятельность; его религіозная философія. — Еретикъ Хивіи Балхи. — Примиреніе Саадіи съ Давидомъ. — Паденіе экзилархата. — Смерть Саадіи. — Паденіе сурской академіи. — Ааронъ Ибнъ-Саргаду. — Іаковъ бенъ-Самуиль и его борьба съ караймами: Абулсари Сагаломъ, Іефетомъ бенъ-Али; Менагемъ Гицни. — Давидъ Алмокамецъ. — Ааронъ бенъ-Ашеръ и его массоретскія сочиненія, завершеніе массоретскаго текста. — Еврейскія общины на Крымскомъ полуостровѣ.

928 — 970.

Между тѣмъ какъ въ христіанской Европѣ вмѣстѣ съ Каролингами угасъ послѣдній лучъ умственной жизни и началъ сгущаться средневѣковый мракъ, умственная дѣятельность еврейскихъ кружковъ достигла высокой степени. Церковь сдѣлалась пріютомъ монашескаго невѣжества и варварства; синагога обратилась въ разсадникъ науки и гуманныхъ чувствъ. Въ христіанскомъ мірѣ, князья церкви и оглупѣвшій народъ считали всякое научное стремленіе дѣломъ сатаны; въ еврействѣ же, главы и учителя религіи вступили на путь умственной дѣятельности и старались поднять народъ на высшую степень мышленія. Будучи далеки отъ осужденія науки, многіе гаоны считали ее вспомогательнымъ средствомъ и пополненіемъ религіи. Въ теченіе трехъ вѣковъ сряду учителя еврейства были большею частью жрецами науки и поло-

жили въ эту эпоху прочное основаніе духовной дѣятельности. Два человѣка, одинъ на Востокѣ, другой на Западѣ, привили науку къ еврейству: гаонъ Саадія и государственный мужъ Хаздаи. Они начинаютъ новый періодъ въ еврейской исторіи, который можно назвать *научнымъ*. Въ исторіи Израиля наступила новая весна. Она одѣлась зеленью и процвѣла, и въ чистомъ воздухѣ полились трели веселаго жаворонка новой поэзіи. Современники едва замѣтили, что часть древняго іудейства, экзилархатъ, сошла въ могилу. Начинаясь новая жизнь заставила скоро забыть смерть. Какъ нѣкогда религіозная жизнь отдѣлилась отъ жертвеннаго храма, такъ точно теперь она отдѣлилась отъ учительнаго храма на берегахъ Евфрата, сдѣлалась самостоятельною и создала себѣ новый центръ. Поэтому, первая половина девятаго вѣка составляетъ важный пунктъ въ развитіи еврейской исторіи, обусловленный стеченіемъ благоприятныхъ обстоятельствъ. Еврейская исторія выступаетъ мало по малу на европейскую сцену, самое іудейство, такъ сказать, принимаетъ европейскій характеръ и постепенно сбрасываетъ восточныя формы. Саадія былъ послѣднимъ важнымъ піонеромъ развитія на Востокѣ, Хаздаи и пробужденныя имъ для науки личности были первыми носителями іудейско-европейской культуры.

Саадія (по арабски Саидъ) бенъ-Іосифъ изъ города Фаюма въ Верхнемъ Египтѣ (род. 892, ум. 942) былъ первымъ основателемъ еврейской науки въ средѣ раввинистовъ и первымъ творцемъ религіозной философіи въ средніе вѣка. Онъ обладалъ обширными свѣдѣніями, воспринялъ современное магометанское и караимское образованіе и переработалъ его при помощи талмудическихъ элементовъ. Но гораздо важнѣе была самая его личность, проникнутая религіознымъ духомъ и глубокою нравственностью. Саадія былъ законченнымъ характеромъ и принадлежать къ числу людей, которые сознаютъ свою волю и настойчиво проводятъ убѣжденія, признанныя ими за истинныя.

Юношескія лѣта его покрыты мракомъ неизвѣстности. Изъ учителей его извѣстенъ только Абу-Кетиръ (см. стр. 266).

Едва ли въ то время были въ Египтѣ значительные знатоки Талмуда, и если Саадія взобрался на этотъ крутой утесъ и сдѣлался господиномъ въ области талмудическаго знанія, то это обстоятельство какъ нельзя болѣе говорить въ пользу его духовныхъ силъ. Конечно, письменныя руководства древнихъ гаоновъ помогали ему при изученіи Талмуда. Не меньшими свѣдѣніями обладалъ Саадія и въ караимской литературѣ, свѣдѣніями, какихъ не имѣлъ до него никто изъ раввинистовъ. На двадцать третьемъ году своей жизни (914) онъ такъ потрясъ караимство, что это потрясеніе чувствовалось еще спустя цѣлое столѣтіе и долго помнилось. Онъ написалъ «Опроверженіе Анана» (Kitab al-rud ila Anan) ¹⁾. Содержаніе этого сочиненія неизвѣстно, однако можно предполагать, что Саадія, съ одной стороны, доказывалъ необходимость преданія, а съ другой, — обнаруживалъ непослѣдовательность Анана. Онъ приводитъ семь доводовъ въ пользу необходимости преданія, которые, какъ бы ни были слабы, признаны однако впоследствии самими караимами. Писаніе, говорилъ онъ, недостаточно для уразумѣнія закона и для примѣненія его къ практикѣ. Многія законоположенія только очерчены въ Пятикнижии и требуютъ поясненія. Запрещеніе работать въ субботу обобщено до такой степени, что не знаешь, о какой именно работѣ идетъ дѣло. Синайское законодательство не предписываетъ молитвъ, и необходимость послѣднихъ основывается на устномъ ученіи. Мессіанское освобожденіе и воскресеніе мертвыхъ имѣютъ своимъ основаніемъ только преданіе. Наконецъ, израильская исторія и теченіе ея основаны единственно и исключительно на преданіи ²⁾. Намъ неизвѣстно, какъ дѣйствовалъ Саадія своимъ оружіемъ противъ Анана. Онъ также написалъ сочиненіе, въ которомъ опровергалъ чрезмѣрное умноженіе родственныхъ степеней, въ которыхъ браки воспрещались караимствомъ, и представлялъ Анана честолюбцемъ, который «былъ одаренъ избыткомъ

¹⁾ О сочиненіяхъ Саадія сравн. Загѣч. 20.

²⁾ Полемика Соломона бенъ-Герухама съ Саадіей. Алфавитъ III, въ рукописи.

своеволия и недостаткомъ страха Божія» и только изъ упрямства отпалъ отъ талмудическаго еврейства.

Едва вступивъ въ лѣта мужества, Саадія началъ болѣе серьезный, плодотворный для еврейства трудъ. До того времени караимы, такъ сказать, захватили св. Писаніе въ свое исключительное пользованіе, раввинистскіе-же учителя, напротивъ, пренебрегали имъ, потому что Талмудъ казался имъ вполне достаточнымъ для религіозной жизни. Между тѣмъ какъ караимы уже издали множество экзегетическихъ сочиненій, раввинизмъ былъ ими очень бѣденъ. Саадія, чувствуя этотъ недостатокъ, предпринялъ перевести св. Писаніе на арабскій языкъ, который понимали тогда отъ крайняго Запада до Индіи. Онъ сопровождаетъ свой переводъ краткими или обширными объясненіями, смотря по предмету. При этомъ онъ имѣлъ въ виду три цѣли¹⁾. Прежде всего онъ хотѣлъ сдѣлать св. Писаніе доступнымъ для народа, потомъ имѣлъ въ виду противодѣйствовать распространявшемуся караимству, котораго своеобразная экзегетика, такъ сказать, изобличала во лжи талмудическое преданіе. Онъ надѣялся, что углубленіе въ смыслъ и выраженія св. Писанія послужитъ къ утвержденію преданія и еврейства и къ доказательству ихъ истинности. Наконецъ Саадія хотѣлъ противодѣйствовать народному заблужденію и мистикамъ, которые буквально понимали библейскія выраженія о Богѣ и имѣли недостойныя представленія о Немъ, какъ о тѣлесномъ существѣ, имѣющемъ органы чувствъ, движеніе въ пространствѣ, аффекты и страсти. Онъ-же слѣдовалъ философскому направленію, которое представляетъ Бога въ Его всесовершенство, какъ духа. Переводъ Саадія долженствовалъ согласоваться съ разумомъ и съ талмудическимъ преданіемъ. Это было основою его возрѣній на іудейство. То, чему учить и что внушаетъ Талмудъ, имѣетъ такую же божественную природу, какъ и св. Писаніе; но ни св. Писаніе, ни преданіе не должны противорѣчить разуму. Противорѣчіе есть, по мнѣнію Саадія,

¹⁾ Отрывокъ введенія помѣщенъ въ Лондонскомъ Полиглоттѣ, Т. VI, начало.

только мнимое; онъ старался устранить это своимъ переводомъ и объясненіями. Для достиженія этой цѣли онъ прибѣгаетъ къ истолкованію смысла слова, нерѣдко произвольному и натянутому. Чтобы не противопоставить Богу злое начало, сатану, Саадія дошелъ даже до того, что утверждалъ, будто сатана, выставленный въ книгѣ Іова искусителемъ, былъ не демономъ духомъ, а плотскимъ противникомъ благочестиваго страдальца. «Ибо», говоритъ онъ, «если допустить, что ангелъ одержимъ завистью и ревностью, то необходимо также допустить, что онъ имѣетъ другія страсти и чувственныя желанія, а это противорѣчитъ идеѣ ангела»¹⁾. Какъ Саадія первый изъ раввинистовъ началъ борьбу съ караимствомъ, такъ точно онъ-же первый старался согласовать еврейство съ результатами философскаго мышленія (раціонализировалъ). Свою дѣятельность, какъ переводчика, онъ ставилъ такъ высоко, что надѣялся заслужить посредствомъ нея прощеніе грѣховъ и жизнь вѣчную²⁾. Арабскій слогъ его перевода чистъ и прекрасенъ. Свое искусство въ переводѣ онъ доказалъ тѣмъ, что нерѣдко подбиралъ такія слова, которыя буквально соотвѣтствуютъ еврейскимъ. Саадія считывалъ также на магометанскихъ евреяхъ и потому писалъ арабскими буквами³⁾, что рѣдко дѣлали другіе, писавшіе на арабскомъ языкѣ, евреи.

Хотя Саадія обнаружилъ въ своемъ переводѣ Библии высокія дарованія и самостоятельность, однако его трудъ не можетъ высоко цѣниться. Уже то обстоятельство, что онъ не сохранилъ истиннаго языка св. Писанія, но доискивался въ смыслѣ словъ и въ сочетаніи предложеній, то талмудическаго преданія, то философскихъ убѣжденій, побуждало его уклоняться отъ правильнаго объясненія. Онъ подчинилъ

1) Сравн. Отрывокъ комментарія Саадія къ Іову, въ Notice sur Saadias, par Munk, стр. 8.

2) Заключение къ переводу псалмовъ, сравн. Замѣч. 20.

3) Комментарій Ибнъ-Езры къ книгѣ Бытія 2, 11. Явствуетъ также изъ того, что Магометъ Ибнъ-Исхакъ былъ магометанинъ, жившій вскорѣ послѣ Саадія и читавшій его сочиненія.

экзегетику преданію и современной философіи и внесъ въ текстъ гораздо больше, чѣмъ допускалъ смыслъ словъ. Кроме того, онъ не зналъ настоящаго значенія формъ еврейской рѣчи, потому что еврейская филологія находилась тогда на низкой степени, и Саадія едва-едва поднималъ ее выше. — Одновременно съ переводомъ, Саадія обработалъ на арабскомъ языкѣ родъ еврейской грамматики и составилъ также еврейскій словарь (на еврейскомъ языкѣ: Jggagon). Но и въ этомъ случаѣ онъ часто погрѣшалъ относительно формъ языка и значенія словъ. Впрочемъ его экзегетическіе и грамматическіе труды важны потому, что намѣтили раввинистамъ дальнѣйшій путь и ввели обширную экзегетику и филологію, какъ новыя отрасли. Самыя ошибки Саадіи были поучительны для послѣдующаго времени.

Въ толкованіи на первую книгу Пятикнижія Саадія опять поднималъ преніе съ караимами. Онъ старался доказать, что караимскій календарь не соотвѣтствуетъ смыслу св. Писанія. Но и здѣсь онъ дошелъ до утвержденія, что раввинистская календарная система даже съ девятнадцатилѣтнимъ цикломъ и перемѣщеніемъ многихъ праздниковъ не введена въ позднѣйшее время, но существовала давно, во времена втораго храма и въ библейскій періодъ ¹⁾. — Своими нападеніями на караимство онъ растревожилъ гнѣздо ость и нажилъ себѣ много противниковъ. До этого времени караимы нападали на талмудическое еврейство, не встрѣчая отпора. Поэтому для нихъ было весьма неприятно, что въ споръ съ ними вступилъ раввинистъ, обладавшій умомъ и знаніемъ. Началась оживленная борьба двухъ вѣроисповѣданій, полезная потому, что пробудила научный интересъ. Главнымъ противникомъ Саадіи былъ караимъ Соломонъ бенъ-Іерухамъ (Рухаймъ). Этотъ караимъ (род. въ Фастадѣ, въ 885, ум. въ 960), жившій въ Палестинѣ и несправедливо выдаваемый караимами за учителя Саадіи, котораго онъ былъ старше только

¹⁾ Полемика Соломона бенъ-Іерухама съ Саадіей, Алфавитъ IV, и рѣшенія Р. Гая въ рукописи, доставленныя мнѣ Луццато.

на нѣсколько (именно на 7) лѣтъ, нисколько не возвышался надъ посредственностью своихъ единовѣрцевъ. Это была желчная, бурная натура, полагавшая, что научные вопросы можно рѣшать бранью и насмѣшками. Соломонъ бенъ-Іеру-хамъ, возвратясь изъ Палестины въ Египетъ и узнавъ, что письменныя и устныя нападенія Саадіи на караимство произвели впечатлѣніе даже въ средѣ караимовъ и возбудили сомнѣнія, разсвирѣпѣлъ на молодого, даровитаго раввинистскаго писателя и рѣшилъ написать возраженіе, на еврейскомъ языкѣ для понимающихъ этотъ языкъ, и на арабскомъ для народа. Въ написанномъ по-еврейски возраженіи, которое состоитъ изъ восемнадцати частей, расположенныхъ по алфавиту и написанныхъ жалкими стихами (Milchamot)¹⁾, онъ трактуетъ Саадію, какъ мальчишку. Вообще все сочиненіе проникнуто духомъ насмѣшливости и грубости. Оно заслуживаетъ нѣкотораго вниманія не по своему содержанию или формѣ, но по способу, какимъ караимы стараются оправдать свои заблужденія. Оно написано въ формѣ посланія къ караимскимъ общинамъ въ Египтѣ.

Соломонъ прежде всего опровергаетъ положеніе Саадіи о томъ, что рядомъ съ писаннымъ ученіемъ существуетъ устное. Св. Писаніе не умолчало бы о немъ, если-бъ оно было. Талмудъ, выдаваемый за устное ученіе, исполненъ противорѣчій и различныхъ мнѣній и не представляетъ ничего вѣрнаго, такъ какъ одинъ утверждаетъ одно, другой — другое. Соломонъ не безъ остроумія опровергаетъ семь доводовъ, приводимыхъ Саадіей въ пользу необходимости устнаго преданія, какъ дополненія къ писанному ученію. Затѣмъ онъ пространно доказываетъ, что раввинистскій календарь не имѣетъ древняго происхожденія, потому что и самъ Талмудъ не знаетъ его. Онъ упрекаетъ Саадію въ его противорѣчій съ талмудическимъ ученіемъ. Затѣмъ Соломонъ старается

¹⁾ Изъ Соломонова Милхамота напечатаны введеніе и первый алфавитъ въ Orient. Literaturbl., 1846 г., col. 23, 163 и 211, и отрывокъ въ Likute Пинскера, прилож., стр. 18. Большая часть въ видѣ рукописей во многихъ библиотекахъ.

слабыми грамматическими основаніями доказать истинность караимскаго ученія о томъ, что въ субботу не должны горѣть ни свѣчи, ни огонь, хотя бы зажженные раньше наступленія субботы, такъ какъ это было бы нарушеніемъ святости этого дня. Далѣе онъ упрекаетъ раввинистовъ въ уклоненіи отъ пути истины, въ допущеніи недозволеннаго, и въ безбоязненномъ прикосновеніи къ нечистымъ людямъ и предметамъ. Потомъ Соломонъ обращаетъ свое оружіе противъ Талмуда. «Онъ (Саадія) оскалилъ свои зубы на учителя нашего Анана, потому что послѣдній изощрилъ свое оружіе противъ его мудрецовъ. Потому-то я изолью на него всю свою ярость, осыплю всѣми своими стрѣлами, открою всю мерзость твоихъ учителей». Затѣмъ Соломонъ разсматриваетъ агадскія изреченія, представляющія Бога въ тѣлесномъ видѣ, указываетъ на нелѣпность тѣхъ мистическихъ сочиненій, которыя придаютъ Богу члены и размѣры (Schiur Komah, см. стр. 216), и возлагаетъ на всѣхъ раввинистовъ отвѣтственность за это недостойное понятіе мистиковъ о Богѣ, не принимая въ расчетъ того, что это понятіе было создано лишь немногими безумными.

Впрочемъ Соломонъ былъ не единственнымъ караимомъ, старавшимся отразить нападеніе Саадія на караимство. Они свирѣпствовали противъ молодаго фаюмскаго раввиниста, боровагося съ ихъ нововведеніями, свирѣпствовали такъ, какъ будто отъ этого зависѣло существованіе ихъ антиталмудическаго исповѣданія. Еще два или три важныхъ караимскихъ учителя выступили противъ Саадія съ своими сочиненіями: Іосифъ Роегъ, Гассанъ бенъ-Машіахъ и Ибнъ-Саквія (если только послѣдній не тождественъ съ однимъ изъ первыхъ). Іосифъ бенъ-Авраамъ Роегъ (Абу-Іаковъ Албассиръ)¹⁾, прозванный «ясновидящимъ» за свою слѣпоту и сочиненіе подъ заглавіемъ «Свѣтъ», совершившій много путешествій, знако-

1) Сравн. о немъ въ Likute Пинскера, № 14. Въ Маорѣ полемизировалъ Іосифъ съ Саадіей, цитаты изъ котораго сдѣланы Іефетомъ бенъ-Цаиромъ въ Додъ-Мардохан и другими писателями.

мый съ школьною мудростью арабовъ и знавшій нѣсколько языковъ, написалъ много философскихъ сочиненій въ схоластическомъ (мутазилитскомъ) духѣ, а также разсужденія о религіозномъ законѣ, отчасти на еврейскомъ языкѣ, отчасти на арабскомъ. Однако ни одно изъ его сочиненій не прославило его такъ, какъ сочиненіе, въ которомъ онъ нападалъ на систему распространенія родства (см. стр. 228). Онъ разрѣшалъ многіе брачныя союзы, которые у древнихъ караимовъ считались кровосмѣсительными. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій (Маоръ) Иосифъ Роегъ полемизируетъ съ Саадіей (910—930).— Гассанъ бенъ-Машіахъ, авторъ практически-религіознаго сочиненія, написалъ отдѣльный трактатъ противъ Фаюнитовъ ¹⁾.

Караимскіе писатели ошибались, надѣясь бранью и насмѣшками принудить Саадію къ молчанію. Онъ не замедлил отвѣчать имъ, оправдывалъ свои положенія и всегда былъ готовъ отразить нападеніе. Онъ написалъ по арабски еще два сочиненія противъ караимства, одно подъ заглавіемъ «Различеніе» (Tamjiz), другое противъ Ибнъ-Саквіи ²⁾. Всѣ антикараимскія сочиненія Саадіи сдѣлались добычею времени и извѣстны только по упоминанію ихъ позднѣйшими писателями. Вообще, изъ сочиненій Саадіи уцѣлѣли немногія; погибли даже талмудическія, изложенныя методически: введеніе въ Талмудъ, переводъ Мишны и трактатъ на арабскомъ языкѣ о гражданско-правовыхъ и обрядовыхъ темахъ. Благодаря своимъ сочиненіямъ, онъ прославился въ общинахъ африканскаго и восточнаго калифата. Престарѣлый Исаакъ Израели (см. стр. 266) съ жадностію читалъ сочиненія Саадіи, а ученикъ его, Дунашъ бенъ-Тамимъ поглощалъ ихъ ³⁾. Слава о Саадіи долетѣла также до мѣстопребыванія гаоната и обратила на него вниманіе коноводовъ.

¹⁾ Посланіе Сагала Абулсарн.

²⁾ Замѣч. 20.

³⁾ Бенъ-Тамимъ въ его комментаріяхъ къ книгѣ Jezirah, отчасти напечатанныхъ въ Orient. Literaturbl., 1845 г., col. 563.

Именно въ это время сурская академія впала въ жалкое положеніе и такъ нуждалась въ ученыхъ, что экилархъ Давидъ бенъ-Саккаи былъ вынужденъ назначить гаономъ одного ткача, по имени Іомъ-Тобъ Кагана бенъ-Іаковъ (Гай бенъ-Кіюмаи), который однако умеръ чрезъ два года (926 — 28). Пумбадитскій гаонъ, Когенъ-Цедекъ, желавшій сдѣлать свою академію первенствующей, подалъ экиларху (съ которымъ уже примирился) совѣтъ упразднить сурскую академію, переселить остальныхъ ея членовъ въ Пумбадиту и оставить гаону только одинъ титулъ, назначивъ ему мѣстопробываніемъ Пумбадиту. Такимъ гаономъ, имѣвшимъ только титулъ, уже былъ назначенъ сынъ одного пумбадитскаго гаона, по имени Натанъ бенъ-Іегудай, но умеръ внезапно ¹⁾. Его внезапная смерть была сочтена современниками какъ-бы указаніемъ на то, что упраздненіе древней, почтенной сурской академіи будетъ грѣхомъ. Поэтому экилархъ Давидъ рѣшилъ не упразднять академіи и предложилъ въ гаоны двухъ лицъ: Саадію и ничѣмъ неизвѣстнаго Цемаха бенъ-Шагина, происходившаго отъ древняго благороднаго рода. О выборѣ одного изъ этихъ кандидатовъ экилархъ совѣщался съ слѣпцемъ Нисси Нагарвани, мнѣніе котораго было тѣмъ безпристрастнѣе, что онъ самъ отказался отъ гаонства. Нисси подалъ голосъ въ пользу Цемаха, не потому однако, что имѣлъ упрекнуть въ чемъ-либо Саадію, котораго, напротивъ, осыпалъ преувеличенными похвалами. «Саадія превосходитъ всѣхъ современниковъ мудростью, благочестіемъ, краснорѣчіемъ», говорилъ Нисси, «но онъ обладаетъ твердымъ независимымъ духомъ, который ничѣмъ нельзя устрашить». Нисси, правильно судившій о Саадіи, опасался, что непреклонный духъ послѣдняго будетъ причиною столкновенія между нимъ и экилархомъ, который въ лицѣ сурскаго гаона хотѣлъ имѣть только послушное орудіе для противодѣйствія притязаніямъ пумбадитской академіи. Тѣмъ не менѣе Давидъ избралъ Саадію ²⁾. Послѣдній былъ вызванъ изъ Египта въ Суру и

¹⁾ Натанъ Бабли въ Іохазинѣ, Посланіе Шерпы.

²⁾ Буквально со словъ Натана Бабли, тамъ же.

формально назначенъ гаономъ (въ Маѣ 928) ¹⁾. Этотъ случай назначенія на первое послѣ экиларха мѣсто такого лица, которое принадлежало къ числу иноземныхъ евреевъ, не привело цѣлаго ряда годовъ въ талмудической академіи и не прошло всѣхъ ступеней должностной іерархіи, былъ исключеніемъ. Къ тому-же Саадія былъ въ сущности болѣе извѣстенъ научными трудами, чѣмъ талмудическою ученостію. Облекши Саадію въ гаонскій санъ, Вавилонія какъ будто уступила чужой странѣ принадлежавшее ей въ теченіе семи вѣковъ главенство надъ еврействомъ всѣхъ странъ и поставила философскую науку на одну степень съ Талмудомъ. Духъ изслѣдованія, изгнанный изъ академическихъ залъ вмѣстѣ съ Ананомъ, основателемъ караимства, торжественно вступилъ въ нихъ въ лицѣ Саадіи.

Своею личностію и славою Саадія придалъ сурской академіи новый блескъ, и во время его президентства Пумбадита отступила въ тѣнь. Онъ старался пополнить образовавшіеся въ академической коллегіи пробѣлы, призывалъ на академическія мѣста достойныхъ, хотя и молодыхъ людей ²⁾, и былъ вѣренъ долгу своихъ обязанностей. Съ какими чувствами вступилъ онъ въ первый разъ въ тѣ аудиторіи, въ которыхъ преподавали великіе аморейскіе авторитеты! Но вскорѣ его здравый смыслъ подсказалъ ему, что отъ прежняго величія едва осталась тѣнь, что знаменательные титулы и саны сдѣлались только номинальными, что гробовой червь уже точитъ эти священныя древности. Экилархатъ, вершина еврейско-вавилонскихъ общинъ, утратилъ внутреннее достоинство и находился въ постоянномъ разладѣ съ академіями, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать съ ними согласно. Экилархатъ, непризнанный официально при дворѣ, покупалъ себѣ у царедворцевъ и временщиковъ позволеніе существовать, но могъ быть превращенъ въ прахъ, если кто-либо принесетъ бѣдншіе подарки. Жалкое и покупаемое положеніе требовало

¹⁾ Шерира, тамъ же.

²⁾ Шерира восо смотритъ на это въ своемъ посланіи.

значительныхъ суммъ, и сіи послѣднія вымогались у народа. Чтѣ было съ эзилархатомъ, то самое было и съ академическими коллегіями. Подкупъ и угнетеніе народа были въ порядкѣ вещей, лишь - бы вымочь побольше средствъ для утвержденія своего сана ¹⁾. Коноводы совершенно утратили чувства справедливости, добродѣтель и внутреннее благочестіе. Однажды эзилархъ Давидъ послалъ своего сына собирать съ общинъ чрезвычайные подарки, и когда фарская община (гамаданская?) отказала исполнить требованіе, тогда Давидъ отлучилъ ее, увѣдомилъ о томъ визиря, а сей послѣдній калифа, калифъ-же наложилъ за это на общину значительную денежную пеню. И академическіе гаоны безмолвствовали! ²⁾. Самъ Саадія, какъ ни возмущался многими дѣйствіями, долженъ былъ молчать; его положеніе еще было слишкомъ ново. Будучи великъ душою, Саадія нажилъ себѣ враговъ, которые стремились его низвергнуть. Не только Когенъ-Цедекъ злобствовалъ на него, ибо его слава затмила Пумбадиту, но и молодой человекъ изъ Багдада, обладавшій глубокими познаніями, большимъ богатствомъ и значительнымъ вліяніемъ, именно Ааронъ (Калебъ) Ибнъ-Саргаду, былъ враждебно настроенъ противъ него. Поэтому Саадія, въ виду глубокихъ язвъ въ еврейско-вавилонскихъ общинахъ, погрузился въ молчаніе; онъ хотѣлъ приготовить сперва твердую почву для своихъ дѣйствій. Но когда для него стало невыносимо безнравственное поведеніе представителей іудейства, когда глубоко было оскорблено его чувство справедливости, и когда прямо стали обвинять его въ участіи въ незаконіяхъ, тогда онъ не выдержалъ и обнаружилъ свой непреклонный характеръ.

Незначительный случай выставилъ въ яркомъ свѣтѣ всю нравственную испорченность еврейскихъ сановниковъ. Эзилархъ Давидъ, склоняся на богатые подарки, не совѣмъ

¹⁾ Это рѣзкое сужденіе основано частью на сообщаемыхъ фактахъ, частью на свѣдѣніяхъ современника, Сагала Абусарри, въ его посланіи; см. Пинскера, стр. 31.

²⁾ Натанъ Бабли, тамъ же.

справедливо рѣшилъ тяжбу о значительномъ наслѣдствѣ. Чтобы узаконить и сдѣлать неопровержимымъ приговоръ, Давидъ потребовалъ отъ обоихъ гаоновъ подписать составленный ими актъ. Престарѣлый Когенъ-Цедекъ не могъ ничего возразить и далъ свое согласіе. Но Саадія не могъ позволить прикрывать несправедливость своимъ именемъ. По настоянію партій онъ объяснилъ причину своего отказа. Экилархъ Давидъ, для котораго было вдвойнѣ важно имѣть подпись Саадіи, поручилъ своему сыну Іегудѣ потребовать его именемъ отъ Саадіи, чтобы тотъ безъ всякихъ разсужденій подписалъ документъ. Саадія спокойно возразилъ: законъ воспрещаетъ ему это, ибо предписываетъ не обращать въ тяжбныхъ дѣлахъ никакого вниманія на значительность и неважность суммы иска. Давидъ вторично послалъ къ нему сына, съ угрозой лишитъ должности въ случаѣ отказа. Іегуда сперва заговорилъ кроткимъ тономъ и заклиналъ Саадію не возбуждать непріятнаго столкновенія; но, найдя его непреклоннымъ и уставши отъ расхаживанья туда и сюда, замахнулся на Саадію и рѣзко потребовалъ его подписи. Прислуга Саадіи вытолкала дерзкаго и заперла дверь въ залъ засѣданія. Давидъ бенъ-Саккаи, считая себя осмѣяннымъ, лишилъ гаона должности, отлучилъ его и назначилъ ему преемникомъ Іосифа бенъ-Іакова бенъ-Сатію, молодаго человѣка, который могъ-бы быть ученикомъ Саадіи. Но Саадія былъ не такой человѣкъ, котораго можно застращать силой. Онъ, съ своей стороны, объявилъ Давида лишеннымъ сана и, сообщая съ своими сторонниками, выбралъ въ экилархи его брата Іосію Гассана (930) ¹⁾.

Немедленно образовались въ Вавилоніи двѣ партіи: саадіевская и давидовская. На сторонѣ Саадіи были всѣ члены сурской коллегіи, многіе уважаемые, заслуженные и ученые мужи багдадскіе ²⁾ и между ними сыновья Нетиры, наслѣдовавшіе вліяніе отца. Противъ нихъ были Ааронъ Ибнъ-Саргаду, его

¹⁾ Натанъ Бабли, тамъ же; Авраамъ Ибнъ-Даудъ. Посланіе Шерпры.

²⁾ Натанъ Бабли, Массуди въ Загѣч. 20.

сторонники и, вѣроятно, также Когенъ - Цедекъ съ пумбадтской коллегіей. Обѣ партіи обратились къ калифу Алмуктадиру и подкупали любимцевъ и царедворцевъ, чтобы тѣ замолвили за нихъ словечко калифу. Ибнъ-Саргаду истратилъ 10000 денаріевъ, чтобы добиться низложенія Саадіа. Калифъ хотѣлъ выслушать обѣ стороны и назначилъ въ Багдадѣ формальный судъ подъ предсѣдательствомъ визиря Али Ибнъ-Изы и съ участіемъ многихъ сановниковъ¹⁾. Однако споръ остался нерѣшеннымъ, вѣроятно, по причинѣ частой смѣны визирей въ послѣдніе два года правленія калифа Алмуктадира, и бывшихъ въ это время смуть въ столицѣ (930—932). Въ теченіе этого времени Саадіа утвердился въ гаонствѣ, но имѣлъ противника въ лицѣ антигаона Іосифа бенъ-Сегіа; въ то-же самое время было также два анти-экиларха: Давидъ и его братъ Іосія Гассанъ.

Только послѣ умерщвленія калифа Алмуктадира (Октябрь 932) и по возведеніи на престолъ нишага Кагира (который въ чужомъ платьѣ принималъ присягу подданныхъ), могла одолѣть та партія, которая дала больше денегъ для наполненія пустой казны новаго калифа, и партія эта была давидовская. Добытыя вымогательствомъ суммы экилархъ истратилъ на достиженіе своей цѣли — низложить соперника. Вслѣдствіе этого калифъ приказалъ наконецъ Саадіа сложить академическое президентство и, быть можетъ, оставить Суру (начало 933). Анти-экилархъ Гассанъ былъ изгнанъ въ Хоразанъ, гдѣ впослѣдствіи и умеръ²⁾. Саадіа пробылъ затѣмъ четыре года въ Багдадѣ, ведя уединенную жизнь частнаго человѣка (933—937). Неосновательно однако извѣстие, что экилархъ Давидъ злоумышлялъ на его жизнь, и что поэтому Саадіа долженъ былъ скрываться³⁾. Но многолѣтніе споры и оскорбленія потрясли его здоровье; онъ сдѣлался угрюмъ. Однако эта угрюмость не омрачила его духа. Именно во время

¹⁾ Массуди въ *Chrétomatie arabe de Sacy*, I, 350, Замѣч. 52.

²⁾ Натанъ Баблі, Шерира, сравн. Замѣч. 20.

³⁾ То-же Замѣч.

уединенной жизни онъ написалъ свои лучшія сочиненія, носящія печать свѣжести мыслей и оригинальности. Онъ писалъ талмудическіе трактаты, литургическія стихотворенія и неримованныя молитвы, полныя религіознаго жара, установилъ полный молитвенный чинъ (Siddur) по образцу Амрамскаго (см. стр. 263) и собралъ правила календаря (Ibbur), полемизировалъ съ массоретомъ Аарономъ бенъ-Ашеромъ изъ Тиверіады и вообще написалъ многое въ это время¹⁾.

Но первое мѣсто въ ряду его произведеній принадлежитъ философскимъ сочиненіямъ на арабскомъ языкѣ: комментарию къ книгѣ о созданіи (Sefer Jezirah) и обширному труду о «Вѣрѣ и объ ученіи вѣры». Саадія первый представилъ довольно полную религіозно-философскую, разчлененную систему. Ибо хотя караимскіе учителя любили пространныя философскія изложенія и не пропускали удобнаго и неудобнаго случая привести ихъ; но ни прежде, ни послѣ не могли создать полную, законченную религіозную систему. Арабы также не имѣли до того времени систематической философіи. Поэтому Саадія собственными силами построилъ зданіе еврейской религіозной философіи, хотя и заимствовалъ у арабско-мутазилитской школы философскія темы и методъ ихъ обработки.

Мысли Саадія еще не достигли полной зрѣлости въ то время, когда онъ писалъ комментарий къ полу-мистической, полу-философской «книгѣ о созданіи»²⁾, происхожденіе которой еще неизвѣстно и которая содержитъ дѣтскіе вымыслы рядомъ съ глубокими мыслями. Онъ не только не постигъ послѣдовательности мыслей этой своеобразной системы творенія и внесъ много чуждаго ей, но и составилъ собственное понятіе о Богѣ, близкое къ тому ученію, которое всюду, въ великомъ и маломъ, признаетъ дѣйствіе и силу божества; но нигдѣ не видитъ Бога (пантеизмъ). Вездѣсущіе Божіе

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Я сперва отнесъ Sefer Jezirah къ геогностическому времени, но потомъ отказался отъ этого мнѣнія, встрѣтивъ въ этомъ сочиненіи термины, принадлежащіе арабской эпохѣ, и сознаюсь, что не знаю, къ какому времени надобно отнести этотъ трудъ.

Саадія понималъ такимъ образомъ, что Богъ есть *жизнь и знаніе* міра. Какъ жизнь организма проникаетъ каждую его частицу, такъ точно и Богъ находится во всѣхъ частяхъ вселенной, въ горахъ, рѣкахъ, моряхъ. И какъ знаніе не измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ предметовъ, такъ точно и Богъ остается неизмѣннымъ во всѣхъ явленіяхъ вселенной. И какъ познаніе не можетъ быть осквернено, такъ точно и Богъ, хотя сущій во всѣхъ вещахъ, не оскверняется ими. Но хотя Онъ существуетъ во вселенной и во всѣхъ ея частяхъ, однако превышаетъ ихъ, управляетъ и руководитъ всѣмъ, точно такъ, какъ духъ присуць душѣ и однако выше ея и руководитъ ею. Какъ же мыслимо это дѣятельное присутствіе Бога во всѣхъ вещахъ? Или по сколько Онъ есть жизнь и душа вселенной? Эти вопросы Саадія рѣшаетъ страннымъ образомъ. Богъ проникаетъ всѣ вещи тонкимъ дуновеніемъ воздуха и Самъ состоитъ въ непосредственномъ соединеніи съ атмосферой. Такимъ образомъ, посредствомъ этого эмира онъ входитъ во всѣ части міра, ибо нѣтъ твердѣйшаго тѣла, въ порахъ котораго не было-бы воздуха. Покрестіемъ этой атмосферы Богъ дѣйствуетъ во вселенной, приводя въ движеніе первую, которая передаетъ движеніе дальше. При такомъ возрѣннн можно буквально понимать слова св. Писаніе: «Я (Богъ) есмь на небѣ вверху и на землѣ внизу», и «Все, что хочетъ Богъ, дѣлаетъ Онъ на небѣ и на землѣ». Его воля ежеминутно дѣйствуетъ посредствомъ воздуха на вещи, даетъ имъ образъ и измѣняетъ ихъ. Этотъ посредствующій воздухъ св. Писаніе называетъ величіемъ Божіимъ (Kabod), Талмудъ даетъ ему названіе Шехинагъ, а Книга о созданиіи именуется его «Духъ Бога живаго». Покрестіемъ него Богъ сообщаетъ своимъ избранникамъ высшія знанія, и св. Писаніе выражаетъ это словами: «Духъ Божій почіетъ на нихъ». Тѣмъ же образомъ Богъ даруетъ мужество и храбрость призванникамъ, одушевлялъ нѣкогда пророковъ, даровалъ на Синаѣ откровеніе и совершилъ всѣ знаменія и чудеса¹⁾.

¹⁾ Комментарій къ Sefer Jerirah (рукописный арабскій и еврейскій переводъ во многихъ бібліотекахъ) къ отдѣлу IV, Halachah 1.

Это воззрѣніе Саадіа обличаетъ упорное стремленіе рѣшить вопросъ: какимъ образомъ надобно представить себѣ Бога, который превыше вселенной и однако ежеминутно проявляетъ въ ней Себя. — Незрѣлымъ лѣтамъ Саадіа принадлежитъ также удивительное сочиненіе, имѣющее своимъ предметомъ согласованіе десяти заповѣдей съ десятью основными свойствами, принятыми въ философіи Аристотеля¹⁾.

Нѣскольکو лѣтъ спустя (934)²⁾, Саадіа, создавая свою религіозную философію (*Eminot we-Deot*), совершенно отбросилъ эту незрѣлую точку зрѣнія, такъ что отъ нея не осталось никакого слѣда. Онъ написалъ упомянутое религіозно-философское сочиненіе, съ цѣлью опровергнуть и исправить ошибочныя понятія своихъ современниковъ о значеніи іудейства, съ одной стороны — ради невѣрующихъ и сомнѣвающихся, отнимавшихъ у еврейства почву, а съ другой стороны — ради невѣжественной народной массы, которая считала атеизмомъ всякое размышленіе о религіи. «Мое сердце», говоритъ Саадіа во введеніи, «скорбитъ о разумныхъ существахъ и особенно о моемъ народѣ, которыя имѣютъ нечистую вѣру и смутныя о ней понятія. Одни отрицаютъ ясныя какъ солнце истины и хвалятся невѣріемъ. Другіе погружены въ море сомнѣній, и волны заблужденія смыкаются надъ ихъ головами, и нѣтъ пловца, который бы ихъ схватилъ и вытащилъ. Такъ какъ милость Божія даровала мнѣ нѣчто, чѣмъ я могу имъ быть полезенъ, то я считаю своимъ долгомъ наставить ихъ посредствомъ назиданія на истинный путь. Если кто возразитъ: какъ можемъ мы посредствомъ философскаго мышленія достигнуть истинной вѣры, ибо многіе считаютъ его ересью и невѣріемъ? то я отвѣчу: такъ поступаютъ лишь тупоумные, только тѣ, которые увѣрены, что всякій прибывшій въ Индію обогащается, или что лунное затмѣніе происходитъ отъ того, что драконъ охватываетъ луну, и т. п. Такихъ нечего и слушать. Но если кто противъ философскаго умозрѣнія приведетъ талму-

¹⁾ Тамъ же, къ I, 1, сообщено *Dukes Nachal Kedumim*, стр. 3, примѣч.

²⁾ Тамъ же. 20.

дическое предостереженіе: испытующій о началѣ времени и пространства не долженъ жить, — то мы отвѣтимъ: Талмудъ не можетъ наказывать за правильное мышленіе, ибо св. Писаніе побуждаетъ къ тому и даже требуетъ. Предостереженіе Талимуда относится только къ одностороннимъ умозрѣніямъ, которыя идутъ собственнымъ путемъ и непричастны истинѣ св. Писанія. Конечно, эти неосновательныя умозрѣнія могутъ вести къ заблужденіямъ, а если даже ведутъ къ истинѣ, то послѣдняя не представляется имъ непреложною, ибо они отреклись откровенія и дали мѣсто сомнѣнію въ немъ. Но если философія изслѣдуетъ, опираясь на вѣру, то не можетъ вступить на ложный путь; скорѣе она находитъ подтвержденіе откровенію и можетъ опровергнуть возраженія, дѣлаемыя невѣрующими. Истина откровеннаго еврейства можетъ быть предполагаема, какъ непреложная, ибо подтверждена знаменіями и чудесами. Именно, чудесное ниспосланіе манны, продолжавшееся сорокъ лѣтъ, должно устранить всякое сомнѣніе. Ибо долговременное чудо убѣдительное скоропреходящаго; послѣднее можетъ основываться на иллюзіи и обманѣ, первое же, повторяясь ежедневно, исключаетъ всякій обманъ. Но если кто спроситъ: такъ какъ философское умозрѣніе ведетъ къ тому же убѣжденію, какъ и откровеніе, то послѣднее совершенно излишне, ибо человѣческій разумъ могъ бы и безъ божескаго вмѣшательства достигнуть истины? то мы отвѣтимъ: откровеніе потому необходимо, что безъ него человечество должно бы пройти длинный путь, чтобы посредствомъ собственнаго мышленія представить себѣ ясно истину. Тысячи случаевъ и сомнѣній могли бы ему въ томъ воспрепятствовать. Поэтому-то Богъ избавилъ насъ отъ всѣхъ этихъ затрудненій и послалъ свои заповѣди, открывшія намъ о Немъ, и подтвердилъ ихъ чудесами»¹⁾.

Философія Саадіи имѣетъ свою исходною точкою откровеніе, какъ непреложную истину, и старается подтвердить

¹⁾ Emunot, введовіе.

еврейское вѣроученіе логическими доказательствами. Саадія прежде всего говоритъ объ источникахъ познанія истины, какъ ихъ найти и по чемъ отличить. Такихъ источниковъ три: достовѣрное впечатлѣніе чувствъ, непосредственное сужденіе разсудка и необходимое послѣдствіе (размышленіе). Ревнуя найти въ св. Писаніи всѣ философскія мысли, Саадія приводитъ даже стихи въ доказательство того, что и откровенное писаніе обращается къ этимъ тремъ источникамъ познанія. Онъ старается доказать въ этомъ методѣ, что результаты разумнаго познанія согласуются съ ученіемъ еврейства. Онъ придаетъ двоякую важность положенію: что іудейство не противорѣчитъ философскому сознанію. Тупоумной, бессмысленной толпѣ онъ хочетъ доказать, что все противное разуму, бессмысленное, суевѣрное, какъ напр., вѣра въ переселеніе душъ, несвойственно еврейству¹⁾, а философски-образованныхъ, сомнѣвающихся людей онъ хочетъ убѣдить въ томъ, что іудейство и разумъ не находятся въ непримиримомъ между собою антагонизмѣ²⁾.

Благодаря философской школѣ мутазилитовъ, невѣріе сдѣлало въ восточномъ калифатѣ такіе успѣхи, что современный Саадіи арабскій поэтъ Абуль-Ала, бичевавшій преступленія своей эпохи, могъ сказать: «Мусульманинъ, іудей, христіанинъ, магъ находятся въ заблужденіи и безуміи. Въ мірѣ только два рода людей: у однихъ есть разсудокъ, но нѣтъ вѣры, другіе же вѣруютъ, но лишены разсудка»³⁾. Многіе въ еврейскихъ кружкахъ порицали объясненія гаона и цѣнили ихъ не выше прорицаній оракула⁴⁾. Но просвѣщенный умъ не остановился на опредѣленіяхъ гаонскихъ авторитетовъ и на Талмудѣ, но началъ сомнѣваться въ достовѣрности Библии и даже въ фактѣ Откровенія. Караимъ Соломонъ бенъ-Іерухамъ жалуется на нѣкоторыхъ изъ совре-

1) Тамъ же, отдѣлъ VI, глава 7.

2) Тамъ же, VII, 7—10.

3) Сравни. Вейля Chalifen, III, 72.

4) Resp. Gaonim Schaare Zedek начало и Shaare Teschubah № 187. Во всякомъ случаѣ, этотъ Responsum неподложный, хотя сомнительно, чтобы онъ былъ данъ Шерифомъ.

менниковъ, которые углубляются въ философскія сочиненія и особенно въ еретическія произведенія еврейскаго вѣроотступника Ибнъ-Алравенди, ведущія къ безвѣрiю и отрицающія Бога и Его пророковъ. Кто говоритъ имъ, что это грѣшно, того они считаютъ глупцомъ и смѣются надъ нимъ. Въ своихъ изслѣдованiяхъ они отрицаютъ Бога и Его ученiе ¹⁾. Главою невѣрiя состоитъ нынѣ раввинистъ Хиви Албалхи ²⁾ изъ города Балха (въ прежней Бактрии). Хиви написалъ сочиненiе противъ Библии и Откровенiя и предъявилъ двѣсти опроверженiй истины. Нѣкоторыя изъ этихъ опроверженiй имѣютъ такую же натуру, какъ и тѣ доводы, которые еще и нынѣ употребляются невѣрiемъ и просвѣщенiемъ, какъ оружье противъ Библии. Хиви утверждалъ между прочимъ: невѣроятно, чтобы Богъ открылся грѣховному роду человѣческому и пренебрегъ свѣтлыхъ ангеловъ. Какъ могутъ нравиться Богу, — говоритъ далѣе Хиви, — храмы, жертвы, горящiя лампы, еимiамъ, благовонiе и возлианiе вина! Это непримиримо съ величiемъ Божиимъ и не можетъ быть Имъ предписано. Хиви указываетъ на встрѣчающiяся въ Библии противорѣчiя и тѣмъ доказываетъ ея небожественное происхожденiе. Невѣрующiй изслѣдователь изъ Балха объяснялъ приливомъ и отливомъ переходъ чрезъ Черное море: Моисей перевелъ народъ во время отлива. Чудесную манну въ пустынь Хиви объяснялъ также естественнымъ образомъ, а сiянiе Моисеева лица по сошествiи съ Синайской горы онъ считалъ ничѣмъ инымъ, какъ кожею лица, которая высохла и превратилась въ рогообразное вещество. Хиви былъ первымъ рационалистическимъ библейскимъ критикомъ, который не отступалъ ни предъ какою непослѣдовательностью. И однако онъ нашелъ себѣ послѣдователей изъ современниковъ; учителя распространили

¹⁾ Комментарiй Соломона бенъ-Иерухама къ Kohelet, сообщ. Пинскеромъ въ Likute, текстъ стр. 27 и слѣд. О невѣрiи въ эпоху Саадинъ сравн. Маймунн Iggeret Temam, ed. Amst., 125 d.

²⁾ Сравн. о немъ Замѣч. 20, II.

въ школахъ его еретическія мнѣнія объ іудействѣ¹⁾). Противъ Хиви вооружились бывшіе соперники, Саадія и Соломонъ бенъ-Іерухамъ. Саадія еще въ Египтѣ написалъ опроверженіе его воззрѣній. Въ своей религіозной философіи онъ обратилъ особенное вниманіе на это направленіе, враждебное откровенію, и старался показать его несостоятельность; равнымъ образомъ онъ не упустилъ изъ вида возраженій, дѣлаемыхъ христіанствомъ и магометанствомъ²⁾).

Саадіева система іудейской религіозной философіи беретъ, по примѣру мутазилитовъ, своею исходною точкою созданіе вселенной, которая, слѣдовательно, не существовала предвѣчно; этотъ тезисъ пространно доказывается согласностію логическихъ умозаключеній съ словами св. Писанія. Если вселенная ограничена въ пространствѣ и времени, то, слѣдовательно, она не создалась сама изъ себя, и потому необходимо предположить творца. Отсюда Саадія выводитъ основную истину еврейства: созданіе міра изъ ничего, и опровергаетъ основанное на чувственномъ впечатлѣніи положеніе: изъ ничего не будетъ ничего. Конечно, человѣческому мышленію трудно представить себѣ созданіе изъ ничего, но такъ какъ къ тому приводитъ непогрѣшимое умозаключеніе и такъ какъ не менѣе трудно мыслить противоположное, то надобно остановиться на вышесказанномъ. Не слѣдуетъ вопрошать о конечной цѣли міроздавія, ибо понятіе конечности немыслимо у Бога. Но можно допустить, что Богъ создалъ все, съ цѣлію, возвѣститъ посредствомъ міра свою мудрость и содѣйствовать благополучію тварей³⁾).

Если философское размышленіе признало Бога Творцемъ міра, то необходимо мыслить Его единымъ. Ибо множественность въ божествѣ будетъ несообразностію, противъ которой возстаетъ здравый человѣческій смыслъ. Но съ понятіемъ

1) Авраамъ Ибнъ-Даудъ; Саадія Ибнъ-Данаъ въ сборникѣ Эдельмана *Chemdah Genusah*, стр. 28.

2) *Emunot* II, 5; III въ концѣ 8 и 10.

3) Тамъ же, I, 1—3, 5.

Міроздателя нераздѣльно соединены три свойства Бога. Его нельзя иначе мыслить, какъ сущимъ (живымъ, дѣйствующимъ), мудрымъ и могущественнымъ. Эти три свойства Бога: бытіе, премудрость и могущество, составляютъ въ сущности единое понятіе. Но человѣческое мышленіе на столько ограничено, и человѣчскій языкъ на столько скуденъ, что невозможно совмѣстить въ единой мысли эти понятія, выразить однимъ словомъ, и потому человѣкъ принужденъ раздѣлить ихъ на три. Допустивъ эти три свойства Бога, мы не приближаемся къ всесовершенству Его (какъ думаютъ нѣкоторыя високоумные мутазилиты); ибо они составляютъ не постороннюю прибавку къ Его существу, но одно цѣлое съ нимъ¹⁾. Напротивъ, слѣдуетъ отмѣтать всѣ прочія свойства, потому что они нарушаютъ всесовершенство и величіе божества. Нельзя говорить о Богѣ: Онъ дѣйствуетъ; ибо дѣйствіе относится къ чему либо и имъ опредѣляется. Но если св. Писаніе приписываетъ Богу милосердіе, желаніе, гнѣвъ, раскаяніе: то все это нужно почитать только за метафору, чтобы говорить людямъ человѣческимъ языкомъ. Явленіе Бога пророкамъ не слѣдуетъ понимать, какъ измѣненіе божества, а должно представлять, какъ мгновенное свѣтосозданіе, которое становилось видимымъ въ многоразличныхъ формахъ и говорило пророкамъ²⁾. Внезапное свѣтосозданіе по глаголу Божию есть главная черта возврѣнія Саадія, которая проходитъ чрезъ всѣ его экзегетическія, полемическія и религіозно-философскія сочиненія. Саадія думалъ, что устранилъ этимъ чувственное представленіе Бога и тѣмъ не менѣе спасъ пророчество, какъ подлежащій чувствамъ фактъ.

Центръ созданной Богомъ вселенной есть, по мнѣнію Саадія, земля, ибо небесныя тѣла окружаютъ ее, какъ служители, она же составляетъ ихъ центръ. Благороднѣйшее и преимуществующее всегда бываетъ внутреннимъ и цент-

¹⁾ Тамъ же, II, 1—4.

²⁾ Тамъ же, II, 7—8.

ральнымъ, какъ плодъ въ растеніи, зерно въ плодѣ, желтокъ въ яйцѣ, сердце въ человѣкѣ. Такъ какъ преимуществующее существо на землѣ есть человѣкъ, то надобно заключить, что человѣкъ есть совершеннѣйшее существо и конечная цѣль всего творенія ¹⁾. Человѣкъ также совершеннѣе небесныхъ тѣлъ (которыя Саадія, какъ и всѣ древніе, представлялъ себѣ одушевленными эфирными существами); онъ даже совершеннѣе ангеловъ ²⁾. Хотя духъ человѣческой заключенъ въ оскверненномъ и бренномъ тѣлѣ, однако можетъ возноситься надъ землею и небомъ. Человѣкъ есть господинъ творенія, онъ покоряетъ себѣ животный міръ, дѣлаетъ чудесныя изобрѣтенія. Въ знаніи заключается величіе человека и въ немъ состоитъ его преимущество надъ всѣми прочими существами. Саадія также говоритъ о свободной волѣ человека.

Знаніе присуще душѣ и не пріобрѣтается ею чрезъ чувственныя впечатлѣнія; ибо и слѣпой можетъ представить себѣ зрѣніе и грезить о чувствѣ зрѣнія. Скорѣе чувства получаютъ отъ души способность воспринимать впечатлѣнія. Хотя душа имѣетъ три различныя способности: желать, возбуждаться и познавать, однако она есть единое существо. Сердце служитъ ей главнымъ мѣстопребываніемъ, хотя она наполняетъ все тѣло человека. Тѣло есть только орудіе, посредствомъ котораго душа дѣйствуетъ на внѣшній міръ. Богъ для того соединилъ душу съ тѣломъ, чтобы даровать ей возможность быть блаженною и счастливою. Но этого блаженства она достигаетъ лишь добрыми дѣлами; злыя дѣянія обезображиваютъ душу и лишаютъ ее блеска. Если покажется кому либо непонятнымъ, что Богъ заключилъ лучезарную душу въ темное тѣло, то пусть вспомнить, что безъ этого соединенія ни тѣло, ни душа не могли-бы дѣйствовать, и главная цѣль созданія была-бы такимъ образомъ

¹⁾ Тамъ же, IV введеніе и VI, 3.

²⁾ Этого воззрѣнія Саадія нѣтъ въ его, дошедшихъ до насъ, сочиненіяхъ; оно подытовано Ибнъ-Езрой въ его комментаріи къ книгѣ Бытія I и въ другихъ мѣстахъ.

недостигнута. Но требовать, чтобы Богъ даровалъ душѣ силы дѣйствовать и безъ посредства тѣла, значитъ требовать отъ огня, чтобы онъ прохлаждалъ, а отъ снѣга, чтобы онъ обжигалъ. Совершенство души и тѣла достигается лишь чрезъ ихъ соединеніе, оба они составляютъ единое существо ¹⁾. Этому соединенію души съ тѣломъ Богъ отмѣрилъ извѣстный періодъ времени, который Онъ впрочемъ можетъ сдѣлать болѣе продолжительнымъ или болѣе краткимъ, причемъ сущность соединенія нисколько не измѣнится ²⁾.

Если душа, благодаря своей познавательной способности, глубоко проникнется величіемъ Бога, то неминуемо станетъ сама собою любить и чтить Бога, стремиться къ своему Творцу, питать къ Нему благодарность, считать себя Его служительницею, почитать за благо и сносить съ покорностью посылаемая ей Богомъ радости и бѣдствія. Присущее душѣ чувство привязанности къ Богу служить источникомъ религіи ³⁾. Слѣдовательно, человекъ, силою своей собственной природы, могъ-бы достигнуть до богопознанія, религіи, творенія добра, т. е. добродѣтели, и не нуждался бы въ откровеніи. Онъ могъ-бы безъ возбужденія со стороны Божества достигнуть блаженства, заключающагося въ соблюденіи религіи и въ нравственности. Но путь познанія дологъ и труденъ, и если-бъ даже человекъ достигнулъ сказанной цѣли, устранивъ многоразличныя препятствія и неудачи, то все-таки не нашель-бы надлежащей мѣры для соблюденія религіи и для упражненія въ добродѣтели. Человѣческая душа, въ силу своего стремленія къ Богу, конечно, ощущаетъ потребность въ молитвѣ, но не могла-бы сама опредѣлить, какъ и сколько надобно молиться. Человѣчeskій духъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, что нецѣломудріе, воровство и убійство суть пороки, которыхъ слѣдуетъ избѣгать, но онъ не могъ-бы собственными средствами провести границы между дозволеннымъ и запрещеннымъ, т. е. не могъ-бы найти регулирующаго закона. Для

¹⁾ Тамъ же, VI, 1—4.

²⁾ Тамъ же, VI, 5.

³⁾ Тамъ же, II, 10.

сего человѣку необходимо Откровеніе и возвѣщеніе воли Божіей посредствомъ небесныхъ посланниковъ или пророковъ ¹⁾).

Посланничество пророковъ Богъ подтверждаетъ и удостоверяетъ заранѣе предвозвѣщенными чудесами. Чудеса служатъ какъ-бы свидѣтельствомъ того, что Богъ воздвигаетъ пророковъ, что Онъ посылаетъ ихъ, что пророки возвѣщаютъ Его слово. Божескіе посланники должны быть вполнѣ причастны человѣческой природѣ, даже человѣческимъ слабостямъ и колебаніямъ. Если-бъ Богъ избралъ въ свои посланники ангела или высшее существо, то люди, не зная природы ангеловъ, впали-бы въ сомнѣніе относительно того, исходятъ-ли видимыя ими чудеса отъ Бога или отъ этихъ высшихъ существъ. Пророки не должны постоянно творить чудеса и прозрѣвать будущее, но должны платить дань человѣческой ограниченности, дабы люди увѣдали, что пророки принадлежатъ, подобно имъ, къ числу смертныхъ существъ и что пророчество ихъ исходитъ лишь отъ Бога. Поэтому пророки вообще не отличались отъ прочихъ людей ни пищею, ни питьемъ, ни брачною жизнью, ни вѣчнымъ здоровьемемъ и постояннымъ счастьемъ, дабы не было никакого сомнѣнія въ томъ, что пророчество есть дѣйствительно слово Божіе. Въ своемъ призваніи пророки удостоверялись понятнымъ для нихъ божественнымъ знаменіемъ: облакомъ, огненнымъ столпомъ или свѣтосозданіемъ (явленіемъ Божества). Если не говорится положительно о такихъ знаменіяхъ для каждаго пророка, то изъ св. Писанія можно заключить, что всѣ пророки имѣли знаменія ²⁾). Однако однихъ чудесъ недостаточно для удостовѣренія посланничества пророка; необходимо также, чтобы это посланничество имѣло на себѣ печать имовѣрности и божественности. Если-бъ кто захотѣлъ удостовѣрить чудомъ, что нецѣломудренная и безнравственная жизнь угодна Богу, то онъ тѣмъ самымъ изобли-

¹⁾ Тамъ же, III и введеніе, стр. 3.

²⁾ Тамъ же III, 3—5.

чили бы себя во лжи. Какъ свидѣтельскія показанія не могутъ побудить судью признать невозможное требованіе правильнымъ, такъ точно чудеса, которыя въ сущности слѣдуетъ считать лишь свидѣтельствами, не могутъ сдѣлать достойнымъ вѣры такое откровеніе, которое противорѣчитъ самому духу своему ¹⁾).

Знаменія и чудеса удостовѣрили израильскій народъ въ божественномъ посланничествѣ великихъ пророковъ и въ томъ, что возвѣщенное ими ученіе дѣйствительно исходитъ отъ Бога. Поэтому израильтяне обязаны соблюдать вѣрно это ученіе. Большая часть сего послѣдняго, — іудейство, — согласуется также съ разумомъ; это часть согласнаго съ разумомъ религіознаго закона ²⁾), предписывающая чтить Бога, не говорить и не думать о немъ недостойно, блюсти справедливость и истину, избѣгать разврата, воровства и клеветы, любить ближнихъ, какъ самого себя, и т. п. Что же касается другой части іудейства, — обрядовыхъ законовъ ³⁾), — то, конечно, нельзя съ перваго взгляда рѣшить, желательна ли эта часть сама по себѣ или нежелательна; посему можно было-бы допустить, что она лишь по стольку имѣетъ значеніе, по скольку содѣйствуетъ безусловному повиновенію Богу. Однако для нѣкоторыхъ обрядовыхъ законоположеній находится разумное основаніе. Освященіе опредѣленнаго времени можетъ имѣть цѣлью дать людямъ въ извѣстные дни отдыхъ отъ работы и время для молитвы и общественнаго богослуженія. Отличеніе извѣстныхъ лицъ, напр. потомковъ Аарона, можетъ основываться на томъ, что эти лица должны, какъ образцы, вести прочихъ людей къ добру. Запрещеніе употреблять въ пищу многихъ животныхъ можетъ быть направлено противъ идолопоклонства. Воспрещеніе браковъ между кровными родственниками, вѣроятно, установлено для предупрежденія разврата, могущаго развиться вслѣдствіе слишкомъ беззастѣнливаго обращенія членовъ семейства между

¹⁾ Тамъ же, III, 8.

²⁾ По арабски Schariu' aklıjjah, по еврейски Mizwot sichlijot.

³⁾ По арабски Schariu' semıjjah, по еврейски Mizwot schamijot.

собою. Левитскіе законы о чистотѣ имѣютъ цѣлью пробудить въ душѣ большее стремленіе къ молитвѣ и святости, если человекъ былъ лишенъ ихъ въ теченіе извѣстнаго времени по причинѣ своей нечистоты. Впрочемъ Саадія высказываетъ эти основанія лишь въ видѣ предположеній и говоритъ, что божественная мудрость быть-можетъ имѣла еще другую цѣль, которая скрыта отъ человека ¹⁾).

Изъ философскихъ выводовъ и откровенія Саадія составилъ родъ практическаго ученія о нравственности, которое можно считать блестящимъ пунктомъ его системы. Человѣкъ, хотя и представляетъ единый организмъ изъ души и тѣла, имѣетъ однако различныя побужденія и склонности. Желательная способность души стремится къ удовольствію и наслажденіямъ, чтобы удовлетворить требованія чувствъ. Возбудительная способность порождаетъ мужество, честолюбіе, высокоуміе и мстительность. Если человекъ предастся исключительно одному изъ этихъ побужденій, то вскорѣ погибнетъ. Но и подавлять склонности онъ никоимъ образомъ не долженъ, ибо Творецъ не напрасно далъ ихъ душѣ. Каждая склонность приноситъ цѣлому свою долю пользы. Если проповѣдникъ говоритъ: «Все въ мірѣ суета и всяческая суета», то этимъ онъ никакъ не хочетъ умертвить человѣческія склонности, всѣ вмѣстѣ и каждую порознь; онъ только хочетъ предостеречь отъ чрезмѣрнаго развитія одной склонности въ ущербъ другимъ. Познавательная способность души, разумъ, долженъ наблюдать за склонностями и сдерживать ихъ, чтобы онѣ не обратились во вредъ. Но и крайнее развитіе познавательной способности, одностороннее стремленіе къ мудрости, можетъ вести ко вреду. Надобно держать склонности въ равновѣсіи, чтобы ни одна изъ нихъ не взяла перевѣса надъ другими и не господствовала исключительно надъ человекомъ. Саадія насчитываетъ тридцать страстей и доказываетъ, что каждая изъ нихъ, будучи умѣренна и ограничена, содѣйствуетъ тѣлесному и духовному благо-

¹⁾ Emunot, III, 1—2.

состоянію челоѣка, но, будучи необузданною, губить его самого или общество. Пристрастіе къ пищѣ и питью, къ брачнымъ наслажденіямъ, стремленіе къ богатству, потомству, владычеству, улучшенію общественнаго состоянія, любовь къ жизни, стремленіе покорить врага, желаніе спокойствія и уединенія, стремленіе къ мудрости и знанію, къ созерцательной жизни, молитвѣ и посту имѣютъ все свое достоинство и недостатки. Будучи умѣренны и согласны со смысломъ откровенія и съ разумомъ, они ведутъ ко благу отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго общества, будучи-же доведены до крайности, приносятъ одно зло. Образцомъ челоѣческихъ дѣйствій могло-бы служить смѣшеніе красокъ или тоновъ, которые порознь кажутся рѣзкими для зрѣнія или слуха и производятъ непріятное впечатлѣніе, но, будучи соединены гармонически, доставляютъ удовольствіе и радость ¹⁾.

Иудейство, заповѣдующее умѣренную нравственную жизнь, дано на вѣчныя времена и не можетъ утратить силы отъ чего-бы то ни было. Послѣдній пророкъ Малахія возвѣстилъ: «Вспомните ученіе Моисея, данное при Хоривѣ всему Израилю». Божественный законодатель прибавилъ при многихъ правилахъ, что они должны имѣть силу во все роды. Богъ возвѣстилъ, что еврейское племя никогда не исчезнетъ, пока будутъ существовать небо и земля; но еврейское племя безъ содержанія своего ученія не имѣетъ никакого значенія. Изъ всего этого очевидно вѣчное значеніе еврейства. Ни христіанство, ни исламъ не могутъ своими доводами опровергнуть столь несомнѣнный откровенный законъ. Приводимыя исповѣдниками этихъ религій и еврейскими софистами доказательства временнаго значенія еврейства основываются, по мнѣнію Саадіи, на незнаніи и неправильномъ толкованіи ²⁾.

Любовію къ истинѣ и соблюденіемъ преподаваемыхъ еврействомъ законовъ челоѣкъ можетъ достигнуть того совершенства, которое предназначено ему Богомъ. Совершенно

¹⁾ Тамъ же, Отдѣлъ X.

²⁾ Тамъ же, III, 7—10.

религиозно-нравственная жизнь есть заслуга или добродѣтель (Zachut), уклоненіе-же отъ нея есть грѣхъ. Богоугодная жизнь очищаетъ душу, грѣховная-же оскверняетъ ее. Конечно, человѣческій глазъ не можетъ по своей ограниченности различить, какъ душа совершенствуется посредствомъ одного дѣянія и какъ она портится посредствомъ другаго. Это происходитъ отъ того, что мы не знаемъ эфирнаго существа души, которое своимъ блескомъ затмеваетъ звѣзды и ангеловъ. Творцу души, напротивъ, принадлежало предписать одно дѣянiе и воспретить другое, или признать одно добродѣтелью, а другое грѣхомъ. Такъ точно знатокъ монетъ отличаетъ съ перваго взгляда настоящую отъ фальшивой, врачъ опредѣляетъ причины тѣлеснаго страданія, опытный физиогномистъ (Kaifu) отличаетъ по незамѣтнымъ признакамъ одного человѣка отъ другаго, — вещи, которыя профанамъ кажутся загадочными. — Человѣкъ по своимъ душевнымъ качествамъ способенъ достигнуть высочайшей степени добродѣтели, и человѣкъ, достигнувшій ея, будетъ праведникомъ. Невѣжественная толпа говоритъ, что нѣтъ совершенно безгрѣшнаго человѣка. Такъ было-бъ, если-бъ Богъ, вѣдающій душу, не поставилъ человѣку столь высокой цѣли. Но какъ есть большіе и меньшіе грѣшники, такъ точно есть и различныя степени добродѣтельныхъ. Строй нравственнаго міра требуетъ, чтобы праведники наслаждались вѣчнымъ блаженствомъ, а грѣшники подверглись вѣчному наказанію. Награда и наказаніе, конечно, посылаются Богомъ и въ этомъ свѣтѣ, но полное возмездіе послѣдуетъ въ загробной жизни. Если всевозможныя бѣдствія и страданія поражаютъ самаго совершеннаго человѣка, то это не должно вовлекать насъ въ сомнѣніе относительно правосуднаго божескаго управленія міромъ. Эти бѣдствія и страданія служатъ не только для укрѣпленія добродѣтели, но и для того, чтобы представить людямъ идеаль герольской вѣрности добродѣтели. Конечно, въ этомъ случаѣ такой праведникъ получитъ тѣмъ большую награду въ загробной жизни. Причиною страданій, претерпѣваемыхъ даже невинными дѣтьми,

также бывает то, чтобы дѣти имѣли заслугу и, слѣдовательно, большее блаженство въ загробной жизни ¹⁾. Но будетъ неразумно допустить, чтобы невинные должны были своими страданіями искупить грѣхъ, содѣянный до ихъ рожденія, наследственный грѣхъ ²⁾.

Если загробная жизнь уравниваетъ здѣшнія рѣзкія противорѣчія, то смерть не можетъ считаться концомъ, а должна составлять только переходъ. Смерть лишь на время разлучаетъ душу съ тѣломъ. Душа еще въ теченіе нѣкотораго времени витаетъ вокругъ тѣла и испытываетъ скорбь при разлукѣ съ нимъ, точно такъ, какъ и всякій скорбитъ о разрушеніи своего дома. Эта скорбь на языкѣ талмудическихъ мудрецовъ называется предсмертнымъ страданіемъ (Chibut ha-Keber). Тогда чистыя души праведниковъ возлетаютъ къ мѣсту блаженства, оскверненныя же души, напротивъ, странствуютъ по вселенной, не зная покоя ³⁾. Дальнѣйшимъ воздаяніемъ праведникамъ и покаявшимся грѣшникамъ будетъ воскресеніе изъ мертвыхъ. Саадія представлялъ себѣ это воскресеніе совершенно согласно съ талмудическими воззрѣніями и народною вѣрою, утверждавшими, что души, разлученныя смертью съ тѣломъ, снова соединятся съ нимъ. Онъ старался только опровергнуть возраженіе: какимъ образомъ частицы тѣла, перешедшія въ стихійный міръ, снова встрѣтятся, соединятся и преобразятся или превратятся въ жилище для души. Воснесеніе изъ мертвыхъ, по егѹ мнѣнію, тѣсно связано со временемъ мессіанскаго освобожденія и непосредственно слѣдуетъ за нимъ. Это блаженное и полное милости царство наступитъ на землѣ. Поэтому оно будетъ имѣть земной характеръ, не будетъ ни совершенно, ни вѣчно. Даже порочная жизнь, хотя и въ ограниченной степени, будетъ возможна въ мессіанское время, потому что высшее знаніе, которымъ проникнутся всѣ участники сказаннаго времени, не будетъ въ состояніи превозмочь грѣхи и заблужденія. Смерть также

¹⁾ Тамъ же, V, 3.

²⁾ Тамъ же, VI, 7.

³⁾ Тамъ же, VI, 6.

не преодолѣтся въ это время, и только жизнь будетъ гораздо продолжительнѣе¹⁾. Саадія ожидалъ пришествія Мессіи еще въ свое время; онъ опредѣлялъ его въ нарочно написанномъ съ этою цѣлью сочиненіи (Sefer ha-Galuj) и, кажется, относилъ его къ 964 году²⁾. Въ мессіанскомъ времени примутъ участіе и прочіе народы, въ той мѣрѣ, которая будетъ соответствовать ихъ отношеніямъ къ израильскому народу.—Но высочайшее блаженство наступитъ лишь въ будущемъ свѣтѣ (Olam ha-ba). Тамъ совершится уравниеніе всѣхъ противорѣчій. Праведные и благочестивые перейдутъ съ земли въ эфирное пространство, называемое въ св. Писаніи небомъ; умершіе безъ раскаянія поступятъ въ другое пространство, дабы нести адское наказаніе соответственно степени своихъ прегрѣшеній³⁾. Саадія представилъ въ фантастическихъ краскахъ жилище блаженныхъ и страшный судъ; это самая слабая часть его системы.

Вообще Саадія не удалось рѣшить свою задачу—примирить еврейство съ философскимъ мышленіемъ. Рѣшеніе это и не могло удасться ему, потому что сущность обѣихъ противоположностей, которыя онъ хотѣлъ изслѣдовать, была ему извѣстна только поверхностно и съ одной лишь стороны. Кромѣ того, исходною точкою служатъ ему всюду предположенія. Содержаніе св. Писанія и преданіе Талмуда составляютъ для него непреложныя истины, которыя онъ старается уяснить скорѣе многообразными, чѣмъ вѣскими доводами. Система его доказательствъ нисколько неубѣдительна. Поэтому его религіозная система оказывается во всѣхъ от-

¹⁾ Отдѣлы VII и VIII въ Eminent всадѣло посвящены этой темѣ.

²⁾ Сравн. Ibbur Авраама бенъ-Хія, ed. Filipowski, введеніе, стр. IX и слѣд. Установленное Саадіей вычисленіе мессіанскаго года даетъ (по основательному мнѣнію бенъ-Іемини, комментатора Eminent VIII, 1) 964 годъ. Не могу понять, откуда Dr. Гейгеръ (въ своемъ Moses b. Maimon, стр. 69) взялъ 988 годъ. Во всякомъ случаѣ, это ошибка: ибо Іефетъ, написавшій въ 988 г. свой комментарий къ кн. Даниила, уже замѣчаетъ, что опредѣленное Саадіей мессіанское время миновало (Pinsker, прилож., стр. 61). Д-ръ Фюрстъ (въ своемъ переводѣ Eminent, стр. 425) беретъ неправильную исходную точку и потому опредѣляетъ 1123 годъ.

³⁾ Eminent, отдѣлъ IX.

ношеніяхъ незрѣлою. Кромѣ того, Саадія бывалъ нерѣдко принужденъ насиловать буквальный смыслъ стиховъ св. Писанія и придавать имъ такое значеніе, которое быть-можетъ имѣло силу доказательства въ его время, но совершенно противорѣчитъ правильному пониманію св. Писанія. Тѣмъ не менѣе Саадія превосходитъ своихъ современниковъ, — караимскихъ и мусульманскихъ религіонныхъ философовъ, — яснымъ сознаніемъ того, что аллегорическое истолкованіе должно имѣть извѣстныя границы и подчиняться опредѣленнымъ правиламъ. Поэтому онъ установилъ правило, что стихи св. Писанія должно вообще понимать въ ихъ натуральномъ буквальномъ смыслѣ и простѣйшемъ значеніи, т. е. такъ, чтобы они не противорѣчили осязательному факту, разуму, другъ другу или, наконецъ, преданію. Только за исключеніемъ этихъ четырехъ случаевъ является необходимость давать иное значеніе слову или стиху. Но если допустить всюду аллегорическое или метафорическое истолкованіе, то законоположенія, историческіе факты, чудеса, все будетъ перетолковано иначе и лишится почвы¹⁾. — Но какіе-бы недостатки не представляла религіозная философія Саадія, она имѣла однако громадное значеніе для послѣдующихъ временъ. Уже одно то обстоятельство, что гаонъ допустилъ мышленіе, разумъ, философское міровоззрѣніе, что онъ старался разумно сочетать св. Писаніе и Преданіе, законоположеніе и агаду, дало толчекъ слѣпой вѣрѣ. Его примѣру слѣдовали многіе изъ бывшихъ послѣ него гаоновъ и преемниковъ еврейства, и философское объясненіе св. Писанія и агады (раціонализмъ) сдѣлалось преобладающимъ и даже наконецъ вошло въ моду въ вавилонскихъ школахъ, въ Африкѣ и въ Испаніи. Данный Саадіей толчекъ, передаваясь отъ одного промежуточнаго члена къ другому, чувствуется еще въ настоящее время. Мусульманскіе ученые также изучали его «Ученіе о вѣрѣ» и высоко его цѣнили²⁾.

¹⁾ Тамъ же, VIII, 1.

²⁾ Магометъ Ибнъ-Исхакъ въ *Fihrist al-Ulum* въ *Chrétomatie arabe* de Sacy; сравн. *Zeitschrift d. deutsch-morgenl. Gesellschaft*, 1859 г., стр. 576.

Саадія, развивая мысли, долженствовавшій служить свѣточами для будущихъ временъ, все еще былъ отлученъ и не имѣлъ иного круга дѣятельности, кромя авторскаго. Но обстоятельства между тѣмъ измѣнились. вмѣсто жестокаго и корыстолюбиваго калифа Кагира, лишившаго Саадію сана, вступилъ на престолъ правосудный Алради. Визирь Абу Ибнъ-Иза, благоволившій къ Саадіи, снова пріобрѣлъ вліяніе. Гаонъ Когенъ-Цедекъ, дѣйствовавшій сообца съ экзилархомъ, умеръ (936), а преемникъ его, Цемахъ бенъ-Кафнаи, былъ миролюбивый человѣкъ. Такимъ образомъ на сторонѣ Давида остался Ааронъ Ибнъ-Саргаду. Народъ же болѣе и болѣе принималъ сторону Саадіи. Вслѣдствіе этого, одна изъ партій, участвовавшихъ въ одномъ важномъ процессѣ, предложила въ третейскіе судьи отлученнаго и сверженнаго гаона, между тѣмъ какъ противная сторона избрала экзиларха. Это до такой степени взбѣсило Давида, что онъ приказалъ избить человѣка, выбравшаго Саадію въ третейскіе судьи. Этотъ поступокъ возбудилъ тѣмъ большее волненіе, что прибывшій не принадлежалъ къ юрисдикціи экзиларха и потому имѣлъ право выбирать въ судьи любаго человѣка, не требуя согласія отъ экзиларха. Поэтому важнѣйшія лица собрались для совѣщанія о средствахъ прекратить раздоръ между экзилархомъ и гаономъ. Посредники отправились къ самому вліятельному человѣку въ Багдадѣ, къ Кассеру бенъ-Аарону, тестю Ибнъ-Саргаду, и въ горячихъ словахъ объяснили ему, что раздоръ уже перешелъ всякія границы, раздѣлилъ общины на двѣ враждебныя стороны и можетъ вести къ самымъ дурнымъ послѣдствіямъ. Кассеръ сговорился съ ними касательно возстановленія мира и побѣдилъ враждебное расположеніе своего зятя къ Саадіи. Затѣмъ посредники отправились къ Давиду и увѣщавали его до тѣхъ поръ, пока онъ не склонился на ихъ слова. Кассеръ, увѣрившись въ готовности экзиларха къ примиренію, постарался склонить къ тому-же и Саадію, который, безъ сомнѣнія, не оказалъ при этомъ никакого сопротивленія. Вся багдадская община участвовала въ этомъ заключеніи мира. Одна часть

ея сопровождала Давида, другая Саадію, пока они не сошлись въ назначенной для того комнатѣ. Враги обнялись, поцѣловались и прекратили съ этой минуты взаимныя неудовольствія ¹⁾. Примиреніе было такъ искренно, что экилархъ удерживалъ Саадію нѣсколько дней въ своемъ домѣ и потомъ торжественно облекъ его въ прежній санъ. Антигаонъ Іосифъ бенъ-Сатія былъ лишенъ должности, но удержалъ получаемое имъ содержаніе.

Саадія придалъ новой блескъ сурской академіи, которая затмила пумбадитскую, гдѣ послѣдовательно были гаонами Цемахъ бенъ-Кафнаи (936—938) и Ханина бенъ-Іегудаи (938—943), впрочемъ ничѣмъ другимъ неизвѣстные. Туземныя и иностранныя общины снова стали присылать запросы въ Суру, и Саадія неутомимо отвѣчалъ на нихъ, хотя его здоровье было потрясено непріятностями и оскорбленіями, и хотя онъ страдалъ неизлечимою болѣзью. Его отвѣты многочисленны и, вѣроятно, написаны имъ въ послѣдній годъ гаонства; многіе изъ нихъ существуютъ еще теперь и написаны отчасти на еврейскомъ языкѣ, преимущественно-же на арабскомъ. Величіе своей души Саадія доказалъ своими отношеніями къ семейству экиларха Давида. По смерти Давида (940), Саадія содѣйствовалъ возведенію его сына (Іегуды) въ званіе экиларха, но сынъ умеръ чрезъ семь мѣсяцевъ. Послѣ него остался двѣнадцатилѣтній сынъ, котораго Саадія назначилъ ему преемникомъ. Онъ взялъ къ себѣ въ домъ внука своего прежняго заклятаго врага, обучалъ его и заступалъ ему мѣсто отца. Между тѣмъ родственникъ въ боковой линіи, членъ Бене-Гаимана, жившій въ Низибисѣ, долженъ былъ править должностью. Но едва онъ былъ назначенъ, какъ вступилъ въ споръ съ мусульманиномъ; свидѣтели показали, что онъ хулилъ Магомета, почему и былъ умерщвленъ ²⁾. Когда воспитанный Саадіей послѣдній потомокъ экилархова дома достигъ совершеннолѣтія и былъ

¹⁾ Адаръ = 27 Февраля 937, по Натану Бабли въ Іохасинѣ.

²⁾ Натанъ Бабли.

облеченъ наслѣдственнымъ званіемъ, тогда и противъ него разразился мусульманскій фанатизмъ. Вельможи и народъ, ненавидя самую тѣнь княжеской власти у евреевъ, рѣшили убить новаго экиларха въ то время, когда онъ ѣхалъ въ государственномъ экипажѣ. Калифъ тщетно хотѣлъ предупредить убійство. Послѣдній экилархъ былъ умерщвленъ, и тогда представители еврейства, желая отклонить фанатическую ненависть, рѣшили упразднить званіе экиларха ¹⁾. Такъ угасъ экилархатъ, существовавшій семь вѣковъ и служившій нѣсколько времени главою и представителемъ нѣкоторой политической самостоятельности еврейства. Какъ угасъ патриаршій санъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости христіанскихъ императоровъ, такъ точно погибъ и экилархатъ отъ магометанскаго фанатизма. Единство юдаизма имѣло своими представителями только обѣ академіи, но и тѣ клонились къ упадку.

Со смертію Саадіи (942) угасъ и послѣдній лучъ вечерней славы сурской академіи. Хотя у Саадіи былъ сынъ Досса, получившій талмудическое и философское образованіе и написавшій нѣсколько сочиненій, однако онъ не былъ избранъ въ преемники своему отцу; главою академіи сдѣлался сверженный нѣкогда Іосифъ бенъ-Сатія. Но послѣдній не могъ дать ей первенства надъ пумбадитскою академіей, которая снова возвысилась, избравши своею главою Аарона Ибнъ-Саргаду, прежняго противника Саадіи. Ибнъ-Саргаду не прошелъ всей академической лѣствицы и не состоялъ членомъ коллегіи, но былъ богатымъ купцемъ въ Багдадѣ. Но именно по своему богатству, а также познаніямъ и энергической дѣятельности, онъ былъ предпочтенъ имѣвшему болѣе правъ кандидату Амраму бенъ-Месви ²⁾ и правилъ должностью почти восемнадцать лѣтъ (943—60). Онъ получилъ философское образованіе и написалъ философское сочиненіе и комментарий къ Пятикнижію ³⁾. Ибнъ-Саргаду, подобно Когенъ-Це-

¹⁾ Сравни. Замѣч. 12, 8.

²⁾ Посланіе Шериръ.

³⁾ Munk, Guide des égarés, I, 462. — Chaluz, II, 61.

деку, старался возвысить пумбадитскую академію въ ущербъ сурской и сдѣлать ее центромъ. Ааронъ Ибнъ-Саргаду получалъ запросы изъ-за границы ¹⁾, вслѣдствіе чего сурская академія болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ, оскудѣвала, не получала ни доходовъ, ни подарковъ, и потому не могла привлечь новыхъ учениковъ, которые предпочитали обращаться къ болѣе богатой пумбадитской академіи. Это оскудѣніе и упадокъ академіи побудили ея главу, Іосифа бенъ-Сатию, покинуть ее и переселиться въ Бассору ²⁾ (848). Основанная Рабомъ школа была закрыта послѣ семи-вѣковаго существованія. Сурцы, кажется, не могли перенести гибели древней академіи и употребляли всѣ средства возстановить ее. Было отправлено за границу четыре молодыхъ человѣка, съ цѣлью заинтересовать богатые общины и побудить ихъ давать средства для дальнѣйшаго существованія академіи. Но посланные не могли достигнуть своей цѣли, какъ будто сама судьба воспротивилась тому. Посланные были захвачены въ плѣнъ у береговъ Италіи (близъ Бари) мавританско-испанскимъ адмираломъ Ибнъ-Румахисомъ и проданы, одинъ въ Египетъ, другой въ Африку, третій въ Кордову, а четвертый вѣроятно въ Нарбонну (948) ³⁾. Такимъ образомъ, эти четыре знатока Талмуда, вмѣсто помощи сурской академіи, невольно содѣйствовали паденію гаоната. Экземпляры Талмуда, вывезенные ими изъ Суры, остались неприкосновенными и впослѣдствіи времени были перенесены въ Испанію. Вавилонія, бывшая столь долго центромъ еврейства, должна была уступить свое главенство иной странѣ.

Караимы воспользовались паденіемъ вавилонской академіи и наступившимъ вслѣдствіе того застоємъ, чтобы найти между раввинистами приверженцевъ къ своему вѣроисповѣданію, и дѣйствовали при этомъ съ такою ревностью, какъ будто хотѣли нанести раввинизму смертный ударъ. Пока

1) Сравни. Раши Pardes, стр. 26 с. и слѣд.

2) Посланіе Шериры.

3) Сравни. Замѣч. 21, II.

жилъ могучій поборникъ Саадія, до тѣхъ поръ они не отваживались вступать въ область его дѣятельности. Но по смерти его, караимы, зная, что болѣе не встрѣтятъ столь сильнаго противника, сочли свое дѣло выиграннымъ. Престарѣлый Соломонъ бенъ-Іерухамъ, съ іерусалимскимъ Талмудомъ въ рукѣ, послѣшилъ изъ Палестины въ Вавилонію, дабы осязательно доказать почитателямъ Саадія, что послѣдній, защищая талмудистовъ, извратилъ факты (раньше 957)¹⁾. Онъ полагалъ привлечь этимъ раввинистовъ къ караимству. — Болѣе страстнымъ, искуснымъ и ревностнымъ ловцемъ былъ молодой іерусалимскій караимъ Абулсари Сагалъ бенъ-Мацліахъ Когенъ, одинъ изъ числа благочестивыхъ караимскихъ аскетовъ (см. стр. 270). Абулсари Сагалъ отлично владѣлъ арабскимъ и еврейскимъ языкомъ и писалъ по-еврейски такимъ искуснымъ слогомъ, какъ ни одинъ изъ его современниковъ. Онъ написалъ еврейскую грамматику, комментаріи къ нѣкоторымъ книгамъ св. Писанія, а также руководство къ ученію о религиозныхъ обязанностяхъ, подъ заглавіемъ «Мицвотъ» (раньше 958)²⁾. Однако труды этого караимскаго писателя въ области грамматики и экзегетики не имѣютъ вообще никакого значенія; караимамъ было суждено не идти далѣе начала, а тѣмъ болѣе Сагалу, потому что надъ нимъ владычествовалъ мрачный аскетизмъ и не позволялъ ему уклоняться отъ буквы. Тѣмъ не менѣе его единовѣрцы считали его великимъ учителемъ. Сагалъ писалъ также противъ Саадія, нападавшаго на караимство; караимы считали за особенную честь заслужить шпоры въ борьбѣ съ этимъ великимъ человѣкомъ³⁾.

¹⁾ Пинскеръ Прилож., стр. 14. Дата опредѣляется свѣдѣніемъ, помѣщеннымъ Соломономъ въ комментаріи къ Псалтири, который написанъ 954—57 г.

²⁾ Сравни. Eschcol № 167. Munk, Notice sur Aboulwalid и каталогъ въ Orach Zadikim, стр. 24b. Дата опредѣляется тѣмъ, что Іаковъ Тамани (ум. 958) цитуетъ его сочиненія; Пинскеръ, Прилож. IX, стр. 87.

³⁾ Сагалъ въ своемъ посланіи къ Іакову (у Пинскера, Прилож. стр. 37) говоритъ, что съ Саадіей полемизировали, кромѣ Соломона бенъ-Іерухама, Іефета и Гассана бенъ-Машіаха, еще Абдуль Таинбъ Алгбли и Али бенъ-Гуссаннъ.

Полемическія бесѣды Сагала, кажется, происходили въ Багдадѣ. Сагалъ побуждалъ народъ отказаться отъ преданія и отъ повиновенія обѣимъ академіямъ, «которыя суть ничто иное, какъ двѣ женщины, о которыхъ пророкъ Захарія сказалъ, что онѣ несли грѣхи и ссыпали ихъ въ Вавилоніи»¹⁾. Сагалъ заклиналъ слушателей ихъ спасеніемъ отказаться отъ дозволяемаго имъ раввинистическими учителями. Они не должны болѣе хранить масло въ верблюжьихъ бурдюкахъ, покупать печенье у магометанъ и христіанъ, прикасаться къ лицамъ и предметамъ, нечистымъ по смыслу левитскихъ законовъ, выходить изъ жилища по субботамъ, черпать воды и многое тому подобное. Все это, по слову Библіи, подлежитъ строгому наказанію, и нарушителямъ этихъ запрещеній угрожаютъ жесточайшія адскія муки²⁾. До такихъ-то мелочностей дошло караимство. Нападенія Сагала на раввинистовъ и на ихъ исповѣданіе были такъ грубы и оскорбительны, что не могли остаться безъ возраженія. Одинъ вліятельный раввинистъ принудилъ его молчать, прибѣгнувъ для этого, кажется, къ свѣтской власти³⁾. Съ духовнымъ же оружіемъ выступилъ противъ него ученикъ Саадія, Іаковъ бенъ-Самуиль, раздраженный преимущественно ругательствами, которыми Сагалъ и другіе караимы осыпали Саадію. Онъ на улицахъ и площадяхъ держалъ рѣчи противъ караимства и Сагала⁴⁾. Однако объ этомъ Іаковъ неизвѣстно ничего болѣе, кромѣ того, что онъ велъ вышесказанную полемику, употребляя для сего неуклюжіе еврейскіе стихи. Въ настоящее время нельзя опредѣлить, было ли содержаніе его сочиненій лучше ихъ формы; караимы дали ему насмѣшливое прозваніе «Искаженный», такъ какъ въ своей полемикѣ они вообще никогда не соблюдали надлежащихъ границъ.

Сагалъ не замедлилъ отвѣчать. Онъ написалъ прекраснымъ еврейскимъ языкомъ пылкое посланіе къ Іакову, въ кото-

1) Посланіе Сагала къ Іакову, стр. 42.

2) Тамъ же стр. 29, 30 и 31.

3) Видно изъ посланія, стр. 25 внизу.

4) Тамъ же.

ромъ продолжалъ свои нападенія, и представилъ столь вѣрную картину современнаго ему караимства и раввинизма, что ни то, ни другое не могли пожаловаться на умолчаніе о какой либо свѣтлой или темной ихъ сторонѣ. Упрекнувъ Іакова въ неправильной еврейской орографіи, а раввинистовъ въ уклоненіи отъ еврейства, Сагалъ говоритъ: «Я пришелъ изъ Іерусалима, чтобы предостеречь народъ и преподавать назиданіе богобоязненнымъ. О, если-бъ я имѣлъ силы странствовать изъ одного города въ другой, чтобы пробудить народъ Божій. Ты думаешь, что я пришелъ ради корысти, подобно другимъ, дерущимъ съ живаго и съ мертваго. Я пришелъ во имя Бога, дабы обратить духъ и мысли народа къ истинному благочестію, дабы предостеречь народъ не основываться на человѣческихъ измышленіяхъ и не внимать розсказнямъ обѣихъ блудницъ (гаонскія академіи). Я не могъ иначе поступить, ибо до глубины души былъ возмущенъ тѣмъ, что моихъ братьевъ и единоплеменниковъ отдаляютъ отъ Бога, заставляють идти дурными путями, налагаютъ тяжкое иго на невѣжественный народъ, угнетаютъ и обдирають его, владѣютъ посредствомъ отлученія и преслѣдованія, прибѣгаютъ къ помощи свѣтской власти магометанъ, принуждаютъ бѣдняковъ брать деньги за проценты, дабы наполнить свои карманы и подкупать должностнымъ лицъ, которыя ихъ поддерживаютъ! Они упитываютъ себя, а не руководятъ общинами и не назидаютъ ихъ въ истинномъ смыслѣ заповѣдей Божіихъ. Спрашивающаго ихъ: «откуда взялось то или другое?» они ненавидятъ и стараются ему повредить. Не смѣю молчать, вида, что руководители Божіихъ общинъ, называющіе себя синедріонистами, трапезуютъ безъ зазрѣнія совѣсти съ не-евреями. Могу-ли молчать, узнавши, что нѣкоторые изъ моего народа придерживаются идолопоклонническихъ обычаевъ, садятся на могилы, проводятъ время около покойниковъ и набожно взываютъ къ Р. Іосифу, Галилеянину: «О, исцѣли меня, даруй мнѣ ребенка!» Они посѣщаютъ могилы усопшихъ благочестивыхъ людей, зажигаютъ тамъ свѣчи, воскуряють еиміамъ и даютъ

обѣты, дабы исцѣлиться отъ болѣзни. Какъ могу я удержаться, видя, что многіе израильтяне ходятъ по субботамъ въ синагогу, мужчины съ четками, женщины въ нарядахъ, и превращаютъ святой день въ будни! Какъ могу я не радѣть о спасеніи души моихъ высокопоставленныхъ единовѣрцевъ, видя что они покупаютъ у не-евреевъ и безбоязненно потребляютъ печенье и соленье! Могу-ли я быть спокойнымъ, когда многіе ѣдятъ мясо, надутое не-еврейскимъ мясникомъ и рѣзанное тѣмъ-же ножомъ, которымъ рѣзалось воспрещенное и слѣдовательно нечистое мясо, особенно мясо годныхъ для жертвы животныхъ, употребленіе коего вообще запрещено израильтянамъ во дни разсѣянія и при неимѣнннн храма и жертвенныхъ воскуреній. О, отчего я не имѣю силы побывать во всѣхъ странахъ, взывать, предостерегать и увѣщавать именемъ Божіимъ, дабы они оставили свои злые пути!»

«Если кто возразитъ мнѣ», продолжаетъ Сагалъ, «что наши братья, раввинисты, на святой горѣ Кармилѣ, далеки отъ подобныхъ дѣйствій, что многіе изъ нихъ воздерживаются отъ мяса, не покупаютъ никакой пици у не-евреевъ, не прикасаются къ трупамъ, избѣгаютъ того, что по левитскимъ законамъ считается оскверняющимъ, не вступаютъ въ браки съ племянницами и сводными сестрами, вообще въ браки въ запрещенныхъ караимствомъ степеняхъ родства, празднуютъ двойко праздники — по луннымъ мѣсяцамъ (какъ караимы) и по раввинистическому преданію, и многіе отмечаютъ календарь раввинистовъ. Но знай, что все это совершилось единственно по милости Божіей, ибо караимамъ удалось передать имъ свои убѣжденія и внушить, что долгъ израильтянина изслѣдовать св. Писаніе, а не держаться преданія. Вообще въ религіи само-личное мышленіе есть долгъ, а вѣра въ авторитеты — грѣхъ. Поэтому никто не можетъ оправдываться тѣмъ, что унаслѣдовалъ отъ своихъ отцевъ или учителей религію въ ея настоящей формѣ, но обязанъ испытать ихъ ученіе и отбросить его, если оно противорѣчитъ словамъ св. Писанія. «И нынѣ, домъ Израилевъ!» восклицаетъ Сагалъ: «сжался надъ своею душею и избери добрый путь! Но не

возражай, что караимскіе учителя несогласны въ своихъ воззрѣніяхъ на религіозныя обязанности, и что сомнѣваешься, на которой сторонѣ истина. Знай-же, что караимы не признають авторитетовъ, а побуждаютъ къ изслѣдованію. Но чтò дѣлать незнающему, который не въ состояніи изслѣдовать самъ св. Писаніе? спросишь ты. Такой, конечно, долженъ принимать на вѣру результаты, полученные изслѣдователями и толкователями Библии, и согласно имъ дѣйствовать».

Затѣмъ Сагалъ снова обращается къ противнику, Іакову бенъ-Самуилу, и продолжаетъ: «Лучше-ли ты своего учителя Саадіи? Вель-ли онъ пренія съ караимами? Они часто вызвали его на диспутъ, но онъ постоянно уклонялся отъ нихъ и сходилъ только съ тѣми караимами, которые были ему любы. Караимы не могли также встрѣтиться съ нимъ въ субботу по причинѣ зажженнаго огня въ домѣ. такъ какъ имъ запрещено входить въ такой домъ. Одинъ лишь Гассанъ бенъ-Мешіахъ отважился разъ встрѣтиться съ Саадіей, но послѣдній воскликнулъ: «чтò общаго у насъ съ тобою?» Если ты, Іаковъ, хочешь, чтобы мы встрѣтились въ синагогѣ для преній, то не нарушай субботы зажженіемъ свѣчь; но я знаю, что вы сдѣлали изъ этого средостѣніе между вами и нами». Въ заключеніе Сагалъ предсказываетъ: «Господь, по слову пророка, свергнетъ иго двухъ женъ, т. е. двухъ академій: сурской и анбарской (пумбадитской); тогда наступитъ примиреніе и братство всѣхъ сыновъ Израиля, и плодомъ этого будетъ время Мессіи»¹⁾.

Съ тѣмъ-же Іаковомъ бенъ-Самуиломъ полемизировалъ другой плодовитый караимскій писатель изъ Бассоры, Іефетъ Ибнъ-Али Галеви (Абу-Али Гассанъ) (процвѣталъ отъ 950 до 990). Грамматикъ, библейскій комментаторъ, законоучитель и авторитетное лицо у караимовъ, которые причисляли его къ своимъ «великимъ учителямъ», Іефетъ былъ однако не-

¹⁾ Весьма интересное посланіе, имѣющееся въ рукописи во многихъ библіотекахъ и обнародованное въ первый разъ Цинскеромъ въ своемъ *Likute Kadmonijot*.

значительнымъ писателемъ. Онъ раздѣлялъ заблужденіе своихъ единовѣрцевъ, вдавался въ подробности и многословіе и, подобно имъ, держался поверхностныхъ взглядовъ и буквы. Недостатокъ талмудической діалектики жестоко отзывался на караимскихъ писателяхъ и превратилъ ихъ въ недомыслищихъ и скучныхъ болтуновъ. Риемованныя полемическія произведенія Іефета противъ Саадіева ученика также отличаются поверхностностью и отсутствіемъ вкуса и никогда не достигаютъ прекраснаго еврейскаго стиля, которымъ обладалъ его современникъ и другъ Сагалъ¹⁾. Оба — Сагалъ и Іефетъ, распространяя чрезмѣрно запрещеніе на брачные союзы въ родственныхъ степеняхъ, твердо стояли противъ возрѣнія своего, старшаго по лѣтамъ, современника Іосифа Роега (Албассира, см. стр. 292). Въ это время караимы еще глубже окунулись въ буквоѣдство, скрупулезную религіозность и тупомысліе. Соломонъ бенъ-Іерухамъ, писавшій до глубокой старости (по крайней мѣрѣ до 957), сочинившій комментарий къ Пятикнижію и гагіографамъ и еще многіе другіе, оставшіеся неизвѣстными, трактаты, былъ заклятымъ врагомъ философскаго изслѣдованія. Въ своемъ комментарий къ псалмамъ онъ горько жалуется на то, что евреи занимаются еретическими сочиненіями, и проклинаетъ ихъ авторовъ и учителей. Горе тому, восклицаетъ онъ, кто бросаетъ божественныя книги и ищетъ другихъ! Горе тому, кто убиваетъ свое время чуждыми науками и отворачивается отъ непреложной божественной истины! Философская мудрость суетна и ничтожна; нѣтъ между ними двоихъ, которые имѣли-бы одинаковое мнѣніе объ одномъ и томъ-же пунктѣ. Они выставляютъ основанія, прямо противорѣчащія еорѣ. «Нѣкоторые занимаются арабскою литературою, тогда какъ уста ихъ не должны-бы уклоняться отъ Божія ученія». Соломонъ хвалитъ одного человѣка, который хвастался тѣмъ,

¹⁾ Объ Іефетѣ сравн. *Bargès Rabbi Jepheth ben Heli Bassorensis Karaitae* въ *psal. commentarii Praefatio*; Munk, *Notice sur Aboulwalid*, стр. 14; Пинскеръ, *Прилож. III*, 196, а объ его лѣтахъ — тамъ же, 186 и слѣд.

что никогда не читалъ ни одной не-еврейской книги¹⁾. Какъ разница между Саадіей и его караимскимъ противникомъ! Первый дружится съ философіей и заставляеть ее служить еврейству, стараясь тѣмъ поднять послѣднее до высокихъ мыслей; второй-же обзываетъ философію ересью, не зная ея, и тѣмъ самымъ доводитъ еврейство до одеревенѣлости. Между тѣмъ какъ раввинисты вступали въ храмъ философіи, караимы бѣжали отъ него, какъ отъ зачумленнаго дома.

Другой караимскій апостоль, Менагемъ изъ Гизны (въ Малой Азіи), выступилъ съ проповѣдью въ Египтѣ и принялся за другаго почитателя Саадіи, съ цѣлю обратитъ его къ караимству. Менагемъ Гизни пробрался съ родины въ Александрію, питаясь милостынею, и написалъ родъ просительнаго письма къ караимскимъ общинамъ въ Каирѣ, исполненное пустыхъ философскихъ выраженій. Получивъ помощь отъ своихъ единовѣрцевъ, онъ прибылъ въ египетскую столицу и узналъ тамъ, что образованный врачъ, Давидъ бенъ-Мерванъ Алмокамецъ изъ Ирака²⁾, занималъ почетное мѣсто быть-можетъ при дворѣ фатимидскаго калифа. Давидъ Алмокамецъ совершилъ много путешествій, былъ знакомъ съ литературою и съ исторіей Востока и написалъ подробное сочиненіе о магометанскихъ, самаритянскихъ и караимскихъ сектахъ, а также философское сочиненіе въ схоластическомъ (мутазилитскомъ) духѣ объ единствѣ Божіемъ³⁾. Онъ, кажется, былъ сперва магометаниномъ, а потомъ слушателемъ Саадіи,

¹⁾ Тамъ же у Пинскера, стр. 66, прим.

²⁾ У него же, стр. 133 и слѣд.

³⁾ О Давидѣ Алмокамецѣ и о посланіи сравн. Пинскера, Прилож., стр. 17 и слѣд. О философскихъ отрывкахъ Алмокамеца см. Луццато въ Pollak's Hali-shot Kedem, стр. 69; Orient. Literaturbl., 1847, col. 618 и слѣд., 631 и слѣд., 642 и слѣд. Если-бъ можно было допустить, что Давидъ, называемый Аливари и Бабли, былъ родомъ изъ Куфы, которая по-сирійски называется 'Akula (עקולא) то прозваніе его выговаривалось бы по-арабски также Алакули, и онъ былъ бы тождественъ съ философомъ Акули или Ибнъ-Алакули, о коемъ упоминается въ напечатанномъ Мункомъ отрывкѣ (Guide des égarés, I, 462). Въ такомъ случаѣ, изъ Акули могло образоваться ошибочное עקולם הגב въ письмѣ Менагема.

и въ теченіе нѣкотораго времени колебался между талмудическимъ еврействомъ и караимствомъ. Поэтому-то Менагемъ Гизни могъ надѣяться привлечь его окончательно на сторону караимовъ, изложивши ему караимскія законоположенія. Прибывши въ Каиръ, онъ отправилъ къ Давиду нѣсколько посланій, отчасти философскаго содержанія, отчасти трактовавшихъ объ обрядахъ закалыванія скота. Прозаическія и риемованныя посланія Менагема могутъ служить образцомъ бессодержательнаго многословія и отвратительной кудреватости слога.

Караимы, усиливаясь доставить своей религіи побѣду, распространялись все болѣе и болѣе въ половинѣ десятаго вѣка, проникли также въ Испанію и достигли нѣкотораго преобладанія въ Африкѣ и Азіи. Египетскіе раввинисты, какъ извѣстно ¹⁾, заимствовали многое отъ караимовъ. Въ то время наибольшимъ вліяніемъ пользовался караимъ Ааронъ бенъ-Моисей бенъ-Ашеръ ²⁾ изъ Тиверіады (или Моэзіага, какъ назывался тогда этотъ городъ, вѣроятно, по имени фатимидскаго калифа Моэза). Бенъ-Ашеръ (900—960) былъ грамматикомъ и массоретомъ и писалъ такимъ жесткимъ языкомъ и такими жалкими риемами объ еврейскихъ удареніяхъ и библейской орографіи, что большая часть его замѣчаній совершенно непонятна. Онъ собралъ восемьдесятъ еврейскихъ омонимовъ. Но не эти слабыя произведенія оказали важное вліяніе, а оставшійся послѣ него экземпляръ Библии. Бенъ-Ашеръ писалъ и исправлялъ его чрезвычайно тщательно и точно по массоретскимъ правиламъ, коими владѣлъ вполне; за этимъ трудомъ онъ провелъ много лѣтъ. Караимы и раввинисты признали этотъ экземпляръ образцовымъ и читали его, какъ святыню. Впослѣдствіи времени съ него списывали въ Іерусалимѣ и въ Египтѣ новые экземпляры. Употребительный нынѣ массоретскій прототекстъ св. Писанія основывается единственно и исключительно на оригиналь-

¹⁾ Сравн. Замѣч. 23, II.

²⁾ То же Замѣч.

номъ экземпляръ бенъ-Ашера, ибо раввинисты впоследствии не обращали вниманія на то, что трудъ этотъ принадлежитъ караиму. Напротивъ, Саадія, знавшій еще бенъ-Ашера, не былъ вообще доволенъ его массоретскими твореніями, а скорѣе полемизировалъ съ нимъ и опровергалъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій ¹⁾, которое сдѣлалось добычею времени или было тщательно уничтожено. Еще другой караимъ, Моисей бенъ-Нафтали, возражалъ противъ массоретскихъ результатовъ бенъ-Ашера, конечно, лишь въ неважныхъ пунктахъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе текстъ св. Писанія, принятый тавриадскими массоретами, утвердился и считался неприкосновеннымъ.

Какъ караимы: Сагаль, Іефегъ и Менагемъ Гизни, старались набрать прозелитовъ между раввинистами, такъ точно іерусалимскіе раввинисты высылали проповѣдниковъ, съ цѣлью обращать караимовъ къ своему исповѣданію. Въ 957 г. Іерусалимцы прибыли на Крымскій полуостровъ, проповѣдывали тамъ талмудическое еврейство и обратили въ Сефарадъ (Керчи), Сулхатъ (Эски-Крымъ), Анхатъ и Каффъ (Феодосіи), двѣсти караимскихъ семействъ. Іерусалимскіе посланцы ввели при этомъ случаѣ еврейскіе знаки гласныхъ буквъ, неизвѣстные дотолъ таврическимъ общинамъ. Однако новообращенные раввинисты терпѣли за свое отпаденіе брань отъ караимовъ, которые начали ихъ избѣгать ³⁾. Въ Крымской общинѣ караимовъ явился тогда свой собственный ученый, Іаковъ бенъ-Моисей Тамани (изъ Тамани), который имѣлъ сношенія съ іерусалимскими единовѣрцами, читалъ ихъ сочиненія и самъ писалъ истолкованіе закона (умеръ въ Чуфутъ-Кале, 958) ⁴⁾.

¹⁾ То же Замѣч.

²⁾ Различія между бенъ-Ашеромъ и бенъ-Нафтали находятся въ Magna biblia rabbinica или Mikraot gedolot, въ концѣ гагіографовъ.

³⁾ То же Замѣч.

⁴⁾ Пинскеръ, Прилож. IX, стр. 86 и слѣд.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

(Продолженіе).

Процвѣтаніе еврейской науки, эпоха Саадим и Хаздан; Европа.

Четыре основателя новыхъ талмудическихъ школъ въ Африкѣ и Европѣ. — Р. Моисей бенъ-Ханохъ и Кордовская община. — Р. Хушіель и Каируанская община. — Дунашъ бенъ-Тамимъ. — Саббатаи Донноло и св. Нилъ. — Евреи въ Испаніи; министръ изъ евреевъ, Хаздан Ибнъ-Шапругъ, его характеръ и дѣянія. — Посланіе къ еврейскому хагану Іосифу Хазарскому. — Потрясеніе Русскими Хазарскаго царства. — Менагемъ бенъ-Сарукъ и Дунашъ бенъ-Лабратъ. — Введеніе ново-еврейскаго размѣра стиховъ. — Разцвѣтаніе еврейско-испанской поэзіи. — Кордовская школа. — Р. Ханохъ и Ибнъ-Абитуръ. — Смерть Хаздан.

(940 — 970).

Азія, послѣ паденія экилархата и сурской академіи, утратила руководство всѣмъ еврействомъ. Если Пумбадита льстилась во времена Аарона Ибнъ-Саргаду тѣмъ, что была единственною, то это было лишь самообольщеніемъ. Внутренніе раздоры по смерти Ибнъ-Саргаду содѣйствовали къ ея распаденію. Сынъ Когенъ-Цедека, по имени Неемія, уже соперничавшій съ Ибнъ-Саргаду, но не нашедшій себѣ сторонниковъ, объявилъ себя главою академіи (960); но коллегія, руководимая родовитымъ главнымъ судьей Шери-рою бенъ-Хананіею, была противъ него. Лишь немногіе члены коллегіи и богатые міряне поддерживали Неемію, но противная сторона отказывалась, въ теченіе всего отправленія имъ должности, признать его главою академіи (960—968) ¹⁾.

¹⁾ Посланіе Шериры, конецъ.

И между тѣмъ какъ двѣ партіи спорили о пумбадитскомъ гаонатѣ и, слѣдовательно, о религіозномъ авторитетѣ для всего еврейства, четыре сурскихъ плѣнника (см. стр. 320) основали новыя талмудическія школы въ Египтѣ, Африкѣ (Каируанѣ), Испаніи и Франціи и тѣмъ самымъ отторгнули тамошнія общины отъ гаоната. Эти четыре человѣка, разнесшіе по разнымъ пунктамъ зародыши талмудическаго плодотворнаго духа, были: Р. Шемарія, проданный адмираломъ Ибнъ-Румахисомъ въ Александрію, выкупленный еврейскою общиной и прибывшій наконецъ въ Мисръ (Каиръ); второй былъ Р. Хушіель, проданный на африканскіе берега и потомъ прибывшій въ Каируанъ. Третій былъ, вѣроятно, Натанъ бенъ-Исаакъ Когенъ, Вавилонянинъ, попавшій въ Нарбонну¹⁾. Четвертый, Р. Моисей бенъ-Ханохъ, болѣе другихъ потерпѣлъ отъ превратностей-судьбы. Изъ всѣхъ четырехъ онъ одинъ былъ женатъ; прекрасная и благочестивая жена, а также малютка сынъ сопровождали его въ путешествіи и вмѣстѣ съ нимъ попали въ плѣнъ. Ибнъ-Румахисъ почувствовалъ плотское вождельніе къ его женѣ и вознамѣрился ее изнасиловать. Тогда она по-еврейски спросила мужа, воскреснутъ ли утонувшіе въ морѣ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, бросилась въ море и утонула. Р. Моисей бенъ-Ханохъ, въ глубокой скорби и въ невольничьей одеждѣ, былъ отведенъ вмѣстѣ съ сыномъ въ Кордову и тамъ выкупленъ еврейскою общиной; но послѣдняя не предчувствовала, что въ его лицѣ она приобрѣла главенство Испаніи надъ еврействомъ. Ибо Р. Моисей и его соплеменники не обнаружили своихъ глубокихъ талмудическихъ знаній въ тѣхъ общинахъ, въ которыя они попали, дабы не извлекать пользы изъ своей божественной мудрости. Поэтому всѣ они сперва считались простыми плѣнниками. Р. Моисей, въ скудной одеждѣ, вошелъ въ Кордовскую школу, которою завѣдывалъ судья-раввинъ, по имени Натанъ, обладавшій весьма плохимъ талмудическимъ знаніемъ, но считавшійся въ Испа-

¹⁾ Сравн. Замѣч. 21, II.

ни свѣточемъ. Моисей усѣлся въ уголку около двери, въ качествѣ невѣжественнаго слушателя. Но, замѣтивъ, что Натанъ объясняетъ, какъ школьникъ, одно мѣсто изъ Талмуда, Р. Моисей отважился сдѣлать скромно нѣсколько возраженій, которыя однако обличали въ немъ знатока. Слушатели удивились: только что выкупленный плѣнникъ въ нищенской одеждѣ оказался глубокимъ знатокомъ Талмуда. Р. Моисея заставили объяснить вышесказанное мѣсто и рѣшить еще другіе вопросы, и онъ, къ глубокому удивленію слушателей, удовлетворилъ эти требованія съ величайшимъ знаніемъ дѣла. Натанъ въ тотъ же день заявилъ тяжущимся сторонамъ: «я не могу быть болѣе вашимъ судьей и раввиномъ; сей чужеземецъ въ скудной одеждѣ будетъ отнынѣ вашимъ даяномъ!» Рѣдкое самоотреченіе! Богатая Кордовская община немедленно избрала Р. Моисея своимъ раввиномъ, щедро его одарила, назначила ему содержаніе и предоставила въ его распоряженіе богатый экипажъ. Адмиралъ Ибнъ-Румахисъ, узнавши объ этомъ, хотѣлъ вернуть къ себѣ своего бывшего плѣнника, дабы перепродать его за высшую цѣну. Тогда евреи обратились чрезъ еврейскаго государственнаго мужа Хаздаи къ правосудному калифу Абдуль-Рахману III и представили сему послѣднему, что они, имѣя Р. Моисея, могутъ отложиться отъ гаоната въ восточномъ калифатѣ. Абдуль-Рахманъ, смотрѣвшій съ неудовольствіемъ на ежегодный вывозъ изъ его владѣній значительныхъ суммъ, которыя поступали въ пользу гаоната и, слѣдовательно, доставались враждебному калифату, весьма обрадовался тому, что въ его собственныхъ владѣніяхъ будетъ основана школа для изученія Талмуда, и потому побудилъ своего адмирала отказаться отъ требованія¹⁾. Такимъ образомъ Кордова сдѣлалась мѣстопребываніемъ важной и независимой отъ гаоната школы. Прочіе плѣнники, также признанные за отличныхъ знатоковъ Талмуда въ Каирской, Каируанской и Нарбонн-

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ въ *Sefer ha-Kabbalah*, согласно разсказу Самуила ha-Nagid, который слышалъ его отъ Р. Моисея, сына Ханоха.

ской общинахъ, основали, подобно Р. Моисею, важныя талмудическія школы для Египта, фатимидскаго калифата и южной Франціи и невольно отторгнули отъ гаоната общины этихъ странъ¹⁾.

Но, при тогдашнихъ политическихъ и культурно-историческихъ условіяхъ, ни одна страна не была такъ пригодна, какъ Испанія или магометанская (мавританская) Андалузія, сдѣлаться вмѣсто Вавилоніи центромъ и руководительницею всего еврейства. Ибо Египетъ былъ не самостоятельнымъ государствомъ, а лишь провинціею фатимидскаго калифата, которую присоединила къ послѣднему политика еврейскаго ренегата. Кромѣ того, Египетъ не представлялъ благопріятной почвы для процвѣтанія высшей культуры, а былъ тѣмъ же, чѣмъ остался теперь и къ чему назначенъ самою природою, — именно, житницею. Основанное въ Африкѣ фатимидское государство, насупротивъ Италиі, съ столицею Каируаномъ (впослѣдствіи Маадія), представляло, конечно, нѣкоторыя главнѣйшія условія для развитія еврейства и могло-бы сдѣлаться главною ареною для еврейской исторіи. Богатая Каируанская община питала живѣйшій интересъ къ изученію Талмуда и къ научному стремленію. Она имѣла, еще до прибытія Р. Хушіеля, школу, глава которой пользовался почетнымъ титуломъ «Старшины ученаго собранія» (*Resch-Kalla, Rosch*)²⁾. Какъ она оказала гостепріимство и почетъ изгнанному экиларху Укбѣ (см. стр. 282), такъ точно она приняла съ почестями Р. Хушіеля и дала ему титулъ Роша, а также средства къ высшему изученію Талмуда. Р. Хушіель образовалъ въ періодъ своей дѣятельности (950 — 980) двухъ учениковъ, признанныхъ впослѣдствіи за авторитеты, именно — своего сына Хананеля и туземца Іакова бенъ-Ниссима Ибнъ-Шашна. Философъ, лейбъ-медикъ и любимецъ двухъ первыхъ калифовъ, Исаакъ Израели (см. стр. 266) посѣялъ сѣмена еврейской науки и

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Видно изъ Раши: *Pardes, 21b, Ittur 16d*, и Самуила Гамы прибавл. къ Аруху, *Orient., 1851 г., col. 358.*

ввѣрилъ ихъ всходъ одному изъ учениковъ, который могъ также доставить этому всходу покровительство двора.

Этотъ ученикъ, Абусагаль Дунашъ (Адонимъ) бенъ-Тамимъ (род. около 900, ум. 960), представитель еврейской науки въ фатимидскомъ калифатѣ, былъ лейбъ-медикомъ третьяго фатимидскаго калифа, Измаила Алмансура Ибнъ-уль-Каима, и быть-можетъ уже его отца. Онъ находился въ такихъ отношеніяхъ съ этимъ калифомъ, покровительствовавшимъ наукѣ, что посвятилъ ему свое астрономическое сочиненіе ¹⁾. Дунашъ бенъ-Тамимъ родился въ Иракѣ, но уже въ молодости получилъ образованіе въ Каируанѣ подъ руководствомъ Исаака Израели, у котораго обучался медицинѣ, языковѣднію и метафизикѣ. Будучи еще двадцатилѣтнимъ юношей, онъ обладалъ здравымъ сужденіемъ и разбиралъ принесенныя въ Каируанъ сочиненія Саадіи ²⁾. Дунашъ бенъ-Тамимъ вполнѣ владѣлъ всѣми любимыми тогда отраслями науки и написалъ сочиненія о медицинѣ, астрономіи и о только-что введенномъ тогда индійскомъ способѣ счисленія. Онъ располагаетъ въ слѣдующей постепенности науки, которыми занимались въ его время. Низшую ступень занимаютъ (по его мнѣнію) математика, астрономія и музыка. Выше нихъ стоятъ естествознаніе и медицина, а высшую ступень занимаютъ метафизика, познаніе Бога и духа (духовныхъ существъ) ³⁾. Развитие медицины бенъ-Тамимъ приписываетъ странному образомъ одному еврейскому автору. Онъ утверждаетъ, что славный въ средніе вѣка медицинскій авторитетъ, Галенъ, былъ никто иной, какъ еврейскій, свѣдущій въ ме-

¹⁾ Въ своемъ комментарий къ *Sefer Jezirah* (рукопись во многихъ бібліотекахъ). Мункъ доказалъ (ср. выше стр. 268, прим. 1), что этотъ комментарий Дунаша бенъ-Тамима, а также рукопись Парижской бібліотеки и рукопись Луврата имѣютъ только надписи и не принадлежатъ ни учителю Дунаша, Исааку Израели, ни его младшему современнику, Иакову бенъ-Ниссиму. Результаты Мунка объ этой личности (*Notice sur Aboulwalid*, стр. 43—60), какъ и всѣ его труды, имѣютъ характеръ истинны, и я основываюсь на нихъ, за исключеніемъ его мнѣнія о современности Дунаша съ Элдадомъ га-Дани.

²⁾ Комментарій къ *Sefer Jezirah*, напечатанный въ *Orient*, 1845 г., col. 563.

³⁾ Тотъ же комментарий, напечатанный въ *S. Sachs Kerem Chemed*, VIII, стр. 64.

дицинѣ, патриархъ Гамалииль. Эта нелѣпость основывалась на одномъ жалкомъ произведеніи, бывшемъ тогда въ ходу и написанномъ по-еврейски и по-арабски ¹⁾. Труды Дунаша бенъ-Тамима въ области еврейской науки не очень важны. Онъ написалъ еврейскую грамматику, которая не содержитъ ничего иного, кромѣ сравненія формъ еврейскаго языка и арабскаго ²⁾. Далѣе, ему же принадлежитъ объясненіе загадочной книги о созданіи (955—56), ибо онъ нашелъ неудовлетворительнымъ трудъ Саадія объ этомъ предметѣ. Но и комментарий бенъ-Тамима имѣетъ лишь философскій видъ, но не содержитъ ни одной глубокой мысли. Бенъ-Тамимъ такъ-же мало, какъ и Саадія, постигъ своеобразную идею этой системы мірозданія. Арабы такъ высоко цѣнили Дунаша бенъ-Тамима, что, желая причислить его къ своимъ единовѣрцамъ, баснословили, будто онъ перешелъ въ магометанство ³⁾; однако достовѣрно извѣстно, что онъ до конца своей жизни былъ вѣренъ еврейству, велъ переписку съ еврейскимъ государственнымъ мужемъ Хаздаи и написалъ для него небольшое астрономическое сочиненіе объ еврейскомъ праздничномъ календарѣ.

Но если Дунашъ бенъ-Тамимъ не былъ свѣтлою личностью, то могъ дать Каируанской общинѣ, а чрезъ нея и далѣе, толчекъ къ научному пониманію еврейства. Однако фатимидскій калифатъ не могъ сдѣлаться почвою для еврейской культуры. Фатимидская династія, созданная фанатизмомъ мечтательнаго миссіонера, который видѣлъ въ домѣ Али воплощеніе божества, и основанная обманутымъ обманщикомъ, который долженствовалъ видѣть въ себѣ истиннаго имама и мади (бога-жреца), не могла, конечно, терпѣть еврейства. Уже одно существованіе иновѣрцевъ должно было возбуждать глубокое сомнѣніе въ богочеловѣчествѣ мади. Преемники перваго фатимидскаго калифа распространяли, подобно

¹⁾ Тотъ же комментарий, конецъ, въ Orient.

²⁾ Мунка вышеприв. сочин., стр. 56 и слѣд.

³⁾ Саадія Ибнъ-Данава Responsum въ Сборникѣ Shemdah Genuzah Эдельманна, стр. 16.

преемникамъ перваго христіанскаго императора, свою религію посредствомъ меча. Вскорѣ выступилъ на сцену одинъ Фатимидъ, который совершилъ то, чего изъ осторожности не сдѣлали его предшественники, и съ кровожаднымъ фанатизмомъ началъ проповѣдывать ученіе о божественномъ имамѣ. При такихъ условіяхъ еврейство не могло пробиться къ свѣту; для этого были необходимы болѣе благопріятныя обстоятельства.

Христіанско-европейскія страны могли еще менѣе, чѣмъ Египетъ, сѣверная Африка и магометанское государство, сдѣлаться центромъ для еврейства. Тамъ царствовали еще отвратительное варварство и непреодолимая неприязнь къ умственной жизни. Евреи занимали весьма низкую ступень въ общественномъ положеніи, чѣмъ и объясняется молчаніе исторіи объ европейско-еврейскихъ общинахъ. Кое гдѣ въ Италіи попадаются знатоки Талмуда, напр., въ Орасѣ (Орія, недалеко отъ Отранто); но они едва выходили за предѣлы посредственности. Вообще итальянскіе евреи не достигли высшей степени ни въ одной отрасли; они оставались всегда прилежными и вѣрными учениками иноземныхъ учителей. Поэтому, въ Вавилоніи глумились надъ римскими, т. е. итальянскими мудрецами¹⁾. Даже Саббатаи Донноло, представитель еврейской науки въ эпоху Саадіи, представляется посредственною, если не совсѣмъ неважною личностью. Онъ прославился болѣе своею жизнью, чѣмъ трудами.

Саббатаи Донноло (*Δόμνουλος*, род. 913, ум. около 970)²⁾ изъ Орія попалъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ плѣнъ, въ то время, когда магометане фатимидскаго государства перебравшись, подъ предводительствомъ военачальника Джафара Ибнъ-Убаида, чрезъ Сицилійскій проливъ, вторгнулись въ Апулію и Калабрию, разграбили городъ Орію и умертвили или плѣнили жителей (9 Тамуза = 4 Юля 925). При этомъ

¹⁾ Сравни. Замѣч. 21, II.

²⁾ Источники о немъ Melo Chofnaim ed. Geiger, стр. 29 и слѣд.; Kerem Chemed, VIII годъ, стр. 98 и слѣд., и Amari historia dei Muselmani de Sicilia (Флоренція, 1858), Т. II, стр. 171 и слѣд.

погибло десять уважаемыхъ членовъ еврейской общины въ Ории, а родители и родственники Донноло были отведены въ Палермо и Африку. Самъ онъ былъ выкупленъ въ Трани. Осиротѣлый и безпомощный, Донноло былъ предоставленъ самому себѣ, изучилъ медицину и астрологию, достигъ въ нихъ громкой извѣстности ¹⁾ и сдѣлался лейбъ-медикомъ византійскаго вице-короля (Василика) Евпраксиоса, который именемъ императора управлялъ Калабріей. Обогатившись отъ врачебной практики, онъ тратилъ свое достояніе на покупку астрологическихъ сочиненій и на путешествія; онъ совершалъ послѣднія съ цѣлю усовершенствоваться въ астрологии и въ точности узнать, какія планеты и звѣзды имѣютъ благопріятное вліяніе и какія неблагопріятное. Въ этихъ путешествіяхъ Донноло доходилъ даже до Багдада. Результаты своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ сочиненіи (946), которое служило также комментариемъ къ книгѣ о созданіи (Tashkemoni). Судя по уцѣлѣвшимъ отрывкамъ, это сочиненіе не заключало въ себѣ мудрости. Но авторъ такъ высоко его цѣнилъ, что постарался увѣковѣчить свое имя: «Шаббатаи Донноло изъ Ораса». Съ этою цѣлю онъ написалъ прескверный акростихъ на него и заклиналъ переписчиковъ не опускать стихотворнаго начала. Насколько неважнымъ оказывается Донноло въ сравненіи съ своими современниками, Саадіей и другими, настолько онъ превосходитъ современнаго ему представителя католическаго благочестія, своего земляка Нила, причисленнаго римскою церковью къ лику святыхъ. Отношенія между обоими итальянцами, — еврейскимъ врачомъ и астрологомъ и аббатомъ Россанскимъ и Гротта-ферратскимъ, — даютъ намъ мѣрило для іудейства и христіанства въ Италіи, въ половинѣ десятаго вѣка. Донноло былъ съ молодыхъ лѣтъ знакомъ съ Ниломъ; быть можетъ они оба пострадали одновременно при разграбленіи

¹⁾ Vita St. Nili junioris въ Acta Sanctorum. Болландистовъ, подъ 26 Сентября, Т. V, стр. 313. Ἐρχεται πρὸς αὐτὸν (Νεῖλον) Ἰουδαῖος τις ὀνόματι Δόμνουλος, δε ἦν αὐτῷ γινώστος ἐκ νεότητος αὐτοῦ, — διὰ τὸ εἶναι αὐτὸν σφόδρα φιλομαθῆ καὶ ἰκανὸν περὶ τῆν ἱατρικὴν ἐπιστήμην. Сравн. тамъ же, стр. 316 и с. 8.

Нижней Итали. Еврейскій врачъ, увидѣвъ однажды христіанскаго аскета въ болѣзненномъ состояніи, испугался за его жизнь и дружески предложилъ ему лекарство отъ развивавшейся эпилепсіи. Но Ниль отвергнулъ предложеніе, замѣтивъ, что не желаетъ брать лекарство отъ жида, дабы не дать ему повода хвалиться исцѣленіемъ святаго мужа, который самъ чудесно исцѣлялъ. Ибо въ такомъ случаѣ простодушные христіане подарятъ жида своимъ довѣріемъ ¹⁾. Еврейство стремилось къ свѣту, монашество-же къ мраку.— Другой еврей, пришедшій съ Донноло къ Нилу, просилъ сего послѣдняго побесѣдовать съ нимъ о Богѣ, такъ какъ онъ, еврей, былъ расположенъ въ то время къ подобному разговору. Но Россанскій аббатъ не пожелалъ вести бесѣду и выразился, что его слова не возымѣютъ никакого дѣйствія на ожесточеннаго еврея, онъ же не хочетъ писать на водѣ или сѣять въ морѣ. Впрочемъ Ниль предложилъ этому еврею и Донноло придти съ книгами закона и пророковъ въ его келью и провести тамъ въ чтеніи книгъ столько времени, сколько пробылъ Моисей на горѣ Синайской; тогда онъ, Ниль, будетъ съ ними бесѣдовать о словѣ Божіемъ. Донноло и его спутникъ иронически отклонили это предложеніе ²⁾.— Однако вліяніе Саббата на Донноло было такъ слабо, что прошло почти два столѣтія, прежде чѣмъ могла явиться въ Итали сколько нибудь значительная личность. Одно гомилетическое сочиненіе, безъ сомнѣнія, принадлежащее перу итальянскаго (римскаго) автора, свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ образованія итальянскихъ евреевъ и о претерпѣнномъ ими угнетеніи. Хотя въ этомъ сочиненіи (подъ заглавіемъ *Tana di-be Eliah*) пророкъ Илія говоритъ, увѣщаваетъ, проповѣдуетъ, однако оно, очевидно, написано въ девятомъ вѣкѣ по разрушеніи храма. Слогъ его, правда, впаденъ, но утомительно растянутъ и многорѣчивъ, съ иску-

1) Тамъ же. Мѣсто это гласитъ: *οὐ δὲ (Δόμουλε), οὐ κάλλως εὐνήσθη συμπαίξαι τοῖς τῶν Χριστιάνων ἀκραίοις, εἰ μὴ ἐν τῷ καυχᾶσθαι σε τῶν φαρμάκων μεταδοῦναι τῷ Νείλῳ.*

2) Тамъ же.

ственнымъ подражаніемъ древней агадской манерѣ, но безъ ея глубокаго содержанія. Великое и малое, высокое и низкое, все перепутано въ безпорядкѣ. Хотя авторъ проповѣдническимъ тономъ увѣщаваетъ къ смиренію, покаянію, искренности въ словахъ и дѣлахъ, къ раздаванію милостыни и къ горячей молитвѣ; однако не вѣдаетъ болѣе высокой цѣли, какъ пребываніе въ синагогѣ и слушаніе преподаваемого ученія, хотя бы слушающій не понималъ въ немъ ни одного слова. Проповѣдникъ, прикрываясь именемъ Іліи, допускаетъ, что не-еврей можетъ, подобно израильянину, сдѣлаться причастнымъ духа Божія, и увѣщаваетъ евреевъ не обманывать иновѣрцевъ даже въ пустякахъ, «ибо они также наши братія»; «кто обокрадетъ иновѣрца, будетъ поступать съ нимъ лживо и корыстно, прольетъ его кровь, тотъ не убоится дѣйствовать также съ своимъ единовѣрцемъ». Тѣмъ не менѣе онъ предостерегаетъ отъ трапезованія и сношеній съ не-евреями¹⁾, точно такъ, какъ духовенство на французскихъ соборахъ увѣщавало христіанъ къ отчужденію отъ евреевъ. Неизвѣстный авторъ часто жалуется на чернь, грабящую достояніе евреевъ, и на мученія, претерпѣваемыя послѣдними отъ своихъ гонителей. Поэтому онъ радуется частымъ вторженіямъ Венгровъ въ западную Европу (христіанскіе современники описывали ихъ, какъ скиѳовъ, авторъ-же называетъ ихъ Гогомъ и Магогомъ), которые наказываютъ притѣснителей Израиля, «какъ это мы видимъ ежедневно»²⁾. Въ то-же время другой еврей-

¹⁾ Тапа ді-бе Еліаһ габба с. 8 въ сравненіи съ с. 9, 15 (стр. 38 ed. Sadilkow), с. 28 стр. 78.

²⁾ Рапопортъ отлично изслѣдовалъ это агадское сочиненіе и разрѣшилъ кажущіяся противорѣчія (біогр. Натана Роми, Замѣч. 43), но ошибся только въ отношеніи родины. Это былъ не Вавилонъ, но большой городъ Римъ (который у еврейскихъ и по-апостольскихъ церковныхъ писателей называется Вавилонъ). Все сочиненіе это, такъ сказать, проникнуто европейскимъ духомъ, о чемъ сильно напоминаютъ многія мѣста, въ особенности же то обстоятельство, что въ Тапа ді-бе Еліаһ годы считаются отъ созданія міра. Въ Вавилоніи евреи, какъ извѣстно, употребляли Селевкидову эру. Дважды встрѣчающаяся фраза: Судъ Гога и Магога надъ народами уже исполнился (с. 3, стр. 7b; с. 5, стр. 13a), относится, конечно, къ опустошительнымъ вторженіямъ Венгровъ при нѣмец-

ско-итальянскій сочинитель, прикрываясь также чужимъ именемъ, написалъ родъ исторіи отъ созданія міра до разрушенія римлянами втораго храма; правильнѣе сказать, онъ перевелъ на еврейскій языкъ древне-арабскую книгу исторіи и сдѣлалъ нѣкоторыя къ ней прибавленія. Авторъ выступаетъ на сцену въ видѣ древняго историка Іосифа, но передѣлываетъ это имя въ Іозиппона¹⁾, смѣшиваетъ исторію съ баснословіемъ и переноситъ современное состояніе и имена къ минувшему времени. Однако еврейскій Іозиппонъ ловко владѣлъ языкомъ св. Писанія почти съ древнебиблейскимъ отбѣнкомъ, и въ этомъ заключается его единственная заслуга.

Слѣдовательно, въ десятомъ вѣкѣ была только одна страна, какъ будто созданная бытъ для еврейства плодородною почвой, на которой оно могло разцвѣсть и достигнуть высшей степени развитія; эта страна была магометанская Испанія, занимавшая большую часть Пиренейскаго полуострова. Между тѣмъ какъ христіанская Европа опять погрузилась въ полное варварство, изъ котораго вывести ее стремились первые Каролинги, а восточный калифатъ представлялъ картину наступающей дряхлости, — испанскій калифатъ достигъ въ правленіе Омеядовъ такой степени культуры, которая заставляетъ насъ забыть, что событія совершаются въ средніе вѣка. Въ царствованіе Абдуль-Рахмана III (прозваннаго Ляъ-Нациромъ), — который принялъ въ первый разъ полный титулъ «повелитель правовѣрныхъ» (эмиръ аль-муменинъ), — Испанія была исключительнымъ средоточіемъ науки и искусства, которыя на всемъ прочемъ земномъ шарѣ находились въ пре-

кихъ государяхъ отъ Арнульфа до Оттона I (889—955), при чемъ страдала преимущественно Италія. Хронографъ Регино называетъ Венгровъ: *gens Hungarorum ferocissima et omni bella crudelior — a Scythis regnis et a paludibus, quas Thanais sua refusione in immensum porrigitur, egressa est* (у Пертла *Monumenta Germaniae*, I, 599). Средніе вѣка относили Гога и Магога именно къ Скиеи, и Венгры могли быть означаемы этимъ именемъ. — Мнѣ еще неясно отношеніе T. d. b. Elish gabba къ Sutta.

1) Цунцъ правильно опредѣлилъ время и отечество еврейскаго Іозиппона или лже-Іосифа (*Gottesdienstl. Vorträge*, стр. 150 и слѣд.), но ошибся въ доказательствѣ происхожденія (сравн. стр. 266, примѣч. 1).

зрѣніи или по крайней мѣрѣ въ пренебреженіи. Съ этого царствованія начинается классическое время процвѣтанія магометанской культуры, которая потому только могла достигнуть этой степени, что носителями ея были благородные государи, неимѣвшіе никакихъ предразсудковъ относительно иновѣрцевъ. Любимцы музъ, пѣвцы и остроумцы почитались въ Испаніи. Удачное стихотвореніе чествовали почти больше, чѣмъ побѣду, а побѣда становилась въ свою очередь предметомъ поэтического произведенія. Всякій вельможа, отъ калифа до послѣдняго провинціального эмира, гордился тѣмъ, что въ числѣ своихъ друзей имѣлъ ученыхъ и поэтовъ и избавлялъ ихъ отъ житейскихъ заботъ. Люди науки и поэзіи занимали высшія должности, имъ ввѣрялись важнѣйшіе государственные интересы.

Испанскіе евреи, благодаря присущей еврейскому племени впечатлительности и возбуждательности, не могли ускользнуть отъ вліянія этой умственной атмосферы. Ими также овладѣло одушевленіе къ наукамъ и поэзіи, и еврейская Испанія также сдѣлалась «убѣжищемъ образованія и духовной дѣятельности, благоухающимъ садомъ радостной, живой поэзіи, и центромъ серьезнаго изслѣдованія и свѣтлаго мышленія»¹⁾. Испанскіе евреи, подобно музарабамъ (жившимъ среди магометанъ христіанамъ), ознакомились съ языкомъ и литературой первенствующаго народа и нерѣдко вступали съ нимъ въ состязаніе. Но между тѣмъ какъ музарабы на столько обарабались, что забыли свой родной языкъ, готскую латынь, не понимали болѣе своихъ священныхъ книгъ и стыдились своей религіи²⁾, испанскіе евреи, по мѣрѣ возвышенія уровня

¹⁾ Сравн. М. Сакса: *Religiöse Poesie der Juden in Spanien*, стр. 182.

²⁾ Церковный писатель десятаго вѣка жалуется: *Quis, rogo, hodie solers in nostris fidelibus laicis invenitur, qui scripturis sanctis inventus volumina quorum quumque doctorum latine conscripta respiciat? Nonne omnes juvenes christiani — lingua disserti — gentilicia eruditione praeclari, arabico eloquio sublimati, volumina Chaldaeorum avidissime tractant — ecclesiasticam pulchritudinem ignorantes. Ne pro dolor! linguam suam nesciunt Christiani, — ita ut omni Christi collegio vix inveniatur unus in milleno hominum numero, qui salutaris fratri possit rationabiliter dirigere litteras.* (Epistola Alvari въ Flernz España sagrada, XI, 81).

образования, болѣе и болѣе предпочитали и любили свой родной языкъ, свое св. Писаніе и религію своихъ отцевъ. Представители еврейства, будучи далеки отъ мысли наказывать за усвоеніе иноземнаго и считать его отщепенствомъ, содѣйствовали арабской культурѣ; они извлекали изъ нея свѣжіе соки, дабы оживить и облагородить еврейство. Благодаря стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ, еврейская Испанія могла вступить въ состязаніе съ Вавилоніей, а потомъ отнять у нея скипетръ и быть почти въ теченіе пятисотъ лѣтъ главою еврейства. Еврейскій поэтъ (Харизи) имѣлъ полное право сказать:

«Испанія лежитъ на западѣ, а Вавилонія на востокѣ отъ нея въ счастливомъ, благословенномъ климатѣ; поэтому въ обѣихъ наука должна была распространиться, подобно стрѣламъ, пущеннымъ къ концамъ земли, и въ обѣихъ обратиться къ высочайшимъ цѣлямъ. Такъ, прежде были мудрецы въ вавилонскихъ кружкахъ, а потомъ въ Сефарадѣ мудрые въ советѣхъ и на дѣлѣ, искусные въ пѣніи. Когда умолкъ хоръ пѣвцовъ, тогда раздались звуки испанской лиры; когда сыны Востока не могли извлечь ни одного звука, тогда воздвиглись поэты на Западѣ¹⁾».

Основателями еврейско-испанской культуры были три мужа: занесенный въ Кордову знатокъ Талмуда Моисей бенъ-Ханохъ, первый андалузскій грамматикъ Менагемъ бенъ-Сарукъ и творецъ художественной формы для еврейской поэзіи, Дунашъ Ибнъ-Лабратъ. Но культура не иначе могла достигнуть цвѣтущаго состоянія, какъ при содѣйствіи человѣка, который по своимъ высокимъ дарованіямъ, великому характеру и занимаемому въ обществѣ положенію, былъ, такъ сказать, солнцемъ, согрѣвшимъ распуколку и доведшимъ ее до цвѣтенія. Этотъ человѣкъ былъ Абу-Юссуфъ Хаздаи бенъ-Исаакъ Ибнъ-Шапрутъ (род. около 915, ум. около 970 г.)²⁾ изъ благородной фамиліи Ибнъ-Езры; онъ послужилъ точкою опоры и центромъ умственныхъ стремленій и открылъ собою длинный рядъ тѣхъ высокопоставленныхъ и благородныхъ личностей, которыя задачею своей жизни поставили охра-

¹⁾ Харизи въ его 18 Макама (Taschkemoni) по переводу Цеднера (Auswahl hist. Stücke) № 70.

²⁾ Сравн. Замѣч. 21, I.

нять еврейство и оказывать ему содѣйствіе. Хаздаи былъ совершенно новою личностью, характеръ и осанка которой отличались отъ типа предшествовавшихъ историческихъ носителей. Въ его легкой, гибкой, веселой фигурѣ не было ни восточной неуклюжести, ни еврейской мрачной важности; онъ по своимъ манерамъ и выраженіямъ былъ скорѣе похожъ на европейца, и вмѣстѣ съ нимъ еврейская исторія получила, — если можно такъ выразиться, — европейскій отбѣнокъ.

Объ юности Хаздаи мы ничего не знаемъ. Его отецъ Исаакъ, жившій въ Іаенѣ¹⁾, былъ зажиточнымъ, щедрымъ человекомъ и меценатомъ въ миниатюрѣ; у него сынъ научился цѣнить науку и достойнымъ образомъ употреблять богатство. Хаздаи предался изученію медицины и языковѣдѣнія. Но первую онъ изучилъ лишь въ теоріи; о немъ, какъ о врачѣ, извѣстно только то, что онъ изобрѣлъ родъ теріака, который арабы называли фарукъ и считали панацеей. Тѣмъ высшей степени достигъ Хаздаи Ибнъ-Шапрутъ къ языковѣдѣнію и дипломатіи. Онъ не только отлично владѣлъ еврейскимъ и арабскимъ языками, на которыхъ могъ писать, но и зналъ латинскій языкъ, который понимали далеко не всѣ испанскіе христіане, а только высшія духовныя лица. Калифъ Абдуль-Рахманъ III, вступившій въ дипломатическія сношенія съ мелкими христіанскими дворами сѣверной Испаніи, замѣтилъ достоинства и искусство Хаздаи и назначилъ его (около 940) своимъ толмачемъ и дипломатическимъ посредникомъ. Сперва Хаздаи былъ только простымъ совѣтникомъ при послѣ, отправлявшемся къ христіанскимъ дворамъ Испаніи²⁾. Но по мѣрѣ того, какъ онъ обнаруживалъ свое искусство и оказывалъ калифу услуги, послѣдній тѣмъ больше цѣнилъ его и повышалъ. Однажды дипломатическое искусство Хаздаи одержало важную побѣду. Онъ привезъ въ Кордову леонскаго короля (Санхо Рамиреца) и наваррскую королеву (Тоду) съ духовенствомъ и вельможами, съ цѣлью заключить продолжи-

¹⁾ Моисей Ибнъ-Езра, въ Notice sur Abouwalid, par Munk, стр. 77 и слѣд. Замѣч. 2.

²⁾ Ибнъ-Адгари цитата, Замѣч. 21, I.

тельный миръ съ Абдуль-Рахманомъ. Калифъ наградила его за это назначеніемъ на такія должности, на которыхъ онъ могъ оказывать государству еще большія услуги. Хаздаи былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ему поручалось встрѣчать иностранныхъ пословъ, принимать привезенные ими подарки калифу и вѣрющія грамоты и вручать отвѣтные подарки отъ имени калифа. Въ то-же время онъ былъ министромъ торговли и финансовъ, такъ какъ чрезъ него поступали въ государственную кассу пошлины и сборы¹⁾. Но при всемъ этомъ Хаздаи не имѣлъ опредѣленнаго officialнаго титула; онъ не былъ ни визиремъ (гагибъ у испанскихъ арабовъ), ни государственнымъ секретаремъ (катибъ). Ибо и арабы питали сначала столь сильное предубѣжденіе противъ евреевъ, что не допускали ихъ въ кругъ государственныхъ сановниковъ²⁾. Только-что разцвѣтающая культура въ магометанской Испаніи еще не могла побѣдить враждебныя евреямъ изреченія корана. Даже правосудный и благородный государь, бывшій въ свое время украшеніемъ трона, не могъ отдѣлаться отъ этого прирожденнаго предрасудка, побѣдить который должны были сами евреи посредствомъ умственного своего превосходства. Хаздаи первый внушилъ андалузскимъ мусульманамъ расположеніе къ своимъ единовѣрцамъ и могъ, имѣя доступъ къ калифу, охранять послѣднихъ отъ бѣдствій. Потому-то одинъ еврейскій пѣвецъ могъ восхвалить его въ слѣдующихъ словахъ:

«Онъ снялъ съ своего народа гнетущее иго, посвятилъ ему свою душу и сердце, сломилъ терзавшій его бичъ и отогналъ его безсердечныхъ притѣснителей. Всевышній послалъ его въ утѣшеніе и спасеніе остатку своего народа»³⁾.

1) Видно изъ посланія Хаздаи къ Хазарскому царю.

2) О предубѣжденіи магометанъ противъ евреевъ во времена Абдуль-Рахмана сообщаетъ Кордовскій епископъ нѣмецкому посланнику императора Оттона I: *Simul ipsorum (Christianorum) convictu delectantur (Suraceni), cum Judaeos penitus exhorreant.* — *Acta Sanctorum*, подъ 27 Февраля, Т. III, стр. 712. Сравни. начало посланія Хаздаи къ хазарскому царю.

3) Изъ стихотворенія ученика М. б. Сарука, сообщ. профес. Луццато Bet ha-Ozar, стр. 23 и слѣд., и у Philoxène Luzzato *Notice sur Abou-Joussouf Hasdaï*, стр. 68.

Эта похвала не преувеличена. Дѣйствительно, Хаздаи былъ утѣшителемъ и покровителемъ близкихъ и дальнихъ общинъ. Свое высокое положеніе и богатство онъ обращалъ на пользу своихъ единовѣрцевъ. Глубокое религіозное чувство подсказало ему, что онъ своимъ высокимъ положеніемъ обязанъ не заслугамъ, но милости Божіей, и потому онъ чувствовалъ въ себѣ призваніе трудиться для своей религіи и единоплеменниковъ. Надъ еврейскою общиною Кордовы онъ имѣлъ родъ политическаго и судебнаго главенства ¹⁾, которое быть можетъ было ему даровано его покровителемъ, калифомъ, или добровольно признано самою общиною. Вавилонская академія, щедро одаренная имъ, дала ему болѣе пышный, чѣмъ имѣющій значеніе титулъ «главы школы» (Resch Kallah) ²⁾, хотя онъ, безъ сомнѣнія, понималъ Талмудъ еще меньше, чѣмъ Р. Натанъ, отказавшійся отъ своего мѣста въ пользу Р. Моисея. Онъ переписывался съ Дунашемъ бенъ-Тамимомъ и поручилъ ему составить астрономическое вычисленіе еврейскихъ праздниковъ (см. стр. 335). Онъ тоже велъ переписку съ сыномъ Саадіи, Досою, и получилъ отъ него біографію его великаго отца ³⁾. Посламъ многихъ владѣтельныхъ особъ, искавшихъ покровительства или милости калифа и присылавшихъ также ему подарки, чтобы заручиться его представительствомъ, Хаздаи предлагалъ вопросы о состояніи евреевъ въ ихъ странахъ и просилъ быть благосклонными къ его единовѣрцамъ.

Хаздаи игралъ важную роль при двухъ посольствахъ могущественныхъ европейскихъ дворовъ, и его имя занесено въ исторію этихъ государствъ. Тѣсняемая со всѣхъ сторонъ и обрываемая всѣми, Византійская имперія, бывшая лишь муміей уже въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, постоянно требовала внѣшней поддержки. Слабый и педантически-ученый

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ въ Sefer ha-Kabbalah, изд. Амстерд. 70а.

²⁾ Такъ названъ Хаздаи Дунашемъ бенъ-Лабратомъ въ своемъ посвященіи, и другимъ писателямъ, котораго цитуетъ Дунашъ въ своей полемикѣ съ бенъ-Сарукомъ.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ, тамъ же.

Константинъ VIII, сынъ и братъ императора, который причинилъ евреямъ столь много страданій (см. стр. 259), завелъ дипломатическія сношенія съ могущественнымъ мусульманскимъ повелителемъ Испаніи, дабы имѣть въ немъ союзника противъ восточнаго калифата. Съ этою цѣлью онъ отправилъ торжественное посольство въ Кордову (944 — 949), и, желая блеснуть, послалъ много цѣнныхъ подарковъ, между прочимъ, отличный экземпляръ греческаго медицинскаго писателя (Диоскорида) о простыхъ врачебныхъ средствахъ, который хотѣли имѣть калифъ и его медицинская коллегія. Еврейскій государственный мужъ встрѣтилъ посольство враждебнаго евреямъ двора и повелъ его на аудіенцію. Но книга, которую столь высоко цѣнили арабскіе врачи и естествоиспытатели, была для нихъ запечатана семью печатами; никто не могъ ее прочесть. Поэтому Абдуль-Рахманъ просилъ византійскаго императора прислать ему свѣдущаго челоука, который зналъ бы, кромѣ греческаго языка, еще латинскій. Константинъ, желая угодить магометанскому двору, прислалъ монаха Николая, долженствовавшаго быть толмачемъ. Но изъ всѣхъ врачей при кордовскомъ дворѣ только Хаздаи зналъ латинскій языкъ. Поэтому калифъ поручилъ ему принять участіе въ переводѣ, такъ что Николай переводилъ греческій подлинникъ на латинскій языкъ, а Хаздаи съ сего послѣдняго на арабскій. Калифъ Абдуль-Рахманъ радовался осуществленію такого труда, который по его мнѣнію, придавалъ особенный блескъ его царствованію ¹⁾.

Хаздаи игралъ особенную роль при посольствѣ, отправленномъ въ Кордову могущественнымъ нѣмецкимъ императоромъ Оттономъ I. Еще до этого Абдуль-Рахманъ посылалъ къ Оттону посла и въ своей граматѣ употребилъ оскорбительныя для христіанства выраженія. Но андалузскіе послы въ теченіе многихъ лѣтъ ждали аудіенціи. Выслушавъ ихъ, нѣмецкій императоръ отправилъ съ своей стороны посоль-

¹⁾ Ибнъ-Голголь у de-Sacy: Abdallatif, стр. 496 и у Ph. Luzzato вышеприв. сочин., стр. 6.

ство, во главѣ котораго находился аббатъ Іоаннъ фонъ-Горце (Жанъ де-Вандьеръ), и грамоту, въ которой также заключались жесткія выраженія объ исламизмѣ. Калифъ, предполагая нѣчто подобное, поручилъ Хаздаи развѣдать о содержаніи грамоты. Поэтому Хаздаи провелъ нѣсколько дней съ Іоанномъ фонъ-Горце, и хотя послѣдній былъ очень ловокъ, однако Хаздаи перехитрилъ его и вывѣдалъ содержаніе грамоты. Тогда Абдуль-Рахманъ заставилъ нѣмецкое посольство ждать цѣлый годъ аудіенціи и быть-можетъ заставилъ-бы ждать еще болѣе, если бъ Хаздаи вмѣстѣ съ музарабскимъ епископомъ Кордовы, Іоанномъ фонъ-Горце, не устроилъ дѣла такъ, что нѣмецкій императоръ прислалъ новую, неоскорбительную грамоту (956—959) ¹⁾.

Хаздаи, привыкнувъ на своей аренѣ видѣть событія въ обширныхъ размѣрахъ, чувствовалъ глубокую скорбь, видя положеніе евреевъ, ихъ зависимость, страданія, разсѣяніе по лицу земли и разрозненность. Какъ часто приходилось ему слышать отъ магометанъ и христіанъ, что «скипетръ отнять отъ Іуды, слѣдовательно послѣдній отверженъ Богомъ». Хаздаи самъ раздѣлялъ ограниченныя воззрѣнія своего времени, что религія и народъ, неизмѣющіе страны, царя, двора, власти и подданныхъ, не тверды и не способны къ жизни. Поэтому, проникшій въ Испанію темный слухъ о существованіи независимаго еврейскаго царства въ Хазарской странѣ сильнѣе занималъ его, чѣмъ прочихъ, современныхъ ему, іудеевъ. Появленіе Элдада въ Испаніи за нѣсколько десятилѣтій до рожденія Хаздаи дало нѣкоторую достовѣрность неопредѣленной сагѣ; но, съ другой стороны, послѣдняя сдѣлалась еще невѣроятнѣе вслѣдствіе преувеличенія, будто десять колѣнъ продолжаютъ существовать въ полной силѣ. Поэтому Хаздаи не пропускалъ ни одного случая освѣдомиться у прибывшихъ издалека посольствъ объ еврейскомъ царствѣ и объ еврейскомъ государствѣ. Потому-то для него было живи-

¹⁾ Acta Sanctorum, подъ 27 Февраля, Т. III, стр. 712 и у Пертца Monumenta, IV, 371 и слѣд.; сравн. Шюссера Исторію, V, 120; Klopp, Geschichten d. deutsch. Kaiserzeit, 140 и слѣд.

тельнымъ солнечнымъ лучомъ свѣдѣніе, сообщенное ему послами изъ Хоразана (на востокъ отъ Каспійскаго моря), что въ Хазарской странѣ дѣйствительно есть іудейскій царь. Вступити въ сношенія съ этимъ царемъ сдѣлалось задушевнымъ желаніемъ Хаздаи. Онъ былъ поэтому вполне счастливъ, когда византійскіе послы подтвердили свѣдѣніе и прибавили, что царствовавшій тогда хазарскій хаганъ носилъ еврейское имя Іосифъ, что Хазары составляютъ могущественную и воинственную націю, страна которой лежитъ только въ пятнадцать дней пути отъ Константинополя, и что Хазары находятся въ союзѣ и ведутъ торговлю съ Византійскою имперіей. Эти свѣдѣнія только усилили въ немъ желаніе вступить въ болѣе тѣсныя сношенія съ еврейскимъ царствомъ и царемъ. Поэтому онъ старался отыскать недешаго челоуѣка, который могъ-бы отнестъ его письмо и доставитъ ему болѣе подробныя свѣдѣнія. Старанія Хаздаи отправить посольство къ Хазарамъ интересны въ то же время и для исторіи.

Въ лицѣ Исаака бенъ-Натана, Хаздаи нашель, къ своему удовольствію, челоуѣка, который готовъ былъ совершить далекое и опасное путешествіе. Хаздаи отправилъ его въ Константинополь вмѣстѣ съ послами Абдуль-Рахмана, снабдивши богатыми средствами и давши свиту и рекомендательныя письма къ дружественному византійскому двору. Греческій императоръ принялъ хорошо еврейскаго посла, но удерживалъ его въ теченіе полугода, вѣроятно, имѣя какую нибудь коварную заднюю мысль, что такъ было свойственно Грекамъ, и наконецъ отправилъ его назадъ въ Испанію съ письмомъ къ Хаздаи, въ которомъ говорилъ объ опасности путешествія въ хазарскую страну, «сухимъ путемъ — по причинѣ войнъ между народами, живущими въ при-каспійскихъ странахъ, а водою по причинѣ неблагополучнаго плаванія по морю». Хаздаи пришелъ въ отчаяніе отъ неудачи. Тогда явились съ предложеніемъ передать его грамоту чрезъ Іерусалимъ, Низибисъ и Бердаа (Западная Арменія). Онъ уже хотѣлъ согласиться на это, какъ въ Кордову прибыло отъ

славонскаго царя Гуну посольство (953)¹⁾, при которомъ находились два еврея, Марь-Сауль и Марь-Иосифъ. Стало-быть, жившіе тогда на нижнемъ Дунаѣ евреи находились въ дружественныхъ сношеніяхъ съ тамошними славянами. Прибывшіе евреи могли также рассказать многое о хазарскомъ царствѣ. По ихъ словамъ, одинъ еврей изъ этой страны, по имени Марь-Абрамъ, прозорливый и свѣдущій, прибылъ въ Славонію и говорилъ, что хазарскій хаганъ чувствуетъ его и часто приглашаетъ къ своему столу. Хаздаи немедленно послалъ за этимъ Абрамомъ; но того уже не могли отыскать. Между тѣмъ еврейско-славонскіе послы предложили Хаздаи передать его письмо сперва венгерскимъ евреямъ, которые позаботятся переслать его далѣе чрезъ Россію и Болгарію. Евреи, благодаря своей солидарности, могли заводить сношенія, которыя тогда и даже впослѣдствіи оказывались невозможными для самыхъ могущественныхъ государствъ. Хаздаи согласился поручить славонскимъ посламъ передать его письмо хазарскому царю. Это письмо, написанное прекрасною еврейскою прозой со вступительными стихами, принадлежащими перу Менагема бенъ-Сарука²⁾, составляетъ безцѣнный документъ для исторіи того времени и для характеристики Хаздаи. Въ благочестивомъ желаніи проглядываетъ государственный смыслъ, а въ почтительности горделивость и сознаніе собственнаго достоинства. Въ письмѣ видно даже нѣкоторое самодовольное тщеславіе. Отдавши во вступленіи дань современному высокопарному слогу и написавши рѣчюваннѣйшій акростихъ на свое имя, Хаздаи продолжаетъ свое посланіе превосходною прозой, говоря, что чувствуетъ себя недостойнымъ обращаться съ рѣчю къ царю и не находитъ для того надлежащихъ словъ. Однако жъ онъ надѣется, что царь будетъ снисходителенъ къ нему, товарищу живущихъ въ изгнаніи и уже давно утратившихъ блескъ самостоятельности. Ибо испанскіе евреи терпѣли за свои грѣхи не мало бѣдствій, пока испанскій король не

¹⁾ Ибнъ-Аргадн, сравн. Замѣч. 21.

²⁾ Сравн. С. Сакса Керем Chemed, VIII годъ, стр. 86.

пожаловалъ его своею милостію и не дозволилъ ему утѣшать скорбящихъ. Затѣмъ Хаздаи описываетъ географическое положеніе Испаніи, касается исторіи Омеядской династіи, восхваляетъ своего милостивца Абдуль-Рахмана, упоминаетъ объ источникахъ богатства страны и о торговыхъ сношеніяхъ. При этомъ онъ замѣчаетъ, что королевскія пошлины за торговлю проходятъ черезъ его руки, что ему поручается встрѣчать посольства иноземныхъ государей, принимать отъ нихъ назначенные для калифа подарки и отдаривать. Онъ описываетъ, какихъ безконечныхъ трудовъ стоило ему получить свѣдѣнія о хазарскомъ царствѣ и отыскать надежнаго посла. Онъ дѣлалъ это не изъ празднаго любопытства и честолюбія, а единственно съ цѣлью, узнать, свободенъ ли Израиль отъ иноземнаго владычества хотя въ одномъ уголкѣ земли. «Если бъ я зналъ это», пишетъ или заставляетъ писать Хаздаи, «то презрѣлъ бы почести, отказался отъ положенія, оставилъ семейство и отправился бы странствовать черезъ горы и доли, черезъ рѣки и моря, пока не палъ бы къ стопамъ моего царя изъ племени Израиля, не возрадовался объ его величіи и не подивился его могуществу». Затѣмъ онъ проситъ сообщить основательныя свѣдѣнія обо всемъ и преимущественно о томъ, отъ какого именно колѣна происходятъ Хазары, а также объ ихъ политическомъ и военномъ уставѣ, сражаются-ли они въ субботу, и употребителенъ ли у нихъ еврейскій языкъ. Наконецъ, Хаздаи сирашиваетъ у короля, сохранилось ли у нихъ преданіе о томъ, когда наступитъ избавленіе Израиля. Ибо мѣра бѣдствій исполнилась, и онъ принужденъ слышать ежедневно: «Каждый народъ составляетъ замкнутое царство, вы же не имѣете самостоятельности». Поэтому, извѣстіе объ еврейскомъ хазарскомъ царствѣ обрадовало его душу, ибо евреи могутъ поднять поникшую голову и не станутъ болѣе молчать отъ стыда ¹⁾. — Такъ, представитель евреевъ на край-

¹⁾ Посланіе Хаздаи къ хазарскому царю, найденное Исаакомъ Акришемъ во время путешествія изъ Константинополя въ Египетъ, обнаружено имъ

нежь западѣ Европы послалъ братскій привѣтъ еврею на тронѣ.

Посланіе Хаздаи благополучно достигло, чрезъ посредство Іакова бенъ-Елеазара изъ нѣмецкой страны (Германіи), до хагана Іосифа, одиннадцатаго еврейско-хазарскаго государя, считая отъ Обадіи, настоящаго основателя еврейства въ Хазаріи (см. стран. 200). Хазарское государство было тогда (около 960) еще могущественно, хотя уже лишилось нѣкоторыхъ областей или вассальныхъ странъ. Оно еще простиралось до Яика и Дона на сѣверѣ, а на югѣ до Кавказскихъ воротъ (Bab al-Abwab Derbend), далѣе Кавказскихъ горъ до восточнаго берега Чернаго моря и до Днѣпра. На востокѣ оно шло вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря (Bahg G'org'on) и по ту сторону Волги до степей нынѣшнихъ калмыковъ. Однако ядро этого государства или собственно Хазарія имѣло въ окружности не болѣе 120 парасанговъ (30 миль) и занимало страну по обоимъ берегамъ Волги (Itil, Atel) до Каспійскаго моря. Резиденція хагана Іосифа находилась на одномъ изъ Волжскихъ острововъ и имѣла золотой шатрообразный дворецъ съ золотыми воротами. Лѣтъ за сто до вступленія Іосифа на престоль одинъ изъ его предковъ просилъ византійскаго императора прислать ему изъ Константинополя архитектора Теофила¹⁾, дабы построить пограничное укрѣпленіе противъ нападений дикихъ Печенѣговъ (854), которое по причинѣ своихъ бѣлыхъ стѣнъ названо Саркель (бѣлая вѣжа = ἄσπερον ὀπίτιον). Когда же, спустя полвѣка, эта чисто тюркская орда сдѣлала впаденіе въ Хазарскую область, то была разбита на голову (899)²⁾. Хазарамъ приходилось также вооружаться противъ Русскихъ, которые постоянно усиливались со времени призванія Варяговъ и всегда алкали пло-

первый разъ въ книжкѣ Kol Mebasser, 1577; съ того времени оно часто издавалось; сравн. Carmoly Itinéraires, стр. 5 и 67.

¹⁾ Theophanes continuatus, III, с. 28, стр. 122.

²⁾ Сравн. Штриттера Memoriae populorum въ Augusti's Memorabilien des Orients, 1802, III, 573.

доносныхъ хазарскихъ областей. Поэтому Хазары должны были держать постоянное войско, которое могло бы во всякое время дать отпоръ врагу. Въ десятомъ вѣкѣ численность этого регулярнаго войска простиралась до 12000, отчасти конныхъ стрѣлковъ, въ шлемѣ и панцырѣ, отчасти пѣхотинцевъ, вооруженныхъ копьями. Они были магометане, бѣжавшіе въ Хазарію вслѣдствіе междоусобицъ на востокѣ Каспійскаго моря и нанятые хаганами подъ именемъ арезія. Ихъ предводитель также былъ магометанинъ, прочіе же государственные чиновники и весь дворъ исповѣдывали еврейскую религію¹⁾. Ослабѣвшая отъ дряхлости Византійская имперія должна была въ это время чествовать хазарское царство, какъ могущественную державу, и признать за еврейскимъ государемъ титулъ «благороднаго и пресвѣтлаго хагана». Дипломатическія письма византійскихъ императоровъ къ папѣ и франкскимъ монархамъ запечатывались золотою печатью (2 solia), между тѣмъ какъ къ грамотамъ, которыя отправлялись къ хагану, привѣшивалась печать на одну треть тяжелѣе²⁾. Кто знаетъ этикетъ византійскаго двора, дошедшій до педантизма, тотъ пойметъ, сколь знаменательно было подобное чествованіе.

Хазарскіе хаганы принимали живѣйшее участіе въ своихъ иноземныхъ единовѣрцахъ и мстили за причиняемыя имъ страданія. Услышавъ однажды, что мусульмане разорили синагогу въ странѣ Бабунгъ, хаганъ приказалъ сломать минареть при мечети въ своей столицѣ и казнить мuezзиновъ (921). Онъ объявилъ, что разрушилъ бы всѣ мечети въ своемъ государствѣ, если бы не опасался, что магометане кровавымъ образомъ отплатятъ за то живущимъ въ ихъ странахъ евреямъ³⁾.— Поэтому письмо Хаздаи почти столько

1) Ибнъ-Фодланъ, Ибнъ-Гаукаль и Массуди у Фрэна: de Chazaris въ Mémoire de l'académie de St. Petersburg, VIII, 592 и слѣд., и въ Carmoly Itinéraires, 16, 24 и слѣд.

2) Constantinus Porphyrogenitus de Caeremoniis aulae byzantiae, II, 44, 59.

3) Ибнъ-Фодланъ у Фрэна, тамъ же, 594. Фрэнъ неправильно переводитъ слово ханизахъ (כניסח) арабскаго подлинника словомъ церковь, ибо оно первоначально и въ этомъ мѣстѣ значитъ синагога, какъ правильно понимаетъ

же обрадовало хагана Иосифа, сколько обрадовала автора увѣренность въ существованіи еврейскаго царства. Обратившіеся къ юдаизму хазары знали еврейскій языкъ и писали еврейскими буквами, какъ увѣряетъ безпристрастный современникъ ¹⁾). Иосифъ написалъ или приказалъ одному еврейскому ученому написать отвѣтъ, дабы удовлетворить любопытство Хаздаи и въ то же время завести сношенія съ своими единовѣрцами на дальнемъ западѣ. Хаганъ выражалъ доставленное ему письмомъ Хаздаи удовольствіе, но опровергалъ заблужденіе, будто хазарская страна населена коренными израильскими племенами. Хазары скорѣе происходятъ отъ язычниковъ Тогарма (какъ думали, основываясь на таблицѣ народовъ въ книгѣ бытія). Съ ними родственны по происхожденію Угры, Тирась (?), Авары, Узы, Барсильцы (или Вазилійцы), Тарнійцы (или Тарааки), Зангары, Волгары и Савиры, — народцы, жившіе прежде въ неизвѣстной Скиѣской странѣ и впослѣдствіи времени отчасти поселившіеся на Нижнемъ Дунаѣ и въ Венгріи. Далѣе хаганъ Иосифъ подробно рассказываетъ объ обращеніи своего предка Булана къ еврейству (см. стр. 198) и называетъ премниковъ Булана, которые всѣ имѣли еврейскія имена. Послѣ Обадіи слѣдовали: Хискія, Манассія I, Ханука (братъ Обадіи), Исаакъ, Завулонъ, Манассія II, Нисси, Менагемъ, Веніаминъ и Ааронъ (отецъ Иосифа). Затѣмъ еврейскій государь говоритъ о пространствѣ своего царства и о подвластныхъ ему народахъ, о пригодности страны для земледѣлія и объ ея плодородіи. Относительно надежды на мессіанское избавленіе, которую онъ также питаетъ, хаганъ говоритъ, что онъ и евреи его страны не знаютъ объ этомъ ничего опредѣленнаго. «Мы», сообщаетъ онъ, «обратили наши взоры на Іерусалимъ и вавилонскія академіи. Да будетъ угодно Богу содѣйствовать дѣлу освобожденія. Ты пишешь, что жаждешь

также d'Hosson: les musulmans avaient détruit les temples des juifs (Peuples du Caucase, стр. 42).

¹⁾ Магомедъ Ибнъ-Исхакъ въ Fihrist al-Ulum, сообщ. Флигель въ Zeitschrift der deutsch-morgenl. Gesellschaft, 1859 г., стр. 566.

видѣть меня; я также жажду узнать тебя и твою мудрость. Если бъ это желаніе могло исполниться, и я имѣлъ бы возможность говорить съ тобою лицомъ къ лицу, то ты былъ бы мнѣ отцомъ, а я тебѣ сыномъ и ввѣрилъ бы тебѣ управление моимъ государствомъ»¹⁾. Этимъ оканчивается замѣчательное письмо еврейскаго хагана къ Хаздаи.

Иосифъ, отправляя это письмо, могъ еще хвалиться миромъ. Но уже чрезъ нѣсколько лѣтъ измѣнилось положеніе дѣлъ. Одинъ изъ потомковъ Рюрика, русскій великій князь Святославъ Кіевскій, бывшій прежде почти подданнымъ Хазаровъ, нанесъ имъ жестокій ударъ и завоевалъ пограничную крѣпость Саркель (965)²⁾. Русскіе, проникая далѣе и стремясь къ могуществу, болѣе и болѣе обрывали хазарскую страну. Спустя нѣсколько лѣтъ (969), тотъ же Святославъ взялъ хазарскую столицу Итиль (Атель) и второй хазарскій городъ Семендеръ³⁾. Хазары бѣжали отчасти на одинъ изъ острововъ Каспійскаго моря, отчасти въ Дербендъ и отчасти въ Крымъ, обитаемый ихъ родичами и называвшійся съ того времени Хазаріей. Столицею тамъ былъ Воспоръ (Керчь). Такъ, хазарское царство сдѣлалось весьма малымъ; Иосифъ былъ послѣднимъ могущественнымъ царемъ Хазаровъ.

Когда письмо Иосифа дошло до Хаздаи, милостивецъ послѣдняго уже умеръ. Однако его сынъ Алгакемъ, болѣе отца покровительствовавшій наукамъ и поэзіи, но не воинственный, оказывалъ почести Хаздаи, оставилъ его въ прежнихъ должностяхъ и далъ ему высокое мѣсто, какъ государственному слугѣ⁴⁾. Алгакемъ не менѣе отца извлекалъ пользы изъ ловкости Хаздаи. Одинъ еврейскій поэтъ въ слѣдующихъ словахъ воспѣваетъ его дипломатическую побѣду:

«Съ Божіею помощью онъ побѣдилъ, какъ герой, и даромъ слова, безъ ударовъ меча и метанія копій, завоевалъ страны и города. Онъ

¹⁾ Посланіе хагана Иосифа найдено и напечатано также Исаакомъ Акришемъ (сравн. стр. 350, примѣч. 1). Самая строгая критика признала его подлинность.

²⁾ Русскій лѣтописецъ Несторъ, въ переводѣ Шерера, стр. 53, 85.

³⁾ d'Hosson, *Peuples du Caucase*, стр. 198.

⁴⁾ Ибнъ-Аби Осабія, сообщен. Мункомъ въ *Archives Israélites*, 1848 г., стр. 326.

своею мудростью унижилъ врага. Пандырники, метатели копій, мечники покорно преклонялись предъ нимъ, бѣжали его»¹⁾.

Хаздаи, побуждаемый примѣромъ двухъ, покровительствовавшихъ наукѣ, калифовъ щедро помогаль талантамъ въ еврейскомъ кружкѣ; ему принадлежитъ слава развитія андалузско-еврейской культуры. Онъ призывалъ въ Кордову даровитыхъ изслѣдователей и поэтовъ, благодарность которыхъ выражалась въ томъ, что они увѣковѣчивали его имя своими стихотвореніями и посвященными ему сочиненіями.

«Во времена Хаздаи, во всей Испаніи лелѣли мудрость. И хвала ему воспѣвалась краснорѣчивыми языками»²⁾.

Изъ числа изслѣдователей и поэтовъ того времени прославились четверо: Менагемъ бенъ-Сарукъ, Дунашъ бенъ-Лабратъ, Аббунъ бенъ-Сарда и Самуиль³⁾. Только о двухъ первыхъ извѣстно, что они находились въ сношеніи съ министромъ-евреемъ Хаздаи и пользовались его покровительствомъ. Оба они избрали предметомъ своихъ изслѣдованій еврейскій языкъ, облагородили и обогатили его, такъ что позднѣйшій поэтъ могъ совершенно справедливо сказать:

«Нашъ языкъ имѣетъ нѣчто чудесное, онъ обладаетъ необъемлемою пророческою силой; выраженія его сжаты и однако имѣютъ обширный смыслъ, кратки и однако достаточны для выраженія богатства мыслей»⁴⁾.

Они далеко превзошли труды своихъ предшественниковъ, занимавшихся еврейскою филологіею, именно караимскихъ грамматиковъ и самаго Саадію. Дунашъ бенъ-Лабратъ указалъ на такое благозвучіе и такую стройность священнаго языка, какихъ въ немъ и не подозрѣвали. Если болѣе древніе еврейскіе поэты уже ввели просодію въ еврейскую поэзію

¹⁾ Ученикъ бенъ-Сарука, у Луццато *Betha-Ozar*, стр. 24а, f. и Ph. Luzzato *Notice sur Abou-Joussouf Hasdaï*, стр. 69.

²⁾ Харизи *Maqame* 18, въ переводѣ Цеднера «Auswahl».

³⁾ Тамъ же *Maqame* 3. Сатира Менагемига, сообщен. Дукесомъ въ *Orient. Literaturbl.*, 1850 г., col. 267 и *Nachal Kedumim*, I, 7; сравн. тамъ же стр. 1 цитату Саадіи Ибнъ-Данана. Самъ Дунашъ въ своей полемикѣ съ Менагемомъ (*Teschubot*, ed. Filipowski p. 73, 76, 77) ссылается на современныхъ поэтовъ и цитуетъ нѣкоторые изъ ихъ стиховъ, въ томъ числѣ отрывокъ изъ похвальнаго стихотворенія Хаздаи и отрывокъ изъ похвальнаго же стихотворенія Мудрости. Стало-быть эти стихотворенія не принадлежатъ ни Дунашу, ни Менагему бенъ-Саруку; слѣдовательно въ то время были еще другіе поэты, которые даже соблюдали метрической размѣръ стиха.

⁴⁾ Харизи, *Maqame* 1.

(см. стр. 270), то стихъ сдѣлался звучнымъ, а строфа округленно единственно лишь трудами Лабрата. Въ раввинистическихъ кружкахъ стопосложеніе было неизвѣстно, по крайней мѣрѣ оставалось въ пренебреженіи, и Саадія порицалъ Дунаша ¹⁾ за это неслыханное нововведеніе, такъ какъ имъ будто бы насилывался еврейскій языкъ. — Еврейско-андалузскіе поэты дали ново-еврейской поэзіи другое и болѣе богатое содержаніе. До того времени стихотворенія имѣли только синагогальный характеръ, выражали всегда сокрушеніе и покаяніе и не знали веселой улыбки. Даже гимны отличались мрачною важностью и всегда писались вялыми и негладкими стихами. Ихъ образцемъ былъ Калири. Въ назидательныхъ стихотвореніяхъ и полемическихъ статьяхъ поэзія доходила даже до жалкаго римоплетства, каковы, напр., стихи Соломона бенъ-Іерухама, Абу-Али Іефета, Аарона бенъ-Ашера и Саббатаи Донноло. Хаздаи далъ поэтамъ случай переимѣнить тему. Его величавая личность, высокое положеніе, дѣянія и царская щедрость воодушевляли поэтовъ, и послѣдніе, прославляя его отъ чистаго сердца и увѣковѣчивая его имя, вдыхали еврейскому, повидимому отжившему, языку новую жизнь и дѣлали его благозвучнымъ и способнымъ къ дальнѣйшему развитію. Правда, еврейско-андалузскіе поэты взяли арабовъ своимъ образцомъ. Они не отрицали, «что арабъ былъ учителемъ еврея». Но Дунашъ и его подражатели не придерживались рабски избранныхъ образцовъ, не навязывали насильно еврейскому языку неестественнаго для него стихосложенія, но улавливали его благозвучіе и изслѣдовали присущую ему натуру. Стихи, относящіеся къ началу эпохи процвѣтанія, отличаются быстрымъ, живымъ, плясовымъ ритмомъ. Однако въ эпоху Хаздаи еврейская поэзія еще не вполне отдѣлалась отъ деревяности и напыщенности, и «пѣвцы только начали чирикать во времена Хаздаи», какъ выразился о нихъ позднѣйшій критикъ ²⁾. Теперь любимую темою ново-еврейской поэзіи

¹⁾ Сравн. Замѣч. 21, I.

²⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ Sefer ha-Kabbalah, конецъ: ר' חסדאי הנשיא ר' התחילו לצפצף ובימי ר' שמואל חנגיד נתנו קול בימי

одѣлались диѳирамбъ (Schir-Tehillah) и сатира (Schir-Telunah); впрочемъ, стихотворцы не оставляли въ пренебреженіи и литургической поэзіи и украсили ее звучными стихами¹⁾.

О жизни и характерѣ двухъ первыхъ основателей андалузско-еврейской культуры извѣстно очень мало. Менагемъ бенъ-Серукъ изъ Тортозы (род. около 910, ум. около 970), сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, находился въ весьма плохихъ обстоятельствахъ, по крайней мѣрѣ онъ не могъ жить скуднымъ наслѣдствомъ послѣ отца. Отецъ Хаздаи, Исаакъ, взялъ его къ себѣ и пекся о томъ, чтобы заботы не убили его духовнаго зародыша. Поэтому Менагемъ воздвигъ великодушію Исаака поэтической памятникъ въ построенной его благодѣтелемъ синагогѣ. По смерти Исаака, бенъ-Сарукъ сложилъ трогательную элегію, которую члены общины пѣли въ честь усопшаго въ теченіе траура²⁾. Изученіе еврейскаго языка было любимымъ занятіемъ Менагема бенъ-Сарука, который при этомъ пользовался трудами Ибнъ-Корайша, Саадія и другихъ, а также трудами караимскихъ грамматиковъ. Но не у нихъ заимствовалъ онъ блатородный слогъ; послѣдній былъ его природнымъ талантомъ. Менагемъ можетъ считаться первымъ еврейскимъ стилистомъ и превзошелъ въ этомъ отношеніи даже Абулсари Сагала.

Хаздаи, достигнувъ высокаго положенія, поспѣшилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ пригласить въ Кордову отцевскаго любимца и осыпать его обѣщаніями. Бенъ-Сарукъ, описавшій въ риёмованной прозѣ свои отношенія къ еврейскому министру, замѣчаетъ:

¹⁾ Дукесъ въ Nachal Kedumim, стр. 7, вверху, сообщаетъ настоящій метрической піютъ Дунаша бенъ-Лабрата. Кромѣ того, извѣстны еще два метрическія произведенія съ акростихомъ Дунаша, и такъ какъ неизвѣстно другаго поэта съ этимъ именемъ, то стихотворенія, конечно, принадлежать Дунашу сравн. Ландгута Amude ha-Aboda, стр. 61. Ученики Менагема приводятъ въ своей полемикѣ противъ него метрическіе піюты Дунаша (у Пинскера Likute, стр. 166). Слѣдовательно совершенно неосновательно мнѣніе Цунца, что «ново-еврейское строеніе стиха въ первое время употреблялось только въ свѣтской поэзіи», и что Ибнъ-Гебиrola первый ввелъ метрической размѣръ въ синагогальную поэзію (Synagogale Poësie, стр. 216). И здѣсь Цунцъ противорѣчитъ самому себѣ.

²⁾ Посланіе Менагема, приведенное С. Д. Луццато въ Bet ha-Ozar, стр. 31а.

«Не дары твои меня привлекали и не великодушіе твое меня побуждало, но дружба была тому причиною, и удивленіе окрыляло мои стопы».

Онъ сдѣлался придворнымъ поэтомъ Хаздаи, питалъ къ нему горячую привязанность за оказанную помощь, восхвалялъ его и, какъ самъ выразился, «истощилъ стихотворное искусство, чтобы воспѣть ему хвалу». Хаздаи, потерявши мать, поспѣшилъ въ полночь къ поэту, съ просьбою написать элегію на этотъ случай, и засталъ Менагема за стихами: послѣдній предупредилъ желаніе своего благодѣтеля. Тогда-то Хаздаи поклялся никогда не забывать этой внимательности ¹⁾.

Хаздаи побуждалъ его предаться изученію священнаго языка и изслѣдовать его различныя формы и значеніе словъ. Вслѣдствіе этого, Менагемъ выработалъ (около 955) полный еврейскій словарь (Mach bēret) ²⁾, предложилъ въ немъ нѣкоторыя грамматическія правила и во многихъ отношеніяхъ исправилъ труды своихъ предшественниковъ. Выросши въ такой средѣ, въ которой выразительно и гармонически сказанное слово имѣло особенную важность, Тортозскій грамматикъ ставилъ языкъ вообще высоко, а священный еще выше. «Богъ хотѣлъ возвеличить человѣка надъ всѣми тварями, почему и далъ ему прекрасный образъ и даръ говорить красиво и выразительно. Какъ Богъ отличилъ человѣка даромъ слова, такъ точно отличилъ Онъ Израиля и его языкъ отъ прочихъ» ³⁾. Цѣлью трудовъ его было открыть законы и стройность этого языка. Менагемъ бенъ-Сарукъ прежде всего отличилъ чистый корень въ еврейскихъ словахъ и отдѣлилъ его отъ всѣхъ примѣсей и прибавокъ, — превосходная нынѣ теорія, которая однако не заслужила одобренія отъ предшествовавшихъ грамматиковъ, въ томъ числѣ и Саадіи; это обстоятельство содѣйствовало къ появленію настоящихъ уродливостей и дисгармоніи въ еврей-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Machberet Менагема бенъ-Сарука изданъ въ первый разъ Филипповскимъ, Лондонъ, 1855.

³⁾ Введеніе въ Machberet.

скомъ стихѣ. Въ своемъ словарѣ Менагемъ приводитъ при каждомъ корнѣ различныя образованія и формы, принятыя послѣднимъ, и объясняетъ ихъ значеніе часто съ поразительною тонкостью и знаніемъ духа языка. Объясняя библейскіе стихи, онъ обнаруживаетъ здравый смыслъ и изящный вкусъ, и это составляетъ громадный успѣхъ въ экзегетикѣ¹⁾). Иногда онъ предлагаетъ объясненія, прямо противоположныя талмудическому преданію и существовавшимъ въ то время воззрѣніямъ. Слова закона: «носить знакъ на рукѣ и на лбу» Менагемъ объясняетъ не какъ предписаніе возлагать тефиллимъ, но (подобно караимамъ) какъ напоминаніе, выраженное въ образной формѣ²⁾).

Хотя Менагемъ поставилъ еврейскую филологію на высокую степень, однако не могъ не впасть въ великія ошибки. Въ отдѣленіи корней онъ зашелъ слишкомъ далеко и, отправляясь отъ ложной исходной точки, думалъ, что надобно допустить корень, состоящій не только изъ двухъ, но и изъ одной согласной, и вслѣдствіе этого ошибся въ образованіи формъ еврейскаго языка. Его объясненія библіи бываютъ нерѣдко искусственными и натянутыми, и вообще онъ не могъ освободиться отъ традиціонной экзегетики. Однако его лексикографическій трудъ имѣлъ многочисленныхъ читателей, ибо написанъ былъ по еврейски; онъ распространился въ Италиі, Франціи, вытѣснилъ труды Саадіи и въ теченіе вѣкотораго времени служилъ руководствомъ для экзегетовъ. На сколько благородна, прекрасна и плавна проза Менагема, на столько неизящны и негладки его стихи. Онъ еще не умѣлъ владѣть еврейскимъ стихомъ. Его пополнялъ во многихъ отношеніяхъ его соперникъ Дунашъ бенъ-Лабратъ.

Этотъ поэтъ (называемый также Адонимъ) родился въ Багдадѣ, былъ моложе Менагема (род. около 920, ум. около 980), жилъ въ Фецѣ и также былъ вызванъ Хаздаи въ Кордову³⁾).

1) Сравни тамъ же, стр. 55, 57, 81, 98.

2) Тамъ же стр. 99.

3) Видно изъ того, что Дунашъ выставляетъ себя хорошо знающимъ политическія дѣла въ Кордовѣ, а также изъ конца его посвященія Хаздаи.

Дунашъ, кажется, имѣлъ средства къ жизни и потому дѣйствовалъ съ большою свободой и независимостью, чѣмъ Тортозскій грамматикъ. Онъ былъ вообще пылкою, неразумительною личностью, не взвѣшивалъ словъ и какъ будто созданъ для полемики. Онъ также обладалъ глубокими познаніями въ еврейскомъ языкѣ, преподавалъ уже на тридцатомъ году жизни, былъ бѣльшимъ поэтомъ, нежели Менагемъ, ввелъ, какъ выше сказано, въ Испаніи и въ раввинистскомъ кружкѣ размѣръ стиха для ново-еврейской поэзіи и тѣмъ придавалъ ей новую прелесть. Онъ также оуждалъ экзегетическіе и грамматическіе труды Саадіи, сопоставилъ ихъ въ полемическомъ сочиненіи (Teschubot) ¹⁾ и разбиралъ ихъ сурово и безпощадно, хотя лично зналъ Саадію или былъ даже его ученикомъ ²⁾. Получивши словарь Менагема, Дунашъ занялся отыскиваніемъ ошибокъ въ немъ и написалъ съ большимъ искусствомъ критику (Teschubot) ³⁾ на него, хотя въ шутовомъ, насмѣшливомъ тонѣ, но чрезвычайно оскорбительную. Въ введеніи бенъ-Лабратъ какъ будто ласкаетъ автора. «Я тебя знаю хорошо, мой братъ, и увѣренъ что ты любишь меня. Вѣдь, мы обязаны любить другъ друга». Но за этимъ кроткимъ обращеніемъ тотчасъ слѣдуетъ жестокое нападеніе: «Если-бъ я не предвидѣлъ, что твое сочиненіе принесетъ вредъ ученикомъ и такъ называемымъ знатокамъ и не привѣтъ извращенныхъ воззрѣній, то я молчалъ бы о немъ». Полемика Дунаша отчасти превосходна, отчасти же въ высшей степени несправедлива. Его экзегетическія замѣчанія вообще правильнѣе, потому что онъ не столь рабски придерживался массоретскаго текста. Бенъ-Лабратъ объясняетъ болѣе двадцати четырехъ стиховъ отлично отъ массоретскаго способа, и объясненія его даютъ

¹⁾ Эти Teschubot противъ Саадіи приготовлены къ печати по рукописи Дуццато.

²⁾ Видно изъ примѣч. къ Замѣч. 24, II, а также изъ Замѣч. къ Likute Пинскера, стр. 162 и слѣд.

³⁾ Teschubot противъ Менагема напечатаны въ первый разъ Филипповскимъ Лондонъ, 1855.

имъ, конечно, лучшій смыслъ ¹⁾). Пылкость Дунаша происходила отъ высокоумія ученой касты. Онъ полагалъ, что необучившійся премудрости на Востокъ не знаетъ ничего. Онъ глубоко презиралъ испанско-еврейскихъ изслѣдователей, какъ молокососовъ и не имѣющихъ къ тому призванія ²⁾). Потому-то Дунашъ не держался въ предѣлахъ научнаго спора, а придавалъ ему значительную практическую обширность. Свои критическія сочиненія, относящіяся къ Менагону, онъ посвятилъ еврейскому государственному мужу и воспетъ ему въ предпосланныхъ стихахъ такой еиміамъ, что нельзя ошибиться въ его намѣреніи расположить къ себѣ еврейскаго мецената и умалить Менагема въ его глазахъ.

Въ посвященіи, состоящемъ изъ сорока одной маленькой строфы, поэтъ увѣщаваетъ свое сердце отказаться отъ обманчивыхъ радостей и наслажденій сего міра и лучше воздавать въ разиѣренныхъ стихахъ хвалу «князю» и «главѣ» общины, «который стеръ толпы варваровъ». Затѣмъ онъ говоритъ, какъ князь Хаздаи взялъ десять укрѣпленій, предалъ врагамъ сына Радмира (Санхо Рамиреца) вмѣстѣ съ дворянами и духовенствомъ, и покорилъ опеломленную королеву Тоду, несмотря на ея мужской характеръ. Вслѣдствіе его мудрости, народы трепетали его, а короли присылали ему въ Испанію подарки. Его имя славится на востокъ и западъ, дома Исава и Араба (христіане и магометане) хвалятъ его милость. Онъ благосклоненъ къ своему народу, прогоняетъ его противниковъ и смиряетъ враговъ. Онъ отецъ бѣдныхъ; его отверзтая рука посылаетъ росу сынамъ музъ; онъ опора и свѣтило для дѣтей ученія (изучающихъ Талмудъ), и употребляетъ свое достояніе на покупку сочиненій. Поэтому онъ, самый незначительный ученый, рѣшился прославить его заслуги и украсить похвальною пѣснею начало своего сочиненія.

Лестъ Дунаша еврейскому царедворцу и его грубое напа-

¹⁾ Сравн. объ этомъ Teschubot 50b, 59, 81, Sefat Jeter Ибнъ-Езры, № 107—117, 120, 122.

²⁾ Сравн. Пивскера Likute, Замѣч., стр. 164.

деніе на Менагема произвели надлежащее дѣйствіе. Хаздаи сталъ меньше дивиться бенъ-Саруку, узнавши, что Дунашъ такой-же филологъ и гораздо лучшій поэтъ, нежели Менагемъ. Когда-же нѣкоторые наущники, желавшіе снискать милость еврейскаго вельможи, оклеветали предъ нимъ Менагема, — въ чемъ состояла эта клевета, неизвѣстно, — тогда благосклонность Хаздаи къ бенъ-Саруку превратилась въ нерасположеніе къ нему. Вѣроятно, вслѣдствіе этого Менагемъ оставилъ Кордову и удалился въ домъ своихъ предковъ¹⁾ (въ Тортозу?). Враги его такъ ловко сѣумѣли раздражить Хаздаи, что послѣдній, забывъ о своемъ торжественномъ общаніи, данномъ въ полночь послѣ смерти своей матери, приказалъ бичевать Менагема (послѣ 960). Еврейская стража напала на него въ субботу, прибила его, выгнала въ наступившую затѣмъ пасху изъ дома, наслѣдованнаго имъ послѣ отца и обитаемаго вмѣстѣ съ братомъ, разрушила этотъ домъ до основанія и завладѣла матеріалами. Несчастный Менагемъ бенъ-Сарукъ погибъ бы безвозвратно, если-бъ братъ Хаздаи не сжалился надъ нимъ и не далъ ему средствъ къ жизни²⁾.

Вѣднѣякъ поспѣшилъ увѣдомить своего прежняго милостивца о претерпѣнныхъ страданіяхъ и просить у него помощи. Но Хаздаи, осудившій его, не выслушавъ оправданія, остался глухъ къ его мольбамъ и прибавилъ еще насмѣшку къ несправедливости. Онъ написалъ ему лаконическій отвѣтъ: «Если ты виновенъ, то я наказаніемъ побудилъ тебя къ исправленію; если ты невиненъ, то я незаслуженнымъ страданіемъ доставилъ тебѣ вѣчное блаженство»³⁾. Поступокъ Хаздаи съ Менагемомъ бенъ-Сарукомъ есть позорное пятно на его характерѣ.

Однако несчастный не такъ терпѣливо переносилъ бѣдствіе. Онъ отправилъ ядовитое письмо къ вельможѣ⁴⁾, кото-

¹⁾ Видно изъ посланія Менагема, у Луццато Bet ha-Ozar, стр. 29b.

²⁾ Тамъ же и стр. 32a. Въ 6 строкъ сверху надобно вмѣсто безсмыслицы

לולי רחמי אדוני ארחין אבין (Замѣчаніе П. М. Гейльперина).

³⁾ Тамъ же 28b.

⁴⁾ Посланіе Менагема, напечатанное въ первый разъ Луццато (Bet ha-Ozar),

рый въ своемъ высокомъ положеніи мнилъ себя неуязвимымъ. Это письмо выражаетъ покорность и въ то же время самостоятельность и даже теперь возбуждаетъ глубокое состраданіе къ несчастному. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно составляетъ образецъ прекрасной еврейской прозы. Менагемъ высказываетъ въ немъ горькія истины, къ которымъ не привыкло ухо высокопоставленнаго Хаздаи. Воясь, что Хаздаи отброситъ его письмо, не прочитавши, Менагемъ во вступленіи закликаетъ своего прежняго милостивца заглянуть въ посланіе. Изливши свое горе въ словахъ, бенъ-Сарукъ замѣчаетъ: «Мои слезы не служатъ признакомъ моей покорности тебѣ, но составляютъ естественное послѣдствіе оскорбленія моего права. — Ты, какъ Богъ, судилъ меня: ты соединяешь въ своемъ лицѣ свидѣтеля и судью и судишь тайны сердца. Но если-бъ я былъ даже злѣйшимъ преступникомъ, то ты не могъ бы дать приказанія бичевать меня въ субботу и праздникъ и осквернять тѣмъ святость дня». Потомъ Менагемъ напоминаетъ, какъ Ибнъ-Шапругъ приглашалъ его раньше къ себѣ, побуждалъ оставить родину и отправиться къ нему, несмотря на жаръ и бури; какъ поэты расточали ему хвалу въ связанныхъ и несвязанныхъ рѣчахъ и сдѣлали поэзію глашатаемъ его славы; какъ онъ наобѣщавъ ему золотыя горы и не исполнилъ своихъ обѣщаній. Онъ ссылается на свидѣтелей своей невинности, которыхъ Ибнъ-Шапругъ долженъ бы былъ выслушать, прежде чѣмъ внять навѣстамъ его враговъ. Но, какъ бы убоясь такой смѣлости, Менагемъ въ заключеніи оправдываетъ свою дерзость и отчаяніе и проситъ о помилованіи.

Письмо Менагема, кажется, не произвело впечатлѣнія на Хаздаи. Хотя послѣдній долго не отвѣчалъ, однако написалъ наконецъ ласковое письмо, которое успокоило несчастнаго. Поэтому Менагемъ, въ своемъ второмъ посланіи, разсыпался въ изъявленіи благодарности, говоря, что поднялъ свою по-

составляетъ весьма интересный документъ. Но текстъ во многихъ мѣстахъ испорченъ. Такъ (стран. 33а, строк. 10 сверху) слѣдуетъ читать **המושב מאת** вмѣсто безсмысленнаго слова **כה המושב** כפר **דידי שמתיהו למוטבות ספר**.

никшую голову, и что его взоры могут опять обратиться къ нему, какъ взоры раба къ своему господину¹⁾. Далѣе ничего неизвѣстно о Менагемѣ бенъ-Сарукѣ. Впрочемъ, онъ, кажется, умеръ раньше своего соперника, Дунаша, и ученики его предприняли его оправдать. Изъ этихъ учениковъ прославились три²⁾, а именно: Іегуда бенъ-Даудъ Хаюгъ, который впоследствии далъ еврейской филологіи дальнѣйшее развитіе; Исаакъ Ибнъ-Гикатила, одаренный поэтическимъ талантомъ, и бенъ-Кафронъ (Ефраимъ?). Эти три менагемиста заступились за своего учителя и отразили нападенія Дунаша. Они также посвятили еврейскому министру полемическое сочиненіе, предпославъ сему послѣднему хвалебную пѣснь въ честь Хаздаи и сатиру на бенъ-Лабрата. Хаздаи, кажется, только-что воротился въ это время, одержавъ дипломатическую побѣду для калифа Алгакема; менагемисты воспользовались этимъ обстоятельствомъ и воспѣли торжество Хаздаи. «Вы, горы, несите привѣтъ охранителю закона, князю въ Іудѣ. Все мѣръ ликуетъ объ его возвращеніи; ибо всякій разъ, какъ онъ находится въ отсутствіи, наступаетъ скорбь, высокоумѣрные владычествуютъ и нападаютъ на сыновъ Іудиныхъ. Но Хаздаи приноситъ съ собою опять спокойствіе и порядокъ. Господь поставилъ его въ князья и обратилъ къ нему сердце царево, дабы возвеличить его надъ всѣми вельможами. Онъ съ помощью Божіей побѣдилъ христіанъ; все благодарить его за это и уповаешь на него, какъ уповаешь истомленная нива на росу и дождь». Защитники чести Менагема предоставляли его любви къ истинѣ судить спорное дѣло и хотѣли сдѣлать его судьбою надъ бенъ-Лабратомъ, «который

¹⁾ Посланіе, стран. 33а; сравн. предъидущее примѣчаніе.

²⁾ Сатира, напечатанная Дукесомъ въ Nachal Kedumim, I, стр. 8 и слѣд. Издатель ошибается, говоря, будто авторъ самъ себя называетъ въ 9 стихѣ: Іегуди бенъ-Шешетъ, тогда какъ сей послѣдній есть никто иной, какъ упоминаемый Монсеемъ Ибнъ-Еарой, тамъ же, стр. 7. Нельзя также не узнать бичуемаго въ сатирѣ Іегуду бенъ-Дауда: это извѣстный Хаюгъ. Слѣдовательно, сатира написана Дунашитомъ противъ Менагемитовъ. Напротивъ, сатира (тамъ же стр. 7), начинающаяся **מת בנו לבראת** ! **שמואל** очевидно написана Менагемитомъ противъ ученика бенъ-Лабрата; но повидимому она не полна.

объявилъ себя образцовымъ толкователемъ, впалъ въ безсодержательность, осквернилъ и испортилъ священный языкъ чуждымъ (стихотворнымъ) разиѣромъ¹⁾). Изслѣдованіе и изученіе еврейскаго языка велось въ Испаніи съ страстною борьбой, горячностію, желчною сатирой. По смерти Дунаша, ученики его продолжали борьбу; изъ нихъ прославился только одинъ, Іегуди бенъ-Шешеть. Менагемисты и Дунашиты осыпали другъ другъ остроумными насмѣшливыми пѣснями, которыя существенно содѣйствовали къ выработкѣ еврейскаго языка, его гибкости, плавности и обогащенію.

Хаздаи Ибнъ - Шапрутъ, непосредственно или посредственно, сознательно или безсознательно, одобреніемъ и наградою пробуждалъ и образовывалъ поэтовъ и ревнителей еврейскаго языка; также точно онъ насадилъ въ Испаніи изученіе Талмуда²⁾). Еврейская наука еще не на столько окрѣпла въ Европѣ, чтобы могла обойтись безъ защитника, который взять бы ее подъ свое крылышко. Р. Моисей бенъ-Ханохъ, тотъ самый, который отправился за сборомъ для сурской академіи, приведенъ въ невольничьей одеждѣ въ Кордову и здѣсь выкупленъ изъ рабства, также нашель покровителя въ лицѣ Хаздаи, и оба калифа, любившіе науку, съ удовольствіемъ смотрѣли на процвѣтаніе самостоятельнаго изученія Талмуда въ своемъ государствѣ, благодаря которому ихъ еврейскіе подданные становились независимы въ религіозномъ отношеніи отъ Багдадскаго калифата. Р. Моисей не могъ попасть въ Испанію въ болѣе благопріятное время, чтобы дать Талмуду безопасное убѣжище, безъ котораго пробуждавшіяся умственныя стремленія не имѣли бы никакой опоры. Какъ испанскіе арабы потрудились затмить Багдадскій калифатъ и окружить себя всѣмъ политическимъ и ли-

1) Это посвященіе, конечно, написано не самимъ Менагемомъ, а его ученикомъ, какъ говорится о томъ въ самой рукописи; сравн. Луццато *Bet ha-Ozar*, стр. 64b, и Пинскера *Likute*, 158. Всѣ сомнѣнія, напротивъ, неважны. Менагемъ не могъ писать метрическихъ стиховъ; слѣдовательно, посвященіе не принадлежитъ его перу.

2) Ибнъ-Аби-Озаибія, цитованный Мункомъ въ *Archives Israelites*, 1848, стр. 326, излагаетъ гораздо подробнѣе, чѣмъ еврейскіе хронографы.

тературнымъ блескомъ, такъ точно испанскіе евреи, преимущественно столичные, заботились отодвинуть въ тѣнь вавилонскія академіи и перенести на открытую Р. Моисеемъ въ Кордовѣ школу тѣ преимущества, которыми сказанныя академіи пользовались въ силу своихъ глубокихъ познаній въ Талмудѣ. Поэтому они окружили его великолѣпіемъ и блескомъ и признали авторитетомъ. Религіозные запросы, предлагавшіеся прежде на обсужденіе вавилонскихъ академій, стали предлагаться теперь на разсмотрѣніе Р. Моисея ¹⁾. Въ его школу стекались изъ всей Испаніи и Африки жаждавшіе познаній ученики. Ревновали усвоить знаніе Талмуда, дабы имѣть возможность обходиться безъ вавилонскихъ учителей. Хаздаи приказалъ купить на свой счетъ экземпляры Талмуда въ Сурѣ ²⁾, гдѣ они послѣ закрытія академіи лежали массою безъ всякаго употребленія, и раздать ихъ ученикамъ, о содержаніи которыхъ, безъ сомнѣнія, онъ же заботился. Благодаря Р. Моисею, Кордова сдѣлалась андалузскою Сурою, и основатель тамошней школы имѣлъ для Испаніи такое же значеніе, какое имѣлъ Рабъ для Вавилоніи. Хотя онъ носилъ скромный титулъ судьи (даяна) или раввина, однако отправлялъ всѣ обязанности гаона: назначалъ раввиновъ въ общины и, кажется, возлагалъ на нихъ при этомъ руки, толковалъ законъ, былъ послѣднею судебною инстанціей и могъ отлучать непокорныхъ членовъ общины. Всѣ эти функціи, разумѣется, перешли также къ европейскимъ раввинамъ.

Такъ Испанія сдѣлалась во многихъ отношеніяхъ центромъ еврейства. Нѣкоторыя, повидимому случайныя, событія положили тому основаніе, и пробудившееся самосознаніе испанскихъ евреевъ не дозволило отнять у нихъ это преимущество; они, напротивъ, заботились заслужить и утвердить его за собою. Благосостояніе кордовской общины дало имъ возможность сдѣлать столицу фокусомъ всѣхъ стремле-

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ Сравн. Загѣч. 21, конецъ.

ній. Въ Кордовѣ жило нѣсколько тысячъ богатыхъ семействъ, которыя могли соперничать съ арабами въ любви къ великолѣпію. Они одѣвались въ шелкъ, носили дорогіе тюрбаны и ѣздили въ роскошныхъ экипажахъ ¹⁾. Они ѣздили на коняхъ съ развѣвающимися султанами и усвоили рыцарскую манеру и величавость, которыми съ выгодною отличались отъ евреевъ прочихъ странъ. Но нельзя умолчать о томъ, что многіе изъ нихъ были обязаны своимъ богатствомъ работорговлѣ, покупая рабовъ и перепродавая ихъ калифамъ, которые мало по малу составили изъ нихъ свою лейбъ-гвардію ²⁾.

По смерти Р. Моисея (около 965), кордовской общинѣ угрожала распря по причинѣ выбора новаго раввина. Однимъ претендентомъ былъ сынъ покойнаго, Р. Ханохъ, который ребенкомъ раздѣлялъ неволю своихъ родителей и видѣлъ, какъ его мать, во избѣжаніе позора, бросилась въ море. Его соперникомъ былъ Іосифъ бенъ-Исаакъ Ибнъ-Абитуръ, отличнѣйшій ученикъ Р. Моисея, знавшій хорошо арабскую литературу, обладавшій поэтическимъ талантомъ и родившійся въ той странѣ. Но Р. Ханохъ не имѣлъ за себя ничего, кромѣ талмудическаго знанія и того обстоятельства, что былъ сыномъ человѣка, который пользовался глубочайшимъ уваженіемъ. Въ благочестіи и нравственномъ благородствѣ соперники нисколько не уступали другъ другу. Образовались двѣ партіи, одна за туземца и представителя культуры, другая за Моисеева сына. Но, прежде чѣмъ разгорѣлся споръ, Хаздаи подаль свой голосъ за Р. Ханоха, и послѣдній сдѣлался кордовскимъ раввиномъ и авторитетомъ для испанско-еврейскихъ общинъ. Пока жилъ еврейскій министръ Алгакема, до тѣхъ поръ никто не оспаривалъ раввинства у Ханоха ³⁾. Хаздаи Ибнъ-Шапругъ умеръ ⁴⁾ еще при жизни бла-

¹⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

²⁾ Сравни. Gayangos, History of the mahometan dynastes in Spain, I, 137, 380, и Rainaud, Invasions des Sarrazins en France, стр. 233.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

⁴⁾ Я не могу раздѣлять мнѣнія Ф. Луццато о томъ, что поэтъ Абу-Амръ

городнаго калифа (около 970) и оставилъ славное имя, которое евреи и магометане на перерывъ старались передать потомству. Послѣ Хаздаи, кажется, не осталось сына, который достигъ бы извѣстности.

Иосифъ бенъ-Хаздаи и его братъ были сыновьями Хаздаи бенъ-Шапрута (Notice, p. 60). Древніе историки литературы, Монсей Ибнъ-Езра и другіе, не преминули бы обратить на это вниманіе.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Заря еврейско-испанской культуры и паденіе гаоната.

Гаонъ Шерира и его сынъ Гай; историческое посланіе Шериры; Манасія Ибнъ-Кацра; еврейско-испанскія общины; ученики Менагема и Дунаша; Иегуда Хаюгъ; Гассанъ бенъ-Маръ-Гассанъ; споръ между Р. Ханохомъ и Ибнъ-Абитуромъ; Іаковъ Ибнъ-Гау и его судьба. — Французскіе евреи; Натанъ Вавилонянинъ въ Нарбоннѣ; Р. Леонтиъ; Германскіе евреи; Оттонъ II и Калонимосъ; Р. Гершомъ и его распоряженія; Р. Симеонъ изъ Маннца; прозельтъ Вецелинусъ; императоръ Генрихъ II и преслѣдованіе евреевъ въ Германіи; калифъ Гакемъ и преслѣдованіе евреевъ въ Египтѣ и на Востокѣ; еврейскій хаганъ Давидъ и Русскіе; паденіе еврейско-хазарскаго царства; караймство; Иосифъ Алкаркассани и Леви Галеви.

970 — 1027.

Если историческому продукту суждено погибнуть, то никакія усилія энергическихъ личностей не смогутъ сохранить ему жизнь, а если и удастся имъ отсрочить, посредствомъ самопожертвованія, его смертный часъ, то все же продуктъ будетъ только казаться живымъ. Такъ случилось и съ вавилонскимъ гаонатомъ, который нѣкогда былъ полонъ жизни и составлялъ центръ. Когда образованнѣйшія общины Испаніи и Африки отпали отъ него и сдѣлались самостоятельными, тогда онъ не могъ болѣе существовать. Тщетно два мужа, послѣдовательно украшавшіе своими добродѣтелями и знаніемъ пумбадитскую академію, старались придать ей новый блескъ. Они могли только отсрочить на полвѣка смерть гаоната, но не могли сохранить его и сдѣлать способнымъ къ жизни. Эти два мужа, отецъ и сынъ, послѣдніе пумбадитскіе президенты съ извѣстнымъ значеніемъ, были Р. Шерира

и Р. Гаи (Гая), которыхъ позднѣйшія поколѣнія называли «отцами и учителями Израиля». — Шерира, сынъ гаона Ханины (род. около 930, ум. около 1000 г.)¹⁾, происходилъ по отцевской и материнской линіи отъ уважаемыхъ фамилій, многіе члены которыхъ имѣли санъ гаона. Онъ самъ хвалился, что его родословная восходитъ до предбостанайскихъ экилархическихъ линій, члены которыхъ сложили санъ экиларха вслѣдствіе его вырожденія и вступили въ ряды ученыхъ. Фамильнымъ гербомъ Шериры былъ левъ²⁾, изображавшійся также въ гербѣ и на знамени іудейскихъ царей.

Шерира былъ гаонъ стараго закала, для котораго выше всего былъ Талмудъ, а вообще философскія идеи — бреднями. Хотя онъ на столько зналъ арабскій языкъ, что могъ излагать на немъ свои рѣшенія для общинъ въ мусульманскихъ странахъ, однако предпочиталъ еврейскій и арамейскій языки и не долюбивалъ арабской литературы. Авторская дѣятельность его ограничивалась однимъ лишь Талмудомъ и относящимся къ нему. Шерира написалъ талмудическое сочиненіе подъ заглавіемъ «Тайный свитокъ» (*Megillat Setarim*), которое однако не дошло до насъ³⁾. Онъ врядъ занимался экзегетикой и едва не осудилъ философскаго направленія Саадія⁴⁾. Но его нравственность заставляла забывать недостатки высшаго образованія. Какъ судья, онъ стремился къ обнаруженію истины и къ постановленію приговора согласно строгому понятію права. Какъ президентъ академіи, онъ неутомимо назидалъ близкія и дальнія общины и потому писалъ множество рѣшеній. Но въ этихъ рѣшеніяхъ Шерира съ бук-

1) Свѣдѣніе Авраама Ибнъ-Дауда о томъ, что Шерира прожилъ 100 лѣтъ, происходитъ, кажется, отъ ошибки въ оригиналѣ; ибо, если бы Шерира родился въ 898 г., то въ эпоху своего вступленія въ должность (968 г.) имѣлъ бы 70 лѣтъ; но чрезъ годъ послѣ его вступленія въ гаонскую должность родился у него сынъ Гаи. Невѣроятно, чтобы 70-лѣтній старецъ могъ зачать сына.

2) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

3) *Abuab* введеніе къ *Menorat ha-Maor*.

4) Видно изъ *Responsum* въ началѣ *Responsa Gaonim Schaage Zedek* и *Schaage Teschuba* № 187, приписываемомъ Шерирѣ и во всякомъ случаѣ сочиненномъ въ его духѣ.

важною точностью придерживался Талмуда и однажды порицалъ какого-то господина за то, что тотъ обучилъ своего молодаго раба библии и затѣмъ женилъ его на рабѣ съ соблюденіемъ церемоній, — что, по выраженію нѣкоторыхъ талмудическихъ учителей, подлежитъ наказанію. Хотя этотъ господинъ поступалъ съ своимъ рабомъ такъ хорошо, что нельзя было сомнѣваться въ его намѣреніи дать свободу этому невольнику, однако Шерира присудилъ раба съ его женою и дѣтьми къ вѣчной неволѣ¹⁾.

Шерира былъ также адептомъ того тайнаго ученія, которое въ его время имѣло еще мало послѣдователей. Свое мнѣніе объ этомъ ученіи онъ неясно высказалъ въ рѣшеніи противорѣчій, которое было предложено на его разсмотрѣніе нѣкоторыми учеными изъ Феца, а именно: между тѣмъ какъ Мишна налагаетъ наказаніе за всякое богословское изслѣдованіе и осуждаетъ того, кто не относится съ должнымъ почтеніемъ къ своему Творцу, въ мистическомъ сочиненіи (Шіуръ Комагъ, см. стр. 216) говорится отъ имени Р. Измаила, что Богъ имѣетъ человѣческіе члены исполинскихъ размѣровъ. Поэтому Фецанцы спрашивали Шериру, считаетъ ли онъ истиннымъ это сочиненіе, представляющее Бога въ тѣлесномъ видѣ. Шерира отвѣчалъ на это, что Р. Измаиль, безъ сомнѣнія, былъ творцемъ сказаннаго сочиненія, такъ какъ ни одинъ человѣкъ не могъ бы придумать ничего подобнаго. Однако не слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ приписываемые Богу человѣческіе органы, ибо въ основаніи этого представленія лежатъ столь глубокія тайны, что нельзя сообщать ихъ даже въ общихъ чертахъ всякому человѣку. Можно передавать эти тайны только тѣмъ людямъ, которые по чертамъ лица и по линіямъ руки окажутся достойными обладать тайнымъ ученіемъ. Этимъ обстоятельствомъ Шерира оправдывается въ томъ, что не можетъ войти въ подробное разсмотрѣніе предложеннаго вопроса²⁾.

¹⁾ Responsa Schaare Sedek, стр. 26b, № 29.

²⁾ Этотъ отвѣтъ Шериры находится въ Responsa Schaare Teschubah, № 122. С. Саксъ недавно его напечаталъ по испорченной рукописи (Tschija, стр. 41)

Шерира прославился своимъ посланіемъ, которое сдѣлалось главнымъ источникомъ для талмудической, послѣ-талмудической и гаонской исторіи. Иаковъ бенъ-Ниссимъ (Ибнъ-Шагинъ)¹⁾, ученикъ того самаго Хушіеля, который попалъ въ Африку (см. стр. 331) и насадилъ въ Каируанѣ талмудическую ученость, предложилъ Шерирѣ отъ имени каируанской общины интересный въ историческомъ отношеніи вопросъ: «Какимъ образомъ записаны содержащіяся въ Мишнѣ законоположенія? Если традиціи древни, то какъ случилось, что лишь новѣйшіе авторитеты изъ эпохи послѣ разрушенія храма прославились, какъ носители этихъ традицій? Въ какой послѣдовательности сложилась редакція Мишны?» Иаковъ спрашивалъ также о порядкѣ преемничества сабуреевъ и гаоновъ и о продолжительности правленія каждаго изъ нихъ. Шерира далъ удовлетворительный отвѣтъ (987) и ясно изложилъ полу-еврейскимъ, полу-халдейскимъ языкомъ поразительныя свѣдѣнія о темныхъ частяхъ еврейской исторіи. Преподанная имъ хроника сабуреевъ и гаоновъ служитъ указательницею для цѣлой исторіи эпохи. Шерира представляется въ этой исторической запискѣ истымъ лѣтописцемъ со всею его сухостью, истинностью и достовѣрностью. Не совсѣмъ безпристрастны только сужденія его объ экилархахъ бостанайской линіи и о нѣкоторыхъ современникахъ, именно, объ Ааронѣ Саргаду (стр. 319). Еврейская исторія обязана гаону Шерирѣ послѣдовательнымъ изложеніемъ отъ окончанія талмудической эпохи до его времени. Создать художественную исторію было не его дѣломъ, какъ и вообще средне-вѣковаго духа. На востокѣ и на западѣ, у Арабовъ, Испанцевъ, Германскихъ племенъ и Византійцевъ, живое бытописаніе превратилось въ сухое перечисленіе именъ и годовъ, и Шерира написалъ не хуже своихъ современниковъ.

и правильно доказалъ, что этотъ отвѣтъ былъ посланъ фецанской общинѣ (тамъ же, стр. 44 и слѣд.).

¹⁾ Фамилію Иакова бенъ-Ниссима Авраамъ Ибнъ-Даудъ называетъ Ибнъ-Шагинъ или Шагунъ; сравн. Рапонорта *Biographie des P'Nissim*, Замѣч. 2 и 6. Парижская и Россіева рукоиси называютъ ее бенъ-Юшиагъ, во введеніи въ историческому *Responsum* Шериры.

Онъ не могъ спасти отъ упадка пумбадитскую академію, не смотря на свою неутомимую дѣятельность въ качествѣ ея президента. Ревность къ изученію Талмуда и стремленіе къ наукѣ охладѣла уже въ вавилонскихъ странахъ. Академія была такъ бѣдна людьми, что Шерира былъ принуждѣнъ назначить главнымъ судьей (вторымъ по себѣ сановникомъ) своего шестнадцатилѣтняго сына Гаи. Уваженіе къ гаону исчезло. Нѣкоторые злонамѣренные люди представили тогдашнему калифу Алкадиру (997) жалобу на Шериру, содержаніе коей намъ неизвѣстно; вѣроятно, жаловались на строгое управленіе. Вслѣдствіе этого, сынъ и отецъ были посажены въ тюрьму, а все имущество ихъ разграблено, такъ что у нихъ не осталось никакихъ средствъ къ жизни. Однако по ходатайству одного уважаемаго лица они были выпущены изъ тюрьмы и могли занять свои прежнія должности¹⁾. Впрочемъ, Шерира вскорѣ отказался отъ своего сана, какъ говорятъ, по причинѣ глубокой старости, передалъ его своему сыну Гаи (998) и умеръ чрезъ два года (около 1000).

Его сынъ Гаи, хотя еще только тридцатилѣтній, пользовался такою любовью, что въ честь его прибавили, въ видѣ заключительнаго чтенія въ субботу, тотъ самый отрывокъ изъ Пятикнижія, въ которомъ Моисей испрашиваетъ себѣ у Бога достойнаго преемника, и вмѣсто обычныхъ мѣстъ изъ пророковъ читали повѣствованіе о помазаніи Давидомъ своего сына себѣ въ преемники. Въ заключеніе прибавляли слова: «И Гаи сидѣлъ на престолѣ своего отца, и царствованіе его было весьма крѣпко»²⁾.

Хроники того времени молчатъ о сирійскихъ, палестинскихъ и египетскихъ евреяхъ: они какъ будто умерли для исторической дѣятельности. Нѣсколько высокое политическое

¹⁾ Проф. Луццато письменно сообщилъ мнѣ весьма хорошую поправку непонятнаго мѣста у Авраама Ибнъ-Дауда относительно Шерири. Вмѣсто אחת בידו ונתלה ר' שרירא слѣдуетъ читать אחת בידו ר' ש... ונתלה ר' אשח. Фразеологія ב' נתלה или בידו часто встрѣчается у этого хронографа въ смыслѣ «опираться на кого-либо, пользоваться чьимъ-либо покровительствомъ». Я нахожу эту поправку и объясненіе вообще согласными съ здравымъ смысломъ.

²⁾ Abudirham, ed. Ven., стр. 70 с.

положеніе, которое занималъ одинъ сирійскій еврей въ царствованіе фатимидскаго калифа, было непродолжительно. Алацицъ, владычествовавшій только по имени надъ Палестиною и Сиріей, въ сущности же предоставившій власть многимъ авантюристамъ, которые овладѣли важными городами и цѣлыми округами, назначилъ правителями Сиріи одного еврея, по имени Манассію Ибнъ-Капру, и христіанина, по имени Изу (990). Оба правителя принялись замѣщать должности своими единовѣрцами и отгѣснять магометанъ ¹⁾. Это было въ духѣ калифа, ибо сирійскіе мусульмане, будучи приверженцами суннитскаго толка, враждебно относились къ фатимидской династіи, которая считала Али своимъ основателемъ и отвергала сунну (преданіе). Между тѣмъ еврейскія и христіанскія должностныя лица оказались виновными во многихъ притѣсненіяхъ и возбудили сильнѣйшее неудовольствіе въ магометанскомъ населеніи. Однако никто не осмѣливался громко жаловаться на любимцевъ калифа. Одна только бѣдная мусульманка имѣла для того достаточно мужества. Во время пребыванія Алацица въ Сиріи она написала на дощечкѣ: «Богомъ, который возвеличилъ власть христіанъ чрезъ Изу и власть евреевъ чрезъ Манасію Ибнъ-Капру, и унижилъ магометанъ, заклинаю тебя изслѣдовать ихъ притѣсненія», и бросила Алацицу эту дощечку. Удивленный калифъ отгѣшилъ обоимъ правителямъ отъ должности и заключилъ ихъ въ темницу.

Взоръ съ удовольствіемъ переносится отъ упадка, одеревенѣлости и внутренней дряхлости восточныхъ евреевъ на свѣжія и юныя общины, лежавшія на Гвадалквивирѣ и Гвадіанѣ. Силы, полныя юношескаго огня, развивались по сю и по ту сторону пролива (Andalus и Maghreb) и довели еврейскую культуру до такого цвѣтущаго состоянія, какого она еще не имѣла въ послѣ-библейскомъ времени. Въ еврейскихъ общинахъ Андалузійи мы замѣчаемъ истинное соревнованіе въ изученіи различныхъ отраслей науки, свѣжесть уче-

¹⁾ Bar-Hebraeus Chron. Syriacum, стр. 240.

ніа и преподаванія, стремленіе къ творчеству, плодомъ котораго были чудесныя созданія. Сѣмена, посѣянныя меценатомъ Хаадаи, талмудическою мудростію Вавилонянина Моисея и поэтическими и филологическими произведеніями бенъ - Сарука и бенъ-Лабрата, взощли превосходно и дали чудесный плодъ. Многостороннее знаніе считалось у испанскихъ евреевъ и андалузскихъ мусульманъ лучшимъ украшеніемъ мужа и приносило честь и богатство. Преемники Абдуль-Рахмана Великаго, слѣдуя его примѣру, назначали евреевъ, по причинѣ ихъ прозорливости и знанія, на государственныя должности, и евреи бывали агентами и министрами при магометанскихъ и христіанскихъ дворахъ Испаніи. Эти высокопоставленныя и избранныя лица брали себѣ за образецъ Хаадаи, содѣйствовали и поддерживали ученость и поэзію, а своею щедростію и великодушіемъ заставляли прощать себѣ высокое положеніе и богатство. Самое знаніе не было ни одностороннимъ, ни сухимъ, но питалось здоровыми соками и старалось быть удобоваримымъ. Образованные андалузскіе евреи говорили и писали на туземномъ языкѣ такъ же чисто и хорошо, какъ ихъ арабскіе сограждане, и послѣдніе гордились, если могли причислить еврейскихъ поэтовъ къ своимъ рядамъ. Если умственная дѣятельность андалузскихъ евреевъ распадалась на нѣсколько отраслей: на глубокое знаніе библіи (экзегетику и грамматику), изученіе Талмуда и философію съ поэзіей, то носители одной отрасли не считали другія отрасли чуждыми для себя. Преданные изученію Талмуда не оставались равнодушными ни къ знанію библіи, ни къ поэзіи, и если сами не были поэтами, то умѣли цѣнить ритмическія произведенія новоеврейской поэзіи. Философы равнымъ образомъ полагали свою гордость въ усвоеніи Талмуда, и равнины часто бывали въ то же время учителями философіи.

Однако искусство и знаніе не служили для испанскихъ евреевъ только украшеніемъ, но возвышали и облагораживали всю ихъ жизнь. Они были проникнуты тѣмъ высокимъ духомъ и идеальностію, которые не допускаютъ ничего низкаго и пошлаго. Важнѣйшіе мужи, которые вслѣдствіе своего

политическаго положенія или другихъ заслугъ стояли во главѣ всего испанскаго еврейства или отдѣльныхъ общинъ, представляли большею частью законченные характеры, полныя благородныхъ мыслей и нѣжныхъ чувствъ. Если они, подобно андалузскимъ арабамъ, отличались рыцарскимъ характеромъ, то превосходили послѣднихъ честностію и благородствомъ мыслей, которыя они все еще сохраняли въ то время, когда арабы уже выродились и опошлись. Подобно сосѣдямъ, они имѣли гордую идею о своей личности и выражали ее въ длиномъ рядѣ именъ; но въ основаніи этой гордости лежало глубокое нравственное чувство. Они питали родовитую гордость, и нѣкоторыя фамиліи, какъ Ибнъ-Езра, Алфахаръ, Алнаква, Ибнъ-Фальягъ, Ибнъ-Гіатъ, бенъ-Венисти; Ибнъ-Мигашъ, Абулафія и другія, составляли классъ благородныхъ. Но благородство происхожденія не служило для нихъ основаніемъ къ требованію какихъ либо преимуществъ, но скорѣе считалось обязательствомъ отличаться познаніями и благороднымъ образомъ мыслей и быть достойными предковъ. Испанскимъ евреямъ, въ цвѣтущее время, была присуща та степень образованія, къ которой стремятся лишь культурные народы новѣйшаго времени: всестороннее развитіе и твердость характера. Высшее образованіе просвѣтляло и идеализировало ихъ религіозную жизнь. Они любили свою вѣру со всею пылкостью убѣжденія и восторженности; каждое правило еврейства, предписанное библіей или преподанное Талмудомъ, было вообще для нихъ свято и ненаруσιμο; но при этомъ они были столь-же далеки отъ глупаго ханжества и безсмысленнаго изуверства. Хотя въ своихъ изслѣдованіяхъ они касались границы невѣрія, однако едва ли одинъ еврейско-испанскій мыслитель перешелъ чрезъ эту границу, и если каббалистическая мистика нашла себѣ доступъ къ ихъ сердцамъ, то это случилось по крайней мѣрѣ не въ цвѣтущее время. Неудивительно, что евреи въ некультурныхъ европейскихъ и не-европейскихъ странахъ, во Франціи, Германіи и Италіи, считали и чтили своихъ испанскихъ единовѣрцевъ, какъ высшихъ существъ. Благодаря высокому

положенію и личнымъ заслугамъ, они были главными носителями еврейской исторіи. Лежавшія внѣ Испаніи общины охотно признали за ними тѣ прерогативы, которыми прежде пользовались вавилонскія академіи. Кордова, Луцена, Гранада вскорѣ заняли мѣсто Суры и Пумбадиты.

Официальнымъ представителемъ еврейства въ Андалузіи былъ вышеупомянутый Р. Ханохъ (род. около 940, ум. 1014), который былъ преемникомъ своего отца въ званіи раввина. Съ нимъ равнялся въ знаніи Талмуда, но превосходилъ въ другихъ наукахъ, его соперникъ Іосифъ бенъ-Исаакъ Ибнъ-Абитуръ (Ибнъ-Сатанасъ или Сантасъ), происходившій отъ уважаемой андалузской фамиліи. Ибнъ-Абитуръ былъ стихотворцемъ¹⁾ и написалъ для дня отпущенія грѣховъ синагогальныя пьесы, которыя были приняты его земляками и вытѣснили древнія стихотворенія; но его стихи жестки, не гибки и совершенно лишены поэтической прелести. Онъ ничего не заимствовалъ у поэзіи Дунаша. Іосифъ Ибнъ-Абитуръ зналъ, кромѣ того, арабскій языкъ такъ хорошо, что могъ перевести на него Мишну²⁾. Калифъ Алгакемъ выразилъ желаніе имѣть въ переводѣ главную книгу еврейскаго преданія, и Ибнъ-Абитуръ исполнилъ это желаніе. Образованный и любившій науки калифъ имѣлъ при этомъ въ виду только пополнить Мишною свою значительную библіотеку, состоявшую изъ двадцати четырехъ томовъ. Однако отъ этого перевода не осталось никакихъ слѣдовъ, ибо преемникъ Алгакема, фанатическій мусульманинъ, уничтожилъ всѣ сочиненія, неимѣвшія арабскаго интереса, т. е., бѣльшую часть Алгакемовой библіотеки.— Кромѣ Р. Ханоха и Ибнъ-Абитура, жилъ тогда въ Беганнѣ (Рахено) близъ Алмаріи, еще одинъ знатокъ Талмуда, Самуиль га-Когенъ Ибнъ-Іосія изъ Феца. Представителями филологіи и еврейской поэзіи

1) Объ этой поэзіи сравн. Сакса: *Religiöse Poësie der Juden in Spanien*, стр. 248 и слѣд.; Kobez *Maasse Jede Gaonim*, II, 18, и слѣд., 87; *Landsgut, Amude Aboda*, 92 и слѣд.

2) Нѣкоторые ошибочно думаютъ, что Ибнъ-Абитуръ перевелъ весь Талмудъ на арабскій языкъ. Главный источникъ, Авр. Ибнъ-Даудъ, говоритъ только о шести порядкахъ scil. Мишны.

въ послѣ-хаздайское время были ученики Менагема и Дунаша, осыпавшіе другъ друга эпиграммами въ прозѣ и стихахъ (см. стр. 365); изъ нихъ Ибнъ-Гикатила предавался стихотворному искусству, а Іегуда Ибнъ-Даудъ содѣйствовалъ прогрессу еврейской грамматики. Послѣдній, имѣвшій длинное арабское имя: Абу-Захарія Яхья Хаюгъ, и принадлежавшій къ феанской фамиліи, впервые далъ еврейской филологіи твердое основаніе и признанъ первымъ ученымъ грамматикомъ. Хаюгъ первый призналъ, что еврейскій языкъ въ своей библейской формѣ представляетъ вообще трехгласные корни, и что многія согласные звуки (плавные, полугласные и удвоенные) выпали или слились и перепли въ гласные. Этимъ онъ объяснялъ строеніе слабыхъ корней и далъ возможность опредѣлять формы и ихъ переходы и примѣнять ихъ въ поэзіи. Этимъ Хаюгъ произвелъ полную реформу въ разработкѣ еврейскаго языка и привелъ въ порядокъ тотъ хаосъ, въ которомъ блуждали самъ Саадія, Менагемъ и Дунашъ. Свои основанія грамматики онъ изложилъ въ трехъ книгахъ ¹⁾: о полугласныхъ корняхъ (*Quiescentes, Nachim*), о корняхъ съ удвоенными согласными на концѣ (*Geminata, Kefulim*), и о знакахъ гласныхъ и тоническихъ. Хаюгъ, разсчитывая первоначально на своихъ земляковъ, написалъ свои грамматическія сочиненія на арабскомъ языкѣ. Поэтому они были неизвѣстны не-испанскимъ евреямъ, изъ числа которыхъ занимавшіеся филологіей придерживались несовершенной системы Менагема и Дунаша. Отъ произведеній поэтовъ того времени — трехъ, носившихъ имя Исаака: Ибнъ-Гикатилы, бенъ-Саула и Ибнъ-Халфона, — дошли до насъ лишь незначительные отрывки, по которымъ нельзя судить о достоинствѣ и недостаткахъ самихъ произведеній ²⁾. Эти три поэта давали размѣръ своимъ стихамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, и содѣйствовали введенію стихотворнаго раз-

¹⁾ Сравни. Ewald und Dukes Beiträge, Heft III, и Munk Notice sur Aboul-walid, стр. 64 и слѣд.

²⁾ Сравни., ради краткости, исчисленіе источниковъ у Dukes Nachal Kedumim, стр. 9, 10.

мѣра въ еврейскую поэзію и устраненію существовавшаго дотогѣ предубѣжденія противъ него. Другими отраслями знанія, кромѣ Талмуда и филологіи, мало занимались въ тотъ періодъ; для философіи умъ испанскихъ евреевъ еще не созрѣлъ. Астрономія, поскольку она необходима для опредѣленія еврейскихъ праздниковъ, имѣла своимъ представителемъ Гассана бенъ-Маръ-Гассана (Али?) изъ Кордовы, который принадлежалъ къ раввинату, имѣлъ титулъ дайна и написалъ сочиненіе о календарной астрономіи (971)¹), признанное впоследствии неудовлетворительнымъ.

Хотя Кордовскій раввинатъ былъ только почетною должностію, и занимавшій ее Р. Ханохъ, не смотря на свою недостаточность, не получалъ никакого содержанія отъ общины: однако по смерти Хаздаи возникли распри по поводу этого раввината²). Приверженцы Іосифа Ибнъ-Абитура, — къ числу которыхъ принадлежали члены многочисленнаго рода Ибнъ-Абитура и два придворные шелковые фабриканта, братья Ибнъ-Гау, — употребляли всѣ средства поставить своего протеже во главѣ общины. Но большая часть кордовской общины держала сторону Р. Ханоха. Споръ былъ такъ силенъ, что не могъ разрѣшиться мирнымъ путемъ. Обѣ партіи обратились къ калифу. Важнѣйшіе приверженцы Р. Ханоха, числомъ семьсотъ, ѣздили въ теченіе нѣсколькихъ дней сряду, въ нарядныхъ одеждахъ, съ развѣвающимися султанами, въ Аз-Зару, — резиденцію Алгакема, лежавшую недалеко отъ Кордовы, и ходатайствовали предъ калифомъ за своего раввина. Противная партія пополняла свою малочисленность большею ревностью. Алгакемъ рѣшилъ согласно желанію большинства и утвердилъ Р. Ханоха въ должности раввина. Но такъ какъ Ибнъ-Абитуръ не отказался отъ своихъ притязаній, то былъ отлученъ побѣдившею партіей. Однако же онъ продолжалъ питать надежду, обратился лично

¹) Авраама бенъ-Хія Sefer ha-Ibbur, II, 7, стр. 54; III, 5, стр. 95; Исаака Израели Jessod Olam (ed. Berlin, 1848), Т. II, стр. 286; Обади бенъ-Давида комментарий къ Маймонидову Kidusch ha-Chodesch, VII, 1.

²) Авраамъ Ибнъ-Даудъ; о хронологіи сравн. Загѣч. 21, I.

къ калифу, разсчитывая пріобрѣсть его благосклонность своими познаніями въ арабской литературѣ и сдѣланнымъ для него переводомъ Мишны, и такимъ образомъ добиться отъ него рѣшенія. Но Ибнъ-Абитуръ ошибся. Калифъ отвѣчалъ ему: «Если-бъ мои арабы опозорили меня такъ, какъ опозорила тебя кордовская община, то я оставилъ бы свои владѣнія. Я могу только посовѣтывать тебѣ уѣхать». Ибнъ-Абитуръ понялъ эти слова въ смыслѣ приказанія и уѣхалъ изъ Кордовы (около 975). Онъ никакъ не могъ совершенно оставить Испанію, ибо льстился надеждою, что его друзья постараются дать дѣлу болѣе благопріятный оборотъ. Поэтому онъ прожилъ нѣсколько времени въ значительномъ тогда портовомъ городѣ Беганнѣ и хотѣлъ вступить въ сношенія съ тамошнимъ раввиномъ, Самуиломъ га-Когеномъ, дабы сей послѣдній снялъ съ него отлученіе. Но га-Когенъ не допустилъ его къ себѣ, какъ отлученнаго. Тогда Ибнъ-Абитуръ написалъ къ нему на арамейскомъ языкѣ рѣзкое письмо, въ которомъ порицалъ его образъ дѣйствій. Самуиль оправдывался въ отвѣтномъ письмѣ, написанномъ также по-арамейски, хотя въ краткомъ, но твердомъ и рѣшительномъ тонѣ. Ибнъ-Абитуръ, видя, что не найдетъ себѣ приверженцевъ въ Испаніи, отправился моремъ въ Африку¹⁾, странствовалъ нѣсколько времени по Магребу, фатимидскому государству и, конечно, по Египту, не встрѣчая, повидимому, нигдѣ ласковаго пріема.

Между тѣмъ обстоятельства вдругъ приняли благопріятный для Ибнъ-Абитура оборотъ. Одинъ изъ его главныхъ приверженцевъ достигъ высокаго положенія и употребилъ свое вліянія въ пользу Ибнъ-Абитура. Этотъ приверженецъ былъ шелковый фабрикантъ Іаковъ Ибнъ-Гау, внезапное возвышеніе и паденіе котораго ясно говорятъ о произволѣ, который царствовалъ въ испанскомъ калифатѣ по смерти послѣдняго правосуднаго и образованнаго калифа Алгакема (976). Сынъ послѣдняго, по имени Гишамъ, слабый мальчикъ, былъ

1) Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

калифомъ только по имени, вся же власть находилась въ рукахъ Абуамарида Магомета Алмансура, предъ которымъ дрожали христіане въ сѣверо-испанскихъ горахъ и африканцы въ своихъ укрѣпленіяхъ. При этомъ магометанскомъ маіордомѣ, Іаковѣ Ибнѣ-Гау, сторонникѣ Ибнѣ-Абитура, достигъ нѣкоторой власти надъ еврейско-испанскими общинами. Своимъ возвышеніемъ онъ обязанъ былъ особенному случаю. Іаковъ Ибнѣ-Гау и его братъ поставляли ко двору драгоценныя шелковыя матеріи и знамена съ искусно вытканными арабскими изреченіями, эмблемами и украшеніями. Ихъ ткани возбуждали удивленіе и имѣли большой сбытъ. Имѣя по своимъ занятіямъ сношеніе съ Алмансуромъ, они нашли разъ на дворѣ его чертоговъ значительную денежную сумму, которую потеряли нѣкоторые, подвергшіеся наказанію, провинціалы.

Братья Ибнѣ-Гау рѣшили не воспользоваться найденными деньгами, но предложить ихъ въ даръ молодому калифу и Алмансуру, дабы склонить ихъ къ дѣлу своей партіи и добиться возвращенія отлученнаго и изгнаннаго Ибнѣ-Абитура. Намѣреніе ихъ увѣнчалось успѣхомъ. Алмансуръ назначилъ (985) старшаго брата, Іакова, княземъ и главнымъ судьей всѣхъ еврейскихъ общинъ въ предѣлахъ Андалузскаго калифата по сю и по ту сторону пролива, отъ Сегелмессы въ Африкѣ до Дуэро, пограничной рѣки между христіанскою и магометанскою Испаніей. Ему одному принадлежало право назначать судей и раввиновъ въ общины, опредѣлять и распредѣлять налоги, поступавшіе въ государственную казну и на удовлетвореніе общинныхъ потребностей. Алмансуръ окружилъ его также и внѣшнимъ блескомъ. Іаковъ Ибнѣ-Гау имѣлъ почетную свиту изъ восемнадцати пажей и ѣздилъ въ парадномъ экипажѣ. Кордовская община, годясь оказанными ея члену почестями, признала его своимъ главою, присягнула ему и дала право передавать санъ по наслѣдству потомкамъ¹⁾. Поэты воспѣли ему хвалу. Исаакъ Ибнѣ-Сауль превозносилъ его и сына его въ высокопар-

¹⁾ Тамъ же.

ныхъ стихахъ ¹⁾), какими нѣкогда былъ воспѣтъ Хаздан. Ибнъ-Гау былъ достоинъ воскуряемаго ему еишіама. Онъ былъ «отцемъ бѣдныхъ», которыхъ ежедневно питалъ за своимъ столомъ. Поэтому его называли также «расточителемъ гостепріимства» (Is'hab al-Ansal) ²⁾. Вѣроятно, онъ по примѣру Хаздан помогалъ поэтамъ и ученымъ.

Ибнъ-Гау, едва сдѣлавшись главою евреевъ въ Андалузскомъ калифатѣ, поспѣшилъ осуществить свое желаніе, ради котораго домогался милости двора. Онъ велѣлъ Р. Ханоху прекратить исполненіе обязанностей раввина и грозилъ, въ противномъ случаѣ, посадить его на корабль безъ руля и пустить въ море, т. е. отправить туда, откуда онъ явился. Затѣмъ Ибнъ-Гау распорядился призвать своего любимца, Ибнъ-Абитура, и облечь его въ санъ раввина. Но сперва надобно было отмѣнить отлученіе, для чего требовалось согласіе всей общины. Изъ уваженія къ сильному при дворѣ Ибнъ-Гау всѣ члены общины, даже его прежніе враги, подписали лестное письмо къ Ибнъ-Абитуру, который въ то время, безъ сомнѣнія, пребывалъ въ Африкѣ. Въ этомъ письмѣ приглашали его занять почетную должность въ Кордовѣ. Р. Ханохъ былъ низложенъ. Когда кордовская община и особенно друзья Ибнъ-Абитура приготовились достойно встрѣтить его, пришло письмо отъ него, которое сильно ихъ разочаровало. Онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ ихъ въ безсовѣстномъ обращеніи съ его противникомъ. Онъ чрезмѣрно восхвалялъ Р. Ханоха, говорилъ, что въ своихъ странствіяхъ не встрѣтилъ равнаго ему въ добродѣтели и благочестіи, и совѣтовалъ кордовской общинѣ пригласить его опять на прежнюю должность ³⁾.

Однако Ибнъ-Гау не могъ сохранить своего положенія. Благоволившій къ нему Алмансуръ не только низвергъ его,

¹⁾ Ибнъ-Ганахъ Rikmah ed. Kirchheim, стр. 122.

²⁾ Онъ же у Мунка Notice sur Aboulwalid, стр. 79, Замѣчан. и Авраама Ибнъ-Дауда.

³⁾ Авраамъ Ибнъ-Даудъ.

но и посадилъ въ тюрьму. Причины тому были честность и безкорыстіе Ибнъ-Гау. Регентъ (Наг'иб) полагалъ, что еврейскій князь употребить свою власть надъ общинами западнаго калифата для вымоганія денегъ и будетъ представлять ему богатые дары; но Ибнъ-Гау не утѣснялъ общинъ и потому не могъ удовлетворять корыстолюбія Алмансура. За это онъ и былъ лишень свободы (986). Ибнъ-Гау провелъ въ тюрьмѣ около года. Калифъ Гишамъ, не смотря на бдительный надзоръ и насильственное отчужденіе, увидѣлъ одинажды Ибнъ-Гау, освѣдомился о причинѣ его заключенія и, найдя ее ничтожною, приказалъ освободить. Гишамъ даже возвратилъ ему прежній санъ (987), вѣроятно, въ бытность Алмансура на войнѣ, — но такъ какъ Ибнъ-Гау не пользовался благоволеніемъ сего послѣдняго, то и не имѣлъ никакого значенія. Онъ нѣсколько лѣтъ отпралялъ должность главнаго судьи (до 900), въ теченіе которыхъ Р. Ханохъ оставался низложеннымъ. По смерти Ибнъ-Гау, одинъ изъ родственниковъ Р. Ханоха поспѣшилъ увѣдомить его объ этомъ, надѣясь тѣмъ обрадовать. Но благородный раввинъ горько оплакалъ смерть своего врага и говорилъ: «Кто теперь позаботится о многочисленныхъ бѣднякахъ, о которыхъ такъ пекся усопшій? Я не могу его замѣнить, потому что бѣденъ». Р. Ханохъ снова получилъ свою должность. Между тѣмъ Ибнъ-Абитуръ продолжалъ странствовать и прибылъ въ Пумбадиту, гдѣ гаономъ былъ Р. Гаи (1000). Онъ рассчитывалъ найти дружескій пріемъ у представителей вавилонской академіи, ибо предполагалъ, что Р. Гаи враждебно относится къ Р. Ханоху, такъ какъ основаніе Р. Моисеемъ и его сыномъ талмудической школы въ Кордовѣ отняло у академіи большіе доходы, приносимые ей богатыми и щедрыми испанскими общинами, и повело къ ея паденію. Но надежды Ибнъ-Абитура не сбылись. — Р. Гаи, стоявшій выше такого своекорыстнаго образа мыслей, далъ знать Ибнъ-Абитуру, что не можетъ принять его къ себѣ въ домъ, какъ отлученнаго. Не найдя и здѣсь пріюта, Ибнъ-Абитуръ отправился въ Да-

маскъ и тамъ скончался ¹⁾). Р. Ханохъ жилъ еще много лѣтъ по смерти своего противника и видѣлъ первое паденіе Кордовы и первое общее гоненіе, воздвигнутое на его единовѣрцевъ въ Германіи, Африкѣ и востокѣ. Обрушившаяся въ синагогѣ (въ Алмеріи) каѳедра, на которую онъ взошелъ въ послѣдній день Кущей (Сентябрь 1014) ²⁾, была причиною его смерти.

Состояніе евреевъ въ то время во Франціи и Германіи ясно доказываетъ, насколько уровень ихъ умственнаго развитія зависитъ отъ ихъ внѣшняго положенія. Во время слабаго правленія послѣднихъ Каролинговъ и при первыхъ Капетингахъ во Франціи, когда свѣтскіе и духовные вассалы были могущественнѣе короля, а также при саксонскихъ императорахъ, евреи были принижены въ политическомъ отношеніи и научная дѣятельность ихъ равнялась нулю. Каноническіе законы уже давно не допускали ихъ къ занятію должностей, да евреи и не заявляли никакихъ притязаній на почести и довольствовались бы предоставленіемъ имъ спокойствія, безопасности жизни и свободы вѣроисповѣданія; но спокойствіе ихъ не давало покоя представителямъ церкви и не приносило никакой выгоды могущественнымъ вельможамъ. Власть во французскихъ областяхъ находилась въ рукахъ бароновъ и духовенства. Короли были ограничены со всѣхъ сторонъ и не могли защитить евреевъ отъ произвола, хотя бы желали того и не подстрекались духовенствомъ ненавидѣть евреевъ. Если прежде только фанатическое духовенство пытало къ евреямъ религіозное предубѣжденіе, то ревность его мало-по-малу привила народу ненависть къ евреямъ, и народъ, грубый и невѣжественный, ослѣпленный и обезумѣвшій, рабъ суевѣрія, видѣлъ въ сынахъ Израйля проклятую Богомъ касту, не заслуживающую ни малѣйшаго состраданія. Евреямъ приписывали всевозможное колдовство, имѣвшее цѣлью причинить вредъ христіанамъ. Когда отъ тяжелой болѣзни умеръ (996) король Гуго Капетъ, коего лѣ-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Тамъ же.

чиль врачъ-еврей, тогда народъ рѣшилъ, что его умертвили евреи, и монахи-лѣтописцы занесли, какъ фактъ, въ свои хроники это ни на чемъ неоснованное мнѣніе ¹⁾). Хотя евреи владѣли полями и виноградниками ²⁾, но не имѣли личной безопасности, которая дается только гармоническимъ, строгимъ государственнымъ строемъ и господствомъ закона. Лиможскій епископъ приказалъ увѣщавать евреевъ мѣстной общины въ теченіе мѣсяца и доказывать имъ посредствомъ ветхаго завѣта мессіанство Іисуса. Тщетно; евреи остались глухи къ увѣщаніямъ, и только трое или четверо изъ нихъ приняли крещеніе. Остальные вмѣстѣ съ женами и дѣтьми были изгнаны изъ города, и нѣкоторые изъ нихъ съ отчаянія лишили себя жизни (1010) ³⁾.

На югѣ Франціи, въ Провансѣ и Лангедокѣ, гдѣ королевская власть не имѣла никакой силы, участь евреевъ еще болѣе зависѣла отъ прихоти и настроенія духа графовъ и виконтовъ. Въ одной мѣстности они владѣли поземельною собственностью и солеварнями и даже избирались въ балы; въ другой мѣстности они трактовались, какъ крѣпостные ⁴⁾. Главная община находилась въ Нарбоннѣ. Здѣсь со временъ Карла Великаго существовала школа, которая, кажется, принесла мало пользы, потому что лелѣяла и распространяла болѣе агадскую мистику, чѣмъ глубокое знаніе Талмуда. Вдругъ явился тамъ знатокъ Талмуда, воспитанникъ сурской академіи, Натанъ бенъ-Исаакъ Вавилонянинъ (около 950 г.; см. стр. 331), и пробудилъ въ южной Франціи живую ревность къ Талмуду. Натанъ составилъ родъ словаря (Aguch), съ цѣлью облегчить пониманіе трудныхъ и темныхъ мѣстъ Талмуда, и присоединилъ историческія свѣдѣнія о гаонатѣ и князьяхъ изгнанія ⁵⁾. Его историческіе рассказы изложены

¹⁾ Richeri historia у Pertz Monumenta Germaniae, II, 657.

²⁾ Bouquet recueil, XII, стр. 215.

³⁾ Ademar Cabanensis chronicon ad annum 1010, у Pertz Monum. German., VI, 137.

⁴⁾ Vaisette, Histoire de Languedoc, II, 381, 387, 442, Preuves 101, 214, 387; III, Preuves 49, 121, 137.

⁵⁾ Сравн. Загѣч. 21, II.

не сухимъ лѣтописнымъ слогомъ, но живымъ съ свѣжею окраскою. Вѣроятно, ученикомъ его былъ Р. Леонъ или Леонтинъ (Гегуда бенъ-Меиръ), который, не оставя никакихъ письменныхъ произведеній, считается первымъ основателемъ талмудическаго знанія, процвѣтавшаго потомъ во Франціи и Германіи. Его прославившійся ученикъ, Р. Гершомъ, сознавался, что своимъ знаніемъ и способомъ преподаванія обязанъ Р. Леону ¹⁾.

Хотя евреи въ Германіи не подвергались въ это время, въ правленіе саксонскихъ императоровъ, никакому угнетенію, но и не пользовались никакими льготами. Ленная система, сильно развившаяся въ Нѣмецкой имперіи, препятствовала имъ владѣть землею и ограничивала торговлю ихъ кругъ дѣятельности. Еврей и торговецъ были въ Германіи синонимами. Богатые вели денежные обороты, а бѣдные занимали деньги для торговли во время Кельнской ярмарки и, по возвращеніи, платили сравнительно малые проценты ²⁾. Нѣмецкіе императоры увеличили взимаемую съ евреевъ подать, которую ввели первые Каролинги въ видѣ регалии. Оттонъ Великій, желая дать средства къ содержанію ново-построенной въ Магдебургѣ церкви, подарилъ ей подать съ евреевъ и другихъ торговцевъ (965) ³⁾. Равнымъ образомъ Оттонъ II подарилъ, какъ выражается тогдашній куріальный слогъ, «Мерзебургскихъ евреевъ» мѣстному епископу (981) ⁴⁾. Въ свитѣ этого императора находился одинъ итальянскій еврей, Калонимось, который былъ нѣжно преданъ ему и, рискуя собственною жизнью, помогъ ему въ опасности. Калонимось сопровождалъ императора въ битвѣ съ Сарацинами и Греками при Базантелло (982). Когда палъ цвѣтъ нѣмецкаго рыцарства, и Оттонъ II лишился коня, тогда Ка-

¹⁾ Елеазара бенъ-Натана Eben ha-Ezer, 62 с., 116 с.; Responsa P. Меира Ротенбурга № 104.

²⁾ Raschi Pardes, 19 с.; Responsa Sichron Jehudah ed. Berlin, 1846, № 92, стр. 51 в. и слѣд.

³⁾ Leuber stapulae Saxonicae № 1291.

⁴⁾ Хроника Дитмара Мерзебургскаго, у Pertz Monum. German., V, 758.

лонимось отдать ему своего, дабы императоръ могъ спастись отъ преодолѣвавшаго врага; онъ не думалъ о своемъ спасеніи и тоскливо наблюдалъ, что будетъ съ любимымъ императоромъ. Благодаря полученному отъ Калонимоса коню, императоръ могъ добраться до берега и вступить на корабль ¹⁾. Но препрославленное правленіе Оттоновъ не побуждало подвластныхъ евреевъ выдти изъ низкаго положенія. Христіанскіе народы научились у арабовъ многому, но только не поощренію науки среди иновѣрцевъ. Поэтому евреи хотя и были вообще нравственнѣе, трезвѣе и трудолюбивѣе христіанскаго населенія, но не превосходили его образованностью. У нихъ не было ни одного своего значительнаго преподавателя Талмуда; такіе приходили къ нимъ изъ другой страны. Первымъ ихъ талмудическимъ авторитетомъ былъ Р. Гершомъ. Онъ съ братомъ своимъ, Р. Махиромъ, пересадилъ талмудическую ученость изъ южной Франціи на берега Рейна и поставилъ ее на такую высокую степень, на какой она никогда не находилась въ гаонскихъ школахъ.

Р. Гершомъ бенъ-Іегуда (род. около 960, ум. 1028) ²⁾, родился во Франціи ³⁾ (въ Мецѣ), учился у вышесказаннаго Р. Леона и, неизвѣстно по какой причинѣ, переселился

¹⁾ Тотъ-же III, 12 у Пертца 765. Источникъ ясно говоритъ, что Калонимось былъ другомъ императора и думалъ объ его спасеніи. Imperator effugiens—vidensque a longe navim, Salandriam nomine, Calonimi equo Judaei ad eam properavit, sed ea praeteriens suscipere hunc recusavit. Hic autem (imperator) lit-toris praesidia petens, invenit adhuc Judaeum stantem seniorisque dilecti eventum sollicitate aspectantem. Шаоссеръ извратилъ этотъ фавтъ (Т. VI, стр. 115), будто Калонимось единственно изъ расчетовъ принялъ императора на корабль.

²⁾ Сообщено по рукописямъ Гольдбергомъ въ Kerem chemed С. Сакса, VIII г., стр. 106.

³⁾ Французское происхожденіе Р. Гершомы доказывается французскими словами, которыя онъ употребляетъ въ своемъ комментарий. Сравн. отрывки изъ его комментарія къ трактату Ваба Ватра, сообщенные Луццато въ Orient. Litteraturbl. 1847 г., col. 564 и слѣд. Его братъ Махиръ также употребляетъ французскій языкъ; сравн. Рапопорта Biogr. des Nathan Romi, Замяч. 12.—Г. Рейфманъ неопровержимо доказалъ, что комментарий къ трактату Моед Катон, приписываемый Раши, принадлежитъ Р. Гершому (Frankels Monats-schrift, 1854 г., стр. 230 и слѣд.). И въ этомъ комментарий есть французскія фразы. Поэтому Цацуго совершенно основательно называетъ Р. Гершомы *французомъ въ Германіи*: צרפתי בארע אשכנז (ed. Filipowski, стр. 212).

въ Майнцѣ. Здѣсь онъ основалъ школу, которая вскорѣ привлекла многочисленныхъ учениковъ изъ Италіи и Германіи ¹⁾. Уваженіе къ Р. Гершому было такъ велико, что его называли «свѣточемъ разсѣянныхъ» (Maor ha-Galoh), но онъ смиренно сознавался, что всѣмъ знаніемъ обязанъ своему учителю. Онъ такъ ясно и понятно изъяснялъ Талмудъ своимъ ученикамъ, какъ едва ли кто до него. Придерживаясь того же метода, онъ написалъ комментарий къ Талмуду, даже къ такимъ трактатамъ, которые только имѣютъ чисто теоретическій интересъ. Р. Гершомъ былъ первымъ комментаторомъ многослойнаго Талмуда, и кому знакома трудность этой работы, тотъ знаетъ, сколько она требуетъ силъ, преданности и терпѣнія. Вскорѣ нѣмецкія, французскія и итальянскія общины признали его раввинскимъ авторитетомъ; ему предлагались на рѣшеніе вопросы, и онъ безсознательно соперничалъ съ послѣднимъ гаономъ, Р. Гаи, хотя съ покорностью ученика считалъ себя ниже его. Странное дѣло: самыя искренніе почитатели гаоната содѣйствовали къ его паденію. Написанный по-еврейски Р. Гершомомъ комментарий къ Талмуду далъ возможность обходиться безъ гаонской академіи, обратилъ ее въ священные останки и отдѣлилъ отъ нея нѣмецкія и сѣверо-французскія общины. Теперь каждый ученикъ могъ самостоятельно углубляться въ Талмудъ и не нуждался въ урокахъ вавилонскихъ учителей. Братъ Р. Гершома, Р. Махиръ, также составилъ пособіе къ разумѣнію Талмуда. Онъ написалъ подъ заглавіемъ «Alpha-Beta» словарь трудныхъ талмудическихъ и библейскихъ словъ и выраженій ²⁾.

Р. Гершомъ болѣе прославился своими «Распоряженіями» ³⁾,

¹⁾ Сравни. Responsum Раши, сообщ. Луцкато въ Ozar Neshmad, VI г., стр. 175.

²⁾ Часто цитуются Натаномъ Роми въ Арухѣ; сравни. его биограф., составленную Рапопортомъ, замѣч. 12.

³⁾ Критика не можетъ опредѣлить числа распоряженій Р. Гершома. Хотя въ концѣ Кольбо (№ 116) и въ концѣ Responsa Р. Меира Ротенбурга сказано въ надписи: Tekanot di R' Gershom, а равно въ одномъ рукописномъ махзорѣ въ Seminarbibliothek, относящемся къ 1391 г. (№ 40, л. 392); однако при болѣе внимательномъ разсматриваніи оказывается, что лишь немногія принадлежатъ Р. Гершому. Несомнѣнно ему принадлежитъ распоряженіе о двоеженствѣ (Res-

чѣмъ комментариемъ къ Талмуду. Первыя совершенствовали нравственность французскихъ и нѣмецкихъ евреевъ (Tekanot d. R'Gerschom). Между прочимъ онъ воспретилъ многоженство, бывшее въ обычаѣ также у европейскихъ евреевъ ¹⁾, и допускалъ его лишь въ крайней нуждѣ. Далѣе, онъ предписывалъ, чтобы жена давала согласіе на разводъ, тогда какъ по талмудическимъ правиламъ супругъ могъ дать ей противъ ея воли разводное письмо. Онъ строго внушалъ, чтобы передаватели писемъ не осмѣливались читать порученное имъ письмо, хотя бы оно было не запечатано. При тогдашнихъ средствахъ къ корреспонденціи, путешественники нерѣдко исполняли обязанность почты, и вышесказанное распоряженіе было весьма важно въ отношеніи многихъ житейскихъ интересовъ. Нарушители этого предписанія подвергались отлученію. Хотя это и другія распоряженія были сдѣланы безъ соблюденія синодальныхъ формальностей, и хотя виновникъ ихъ не имѣлъ оффиціального характера, однако нѣмецкія и французскія общины строго исполняли ихъ, какъ бы рѣшеніе синадріона: — такъ велико было уваженіе къ Р. Гершому.

Одновременно съ этимъ авторитетомъ нѣмецко-французскихъ общинъ жила въ Майнцѣ личность, заслуги которой доселѣ оставались неизвѣстными. Р. Симонъ ²⁾ бенъ-Исаакъ бенъ-Абунъ, происходившій изъ французской фамиліи (изъ le Mans?) обладалъ талмудическою ученостію и написалъ по этой части самостоятельное сочиненіе (Jessod). Далѣе, онъ былъ искуснымъ и плодовитымъ ново-еврейскимъ (литургическимъ) поэтомъ и сложилъ много литургическихъ стихотвореній, которыя написаны по образцамъ Калири и уподобляются имъ по жесткости, отсутствію прелести и по манерѣ дѣлать загадочные намеки на агадскую литературу. Симонъ

pons. Joseph Colon, № 101 конецъ, Кольбо вышепр. мѣсто) и Эстори Пархи Кафторъ с. 10; далѣе, о согласіи жены на разводъ (Ascheri responsa Kelal, 43, № 8).

¹⁾ Сравн. объ этомъ Tana de Be Eliah maj. с. 18 р. 51. Respons. Alfass, № 185, изъ чего видно, что двоеженство встрѣчалось въ Испаніи еще около 1100 года.

²⁾ Сравн. о немъ Замѣч. 22.

бень-Исаакъ былъ зажиточенъ и потому могъ предотвратить бурю, угрожавшую стереть нѣмецкихъ евреевъ съ лица земли.

Именно, одиннадцатое столѣтіе началось кровавымъ преслѣдованіемъ евреевъ въ Германіи ¹⁾, какого еще не бывало со времени поселенія іудеевъ въ нѣмецкой странѣ. Впрочемъ, виновникомъ его былъ не народъ, но Генрихъ II, послѣдній императоръ изъ саксонскаго дома Оттоновъ. Этотъ императоръ, находясь подъ вліяніемъ духовенства, былъ ханжей и преданъ церковнымъ интересамъ; его причислили къ лику святыхъ. Однако нельзя опредѣлить, что именно возстановило Генриха II противъ евреевъ. Быть можетъ, обращеніе одного духовнаго лица къ еврейству, занесенное въ лѣтописи нѣмецкими хроникерами, какъ бѣдственное событіе, возбудило императорскій гнѣвъ на евреевъ. Это духовное лицо, по имени Вецелинусъ, былъ капеланомъ герцога Конрада, родственника императору. Принявъ еврейство (1005), Вецелинусъ написалъ ругательное сочиненіе противъ своей прежней вѣры и употребилъ въ немъ такіа выраженія и слова, которыя свидѣтельствуютъ объ его ненависти къ христіанству и о грубомъ вкусѣ того времени. «Прочти, глупецъ», говоритъ отпавшій отъ христіанства капеланъ, обращаясь къ своимъ прежнимъ единовѣрцамъ, «прочти пророка Аввакума, который говоритъ: Я Богъ и не измѣняюсь. Если же Онъ, согласно вашей вѣрѣ, измѣнился и осѣнилъ жену, то гдѣ истина? Что отвѣтишь на это, животное!» Такимъ слогомъ написано ругательное сочиненіе Вецелинуса. Оно называетъ демонами чтимыхъ церковью святыхъ. Императоръ Генрихъ до такой степени разгнѣвался на отпаденіе капелана и на его ядовитое сочиненіе, что поручилъ одному изъ придворныхъ духовныхъ лицъ, Генриху, написать возраженіе, которое оказалось не менѣе грубымъ ²⁾.

Черезъ нѣсколько лѣтъ (1012) императоръ Генрихъ издалъ повелѣніе объ оставленіи евреями города Майнца ³⁾.

¹⁾ То же Замѣч.

²⁾ У Petz Monumenta II, 23; VI, 704, 720.

³⁾ Замѣч. 22.

Однако это было не простымъ изгнаніемъ, но клеймомъ за непринятіе христіанства, и простиралось не на одинъ Маинць, но, конечно, и на другія общины. Ибо поэтъ Симонъ бенъ-Исаакъ написалъ элегію на этотъ случай, какъ на кровавое преслѣдованіе, имѣвшее цѣлью истребить еврейскую религію въ сердцѣ ея исповѣдниковъ:

Изгнанные, блуждающіе, удрученные должны глотать свои слезы. Ихъ преслѣдуютъ, отталкиваютъ, мучаютъ, ввергаютъ въ темницу и разоряютъ. Поклонники безумія благоденствуютъ, глумятся въ вѣрпкихъ буграхъ надъ твоимъ агнцемъ, стригутъ его и тяжкимъ игомъ ослабляютъ его силы. «Перестаньте», говорятъ они, «избѣгать узъ; вы отвержены и осуждены на гибель». Такъ переносимъ мы ради тебя неслыханныя страданія, терпимъ наказанія, мученія и побои. Пусть молнія твоего меча приведетъ ихъ въ трепеть за злодѣянія, совершенныя надъ трупомъ твоего народа.

Въ другой покаянной молитвѣ тотъ же поэтъ описываетъ бѣдствія своего времени:

«Ты, Боже, сый отъ вѣка, зачѣмъ мы должны погибнуть въ удрученіи и скорби. Цѣлый день бьютъ насъ во имя Твое; мы преданы въ жертву жестокосердымъ господамъ, нашею кровью напоена земля».

А въ другомъ:

«Мои малютки похищены изъ моего жилища; ихъ бьютъ, толкаютъ, побиваютъ камнями. Къ прежнимъ бѣдствіямъ прибавляются новыя злодѣянія. Богѣ девятисотъ лѣтъ продолжается страданіе, оплакиваемое нами; они грабятъ лукаво и съ насиліемъ и не щадятъ никого»¹⁾.

И Р. Гершомъ, хотя совершенно лишенный поэтическаго дарованія, излилъ въ покаянныхъ стихотвореніяхъ²⁾ скорбь о жестокомъ гоненіи, которое воздвигъ Генрихъ II: «Презирающихъ Твой законъ Ты сдѣлалъ господами надъ Твоимъ бѣднымъ народомъ; они поклоняются изображеніямъ, дѣлу рукъ человѣческихъ, и хотятъ принудить насъ къ тому же». «Они силою принуждаютъ Твое наслѣдіе замѣнить Тебя рукотворнымъ богомъ». — «Они прельщаютъ не называть Тебя болѣе радостью и Господомъ и отвергнуть Твое слово. Если я говорю: да буду я далекъ отъ оставленія Щита моихъ

¹⁾ По переводу Цунца: Синагогальная поэзія, 175.

²⁾ O Selichot P. Гершома сравн. Ландсгута Amude Aboda, стр. 57.

отцовъ, то они острятъ зубы, протягиваютъ руку для грабежа, открываютъ уста для поношенія. Твоя община изгнана изъ ея мѣстопробыванія и родины; измученная и опозоренная, она возводитъ свои очи на Тебя».

Во время этого перваго преслѣдованія евреевъ въ Германіи, многіе, желая спасти свою жизнь или имущество, приняли христіанство; въ числѣ ихъ находился также родной сынъ Р. Гершомъ, огорчившій этимъ поступкомъ своего отца, но не утратившій его любви. Когда впослѣдствіи сынъ умеръ, исповѣдуя христіанство, тогда несчастный отецъ совершилъ всѣ печальныя церемоніи, какъ будто его сынъ остался вѣренъ религіи отцевъ. — Можно только гадательно сказать, какъ долго продолжалось преслѣдованіе: почти до зимы 1013 г. Ревности Р. Симона бенъ-Исаака удалось, конечно, посредствомъ значительныхъ денежныхъ суммъ, положить предѣлъ гоненію и получить дозволеніе общинѣ вновь поселиться въ Майнцѣ. Насильно окрещенные евреи возвратились въ нѣдра іудейства, и Р. Гершомъ защищалъ ихъ отъ нареканія, отлучая тѣхъ, которые ставили имъ въ укоръ временное отпаденіе. Благодарная община установила вѣчно воспоминать Р. Симона, поминая имя его каждую субботу въ синагогѣ: «что онъ много потрудился для общины, и что чрезъ него прекратилось преслѣдованіе». Майнцская община установила также помянуть по субботамъ Маръ-Соломона и его жену Рахиль, «купившихъ кладбище въ Майнцѣ и отвратившихъ гоненіе». Имя Р. Гершомъ было также увѣковѣчено ею за то, «что онъ своими распоряженіями просвѣтилъ очи разсѣянныхъ». Основанная Р. Гершомомъ школа въ Майнцѣ процвѣтала болѣе восьмидесяти лѣтъ и служила образовательнымъ учрежденіемъ для изучающихъ Талмудъ и для германскихъ, итальянскихъ и французскихъ раввиновъ.

Въ концѣ четвертаго столѣтія геджирь, въ то самое время, когда караимы ожидали мессіанскаго освобожденія¹⁾, вспыхнуло на Востокѣ и въ Египтѣ жестокое гоненіе на

¹⁾ Иефетъ бенъ-Али у Пинскера Likute, стр. 82.

евреевъ, которое было продолжительнѣе, чѣмъ въ Германіи. Германскихъ евреевъ мучили за то, что они не вѣровали въ Христа и святыхъ, а восточныхъ — за ихъ невѣріе въ Магомета и безгрѣшнаго имама, въ небеснаго вождя (Mahdi). Это гоненіе воздвигнуто безумнымъ египетскимъ калифомъ Гакимомъ, магометанскимъ Каіемъ Калигулой, считавшимъ себя за воплощеніе божескаго всемогущества и за дѣйствительнаго намѣстника божія. Гакимъ преслѣдовалъ всѣхъ сомнѣвавшихся въ его божественности, магометанъ, евреевъ, христіанъ, всѣхъ безъ различія. Сперва повелѣніе Гакима гласило, чтобы евреи его царства, не принимающіе шіитскаго исповѣданія, носили на шеѣ изображеніе теленка въ воспоминаніе златаго тельца, слитаго ихъ предками въ пустынѣ. Кромѣ того, они должны были отличаться внѣшностью отъ правовѣрныхъ, буквально исполняя для сего Омаровы постановленія. Нарушителямъ угрожала потеря имущества и ссылка (1008). Такое же распоряженіе было сдѣлано въ отношеніи христіанъ. Гакимъ, услышавъ, что евреи повиновались его повелѣнію и носили золотое изображеніе тельца, прибавилъ, чтобы они еще носили на шеѣ шести фунтовый деревянный обрубокъ, а на одеждѣ колокольчикъ, дабы издали возвѣщать о себѣ, какъ о невѣрныхъ (около 1010). Впослѣдствіи онъ приказалъ разрушить церкви и синагоги въ своемъ царствѣ и изгналъ христіанъ и евреевъ изъ страны (1014)¹⁾. Фатимидское царство занимало тогда обширное пространство. Оно обнимало Египетъ, сѣверную Африку (Африкія), Палестину и Сирію, и такъ какъ у Гакима были приверженцы въ Багдадскомъ калифатѣ, то для евреевъ осталось очень немного мѣстъ убѣжища. Поэтому многіе изъ нихъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ, приняли притворно исламъ²⁾. Но большинство выселилось туда, куда

1) Макриси у de-Sacy *Chrétomathie arabe* I, 97, и *Histoire des Druses*. Bar-Hebraeus *Chronicon Syriacum* 215 и слѣд. *Assemani bibliotheca Orientalis dissertatio de Syris nestorianis*, III, 2, стр. 101.

2) Саадія Ибнъ-Дананъ въ *Chemdah Genusah*, стр. 16. Замѣтка, вѣроятно, относится къ преслѣдованію Гакима.

привела ихъ судьба. Гоненіе продолжалось до тѣхъ поръ, пока сами магометане не озлобились на безумнаго калифа и не удушили его (1020).

Въ это же время пало и небольшое Хазарское царство, которое столь долго служило мѣстомъ убѣжища для преслѣдуемыхъ евреевъ. Хазары поселились на Таврическомъ полуостровѣ (Крымѣ) и жили тамъ подъ скипетромъ своего еврейскаго царя Давида. Ихъ прежняя страна была завоевана Русскими (стр. 354), предъ которыми трепетали тогда мелкіе народцы на Кавказѣ и по берегамъ Чернаго моря. Эти народцы старались приобрѣсть расположеніе русскихъ великихъ князей, какъ прежде заботились заслужить милость хазарскаго хагана. Поэтому, когда великій князь Владиміръ выразилъ желаніе замѣнить язычество какою-либо другою религіей, сосѣдніе государи поспѣшили отправить къ нему пословъ, съ цѣлью побудить его къ принятію ихъ вѣры. Пришли греческіе священники изъ Византіи, преданные католицизму болгары и, наконецъ, магометанскіе улемы изъ Багдада. Еврейско-хазарскій хаганъ Давидъ также не хотѣлъ упустить случая побудить Владиміра къ принятію еврейства. Въ Кіевъ пришли также и еврейскіе законоучители. Представители различныхъ вѣроисповѣданій употребили все свое краснорѣчіе, чтобы заинтересовать Русскихъ (986). Но Владиміръ, кажется, имѣлъ предубѣжденіе противъ еврейства, ибо исповѣдники сего послѣдняго были разсѣяны между другими народами. Напротивъ, онъ, по словамъ русскихъ лѣтописей, питалъ рѣшительную склонность къ греческой церкви. Поэтому, когда онъ сообщилъ боярамъ свое намѣреніе ввести въ Россіи греческое вѣроисповѣданіе, они отвѣтили ему: весьма естественно, что представители каждой вѣры хвалятъ ее, какъ самую лучшую; но чтобы убѣдиться въ превосходствѣ какой-либо религіи, слѣдуетъ отправить въ сосѣднія государства пословъ, дабы сіи послѣдніе могли на мѣстѣ узнать самолично лучшую религію. Этотъ совѣтъ поправился. Берега Чернаго моря были свидѣтелями необыкновеннаго зрѣлища, какъ русскіе варвары вышли изъ Кіева

отыскивать годную для себя религію. Вѣроятно, эти послы исправляли вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности соглядатаевъ. Они явились также и въ область еврейскаго хагана Давида, резиденція котораго называлась Сефарадъ (897)¹⁾. Но греческое исповѣданіе побѣдило еврейство, исламъ и римское католичество, потому что связь съ Византійскою имперіей представляла наибольшія выгоды для неокрѣпшаго еще русскаго могущества. Владиміръ и Русскіе приняли греческое вѣроисповѣданіе; великій князь вступилъ въ бракъ съ византійскою принцессой, и съ этого времени византійскій духъ сдѣлался преобладающимъ въ Россіи.

Еврейскій хаганъ Давидъ, послѣдній, о которомъ упоминается въ исторіи, былъ до того преданъ еврейству, что отправилъ посла въ Персію, центръ еврейской учености (въ томъ же году, въ которомъ русскіе послы пришли къ его двору), чтобы отыскать и приобрѣсть древніе свитки библии. Этотъ посоль, по имени Авраамъ бенъ - Симха, проѣхалъ чрезъ Исфаганъ въ Сузу и нашелъ тамъ рѣдкій свитокъ Өоры, который за свою древность такъ высоко цѣнился еврейско-сузскою общиною, что послѣдняя не хотѣла уступить его²⁾. — Недолго еврейство имѣло, хотя и ограниченную, политическую почву. Пробылъ послѣдній часъ еврейско-хазарскаго царства въ Тавридѣ. Одинъ изъ сыновей Владиміра, Мстиславъ, получившій въ удѣлъ отъ отца Тмутараканскую область (Матарху, Тамань), бросилъ завистливый взглядъ на противоположащій полуостровъ. Византійскій императоръ Василій II побуждалъ его завоевать этотъ полуостровъ и далъ вспомогательное войско. Русскіе, соединившись съ византійцами, побѣдили хазаръ. Хрисіанскій хаганъ Георгій Тсулу взять въ плѣнъ, а еврейскій хаганатъ, безъ сомнѣнія, уничтоженъ въ то же время (1016)³⁾. Еврейско-хазарскіе принцы бѣжали въ Испанію, и потомки ихъ, жившіе въ Толедо, занимались изученіемъ Талмуда⁴⁾.

1) Замѣч. 23.

2) То же Замѣч.

3) Cedrenus, *historiarum compendium*, II, 464.

4) Авраамъ Ибнъ-Даудъ; сравн. Замѣч. 23.

Впрочемъ, хазарскіе евреи еще долго держались на Таврическомъ полуостровѣ, перешедшемъ во власть грековъ, и составляли отдѣльную общину (Kehal Chazar¹⁾), рядомъ съ греческою (Kehal Gregas). Народы той страны давали имя хазаровъ евреямъ вообще и называли сихъ послѣднихъ гиссарамъ²⁾. Такъ какъ караимы были многочисленны въ Тавридѣ, то хазарскіе евреи мало по малу приняли караимство.— Въ концѣ одиннадцатаго вѣка уже существовала въ русской столицѣ, въ Кіевѣ, іудейская община, вѣроятно переселившаяся изъ Крыма, и жила въ отведенной для нея улицѣ. По всей вѣроятности, великій князь Святополкъ вызвалъ и покровительствовалъ евреевъ по причинѣ ихъ способности къ торговлѣ и промышленности, къ которымъ дикіе, воинственные Русскіе не имѣли никакой склонности³⁾. Однако нельзя опредѣлить, принадлежали-ль первыя въ Россіи еврейскія общины къ раввинизму или къ караимству.

Чѣмъ дальше распространялись караимы, тѣмъ болѣе приходили въ противорѣчіе съ своимъ основнымъ принципомъ и впадали въ большую безпомощность. Преимущественно два пункта приводили ихъ въ смущеніе: праздничный календарь и степени родства. Въ Палестинѣ, своемъ первоначальномъ мѣстопробываніи, они посредствомъ наблюденія опредѣляли новолуніе, високосные годы и праздники. Но жившія въ другихъ странахъ общины не имѣли никакихъ средствъ опредѣлять правильно время праздниковъ; поэтому, вавилонскія, восточныя и, безъ сомнѣнія, жившія еще сѣвернѣе караимскія общины были принуждены торжествовать праздники въ одинъ день съ своими противниками и даже допустить двудневное празднованіе. Одинъ изъ караимскихъ авторитетовъ того времени, шейхъ Абу-Гишамъ Леви Галови, сынъ Іефета (см. стр. 325), посовѣтовалъ отдаленнымъ общинамъ

¹⁾ Pinsker, Prospectus der Manuscripte der Odessaer Gesellschaft, стр. 7, 11, 14, 29.

²⁾ d'Hosson, Peuples du Caucase, въ концѣ.

³⁾ Исторія Госуд. Россійскаго, Карамзина, въ нѣмецкомъ переводѣ, II, 118. Strahl, Geschichte der Russischen Kirche, I, стр. 131.

отправлять двухдневное празднованіе, «ибо два дня лучше одного»¹⁾. По причинѣ этого возникъ даже расколъ въ караимствѣ, такъ какъ палестинскіе караимы отложились отъ восточныхъ²⁾. Брачущіеся тщетно обязывались въ день свадьбы соблюдать правила караимства и отправлять праздники согласно присылаемымъ изъ Палестины указаніямъ³⁾ Это стало невозможностью. Второй пунктъ, запрещеніе брака въ отдаленныхъ степеняхъ родства (см. стр. 228), чрезвычайно затруднялъ браки въ малолюдныхъ караимскихъ общинахъ, ибо члены общины невольно вступали въ родственныя между собою отношенія. Введенное Іосифомъ Роегъ облегченіе (см. стр. 293) не нашло себѣ сочувствія. Какъ Іефетъ бенъ-Али и Абулсари Сахаль, такъ точно и преемники ихъ упорно держались неподвижной системы передачи (Rikkub)⁴⁾.

Караимскими авторитетами въ концѣ десятаго и въ началѣ одиннадцатаго вѣка были Іосифъ бенъ-Іаковъ Алкаркасани и два сына Іефета, вышеупомянутый Леви Галеви и другой, по имени Саидъ. Всѣ они уклонились отъ философскаго изслѣдованія и не признавали его важности для религиозныхъ вопросовъ. Саидъ бенъ-Іефетъ отвергалъ даже установленное древними караимскими учителями правило разумномъ истолкованіи св. Писанія. Разумъ, по его мнѣнію, не могъ имѣть въ этомъ дѣлѣ никакого голоса, ибо воспрещаетъ многое дозволенное закономъ и разрѣшаетъ запрещенное симъ послѣднимъ⁵⁾. — Іосифъ Алкаркасани (970—1000) изъ Цирцезіума на Евфратѣ, жившій также въ Египтѣ и бывшій литургическимъ поэтомъ, составилъ комментарий къ Пятикнижію и написалъ книгу законовъ: «Корень вѣры» (S. Besechit, Ussul-al-Din). Въ отношеніи обрядовъ онъ былъ чрезвычайно строгъ. Онъ упорно держался системы отдаленныхъ

1) Леви Галеви, почитован. у Пинскера въ приложен. стр. 89 и слѣд., и Гадасси Eschkol № 187.

2) Леви Галеви, тамъ же.

3) Гадасси Eschkol ha-Kofer, № 10.

4) Сравн. о немъ у Пинскера, стр. 16, Замѣч.

5) Гадасси, тамъ же, № 168.

степеней родства и утверждалъ, что вкушеніе пищи, происшедшее вслѣдствіе религіознаго нарушенія, должно подлежать наказанію. Если кто, вопреки религіозному правилу, заколетъ въ одинъ и тотъ же день молодое животное и его мать, то мясо ихъ не можетъ служить въ пищу ¹⁾. — Сынъ Іефета, Леви Галеви, написалъ (1007) сочиненіе о религіозныхъ обязанностяхъ еврейства (*S. ha-Mizwot*), пополненное впослѣдствіи его братомъ, Саидомъ ²⁾. Многочисленныя сочиненія на эту тему, появившіяся со времени Анана, оказывались недостаточными, потому что съ каждымъ поколѣніемъ, даже съ каждымъ караимскимъ мудрецомъ, появлялись въ караимствѣ новыя колебанія и сомнѣнія. Абу-Гишамъ такъ же мало могъ помочь своимъ новымъ сочиненіемъ устраниенію главнаго зла, какъ и его предшественники и преемники. Онъ только сопоставлялъ различныя мнѣнія и склонялся на сторону то одного, то другаго. Караимство воплощаетъ жалкую картину увяданія до разцвѣта, талмудическое же еврейство, напротивъ, уподобляется старому стволу, который даетъ на вершинѣ свѣжую листву и благовонные цвѣтки, а внутри отлагаетъ новыя годовые слои. Изъ него развилась новая почка богатой, разнообразной эпохи, которая, хотя и носить осмѣиваемое многими названіе раввинской, оказывается однако блестящею и классическою. Солнце еврейской исторіи закатилась на востокъ, чтобы взойти болѣе лучезарнымъ на западѣ.

¹⁾ У Пинскера, стр. 85, 192, 200.

²⁾ Тамъ же, стр. 87 и слѣд., 182.

